
ВАЛЕНТИН
РЫБИН
ГОСУДАРИ
И КОЧЕВНИКИ
ПЕРЕЛОМ

ВАЛЕНТИН
РЫБИН

ГОСУДАРИ И КОЧЕВНИКИ

ПЕРЕЛОМ

РОМАНЫ

Москва
Советский писатель
1988

Художники
ЕВГЕНИЙ СОКОЛОВ
МИХАИЛ ГУРОВ

Рыбин В. Ф.

Р 93 Государи и кочевники. Перелом: Романы.— М.: Сов. писатель, 1988.— 576 с.

ISBN 5—265—00509—9

Валентин Рыбин — автор известных читателю исторических романов «Море согласия», «Государи и кочевники», «Перелом».

В настоящую книгу вошли два его романа: «Государи и кочевники» и «Перелом», объединенные общей темой. Исторической основой для написания романов послужили события второй половины XIX века, связанные с присоединением Туркмении к России.

Р $\frac{4702010200-267}{083(02)-88}$ 124—87 ББК 84 Р7

ГОСУДАРИ И КОЧЕВНИКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

14 мая 1835 года парусники «Св. Андрей», «Св. Николай» и «Астрахань» бросили якоря на мелководье у Бирючьей косы. В версте от стоянки виднелись скособоченные бараки карантина да калмыцкие кибитки. За ними — синеватая гладь волжской дельты.

Корабельщики после долгих странствий расснащали суда с особым рвением. Как ни говори, а возвратились в свои родные места.

Александр Герасимов, малого роста купчишка в белой рубахе и желтых хромовых сапогах, ходил по палубе, покрикивал на суетящихся музуров:

— Сети-то какого черта топчете! А ведро зачем на борт повесили?

Нервничал всякий раз при возвращении: не по душе была эта суета. А тут еще карантин. Нагнала астрабадская чума страху. Три года назад проползла она по южным берегам Каспия, но и по сей день ее страшатся. Таможенный лекарь только и смотрит: не завез ли кто заразу? Раньше положенного в Астрахань не попадешь. И все-таки радость была сильнее. Слава богу, избежали и бурь морских, и пуль азиатских. А рыбы и товаров привезли на полмиллиона рубликов.

Герасимов знал: через час-другой подплывет катер с чиновниками и лекарем, начнется привычная проверка. И он терпеливо ждал, поглядывая в сторону косы. Так оно и есть. От пристани отчалил восьмивесельный катерок, направился к бригу «Астрахань». Но что это! В катере полицейские! Герасимову стало не по себе. Выкинули трап, приняли блюстителей порядка на палубу. Среди них оказался и сам околоточный.

Купец залебезил:

— Доброго здоровьица, Дементий Иванович. С чем пожаловали-с?

— Документы! — отчужденно потребовал тот.

Герасимов, недоумевая, принес из каюты необходимые бумаги. Околоточный просмотрел их и, по-прежнему не признавая купца, словно увидел его впервые, сказал:

— Купец второй гильдии Александр Тимофеевич Герасимов, по высочайшему повелению вы арестованы.

— За что, ваше благородие?

— За дело-с! Господин урядник, проводи купца в катер и займись описанием всех наличностей!

Герасимова усадили между весельными. Околоточный устроился в носовой части. Удовлетворенный исполненным делом, он закурил, жадно затягиваясь, и закашлялся.

Катер даже не подошел к пристани. Проплыл мимо брандвахтенного военного брига и начал огибать Бирючью косу. Справа, далеко в море, сверкнул на солнце большим глазом четырехбугорный маяк. За косой потянулись Чадинские мели. Вода здесь была пресная, и росло в ней множество болотного разнотравья. Стайки диких уток то и дело взлетали с желтоватой, словно слюдяной, речной глади и, пролетев немного, снова ныряли в воду. Герасимов покачивал головой, вздыхал: никак не мог поверить, что его везут под стражей в Астрахань. Никогда еще ему не приходилось быть в столь унизительном положении. «Что же могло случиться?..— снова и снова спрашивал он себя и терзался всевозможными догадками.— То ли папаша проштрафился, то ли купец Мир-Багиров какую-нибудь напраслину возвел...»

К вечеру катер вошел в узкий волжский проток Маракушу. По горизонту в крупных кучевых облаках пылал закат. Герасимов подумал: где-то там Астрахань с золотыми куполами церквей, и его Дуняша с горничными на берегу белье полощет. Жалко себя стало до слез. Не утерпел, заговорил опять:

— Я ведь не оставлю так, ваше благородие! В Сенат пожалуюсь!

— Жалуйся, кто тебе не велит,— охотно поддакнул околоточный.— Да только, говорят, по приказу самого Сената и судить-то тебя будут. Вот ведь оно как!

В Астрахань приплыли в полночь. Вдоль кремлевской стены на столбах светились фонари. По берегу Волги тут и там лизали черноту ночи красные языки костров. Возле них сновали люди и слышались голоса. В отсветах огня виднелись силуэты расшив и лодок. С Кутума летел перезвон татарской гармошки. Когда проплывали мимо рыбного заводика, лабазов и прочих хозяйственных построек, околоточный крякнул, словно что-то у него застряло в горле, и назидательно сказал:

— Ты, Александр, на меня не серчай. Служба моя такая...

— Да чего уж там,— уныло отозвался купец.— Многого я от тебя и не прошу. Скажи хоть, за какие грехи?

— Вот дурья башка,— проворчал околоточный.— Если ты не знаешь — мне откудова знать? А если верить губернии, то сошелся ты с диким туземным людом и чуть было войну на матушку-Русь не накликал.

Следуя по затемненным улочкам мимо индийских караван-сараев, трое полицейских вывели Герасимова к тюремным воротам и сдали надзирателям. Не успел он сообразить, куда его дальше поведут, как оказался в одиночной камере с деревянными нарами и чугунной парашей в углу.

Каждое утро купец просыпался на стеганой замусоленной подстилке и сразу не мог понять — где он? Сознание, однако, властно напоминало ему о реальности окружающего, и сердцу становилось настолько тоскливо, что хотелось выть по-собачьи или биться головой о стенку. Он скрежетал зубами, стонал и тупо разглядывал на стене черные движущиеся точки. Потом звонили колокола церквей, в решетку над нарами заглядывал солнечный зайчик, камера освещалась, и черные точки оказывались клопами. Герасимов хватал сапог и принимался остервенело давить этих тварей. Стена покрывалась красно-черными пятнами, а камера заполнялась зловонием.

После колокольного боя где-то в глубине тюремного коридора начинала звякать жестяная посуда. Звяканье постепенно усиливалось, и купец соображал: это тачка с похлебкой приближается к его камере. И тут гремел замок, дверь отворялась, и надзиратель подавал кусок хлеба и миску с мучнистой жижей.

— Постой-ка! Послушай,— кидался к надзирателю Герасимов.— Отчего меня никто не вызывает? Ты подскажи там...

Надзиратель затворял дверь, вешал замок, и тележка двигалась дальше по коридору. Так проходили дни и недели. Был уже август, но никто ни разу не поинтересовался Герасимовым. Думки его витали вокруг родного подворья. Жаль, что папаша с Никитой и Мишкой в Нижнем все лето торгуют — знать не знают о его злой участи. А Дуняша... Разве она посмеет пойти к губернатору? А может, и ходила, да без толку. Бог знает, в чем его вина! Одно ясно — попал за связи с туркменами.

Со двора уже веяло осенней сыростью, и иногда слышался шорох дождя, когда по коридору прогремели подковы сапог, лязгнул замок и перед купцом предстал сам начальник тюрьмы.

— Собирайся, ваше степенство...

Герасимов поспешно натянул сапоги, застегнул воротник рубахи и зашагал по коридору к решетчатым воротцам, за которыми светился день. Тюремный начальник молча следовал за ним. Во дворе, окруженном высокими стенами и четырьмя вышками с часовыми, стоял небольшой каменный дом — служебное помещение. Герасимов поднялся по приступкам, вошел в коридорчик, озираясь: куда идти дальше.

— Сюда, сюда,— подсказал начальник, открывая обшитую кожей дверь.

Герасимов, переступая порог, встретился глазами с губернским прокурором, господином надворным советником Нефедьевым. Тот сидел за столом и перелистывал бумаги, но, как только отворилась дверь, поднял глаза и заулыбался:

— Проходите, садитесь... Давно вас жду. Не холодно вам в одной рубахе? Все-таки дождит на дворе. Нынче осень ранняя.

— Терпим, ваше высокоблагородие. Оно, конечно, прохладно, но где его взять, сюртучишко-то? За три месяца ни разу свидания с женой не дали и на допрос не вызвали. Не знаю даже, за какие такие грехи отсиживаю.

— Тяжкие грехи, Александр Тимофеевич! Губернское правление, посоветовавшись со мной, предписало отобрать у тебя рыбу и товары, а самого отдать под суд без всякого следствия и разбирательства! Вот такова, стало быть, ваша вина и ваш грех: дело, так сказать, государственной важности.

Обвиняют вас в том, что купили у туркмен рыбные култуки, кои находятся между Черной речкой и Белым бугром, и разбойников сих обязали ловить рыбу и приготовлять рыбий клей. Была такая сделка?

— Была-с, не отрицаю,— оживился Герасимов.— У меня на это контракты есть, талагами называются по-ихнему.

Прокурор перевернул несколько листков и остановил взгляд на документе, исписанном красными чернилами. К нему были приложены две печати и вместо росписей значились отпечатки пальцев.

— Вот один из ваших контрактов, или талага, как вы изволили выразиться,— сказал Нефедьев.— Контракты изъяли из ваших папок при обыске на корабле, они незаконны.

— Почему-с, смею спросить?

— А потому-с...— Прокурор усмехнулся и посмотрел на купца как на беспомощную букашку, которую он может раздавить, если пожелает.— Во-первых, кто вам дал разрешение на какие-либо контракты с туркменами? Во-вторых, туркмены — подданные шаха, и он, узнав о ваших контрактах, сильно возмутился. Государю нашему пожаловался. А его императорское величество мошенников не терпит.

— Ваше высокоблагородие! Спаситель вы мой,— просительно залепетал купец и опустился на колени.— Не дайте свершиться наказанию. Кто же их знал, этих туркмен, что они шахские! По неразумению я. Отведи беду — озолочу!

— Ну ладно, ладно. Встань с полу-то. Помолчи. Подумать надо. И не только обо мне. О нем в первую очередь!

Герасимов понял, что речь идет о генерал-губернаторе, и согласно закивал головой. Нефедьев же отвернулся от купца и стал смотреть в окно. Долго смотрел. Руки за спиной держал, пальцами похрустывал. Потом резко повернулся, сел за стол и решительно объявил:

— Дело, стало быть, уладим так. На контрактах твоих напишем, что они недействительны.— Прокурор взял туркменскую талагу и написал на ней: «Считать недействительной». Затем потянулся и взял чистую четвертушку листа.— А на этой бумаженции, купец, ты напишешь, что больше не выйдешь торговать с туркменами и откупать у них рыбные култуки не станешь! Эта подписка тебя и спасет. Глупый, мол, и малограмотный, в политике не смыслю. Поладим, надеюсь?

— Поладим, ваше высокоблагородие! — совсем воспрял духом Герасимов.

— А теперь ступай домой. И никому ни слова — где был, что видел, о чем говорил. Ступай... Жабров! — крикнул он и,

когда подскочил начальник тюрьмы, попросил: — Ты купцу одежонку подходящую подыщи. А то он в одной рубахе, а на улице мокро...

Прошло три месяца. Над Волгой разгуливали хлесткие осенние ветры. Дули попеременно: то из Оренбуржья, то из калмыцких степей. Черные обложные тучи сеяли дождь. И когда он переставал, по утрам землю сковывали заморозки, предвещая раннюю гололедицу.

Государева экспедиция высадилась на астраханской пристани в слякотную непогодь. Несколько грузовых судов, прибывших из Казани, сиротливо кланялись носами скользкому дощатому помосту и грязно-желтому продолговатому зданию вокзала. В промозглой сырости тускло светились купола кремлевских колоколен. По деревянным тротуарам вдоль немощеных улиц, словно напуганные, торопливо шагали горожане. На площади у пристани стояло несколько возков.

Уральские казаки в полушубках и круглых шапках, с шанцевым инструментом и ранцами за плечами, не задерживаясь, отправились к казармам, где им загодя отвели место для жилья. Офицеры и сам начальник ведомства Азиатского департамента, коллежский асессор Карелин сели в повозки.

— Стало быть, договорились: завтра я вас отпущу,— напомнил Карелин штабс-капитану Бларамбергу и велел кучеру ехать по набережной к кремлю, в купеческие кварталы.

— Герасимовых знаешь? — спросил он.

— Как не знать, вашескобродие! Большой душевности люди!

— Ну так вези...

Подворье Герасимовых находилось сразу за кремлем, в белом городе. Успенский собор золотыми главами с грозной благоговейностью нависал над двухэтажным домом купцов, давил своей тяжестью, и оттого дом выглядел ниже других, хотя состоял из множества комнат и хозяйских чуланов и не в пример иным халупам покрыт был крашенной в малиновый цвет жестью.

Александр Герасимов в сюртуке и фуражке вышел из ворот, с любопытством оглядывая коляску. Он знал, что со дня на день должен прикатить его давний знакомый путешественник Григорий Силыч Карелин, но не ведал, что гость объявится именно сегодня, потому и не встретил его на пристани. А как сказали слуги, дескать, господин важный в гости, то сразу догадался, о ком идет речь.

— Батюшки-светы! — радостно воскликнул он, увидев Карелина.— Не ждал-с, признаться, сегодня, не ждал-с... И не могли о дне приезда сообщить? Встретили бы по-царски. А то и стол не накрыт, и ром в погребу.

Карелин слез с подножки коляски. Он был выше купца на целую голову: в цилиндре, в суконном сюртуке, в брюках ду-

дочкой и туфлях петербургских, обрызганных здешней грязью. Глаза сердитые, но умные, прикрытые припухшими веками. Нос с горбинкой. Губы резко очерченные и подбородок с ямочкой. Неподступный с виду, но душой открыт. Герасимов полез с объятиями. Гость трижды чмокнул его, похлопал по плечу и хохотнул:

— Не подрос ты, однако, Саня, ни на дюйм. И дожди тебя поливают, и солнце пригревает, а все такой же.

— Мал золотник, да дорог; велик верблюд, да воду на нем возят!

— Это ты верно,— все так же смеясь, согласился Карелин.— Нынче вот сам государь в экспедицию снарядил.

Весело подтрунивая друг над другом, они прошли во двор, оттуда в гостиную, а затем поднялись на второй этаж в отведенную для Карелина комнату.

За обеденным столом гость сидел прямо; ловко управлялся ножом и вилкой, руки держал над столом изысканно, словно дирижер. Подбородок вскинут, поскольку жабо прикрыто белой жестко накрахмаленной салфеткой. Герасимов понимал, что Григорию Силычу неловко, но было приятно видеть этакую важную персону у себя в гостях. Он заглядывал Карелину в глаза и посмеивался в душе над своим смятением. И тут же вспомнил их путешествие четырехлетней давности на Тюб-Караган. Тогда Григорий Силыч, плавая на купеческом шкоуте, облюбовал каменистый мысок и обосновал на нем форт Ново-Александровский.

— В какую теперь экспедицию собираешься?

— На юг поплывем. Поглядим, как живут-могут туркмены иомудского племени.

— Разрешили тебе к туркменам плыть? Смотри! Нынче ведь все с ног на голову поставлено. Купечеству нашему строжайше воспрещено причаливать к туркменским берегам. На всех тумбах объявления расклеены, за нарушение приказа — под суд.

— Что-то не пойму, о каком запрете говоришь? Моя экспедиция — по государеву слову!

— А что тут понимать? — Купец тряхнул седеющей бородкой, раздвинул кружевные оконные занавески.— Вон погляди: весь астраханский флот зимует нынче на Волге. Кораблики, как собаки на привязи, торчат у своих дворов.

Карелин подошел к окну. Хозяин, пристроившись сбоку, размахивая рукой, указывал то вправо, то влево на свинцово-серую Волгу, где виднелись суда с убранными парусами.

— Энто вон шкоуты «Мариам» и «Эшрет» купца Зюльфарова, а энто корабль «Четыре Евангелиста» — Ивана Хлебникова, у Зурабова, вон, все суда на месте, у Кафтанникова... А мои кораблики на карантинном рейде, под арестом стоят.

— Под каким еще арестом? Что ты загадками изъясняешься?

— Да какие тут загадки, друг сердечный! Один Мир-Багиров по морю Каспийскому вольно плавает. Сам бог, сам царь, сам себе государь! По его подлейшему навету меня, считай, три месяца в тюрьме держали, всю рыбу пойманную отобрали. И подписку взяли, чтоб дальше Эмбы — ни шагу. И других о том же предупредили. Теперь-то понял?

— Не совсем. Не понял, на каком основании Багиров вольно по Каспию ходит, а остальные дома сидят.

— А на таком, что доказал он и правлению губернскому, и губернатору военному, и полномочному министру Персии, что туркмены есть подданные шаха, а следовательно, и все их водные уделы принадлежат шаху. Мир-Багиров купил рыбные култуки у шаха, вот и плавает спокойно, а у других никаких справок и бумаг нет. Смекнул?

— Красиво управляют астраханские господа.— Карелин невесело засмеялся, покачал головой и спросил: — А ты что же, смирился или жалобу подал?

— Что толку жаловаться! Утряс кое-как это дело. Жаль только туркмен. Рыбы они теперь мне наловили, ждут не дождутся моего приезда, а я — засел... Еле откупился.

— Откупился, значит, вину свою признал,— строго заговорил Карелин.— А вины твоей тут нет. Ну да ладно, я побеседую кое с кем. А сейчас хочу знать — в готовности ли твои парусники и повезешь ли ты мою экспедицию?

— Да говорю же тебе, арестованы все мои суда!

— Ерунда. Уладим. Загружай трюмы товарами: пойдешь со мной в плавание.

БЕДА РОДИТ БЕДУ

В холодный пасмурный день со стороны Атрека въехал в Кумыш-Тепе отряд туркменских всадников в белых колышущихся тельпеках. Седоки сдерживали коней, чтобы зря не выказывали свою красоту: все равно смотреть некому — люди попрятались в кибитки. Кони, однако, верные своей породе и норову, шли пританцовывая и высоко вскидывая гордые головы. Всадники ехали в два ряда, а между ними шествовал нарядно украшенный верблюд. На нем сидела в шубе, опушенной мехом, в высоком борыке, увешанном монистами, старшая жена Кият-хана. Рукавом пуренджика заслоняя лицо от ветра, она поглядывала на кибитки, которые с каждой минутой становились все ближе и ближе. Вскоре всадники поехали вдоль двух длинных рядов войлочных юрт, за которыми виднелись глиняные мазанки, загоны для скота, копны сухой колючки и хвороста. Слуга ханши, Султан-Баба, указал на кибитки Назар-Мергена.

— Хов, Кейик-ханым! Прикажешь останавливаться? Это и есть то самое место, куда едем.

Старуха кивнула и сощурила глаза, словно прицеливаясь.

А из ближних юрт уже выглядывали люди и выходили взглянуть: кто такой пожаловал в гости? Приподнялся килим[1] и у мергеновской кибитки. Девушка лет шестнадцати ахнула, прикрыла лицо рукой и убежала в другую, соседнюю юрту. Подслеповато разглядывая приезжих, вышла жена Назар-Мергена. А за ней — и он, двухметрового роста старик с седой окладистой бородой и крепкими белыми зубами. Он сразу смекнул, в чем дело, и лицо его засветилось от гордости. Приняв слова приветствия от гостей, он проводил джигитов к черным юртам, а старуху и ее слугу повел к себе. По обычаю, спросил о здоровье, о благополучии. И когда услышал, что все, слава аллаху, живы-здоровы и пребывают в счастливом покое, засмеялся:

— Ох и хитра ты, Кейик-ханым! Если твой очаг сыплет искры благополучия, то зачем навестила меня в такую ненастную погоду?

Хозяин вызывал на откровенный разговор. Да и к чему было хитрить, когда всего полмесяца назад приезжали к нему от этой ханши сваты. Торговались, охали, вздыхали, стыдили, услышав цену за его дочку-невесту: десять тысяч риалов. В тот раз так и уехали, ни о чем не договорившись. А теперь вот сама Кейик-ханым, мать жениха, наведалась. Любому понятно, зачем приехала. Нужны ли лишние слова? Однако Кейик-ханым не сразу завела речь о деле. Пожаловалась, покряхтывая:

— Этот русский купец что-то запаздывает. Говорят, уже льдины у Кулидарьи[2] плавают, а дальше, к Мангышлаку, везде сплошной лед. Если купец на днях не появится — значит, беда у него.

— Если купец к нам не приплывет, то у нас беды будет больше, чем у него самого,— поддержал охотно разговор Назар-Мерген.— Куда запасы рыбы денем? Вся пропадет. С плохим человеком связались туркмены. В прошлую пятницу Мир-Садыка видел. Говорит: «Зря завели торговлю с Санькой Герасимом. Скоро его с кишками съедят!» Видно, так оно и будет. Купца до сих пор нет, а рыба гнить начинает. Сколько убытков опять!

— Разве у нас меньше?! — подхватила старая ханша.— Не будь нужды, мои люди в прошлый раз не стали бы о цене говорить, хотя и назначил ты калым... не каждому по плечу.

Хозяин смерил гостью насмешливым взглядом и пожурил:

— Не для «каждого» я растил свое дитя, Кейик. И если ты причисляешь себя к «каждым», то в моем доме тебе делать нечего. Я хан — и я знаю цену моей дочери!

На другой день, перед отъездом домой, Кейик полюбовалась будущей невесткой. Зовут Хатиджой. Красивое имя.

---

[1] Килим — коврик, закрывающий дверь в юрту.
[2] Кулидарья — так называли туркмены Кара-Богаз-Гол.

И сама высокая, стройная, белолицая. Чайник поставила на сачак с завидным проворством, а перед отъездом приветливо сказала: «Счастливого вам пути». Кейик-ханым той же дорогой со своим слугой и всадниками возвратилась в Гасан-Кули. На душе светло, настроение хорошее, словно помолодела лет на тридцать и ее саму за молодого джигита отдают.

Слухи о скором свадебном тое расползлись по побережью. Узнали о предстоящем пиршестве в Кумыш-Тепе, Кара-Су, на Челекене, на Дардже, на Красной косе. Свои, гасанкулийцы, выходя утром из кибиток, смотрели в сторону порядка Кейик-ханым и ее сыновей. А там уже ямы рыли, где будут баранов резать, казаны чистили и свозили всевозможную посуду и утварь. Каждый день на задворках останавливались навьюченные верблюды.

Но не только о свадебном тое думали люди. Больше смотрели на море, в ожидании русских парусников.

Прошла неделя — и вот они появились.

Атрекцы бросились к берегу. От прибывших кораблей тем временем отделилась небольшая лодка, в ней несколько человек. Когда подплыла эта лодчонка ближе, все увидели в ней каджаров. Якши-Мамед от неожиданности растерялся, потеребил бородку, руки в бедра упер. И другие никак не могли понять, зачем пожаловали они. И понесся по толпе недобрый говорок: «Мир-Садык это... Сучий сын, Мир-Садык... Убить бы его мало, проклятье их роду...» Ропот нарастал, а каджары, нисколько не боясь, причалили к берегу и спрыгнули на хрупкую ракушку.

— Мир вам, добрые люди! — громко произнес Мир-Садык и свел на груди ладони.

Несколько туркмен вышли вперед, недружелюбно оглядели гостей. А Якши-Мамед сердито спросил:

— Говори, зачем приплыл?

— Не горячись, хан,— сухо отозвался Мир-Садык.— Вот, возьми свои талаги. Больше твоего купца здесь не будет. Астраханский губернатор посадил его в тюрьму. Талаги я тебе привез, чтобы выручить из беды. Знаю, рыба твоя гниет, икра портится. Подумай и, пока не поздно, вези рыбу Абу-Талибу, моему брату. Он возьмет за полцены...

— Собачья отрава! — процедил сквозь зубы Якши-Мамед.

Мир-Садык бросил талаги, повернулся и с достоинством направился к своей лодке. Остальные каджары поспешили за ним. В течение двух следующих дней от Чагылской косы к расшиве Мир-Багирова и обратно беспрестанно курсировали киржимы. Больше половины рыбаков сдали свой осенний улов. Один лишь Кадыр заупрямился. Ходил, грозил всем подряд, что придется отвечать перед Кият-ханом. Люди слушали его, разводили руками. Разве можно, мол, рисковать! И опять заговорили о предстоящем тое. И тут приехал Киятов слуга с поручением — доставить на Челекен его старшего сына...

Что поделаешь? Отец позвал — надо ехать. И Якши-Мамед велел поднять парус. Отчалили от берега утром, до первого намаза. Аллаху поклонились уже далеко в море. Когда повернулись к Мекке и стали на колени, атрекского селения не было видно, только дымок поднимался в небо да виднелись суда со спущенными парусами. «Кому молимся — аллаху или этому персу? — злобно подумал Якши-Мамед, произнося молитву.— Его поганые корабли заслонили Мекку. Не к добру это».

Ночью разыгрался шторм. Парусный кораблик словно щепку бросало с волны на волну и относило в море. Моряки надели кожаные штаны и зюйдвестки, купленные в прошлом году у купца Герасимова. Брызги волн веером рассыпались по палубе, били в лицо, но в этой морской одежде было гораздо легче. Султан-Баба, видавший и не такие штормы, предложил:

— Хан, а не свернуть ли нам к Огурджинскому? Зачем зря время и силы тратить? Остановимся у Креймира, обогреемся, отдохнем — как раз и море успокоится.

Рулевого поддержали сразу несколько человек, и Якши-Мамед не стал раздумывать.

— Давай, Султан-Баба,— согласился он.— Ты всегда у нас в опасную минуту бываешь мудрым! Направляй парус на Огурджинский. Заодно посмотрим, как живет Кеймир-хан!

Темная громада острова едва виднелась слева. Яркий огонек маячил и пропадал за гребнями волн. Сначала он больше напоминал звезду, но постепенно стал разрастаться, и все утвердились в мысли, что это не что иное, как чабанский костер. Легко было сказать «посмотрим, как живет Кеймир», но куда труднее причалить к острову. Огурджинский соприкасался с морем грядами высоких песчаных холмов. Подмытые волнами, холмы нависали над водой обрывами. К счастью, киржим довольно удачно пристал к берегу, прочертив по песку днищем. Тут же гасанкулийцы выкинули якорь, бросили петлю каната вверх на толстый коряжистый ствол саксаула. По канату же пришлось взбираться наверх, ибо рядом не было никакого пологого склона, по которому можно было бы подняться на остров. Огонек костра светился далеко, в северной части. Идти туда, бросив киржим, не было смысла, и моряки тотчас развели костер и начали сушить одежду. Согревшись у огня, Якши-Мамед все-таки решил навестить хозяев острова. Взяв с собой несколько рыбаков, он двинулся в путь.

Ночь уже шла на убыль. На фоне светлой полосы по горизонту начали проглядывать очертания острова. Всхолмленная равнина к северу возвышалась, а во впадинах поблескивали небольшие озера. Якши-Мамед знал — они соленые, пить из них воду нельзя. Единственный колодец с пресной водой находился на северном склоне. Там же стояли кибитки меджевура — хранителя могилы святого. Гасанкулийцы уже подходили к жилищам, когда около кибиток грянул выстрел и навстречу с лаем выскочило несколько собак. Якши-Мамед на всякий случай

выхватил пистолет, остальные обнажили сабли. Собаки здесь хуже волков: дикие, никого, кроме своих, не признают.

— Эй, убирайтесь, проклятые! — разнесся звонкий юношеский голос.

Якши-Мамед не понял, на кого кричит сын Кеймира: на собак или на появившихся из-за холма атрекцев. На всякий случай отозвался:

— Хов, Веллек! Да это я! Дядя Якши-Мамед, или не узнал, постреленок?

— Бай-бой! — обрадованно воскликнул юноша, подойдя ближе и вешая на плечо ружье.— Прости нас, хан, что не встретили как подобает.

— Ого, однако, ты учтив! — засмеялся Якши-Мамед.— А где отец?

— Там,— указал юноша на берег.— Лодку чинит.

От кибиток и от святого места — «кладбища Сеид Мерген», представлявшего собой небольшой двор, огороженный густыми кустами гребенщика, с боязливым любопытством приблизились в драных шубах и старых тельпеках туркмены. Позвали самого Кеймира. Он пришел с берега — высокорослый, в хивинской шубе и тельпеке. Поздоровавшись с Якши-Мамедом и другими атрекцами, хмуро сказал:

— А я думал, Веллек опять в звезды стреляет.

— В какие звезды? — полюбопытствовал гость.

— Вон в те,— показал на небо Кеймир и пояснил: — Ничего не могу с мальцом сделать! Говорю ему: каждая звезда величиной больше нашего острова, а он смеется и обманщиком меня считает. Я, говорит, уже штук сорок твоих звезд подстрелил. Попросил я тогда: «А ну-ка покажи, как ты их убиваешь?» Раз десять он в небо стрельнул, а на одиннадцатый — одна звезда в море упала. «Вот, говорит, а ты не верил. Конечно, трудно в них попадать, все-таки маленькие, но погоди — ни одной на небе не оставлю».

Приезжие разразились хохотом. Вдоволь насмеявшись, Якши-Мамед назидательно сказал:

— Кеймир-хан, я вижу, сын у тебя настырный, но стоило бы его к ишану отвезти. Пусть ума-разума наберется. Да ты и сам бы мог давно объяснить, для чего аллахом созданы звезды. По этим звездам умные люди гороскоп составляют, судьбу человеческую предсказывают.

Кеймир пригласил гостей в кибитку, разжег очаг. Скоро в юрте стало тепло. Жена хозяина, красавица персиянка Лейла, принесла полные горячие чайники. К чаю поспешили постоянные жители острова — беглецы с Челекена и богомольцы. Расселись в кибитке, у входа и на дворе. «Сколько же их? — с недоумением подумал Якши-Мамед.— И откуда они?» Кеймиру осторожно сказал:

— Вижу, Кеймир-джан, у тебя своя армия появилась. Стоило тебе стать ханом — и люди все к тебе. Откуда они?

Кеймир не ответил, заговорил о другом, сделал вид, что не слышал вопроса. Гость еще больше заинтересовался: «В самом деле, откуда столько народу? Чем они питаются? Не баранами же Кията! А может быть, за счет его овец и живут? На острове около тысячи баранов пасется!»

— Кеймир-хан, я спросил об этих людях, а ты мне не ответил...

— Якши-хан, разве сам не видишь, откуда они? Если б как следует пригляделся, то узнал бы. Вот Курбан, вот Меле, вот Аллаберды — все они челекенские. Все бежали от твоего отца. Кормит плохо, одежду совсем не дает, а работать заставляет как ишаков. Рано утром, еще затемно, люди на колодцы отправляются, а приходят домой глубокой ночью. Весь день черпают нефть и всегда виноваты: только и слышат: «Мало, мало, мало!» А в последнее время отец твой совсем грубым стал. Бьет батраков, в ямы сырые связанными бросает. Знаешь, почему оказался здесь вот этот? — Кеймир указал на юношу в отрепьях.— Его отец упал в нефтяной колодец, кое-как вытащили, отмыть хотели, к Кияту за мылом побежали... Не дал хан, сказал только: «Эти твари по земле не научились ходить в колодцы падают, а я о них должен заботиться!» Вот какой твой отец... Прости меня, Якши-хан, за правдивые слова. Народ бежит от него. И если он и дальше таким будет, то, боюсь, все батраки Челекена здесь, у меня, окажутся.

— Сколько их на острове? — после тяжкого молчания спросил Якши-Мамед.

— Много, Якши-хан... Человек сто будет, не меньше.

— Чем же кормятся они у тебя?

— Тем же, чем и я сам. Рыбы вокруг острова много, парусник мой в исправности. Кроме рыбы тюленей бьем, жир в Табаристан каджарам возим, шкуры на тулуны идут. Пока лодка есть — жить можно. А вообще-то бывают дни — и голодными люди сидят.

— А овцы? — вкрадчиво спросил хан.

— Об этом спроси чабанов, Якши-хан. Если скажут: «Кеймир берет»,— поступай со мной как хочешь.

— Да, Кеймир-хан, невеселые дела,— подытожил Якши-Мамед.— Отец мой действительно из ума начинает выживать. Люди бегут — это последнее дело для хозяина...

В полдень атрекцы попрощались с Кеймиром, сели в киржим и отправились на Челекен. День выдался погожий: волны почти улеглись, небо голубое, кое-где проглядывали белые как снег облака, горизонт просматривался во все четыре стороны. Час пути — и завиднелся остров Челекен — грузное серое чудовище, залегшее в синем море. В то время как Султан-Баба управлял парусом, а другие безмятежно спали, укрывшись чекменями, Якши-Мамед сидел полусогнувшись у борта и сосредоточенно смотрел на приближающийся остров. «Люди бегут,— думал он тоскливо.— Бегут и будут бежать, потому что

не в одном Кият-хане дело. Отец изо всех сил изворачивается, чтобы угодить русским, и притесняет своих же туркмен. Раньше пленные персы работали на нефтяных колодцах. Держали их на цепях. Теперь свои заменяют пленных. Русский царь дружит с шахом, и Кият, чтобы не прогневать царя Николая, боится держать у себя пленных. Чуть привезут захваченных каджаров — он их в Хиву продает или отправляет назад в Персию. А то, что своих в три погибели гнет, за это русский царь не побранит...» Якши-Мамед думал о том, что колодцы, которые отдал ему отец, мало пользы приносят, только бельмом для других в глазу торчат. Нефть Якши из них берет только летом, в хорошую погоду: приплывают к острову киржимы из Гасан-Кули, батраки наполняют черной жижей тулуны и везут к астрабадским берегам. В другое время из них черпает сам Кият или никто не пользуется: заметает их ветер песком. И когда приезжает снова Якши-Мамед, заставляет людей откапывать занесенные колодцы...

Челекен был уже отчетливо виден. Киржим шел вдоль обрывистого желтого берега, от которого тянулась поперек острова возвышенность Чохрак, и по обеим ее сторонам виднелись колодцы и работали батраки. На верблюдах, на арбах везли они тулуны к берегу, сваливали на песок, закрывали грязными промасленными войлоками и присыпали сверху песком, чтобы нефть случайно не загорелась. Весной приплывут парусники купца Мир-Багирова и увезут эту нефть к персидским берегам. На участке, где находились колодцы Якши-Мамеда, не было ни души. Якши-Мамед огорчился: «Видно, плохо идут торги, если даже отец из моих колодцев нефть не берет». Проплыв мимо аула Булат-хана и Мирриш-бая, киржим обогнул остров и зашел в Карагельский залив. На синей глади моря у возвышенного берега стояло с полсотни киржимов, а на пригорке — войлочные кибитки. Правее виднелись мечеть ишана Мамед-Тагана-кази и кладбище.

Увидев причаливающий к берегу киржим, жители спустились вниз: сначала кучка детей, затем женщины и несколько мужчин в черных тельпеках и длинных чекменях. Детвора, узнав, что приплыл Якши-Мамед, кинулась сообщить добрую весть хану и получить «бушлук» — подарок. Пока мореходы закрепляли киржим и опускали парус, из своей белой восьмикрылой кибитки вышел Кият. Щурясь, он поднес руку ко лбу и так стоял, высокий, сутулый с белой бородой и тяжелой тростью. Когда приезжие не спеша поднялись к ханскому подворью, патриарх приставил трость к териму юрты и степенно обнял и похлопал по плечам сына. Другим показал на соседнюю юрту, чтобы шли отдыхать и насытиться с дороги.

— Как доехал, сынок? — спросил он, пропуская Якши-Мамеда вперед себя в кибитку.

— Хорошо, отец. Ветром немного потрепало, но это не беда. Другой бедой хочу огорчить: пришлось отдать Санькину рыбу

Багир-беку за бесценок. Вот и талаги наши...— Он вынул из-под полы грузной хивинской шубы талаги, отдал отцу и принялся в подробностях рассказывать обо всем, что случилось.

Кият слушал внимательно и настороженно. Седые кустистые брови старца то надвигались на зеленоватые выцветшие глаза, то ползли на морщинистый лоб. Выслушав, он долго смотрел на ковер, в одну точку, наконец произнес:

— Нам давно известно, что Мир-Багиров персам служит. Разве ты забыл, кто натравил против меня астраханского губернатора?

— Помню, отец...

— Теперь многие царские перешли на сторону моего заклятого врага,— продолжал Кият-хан.— Баку — за него, Астрахань — за него, командующий Кавказа барон Розен тоже начинает юлить, а посол русский в Персии помогает Багир-беку торговать нашими богатствами. Но самое постыдное то, что и я преклоняюсь перед своим врагом. Как проживешь без него, сынок? Сам посуди: в Персию везти нефть опасно, шахские войска в Астрабаде стоят. В Энзели плавать русские не разрешают, говорят, подрываешь бакинскую торговлю. В Астрахань губернатор не пускает. Приходится за бесценок продавать нефть Багир-беку. А он везет ее в Энзели, будто бы это бакинская нефть, и никто его не трогает. Начальник морской охраны Басаргин тоже немало имеет от его барышей. Вот такие дела, сынок...

— Да, отец, туго нам стало жить.

— Много у меня врагов,— продолжал Кият.— Но это все — чужие. А вот когда свои начинают на руки персам воду лить — это совсем плохо...

— Кто же это? — Якши-Мамед побледнел, предчувствуя беду.

Хан недобро усмехнулся и отвел сощуренные глаза:

— Ты устал с дороги, сынок... Иди поужинай и поспи. Завтра поговорим.

Вместе они вышли и направились ко второй юрте, где на дворе стоял казан, охваченный снизу пламенем, и пахло вареной бараниной. Жена Кията, тридцатилетняя дородная иомудка Тувак, зардевшись, поздоровалась с гостем и принялась прикрикивать на старуху служанку:

— Поторапливайся, Бике... Разве не видишь — молодой хан с дороги?!

— Торопимся, ханым... Да только как нам стать горячее огня? Ради гостя я готова сама под котлом огнем стать.

— Как провели время в Тифлисе, ханым? — спросил приличия ради Якши-Мамед.

— Хорошо, можно сказать,— охотно ответила Тувак.— У генерала в гостях были, у других разных русских. А больше около сыночка Караша. Вий, беда мне с ним! — радостно при-

зналась она.— Совсем по-туркменски говорить разучился. Мы с ханом боимся, как бы совсем наш язык не забыл.

После сытного ужина спалось молодому хану тяжко. Утром вместе с отцом свершили намаз. Навестили ишана Мамед-Тагана-кази. Располневший и благообразный, он принял их в своей келье, поставил фарфоровый чайник и вазу с белыми мучными конфетами.

Якши-Мамед не сомневался, что разговор будет неприятным. Хозяева «ощупывали» его, словно голодные коты зачумленную мышь: съесть бы ее побыстрей, да как бы не отравиться. Мамед-Таган-кази первым, поборов нерешительность, «надавил на хрупкие косточки этой мыши».

— Десять лет сидели каджары смирно, словно привязанные псы, только облизывались, глядя на нас, а теперь вот опять... Говорят, восьмитысячный отряд Мирзы Максютли бесчинствует в Кара-Кала...

— Вини гургенцев, ишан,— отозвался Кият.— Это они пустили армию шахского детеныша к гокленам. Если своими силами не могли остановить каджаров, почему атрекцев на помощь не позвали? Якши-Мамед вот, слава аллаху, жив-здоров, постоял бы за своих!

Сын опустил глаза, и Кият-хан окинул его презрительным взглядом:

— Или тебе некогда такими пустяками заниматься? Девушкой занят?

— Кого сватает? — спросил простодушно ишан.

— Дочь Назар-Мергена приглядел,— ответил Кият.

— Ва алла! — воскликнул испуганно ишан.— Ты шутишь, Кият-ага?

— Не до шуток теперь... И не шутки ради хочу сказать: пока не поздно, Якши-Мамед, порви с ним всякие связи. Невесту мы тебе другую нашли!

Якши-Мамед нахмурился, лицо залилось краской негодования. Дитя свободных пустынь, он не выносил никакого насилия, даже деспотических приказов собственного отца.

— Не надо мне другой!

— Как так — не надо? — изумленно посмотрел на него Кият. Видно, старику и в голову никогда не приходило, что сын может ослушаться!

— Я сам себе волен выбирать жену.

— Аллах акбар! Что же такое делается на свете! — злобно проговорил Кият, потянулся за тростью и с силой ударил сына по спине.— Вот тебе воля! Вот тебе мое благословение!

Якши отпрянул к стенке, подставляя под удары руку. Распалившийся старик встал, еще раз замахнулся, но одумался: опустил трость, плюнул и вышел из кельи. Уходя сказал:

— Не отпущу тебя отсюда, пока не поклянешься на Коране верности нашему роду, пока не отречешься от этой змеи,

порожденной Назар-Мергеном! Прошу вас, ишан, вразумите мальчишку. Если не даст клятвы, заприте его и подержите три дня и три ночи без еды.

После ухода разгневанного старца в келье на некоторое время воцарилось молчание. Ишан сопел, поглядывая на гостя. Якши-Мамед покусывал губы.

— Сын мой,— начал было вразумлять молодого хана ишан, но тот оборвал его:

— Не будет по-вашему, ишан-ага!

— Ну тогда сам аллах бессилен чем-либо помочь вам. Оставайтесь здесь и подумайте три дня и три ночи...

Ишан удалился. За дверью лязгнул засов.

— Старые собаки! Разложившиеся трупы! — бросил вслед Якши и стал оглядывать келью. Ни окна, ни отверстия, через которое можно было бы уйти отсюда. Взгляд его случайно упал на собственный нож, лежавший на ковре. Якши-Мамед схватил его и взвесил на руке. Дальше он знал, что ему делать...

Ночью, сквозь сон, ишан слышал лай собак, но встать поленился. Утром слуги доложили: Якши-Мамед проделал в стене дыру, вылез, поднял парус и уплыл со своими людьми.

СТРАШНЫЙ ПОДАРОК

Ранней весной войско прибрежных туркмен заняло позиции в междуречье Атрека и Гургена. Ожидая, что принц Максютли на обратном пути непременно бросит каджарские батальоны на атрекские селения и прибалханские аулы, Кият распорядился: весь скот перегнать к подножию Балхан и не дать врагу выйти на побережье. Сам Кият вместе с женой, ишаном Мамед-Таганом-кази и сотней нукеров переехал на Дарджу, поселился в живописном предгорном местечке Чандык, около Ак-мечети.

Дни стояли погожие. В Балханском заливе стоял оглушительный птичий гомон: утки и розовые гуси собирались в дальние края — на север. Пора цветения джузгуна и яндака настраивала людей на добрый лад.

Престарелый Кият, не выходивший всю эту зиму из своей теплой юрты, обмяк душой и будто бы помолодел. Почти каждое утро вместе с Тувак-ханым садились они на коней и ехали в сопровождении джигитов к подножию гор полюбоваться яркими нарядами весны, насладиться благоуханием, а заодно посмотреть на отары и верблюдов. Завидев вдали чабанский шалаш, Кият-хан немедленно ехал к нему и, спешившись, приказывал напоить его свежим чалом. Иногда он сам или Тувак изъявляли желание отведать шашлыка. Тут приходили в восторг джигиты. Несколько молодцов скакали к отаре, выбирали двух-трех молоденьких баранов и приступали к делу. Кият возвращался из таких поездок довольным, хотя и жаловался то на боль в пояснице, то на ломоту в суставах. После поездок приходил Мамед-Таган-кази. Сидели на ковре, беседовали о де-

лах, обменивались новостями. Ишан, с явной неохотой, сообщил однажды о свадьбе Якши-Мамеда. Дескать, человек, приехавший с Атрека, был на тое и в числе знатных гостей видел заклятых врагов Кията, гургенских ханов.

После этого разговора хан вернулся в кибитку жены злой и подавленный. Сославшись на боль в пояснице, он снял с себя халат, рубаху и лег на ковер, вверх спиной. Тувак, успокаивая мужа ласковыми словами, принялась натирать его старую жилистую спину мазью. Хан не хотел выдавать истинной причины своего недомогания, но грудь его распирало от тоскливой боли, и он, охая под ловкими сильными руками Тувак, сказал:

— На Атреке той был... Сын растоптал мою отцовскую волю...

Тувак от неожиданности отпрянула и тут же легла на бок, заглядывая мужу в глаза:

— Такая новость, мой хан, и ты до сих пор молчал!

— Плохую новость сразу не скажешь — язык не подчиняется,— со вздохом отозвался Кият.

Однако Тувак не очень-то огорчилась. Сердце ее не кольнула игла обиды, скорее она почувствовала зависть. Представив себе влюбленных, тяжко вздохнула и коснулась пальцами бритой головы мужа:

— Хан, а почему ты боишься родства с Назар-Мергеном? Почему ты думаешь, что он перетянет твоего сына на свою сторону? Может, наоборот?

— О чем говоришь, Тувак-ханым! Разве я не знаю своего сына? Он смел в своих поступках, но слишком горяч и легко поддается соблазнам. Якши-Мамед не успеет и оглянуться, как окажется в стане персов.

— Нет, по-моему, он не такой. Ты плохо его знаешь, хан.

— А тебе его откуда знать? — Кият привстал в ковра, с неприязнью взглянул на жену.

— Женщина о мужчине знает всегда больше, чем мужчина о мужчине,— спокойно, с некоторым вызовом ответила она.

Кият поморщился, сузил глаза:

— Ханым, не надо злить меня... Я и без того сегодня злой...

— Ах, вот оно как! Вот какая твоя любовь ко мне! — Тувак передернула плечами и вышла из юрты.

— Ханым, вернись! — властно крикнул Кият.— Вернись... Поговорим спокойно...

Тувак возвратилась.

— Значит, ты считаешь, что я зря?..

— Да. Я считаю, что ты зря обижаешь старшего сына,— довольная своей победой, ответила Тувак.

— Что же прикажешь делать?

— Хан,— усмехнулась она,— даже волки и те не только бьют своих детенышей, но и учат хитрости и уму. Отгони от себя гордыню и поучи сына, как ему жить с ее отцом и всеми его родственниками...

— Ты, как всегда, мудра, моя газель,— скупо улыбнулся Кият, а про себя подумал: «Плохо дело, если жена не велела». У него не было и тени сомнения в своей правоте. В мире, конечно, много хитрости, но не хитрость и козни движут мир. Есть в жизни закономерности, против которых бессильны любые измышления. Коснулись они и его. Дети Кията давно уже зажили самостоятельно и теперь, окрепнув, словно молодые львы, заявляют о себе. А участь Кията — участь старого льва, которому придется вобрать затупившиеся когти, щелкать стертыми клыками и уйти в обитель черных теней. Не ему одному уготована такая участь. Были люди познатнее и посильнее его. Фетх-Али-шах — царь царей и тот тихо и безропотно испустил дух на руках у любимой жены Таджи Доулат, а трон его захватил один из внуков, Мухаммед, сын недавно умершего Абасс-Мирзы. И разве не закономерно то, что молодой Мухаммед-шах заявил о себе на весь мир тем, что выколол глаза своему родному брату Хасану Али, домогавшемуся шахского престола. Затем он усмирил и других претендентов, обложив все провинции новыми налогами. И тогда вторгся в пределы Туркмении, на благодатные земли гоклен...

Кият не раз вспоминал об этом кровожадном «молодом льве». Русские не зря говорят: «Аппетит приходит во время еды». И сейчас, подумав о шахе, с неприязнью решил: «Мухаммед не упустит случая, обязательно заглянет к иомудам». Ему вдруг захотелось сесть в седло и немедленно отправиться в междуречье, посмотреть на свои войска. Там бы он распорядился... Он представил себя возле стоящего с опущенной головой Якши-Мамеда и едва не выругался вслух: «Шайтан, я тебе покажу гургенских красавиц!»

— Хан,— прервала его мысли Тувак,— люди говорят, эта молодка Хатиджа умеет читать и писать. Врут, наверное?

— Тьфу, проклятье ее роду! — опять разъярился Кият.— Разве приличествует женщине читать? Шайтан сидит в ее теле, шайтан движет ее языком, руками и ногами. Тьфу!

Тувак принялась смеяться и злословить и, кажется, развеселила старого хана. Весь вечер он качал головой и злорадно посмеивался. А на другой день замкнулся в себе, сделался угрюмым и все посматривал на север, откуда прибывали отары и каждую минуту могли появиться гонцы со страшной вестью: «Каджары напали на нас!»

Кият провел в разъездах по Дардже и в ожидании новостей с Атрека еще несколько дней. Гонцов не дождались. Прибыли нежданные гости. В пятницу, когда над Балханами высвечивали молнии и гремел гром, что бывало здесь редко даже весной, со стороны гор появился небольшой отряд всадников. Кият послал нукеров встретить неизвестных гостей, и вскоре к Акмечети подъехал на черном коне Алты-хан — предводитель одного из гокленских родов. Кият знал его и помнил как человека веселого и задиристого. Но сейчас на лице Алты-хана

лежал след чрезмерной усталости: глаза ввалились, щеки запали. И когда он улыбнулся, то улыбка его показалась Кияту болезненной и жесткой. Да и слова приветствия и благополучия звучали фальшиво, ибо о каком благополучии могла быть речь, если каджары огню и мечу предали Кара-Кала!

— С помощью всевышнего мне удалось через Бендесен вывести моих джигитов,— сказал Алты-хан, входя в кибитку и усаживаясь на ковер.— Каджары по всему ущелью поставили заслоны, никак не прорваться. Теперь мы вышли, и крылья наши свободны. Около шестисот джигитов отправились на Атрек, а я повернул к тебе, Кият-ага. Знаю, без твоего повеления иомуды первыми не нападут.

Кият-хан спокойно, не шевельнув бровью, выслушал приезжего и, когда тот потянулся к чайнику и наполнил пиалу, сказал:

— Мир так устроен, Алты: если ты решил о себе сказать: «Я хозяин», то должен быть сильнее своего соседа. А вы, гоклены, совсем забыли, что по соседству с вами ядовитый змееныш — внук Фетх-Али-шаха. Наверно, вы подумали — он не придет к своим подданным?

Последними словами Кият напомнил гостю, что четыре года назад, когда каджары вторглись в гокленские земли, некоторые ханы в страхе за свою жизнь не оказали сопротивления и подписали фирман о подданстве. Затем, когда умерли Аббас-Мирза, возглавлявший поход на гоклен, и старый шах Фетх-Али, гоклены осмелели и стали выходить из повиновения. Ханы, подписавшие фирман, были отстранены: их место заняли другие. В числе последних был и Алты-хан. Сейчас, выслушав справедливый упрек от патриарха иомудов, он сказал:

— Кият-ага, персидское подданство целиком на совести тех ханов, которых нет теперь в живых. А мы не клялись шаху и не хотим служить каджарам.

Кият негромко засмеялся:

— Служить не хотите, но и выстоять перед ними не можете.

— Да, это так, Кият-ага. Гоклены пока малосильны.

— А почему вы сразу не позвали на помощь? Вы вспомнили обо мне, когда вам стало больно от мечей и страшно от текущей крови!

— Мы хотим сами справиться со своей бедой, но зачем сейчас об этом говорить? — взмолился Алты-хан.— Кият-ага, скажи своим джигитам — и они разгромят войско Максютли. Потеряешь время — сам в беде окажешься. Максютли подумает: «Кият гокленам не помог, значит, сил мало. А если у него сил мало, значит, и его аулы можно сжечь!»

— Ну, ну, не пугай,— добродушно возразил Кият-хан, понимая, что Алты прав.— Ладно, сердар, не отчаивайся. Конечно, прогнать каджаров — наше общее дело. Ты отправляйся на Атрек и жди моего слова.

— Хан, не медли,— взмолился Алты-хан.

— Я не бросаю слов на ветер,— строго отозвался старик и поднялся с ковра.— Завтра, следом за тобой, выедут к Махтумкули-хану мои нукеры. Они отвезут мой фирман, чтобы иомуды напали на каджарский лагерь. Аминь.

Отряд гокленов покинул Дарджу вечером. Утром, с приказом патриарха, пустились в путь нукеры. И едва они скрылись за горами, оставив за собой облачко пыли, приехали люди с Челекена. Слуга хана, Атеке, опередив остальных приезжих, кинулся бегом к белой юрте. Увидев возле тамдыра служанок и среди них старую Бике, заговорил быстро и сбивчиво:

— Бике-эдже, быть мне пылью у твоих ног, буди скорей хана! Разговор у меня к нему.

Старуха свысока оглядела тщедушного Атеке, однако поняла, что он привез важные вести. Бике-эдже несмело заглянула в кибитку, вполголоса окликнула ханшу. Тувак, заспанная и непричесанная, отодвинула килим, увидела мужчин и вновь спряталась в юрту. Спустя некоторое время она вышла, щурясь от светлого апрельского утра и разглядывая тех, кто посмел потревожить ее в столь ранний час.

— Ты, Атеке? — то ли спросила, то ли удивилась Тувак.— Какие новости привез?

— Ханым, позволь мне увидеть самого... Вести хорошие...

— Да говори же! — повысила голос Тувак.— Или ты перестал узнавать свою госпожу?

— Ах, ханым,— подобострастно заговорил слуга.— Кто еще преданнее меня служит вам! Волею Булат-хана сообщаю, да и собственными глазами видел: русские корабли приплыли...

— Вий! — радостно вскрикнула женщина и, придерживая подол малиного кетени, метнулась в юрту.

Кият вышел настороженный, но довольный.

— Входи, Атеке, чего стоишь? Мой дом для тебя всегда открыт. Входи же.

Тувак на радостях сама взялась вскипятить чай. Очаг разожгла, кумган с водой на огонь поставила. Входить в юрту при госте и слушать, о чем там говорят, она сочла неприличным. Но любопытство ее было столь велико, что Тувак то и дело подходила к кибитке и тихонько, будто невзначай, отодвигала килим. Атеке сидел на пятках и, рассказывая, все время вставал на колени:

— Два Санькиных корабля приплыли. Письмо Булату передали, сказали ему, чтобы тебе отвез. А Булат меня сюда послал. Говорит, через три дня из Баку человек ак-падишаха приплывет, пусть Кият-ага побыстрее приедет!..

— Хорошие вести, Атеке,— сказал Кият, когда понял, что больше слуге сказать нечего. Привалившись локтем к подушке, он открыл костяной ларец, достал из него горсть монет и высыпал в ладони Атеке.— Молодец,— похвалил еще раз и распорядился: — Иди ишана поднимай, пусть собирается.

Выехали на другой день, едва забрезжил рассвет. Еще не погасли все звезды, а уже с коней пересели в киржим, расправили парус. К полудню пересекли Балханский залив и вдали увидели Челекен. Причалили к аулу Карагель, сошли на берег. Пока здоровались с челекенцами, прискакал из своего аула Булат-хан. С седла еще не слез, залопотал радостно:

— Осенил нас аллах счастьем, Кият-ага, вот на, читай — письмо тебе. По-русски писано!

Кият развернул гладкую белую бумагу, сощурился и по слогам прочитал:

— «Высокопочтенному и высокостепенному старшине иомудского племени туркмен, владельцу Челекена и Дарджи Кият-хану. От начальника экспедиции к восточным берегам Каспийского моря, коллежского асессора Карелина. Желаю здравия, благоденствия и во всех делах успеха...»

Старческое лицо хана осветила гордая улыбка. Он посмотрел на столпившихся вокруг него челекенцев, свернул письмо и важно сказал:

— Потом прочитаем.

Булат-хан, беря его под руку и уводя к аулу, вновь заговорил с большой радостью:

— Утром проснулся, смотрю: три корабля в море стоят. Сразу узнал — русские. Эй, люди, говорю, садитесь скорей в киржимы да отправляйтесь и привезите сюда дорогих гостей!

— Санька, значит, приплыл? — поднимаясь в гору и тяжело дыша, спрашивал Кият.

— Не Санька, брат его,— пояснил Булат-хан.— Санька с царским человеком в Баку пока, вот-вот приплывут. А этот — брат Санькин...

— Хорошо приняли гостя? — Выйдя наверх к своим кибиткам, Кият остановился.

— Хорошо, хан-ага. Этот купец предупредил, чтобы побыстрей приготовили рыбу и все остальное. Санька приведет корабли, сразу загружать начнет.

— Персидские лодки приходили? — спросил Кият, входя в юрту и оглядываясь на идущих сзади Тувак и ее служанок.

— Были, хан-ага... Солью, нефтью загрузились.

— Больше Багир-беку не давай... Ни тулуна нефти, ни крупицы соли.

— Хорошо, хан-ага, больше не дадим.

Кият сел, надел очки и впился взглядом в строки карелинского письма:

«Купец Александр Герасимов крайне соболезнует, что, против воли своей задержанный здесь по проискам неблагонамеренного ему человека, нарушил договор, заключенный с вами и вашими храбрыми однородцами, и лишился возможности прибыть к вам вовремя, то есть осенью прошлого года...»

— Проклятье их роду! — воскликнул Кият, сунул руку под ковер и достал талаги Герасимова.— Булат-хан,— попросил он,

едва сдерживая злость,— этого Багир-бека близко к острову не надо подпускать. Это его рук дело! — Кият-хан потряс талагами и опять положил их под ковер.

«Но бог милостив,— продолжал читать письмо Кият,— и с его святою помощью надеемся, что эта кратковременная неприятность послужит к теснейшему и самому прочному на будущее время дружеству между вашим племенем и русскими. Я предоставляю себе удовольствие дальнейшего объяснения по торговле и промышленности до личного с вашим высокостепенством свидания. Теперь же прошу принять в знак глубочайшего моего почтения подарки при сем посылаемые и уверение в совершенном моем почтении и преданности...» [1]

— Где подарки? — спросил Кият.

— У нас пока, хан-ага... Сейчас мы их...— Булат опрометью, словно тряпичный мячик, выкатился из юрты.

Кият выругался ему вслед и, выглянув из кибитки, позвал Тувак:

— Тувак-джан, зайди сюда, где ты там спряталась?!

Вскоре вернулся Булат-хан. Следом за ним подъехала арба с чувалами. Слуги принялись извлекать из мешков и заносить в юрту отрезы бархата, полосатые нанки и китайки, пиалы фарфоровые и чайники. Лично от Карелина Кияту предназначался золоченый инкрустированный кальян и хрустальный сервиз, его жене — бусы, большие кольцеобразные серьги и золотой браслет. Тувак, усевшись на ковре возле сундука, долго рассматривала украшения, примеряла их и спрашивала служанку Бике: хороши ли? Затем не менее придирчиво осматривала китайскую хрустальную посуду. Лицо ее то светлело в довольной улыбке, то омрачалось капризной гримасой. Что и говорить, избалована была богатством и украшениями ханым. Разве можно было удивить ее чем-либо, если в кибитке у нее лежали две львиные шкуры с клыкастыми головами — подарок пятнадцатилетней давности, присланный еще Муравьевым с Кавказа. И сервизов было пять или шесть — от разных заезжих господ и командующих Кавказом. О перстнях, бусах, серьгах и говорить нечего: в шкатулке Тувак всего полно. Она повертела серьги и отложила их в сторону, затем открыла крышку сундука и принялась складывать хрусталь. Кият, небрежно разглядывавший кальян, заметил:

— Тувак-джан, неприлично сразу в сундук. Как приедет Карелин — бусы и серьги надень, чтобы польстить гостю. А в хрустальной посуде русским еду подашь.

— Ай, что толку от этих украшений,— капризно отозвалась она.— Вот когда в Тифлис еще поедем, тогда надену!

— Надень, надень, ханым,— вновь попросил он и пригласил на ковер Булата и нескольких слуг, которые топтались здесь же, разглядывая подарки.

[1] Приведены подлинные строки из письма Карелина Кият-хану.

Тувак с явной неохотой нацепила серьги и, играя рубинами бусинок, ушла из кибитки. Кият уперся руками в колени, наставительно сказал:

— Коснулась и нас милость аллаха, уважаемые. Долго мы ждали радости — наконец она пришла. Сделаем же так, чтобы эта радость была всеобщей. Булат-хан, тебе велю: поезжай сегодня на Дарджу, возьми с собой десять — пятнадцать киржимов, доставь для тоя сто овец. Заодно прихвати двух лошадей: того белого в яблоках и черного ахалтекинца.

— Хорошо, хан, так и сделаю,— отозвался тот оживленно.

— Ты, Атеке,— взглянул хан на своего давнего слугу,— займись казанами: пусть везут к берегу все, у кого есть. Чашки, ложки — тоже твоя забота. Бике скажи — рис выдаст, муку даст на чуреки. Бике пусть всех женщин соберет к казанам и тамдырам...

— Да, хан-ага, я вас внимательно слушаю.

— Абдулла, ты садись в киржим плыви на Огурджинский. Если Санькин брат там, пусть сюда плывет. Скажи: Кият большой той затевает.

— Хан-ага, других людей, огурджинцев, тоже пригласить?

— Каких людей?! — возмутился Кият.— Там только Кеймир и эти беглецы. Привези мне Санькиного брата!

— Да, хан-ага, я исполню твое повеление.

— Мирриш-бай,— обратился патриарх еще к одному приближенному, сидевшему рядом.— Поднимай нукеров — пусть едут по кочевьям и скажут всем, чтобы выходили на соляное озеро. Рыбаки пусть приготовят рыбу к сдаче. Купцы приплывут — все трюмы надо заполнить.

— Да, хан-ага, твои верные нукеры всегда готовы выполнить волю аллаха...

Распоряжений от патриарха было много. Люди почтительно выслушивали его и немедленно удалялись, чтобы выполнить приказанное. Оставшись наконец один, Кият-хан заглянул в соседнюю юрту, к жене.

— Тувак-джан, думаю, не будет постыдным, если ты соберешь женщин и все вместе преподнесете царскому человеку свои подарки. Скажи, чтобы жены Мирриша, Нияза, Пихты и другие, с кем знаешься, приготовили килимы, джорапы [1], ножны... Пусть покажут свои ковровые поделки, а если все это понравится царскому человеку — преподнесут ему.

— Ой, хан! — воскликнула Тувак.— Зачем смешишь меня? Разве заставишь наших гелин идти в гости к мужчине, да еще капыру! Я боюсь — и женщины и их мужья сумасшедшим тебя посчитают!

— Тувак-джан, я сорок лет изо дня в день делаю то, чему меня учат русские. Сначала все челекенцы бранят меня, называют вероотступником, а потом говорят: «Спасибо Кияту».

---

[1] Д ж о р а п ы — шерстяные носки.

Пусть и на этот раз так будет. А женщин и их мужей успокой, скажи: «У русского Карелина своих красавиц много».

Тувак с интересом смотрела на мужа, пока еще не понимая, шутит хан или говорит серьезно. Представив, как соберутся ханские и байские жены, как двинутся к русскому господину, неся перед собой коврики, она вновь рассмеялась:

— Хан, а где тот урус будет нас встречать? На корабле?

— Зачем на корабле? Кибитку поставим у берега, как тогда... Помнишь, Муравьев приезжал?

— Ладно, хан-ага, я сделаю так, как ты велишь.

— Да, Тувак-джан, так надо. Мы должны их встретить как подобает. Это последняя моя надежда уговорить русского царя, чтобы осенил туркмен своим могучим милостивым крылом...

На другой день на берегу, у аула Карагель, уже стояли три белых восьмикрылых кибитки, предназначенных для русских офицеров и купцов. От кибиток к берегу выстилались ковровые дорожки. Дул небольшой ветерок и все время заносил их песком. Несколько женщин, хлопотавших в пока еще пустых юртах, то и дело сметали с дорожек песок и поглядывали с опаской на залив: не появились ли русские корабли? А на западном берегу острова несколько нукеров, один из них со зрительной трубой, разъезжали возле воды, всматриваясь в затуманенный горизонт. Как только появятся парусники, нукеры пришпорят коней и понесутся в Карагель, известить всех об урусах. Тогда рулевые с наиболее знатными людьми займут место в киржимах и поплывут навстречу гостям.

Сам Кият со свитой баев и слуг, в окружении тридцати нукеров, разъезжал из конца в конец по Челекену, наводил порядки. Его властный, хрипловатый голос разносился то на соляном озере, где солеломщики, с зубилами и молотками, вырубали куски соли и таскали на берег, чтобы погрузить на верблюдов и в арбы; то в нефтакыловом карьере, где стояли старые огромные котлы, под которыми горело пламя и черный дым летел страшными космами в небо. «Пшеновары» — так называли добытчиков нефтакыла — вытапливали из желтого, жирного, зернистого песка, похожего на русское пшено, черную клейкую массу, выливали ее в ямки, где она и застывала. Это черно-коричневое вещество, идущее на свечи, на лечебные цели, и называлось «нефтакыл». Хан появлялся в кочевьях и разговаривал с батраками: порой даже заигрывал с ними, говорил по-простецки; просил, чтобы не подвели его и все как один пришли бы на встречу с русскими, чтобы не жаловались ни на что и не дерзили гостям, чтобы ругали купца Мир-Багирова, который является единственным виновником всех бед, какие испытывают трукмены побережья. Батраки кивали головами и прятали взгляды: скорей бы удалился Кият, с чего это он унижается перед ними, не тронулся ли умом по старости?

В суете и напряжении прошел день, другой, третий... Прошла целая неделя, но русские парусники на горизонте не по-

являлись. И уже не только хан, но и его приближенные, и слуги, и все островитяне высказывали недоумение. «Что произошло? Не обманул ли Санькин брат? Да и Санькин ли это брат? А может, и письмо поддельное? Может, опять подлый перс все подстроил, а теперь смотрит со стороны и радуется?» Хан, а с ним и другие владетели челекенских богатств прохаживались по берегу, поругивались и качали головами.

Над Челекеном смеркалось, когда Кият-хан вернулся с берега в свою юрту и, неохотно поужинав, лег спать. Он подоткнул под голову подушку и, засыпая, подумал о своей немощной старости. «Если все это происки каджара — значит, все полетит прахом... все надежды, все стремления». С этими мыслями он уснул, а когда открыл глаза, в кибитке было светло и на лбу его лежала рука Тувак.

— Это ты, моя газель,— тихо сказал он.— Сядь, посиди рядом.

— Люди от Махтумкули-хана к тебе... С хорошими вестями,— улыбнулась жена.

Уже привыкнув к мысли о скором приезде русских, он с недоумением подумал, при чем тут Махтумкули-хан. Не сразу его сознания достиг смысл услышанного.

— Зови их сюда...

Кият поднялся, накинул на плечи халат и распорядился, чтобы принесли для гостей чай. В кибитку вошли трое, незнакомые джигиты из простолюдинов. Поклонившись, засуетились у входа. Кият выждал, пока они рассядутся, и спросил:

— Говорите, какие новости?

Джигиты переглянулись. Старший из них скромно и с достоинством объявил:

— Хан-ага, сердар Махтумкули велел передать, что войско персидского Мирзы разгромлено.

Кият едва заметно вздрогнул, распрямился и быстро сказал:

— Хай, молодцы! Разве мог этот змееныш устоять против иомудов?! А ну расскажите, как было дело.

— Недолго мы с ними возились, хан-ага,— заулыбался джигит, и Кият подумал: «Раз молодой, обязательно хвастун». А джигит продолжал: — Каджары собрали дань и направились по берегу Гургена. Мы не знали — к себе в Астрабад пойдут или на нас. На отдых остановились они в кишлаке Сенгирь-Суат. И как раз в этот день к нам приехали гоклены, помощи запросили. Сердар собрал маслахат. Вечером наше войско двинулось на Гурген. Подошли к кишлаку, окружили. Как раз уже ночь наступила. Сердар отобрал человек сто, мы трое тоже в эту сотню угодили. Говорит: «Проберитесь в каджарский лагерь и порежьте всех главных. Потом зажгите персидский шатер — это будет сигналом». Так мы и сделали. Пробрались осторожно, как барсы, и всех порезали. Мне повезло, хан-ага... Я у самого Мирзы Максютли голову отрезал...

Кият опять от неожиданности вздрогнул, с недоверием взглянул на всех троих. А джигит поднялся с ковра, быстро вышел наружу и вернулся с мешком.

— Вот она, хан-ага,— сказал, злорадно посмеиваясь, и достал из мешка голову принца Максютли.

Кият-хан замер. Чем пристальней он вглядывался в мертвые восковые черты лица, тем больше убеждался, что это и в самом деле голова Мирзы Максютли, одного из многочисленных внуков Фетх-Али-шаха, родного брата астрабадского правителя. На мертвой голове была намотана зеленая окровавленная чалма со светящимся крупным бриллиантом.

— Зачем сердар прислал ее мне? — спросил Кият, чувствуя, какая ответственность ложится на его плечи за убийство принца: шах Мухаммед призовет всю Персию к мести.

Джигит, почувствовав смятение хана, спросил:

— Хан-ага, подскажите нам... Сердар Махтумкули не знает, какой выкуп взять за эту голову. Каджары хотят похоронить ее с почестями, как хоронят людей шахской крови. Вот сердар и велел нам: «Езжайте, покажите хану-ага, а заодно пусть назначит цену выкупа».

Кият-хан молчал. Хотел позвать ишана, но подумал: «Этот испугается, скажет — мы тут ни при чем». Наконец распрямился, ощупал бороду и спросил:

— Гокленский сердар Алтын-хан приехал к вам?

— Да, хан-ага...

— Отдайте эту голову ему, и пусть он скажет каджарам, чтобы привезли фирман, на котором подписи гокленских ханов о подданстве шаху. Когда Алтын-хан бросит в огонь этот фирман, тогда пусть отдаст голову принца. Бисмилла...

Джигиты поклонились, взяли мешок с головой и вышли из юрты.

ОСТРОВ «РАЗБОЙНИКОВ»

Неподалеку от Девичьей башни, близ морского клуба и новых европейских построек, за крепостной стеной, с утра до ночи оглашалась звоном голосов, посуды и духовой музыки русская ресторация. Это было довольно просторное заведение с множеством белоскатертных столиков, с полукруглой площадкой для музыкантов, на которой по вечерам восседали «духачи» и танцевала баядерка. К основному залу примыкал широкий айван, украшенный декоративными пальмами: здесь в основном занимали столики господа офицеры и высшие чиновники. А вообще-то ресторация собирала всех тех избранных, перед которыми солдаты и унтера вытягивались, отдавая честь, а городская чернь опасливо кланялась и уступала дорогу. В ресторации можно было встретить какого-нибудь генерала из Тифлиса и чиновника из тегеранского посольства, кучку шумливых гусар, только что прибывших из Дагестана и бах-

валящихся геройством в стычках с горцами Шамиля, чиновников госдепартамента, именитых, первой гильдии купцов из Астрахани, персидских, английских, турецких подданных, оказавшихся по долгу службы в Баку... Это заведение было приятным прибежищем и для господ научно-торговой экспедиции Карелина. В середине мая он привел пять купеческих парусников из Астрахани в Баку и, готовясь к отплытию на восточный берег, частенько посещал этот уютный зал. Сам, как обычно, во фраке и белой манишке, Бларамберг и Фелькнер в парадных мундирах, Десятовский в каком-то причудливом камзоле, а купец Герасимов во французском костюме с бабочкой у самого подбородка — усаживались на айване возле перистой пальмы и заказывали ужин. Так было и в тот вечер. Они только-только уселись и еще даже не сделали заказ, как их внимание привлек вошедший джентльмен. Он был элегантно одет: во фраке и начищенных штиблетах. Стоя у порога, глазами отыскивал свободное место. Не в меру матовое, как у мулата лицо и тонкий заостренный нос показались Бларамбергу знакомыми.

— Григорий Силыч,— сказал он тихонько,— да это же Виткевич. Поглядите! — И, не дожидаясь, как среагирует на это известие Карелин, штабс-капитан вскочил из-за стола и замахал рукой, привлекая внимание завсегдатаев: — Ян! Ян Викторович, пожалуйста, сюда! Идите к нам!

Увидев своих, Виткевич широко улыбнулся и, легко прошествовав между столиками, оказался в кругу друзей.

— Какими судьбами, Ян? — пожимая ему руку, спрашивал Бларамберг.— По нашим расчетам, ты должен есть шашлыки с эмиром бухарским, а ты вдруг появляешься в этой ресторации!

Карелин и другие господа тоже высказали свое удивление, ибо каждый, кроме купца Герасимова, знал, что этот щеголевато одетый молодой человек — адъютант генерал-губернатора Оренбургского края Перовского и что генерал год назад отправил его по сугубо политическим делам в Бухару.

— Господа,— искренне улыбался он, усаживаясь рядом.— Мне повезло. Я узнал в Тифлисе о вашем местопребывании и поспешил сюда.

Виткевич особое расположение питал к Бларамбергу — они были хорошими друзьями, и, говоря, все время смотрел ему в лицо; лишь изредка, приличия ради, он обращал свой взгляд на Карелина. С ним он тоже имел дела, но чисто служебного порядка. Они виделись, когда Григорий Силыч обращался за какой-либо помощью к Перовскому и непременно сталкивался с его адъютантом.

— Ах, Иоган, если б ты знал, как ты сейчас мне нужен! — заговорил Виткевич, похлопывая Бларамберга по плечу.

— У тебя все благополучно? — насторожился тот.

— Да, разумеется. Я встречался с эмиром и видел это царство караванов и мечетей. Между прочим, господин поручик,—

обратился он вдруг к Фелькнеру,— вы могли бы найти применение своим способностям в Бухаре. Эмир просит нашего государя, чтобы прислали в его ханство хотя бы двух горных инженеров для обнаружения естественных богатств.

— Любопытно, Ян Викторович! — возликовал Фелькнер.— И что же: я могу предложить свои услуги?

— Черт бы вас побрал! — пошутил Карелин.— Вам покажи бухарскую мучную конфетку, и вы бросите меня на произвол судьбы посреди Каспийского моря!

Все засмеялись, и Виткевич заговорил вновь:

— Господа, об экзотике и прочих бухарских прелестях — потом. У меня разговор самый серьезный.— Он оглянулся на сидевших рядом, за столиком, господ чиновников из таможни и заговорил тише: — В Бухаре до меня побывал английский агент Бернс. Англичане замышляют не более не менее как проторить путь из Индии в Афганистан, а оттуда прямым путем в Бухарское и Хивинское ханства. В кабинете лорда Окленда в Ост-Индии уже разрабатываются планы захвата афганских территорий. Английские купцы-негоцианты уже фрахтуют корабли и загружают трюмы, чтобы выгрузить товары в Индии, а потом наводнить ими рынки Бухары и Хивы... Вы, конечно, понимаете, господа, о чем я говорю. Все эти предпринимательства англичан делаются в пику русской политике. Если им удастся осуществить задуманное, то русскому промышленному капиталу никогда не выбраться в среднеазиатские ханства.

— Что же предпринимаем мы? — заинтересовался Карелин, в то время как официант «подплыл» с подносом и ловко принялся расставлять на столе заказанные блюда. Когда он, обтерев салфеткой, поставил бутылку французского рома и удалился, Виткевич ответил:

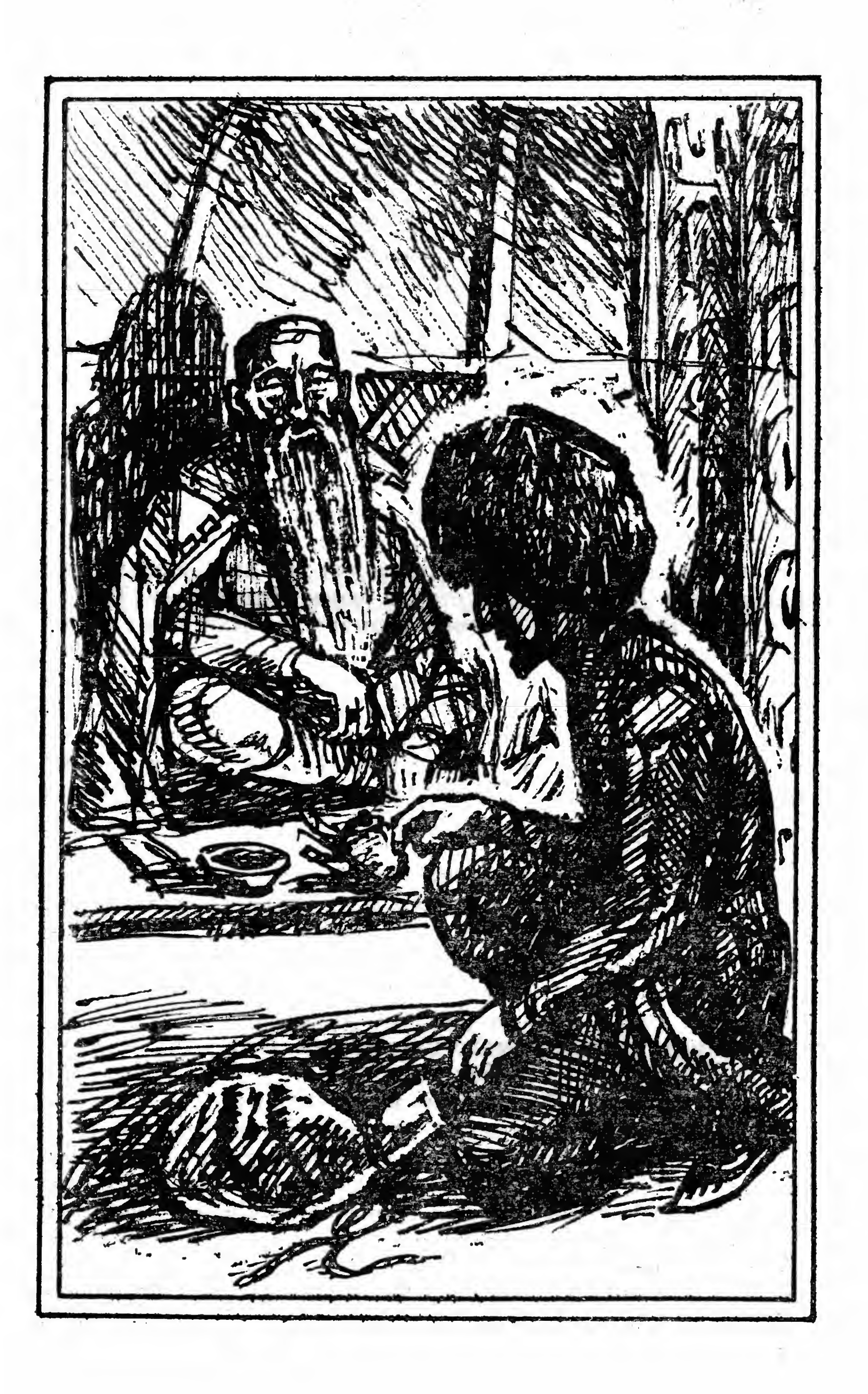
— Прямо из Бухары, почти не задерживаясь в Орске и Оренбурге, я проследовал с важнейшими известиями в Петербург. Мои сообщения произвели должное впечатление на Нессельроде. Граф по сему вопросу встречался с государем императором и теперь...— Виткевич умолчал, что на руках у него инструкции самого государя, касающиеся эмира Афганистана. Подумав, сказал: — Образуется антианглийский союз. Мы обязаны воспрепятствовать британцам в их далеко идущих планах.

— Ну, а я-то зачем тебе нужен? — напомнил о себе Бларамберг.

— О, Иоган! — спохватился Виткевич.— Нессельроде разрешил мне подбирать, на мое усмотрение, способных офицеров и звать с собой в Тегеран, в распоряжение нашего полномочного министра графа Симонича. А уж там мы найдем тебе дело, будь спокоен!

— Что ж, перспектива заманчива,— ответил Бларамберг.

Карелин насупил черные широкие брови. Глаза его потемнели:

— Что сие значит, господин штабс-капитан?!

— Не беспокойся, Григорий Силыч: если я и окажусь в Тегеране, то не раньше, чем мы закончим нашу каспийскую экспедицию.

— Жаль, Иоган,— Виткевич с укоризной посмотрел на Карелина.— Григорий Силыч, неужели нельзя обойтись без штабс-капитана?

— Никоим образом,— отрезал начальник экспедиции.— Да и уж коли на то пошло, господин Бларамберг выполняет инструкцию Генерального штаба. Не посмеет же он нарушить все предписания и податься к черту на кулички!

— Да, Ян, мой начальник прав. Окончим пустой разговор. Но обещаю тебе, если еще не будет поздно, после экспедиции я сразу подам рапорт о переводе моей персоны в распоряжение тегеранского посольства...

Сам собой разговор перекинулся на другие проблемы. Заговорили о необходимости открытия консульства в Персии, о сражениях в Дагестане. Поздно вечером Виткевича проводили к коменданту Бахметьеву, где он остановился, сняв комнатушку. Бларамберг остался ночевать у него.

Еще через день поручик Виткевич на сторожевом бриге отправился в Ленкорань, а оттуда через Тавриз — в Тегеран. Бриг «Св. Гавриил», на котором размещался Карелин с офицерами, принял в трюм балласт, ибо корабль был почти пуст и на пути из Астрахани в Баку его изрядно покачало. Затем от командира Саринской морской эскадры капитана первого ранга Басаргина пришло сообщение, что посланные Карелиным раньше три купеческих судна «Св. Николай», «Астрахань» и «Св. Андрей» благополучно достигли устья Атрека. Карелин решил: пора отправляться в путь, и приказал офицерам и команде ночевать на корабле...

Перед рассветом с Бакинских ушей[1] подул ветерок. С каждой минутой он крепчал, и шкоут «Св. Гавриил» поднял паруса. Отойдя от берега, корабль дал прощальный салют из пушек и взял курс на восток. Следом плыл пакетбот «Св. Василий». К полудню миновали остров Нарген, а вечером прошли мимо Вульфа. До самой ночи моряки не покидали палубу, грелись на солнышке, глядели в море на тюленей. Изредка то с одной, то с другой стороны корабля выныривали они из воды, шевелили ластами и с любопытством вытягивали усатые мордочки. Корабельный пудель, которого прихватили на борт перед самым отплытием, освоившись, ошалело лаял на морских зверьков.

На другой день занимались приведением в порядок предметов коллекции естественной истории, собранных в окрестностях Баку и привезенных из Талыша Бларамбергом и Заблоцким-Десятовским. Карелин этим делом руководил сам и теперь,

[1] Название горы, возвышающейся над Баку.

более чем когда-либо, походил на ученого-естествоиспытателя. Он стоял у стола в серых плисовых брюках, заправленных в сапоги, в белой рубашке, поверх которой был черный жилет, а на глазах поблескивали круглые без оправы очки. Григорий Силыч рассматривал каждый листик, цветок, веточку, «пришивал» в альбом, ставил очередной номер и латинскими буквами подписывал название экземпляра.

Однако мирному препровождению времени скоро пришел конец. Через двое суток, когда уже завиднелся восточный берег и была запеленгована гора Большой Балхан, ветер начал менять направление. То он дул с моря на сушу, то напротив — с суши на море, а потом подул с юга. Парусники, подвластные его воле, скользили по морю в разных румбах и не могли приблизиться к берегу, хотя остров Челекен был в четырнадцати милях. Ночью вовсе заштормило. Оба корабля находились рядом, и Карелин начал побаиваться — как бы не столкнулись. Штурман тоже приглядывался к пакетботу с опаской. Огни его мелькали слишком близко, малейшая оплошность — и не миновать беды. Видимо, угрозу столкновения почувствовали и на пакетботе: вскоре он отошел в сторону и пропал в ночной темноте. Наутро уже пакетбота не увидели.

Ветер утих. Шкоут медленно приближался к острову Огурджинскому. Большим желтым пятном проступал он в море. Серая дымка то прятала его, то вновь открывала взору путешественников. Бларамберг определил расстояние до острова — восемь миль — и сказал:

— Доберемся к полуночи, не раньше. Вот если б ветерок с севера дунул!

Подошли, однако, к вечеру, в сумерках. Остановились в некотором отдалении от северной оконечности. Едва выбросили якорь и опустили паруса, на островке замаячил огонек. Штурман высказал соображение, что островитяне заметили шкоут и дают знать о себе.

— Подождем до утра,— ответил Карелин.— На всякий случай удвойте вахту. Бог знает, кто там на острове...

Утром, едва развиднелось, вахтенный матрос с марса-реи увидел возле восточного берега пакетбот.

— Ваше превосходительство! — закричал он сверху ошалело.— Нашелся! «Святитель Василий» цел! Вижу! Словно на ладони у меня! Цел и невредим!

Офицеры перекрестились: «Слава те господи» — и повеселели. Карелин тотчас распорядился, чтобы урядник взял с собой десятерых казаков и отправился к пакетботу. Казаки забегали, засуетились по палубе. Музуры спустили на воду гребной катер и сели за весла. Отплыть, однако, не успели. От Огурджинского отделилась туркменская парусная лодка и направилась к русскому шкоуту. Это была персидского типа лодка — гями, русские видели такие суда на причалах бакинской гавани. Она была окрашена в густой оранжевый цвет, и над нею трепетал

серый холщовый парус. Судя по размерам, гями могла вместить до сотни человек, но на ее борту виднелось лишь несколько: рулевой и еще двое в черных туркменских тельпеках.

Карелин и офицеры замерли у борта в ожидании туркменского суденышка.

— Между прочим, Огурджинский — значит разбойничий. Так, по крайней мере, переводится с мусульманского языка,— сказал предупредительно Фелькнер.

— Не хотите ли вы сказать, поручик, что на нас идет разбойничья лодка? — улыбнулся Бларамберг, сняв треуголку и пригладив курчавые волосы.

— Как знать,— отозвался Фелькнер.— Может быть, эти разбойники и пакетбот наш захватили. Иначе почему штурман со «Святителя Василия» не дает о себе знать? Связанные небось лежат, а то и вовсе без голов. Может быть, зарядить пушку да пугнуть этих плутов в лодке?

— Я вам заряжу! — возмутился Карелин.— Болтай, да знай меру, поручик. Стрельнешь по ним из пушки — еще на сто лет от себя отгонишь.

— Да я шучу, Григорий Силыч,— засмеялся Фелькнер, но Карелин отмахнулся: нашел, мол, время шутить.

Лодка приблизилась, и все увидели в ней штурмана Васильева и трех туркмен в тельпеках, в бязевых рубахах и таких же штанах — балаках. Туркмены легко и очень быстро опустили парус. Музуры кинули им трап. «Слава те господи!» Купец Герасимов, узнав в туркменах Кеймира и слугу Кият-хана, суетился у борта и протягивал руку.

— Держись, пособлю... Смелей, смелей... Ай не узнал? — спросил он громко, схватив за плечи Киятова слугу, затем поздоровался за руку с Кеймиром. Повернувшись тотчас к Карелину, представил обоих: — Григорий Силыч, это вот человек Кият-хана — Абдуллой кличут, а этот пальван — хозяин островка, Кеймир-хан.

— Здравствуй, хозяин,— сказал Карелин и протянул Кеймиру руку, оглядывая его высокую, мощную фигуру. Гость и огурджинский хан были одного роста и в плечах одинаковы. Одеты лишь по-разному. Карелин небрежно, но опрятно — в белой шелковой рубахе, в черных брюках и сапогах. Кеймир ничем не походил на хана, скорее на бедняка рыбака, уж очень простоват был с виду. Григорий Силыч за словом «хан» всегда видел вельможу в шелковом халате и в желтых крючконосых сапогах. Таким был правитель Букеевской орды хан Джангир, у которого жил когда-то Карелин, таким он видел мангышлакского хана Пиргали. Этот же — в бязевой робе. Перекинувшись приветствием с Кеймиром, начальник экспедиции так же внимательно оглядел Абдуллу, немало подивившись, что слуга Кията изъясняется на чистейшем русском языке:

— Где научился по-нашему?

— Я ведь казанский татарин,— живо отозвался Абдулла.—

Кият взял меня к себе из Астрахани мальчишкой, я беспризорником был. С тех пор, вот уже больше тридцати лет, и служу Кият-хану. И приплыл сюда, чтобы звать вас, господин начальник, к хану. Большой той будет в честь вашего прибытия!

Карелин на мгновенье задумался, посмотрел на север, в сторону Челекена, куда указывал рукой Абдулла.

— Вот что, казанский сирота,— засмеявшись, сказал он,— плыви к Кият-хану и скажи ему, что на обратном пути непременно к нему заверну. А сейчас некогда. Сначала к Астрабаду направимся.

— Вах-хов, как же так, а? — заканючил слуга, но Григорий Силыч уже повернулся к штурману Васильеву и принялся расспрашивать, что случилось с ними. Тот рассказал о том, как пакетбот в темноте чуть не налетел на шкоут и сколько пришлось вложить сил, чтобы отойти подальше.

— Слава богу, все обошлось,— облегченно вздохнул Карелин и велел офицерам и казакам садиться в катер. Туркмены принялись помогать музурам и казакам. Кеймир выхватил у одного из казаков треногу бусоли, легко и ловко опустил за борт, прямо на дно катера. Тут же отправились к острову. Следом от шкоута отошел второй катер, груженный палатками, провиантом, солдатской посудой.

Кибитки Кеймира виднелись чуть ниже могилы святого, напоминающей издали, с моря, корабль с поднятыми парусами. Около полусотни островитян — смуглых, бородатых, в драных халатах и запыленных тельпеках, обвешанных ножнами, длинноствольными ружьями, удочками с самодельными крючками,— встретили «капыров» с почтительным любопытством возле самого берега. Едва русские ступили на сушу, островитяне, осмелев, принялись предлагать им свою скудную добычу. Один тряс перед казаками веревкой с сушеной рыбой, другой предлагал тюленьи шкуры, третий развязывал мешок со жгутами сушеной дыни. Некоторые казаки, не видевшие этакой диковинки, полезли за мелочью в карманы. Сушеную дыню тотчас раскупили. Другие островитяне, видя, что на дыне можно заработать, кинулись к чатмам, что стояли южнее святой могилы, и тоже поперли оттуда сушеное лакомство.

Кеймир между тем, не без помощи татарина Абдуллы, привел начальника экспедиции и офицеров к своим кибиткам и пригласил внутрь. Лейла, а вместе с нею и сын, Веллек, бросились наполнять чайники кипятком и понесли их на ковер, гостям. Карелину не раз приходилось бывать в юртах кочевников. Частенько он гостил у кайсаков и туркмен Мангышлака, но к иомудам зашел впервые. Здешняя кибитка почти ничем не отличалась от ранее виденных, разве что была приземистее и шире. Посреди был разостлан ковер, сбоку стоял большой кованый сундук, на нем одеяла. С другой стороны, на териме, висели доспехи джигита: сабля в позолоченных ножнах, пистолет персидской работы, ружье-хирлы. И рядом стояло еще одно

ружье, винтовое, английского образца. Пожалуй, эти воинские доспехи и делали хозяина ханом, о другом богатстве ничто в доме не говорило. Офицеры с любопытством осмотрели оружие, Бларамберг спросил:

— Откуда здесь английская винтовка?

— Ай, сын у него любит много стрелять,— охотно пояснил Абдулла.— У персов Киемир ее купил.— И без всякой связи со сказанным переводчик продолжал: — Батька начальник, люди собрались, хотят знать — будешь ли открывать торговлю и какие товары привезли?

Карелин кивнул на купца. Тот скупо ответил:

— Казаны есть, если желаете, посуда всякая, хомуты, гужи, кузнечный набор...

— Киемир-хан,— обрадованно сказал Абдулла.— Вот ты хотел кузницу заиметь — Санька привез ее.

Хозяин юрты от неожиданности даже вздрогнул — такое магическое действие произвели на него слова переводчика. Он давно мечтал обзавестись кузницей, чтобы самому делать и оружие, и крючки рыболовные, и кирки, и заступы. Переведя дыхание, Киемир спросил:

— Мехи есть?

— Есть,— ответил Герасимов.— Мехи, наковальня, молот, решетка для углей — полный комплект. Только ведь я ее за что попало не отдам. Коли хочешь взять у меня кузницу, неси харвар овечьей шерсти.

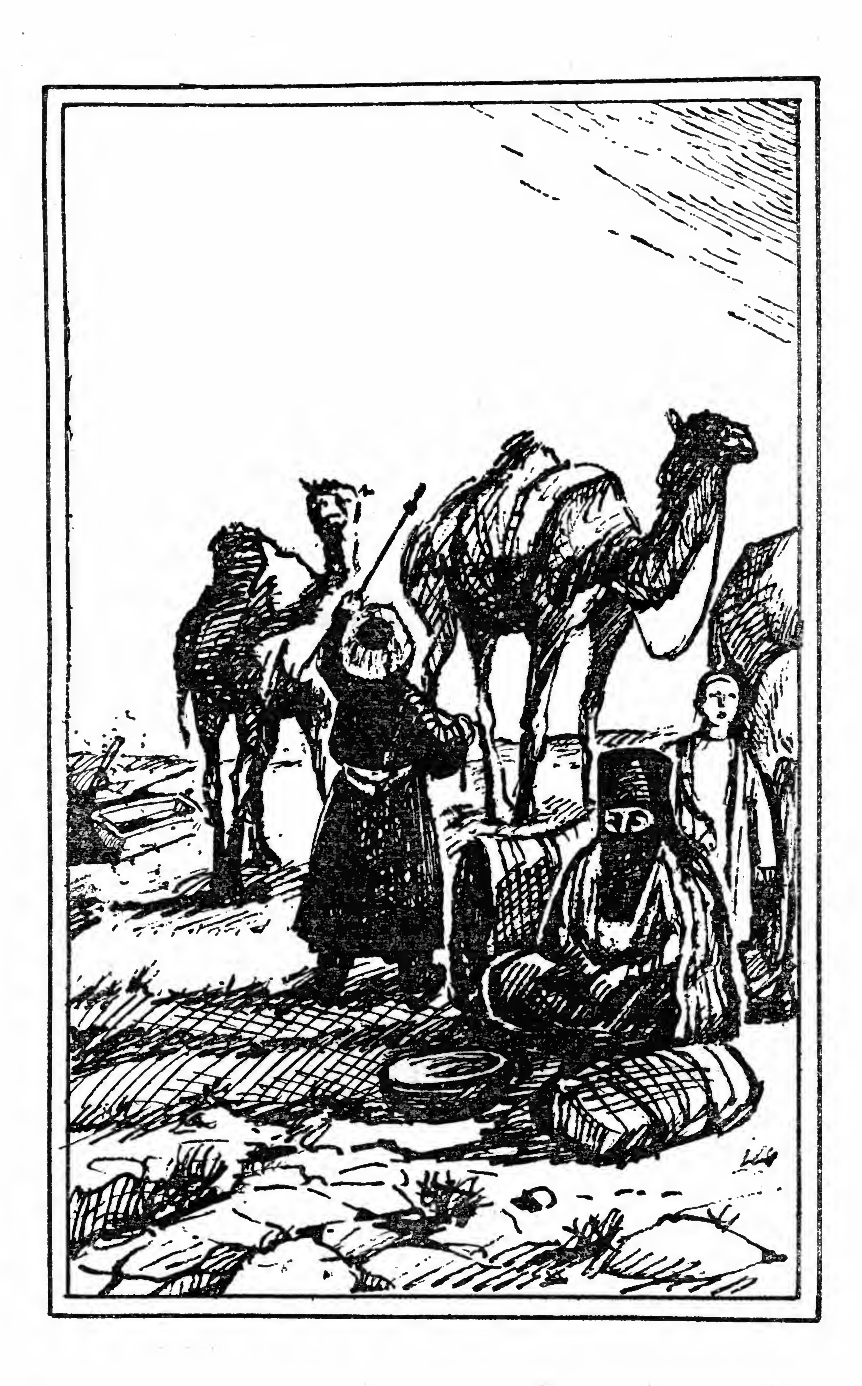
— Эка загнул! — упрекнул купца Карелин.— Да где он тебе возьмет столько шерсти!

Услышав, сколько просит купец за кузницу, Киемир снял тельпек, почесал затылок и задумался. Разговор сразу перекинулся на другое: на житье-бытье туркмен, на промыслы, но хозяин уже не слышал ничего, весь был занят заботой — где найти харвар шерсти. Внезапно он встал и вышел наружу. Без него подали шурпу. Гости сытно поели, выпили чаю, удивляясь: куда же делся сам хан, но его и след простыл. После угощения Карелин распорядился, чтобы казаки ставили палатки. Вскоре парусиновые пологи затрепетали на ветру в некотором отдалении от кибиток. Устроившись в палатке, начальник экспедиции пригласил к себе своих коллег:

— Ну что ж, Иван Федорович, думаю, есть резон заняться составлением карты острова. А вам, господин Фелькнер, советую пробить несколько шурфов. Говорят, воды здесь маловато, может, отыщете?

Все занялись своими делами. А Карелин с купцом, в сопровождении детворы, потому что все взрослые вместе с Киемир-ханом куда-то исчезли, отправились к восточному берегу острова, обследовать его на предмет устройства корабельных стоянок.

— Ну что ж, Саня, берега здесь великолепные, лучшего и искать не надо,— удовлетворенно говорил Карелин.— Вот толь-

ко узнать бы, какова тут глубина.— Посмотрев на детвору, Григорий Силыч спросил: — Плавать, нырять умеете?

Дети поначалу не поняли, а потом, сообразив, живо заговорили и принялись стаскивать с себя одежонку.

— Кто достанет камень или ракушку или другой какой предмет со дна, тому начальник даст серебряный рубль,— сказал детворе Герасимов и показал монету.

Ребята понимали: надо лезть в воду, но зачем — понять пока что не могли. Тогда купец крикнул переводчика, который сидел возле палаток, беседуя с казаком. Татарин тотчас повторил условие по-туркменски. Ребятишки, переглядываясь, отступили от берега. Один из них пояснил, что ни один человек дна не достанет, настолько здесь глубоко.

— Вот и спасибо! — похвалил подростка Карелин и отдал ему рубль. Другим роздал медную монету. А сопровождавшему уряднику сказал: — Ступайте, приплывите сюда на шлюпке и измерьте глубину...

Вскоре казаки доложили, что глубина у восточного берега повсеместно подходящая — от 12 до 16 футов. И Карелин окончательно утвердился в мысли, что здесь надо открывать факторию.

Ночевали в палатках. К утру настолько замерзли, что пришлось укрываться сюртуками и шинелями. Казаки охраняли спящий лагерь, прислушиваясь к ночи, но, кроме шума волн, ничего не слышали. Утром топографы вновь отправились на съемки. Поднялись на самое возвышенное место, к могиле святого Мергена. Бларамберг обошел густую поросль тамариска, за которой проглядывал небольшой двор с кучей камней и большими рогами архара, и примостился на бугре. Отсюда был виден почти весь остров. Оглядывая пространство, он увидел идущих от пастухов туркмен и спустился к ним.

Островитяне несли огромные мешки, сгибаясь под их тяжестью. Что было в них — никто не знал. К берегу, куда шли нагруженные люди, поспешили от палаток казаки и музуры, присоединились к ним сам Карелин и купец Герасимов, затем подоспели Фелькнер, Десятовский и все остальные. Достигнув берега, где стояли русские катера и туркменская гями, островитяне сняли с плеч чувалы и принялись грузить их на судно.

— Хов, Кеймир-хан! — первым окликнул пальвана Абдулла.— Что это у тебя в чувалах?

Кеймир насупился и отвернулся. Абдулла сразу понял: что-то запретное сделал хан-огурджали. Подошел Герасимов. Наполовину по-русски, наполовину по-туркменски спросил, что грузит хозяин.

— Шерсть,— сказал Кеймир.— Один харвар шерсти. Давай поедем, отдашь мне кузницу...

Герасимов вытаращил глаза: явно не ожидал такого. Однако упускать даровое добро было не в его правилах. Кликнув музуров, чтобы поскорее садились да помогли загрузить в трю-

мы товар, он прошел на гями и принялся развязывать чувалы и ощупывать овечью шерсть. Спросил Кеймира:

— А верблюжьей нет?

— Есть, есть,— ответил тот.— Немножко есть...

— Ну, молодец, Кеймир-хан. А кузницу сейчас же возьмешь. Хорошая кузница, ух! Сам бы кузнечил, да силой не вышел!..

Гями отошла и вскоре причалила к борту русского шкоута. Карелин и офицеры поняли, что здешний хан повез Саньке шерсть в обмен на кузницу, но никто и не подумал, откуда Кеймир взял эту шесть. Догадался лишь один Абдулла: Кеймир-хан со своими людьми остриг всех пятьсот баранов Киятхана, пасущихся на острове. Но Абдулла не посмел и намекнуть русским о своей догадке. Предай тайну огласке — и киржим Абдуллы вместе с ним наверняка опрокинулся бы в море. А кому хочется умирать прежде времени!

Часа через два Кеймир вместе с островитянами стаскивал с лодки наземь новые кузнечные мехи, наковальню, молот, всевозможные щипцы и щипчики, полосовое железо для поделок и даже мешок каменного угля. Глаза Кеймира горели азартным блеском: мечта его — стать кузнецом, иметь собственную кузницу — сбылась. Теперь он, не откладывая, соорудит сарай и установит в нем печь с трубой...

— Ну вот,— приговаривал Герасимов.— Теперь с богом, куй себе на здоровье.

И Абдулла, как бы ничего не подозревая, поздравил Кеймира:

— Да, Кеймир-хан, это хорошо. Весь народ тебе поклоняться станет...

— Народ и без кузницы меня уважает,— грубо ответил Кеймир и выразительно посмотрел в глаза слуге Кията.

Абдулла стушевался и еще больше перетрусил: как бы не расправились с ним огурджалинцы. И ночью он не отходил ни на шаг от лагеря, боясь за свою жизнь. Утром поднял парус и с тремя челекенцами отправился к Кият-хану.

В ту же ночь Карелин, пригласив Кеймира к себе в гости, завел исподволь разговор об острове. Сидели возле костра, смотрели, как булькала в казане уха, и мирно беседовали.

— Ну что ж, Кеймир-хан, спасибо тебе за хлеб-соль,— говорил Карелин.— Видно по всему, что расположен ты к нашему брату — русским. Живешь, однако, бедновато, хоть и ханом зовешься. А о людях твоих и говорить нечего: нищета. Оставлю тебе муки да пшена сарачинского, накорми их хоть раз досыта.

Кеймир, насупившись, молчал. Карелин продолжал тихонько:

— Небось не жалует тебя Кият-хан? Все они одинаковы. Что Кият, что Джангир из Букеевской орды. Бороться за свое надо...

Герасимов, вороша под казаном угли, вздохнул мечтательно:

— Эх, кабы на твоем острове завод рыбный построить! Продай мне островок, пальван!

— Ва-хов,— изумился Кеймир.— Зачем смеешься, урус? Остров продам — сам где жить буду?

— Здесь и будешь жить. Все останется при тебе, ничего не трону. Пусть пасутся бараны, пусть люди молятся у овлия, пусть живут как жили. Рыбу буду коптить. А тебя своим старостой сделаю.

— Тимофеич, ты сколько ему за шерсть уплатил? — спросил Карелин.

— Да ведь кузницу целую...

— Мало, Саня. Мало. Выдай еще десять червонцев.

— Да ты что, Григорий Силыч, бог с тобой!

— Выдай, говорю, немедля! Я, брат ты мой, за такие дела не милую. Живо отправлю назад, в Астрахань.

Купец, обиженно посапывая, достал кошель и неохотно отсчитал десять червонцев ассигнациями.

— А теперь продолжай, балакай,— подсказал Карелин.— Попроси, может, пальван на откуп свой остров отдаст. Отдает же Кият рыбные култуки на откуп, и он тоже может. А что касается купли-продажи, что-то не слышал я, чтобы туркмены землей торговали...

После ужина, когда Карелин скрылся в палатке, Герасимов, оглядевшись по сторонам, вновь спросил:

— Ну так как, пальван! Продашь островок?

— Сколько заплатишь? — дрогнул тот.

— Ну вот, считай, и договорились,— повеселел Санька.— Главное — было бы твое согласие, а о цене потом потолкуем. Ты пока сам как следует подумай и помни: ущерба тебе — никакого, а выгода — превеликая.

Огонек не угасал до утра. Туркмены ушли к своим кибиткам, офицеры и часть казаков спали в палатках, а у костра сидели трое часовых с винтовками. Рано утром, едва засинело на море, Кеймир вновь пришел в лагерь: помочь собраться в дорогу. Офицеры и казаки наспех умылись, принялись укладывать палатки. На восходе солнца погрузились в катера, отчалили от берега. Плыли молча, лишь поскрипывали уключины. На море была чарующая утренняя тишина, и вдруг заливистый собачий лай донесся со шкоута. Это пудель Болван, соскучившись по казакам, не выдержал, выказал свою собачью радость. От неожиданности все засмеялись. А на берегу крутолобые псы Кеймира, услышав лай, выскочили к воде и заметались из стороны в сторону, не понимая, откуда могла взяться чужая собака. Карелин с Бларамбергом покинули остров последними. На прощание подарили Кеймиру инкрустированный кальян, жене его — золотые серьги, сыну — кавказский кинжал, а девочкам насыпали в подол конфет в бумажках. Уже из катера, когда отплыли, Карелин крикнул:

— Насчет острова не сомневайся! Выгодное дело!

В полдень корабли подняли паруса, выписали полукруг и пошли на юг.

ПОСЛЕ БИТВЫ

Шах потерял крупный отряд карателей. Гоклены в соединии с иомудами разбили при Сенгирь-Суате восьмитысячное войско. Вся воинская верхушка пала, не успев обнажить сабли, 1400 человек взяты в плен, вдвое больше убито. Туркменская конница лавиной пронеслась по астрабадскому берегу, опустошила не менее десятка сел. Астрабад, еще не отправившийся от чумы, побывавшей в его жилищах четыре года назад, окончательно пал, осыпанный пеплом и пылью. Люди бежали из него на юг, в Сари и Ашраф, в горные села. Лишь немногие остались на месте. И лишь после того, как туркмены ушли в свои пределы, астрабадцы боязливо начали возвращаться на разгромленное пепелище.

Немало потерь понесли и туркмены. Весь гокленский край был вытоптан конницей Максютли, юрты сожжены, отары и стада угнаны в Персию. Душераздирающий плач стоял в аулах.

Почти весь май шел размен пленными. По установившейся издавна традиции туркмены отдавали трех персов за одного иомуда, но пленных почти не убывало. Весь караван-сарай на Кару-Су был забит каджарами. Писцы составляли списки, несли Махтумкули-хану к берегу реки, где стоял он со своей грозной конницей. Ближайшие помощники хана — Якши-Мамед, Аман-Назар и другие именитые люди принимали списки, передавали на ту сторону реки, каджарам: проходил день, другой, и за пленниками приезжали их родственники. Цена известна: от 300 до 1500 риалов за душу. Чем богаче пленник, тем дороже он стоил.

Были в эти дни на стороне Махтумкули-хана и гургенцы. Пиргали, взимавший в пользу шаха налоги с туркмен, торгующих в Астрабадской провинции нефтью, ныне сам участвовал в битве и поживился немалой добычей. Мамед-хан тоже поддался соблазну. Что касается Назар-Мергена, то этого человека трудно было понять: чью сторону поддерживает он? Во всяком случае, Назар-Мерген всегда был на стороне победителей. Именно за двоедушие и ненавидел его Кият. Сейчас Назар-Мерген не разлучался со своим новым зятем, Якши-Мамедом. Молодой атрекский хан взимал с каджаров большие деньги и откупные дары, и немало добра перепадало от него в руки Назар-Мергена. Размен пленными завершили к концу месяца. Тех, кто остался невыкупленным, ханы отдали рядовым джигитам и сами с богатой добычей двинулись домой. Ехали большими отрядами. Пыль висела над равниной, возвещая о приближении победоносного войска туркмен. Чем ближе подъезжали к Кумыш-Тепе, тем чаще отделялись от войска группы джигитов,

направляясь в свои аулы. Назар-Мерген пригласил сердара и зятя к себе в гости. Махтумкули-хан отказался и отвернулся, чтобы скрыть злую усмешку, исказившую его жесткое горбоносое лицо. Как и Кият, сердар не выносил Назар-Мергена. И сейчас терпел его лишь потому, что этот двуличный стал тестем Якши-Мамеда.

— Ну, а ты-то, дорогой зятек, конечно, заглянешь в мою кибитку! — засмеялся Назар-Мерген.— Спешить тебе вроде бы теперь некуда.

Якши-Мамед понял, на что намекает тесть. Да и как не сообразить, когда жена Якши-Мамеда, бесподобная Хатиджа, находится в кайтарме [1] у отца! Однако, чтобы не показать своего страстного желания увидеть любимую, Якши-Мамед немного помолчал, почванился и лишь потом согласился:

— Да, хан-ага, пожалуй, я навещу тебя... Отдохнем немного.

Возле четырех кибиток Назар-Мергена суетились женщины. Дымил тамдыр, а из огромного казана струился ароматный пар, уведомляя, что хозяина и его гостей ожидает вкусный обед. Увидев подъезжающих всадников, женщины метнулись за кибитки к агилу. И только старшая жена гургенского хана, Сенем, осталась на месте. В глазах у нее светилась радость. Надежды, что муж вернется с поля битвы цел и невредим, сбылись. И все же она спросила, все ли благополучно. Назар-Мерген гордо повел мясистым носом, колыхнул обеими руками пышную, с проседью бороду:

— Слава всевышнему, все живы, здоровы...

У входа в белую юрту тесть и зять сняли сапоги, помыли руки и, оказавшись в жилище, блаженно опустились на ковер, по которому были разбросаны небольшие пуховые подушки. Сенем тотчас принесла чайник и стопку пиал, лукаво взглянула на зятя: понятно, мол, зачем приехал. Якши-Мамед немного смутился, но про себя подумал: «Надо обязательно встретиться с милой Хатиджой, иначе сердце мое превратится в пепел». Вскоре вошла и она: высокая, улыбчивая, светлоликая. Внесла вазочку с колотым сахаром, словно дала понять мужу, как хорошо ей живется у родителей. Ставя вазу на ковер, заглянула Якши-Мамеду в глаза озорным и одновременно страдальческим взглядом. Жарко у него стало в груди, по телу пробежал озноб.

— Не скучаешь, Хатиджа? — спросил он.

— Некогда скучать,— ответила она.— Все время занята...— Но глаза говорили иное: скучаю по тебе, жду тебя...

Хатиджа задержалась в юрте дольше, чем подобает, и отец недовольно закряхтел. Якши-Мамед понял старика и прошептал:

---

[1] Кайтарма — старый туркменский обычай возврата невесты в дом отца до уплаты калыма.

— Немного осталось ждать, джейранчик. Скоро мы опять будем вместе.

Хатиджа, поклонившись, вышла, и Якши-Мамед решил: «Ждать не буду больше ни одного дня. Сегодня же надо встретиться с ней!» Тестю же сказал: мол, все делаю, как велит обычай, выдерживаю сорок дней. Не в калыме дело, мог бы внести его хоть сейчас. Назар-Мерген согласился, что соблюдение обычая — главное для благочестивого человека, особенно если он из знатного рода, ибо на богатого смотрят бедные. Да и дети учатся святости у родителей.

— Какой шайтан, такой и шайтаненок,— закончил он и довольно расхохотался.

После обеда Якши-Мамед распрощался с родителями жены, сославшись на то, что надо еще погостить у сестры. С ее мужем, Аман-Назаром, и в сражении, и на Кара-Су вместе были. Неловко будет, если не навестить их дома. Но и здесь сестра и зять были лишь предлогом, а истинная причина — встретиться с Хатиджой с глазу на глаз. Привязав коня к агилу и узнав, что Аман-Назара нет, Якши-Мамед обрадовался: «Сам аллах идет мне навстречу. С сестрицей без всяких помех договорюсь».

— А где же твой муж, Айна? — спросил он, усаживаясь.

— Как где? — удивилась сестра. Это была рослая полная женщина, пятью годами старше брата и намного спокойнее и степеннее его. Убедившись, что Якши-Мамед действительно не знает, где Аман-Назар, она охотно сообщила:

— Все наши на Атрек подались. Кто на лодках, кто на арбах. Говорят, опять русский купец за рыбой приплыл.

— Какой купец? — насторожился брат.

— Ай, тот самый, желтоволосый... Санька.

— Давно уехали люди?

— Вчера еще, братец. Говорят, вместе с купцом приплыл человек от ак-падишаха. Отец опять о подданстве начнет хлопотать.

Якши-Мамед недовольно засопел, но не двинулся с места. Когда сестра села рядом, на ковер, он сердито заговорил:

— Отец помешался на этих русских. Потерял всякую гордость мусульманина. Назови мне, Айна, еще хоть одного человека, который бы тридцать лет подряд просился в слуги к царю? Ну отказал царь, плюнь и утри, как говорится, бороду. Эти царские лизоблюды отца за человека не считают, а он все об одном и том же: «Спасение наше в русских — это могучий народ».

— Не знаю, братец, права я или нет,— отозвалась Айна,— но отцу русские вреда никакого не сделали. А каджары и Хива-хан немало зла принесли. В Тифлисе и Петербурге отца ценят.

— Отца-то, может быть, и ценят,— согласился Якши-Мамед.— Но нет ничего больнее, Айна, чем унижение. Три года я учился в Тифлисе, три года жил вместе с дворянами и офи-

церами. Ни один из них не тронул меня пальцем. Все меня снисходительно похлопывали по плечу. А это самое постыдное для джигита. Похлопывая, мне как бы говорили: «Ничего, дикарь, поживешь у нас, человеком станешь».

— Спесив ты, Якши-Мамед,— отозвалась сестра.— Другой на твоем месте благодарил бы русских за то, что уму-разуму учили. Ведь, кроме тебя, на всем берегу никто по-русски писать не умеет! А ты презираешь своих же благодетелей...

— Не знаю, Айна, может быть, и спесив. Не выношу я ни жалости к себе, ни снисхождения.

Видя, что братец немножко успокоился, Айна спросила:

— Если домой собираешься, то поспеши... иначе не увидишь русских, уедут.

— Обойдусь без них. Сейчас у меня иная забота.— Он сильно смутился, и сестра смекнула, в чем его забота.

— С ней хочешь встретиться?

— А как ты думаешь...

— Я об этом давно перестала думать. Говори, что от меня требуется?

— Айна, сходи к ней и передай осторожно: пусть к речке выйдет, как стемнеет. Я буду ждать ее там.

— Вий, ненасытный,— беззлобно замахнулась на него сестра.— Мало тебе одной...— И пообещала: — Ладно, отдыхай пока, сейчас схожу.— И вышла из юрты...

Вечером он сел на коня, поехал к реке. Берег ее отделен от аула небольшим пустырем. Сотни тропинок ведут от аула к берегу и дальше. За протоком Камыш-Тепе-агызы они теряются, ибо на пути еще семь небольших речек, образующих дельту Гургена. Хотя и мелководны они, но существуют на них броды и общая дорога, к которой и протоптаны тропки. Острова гургенской дельты — место гнездовья перелетных птиц и звериных нор. Днем только и видно, как поднимаются да садятся в камышовые заросли птицы. А ночью на Гургене плачут шакалы. По берегу Кумыш-Тепе-агызы тянутся развалины древнего вала Кызыл-Алан. Чуть ли не на тридцать фарсахов уходят они вверх по реке, в горы и непроходимые леса. Почти на всем протяжении сохранились не только стены, но и мрачные казематы и катакомбы — приют хищников и разбойного люда. Но часто в них располагаются и воины. Принц Максютли, продвигаясь к гокленам, заставлял ночевать свое войско в этих древних трущобах, чтобы прежде времени не вспугнуть туркмен. В этих же развалинах укрыл своих джигитов Махтумкули-хан перед тем, как напасть на персидский лагерь. И сейчас, выехав на коне к реке и глядя на развалины Кызыл-Алан, Якши-Мамед думал: «Только что в них я прятался от шахского принца, теперь спрячусь от собственного тестя».

Он завел коня в речку, левее пологого места, где берут воду, и начал его купать. Брызгал на черный лоснящийся круп, стирал воду ладонью, а сам косился на берег. Вот две

старухи спустились к воде, наполнили кумганы и отправились к кибиткам. Немного погодя появились с кумганами и ведрами подростки. Видели Якши-Мамеда, но в потемках не узнали, не окликнули и не поздоровались. Он забеспокоился: не испугалась бы темноты Хатиджа! Но напрасно. Она пришла, не опасаясь, что кто-то на нее нападет. Разглядев в темноте мужчину с конем, весело позвала:

— Эй, парень! Какую гелин ждешь? Не меня ли? — И засмеялась шаловливо, пугая звонким голосом Якши-Мамеда.

Выйдя с конем на берег, он схватил за плечи высокую, стройную Хатиджу и привлек к себе. Обняв и поцеловав в щеку и шею, сел и начал надевать сапоги.

— Ты все такая же шутница,— выговаривал ей без всякой строгости.— Живешь без оглядки и опасений. А если бы это был не я, а кто-то другой?

— Вий, разве другие хуже тебя? — дерзко пошутила Хатиджа.

Якши-Мамед понял шутку, но нахмурился и засопел: слишком вольно ведет себя женушка и много болтает. Хатиджа тоже угадала его настроение, присела на корточки, сказала со вздохом:

— Он уже обиделся. Даже пошутить нельзя... Стала бы я окликать, если б не знала, что это ты! Да я еще до заката солнца начала следить за кибитками Аман-Назара, все время ждала, когда же выйдет к реке мой муженек. Смотрю — появился. И, как всегда, на коне...

Якши-Мамед встал, распрямился. Ласковые оправдания Хатиджи развеяли всякие подозрения и недовольство. Притянув ее еще раз к себе, он проговорил:

— Поедем к озеру Кютек?

— Зачем?

— Рыбок считать будем...

Хатиджа толкнула его в грудь, смущенно засмеялась:

— Слишком далеко... Дома спохватятся.

— Тогда поедем вот на тот островок, к речке Байрам-Киля? — нетерпеливо попросил Якши-Мамед.

Хатиджа покачала головой: какой, мол, ты бесстыдный, но противиться не стала. Вместе они сели на коня и подались к камышовым зарослям...

Встретились они и на другой вечер. Расположились за камышами на травянистой лужайке. Трава была сырая от вечерней росы, подстелили попону. Якши-Мамед лежал на спине, молчаливо смотрел на звезды. Хатиджа, привалившись к нему сбоку, щекотала губы сорванной травинкой. Он то отворачивал лицо, то ловил ее руку. Он чувствовал, как горячо она его любит, и гордость счастливого мужчины переполняла его. И совершенно он был сбит с толку, когда услышал:

— Ох, знал бы ты, мой джигит, как мне жалко бедняжку Огульменгли!

Якши-Мамед даже поднялся на локте, не понимая, почему Хатидже стало вдруг жаль его старшую жену. Он слышал да и своими глазами видел, как ссорятся между собой чужие жены: каждая норовит чем-то унизить другую, оклеветать, обругать, осрамить при всех. А этой жаль Огульменгли, словно Хатиджа из ее рук мед пьет.

— За что ты ее жалеешь?

— Не знаю, милый... Худенькая она у тебя и тихая. Ты не обижай ее, джигит...

Якши-Мамеда захлестнула волна обиды. «Если моя старшая жена не вызывает у Хатиджи ни ревности, ни соперничества — значит, она меня не любит!» — подумал он. Все больше злясь на красавицу, неожиданно заявил:

— Ладно! Я сделаю так, что ты будешь сидеть у порога, когда я с Огульменгли буду пировать за сачаком!

— Кто — ты? — засмеялась Хатиджа.— Неужели ты такой злой и нехороший? Никогда бы не подумала.

И Якши-Мамед от этих слов вновь обрел равновесие. Хатиджа между тем задумалась, вздохнула и заговорила назидательно:

— Нельзя быть таким, милый. Раз ты взял двух жен, то у тебя должно хватить любви для каждой. Не обижай ее, слышишь?

— Ладно, ладно, буду обнимать ее на твоих глазах,— невесело хохотнул он и попытался привлечь Хатиджу к себе, но та отстранилась.

— Пойдем, пора.

— Посидим еще немного.

— Нет, нет, не упрашивай... Давно уже ищут, наверно.

Она поднялась, отвязала коня и подождала, пока он встанет. Якши-Мамед собирался неохотно, лениво встряхнул попону, бросил на спину лошади, принялся седлать скакуна. Вскоре, подминая хрупкий камыш, они выехали к протоку, одолели его и оказались на своем берегу. Он ссадил жену с коня и еще раз прижал к груди. Хатиджа хотела взять кумган, с которым пришла за водой, но его на месте не оказалось. Неужели их выследили? Из темноты вдруг донеслось ворчание, мелькнула тень и пропала.

— Ну вот и кончились наши встречи,— сказала печально Хатиджа и тем удивила мужа. Ему казалось, она рада отвязаться от него, а получается наоборот: ее повергла в отчаяние тяжесть разлуки.— Завтра мне из дому не уйти,— быстро заговорила она.— Нас выследили... Милый мой, джигит мой,— зашептала страстно, гладя ладонями лицо мужа.— Ты быстрей неси свой калым, расплатись с отцом... Не могу я без тебя...— И, отпрянув, заспешила к кибиткам аула, где из тамдыров вырывались огненные языки и в отсветах огня мелькали людские силуэты.

Утром, попрощавшись с сестрой, Якши-Мамед, как ни в чем

не бывало подъехал ко двору тестя. Слез с коня, но в кибитку к Назар-Мергену не вошел. Увидев тещу Сенем, позвал ее:

— Хов, Сенем-эне, хозяина, кажись, дома нет? Заехал к вам сказать «саг бол», а заодно и на женушку свою взглянуть.

Сенем, заливаясь краской от возмущения (это, конечно, она вчера следила за дочерью), сказала с укором:

— Принесешь калым, тогда и увидишь свою красавицу. Спит она — намаялась, работы вчера было много.

Якши-Мамед засмеялся, сказал еще раз «хош, саг бол» и подался на дорогу, ведущую к Атреку.

Едва он выехал из селения и миновал бугор Кумыш-Тепе, заслонявший собой море, как увидел впереди, на морском горизонте, сразу пять кораблей. «Наверно, гости теперь на берегу той справляют. Приехал отец, ишан, да и Аман-Назар не зря туда спешил»,— подумал Якши-Мамед, невольно пришпоривая коня. В дороге он нагнал группу джигитов-гургенцев и до самого Атрека ехал с ними вместе. Они спрашивали у него: кто приплыл, зачем. Он не знал, что им отвечать, и отмалчивался.

Солнце уже садилось за горизонт, когда Якши-Мамед подъехал к своим кибиткам и слез с коня. Первой, кого он увидел, была мать, Кейик-ханым. Одетая по-праздничному, в малиновом кетени и бордовом борыке, она вышла из юрты, бряцая тяжелыми украшениями из серебра. Судя по тому, что ни своих, ни приезжих в ауле нет, Якши-Мамед понял — мать ждет гостей, должны приехать сюда с кораблей, а все именитые люди аула сейчас находятся там, у русских. Молодой хан недовольно и неловко поприветствовал мать и спросил:

— Кадыр-Мамед где?

— Там... Все там, сынок, тебя одного нет,— ответила она строго.

— Отец тоже у них?

— Нет, Кият на Дардже. Говорят, приболел.

— Без Кията они не ступят на наш берег,— сказал Якши-Мамед и направился к своей кибитке, возле которой стояла старшая жена.

— Какие новости? — спросил он, недовольно ощупывая ее глазами и сравнивая с Хатиджой.

— Новости для всех одни, мой хан. Русские пожаловали.

— Слышал уже. Еще что?

— Люди много раз приходили. Очень ждут тебя, мой хан. Хотят мстить кому-то.

— Мстить? — удивился Якши-Мамед и посмотрел в сторону соседнего порядка кибиток, где жили рыбаки и джигиты, преданные ему.

Там действительно давно поджидали своего хана, и сейчас, увидев, что он вернулся, к его кибиткам направились человек пять-шесть. Он подождал их и пригласил к себе в юрту, сказав жене, чтобы подала чай и что-нибудь закусить. Они не спе-

шили выкладывать, с чем пришли. Якши-Мамеду хотя и не терпелось узнать, но раньше надо было согреть сердце и успокоить душу — слишком много хлопот опять появилось на туркменском берегу.

— Да, йигитлер,— сказал он философски,— мир подвержен распрям и дружбе, спорам и любви...— И потянулся к сундуку. Подняв крышку, он достал бутылку рома и несколько хрустальных рюмок. Туркмены легонько зароптали. Все знали слабость своего хана, и все знали, где он этому научился. Никто не мог сказать ему «брось эту дрянь», но и он никого из них не мог заставить выпить этот «напиток богов». Всякий раз, когда Якши-Мамед наполнял первую рюмку, он вспоминал и напоминал сидящим о том, что в юности жил у генерала на Кавказе, знал всех боевых офицеров и дворян. А когда выпивал первую рюмку и наполнял другую, начинал поносить нынешних русских, подчеркивая, что они столько похожи на тех его друзей-генералов, сколько собаки на львов. И сейчас, опрокинув в рот содержимое рюмки, заговорил: — Русские, слышал, приехали... Но кто они и какого звания?

— Звания подходящего, хан,— ответил рыбак Овезли.— Приехал человек от самого ак-падишаха, а с ним Санька. Этот за рыбой, хоть и с опозданием. Братец твой и другие, которые рыбу не продали, все повезли свой прошлогодний засол ему. И скупает он втрое дороже. Тридцать реалов за батман.

— Обманул нас Мир-Багиров,— недовольно замотал головой Якши-Мамед и выпил еще одну рюмку. И тотчас добавил: — Надо ехать к человеку ак-падишаха, у меня к нему разговор есть.

Джигиты тихонько засмеялись, а Овезли сердито заявил:

— С пустыми руками не поедешь! Как будешь смотреть в глаза человеку ак-падишаха, если даже рыбу для него не сберег, отдал персу?

Якши-Мамед нахмурился, налил еще одну рюмку и выпил. Джигиты, опасаясь, как бы хан не свалился раньше времени, незаметно убрали бутылку. Хан икнул, пожевал кусочек чурека и принялся бранить Герасимова:

— Санька виноват! Почему раньше не приехал? Почему наши талаги отдал Багир-беку?

— Не отдал, а отобрали у него,— возразил Овезли.— Да и Багир-бек не купил у нас рыбу, а обманул.

Сидящие на ковре джигиты подтвердили в один голос, что Багир-бек всему виной и с него надо взыскать убытки.

Якши-Мамед потеребил черную бородку, прищелкнул языком, и глаза его опять пустились на поиски бутылки.

— Все, Якши-Мамед-хан! — сказал Овезли.— Бутылку увел аллах, а свои суда из Астрабадского залива спешит увести Багир-бек. Возмездия нашего боится. Мы посоветовались и решили — сегодняшней ночью нападем на его расшивы и возьмем все, что он недоплатил. Если с нами не пойдешь, то благослови.

Но Якши-Мамед больше уже не слушал Овезли.

— Правильно, йигитлер, правильно! — выкрикивал он, натягивая сапоги.— Этот шайтан много нам задолжал... Давай поехали!

Сборы были недолгими. Не прошло и часа, как к берегу уже мчались на конях человек шестьдесят — семьдесят, не меньше. Якши-Мамед — впереди отряда. Вскоре атрекцы пересели в киржимы и подняли паруса...

Ветерок дул с северо-запада, парусники тянуло к берегу, плыть было трудно. Потемкинскую косу обогнули лишь на рассвете. Надеялись застать корабли перса у острова Ашир-Ада, но их тут не было. Смекнули, что хитрый купец увел свои суда к Энзели: не только расплаты с туркменами испугался, но и русских. Ведь Герасимов приплыл под покровительством начальника экспедиции! «Эх, опоздали немного!» — совсем было отчаялись атрекцы и вдруг увидели почти у самого берега накренившуюся расшиву. Видно, снявшись с якоря, она по неуклюжести села на мель. Около расшивы покачивалось на волнах несколько лодок. Музуры грузили в лодки товар и отправлялись на берег. Раздумывать было некогда. Атрекцы направили свои киржимы к расшиве, и прежде чем музуры сообразили, какая им грозит опасность, они оказались окруженными со всех сторон.

— Вон того лови, чернобородого! — кричал во всю мочь Якши-Мамед.— Стреляй их, подлых обманщиков! — И он ругался матерно по-русски.

Туркмены схватили четырех музуров, связали и бросили на дно киржима. Лодки с солью подожгли. Взобрались на расшиву. В трюмах ее только соль и ничего больше. Со злости хотели поджечь корабль, но Якши-Мамед, с явным сожалением, запретил. Все-таки Мид-Багиров хоть и перс, но русский подданный. Как бы не пришлось отвечать за расправу.

Пока возвращались назад, решили: музуров отправить подальше и потребовать с Багир-бека выкуп за них. Перс должен заплатить истинную стоимость купленной у атрекцев рыбы!

В АСТРАБАДСКОМ ЗАЛИВЕ

В начале июня «Св. Гавриил» и пакетбот «Св. Василий» вошли в Астрабадский залив. Остановились в версте, против устья небольшой речки. Берега залива представляли собой гигантский амфитеатр. Горы, окружавшие его с трех сторон, были покрыты густым зеленым лесом. Из этой зелени на разных высотах высвечивали минареты. По ним можно было угадать месторасположение персидских селений. Вдоль берега виднелись парусные лодки.

Карелин с офицерами и средний сын Кията — Кадыр-Мамед, присоединившийся к экспедиции в Гасан-Кули, встречали эти благодатные, сказочно красивые берега, стоя у борта. «Вот здесь

и поставим суда на починку»,— подумал Карелин и велел подготовить катер. Музуры полезли на шканцы, спустили гребное судно на воду. Урядник с пятнадцатью казаками отчалил к берегу и вскоре передал сигналом о том, что найдена вода. Музуры тотчас спустили второй катер, загрузили его баками для воды. Заодно взяли пилы и топоры — решили пополнить запас дров. Последними отправились на берег Карелин и Бларамберг. Входя на суденышке в устье речки Багу, они увидели сухой, слегка возвышенный склон. Вдоль него к горам тянулись камыши, за ними поблескивали рисовые поля. Еще дальше виднелись сады. Персы, работавшие на полях, увидев чужую лодку, тотчас скрылись в садах. До захода солнца осмотрели близлежащий лес. В нем росли огромные дубы и чинары, азат и самшит, деревья грецкого ореха, груши, кусты граната и особенно много дикого винограда. Лозы его поднимались высоко на кроны деревьев и свисали, загораживая просветы между стволами.

На бриг возвращались в сумерках. Астрабадские берега обволакивала мягкая вечерняя дымка. Вершины гор постепенно темнели. И темнели леса на горах. На склонах загорались огни. Карелин поднялся на палубу, и первыми, кого он увидел, были туркмены. Они сидели у мачты, за небольшим ковриком, и мирно распивали чай. Среди них он увидел Киятова человека, Абдуллу, и удивился: «Быстро, однако, казанский сирота обернулся. Совсем недавно на Огурджинском был, а уже тут». И прежде чем Григорий Силыч вымолвил слово, туркмены словно по команде поднялись и почтительно поклонились.

— С приездом, господа туркмены,— приветствовал их Карелин, видя, что почесть оказывают ему.— И ты опять здесь? Здравствуй, кунак,— протянул он руку Абдулле.

— Здесь, батька, здесь... Вот молодого хана к тебе привез,— торопливо заговорил Абдулла, протягивая обе руки и косясь на стоящего рядом богатого туркмена.

Поздоровавшись с переводчиком, Карелин подал руку и хану. Тот высокомерно улыбнулся.

— Имею честь представиться: Якши-Мамед-хан — старший сын почтенного старшины иомудов,— сказал он по-русски, почти без акцента.

Карелин приятно удивился:

— Однако у вас тут многие по-нашему изъясняются! — И добавил: — Не ожидал сегодня встретить вас на своем корабле. И никак не думал, что услышу столь правильный русский говор.

Якши-Мамед польщенно засмеялся:

— Дорогой начальник, я никогда не простил бы себе, если б забыл язык своих благодетелей. Ведь меня учил говорить по-русский генерал Ермолов. Три года я был у него на службе.

— Вот оно что!— всерьез заинтересовался Карелин.

И Якши-Мамед, понимая, что произвел самое благоприятное впечатление на русского, начал хвастаться:

— Три года бок о бок жили мы с Муравьевым.
— Кто это?
— Ва-хов! Разве вы не знаете героя Хивинского похода? Сейчас он генерал-лейтенант. А тогда был капитаном, и я разъезжал с ним по всему Кавказу. Моим лучшим другом был Амулат-бек... Мы расстались с ним. Он убил своего попечителя, полковника Верховского, и сбежал в горы...

И опять Карелин удивился, ибо совсем недавно прочел повесть Бестужева об Амулат-беке. Представив на миг горы Дагестана и непокорных горцев на конях, в черкесках и папахах, с интересом спросил:

— А не знаешь ли — жив теперь твой друг или голову сложил?

— Не знаю, начальник. В прошлое лето ездил я в Дербент за мореной, там у кумыков спрашивал про Амулата. Одни говорят — погиб, другие — видели его у имама Шамиля. Говорят, этот Шамиль очень умен и жесток: русские офицеры друг друга пугают Шамилем...

Карелин слушал Якши-Мамеда и чувствовал себя стесненно.

— А отчего вы расстались с Муравьевым?

— Ай, Муравьев думал, что я тоже сниму с него голову! — смеясь, отозвался молодой хан.

— Н-да, дела,— произнес Карелин.

И Якши-Мамед, видя, что заронил в него сомнения, строго и серьезно заговорил:

— Нет, начальник, это я в шутку сказал. Муравьев уважал меня. Я тоже его любил и по сей день молюсь на него. Да только не все русские такие, как он. Когда Ермолова убрали с Кавказа и на его место пришел граф Паскевич, туго нам стало. За людей перестали считать. Раньше в Астрахань торговать ездили, а теперь и туда дорогу нам закрыли. Теперь губернатор астраханский и министр русский в Персии слух распускают, мол, земля туркмен шаху принадлежит. Вот до чего дошло!

— Это заблуждение, хан,— спокойно, с пониманием дела ответил Карелин.— Купца Герасимова я специально посылал в Тифлис. Уладим дело. Ныне он скупает у туркмен товары. На меня можете смотреть как на своего единомышленника.

Все это время средний сын Кията стоял в стороне у борта и смотрел на море. Он делал вид, что вовсе не замечает Якши-Мамеда и не интересуется, о чем он беседует с начальником экспедиции. Только человек, знающий о взаимоотношениях двух братьев, мог бы сейчас сказать, что творится на душе Кадыр-Мамеда. Таким человеком был Абдулла. Поглаживая бородку, он поглядывал на сыновей патриарха и понимающе усмехался. «Будет ссора»,— думал Абдулла и вожделенно желал этой ссоры. Он приблизился к Кадыр-Мамеду и, подливая масла в огонь, сказал:

— Якши-Мамед, да продлятся его счастливые дни, умеет говорить лучше мудрого Сулеймана. Но мог бы и тебя при-

гласить на разговор с русским: ты тоже не последний сын своего отца.

— Пусть говорит,— с видимым великодушием отозвался Кадыр-Мамед.— Все равно волю отца на этом корабле выполняю я.

— Так-то оно так, да только и Якши-Мамед в последнее время по своей воле живет. Отца-то он не очень слушает.

— Это нам на руку,— отозвался опять с деланным безразличием Кадыр-Мамед.— Именно потому, что Якши-Мамед его не слушается, отец во всем доверяет мне.

Тем временем Карелин, Якши-Мамед и следом за ними офицеры направились в кают-компанию. Прошли мимо отвернувшихся Абдуллы и Кадыр-Мамеда, не обратив на них внимания. Прошло минут десять, и только тогда подошел казак и доложил:

— Господа беки, прошу вас к столу... Сам начальник велел просить.

Кадыр-Мамед скривил губы и направился медленно и важно в кают-компанию, откуда уже доносился оживленный разговор, перемежаемый смехом и веселыми возгласами. Когда он и Абдулла вошли, шум немного поутих. Карелин с шутливым упреком сказал:

— Что же вы, бек, запаздываете? У нас говорят: «Семеро одного не ждут». Прошу к столу.

— Ай, он всегда опаздывает,— пошутил Якши-Мамед.— Во-первых, он родился на четыре года позже меня. Во-вторых, в Тифлис попал после того, как я вернулся оттуда. В третьих...— Якши-Мамед замешкался, но все-таки сказал: — В-третьих, на войну опоздал. Мы уже голову Максютли отрезали, а братец мой только за саблю взялся.

Кадыр-Мамед побледнел, ноздри расширились, но он нашел в себе силы, чтобы удержаться от взаимного оскорбления. Молча, глотая слюну и двигая кадыком, он перенес взрыв хохота и не очень членораздельно пролепетал:

— Ай, ничего... Когда попугай говорит по-людски, люди всегда смеются.

Фразу эту почти никто не расслышал. Но Якши-Мамед, конечно, не пропустил ее мимо ушей. Он сидел рядом с Карелиным, напротив брата, и, услышав сказанное, потянулся через стол:

— Попугай ты, понял? Ты повторяешь каждое слово отца. Я говорю свои слова, то, что думаю!

— Ну, друзья, зачем же вы так! — одернул старшего Карелин.— Не надо оскорблять друг друга!

— Простите, Григорий Силыч,— обретая спокойствие, отозвался Якши-Мамед.— Этот молокосос назвал меня попугаем, в то время как сам держит на языке чужие слова. Я могу сказать их. «Ваше высокоблагородие господин коллежский асессор, иомудский народ и лично патриарх и старейшина всех иомудов, высокочтимый Кият-хан приглашает вас на великий той, устраи-

ваемый в честь вас в селении Гасан-Кули...» Так я говорю? — вновь обратился он к брату.

— Так,— согласился Кадыр-Мамед.— Да только повторять отцовские слова — это не попугайство и не зазорно.

— А почему ты меня назвал попугаем?! — снова загорячился Якши-Мамед.— Чем я похож на попугая?

— Ты каждому русскому, которые приплывают к нам, твердишь одно и то же: «Я воспитывался у генерала Ермолова, мой друг Муравьев». А сам вредишь русским, как можешь. Это твои люди недавно утащили с расшивы Мир-Багирова четырех музуров...

— Ты не попугай, Кадыр, ты собака,— еще пуще взъярился Якши-Мамед и схватился было за нож, но сидевший справа Бларамберг поймал его за руку. В это время Кадыр-Мамед поднялся со скамьи, спокойно и с достоинством произнес:

— Григорий Силыч, брат мой правильно объяснил: народ иомудский вместе с Кият-ханом ждет вас.

— Хорошо, бек, я понял вас... Передайте вашему отцу, достопочтенному Кият-хану: я навещу его, как только закончу дела в Астрабадском заливе.

— Когда закончатся ваши дела?

— Не знаю точно, но, вероятно, скоро.

Кадыр-Мамед пожалел, что встал. Теперь надо было уходить и уезжать, иначе престиж его в глазах русских окончательно падет.

— Тогда позвольте, ваше высокоблагородие,— сказал он холодновато,— ехать мне и сообщить отцу ваши слова?

— Да, конечно... И передайте мои заверения, что я непременно посещу ваше главное кочевье...

Карелин не стал удерживать Кадыр-Мамеда: «Пусть едет. Оставишь их здесь вместе, чего доброго, перережутся». Начальник экспедиции, офицеры и все, кто был на корабле, с почтением проводили Кадыр-Мамеда до катера.

Ссора двух братьев несколько испортила настроение Карелину. Из дальнейшей беседы с Якши-Мамедом он сделал вывод, что оба сына Кията спорят о престолонаследии. Хоть и не велика власть стать обладателем Дарджи, Челекена и атрекских угодий, но чего желать большего, живя на этом скудном пустынном острове? Размышляя о ханских сыновьях, Григорий Силыч отдавал предпочтение Якши-Мамеду. И не только потому, что он более интеллектуален — хорошо знает русский язык и манеры обхождения, но и по той причине, что выглядит энергичнее и предприимчивее младшего братца. «Мне нужен такой джигит,— думал Карелин, неприметно разглядывая Якши-Мамеда и взвешивая каждое его слово.— Этот, по всей вероятности, может постоять за себя и своих соотечественников». О самом Кияте Карелин думал так, как думал бы любой другой на его месте: старику восемьдесят два года, не сегодня завтра навестит его «старая с клюкой» и уведет в кущи рая.

В ГАСАН-КУЛИ

К середине лета на Атрек начали съезжаться старшины. Каждый день прибавлялось в Гасан-Кули несколько юрт. Развьюченные верблюды бродили за кибитками. Босоногие ребятишки ездили на лошадях к реке: поили и купали ахалтекинских красавцев.

Вскоре появились и передовые сотни с Челекена. Понеслась по аулу весть: едет Кият. Атрекцы хлынули на дорогу, к реке, встретить своего патриарха. Увидели его во главе сотни джигитов. Он ехал на белом коне. Рядом с ним сердар Махтумкули. Вид у предводителей был суровый. И хотя Кият кланялся встречающим толпам и даже улыбался, все понимали — он не в духе: никогда еще так не оскорбляли его своим невниманием урусы. Начальник экспедиции даже не заехал к нему на Челекен.

Спешились возле белой восьмикрылой юрты Кадыр-Мамеда. Джигиты, ведя коней в поводу, разбрелись по всему порядку. Женщины и дети встречали воинов радушными возгласами, привязывали лошадей, поливали на руки из кумганов. Кият-хан с сердаром, раздевшись, тоже совершили омовение и, войдя в юрту, устало повалились на ковер, подоткнув под локти подушки. Атеке побежал хлопотать о чае и обеде. Но всюду уже дымились казаны и тамдыры. Женщины торопливо метались возле печей, покрикивая друг на друга. Не успели еще Кияту и его верному сердару чай подать — в кибитку вошла наряженная Кейик-ханым.

— Ну вот и пришла пора, потянуло тебя к родным дымам,— заговорила она без робости и смущения.— Урусы, однако, не очень благоволят к тебе. Стар стал.

«Вот она, истинная причина отчуждения,— с неприязнью подумал Кият.— Именно старость. И открывает мне эту истину, как всегда, эта мудрая ведьма Кейик». Ему захотелось прогнать ее.

— Кадыр-Мамед где? — спросил он сердито.

— С Санькой везде ездит. Сети пропавшие ищет,— усмехнулась старуха.

— Ладно, ханым, иди скажи людям, чтобы нашли его,— приказал он и взял с ковра пиалу с чаем.

Кейик, недовольная, вышла. Кадыр-Мамед приехал вечером, когда хан принимал гостей. Высокий, чуть сутулый, буркнув «салам», запыхтел, снимая с ног сапоги. Кият и его люди примолкли, наблюдая, как он копошится у килима.

— Что, сынок, от волков бежал? — спросил добродушно хан.

— От волков бы отмахнулся,— отозвался Кадыр.

— Кто же тебя так напугал, что и отмахнуться не мог?

— Хм, н-да,— промямлил Кадыр-Мамед.— Прав ты, отец, когда говоришь: «Если завелся один глупый в семье, зови аллаха на помощь!» Не сочти за неучтивость, но виноват во всем Якши-Мамед.

— В чем опять его вина? — насторожился Кият-хан.

— Не знаю, отец, бранить его или жалеть, но посуди сам. Ты ждешь к себе этого русского, а Якши-Мамед говорит ему: «Не спеши, Силыч, успеем на Атрек... Давай я тебя сперва со своими друзьями каджарами познакомлю»... И знакомит со всеми. В горы недавно отправились. Остановились у Сатым-бека — купили быка. Остановились у Гамза-хана — жену его молодую вылечили. В Эшрефе закупили мясо, рис, фрукты и целую арбу огурцов. Люди мои говорят, сами видели, как Якши-Мамед торговал рис для русских. А потом, по просьбе Карелина, отправился искать этих четырех музуров. А ведь сам их украл! Наглости его нет предела, отец!

— Постой, постой,— перебил его Кият.— О каких украденных музурах говоришь?

— О тех, которых Якши стащил у Мир-Багирова в отместку за рыбу, вот о каких! Конечно, случай обычный, но рассуди, отец, что теперь думает о туркменах Карелин, если мы на его глазах тащим подданных русского царя?

Кият-хан тяжело засопел. Опершись на плечо Махтумкули-хана, поднялся на ноги, пошарил руками и взял стоявшую у терима трость.

— Где он сейчас, этот ублюдок?

— Не знаю, отец...

— Вот она, уважаемые, причина причин — почему Карелина до сих пор здесь нет,— выговорил Кият со злобой и опять обратился к сыну: — Когда Якши-Мамед утащил музуров, кто с ним был, знаешь?

— Овезли, кто же еще!

— Махтумкули, Булат,— задыхаясь, выговорил хан.— Приведите сюда этого Овезли!

Пока ходили за виновником, Кият-хан стоял во дворе и с тоской смотрел в сторону моря. Он думал о старшем сыне. Он видел в нем предателя и врага, причину всех своих бед. Он думал: что же с ним сделать, чтобы не стоял на большой дороге камнем преткновения? Тем временем приближенные Кията выволокли Овезли из его кибитки и пригнали к белой юрте. Его подняли с постели. Он был в рубахе, балаках и босиком. Овезли сообразил, чего от него хотят, и решил прикинуться невинным ягненком.

— Где урусы?! — взревел Махтумкули-хан, вталкивая его в кибитку.

— Урусы где? — тише, но еще злее повторил Кият.— Музуры где, сын шайтана?

— Какие музуры, хан-ага? — удивился Овезли, и тут Кият замахнулся и хрястнул по плечам рыбака своей тяжелой тростью. Виновник присел на корточки, но тут же получил удар пинком и отлетел к килиму. Булат-хан зашарил руками, схватился за нож, но вовремя опомнился: достал из кушака наскяды

и принялся ею колотить Овезли по спине. Тот стонал, скрежетал зубами и упрямо твердил: «Какие музуры?»

— Пристрели эту собаку,— устало сказал Кият, посмотрев на сердара.

Овезли понял — дальше препираться и скрывать бесполезно.

— В Чате они, хан-ага, в Чате,— быстро-быстро заговорил он.

— Ну вот, так бы и давно,— успокоенно произнес Кият и распорядился: — Махтумкули, скажи своим джигитам, пусть едут с этим дурачком в Чат и привезут сюда русских музуров.

Почти всю ночь провел старик в думах о старшем сыне и обстановке на побережье. Теперь он уже не сомневался, что дело портит Якши-Мамед. Судя по всему, из туркмен он главный на русском корабле. И не соврал средний сын, сказав, что змееныш знакомит царского человека с персидскими беками и вали. Теперь ему это нужно. Теперь и тесть у него, и жена — из продавшихся персам. Но не бывать тому, чтобы после Киятовой смерти этот ублюдок завладел властью! Вах, как он в нем ошибся! И поутру, когда Кияту сообщили, что корабли Карелина выплыли из Астрабадского залива и остановились на Гургене, хан уже не сомневался, что и эта остановка — по просьбе старшего сына. На всякий случай, дабы убедиться окончательно, спросил:

— Кого они хотят увидеть в Кумыш-Тепе?

— Ай, не знаем, хан-ага. Говорят, их Якши-Мамед туда пригласил.

— Ладно, спасибо за радостную весть,— сказал Кият и, сгорбившись, скрылся в юрте.

В понедельник, 13 июля, после полудня с моря донесся троекратный грохот русских пушек. Это суда Герасимова приветствовали приход экспедиционных кораблей. «Св. Гавриил» и «Св. Василий» остановились у входа в залив рядом с «Астраханью», «Св. Николаем» и «Св. Андреем». Несмотря на приличное отдаление, русская флотилия выглядела с берега довольно внушительно. Никогда еще атрекцы не видели сразу столько громадных кораблей у своих берегов. Толпы людей кинулись из селения к мелководной косе, размахивая руками и крича о прибытии главного уруса. Люди садились в киржимы, тотчас поднимали паруса и спешили к кораблям ак-падишаха. Следом за парусниками двинулось несколько лодок, но те и другие вскоре вернулись. Море было неспокойным...

Гребные суда русских появились в заливе на другой день. Четыре катера отошли от кораблей, поблескивая на солнце мокрыми веслами. И вновь, как вчера, от селения к берегу потянулись толпы. Ехали на конях джигиты, спешили, опираясь на сучковатые палки, старики, бежали наперегонки дети. Распорядитель встречи и тоя Кадыр-Мамед велел выстелить коврами дорогу от берега к юртам, послал навстречу гостям кулазы. Рус-

ские пересядут в них. Сам он держал за повод красивого гнедого жеребца и посматривал на отца, который сидел на своем белом Аккуше. Хан был в богатом малиновом халате нараспашку, грудь украшена орденом Владимира и медалями...

Русские, как и было задумано, пересели в лодки. В пятидесяти саженях от берега, на фоне зеленых волн, четко вырисовывались черно-белые мундиры и треуголки офицеров. Казаки были в киверах с султанами. Самого Карелина Кият-хан отличил без особого труда, хотя и видел по-стариковски плохо: в честь встречи «урус-хан» был в черном фраке и цилиндре, оттого выглядел щеголевато, держался важно, с некоторым превосходством над другими. Кадыр-Мамед не стал дожидаться, пока Карелин выйдет на берег, шагнул прямо в сапогах в воду, ведя за собой жеребца.

— Здравствуй, Силыч! — крикнул он обрадованно и бросил ему поводья. Тот сел на коня и выехал к поджидавшему Кияту.

— Здравствуйте, достопочтенный Кият-ага,— поздоровался с седла. Хан пожал его руку и не отпустил. Так, держась за руки, они поехали по коврам к приготовленным юртам.

В суматохе и ликовании никто не обратил внимания на прибывшего с русскими Якши-Мамеда. Уязвленный тем, что русские, встретившись с Кият-ханом, сразу забыли о нем, он свернул в сторону и затерялся в толпе среди соотечественников. Хозяева и гости уже входили в юрту, когда Карелин вспомнил о нем и отыскал в людской толчее.

— Дорогой Якши! — позвал он властно.— Ну-ка, давайте сюда!

Якши-Мамед неохотно подошел и, взглянув на отца, отвернулся. Кият сделал вид, что не заметил старшего сына. Войдя в юрту, сел рядом с Кадыр-Мамедом. Расселись на ковре офицеры и оба брата Герасимовы.

— Дражайший хан,— обратился Карелин к старику,— пригласите сына к дастархану, отчего он стоит у порога?

Кият насупился, недовольно повернулся к старшинам и заговорил по-туркменски. Сидящие кружком туркмены сдержанно засмеялись и все посмотрели на Якши-Мамеда. Тот, поняв всю нелепость своего положения, презрительно усмехнулся, выругался и покинул юрту.

— Нехорошо получилось,— пожалел Карелин.— За что вы его так унизили, Кият-ага?

— Ай, дурачок, без моей воли взял жену из дурного рода.

Карелину показался довод неубедительным, и он еще раз вступился за обиженного:

— Жаль, жаль... Право, Кият-ага, ваш старший сын прекрасной души человек. Вы слышали?.. Некие разбойники украли с российского судна четырех музуров. Мог бы разразиться скандал в Астрахани, но Якши отыскал и вернул этих людей.

— Привез он музуров? — с недоверием спросил Кият.

— Разумеется. Я вознаградил его богатым подарком.

Кият-хан покачал головой, но сказать, что и украл этих музуров Якши-Мамед, не посмел: не по-отцовски обличать собственного сына. Впрочем, и Карелин тотчас сменил тему разговора. Объявил хану и его близким, что приехал он не со злым умыслом, а единственно для выбора наилучшего места под устройство фактории. Ныне замышляет купечество русское завести большую промышленную торговлю с туркменами. И предвидя вопрос: «Отчего шах торгует туркменскими култуками?» — Карелин ругнул откупщика Мир-Багирова, назвав его хлопоты происками и рассказал о поездке купца Герасимова в Тифлис к командующему.

— Большие убытки потерпел наш купец,— кивнул Карелин на Герасимова.— И рыбы много пропало, и сети порастащили.

— Да, да, Силыч, был такой грех,— согласился Кият.— Не думали наши люди, что купец еще раз приплывет к нам, вот и растянули его добро. Посмотри на эти талаги, Силыч...— Кият достал из-за пазухи старые, перечеркнутые контракты Герасимова и подал начальнику экспедиции.

Александр и Никита переглянулись.

— Григорий Силыч, так это же мои контракты! — воскликнул старший Герасимов.— Только как они попали сюда? Ведь я своими глазами видел их у прокурора Нефедьева. Стало быть, прокурор их сюда прислал?

— Ай, понимать тут нечего,— небрежно ответил Кият.— Талаги от твоего прокурора к Мир-Багирову попали, от него к Мир-Садыку, потом у нас оказались!

— А ведь, пожалуй, это и есть вещественное доказательство происков астраханских властей,— сказал Карелин и свернул контракты.— Кият-ага, с вашего позволения, я оставлю сии бумаги при себе.

— Возьми, возьми, Силыч,— согласился Кият,— только прости нас, неразумных: все убытки возместим. Не оставим купца в обиде. И контракты новые подпишем, и сами вместе со своей землей к твоему государю пойдем.

Кият положил ладонь на руку Карелина и заговорил о «вольной Туркмении» — земле для других неказистой с виду, но богатой нефтью и рыбой, солью и птицей, каракулем и коврами. Богатства эти могли бы и теперь, и в будущем кормить всех, да разве можно извлечь из них пользу, если на туркменской земле постоянно звенят мечи и льется кровь! У алчных соседей одна забота — покорить прибрежных туркмен, подчинить их своей воле. Хан Хивы мечтает видеть иомудов у своих ног, со склоненными головами, шах персидский о том же думает. Туркмены, как могут, отбиваются от врагов и сами немало вреда им приносят. Но думают кочевые племена не о войне, а о мире. Думают о том, какой бы богатой могла стать «вольная Туркмения», когда б нашелся у нее могучий защитник. С помощью русских дворян и купцов он, Кият-хан, мог бы развить торговлю на Каспии до невиданных размеров. Пусть примет государь к себе, пусть

построит на побережье крепости и поселит в них гарнизоны, пусть поставит на Челекене, на Красной косе, на Огурджинском, на Атреке и Гургене рыбные заводы. Пусть кочевой народ приобщится к промышленному делу. Тогда не будет его страшить ни холод, ни голод, ни нашествие недругов. А коли вспыхнет большая война между русскими и каджарами, то «вольная Туркмения» может дать русскому государю не менее двадцати тысяч джигитов...

Карелин предполагал пробыть в Гасан-Кули несколько дней и принял все меры, дабы обезопасить лагерь от всевозможного нападения или какого-либо иного инцидента со стороны людей Мир-Садыка. По словам Кията, каджары находились неподалеку, и сюда доходили слухи, будто бы они настраивают гургенцев против русских. Прежде всего надо было охранять лодки, чтобы обеспечить возможное отступление на корабли. Возле лодок постоянно находились часовые, причем на ночь число их удваивалось. Экспедиционный лагерь — караульная палатка, выдвинутая несколько вперед к селению, две кибитки, в которых жили офицеры, две палатки для урядников, писца, рисовальщика, коллектора и толмачей, а также «парусиновая казарма» казаков — все это надежно охранялось стражей. Каждый день вступало в караул по двенадцать человек с урядником. Ночевали люди и в катерах. Пространство между берегом и стоявшими в заливе парусниками было отмечено буями, на которых светились фонари. Казакам приказано было держать ружья заряженными, а у пушки постоянно горел фитиль.

Предосторожности эти, однако, не мешали общению с атрекцами. Каждый день они приходили к русским, рассматривали пушку, нарезные ружья и беседовали с казаками. В самом селении тем временем собирались подписи под прошением к русскому государю.

Вместе с Киятом Карелин побывал в гостях у Махтумкули-хана. Сердар жил с женой и пятью детьми, трое из которых были сыновьями. Старшему, Мамеду, хмурому и диковатому, как и отец, было десять лет. У Кадыр-Мамеда угощались пловом. Сидели в просторной роскошной юрте. Опрятность и порядок в ней говорили о строгости ее хозяина, а раскрытый коран на сундучке — о благочестии и набожности. Разговор, однако, не касался ни аллаха, ни легенд, хотя Карелин и пытался услышать от хозяев что-либо любопытное.

Вечерком, когда туркмены сидели на топчане возле карелинских кибиток и вместе с Санькой писали новую талагу на откуп рыбных култуков, в заливе появилась оранжевая гями. Косые лучи заходящего солнца обливали ее золотом, казалось, она излучает сияние.

— Вах-хов,— уныло проговорил Абдулла.— Вот и пальван Огурджали пожаловал.

— Зови Кеймира сюда,— приказал Кият-хан.— Он нам нужен.

Пальвану особого приглашения не требовалось. Высадившись на берег и увидев палатки русских, он сразу направился к ним. Его встретили казаки и, похохатывая, привели к топчану, на котором восседали хозяева-атрекцы и их гости. На Кеймире был новый халат, юфтевые сапоги и черный косматый тельпек. Кият сразу обратил внимание на его одежду. Не дав ему поздороваться с Карелиным и купцом, сказал язвительно:

— Что, Огурджали, шерсть с моих овец продал — новую одежду себе купил?

— Какую шерсть, хан-ага? — притворно удивился Кеймир.

— Хай, эшек! — выругался старец.— Абдулла, скажи — чью шерсть он продал Саньке?

— Твою, хан-ага, твою. Обстриг твоих овец и за шерсть купил кузницу и получил в придачу еще десять червонцев.

— Запомни, Огурджали! — прохрипел Кият-хан.— Ты уйдешь от меня не раньше, чем я сниму с тебя шкуру!

Карелину перевели, за что Кият ругает пальвана, и Григорий Силыч, вспомнив недавние торги на Огурджинском, покачал головой и засмеялся:

— Ну, пальван, фантазии у тебя — хоть отбавляй!

— Спасибо слуге моему,— обиженно сказал Кият.— Если б не он, я и не знал бы о краже.

— Он много всякого видит! — неожиданно дерзко ответил Кеймир.— Он видит, как ты последнее у народа берешь. Он видит, как народ возле твоих кибиток на коленях стоит, муку, пшеницу просит. Почему молчит твой слуга об этом?! Он видит у меня твоих батраков, сбежавших от тебя, потому что ты заморил их голодом, не заплатив ни одного тюмена. Что ж он об этом не говорит, шайтан! — Кеймир с ненавистью взглянул на Кията и направился было прочь, но Карелин остановил его за рукав:

— Постой, постой, пальван... Ну-ка садись.

Кеймир сел с краю на топчане. Кият-хан отвернулся от него. Карелин сказал:

— Кият-ага, смените гнев на милость. Я был в гостях у Кеймира и знаю теперь, как он живет со своими людьми. Бедно живут огурджалинцы. В тряпье ходят, редко досыта едят. Вам следовало бы подумать о них. Вы говорили, что желаете, чтобы имя ваше упоминалось народом в седьмом поколении. Ну так заботьтесь о народе, иначе он вас забудет.

— Они ненасытны,— мрачно отозвался Кият.— Им сколько ни дай, все съедят, а потом еще обворуют.

— Ну ладно, ладно, Кият-ага. Овцы твои живы, никуда не делись. А что касается шерсти — она отрастет,— урезонил старика Карелин.

— Тут мы с ишаном посоветовались,— сказал Кият,— и ре-

шили Огурджинский Саньке подарить. За убытки, какие он понес от пропажи сетей и рыбы.

— Но вы уже подарили этот остров Кеймиру! — изумился Карелин.

— Фирман на это не составляли, так просто отдали,— пояснил Кият.

И Карелин понял: даря Герасимову остров, Кият хочет избавиться от опасного ему Кеймира. Подумав, сказал:

— Ну а ты, Александр Тимофеевич, чего молчишь? Чего кроткой овечкой прикинулся? Сопишь себе в нос, талаги строчишь, будто тебя разговор и не касается!

— Да мне ведь что, Григорий Силыч,— с притворным смирением улыбнулся купец.— В народе говорят: дают — бери, бьют — беги. Возьму островок, коли подарят.

— А туркмен с острова куда денешь?

— Был и о них толк, Григорий Силыч...

— Ну вот что, Саня, ты со мной не хитри. И пальвана не обижай. Будешь платить островитянам!

— Да уж сколько заработают, столько и получат.

— Э, нет, голубчик,— возразил Карелин.— Давай сладимся так. Будешь платить им, как своим приказчикам и музурам платишь.

— Да вы что, Григорий Силыч! Разорюсь ведь!

— Ничего, ничего. Кеймиру — шесть рублей в год, как старосте. Жене и сыну — по три рубля. Остальным сдельно, но не менее полутора рублей. Скот Кията не трогай — пусть пасется, бахчи тоже не разоряй, пусть люди пользуются арбузами, дынями...

Кият-хан слушал Карелина и согласно кивал. Закончив талагу об откупе рыбных култуков, Санька взялся писать договор о безвозмездной отдаче острова Огурджинского купцам Герасимовым. Когда стемнело и ханы стали прощаться, Карелин спросил Кеймира, есть ли у него место для ночлега. Если нет, пусть устраивается в его палатке. Пальван ответил весело:

— Спасибо тебе, урус-хан. Хороший ты человек. Теперь пойду к другим своим друзьям.

Следовало плыть в Балханский залив и оттуда совершить поход на вершину Дигрем, но задерживал Кият. Составлялась петиция Николаю I и собирались подписи. Тем временем обстановка под Астрабадом, судя по разноречивым слухам, усложнялась. То проносились вести о том, что шах поехал на охоту и его нечаянно застрелили, то поговаривали, что он стоит с войском в Кельпуше и ждет только ухода русских парусников. Шли толки и о хивинцах. Дескать, захватили они у иомудов караван из двух тысяч верблюдов: товары увезли в Хиву, а людей перебили. Карелин верил и не верил этим слухам, но нисколько не сомневался, что здесь, на диких просторах Каракумской пустыни, может произойти все что угодно...

Неожиданно для всех в Гасан-Кули приехал с отрядом Алты-

хан. Гоклены расседлали лошадей неподалеку от русского лагеря и потянулись к палаткам. Но Алты-хан приехал не для знакомства с урусом. Он увел свой отряд от хивинцев и привез фирман Хива-хана. Прочитав ультиматум, Кият тотчас созвал своих близких на совет. Пригласил и Карелина. Войдя в куполообразную мазанку, начальник экспедиции увидел самого Кията, Махтумкули-хана, Алты-хана, Кадыр-Мамеда и еще нескольких предводителей прибрежных родов. Сидящие уже ознакомились с письмом хивинского владыки, бранились и качали головами.

— Вот, Силыч,— начал Кият-хан,— послушай, какими лепешками нас потчует хивинец.

Он подал свиток Абдулле, и тот перевел написанное. Угроза заключалась в том, что «...если иомуды не прогонят от себя неверных урусов и не признают над собой власти Хивы, то Хива-хан придет на Атрек и Челекен со своими храбрыми воинами, побьет мужей, а с девушек снимет нижнее платье...».

— Достойно ли владыке писать такие слова! — возмущенно сказал Кият, когда Абдулла умолк, закончив перевод.— Или Аллакули думает — у него в царстве девушек нет? Не лучше ли ему подумать о сохранности своего гарема! Мы написали ему, Силыч, такой ответ — подавится, если прочитает! — Старец мстительно засмеялся и вновь обратился к Карелину: — На тебя вся надежда, Силыч... Передай нашу просьбу своему государю. Нынче мы соберем старшин, устроим той и принесем тебе прошение...

— Хорошо, хорошо, Кият-ага,— успокоил Карелин, давно уже понявший, какую большую надежду возлагают на него прибрежные туркмены.

Ему вдруг стало неловко оттого, что в честь его хотят устроить увеселения. Не лучше ли побыстрее привести в готовность своих джигитов, ибо угроза нападения хивинцев и персиян реальна и медлить нельзя. И дело не только в дурных вестях из Персии и угрожающего письма Хива-хана. Войной запахло, когда, ободрившись мыслью, что к туркменам пожаловали люди ак-падишаха, иомуды выступили в защиту гоклен и обезглавили персидского принца Максютли. Карелин понимал и то, что его научно-торговая экспедиция вольно или невольно, еще до того как ступил он на туркменский берег, оказалась союзницей туркмен. Знакомство и торговые сделки, которые возобновились между русским купцом и туркменами,— это, как говорится, капля в море. Полная мера — принятие племен побережья в состав России, спасение туркменского народа от истребления могучими соседями. И, глядя на Кията и его сверстников, Карелин подумал: вряд ли этим обремененным нуждой и заботой людям хочется сейчас пировать.

— Господа, яшули,— попросил он,— может, не стоит затевать увеселений? Обстановка и в самом деле серьезная. Сегодня я отправляю пакетбот в Баку, попрошу, чтобы прислали сюда на всякий случай сторожевые корабли...

Кият с благодарностью пожал ему руку, однако от проведения тоя не отказался.

День был знойным — вряд ли стоило начинать той в середине дня, но Кият спешил провести игрища до захода солнца. Состязались всадники, пальваны, музыканты. Затем ханы и старшины направились к белой кибитке Карелина, и Кият попросил, чтобы сюда не велели приближаться простолюдинам. Подход к лагерю оцепили казаки. Подойдя к разостланному у кибитки ковру, ишан Мамед-Таган-кази выступил вперед, повернулся лицом к правоверным и поднял руку. Все опустились на колени.

— Во имя аллаха милостивого, милосердного,— зычным голосом «пропел» ишан.— Хвала аллаху, господину миров, жалостливому, милосердному царю в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь!..

Правоверные, шевеля губами и закатывая глаза, несколько раз коснулись лбом земли, и по окончании молитвы ишан зачитал прошение к Николаю I. Ишан читал по-туркменски, и Кият тихонько переводил Карелину содержание. После этого толмач Абдулла зачитал свидетельство от туркмен-иомудов купцу Герасимову об отдаче ему на откуп рыбных промыслов. И уже когда приступили к трапезе и казаки подняли зажженные фонари на пиках, ибо было совсем темно, Кият во всеуслышание объявил: если Черный ангел откроет ему вход в гробницу раньше того, как свершится богоугодное и каспийские туркмены станут подданными русского государя, то на троне главного хана побережья примет русскую грамоту его средний сын Кадыр-Мамед. Слова Кията были приняты с одобрением, никто ему не возразил, и, может быть, никто, кроме Карелина, не обратил внимания на Якши-Мамеда. Старший сын хана отодвинул от себя кясу с шурпой, встал и скрылся в темноте. Карелину захотелось пойти за ним и вернуть, однако подумав, решил — все равно бесполезно. И пожалел, что Кият-хан грубо, без уговоров и увещеваний, может быть, навсегда оттолкнул от себя своего старшего сына.

Ужин затянулся далеко за полночь. Все разошлись лишь на рассвете. Провожая туркмен, Карелин распорядился дать зоревой выстрел. Пушка с грохотом выкинула сноп огня, в ауле ошалело залаяли собаки.

Для русских отдыха в эту ночь не было совсем. Как только удалились люди Кията, начальник экспедиции объявил сбор в дорогу. До восхода солнца казаки убирали палатки, складывали в мешки и ящики всевозможную утварь. Почуяв уход чужаков, сбежались к лагерю огромные туркменские псы — безухие и бесхвостые, с тупыми, как у телят, мордами. Сидели и облизывались в ожидании поживы. Казаки им бросали кости с минувшего тоя, псы с жадным рыком метались из стороны в сторону и грызлись за каждую косточку. И тут кто-то из казаков додумался — натравил на полудиких псов корабельного пуделя. Болван кинулся на туркменских собак. Те сначала отбежали, но

когда пудель, увлекшись погоней, удалился от лагеря, окружили его. Вскоре до лагеря донесся пронзительный визг и дикое рычание. Возня продолжалась недолго. Исчезли куда-то псы, не вернулся и пудель.

— Кто науськивал Болвана? — яростно допытывался топограф.— Все равно узнаю, анафемы!

Казаки молчали и делали свое дело: завязывали мешки и забивали ящики. Слух об исчезновении пуделя дошел до офицеров и самого Карелина. Те тоже пожалели: хороший, мол, пес — жалко. Якши-Мамед подался в аул за пуделем. Вернулся часа через два вместе с отцом и еще несколькими именитыми людьми. О пуделе его никто не спросил, потому что часть казаков и офицеров уже отправилась на корабли, а оставшиеся спешили проститься с Киятом.

— Итак, Кият-хан,— напомнил Карелин, пожимая старцу руку,— мы заглянем на бугор Бартлаук, потом на Огурджинский. Оттуда — на Челекен и тогда уже на Дарджу... А ты поезжай к Балханам и готовь своих в горы... Кеймир-хан будет сопровождать нас со своей лодкой. Надеюсь, ничего не имеешь против?

«Шайтан»,— подумал о пальване Кият, но на лице старца не дрогнул ни один мускул.

— Ничего, пусть сопровождает,— согласился он смиренно.

Карелин, попрощавшись с другими ханами и старшинами, сел в лодку. Туркмены смотрели вслед. Вот он миновал мелководье, пересел в катер, помахал рукой, и судно быстро направилось в открытое море к парусникам. Кият тут же приказал старшинам тоже готовиться в путь.

В ГОСТЯХ У ТЕСТЯ

Якши-Мамед больше не испытывал ни жгучей ревности к преуспевающему братцу, ни тоски, ни раскаяния. Душа его опустела, словно выскобленная после рыбы бочка. Сердце стало холодным, а голова — ясной. «Ну что ж, прощай, отец,— совершенно спокойно думал он, возвращаясь ночью из лагеря русских.— Видно, и впрямь разошлись наши дороги: твоя на север, моя на юг». Мимоходом он заглянул к Овезли и велел поднять на ноги джигитов.

— В море пойдем? — полюбопытствовал Овезли.

— Нет, пусть седлают коней. Съездим на Гурген.

Распорядившись, Якши-Мамед направился к кибитке старшей жены, толкнул ногой спящего, прикованного цепью к териму раба. Тот пугливо вскрикнул и тем разбудил Огульменгли. Она засуетилась, зажигая свечу и ступая осторожно по кошме, чтобы не задеть спящих детей. С пугливой радостью думала: «Неужели пришел с лаской и добрым словом?!» Но Якши-Мамед даже не улыбнулся ей. Бросил сухо:

— Дай мне тюмены, падша...

— Сколько, мой хан?

— Весь мешочек, который в сундуке.

— Вий, хан, что такое опять ты надумал? — запричитала Огульменгли, открывая сундук.

— Тише, тише... Что надумал, то и сделаю.

Взяв мешочек с золотом, он сунул его под халат и привязал к поясу. И, проговорив: «Ну, спи»,— ушел в другую юрту к слугам распорядиться, чтобы седлали коня...

На рассвете, когда все джигиты были в сборе, приехал от русских Аман-Назар. Узнав, что шурин собрался в Кумыш-Тепе, он попросил подождать и спустя час тоже был готов в дорогу. Выехали вместе.

Тихая пустынная равнина была еще окутана ночной дремотой и не подавала признаков жизни. Серые каспийские волны с легким шумом ударялись о берег, словно пытались разбудить спящие степные просторы. Но ни море, ни ветер не были властны над ними. Их могло разбудить одно лишь солнце, но оно было далеко за горизонтом и посылало сюда лишь отсветы. Якши-Мамед ехал молча, о чем-то сосредоточенно размышлял. Он даже не повернул головы, когда Аман-Назар указал в море на русские парусники, к которым спешили гребные суда. Русские для него больше не существовали, и, подумав о Карелине, он сказал себе, что не стоило рассчитывать ни на его силу, ни на его заступничество. У русских свои заботы — подчинить себе всех иомудов, а правит ими отец. Но ничего, Якши-Мамед заставит слуг ак-падишаха считаться с собой!

Кумыш-Тепе встретил всадников суетливым передвижением людей. Все были словно чем-то напуганы, куда-то спешили и не обращали внимания на посторонних. Из большого огороженного двора, рабата, выходили купеческие караваны. И создавалось такое впечатление, что купцы убираются побыстрей и подальше, не распродав товары. Еще не достигнув кибиток Аман-Назара, всадники поняли причину столь странного поведения жителей и гостей. От рабата к Серебряному бугру совершенно спокойно проехал на конях отряд каджаров. В кои времена было такое, чтобы персы чувствовали себя здесь как дома?!

— Да, видать, начинается такое, что не поймешь — плакать или радоваться,— печально сказал Аман-Назар, слезая с коня у своих кибиток.

— Спешить не будем,— с некоторой опаской и каким-то злорадством отозвался Якши-Мамед.— Послушаем, о чем запоют каджары.

— Без песен ясно, что хозяевами сюда пожаловали!

Разговор их прервали подбежавшие слуги и Айна, увидевшая из юрты мужа и брата. Обласкав обоих улыбкой и приветствием, она проводила их в кибитку, распорядилась, чтобы служанка вскипятила чай и готовила обед, а сама подсела к ним на ковер. Аман-Назар поинтересовался новостями и услышал, что персы появились в селении пять дней назад, побывали у всех

ханов и старшин. Сюда тоже заглядывал Мир-Садык. Но когда узнал, что хозяин в Гасан-Кули у Кията, выругался и ушел недовольный. Якши-Мамеду стало ясно, что сейчас надо думать о войне, а не о кайтарме. Он хотел было спросить у Айны, как там поживает Хатиджа, но не решился. Благо она сама догадалась, что брату не терпится узнать о молодой жене. Как только мужчины умолкли, Айна вставила слово:

— Ты-то, конечно, за своим яблочком приехал?

Якши-Мамед густо покраснел: не к месту, мол, такой разговор, но Айна не хуже его понимала это, добавила наставительно и строго:

— Надо скорее решать с Хатиджой, братец. Время теперь такое — как бы не опоздать.

— Сходи к ним,— попросил Якши-Мамед.— Пусть она готовится в путь, калым у меня с собой.

Он передал сестре мешочек с золотыми тюменами и выразительно посмотрел на Аман-Назара. Тот понял, что и ему придется участвовать в возвращении невестки с кайтармы. Решили: завтра же отправят Хатиджу на Атрек.

Вечером пришел человек от Назар-Мергена с приглашением. Тесть звал, конечно, не забавы ради, не для того, чтобы лишний раз посмотреть на красавца зятя. Подходя к его подворью, Аман-Назар и Якши-Мамед увидели с десяток каджарских коней и услышали густой говор, перемежающийся смехом. Судя по всему, хозяин и его гости ладили между собой. И встретили они приглашенных улыбками, деланным восторгом и похлопыванием по плечам. Якши-Мамеда усадили рядом с Мир-Садыком, человеком, которого он всегда считал своим злейшим врагом. И теперь, нечаянно коснувшись его, почувствовал отвращение и даже зажмурился. А каджар заглянул ему лживо в глаза и сказал с подкупающей лестью:

— Дорогой друг, я не забуду ваш благородный поступок. Вы осчастливили моего брата, когда он вновь увидел на своей расшиве тех четырех свиноедов. Пожалуйста, пейте этот чай...— Он поднес Якши-Мамеду пиалу, а затем и две конфеты в обертке.

— Моего зятя конфетками не возьмешь! — важно сказал Назар-Мерген, приглаживая бороду.— А на двадцать тысяч харваров риса мы согласны, если дорогой зять не будет против.

Якши-Мамед вскинул брови. Чего ради каджары вдруг расщедрились на двадцать тысяч? Много лет идут бесконечные распри из-за того, что персы за охрану астрабадских берегов платят мало — только десять тысяч харваров риса! А теперь, значит, пошли на уступки? Испугались, что русские переманят туркмен к себе?

— На каких условиях шах будет платить? — спросил Якши-Мамед.

— Условия прежние,— с кротостью мыши отозвался Мир-Садык.— Иомуды не пропустят ни одного аламанщика к Астра-

баду. А чтобы договор никогда больше не нарушался, его величество шахиншах просит прислать в Тегеран двенадцать аманатов [1], сыновей здешних ханов...

— Слава аллаху, у меня нет сына, посылать некого! — хохотнул Назар-Мерген.

— Дорогой хан! — немедленно откликнулся Мир-Садык.— У тебя дочь трех сыновей стоит!

Назар-Мерген побледнел и недобро сузил глаза, а Якши-Мамед схватился за нож.

— Ну-ка повтори еще раз, что сказал,— потребовал он.— Повтори, собачий сын!

— Дорогой мой, зачем так, а? — залепетал каджар.— Зачем? Хозяин пошутил, я тоже пошутил. А ты шутки не понимаешь. Успокойся, дорогой. Одна капля гнева может испортить целое море радости!

— Успокойся, дорогой зять,— попросил и Назар-Мерген.— Гость и вправду любит пошутить. Говорят, если в Астрабаде услышишь смех, это значит — или хамзад [2] кого-нибудь щекочет, или Мир-Садык шутит...— И хозяин опять захохотал.

— Значит, двенадцать аманатов? — холодно глянув на каджара, переспросил Якши-Мамед.

— Да, дорогой мой... Это необходимо... И еще я должен сказать, но теперь не могу. Пусть скажет сам хозяин этого очага...

Мир-Садык просяще уставился на Назар-Мергена. Тот надул щеки, выдохнул и небрежно заговорил:

— Думаю, дорогой зятек, не оскорбишься... А если вдруг вздумаешь опять хвататься за нож, то наберись терпения и дослушай до конца. Шах требует в аманаты одного из сыновей Кият-хана...

Якши-Мамед вздрогнул и криво усмехнулся. Назар-Мерген предостерегающе поднял руку.

— О тебе не говорим. Ты давно повзрослел и живешь своим умом. Назовем сыном того, кто живет по воле отца. Если Кадыр-Мамед отправится в Тегеран, шах будет доволен.

— Отец ни за что не отдаст Кадыр-Мамеда... Они сейчас вместе с Карелиным на Балханах...

— Значит, заложников пока только одиннадцать,— вздохнул Мир-Садык.

Наступило долгое и неприятное молчание. Якши-Мамед вдруг ощутил мерзкий холодок на спине от мысли, что его ведь могут взять силой и отправить в Тегеран. Страх и сознание беспомощности с каждой секундой становились сильнее.

— Хан-ага, позови писца с каламом [3] и бумагой,— попросил он.

Назар-Мерген не понял, зачем зятю понадобился писец, но

---

[1] Аманат — заложник.
[2] Хамзад — лукавый.
[3] Калам — карандаш.

распорядился, чтобы пригласили муллу. Когда тот вошел и уселся, свернув калачиком ноги, Якши-Мамед продиктовал письмо отцу, называя его заблудившимся старцем и требуя, чтобы отослал шаху, ради сохранения мира и спокойствия, Кадыр-Мамеда...

Содержание письма заставило взглянуть Назар-Мергена на своего зятя по-другому. Теперь он уже не сомневался, что гордый и знатный, богатый Киятов сын будет служить только ему и исполнять любые его замыслы. А они заключались в том, чтобы, опираясь на силу каджаров, захватить в свои руки все побережье, сделаться верховным правителем всех каспийских туркмен и верноподданным Мухаммед-шаха. Осуществлялся и замысел Мир-Садыка. После того как Кият-хан получит это письмо, он скорее всего отречется от сына. А куда же тогда деваться Якши-Мамеду? Конечно, придет на службу к шаху!

— Дорогой мой,— воскликнул каджар.— Вы поступили, как зрелый и мудрый муж. Иншалла!

И Мир-Садык заговорил о том, что все мусульмане — братья, сыны Мекки и Медины, у всех одна вера, освященная пророком и скрепленная Кораном, а над всеми один аллах. Сделав «запев», он принялся восхвалять могущество и доброту шахиншаха и договорился до того, что солнцеликий Мухаммед построит для каждого туркменского хана отдельный дворец с гаремом и павлинами. Шах «вылезал изо рта» Мир-Садыка пухленьким, угодливым миротворцем. Якши-Мамед видел его в своем воображении похожим на куклу со сложенными на груди ладонями и улыбающимся лицом. Странно только, что один глаз шаха все время подмигивал, как бы настораживая: «Не верь этому хитроумному! Я вовсе не такой...» И Якши-Мамед иронически усмехался.

Выпроводили каджара чуть ли не в полночь. Провожали хозяева гостя самыми добрыми словами, но, оставшись в кибитке одни, замолчали, словно и говорить не о чем: сладкие речи перса настолько были пусты, что не оставили и «зернышка» того, над чем бы можно было поразмыслить.

Покинув Аман-Назара и тестя, Якши-Мамед прошел в кибитку тещи и увидел Хатиджу. Она давно поджидала, когда он выйдет из юрты отца. Все время прислушивалась к мужским голосам и отодвигала килим — не прозевать бы! Войдя, он радостно изумился, увидев ее лишь в обществе служанки, взял за плечи и привлек к себе. Ему стало страшно, что его любимая Хатиджа сидит здесь, можно сказать, одна, даже надежных слуг рядом нет. Пока шли толки у Назар-Мергена, ее могли незаметно похитить люди Мир-Садыка.

— Чего молчишь, джигит? — усмехнулась она, высвобождаясь из его рук.— Разве не соскучился? Разве сказать тебе нечего? Я его жду не дождусь, все думаю, приедет — наговоримся. А он все слова растерял, пока с Атрека ехал!

— Еще наговоримся, моя ханым,— сказала он, оглядывая

юрту.— Вот приехал за тобой. Завтра, если хан не будет против, отправимся ко мне.

— Да, я слышала об этом, мне Айна сказала,— ответила Хатиджа, не сводя с него глаз, в то время как он пристально продолжал осматривать кибитку.

— Кто еще с тобой здесь спит? — спросил осторожно.

Хатиджа смутилась и толкнула его легонько в грудь.

— Вий, бесстыдник. Не вздумай ночью прийти: ошибешься, маму мою вместо меня приласкаешь! — И она засмеялась легко и невинно.

Якши-Мамед тоже не удержался от смеха, но потом сказал строго и озабоченно:

— Боюсь, Хатиджа, как бы вместо меня кто-нибудь другой ночью не пришел. Каджаров в Кумыш-Тепе много.

Хатиджа не думала ни о какой опасности, а теперь вот не на шутку испугалась. Якши-Мамед заметил, как она вздрогнула и огляделась, словно под одеялами или в сундуке уже сидели каджары. Глядя на нее, растерянную, он успокоил:

— Но ты особенно не бойся, ханым. Пятьдесят моих джигитов будут всю ночь около этой кибитки.

На лице Хатиджи появился румянец, хорошо заметный при свете нефтакыловой свечи. Якши-Мамед вновь привлек ее к себе, но уже со страстным желанием истомившегося влюбленного.

— Пусти, разве не видишь? — сказала она, указывая на служанку.

Якши-Мамед захохотал:

— Откуда она здесь?

— Она все время здесь. И до тебя, и при тебе. Видно, ты ослеп и, кроме меня, никого не видишь!

Рабыня, согнувшись, выбежала из кибитки, боясь навлечь на себя гнев молодого хана. И тут же послышался со двора голос матери. Якши-Мамед скривился: «О, как не вовремя!» Не успел еще раз прижать Хатиджу к груди.

— Вий, кто у нас! — сказала, входя, Сенем и накинулась на дочь.— А ты стоишь, бестолковая, хотя бы чай мужу поставила! Вий, горе мне с ней. Хоть бы ты скорей увез ее к себе!

Якши-Мамед улыбнулся и попросил, чтобы теща не беспокоилась: он хорошо угостился у хана, теперь мечтает только об одном — уснуть и побыстрее проснуться. Утром, если Назар-Мерген не откажет, он уедет с Хатиджой вместе.

— Не откажет... Зачем отказывать? — обрадовала его теща.— Я только сейчас с моим ханом говорила: велел собирать дочку в дорогу.

— Ну, тогда, Сенем-эне, я пока попрощаюсь с вами... до утра.— С этими словами он покинул юрту.

Вместе с Аман-Назаром они пошли мимо двух порядков кибиток, которым, казалось, не было конца. Ряды начинались у самого подножия Серебряного бугра и тянулись на восток вдоль

северного рукава Гургена — Кумыш-Тепе-агызы. Кибитки то подступали к берегу реки, то отдалялись, и между ними и рекой лежали пустыри, заросшие верблюжьей колючкой. Обычно на этих пустырях днем и ночью паслись верблюды, но с приездом каджаров сельчане предусмотрительно держали скотину у своих кибиток. Да и Серебряный бугор — вечное пристанище верблюдов и коз — был занят приезжими. Опасаясь подвоха, они разбили шатры на самой вершине бугра, и сейчас эти шатры были видны; около них горел огромный костер, высвечивая силуэты сарбазов и лошадей.

Аман-Назар, человек спокойный и рассудительный, шел молча, а Якши-Мамед на чем свет стоит ругал Мир-Садыка и его головорезов:

— Аманатов захотели, шакальи выкормыши! Думали, Якши-Мамед дастся им в руки. Я им покажу аманатов, до самой смерти помнить будут!

— Хов, Якши-Мамед,— возмутился наконец Аман-Назар.— Ты только сейчас стелился перед ними мягкой травой, а теперь превратился в жесткую колючку. Признаться, я и сейчас не могу тебя понять: с кем ты? С отцом или с тестем?

— Ни с кем! — еще громче выкрикнул Якши-Мамед.— Плевать буду на обоих. Один у русских с бороды крошки собирает, другой у каджаров!

— Тише, тише, хан... Услышат — донесут. Лучше объясни, почему перед тестем этого не сказал, а мне высказываешь?

— Вах, почтенный. Разве ты не понял, что нас хотели скрутить? Если б мы отказались от их условий, они бы нас связали. Сейчас бы ты, Аман-Назар, уже ехал на арбе в Тегеран. Чтобы отвратить беду, я и письмо отцу такое написал. Иного выхода не было. Вот это письмо! — Он снял тельпек, достал листок и со злостью разорвал его.— Вах, Аман-Назар, пойми меня. Мне бы только Хатиджу домой увезти, а там пусть все они подавятся ишачьим пометом! Ни русским, ни каджарам я прислуживать не буду. Я сам не ниже их и не хуже! Если народ за мной пойдет, для всех грозой сделаемся — и для Хивы, и для Персии, может быть, и для ак-падишаха!

— С кем же торговать станешь? Чем кормить народ будешь?

— Сильный мечом — и в торговле силен.

— Но для того, чтобы народ вокруг себя собрать, надо сначала накормить его. Кто за тобой пойдет, если у тебя будут амбары пусты?

— Ай, неученый ты,— с досадой отмахнулся Якши-Мамед.— Тебе не понять того, о чем я говорю. Ты одно пойми: я не зря три года у Ярмол-паши жил и в дворянском училище за столом сидел. Ты должен верить мне. Ты пойми, что сейчас везде так, как я хочу здесь сделать. Кавказские ханства тоже признали над собой власть русских, а теперь не знают, как скинуть с себя это ярмо. О Шамиле слышал?

— Ай, болтают что-то,— неохотно отозвался Аман-Назар.—

Только Шамиль — святой, от пророка вроде. Да и земля на Кавказе много хлеба родит. Нам, зятек, как я понимаю, надо у каджаров навсегда отобрать эти плодоносные земли. Пока не отберем астрабадские леса и поля, пока не прогоним персов с Кара-Су и отсюда, житья нам не будет.

— А я о чем говорю! — вновь вскинулся Якши-Мамед.— Да я же хочу внушить всем иомудам, что мы хозяева всего берега. Не надо служить ни одному государю. Если аллах снизойдет и мы победим, сам государем стану!

— Да, Якши, рукава твоей рубахи широки,— со вздохом произнес Аман-Назар.— Но я не вижу под этими рукавами сильных мускулистых рук. Ты научился ненавидеть, но силы не приобрел.

— А ты... ты неуч! — со злостью проговорил Якши-Мамед.— Ты не можешь написать свое имя.

— Иди своей дорогой, нам с тобой не по пути,— глухо отозвался Аман-Назар и зашагал быстрее. Опередив шурина, он первым достиг своего подворья и скрылся в белой кибитке.

Якши-Мамед ночевал в соседней юрте, выставив охрану из пятерых джигитов. Остальных отправил в порядок Назар-Мергена, дав наказ Овезли, чтобы все были начеку и следили за поведением каджаров. Сам он почти не спал. Было в селении тихо, море бесшумно облизывало пологий берег, и с Серебряного бугра доносились то выкрики, то смех, то стрельба. Может быть, и замышляли что-то каджары, но, соразмерив силы, напасть на атрекцев не решились. Якши-Мамед уснул на рассвете и проснулся, когда взошло солнце. Его разбудил Овезли:

— Хан, Хатиджа-ханым готова в путь. Если разрешишь, мы двинемся...

Якши-Мамед вышел из юрты, совершил омовение, намаз, поздоровался с сестрой и, видя, что нет никаких причин беспокоиться ни за себя, ни за свою молодую жену, велел Овезли возглавить процессию.

Чай Якши пил вместе с Аман-Назаром. Сестра то входила в кибитку, то вновь убегала по делам. Оба следили за ней и не смотрели в глаза друг другу. Уже заканчивая утреннюю трапезу, Якши-Мамед перевернул пустую пиалу и спросил:

— Как думаешь дальше, Аман-Назар? Поедешь на Атрек или здесь останешься? Время тревожное. Не пришлось бы тебе отправиться аманатом к шаху.

— Ай, ничего,— спокойно, не поднимая глаз, отозвался тот.— Как жили, так и дальше жить будем. Разве уедешь, если купец Герасимов аханы у Гургена поставил? Улов надо будет снять, засолить...

— Да, дорогой зять, это верно,— согласился Якши-Мамед и встал.— Ну ладно, злобу на меня не держи.— Он пожал ему руку, попрощался с сестрой и сел на скакуна. Пятеро джигитов давно уже поджидали его.

Едва выехали на дорогу, увидели далеко впереди, примерно

в фарсахе, клубы пыли. Ветер дул с севера и нес эту пыль на Кумыш-Тепе. Якши-Мамед догадался: это едет Хатиджа с охраной. И тут же заметил — с Серебряного бугра спускаются каджарские всадники. Вот они пришпорили коней и выехали на дорогу. Человек пятьдесят, не меньше. Якши-Мамед зарядил пистолет, то же сделали и его люди. Каджары приблизились быстро. Трудно было понять, с каким намерением они догоняют Якши-Мамеда. На всякий случай, видя, что силы неравны, он пришпорил коня, чтобы догнать своих. Едва джигиты пустили коней вскачь, как то же сделали и каджарские всадники. Вскоре донеслись выстрелы и улюлюканье. Якши-Мамед понял, что Мир-Садык хочет во что бы то ни стало вернуть его, ибо упустил вернейшую возможность взять живым одного из сыновей Кият-хана. Каджары скакали с обнаженными саблями. Но уже услышал выстрелы и увидел погоню Овезли. Он повернул свою сотню на помощь. Люди Мир-Садыка сразу поняли, чем это может кончиться, и прекратили погоню. Остановившись, Якши-Мамед выстрелил из пистолета вверх и со злобным удовлетворением проговорил:

— Шакалы!

— Надо было ночью пощекотать их! — сказал Овезли.— Мне так хотелось поехать на бугор и поучить их смирению и вежливости!

— Ничего, они от нас не уйдут! — Якши-Мамед развернул скакуна и поехал во главе отряда.

Вечером были дома. Хатиджа со служанками угощала гостей. Возвратилась она вновь в свою кибитку, которая стояла рядом с юртой Кейик-ханым. Особого веселья на подворье не было, но приходили люди, поздравляли Якши-Мамеда с возвращением его жены, угощались и уходили. Навестил своего молодого друга и Махтумкули-хан. Строгий и озабоченный, усаживаясь на ковер, спросил:

— Говорят, с каджарами встретился?

— Встретился, сердар. Приезжали за аманатами. Кадыр-Мамеда просят. Чуть было вместо него меня не взяли.

Махтумкули-хан сообщил:

— Сегодня привезли весть: Мирза Феридун напал на гокленов. Думаю, на этот раз каджары заглянут к нам. Надо готовиться.— Он посуровел и обозленно процедил сквозь зубы: — Отец твой глупец, выживший из ума... Увел людей с этим урусом к Балханам, когда люди здесь нужны. Возьми калам, напиши урус-хану, чтобы уезжал побыстрей, а людей наших на Атрек прислал. Заодно помощь попроси. Хорошо, если два-три корабля из Баку пришлют. Без помощи русских не обойтись... И собаку надо им отдать, чтобы не обижались.

— Какую собаку, сердар?

— Вон ту, разве не видишь? — указал Махтумкули-хан на черную юрту, где толпились ребятишки, и, попрощавшись, ушел.

Якши-Мамед приблизился к черной юрте и увидел знакомого

ему пуделя. Пес, грязный и потрепанный, лежал у терима и отчужденно смотрел на туркменят. Те ему совали в рот кусочки чурека и косточки, гладили и жалели.

— Его наши собаки погрызли,— уныло обронил сын Якши-Мамеда, семилетний Адына.— Он плачет, видишь?

— Постели ему что-нибудь, Адына-хан,— сказал Якши-Мамед.— Кошму или халат старый.

Парнишка вошел в черную юрту и выволок из нее рваный отцовский бешмет. Якши-Мамед носил его, когда жил еще на Кавказе. Дети тотчас подсунули под пуделя этот бешмет и снова принялись ласкать собаку. «Русские, русские,— подумал с досадой Якши-Мамед.— И бешмет русский, и собака русская».

СМЕРТЬ МАШЕТ КРЫЛЬЯМИ НА РАССВЕТЕ

О приближении опасности туркмены обычно узнавали заранее. Враг только садился в седло, а на Атреке уже толковали — в каких сапогах и какой на нем халат. Оттого и шутили дерзко, когда заходил разговор о нападении врагов: «Вот хорошо! А то у меня халат износился — с каджара новый сниму!» Не страшась ни хивинцев, ни каджаров, туркмены, однако, зачастую переоценивали свои силы. Именно с этого и началось, когда на побережье стало известно о том, что Мирза Феридун бесчинствует на гокленских землях, а хивинский хан Аллакули продвигается к горам, чтобы отобрать гокленов у персов. С востока уже пахло гарью сожженных селений, и люди, приезжая, рассказывали о несметных полчищах принца Феридуна, а атрекцы днем уходили в залив на киржимах ловить рыбу. Вечером прохаживали коней и чистили ружья, точили сабли, ножи да играли в дуз-зум. Никому и в голову не приходило, что надо было разобрать все кибитки, погрузить на верблюдов и отправиться на Дарджу или еще дальше — к Кара-Богазу, к обители Сорока дервишей. Спокойствие это исходило еще из того, что войско Махтумкули-хана, около полутора тысяч джигитов, пребывало в Гасан-Кули и в любую минуту могло обнажить сабли. Каждую ночь сторожили броды на Атреке конные сотни. Утром юзбаши приходили к сердару и сообщали обо всем увиденном.

В одну из ночей примерно в пяти фарсахах вверх по Атреку были замечены огни, похожие на множество разведенных костров. Юзбаши тотчас прискакал к сердару, поднял его:

— Седлай коней, Махтумкули-хан, каджары рядом!

Чтобы удостовериться в точности сказанного, сердар разбудил Якши-Мамеда, и вместе они отправились к реке, откуда просматривалась низменная местность далеко на восток. Действительно, далеко-далеко, там, где звездное небо соприкасалось с землей, виднелись огоньки. Они то вспыхивали, то гасли, и когда сердар прислушался, то уловил: оттуда доносятся еле внятные звуки. Якши-Мамед сидел на коне рядом и тоже прислушивался к устрашающей ночи.

— Как бы не ошибиться, Якши,— озабоченно проговорил сердар.— Может, это не костры, а факелы скачущих каджаров? Если так, то надо действовать.

— Сердар, приказывай, что делать,— поспешно отозвался Якши-Мамед.

— Упаси нас от всех зол и бед, милостивый, милосердный! Кажется, нельзя терять ни минуты,— с тревогой вымолвил Махтумкули-хан и повернул коня к аулу. Уже на скаку, когда въезжали в аул, крикнул: — Поднимай всех людей на ноги! Детей и женщин — в киржимы и подальше от берега! Джигитов — на коней!

По аулу понеслись крики, возвещающие о близкой опасности. Не прошло и минуты, как засуетились, забегали атрекцы. Мужчины и юноши кинулись к лошадям, женщины и дети, хватая на ходу самое необходимое — чурек, кавурму, тунче, одежду,— побежали от кибиток через бахчи к Чагылской косе. Бежали молча. Лишь изредка слышались озабоченные голоса женщин: не отстал ли кто из детей? А когда сели в киржимы, тут и сам шайтан не стал страшен! Подняли паруса, отплыли от берега, вздохнули облегченно. Начали прислушиваться: что там творится в ауле? А там — ничего особенного. Только слышен топот и ржание коней: это джигиты съезжались в сотни...

Обе жены Якши-Мамеда (старшая с двумя детьми) разместились в одном киржиме. С ними Кейик-ханым, три служанки и Султан-Баба. О семействе Кадыр-Мамеда позаботились слуги: усадили его жену с сыном в другой киржим. Но даже сейчас, когда надвигалась страшная опасность, семьи двух враждующих братьев не замечали друг друга, хотя киржимы покачивались на волнах почти рядом. Обозленная Кейик-ханым ворчала:

— Вот она, кара аллаха. Старый хан повелся с русским сатаной, а нам наказание мучительное.

— Не сердитесь, эдже,— спокойно отозвалась Хатиджа.— Может быть, ничего страшного и нет. Что-то не слышно ни стрельбы, ни криков.

Тем временем сотни под командой опытных юзбаши выезжали к Атреку. Часть джигитов переправилась на южный берег. Сердар Махтумкули, разделив войско на два больших отряда, велел продвигаться на восток по обоим берегам реки. Сам он вел семь сотен по северному берегу. Заняв таким образом обе дороги, ведущие в страну гокленов, сердар не сомневался, что обязательно повстречает неприятеля где-то в двух фарсахах от Гасан-Кули. Именно этого ему и хотелось. Он все время думал: «Нельзя врага допустить к аулу, нельзя отдать на сожжение и разграбление жилье». Якши-Мамед командовал передовой сотней. В нее входили самые отчаянные джигиты. Их именовали «глаза и уши». Всегда она выдвигалась вперед основных сил, оценивала обстановку, и ее связные все время сообщались с сердаром. Опередив войско на полчаса езды рысью, Якши-Мамед велел остановиться. Джигиты, не слезая с коней, затаились. По

расположению звезд Якши-Мамед легко определил время ночи: было часа три, и подумал, что каджары рядом. Тактика их ему была известна давно. Они всегда нападали на туркменские селения в первых проблесках рассвета, когда даже собаки и те спят. Неужели каджары изменили себе в эту ночь? Пока Якши-Мамед размышлял, Овезли с несколькими джигитами «прослушивал дорогу» — ложился и прикладывался ухом к земле. Но вот он решительно подошел и вместе со словами: «Идут, хан» — сел на коня. Сотня тотчас развернулась и понеслась назад.

Сколько их было на конях, на верблюдах и пеших! Никто из туркмен в ту ночь не мог бы сказать и сосчитать, ибо в предутренней темноте появилась черная живая лавина: голова уже здесь, а хвоста не видно. Первыми на каджаров напали джигиты сердара. Хотели опрокинуть войско Феридуна в Атрек, заставить его бежать на южный берег. А там семь других сотен добили бы расстроенные ряды врага. Удар нанесли неожиданно, с фланга, и часть каджарской конницы была прижата к невысокому, но отвесному берегу. Затрещали камыши, заржали кони, загремели выстрелы. Люди и кони сбились в кучу, падая в воду и запружая реку. Однако лавина каджаров не остановилась, а только «споткнулась». Средние и задние порядки каджарского войска сначала «спружинили», а затем ринулись вперед, охватывая со стороны Мисрианской равнины туркменских конников. Завязалась кровавая сеча. Поняв, что задуманный маневр не удался, спешно переправлялись через Атрек джигиты с южного берега. Вступив в бой, они оттеснили и каджаров, и своих на равнину. Панорама битвы расширилась. Кричащее, рычащее месиво расползалось в стороны, словно огромный паук расправлял свои страшные щупальца, и вот началось членение этого чудовища. Туркмены поняли, что каджары раз в десять превышают их численно. В смертельно бледной дымке наступающего утра, куда ни посмотри, маячили красные шапки персов. Поредевшие сотни туркмен отчаянно отбивались от сабель наседавшего противника. Даже сердару и его помощникам, надежно прикрытым со всех сторон джигитами, приходилось прорубать дорогу, чтобы выбраться на простор. А выбираться надо было во что бы то ни стало. Сердар Махтумкули пока что не думал о спасении собственной жизни, но ясно понимал: если он не уведет джигитов в пески, войско туркмен погибнет. Размахивая саблей и круша налетающих каджаров, он повторял приказ:

— Выходите на Мисриан!

Слова его подхватывали джигиты.

— Вырывайтесь к пескам! — разносилось то тут, то там.

И вот две группы туркменских джигитов устремились к такырам и барханам, увлекая за собой каджаров. Вырвавшись из объятий смерти, в этом же направлении отступили и другие туркменские сотни. Началась погоня со стрельбой и улюлюканьем. Солнце уже поднялось над Мисрианской равниной, а каджары все еще продолжали преследовать туркмен. Наконец слу-

чилось то, на что и рассчитывал Махтумкули-хан. Враги постепенно начали отставать и возвращаться назад. Все меньше и меньше «красноголовых» маячило сзади. Сердар остановил своих всадников, чтобы дать бой остаткам преследователей. Тогда опомнились и персы. Спешно развернули коней и помчались назад на Атрек.

— Они оказались сильнее,— тяжело дыша и вытирая с лица брызги крови и пота, сказал Якши-Мамед.

Звероватое лицо сердара было обращено в сторону уходивших врагов, в глазах догорал бессильный гнев.

— Не сильнее,— отозвался он с хрипотцой в голосе.— Их во много раз больше. Надо поднимать людей всего побережья. Чего встали! — вдруг закричал он, свирепея.— Поехали к Кияту!

Поредевшие сотни — погибло более половины туркменского войска — выехали на хивинскую дорогу и устремились к Балханам. Одержимые жаждой мщения, они хотели только одного — поскорее пополнить ряды и показать каджарам свою силу. Они сейчас не думали о том, куда дальше двинутся сарбазы Феридуна. Каждый понимал: «Барс, напившийся крови, уходит на покой». Но у персидского полководца был план согласованных действий с армией шаха. Ему надо было спешить, чтобы вовремя оказаться в Гасан-Кули.

И принц Феридун двинул полки к морю.

С восходом солнца жители Гасан-Кули успокоились. Некоторые уже и паруса начали убирать, ибо не видели никакой опасности. Настораживало лишь то, что ополчение атрекцев долго не возвращалось в аул. Жены Якши-Мамеда, разбуженные среди ночи и переволновавшиеся, к рассвету прилегли, постелив ковер на палубе и накрывшись одеялом. Султан-Баба, презрев опасность, сходил со слугами в аул и принес на киржим все, что было можно унести. Даже двух овец прихватил. Теперь он опять отправился на берег в маленьком кулазе, видимо, забыл взять еще что-то. Старший сын Якши-Мамеда глядел вслед рулевому, щипал руки бабке Кейик-ханым:

— Эдже, ну попроси его, пусть привезет белую собаку Уруску.

— Не хнычь и не требуй недозволенного,— ворчала, отталкивая внука, Кейик-ханым.— Разве эта лохматая собака не сатана? Урусы уехали, а ее оставили, чтобы мы не знали покоя.

Адына смотрел на бабку с недоверием. «Какая же это сатана,— размышлял он,— если ласкается все время? И руки, и лицо лижет, и на задних лапах стоит?»

— Эдже, хочу белую собаку Уруску! Эдже...

Бабка легонько шлепнула его по затылку и с испугом отдернула руку, потому что за бортом вдруг что-то загрохотало, полетели соленые брызги, а киржим заколыхался на волнах, как детская колыбелька.

— Аллах милостивый, милосердный,— запричитала Кейик-ханым, не понимая, что произошло. Мгновенно пробудились Хатиджа и Огульменгли. Засуетились, испуганно спрашивая: «Что это было?» Новый взрыв и свист летящего ядра заставил атрекцев обернуться в сторону реки. Оттуда трусцой приближались верблюды. На них сидели замбурегчи. Некоторые, уложив верблюдов, стреляли из пушчонок по киржимам и аулу. Кейик-ханым перегнулась через борт, зовя рулевого Султан-Баба, который спешил к ней в кулазе. А на северный берег Атрека, вслед за верблюжьей артиллерией, тем временем выскочили три шестерки с колесными пушками и множество всадников. Артиллеристы-топчи развернули пушки и начали стрелять по кибиткам. Сразу же вспыхнуло несколько юрт. Было видно, как метались и дико кричали прикованные к теримам рабы. Покидая аул, туркмены не подумали их взять с собой, да и не предполагали, что произойдет такое. Пленные персы гибли от грозного огня своих же соотечественников. Вопли захлебывались в пожирающем пламени и вонючем дыме, а пушки грохотали все чаще и громче, ибо не было рядом силы, которая могла бы заткнуть их жерла. Не прошло и часа, как весь аул был объят адским пламенем, и персидская конница носилась меж дымящихся остовов кибиток, выгоняя в поле верблюдов, овец, коров и хватая и стаскивая в арбы все, что уцелело от огня.

Спалив аул, каджарские артиллеристы стали стрелять по киржимам, но парусники были уже далеко в море. Снаряды или не долетали, или выстрелы были слишком неточными и не причиняли никакого вреда уплывающим атрекцам. Продвигаясь в двух фарсахах от берега на север, киржимы шли вспугнутой стаей гусей. И хотя издали казалось, что на парусниках полный порядок, на самом деле в них раздавались плач и причитания. Да и как не вопить, не убиваться, если родное кочевье постигла страшная беда. И какое сердце не исходило тоской, предчувствуя, какая злая участь постигла джигитов, бросившихся ночью на каджаров!

— Вай, Якши-Мамед! Вай, отец наш! — завыла первая Огульменгли...

— Сыночек мой, ангел моих надежд! — отозвалась, всхлипывая, Кейик-эдже.

— Перестаньте, эдже, разве можно плакать о нем, как о покойнике?! — воскликнула Хатиджа.— Я никогда не поверю, чтобы мой Якши отдал свою голову каджарам.

— Вай, бесстыдница! — еще сильнее завыла Огульменгли.— Вы слышите, эдже, что она говорит? И после этого еще осмеливается называть его «мой Якши».

— Ах, ханым-ханым,— пожурила свекровь младшую невестку.— Видно, сердце у тебя черствое!

— Эдже, не ругайте меня зря,— защищалась та неловко.— Разве любовь измеряется слезами? Да и зачем мне плакать, если я знаю, что он живой. Лучше утрите слезы и не показывайте

их другим. Увидят люди нас, плачущих, смеяться потом будут. Пристало ли ханшам плакать?

— Хатиджа-гелин права,— поддержал ее Султан-Баба и, не получив ответа, посмотрел на свою жену, которая сидела внизу с детишками, словно клушка с цыплятами. Чтобы как-то успокоить женщин и создать на киржиме порядок, он решил прежде всего вскипятить чай. Очаг на киржиме — лучше не придумаешь. В носовой части на возвышении утрамбован и обожжен огнем толстый слой глины, в нем углубление в виде очага. Внизу за перегородкой саксаул и два-три тулуна с нефтью. Султан-Баба развел огонь и вскипятил чай. Женщины тоже ободрились: расстелили на палубе сачак, наломали чурека, достали пиалы, сели чаевничать. Ребятишки рядом с ними. На других киржимах — вперед и сзади — тоже задымились очаги. И голоса стали слышны, и смех даже, словно и не было никакой беды.

— Пейте, ешьте, что аллах послал,— приговаривала Кейик-ханым, поглядывая на невесток.— Хорошо, что взяли с собой еду. Путь у нас долгий.

— Да, до Челекена еще ночь и весь день надо плыть,— вяло поддержала старую ханшу Огульменгли.

— Тебе зачем на Челекен? — сердито спросила Кейик-ханым.— Разве у тебя там золото спрятано? Или муж сказал — беги на Челекен? Если хочешь на Челекен, то садись вон в корабль Кадыр-Мамеда и плыви. А этому киржиму на Челекене нет стоянки. С тех пор, как Кият прогнал меня с того острова, я клятву аллаху дала — не ступит больше моя нога на Челекен! Пусть лучше умру на дне моря...

Невестки призадумались. У обеих на лицах недоумение: «А куда же еще, если не на Челекен?» Огульменгли спросила:

— Эдже, значит, мы плывем на Дарджу, к самому Кият-ага?

— Прикуси язык, бесстыдница,— проворчала Кейик-ханым.— Нет для меня той земли, где живет мой старик. Вези нас, Султан-Баба,— обратилась она к рулевому,— на тот островок, где могила святого.

Моряк грустно усмехнулся:

— Если разговор о том святом островке, какой называется Огурджинским, то теперь он тоже не наш. Кият подарил его купцу Герасимову.

— Слышала,— небрежно сказала Кейик-ханым.— Подарить подарил, но ведь не увез Санька святой островок с собой. Туда вези, там отсидимся.

Старуха стала думать о купце Герасимове: как встретит он ее, если еще не отплыл в свою Астрахань? Думала она о нем хорошо и даже посмеивалась над Киятом: неизвестно еще, кому Санька лучше служить станет. Рыба-то вся на Атреке! Значит, и купец будет все время жить возле рыбы. А на Челекене, у этого старого верблюда, что ему делать?

После чая и завтрака Султан-Баба собрал возле себя ребятишек, начал обучать их, как управлять киржимом. Были они

один меньше другого, а самый старший из них — Адына. С видом старого морского волка держал он в руках руль — шест, обклеенный кожей, и искренне радовался тому, что эта громадная махина — корабль легко подчиняется движениям рук. А Султан-Баба как мог прибавлял уверенности мальчику:

— Вот так держи, Адына-джан. Ничего не бойся. Трудновато, конечно, когда море штормит. Но сейчас волны небольшие. Можно закрепить руль и целый час не трогать его. Киржим сам будет плыть...

Поучив с часок мальчишек премудростям кораблевождения, Султан-Баба укрепил руль, спустился на дно киржима и лег отдохнуть. Женщин предупредил: если парусник будет сносить к берегу или наоборот — в открытое море, то пусть разбудят. Он проспал до вечера, никто его не потревожил. Проснувшись, оглядел море и местность. Проходили Бартлаук. Некоторые киржимщики причалили к аулу, но большинство, не останавливаясь, спешило к Челекену. В небе над пустынным берегом стоял черный дым, напоминая о страшном разгроме на Атреке.

— Ну что ж, Адына-джан,— похлопал мальчонку по плечу рулевой.— Ты будешь хорошим моряком. А пока отдыхай. Сейчас повернем к Огурджинскому.— И Султан-Баба взялся за руль.

От восточного берега до Огурджинского семь фарсахов. Как предполагал рулевой — прибыть к острову утром,— так и вышло. Причалив к бухте Кеймира и поставив киржим рядом с двумя рыбацкими лодками, Султан-Баба высадил женщин и детей на берег. Кеймира дома не оказалось — путешествовал где-то с русскими. Сын его, Веллек, с несколькими островитянами встречал нежданных гостей, не понимая, что их заставило заглянуть сюда. Лишь после того, как Султан-Баба рассказал о случившемся, он по-хозяйски распорядился:

— Мама, ну-ка веди к себе женщин! А вы,— приказал он островитянам,— ставьте побыстрее еще одну кибитку!

Хранитель святой могилы, узнав о нападении каджаров, тотчас велел правоверным молить аллаха о снятии божьей кары со всех грешных. Все поднялись на возвышенность и преклонили колени. Затем меджевур с тем же усердием принялся ловить овцу и притащил ее на собственных плечах, обливаясь потом. Тотчас ее прирезали, освежевали и заложили в черный закопченный казан. Пока готовился обед, а мужчины ставили кибитку, Кейик-ханым сидела в юрте с Лейлой и жалостно говорила:

— Нет конца человеческой благодарности, Лейла, но нет конца и насилию. Сколько сделал твой Кеймир хорошего для Кията! Должен Кият все свои последние дни на него молиться, а старик взял и отдал ваш остров урусам.

— Ай, мы ничего не потеряли, ханым,— беззаботно отозвалась Лейла.— Да и обижаться нельзя: всем миром решили отдать остров купцу, а на весь мир разве может быть обида!

— Так-то оно так,— согласилась старая ханша,— да только

и о себе надо думать. Раньше островок вас кормил, а теперь?

— Грех нам жаловаться на судьбу, ханым! Купец много всего оставил: и муки, и сахару, и шелку на платья. А когда уезжал, сказал, чтобы никого не боялись. Теперь, говорит, вы под защитой самого ак-падишаха!

— Ах, птичка, птичка,— усмехнулась Кейик-ханым.— Тебе бы только два-три зернышка дали склевать — и хватит. Но разве мужу твоему этого довольно?!

— Ханым, вы не беспокойтесь, за нас,— вмешался Веллек.— Мы никогда не мечтали о дворцах и амбарах. Еда есть, одежда есть — вот и хорошо. А теперь, может, и вправду мир на этой земле будет.

— Да ты скажи, щенок, чем вас всех урус так задобрил! — настаивала старая ханша.

Веллек помотал головой, улыбнулся:

— Тебе, ханым, может, все условия, какие между моим отцом и купцом существуют, перечислить?

— А как же! Думаешь, мне не интересно? Нам с Якши-Мамедом тоже придется дело иметь с Герасимом. Хочу узнать, какой лисой стелется, каким волком щетинится этот купец.

— Особой хитрости нет, ханым,— отвечал Веллек, польщенный тем, что ведет разговор, как хозяин.— Купцу амбары для хранения рыбы выроем в буграх. Потом, если дело пойдет, рыбу коптить начнем. А если обо мне говорить, то теперь называй меня, ханым, человеком ак-падишаха. Деньги купец платит.

— Ах ты, постреленок, теперь ты богатый! А меджевуру купец платит? — спросила Кейик-ханым.

— Нет... Говорит, пусть живет возле своего святого, как жил, он никому не мешает. И овец Киятовых не тронул. Пусть, говорит, пасутся, как раньше. И насчет тюленей столковались. Этого добра у нас много на берега ложится. Будем охотиться. Шкуры купцу, а жир себе. Арбузы, дыни тоже как сеяли, так и будем сеять. Так что, ханым, выходит, ничего мы не потеряли. Все при нас осталось, даже прибавилось. Теперь отец не только Огурджали-хан, но и Огурджали-староста.

— Ну, хорошо, хорошо,— согласилась Кейик.— Живите, радуйтесь себе. Только бы не мучила совесть, что землю эту неверные топчут. Как бы не пришлось расплачиваться с Мункиром и Нанкиром перед входом в рай.

— Вах, ханым,— засмеялся Веллек.— Если кому и придется расплачиваться, то это тебе и всем твоим родственникам! Разве не вы первыми Атрек продали купцу?

Старой ханше не по душе пришелся ответ подростка. Не выдержав издевательских насмешек, она сердито сказала:

— Ты нас, щенок, не трогай! Мы с Киятом, если понадобится, и от Мункира золотом откупимся.

— Вот и хорошо,— усмехаясь, добавил Веллек.— Теперь, ханым, шурпу поешь...

Лейла принесла посуду и принялась расстилать сачак.

РАСПРИ

Поредевшее туркменское войско, изнуренное долгим переходом и голодом, на седьмые сутки приблизилось к Дардже. По голой, выжженной солнцем степи разгуливал холодный ветер. Уфракские горы едва виднелись в тумане. Никто не встретил джигитов, даже собаки не залаяли. Подъехав к Ак-мечети, воины увидели на двери большой чугунный замок.

— Собачья отрава! — выругался Якши-Мамед.— Беда за сто фарсахов отсюда, а святой ишан уже сбежал!

Джигитам ничего не оставалось, как сбить с двери замок и поскорее укрыться в кельях. На дворе накрапывал дождь, и было похоже, что пойдет снег — с севера несло холодом. В кельях поместились далеко не все, многим пришлось избрать под жилье овечьи агилы. Там же, под навесами, разместили лошадей. Хмурые воины поругивали святого ишана, но были рады и тому, что он оставил саксаул и сено. Едва успели разместиться, Махтумкули-хан отправил людей на возвышенность Чандык, чтобы развели огонь. С Челекена заметят сигнал и пришлют киржимы. Якши-Мамед тем временем с тремя десятками всадников выехал к Балханам раздобыть овец. День джигиты провели в пути, на другой поднялись на вершину Дигремдаг — отсюда просматривалась местность на много фарсахов во все четыре стороны, но не увидели ни одного живого существа. Возвратились ни с чем.

Войдя в келью, Якши-Мамед увидел трех челекенцев. Они сидели на драной кошме и рассказывали обо всех новостях на острове. В одном из них Якши сразу узнал Кеймира.

— Вах, пальван, ты ли это?! — воскликнул Якши-Мамед.— Значит, и тебя согнали с твоего Огурджинского?

Кеймир встал, поздоровался неловко и сказал:

— Было такое, что и твоих жен с детьми, и мое семейство чуть не увезли каджары с Огурджинского. Спасибо, урусы вовремя подоспели — спасли всех. Все живы-здоровы, у Кията на острове живут.

— От каджаров спаслись, теперь от голода как спастись? — вступил в разговор Махтумкули-хан.— Вот послушай, что рассказывают. Все, кто остался жив, на Челекене прячутся. Народу там столько, что остров того и гляди от тяжести пойдет на дно. Разве хватит хлеба на всех? Сюда Кият прислал всего два киржима и сказал, чтобы больше не просили, а двигались бы к обители Сорока дервишей на Кулидарью.

— Пусть сам туда едет! — со злобой выговорил Якши-Мамед.— Он вызвал на нашу голову беду, он пусть и расплачивается!

Едва стемнело, Якши-Мамед, Кеймир и двое кормчих отправились к бухте, в которой были спрятаны два парусника, и вскоре вышли в бушующее море.

К острову причалили ночью. Киржим вытащили на песок и зашагали к Карагелю. Шли и удивлялись беспечности челекенцев. Уже с самого залива, где на черной ночной воде покачивалось более сотни лодок, их заметили сторожа и подняли тревогу. Выскочили из кибиток нукеры Кият-хана, принялись стрелять в темноту. Кеймир несколько раз грозным басистым голосом пророкотал, предупреждая, что это свои. Потом и Якши-Мамед принялся ругаться и называть нукеров трусами. Тогда только они поняли, с кем имеют дело, и заюлили, встречая молодого хана. Рассерженный, он не унимался:

— Здесь вы храбрецы! А к берегу стражу побоялись выставить! Любой может высадиться с кораблей! Хоть шах, хоть хан. Воздайте хвалу аллаху, что у Хива-хана лодок нет!

Не унимаясь, он приблизился к кибиткам отца и поднял всех на ноги. В темноте Якши-Мамед видел мечущиеся силуэты женщин и детей, которые спросонок не могли пока понять, что происходит, но уже догадались — приехал старший сын Кията. Сам старый хан выглянул из кибитки: весь в белом, словно аллах, спустившийся с холодных небес.

— Хов, кто там? — тревожно спросил в ночь.— Ты, Якши-Мамед? Зачем народ разбудил, утра не мог подождать?

— Спите здесь, а там!..— вскрикнул с досадой Якши-Мамед.— Разве тебе неизвестно, отец, что больше нет Гасан-Кули и нет твоего непобедимого войска?!

— Все мне известно, сынок... Заходи, не шуми...

Из кибитки Кията, ворча и прикрываясь халатом, выскочила Тувак. Якши-Мамед потянул за руку Кеймира, и они вошли в белую юрту хана. Служанка Бике зажгла свечи, быстро расстелила сачак. Не прошло и минуты, а у входа приплясывал веселый огонек под кумганом.

— Ну, говорите, я слушаю,— недовольно сказал Кият, подслеповато щурясь.

— Отец, разве ты не видишь, что мы на краю гибели?

Кият болезненно покривился, как-то сжался и показался Якши-Мамеду совсем беспомощным.

— Сынок, не обижай меня,— проговорил он с досадой.— Черный ангел уже открыл мне свои ворота, что я могу поделать, чем могу помочь? Ты даже не спросил о моем здоровье.

Якши-Мамед на какое-то время смутился, обескураженный беспомощностью отца. Кият как-то сипло покашливал, время от времени вытирая рукой подступившие слезы.

— Ослаб я... Глаза плохо видят, кашель мучает,— заговорил он.

— Отец, мы потеряли больше половины своих джигитов, о детях и женщинах и говорить нечего. Весь Атрек сожжен, тысячи людей угнаны в рабство.

— Твои-то все спаслись, сынок, слава аллаху. Русские спасли. А Мир-Садыка вместе с его кораблем в Баку утянули. Иди к своим.

— Да разве в них сейчас дело! — опять повысил голос Якши-Мамед.— Ты пойми: остатки твоего войска голодные на Дардже сидят!

— Сынок, что я могу сделать? — завздыхал Кият.— Я сказал Кадыру, чтобы послал туда хлеб.

— Мы получили, но этого мало.

— Большего нет, сынок. Теперь на острове в пять раз людей больше стало, всем хлеб нужен. Видно, настал для нас киамат, сынок. Спасение только в русских. Зови их на помощь, отгони от себя гордыню.

— Что ж, пойдем, Кеймир-хан.

Оба поднялись и вышли. Остановились у кибитки Кадыр-Мамеда. Он давно встал с постели и, видимо, ждал брата. Поздоровавшись, Якши-Мамед с упреком покачал головой:

— Эх вы... Под подол бабам прячетесь!

— А вы? — спокойно отозвался Кадыр и далее продолжил: — Пойдите, братец, поздоровайтесь с матерью и с хозяйками своими... Дети тоже не спят: все знают, что вы жив-здоров вернулись.

— Может быть, еще и гостинцев ждут? — сердито пробурчал Якши-Мамед и направился к соседней кибитке. Кеймир проводил его долгим и внимательным взглядом.

У входа в кибитку Якши-Мамеда поджидали обе жены. Он почувствовал их настороженность и почему-то решил, что с вечера и всю ночь они бранились между собой и теперь «онемели», узнав о его возвращении. Однако эта тишина и настороженность источали притворную ложь. И словно в подтверждение его мысли неестественно громко запричитала старшая жена, кинувшись ему навстречу:

— О-о-о! Отец наш дорогой, ненаглядный хан мой!

Он сразу даже не понял: радуется или печалится Огульменгли. Он лишь подумал, живы ли сыновья. И, увидев обоих и ощупав их ласково, с досадой и злостью посмотрел на Хатиджу, которая не выразила ни радости, ни печали, только тихо сказала:

— Я же говорила — жив!

Войдя в кибитку, она зажгла тусклую нефтакыловую свечу, и Якши-Мамед, увидев, в какой тесноте живет его семейство, еще сильнее обозлился. Все было застелено одеялами и подушками, ступить некуда. Ворча и ругаясь, он сел к териму и хотел снять сапоги. Якши только протянул руку к носку сапога, как старшая жена кинулась ему в ноги и проворно сдернула сапог. Поставив сапог к очагу, она вновь бросилась к его ногам, но Якши-Мамед отстранил ее.

— А что Хатиджа, она разве разучилась сапоги снимать? — с обидой спросил он.

— Где уж ей! — озорно отозвалась Огульменгли и, кажется, задела самолюбие младшей жены.

Хатиджа в ответ засмеялась:

— У Огульменгли вся и радость — прислуживать. Зачем же я буду лишать ее этой радости?

Якши-Мамед от злости даже зубами заскрипел, сердце огнем заволокло:

— Ну-ка, сними!

Хатиджа, не спеша и неохотно, взялась за сапог. Окончательно выйдя из себя, он выдернул из ее рук ногу и с силой толкнул в живот. Хатиджа ахнула и упала. Вскочив на ноги, Якши-Мамед принялся натягивать сброшенный первый сапог.

— Собачья отрава! — хрипел он.— Я тебе покажу! И вообще — почему вы обе в одной кибитке?

— Хан мой, просили твоего брата, но не нашлось другой для нас кибитки,— принялась жаловаться Огульменгли.— Для других у него все есть. А мы не только в тесноте здесь живем, но и, можно сказать, с голоду умираем. Дети, как собачата, у чужих тамдыров крутятся!

— Мать у кого поселилась? — спросил Якши-Мамед, надеясь, может быть, вместо Огульменгли отзовется Хатиджа. О, как ему хотелось услышать от нее хотя бы одно слово покорности!

— Кейик-ханым, свет моих очей, она одна живет со служанкой. Да еще Султан-Баба рядом с ней,— затараторила вновь старшая.

— Одна, говоришь? Ну тогда так сделаем. Вставай, Хатиджа, пойдешь к матери.

Ни слова не сказав, Хатиджа поднялась и вышла из кибитки. Он последовал за ней. Догнав, положил ей руку на плечо и повернул к себе лицом.

— Говори, почему такая? Почему не ласкова?

— Не буду я с тобой говорить ни о чем, лучше веди быстрее,— заговорила она.— Я ждала тебя, думала: приедет — сколько радости будет! А ты... На войну ушел — человеком был, вернулся — как зверь...

— Сама виновата. Разве так встречают?

— Значит, я должна наперегонки с твоей старшей тебя встречать? Кто вперед до тебя добежит, тот и любит больше, так?

— Не знаю, Хатиджа, так или не так, но я хотел, чтобы ты меня первой встретила...

— Я не собака, муженек... И ты не кость, чтобы драться из-за тебя.

— Кто же я?

— Ты должен быть всегда джигитом. А джигит обязан разбираться, где любовь, а где — услужение. Если уж правду говорить, то и Огульменгли и Кейик-ханым давно тебя оплакивали, как погибшего. А я все время стыдила их и говорила: все равно живой вернется. И ты вернулся. А если б и я тебя не ждала, то погиб бы ты...

— Вах-хов! — изумился Якши-Мамед.— Давай-ка постоим, потом зайдем...

Он обнял ее, и она вдруг разрыдалась.

— Хатиджа! — испугался он.— Хатиджа, что с тобой?! Прости меня, джейранчик мой...

Со сладостной тоской он гладил ее лицо, вытирая слезы, пока она не успокоилась.

Утром Якши-Мамед ужаснулся: аул походил на большой астрабадский базар. Всюду юрты, дымящие тамдыры и — люди. Оглядев склон к заливу, он направился к брату. Шел и все время натыкался на какие-то нелепые постройки: вбитые в землю четыре палки, накрытые всякой рваньюю, а под этой крышей — женщины и дети. В исстрадавшихся, голодных людях узнавал своих атрекцев. От этих взглядов ему становилось стыдно за свою беспомощность. Он вдруг почувствовал виноватым себя во всем. Ведь это он и сердар не могли противостоять натиску каджаров и отдали на сожжение Гасан-Кули.

Брат поджидал его, сидя с близкими людьми на выстеленной камнем площадке, возле кибитки, где в хорошую погоду пили чай и слушали песни бахши. Подойдя, Якши поздоровался со всеми.

— Кадыр, там, на Дардже, ждут твоей помощи двести джигитов. Есть раненые. Надо перевезти всех сюда.

— Чем кормить думаешь свое войско? — спросил Кадыр-Мамед.

— В первые дни поможешь... потом посмотрим. В долгу не останусь.

— Эх, братец, многие мне так говорили... Многие в долг взяли и ушли вместе с ним туда...— Он указал рукой на кладбище, где над бугорками возвышался глиняный куполок мазара.

Якши-Мамеда захлестнула обида: брат разговаривает с ним как с чужим. Сначала только ссорились, а теперь встретились чуть ли не врагами.

— Мы надеялись на вас,— продолжал Кадыр-Мамед,— а вы пришли, чтобы взять у нас последнее. Разве не видите: весь ваш народ моим хлебом кормится? Если б не я — все атрекцы давно бы отправились на тот свет. Чего же ты от меня еще хочешь?

— Ничего не хочу...— тихо, задыхаясь от гнева, ответил Якши-Мамед и зашагал вниз, к киржимам.

Кадыр, кривя губы, проводил его насмешливым взглядом:

— Ничего, ничего... Умереть ему не дам. Но он поймет, кто из нас сильнее и кто от кого зависит.— Кадыр покосился на батрака, бросил небрежно: — Загрузи ему один киржим мукой... Чурека тоже дай.

Слуга кинулся выполнять приказание.

Киржимщики уже сошлись в заливе, забрались на паруснн-

ки, когда на берегу появилась арба с белыми мешками. Повозку тянул верблюд, а верблюда вел за недоуздок батрак.

— Хан-ага! — окликнул он Якши-Мамеда.— Вот возьмите все это!

Якши-Мамед сбежал с киржима по деревянному трапу на берег, спросил:

— У кого взял?

— Братец ваш велел отдать вам, хан-ага...

— Вон он как! — вскипел Якши-Мамед.— Мол, так и быть, возьми! Собачья отрава!

Якши-Мамед схватил весло, замахнулся и ударил по горбу верблюда. Несчастный инер, не понимая, в чем дело, взревел, запрокинул голову и, когда получил еще один удар веслом, крупным махом поскакал вдоль берега. Арба завиляла колесами, мешки с мукой попадали с нее. Женщины и дети бросились к ним. Напрасно батрак отгонял их и звал на помощь — муку всю растащили. Якши-Мамед злорадно засмеялся и вновь взошел на киржим.

— У, собачья отрава! — погрозил он кулаком в сторону кибиток Кадыра.

Пока сбежавшиеся выясняли, что произошло, двадцать киржимов один за другим обогнули карагельский мысок и вышли в открытое море...

Парусники приплыли к полуострову Дарджа. Около двухсот человек тотчас сели в них. «Ну погоди, братец, ты у меня еще поваляешься в ногах!» — злобно пригрозил Якши-Мамед. В пути сговорились напасть на подворья. Причалили возле аула Булата в полночь. Сразу двинулись к юртам: хотели связать самого хана, чтобы спокойно выдал все, что потребуют, но не успели.

— О-о-о! — разнеслось вдруг между морем и кибитками.— Каджары напали! О-о-о! Люди, вставайте!

Наружу стали выскакивать одни женщины и дети; мужчин, кроме самого хана и нескольких батраков, в этом кочевье не было. Ворвались в кибитки и не застали никого: все успели сбежать или попрятаться.

Тем легче было выгружать из черных хозяйских юрт и ям чувалы с пшеницей, муку, рис и бурдюки с курдючным салом и кавурмой. Джигиты хватали все эти припасы и тащили в киржимы. Обшарив все юрты и амбары, Якши-Мамед приказал половину оставить хану и повел своих людей дальше. Такая же участь постигла и три других небольших аула. Загрузив киржимы продовольствием, Якши-Мамед двинул свою флотилию вдоль восточного берега. Обогнув его на рассвете, киржимы пристали к Карагельскому берегу. Здесь атрекцы действовали еще энергичнее. Мужчин в ауле не менее ста человек: собери их в отряд — сражение может получиться. Предупреждая возможные осложнения, Якши-Мамед направил джигитов к ки-

биткам, где жили ханские нукеры и приближенные, велел всех связать и обезоружить. Сам, в сопровождении десятка воинов, взбежал на бугор к юртам Кадыра.

— Эй, вставай, братец дорогой! — нагло крикнул Якши-Мамед, ворвавшись в юрту.

Было темно, и Якши-Мамед разглядел лишь, как заворошилось одеяло и высунулась голова. Боясь, как бы Кадыр не выхватил из-под подушки пистолет да не выстрелил в упор, сам бросился на брата и потащил его, ругаясь, к выходу. Кеймир и Султан-Баба кинулись на помощь: зажали рот, заломили и связали кушаком руки. Пока возились с Кадыром, жена его, маленькая тщедушная Базаргуль, выскочила на улицу и с воплями помчалась к Кият-хану. Но ее запоздалые крики только придали бодрости джигитам. Если они начали с того, что принялись вязать близких людей Кадыра с превеликой осторожностью, без какого-либо переполоха, то закончили свое дело грубо и поспешно, с применением силы и с ругательствами. Поднятый с постели Кият-хан сначала никак не мог понять, что творится, но когда догадался, что ему и его Тувак ничего не грозит, мудро изрек:

— Да, Тувак-джан... Именно так бывает, когда у молодых львов вырастают клыки и они ссорятся из-за каждой косточки...

— Ты думаешь, Якши не тронет нас? — испуганно спрашивала Тувал.— По-моему, он лишился ума после того, как его побили каджары.

— Никого он не тронет,— небрежно отозвался Кият.— Кровь ему не нужна. Хлеб ему нужен.

Кашляя и опираясь на массивную трость, он направился к белой юрте Кадыра. Шел спокойно и твердо, хотя и покачивался от болезни и старости. Следом за ним, плача и причитая, увивалась Базаргуль. Разбуженный налетом аул Карагель издавал множество разных звуков, но все это можно было назвать одним словом — паника. Впрочем, голодный приблудный люд уже выходил из панического состояния. Принимая от воинов мешки с рисом и мукой, отобранные у Кадыра и его нукеров, женщины и дети-подростки тут же ставили на огонь казаны, варили шурпу и замешивали тесто, чтобы поскорее испечь чуреки. Полукружье низкого карагельского берега осветилось огнями. В их зареве шарахались людские тени: словно тысячи привидений сошлись на ночное пиршество и спешили до рассвета управиться со своим делом.

При входе в кибитку Кадыра старый хан толкнул тростью в живот раба и откинул килим. По углам горели свечи, Кадыр сидел, связанный, на постели, а на ковре разместились Якши-Мамед, Кеймир и Султан-Баба. Хан не поздоровался, проговорил:

— Убери отсюда, Якши, посторонних. Они не должны слушать наши семейные разговоры!

Якши-Мамед ухмыльнулся:

— Нет, отец, семейных разговоров не получится. Когда дело касается участи всего народа, втроем нам не решить этого. Кеймир и Султан-Баба не мешают нам.

— Пусть он хоть руки мне развяжет,— кривя губы, попросил Кадыр-Мамед.— Или он боится, что я его задушу?..

— Собачья отрава,— проворчал Якши-Мамед,— ты думаешь, руки связывают оттого, что боятся их? Нет, братец. Мне еще генерал Ермолов говорил: руки связывают врагу для того, чтобы связать его дух.

— Значит, я враг?

— Хуже врага!

— Тогда кто я?

— Ты — жадная собака, Кадыр. Жадность тебе застилает глаза! Тебя не мучает совесть, когда ты видишь, как каждый день закапывают на мазаре людей, умерших от голода. Поэтому я взял у тебя хлеб. Я накормлю людей — и челекенских и атрекских! Я не дам им умереть!

— Вах, какой он! Ты подумай лучше о себе! Через день, другой и тебе нечего будет есть. Самого отнесут в гости к Черному ангелу!

— Замолчи, собачья отрава! — Якши-Мамед замахнулся, но Кият схватил его за руку.

— Развяжи его, сынок, не трогай. Ты уже наказал Кадыра.

— Но неужели ты, отец, не видишь!..

— Все вижу. Бери хлеб, рис, бери всех людей — поезжай на Атрек. Если умрешь от сабли каджара, слезы пролью я, да мать твоя, да еще немногие. Если Атрек отдадим каджарам, весь народ будет плакать.

— Отец! — упал на колени Якши-Мамед.— Не кляни меня за все, содеянное мной. Будет время — все верну назад. А сейчас давай решим без угроз и насилия еще одно дело.

— Говори.

— Пусть каждый хан Челекена даст для бездомных и неимущих атрекцев хотя бы несколько кибиток и кошм.

Кият-хан согласно кивнул и строго посмотрел на среднего сына:

— Вставай, Кадыр... Все слышал? Если слышал, повторять не буду. Иди успокой своих людей — пусть не стонут. Решим так, как должны решать родные братья... Плохой ты старшина. Боюсь теперь умирать. Умру — как бы не погибла вольная Туркмения. Поистине: «Их не обижал аллах, но они обижали сами себя»...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФРАКИ И ЭПОЛЕТЫ

У себя дома, в Оренбурге, Карелин пробыл не больше недели. Даже не успел привести в порядок собранный гербарий, чучела птиц и зверюшек. Не переписал начисто экспедиционный дневник. В штаб генерал-губернатора поступила депеша: господа Карелин и Бларамберг срочно приглашались в Министерство иностранных дел.

Дня за два до этого Григорий Силыч узнал о смерти Пушкина: гибель поэта принял близко к сердцу и, получив спешный вызов, бессознательно связывал два этих обстоятельства воедино.

Штабс-капитан Бларамберг заехал за ним утром, в санной кибитке, запряженной тройкой лошадей. Карелин уже был готов в дорогу: два чемодана стояли на террасе, сам одет в заячий тулуп и шапку, полевая сумка с документами на плече под тулупом. Перед тем как подкатить повозке, он нетерпеливо поглядывал в окно и выслушивал любезные наставления жены. Александра Николаевна, в наброшенном на плечи пальтишке, скрестив руки на груди, кажется, уже переговорив обо всем, напомнила:

— В Москве непременно поинтересуйся домами. Приценись по возможности. Не век же нам здесь прозябать!

Он соглашался с женой, рассеянно кивал и думал: отчего не проходит тоска? Никогда такого не было. Не заболел ли? Наконец, когда за окном зазвенели колокольцы, энергично распрямился и вздохнул:

— Ну, с богом, Сашенька...

Возница подхватил чемоданы и поволок в кибитку. Бларамберг поздоровался, не выходя. Карелин обнял жену, залез в «балаган», и лошади, легко взяв с места, резво побежали к площади, откуда отправлялась оказия.

Спустя час длинный кортеж санных кибиток, открытых саней с мешками и ящиками, сопровождаемый двумя отрядами казаков, выехал из Оренбургской крепости. Укрыв ноги до самого пояса медвежьим пологом и отвалившись на подушки, Карелин молчаливо провожал заметенные снегом избы, огороженные камышовыми стенами, и колокольни собора. Из кибитки казалось: парят они в утренней синеве золотыми шарами. Над водонапорной башней кружилась стая горластых галок.

Чем дальше откатывались от крепости, тем тоскливее становилось на душе. С каким-то неосознанным страхом он посмотрел на дорогу и вдруг понял — тоска его связана с ней, она возвращала его в далекую суровую юность.

— Спите? — спросил Бларамберг.

— Хочу малость вздремнуть, не выспался ночью.

Топот копыт и мягкое шуршание полозьев вскоре его начали убаюкивать. Ему почудилось, что едет он не в санях, а в быстрой фельдъегерской коляске. И — не на север, а на юг, в оренбургские степи. Он открыл глаза, тряхнул головой и посмотрел на штабс-капитана. Тот, посапывая, курил. Возница тоже сидел согнувшись. И лошади шли привычным размеренным ходом за передней кибиткой, в которой, кажется, ехали статские, из купеческого сословия, и казак с червонной серьгой в ухе — отставной офицер. Карелин видел их, когда садились в повозку. Белая равнина, властно напоминая о бесконечности вселенной, не менее властно призывала ко сну, и Карелин опять погрузился в приятную дремоту. И опять увидел фельдъегерскую коляску и подумал: «Вот наваждение!» А потом поплыли в затуманенном сознании дома и площади Санкт-Петербурга, широкая свинцовая Нева с черными фонарями вдоль берега и холостяцкая, освещенная свечами комната молодых господ офицеров. И теперь уже не понять — почему шумно? То ли дружеская пирушка, то ли собрание вольнодумцев. Прапорщик Карелин, размахивая листком бумаги, кричит: «Господа, помните у Пушкина:

Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести...»

Еще бы не помнить! Конечно же это строки из эпиграммы на Аракчеева! Эка удивил! А Карелин не унимается, взывает к приятелям: «А теперь взгляните сюда!» Он кладет лист на стол, и все видят нарисованного черта, затянутого в военный мундир. По нимбу надпись: «Бес лести предан!» Офицеры хохочут, хлопают по плечу Карелина, передают листок из рук в руки. «Карелину браво!», «Господа, тост за остроумную шутку!» И вот уже звенят колокольцы. Ворота распахиваются, и к штабу военных поселений подкатывает казенная карета. Длинный, угловатый фельдъегерь быстро входит в канцелярию. «Господа, мне нужен прапорщик Карелин».— «Я вас слушаю. Я — прапорщик Карелин».— «Очень приятно, прошу следовать за мной».— «Куда?» — «Не задавайте глупых вопросов!» — «Но я не одет. У меня, кроме носового платка, ничего с собой нет».— «Прекратите разговоры!» Карелин садится в карету между двумя жандармами. Все становится ясно: какой-то «раб» донес Аракчееву об эпиграмме. Тарахтят колеса, храпят кони, мелькают пестрые шлагбаумы... День, другой, третий, десятый... Есть ли конец пути? Оказывается — есть.

Коляска въезжает в Оренбургскую крепость, останавливается на площади у штаба. Фельдъегерь докладывает: «Господин генерал, по высочайшему повелению прапорщик Карелин доставлен в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы!»

«Бес лести предан»,— с усмешкой произнес про себя Григорий Силыч и хотел заговорить с Бларамбергом, но тот лежал с закрытыми глазами, видимо, спал. Тоска развеялась: ее всегда можно одолеть, надо только найти первопричину. Карелин уже спокойно вспоминал о том, как еще раз повстречался с Пушкиным. Это случилось в то лето, когда поэт заезжал в Оренбург, собирая материал к «Истории Пугачева». По случаю приезда знаменитости генерал-губернатор Перовский пригласил к застолью штабных офицеров и чиновников. Среди прочих был и Карелин, только что вернувшийся с Тюб-Карагана, где заложил Форт-Александровское укрепление. За дружеской чаркой говорили обо всем. И вот тогда Владимир Даль — чиновник особых поручений губернатора — прочел:

Всей России притеснитель,
губернаторов мучитель...

Перовский улыбнулся и сказал Пушкину, что некий прапорщик, превратив его строки в «Бес лести предан», потом изрядно поплатился и, кажется, был сослан чуть ли не в Оренбург. Карелин крайне смутился: еще мгновение, и Перовский назовет его фамилию. Но генерал попросту не знал, что автор переделанной пушкинской строчки присутствует здесь. Через день, когда проводили поэта, Карелин пожаловал к губернатору с докладом о поездке на Тюб-Караган и, улучив момент, сказал: «Господин генерал, я должен поблагодарить вас за сдержанность. Мне было бы крайне неловко, если б вы назвали мое имя». Перовский ничего не понял: смущенно потеребил пышные усы и спросил: «А почему я мог назвать ваше имя, сударь?» Тут только Карелин смекнул, что генерал действительно ничего не знает о нем, и, чтобы не показаться смешным, вынужден был рассказать всю историю с эпиграммой...

Заночевали в Сорочинском городке. Ужинали в грязном трактире, спали в убогой комнатушке с ситцевыми занавесками на окошках. На другой день, оглядывая из саней белые степи, говорили о восстании бедняков-кайсаков Букеевской орды. Карелин хорошо знал это ханство. Всего десять лет назад он служил управляющим у хана Джангира, учил его говорить и писать по-русски. Сам Джангир и сейчас был жив и вместе с царскими солдатами и своими нукерами разъезжал по степям между Волгой и Уралом — стрелял и вешал бунтовщиков.

— Иной раз подумаю о своей миссии первооткрывателя — и оторопь берет,— признался Карелин.— Идешь в юрты, сидишь на одной кошме то с кайсаками, то с туркменами. Заглядывают тебе в глаза, верят каждому твоему слову. И ты веришь

в дружбу и гуманность... Да где там! Сливается воедино эта жесточайшая царская и ханская сила... топит все гуманное в крови. Вот и теперь прошение тукмен государю переслали. Посмотреть со стороны — большое дело сотворили. Простые туркмены верят нам и надеются, что жизнь их улучшится. Но это не так, Иван Федорович: если подружится наш государь с этим царьком Киятом — туркменам тошно от этой дружбы станет!..

Вскоре встретили на пути этап заключенных. В длинном строю, с колодками на шее, шли вместе с русскими и мусульмане. Конные казаки, ехавшие сбоку, щелкали нагайками и покрикивали на каторжан.

— С Букеевской орды, видимо,— тихонько сказал Карелин.— Русские, кайсаки, калмыки — кого только нет!

— Все-таки есть сила, которая объединяет христиан с бусурманами,— отозвался Бларамберг.

И когда этап прошел и оказия двинулась дальше, разговор оживился.

— Между прочим, у Пушкина в «Истории Пугачева» единство бедняцких слоев всех народностей хорошо подано,— заговорил Карелин.

— Я тоже как-то думал об «Истории Пугачева»,— отозвался Бларамберг,— и понимаете... Дай бог не оскорбить память великого поэта, но скажу вам — он очень симпатизирует Емельке. Читаешь — и невольно заражаешься духом бунтовщиков.

— Может быть, так оно и есть?

— Не думаю, Григорий Силыч... Что может быть общего у дворянина и лапотной черни?

— Но вольнодумцы — Пестель, Рылеев и многие другие пострадали именно за лапотную чернь,— возразил Карелин.— Вспомните: отмена крепостного права и благоденствие всех народов — основные условия их программы.

— Может быть...

Бларамберг замолчал, и Карелин решил, что штабс-капитан не желает продолжать разговор на эту тему. Ну что ж, дело, как говорится, хозяйское. Григорий Силыч стал думать о том, что пожар свободы можно притушить, но погасить его совсем невозможно. Может быть, Александр Сергеевич и написал историю Пугачева, чтобы показать слабость восстания дворян-вольнодумцев? Что они могли сделать, эти дворяне, без могучей народной силы? Может, Пушкин подсказывает потомкам — не допускайте впредь подобной ошибки? Припоминая прочитанные страницы «Истории», Карелин открыл для себя такое, на что раньше мало обращал внимания. В самом деле: как могло произойти, что в стане Пугачева сошлись вместе русские, татары, башкиры, калмыки, кайсаки? Как люди разной веры объединились в одно ополчение? Значит, мечта о свободе и равенстве сильнее? Но можно ли мирными средствами найти то общее, что свело разноплеменный люд под знамя Пу-

гачева? Может быть, посредством торговли? Может быть, надо, несмотря на царскую жестокость, искать сближения с другими нациями?..

Санкт-Петербург встретил путешественников солнечной погодой. Ярко горело державное золото шпилей и куполов. На фоне густой синевы неба и чистого, недавно выпавшего снега величественные дворцы столицы выглядели подчеркнуто строго. На Неве поблескивали вмерзшие корабли и всюду сидели у прорубей рыбаки с удочками. День был воскресный, гуляющих по набережной было много, а попутных повозок — того и гляди столкнешься. Странно, но Карелин, вообще-то не считая себя человеком робким, до сих пор испытывал неприятное стеснение при встрече со столичной публикой. Между тем он родился здесь. Отец его, Сила Дементьевич, служил придворным капельмейстером у Екатерины II. Сам Григорий после смерти отца под покровительством старшего брата учился в кадетском корпусе. Были у него и сестры. Но сейчас он даже не знал, где они живут, что с ними. В первый год ссылки он пытался завязать с сестрами связь, но они не отозвались, и прапорщик принял их опасливое молчание с холодным презрением...

Путешественники остановились в доме вдовы-генеральши, на Невском проспекте: Бларамберг здесь снимал комнату и раньше, и теперь седая старушонка в белых буклях и бархатном капоте до пят с радостью отдала в распоряжение путешественников две комнаты в правом крыле дома. В тот же день они наняли карету и, лихо прокатившись по Невскому, остановились на площади у Зимнего дворца. Величественная Александровская колонна, Триумфальная арка с богиней Славы в колеснице над зданием Генерального штаба и Министерства иностранных дел — ничего этого не было пятнадцать лет назад, когда Карелин, незадолго до ссылки, проходил мимо Зимнего. Отпустив карету, путешественники направились каждый в свое ведомство. В широченном фойе министерства Григорий Силыч позволил швейцару снять с себя шубу и прошел по затемненным коридорам к управляющему Азиатским департаментом. Богатая приемная: зеленые бархатные занавеси, массивные двери — от всего этого он давно отвык. Да и попасть к управляющему оказалось не так-то просто. Карелин прождал не менее часа, прежде чем его приняли.

— Очень приятно-с,— холодно улыбнулся Дивов.— Давно ждем. Вас известили о том, что совещание у Карла Васильевича в четверг?

— Пока нет...

— Ну так представьтесь секретарю, голубчик.

Больше с него пока ничего не потребовали. Карелин оба дня до совещания проторчал в отделах Госдепартамента, рассказывал чиновникам о поездке, побывал у Даля, который на-

ходился в столице с генералом Перовским, в «Отечественных записках», в университете у студентов. Всюду его встречали с превеликим удовольствием и слушали с интересом. Наконец в четверг, к десяти утра, он пожаловал к министру иностранных дел, зная, что о его приезде много говорят, им интересуются — кое-кто превозносит, кто-то принижает и злословит. Он пришел внутренне собранный и подготовленный к любому ответу, из чьих бы уст ни прозвучал вопрос. Как и предполагал Григорий Силыч, на совещание пожаловали почтенные именитые господа. Но неожиданным было присутствие кавказского командующего — барона Розена, астраханского генерал-губернатора Тимирязева, военного министра Чернышева и генерал-лейтенанта Шуберта, министра финансов Канкрина... Наконец, когда приглашенные господа уже тесно толпились в приемной министра, появился оренбургский генерал-губернатор Перовский и с ним Бларамберг, который никак не предполагал, что его позовут на совещание столь высокого круга.

Без минуты десять Нессельроде, в голубом мундире, седоголовый, с кустистыми бровями и бакенбардами, прошествовал за стол. Поздоровавшись со всеми, он особо приветствовал военного министра и пригласил всех садиться.

— Ваше сиятельство,— спросил небрежно Чернышев,— а что же граф Симонич? Он не приехал?

— Обойдемся без него,— ответил Нессельроде.— От посла есть записка...— И без всяких преамбул открыл совещание: — Господа, с соизволения его величества ныне я собрал вас у себя, дабы обсудить гератскую проблему. Вызван этот разговор, как известно, беспорядками в Каспийском море и на туркменских берегах во время нахождения там государевой экспедиции...

Карелин вскинул взгляд на министра: «Значит, все-таки не обошлось без огня. А что же морская эскадра? Я же посылал депешу!» Непроизвольно он поднял руку, словно попросил слова, но никто не заметил его движения. Нессельроде спокойно продолжал говорить о том, сколько сил и энергии вкладывает государь, чтобы сделать Каспий ареной большой промышленной торговли, чтобы народы, живущие на его берегах, пользовались бы потребительскими предметами России; наконец, какое великое значение придает его величество приобщению к торговле среднеазиатских ханств...

Нессельроде говорил и говорил, а Карелин и в самом деле ничего толком не знал и лишь догадывался о войне на восточном каспийском побережье. Он слушал министра и припоминал осенние холодные дни, когда поднимался на вершину Большого Балхана, Дигремдаг, оттуда был виден чуть ли не весь берег; пески, древний Узбой, заливы и горы. Но не было скоплений конницы, не было ни огня, ни дыма. Наконец, и проводники, участвовавшие в восхождении на вершину, не проявляли никакого беспокойства. Может быть, распри начались позднее, когда корабли стояли у Кара-Богазского залива? Когда Бла-

рамберг, отважившись, сел с казаками в катер и поплыл в самую Черную пасть? Штабс-капитана не было более двух суток. Карелин тогда забеспокоился: не погиб ли он? Высадился с казаками и пошел берегом залива искать пропавших. Слава богу, все обошлось благополучно — Бларамберг сжег катер и вернулся. Но тогда... Именно тогда подскакали к заливу туркменские конники и, не подъезжая близко, потому что боялись, принялись размахивать шапками и звать Карелина к себе. Тогда он подумал, что это разбойники. А они, возможно, хотели сообщить ему что-нибудь важное? Вот дьявольщина...

Нессельроде между тем заговорил о более конкретных вещах. Полномочному министру в Персии, графу Симоничу, с превеликим трудом удалось расположить ныне царствующего Мухаммед-шаха в пользу России, потеснив некоторым образом английскую дипломатию...

Лица присутствующих поскучнели: видимо, все подумали, «граф Карла» садится на своего конька и сейчас будет «размахивать саблей». Но проницательный Карл Васильевич, словно угадав настроение присутствующих, неожиданно сказал:

— Не сочтите за дерзость, господа, но некоторые из вас вовсе недооценивают положение дел на азиатском востоке. Ныне английские агенты беспрепятственно разгуливают по улицам Бухары и Кабула, а по дипломатическим каналам все чаще присылаются сведения о возможном вторжении английских войск из Ост-Индии в Афганистан. Бывший недавно в Бухаре наш человек указывает в записке о происках английского агента Бернса. Речь идет о размещении промышленных товаров Англии на рынках Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств...

Карелин с Бларамбергом переглянулись: оба догадывались, что министр говорит о записке Виткевича, год назад побывавшего в Бухаре и теперь живущего при посольстве в Тегеране. Смежил благосклонно ресницы и потрогал усы генерал Перовский: все-таки речь зашла о его личном адъютанте!

— Наша святая обязанность, господа, не пропустить английские товары ни в Кабул, ни в Бухару, ни в Хиву, ни в Коканд,— продолжал министр.— С этой целью государь прошлым летом одобрил создание антианглийского союза в Тегеране... Возглавляет его Симонич, задача его — привести армию шаха в боеспособность, вывести к границам Афганистана и захватить Герат. При таких обстоятельствах выход англичан к среднеазиатским ханствам перекрывается и создается благоприятная возможность проникновения русского капитала в эти ханства. Именно поэтому прошлым летом намечалось нами провести две сугубо важные экспедиции. Одна из них — поход шаха на Герат, другая — государева экспедиция, под началом коллежского асессора Карелина, в инструкции которой было указано изучить все пути в Бухару, Самарканд, Хиву и прочие города и населенные пункты Средней Азии.

Нессельроде вышел из-за стола, взял указку и, раздвинув шторки, обнажил большую политико-административную карту.

Коснувшись острием указки персидской столицы, повернулся к присутствующим:

— Давайте рассмотрим ближе: что же произошло? В мае прошлого года граф Симонич добивается согласия Мухаммед-шаха, и войска собираются в поход на Герат. Английский посланник Эллис в спешном порядке отправляет депешу в Сент-Джемский кабинет[1] лорду Пальмерстону об угрозе захвата Герата шахом. Одновременно он пытается уговорить шаха отменить назначенный поход. Но шах непреклонен: армия выходит из Тегерана и останавливается в летнем лагере Кельпуш, чтобы затем двинуться дальше, Эллис по приказу Сент-Джемского кабинета покидает Тегеран. Шах начинает проявлять неуверенность: возможность разрыва дипломатических отношений с Англией пугает его. Симонич проявляет максимум энергии, чтобы поддержать персидского государя, и тут выходит на политическую арену коллежский асессор Карелин!

Сказано это было с явной издевкой, и присутствующие засмеялись.

— А как же, Карл Васильевич! — не переставая смеяться, подал голос Перовский.— Знай наших!

— Между прочим, Карелин как раз и есть ваш,— сказал Нессельроде.— И этот Карелин... Встаньте, господин асессор! — повысил голос министр и, выдержав паузу, пояснил: — Этот Карелин устроил такой кавардак, что долго еще придется нам разбираться.

Наступила напряженная тишина. Нессельроде заговорил вновь:

— Шах сначала воспринял все, как оно и намечалось,— русская экспедиция появилась в Астрабадском заливе, чтобы поддержать персиян. Но Карелин вместо поддержки сам накинулся на них. Все рыбные култуки у Атрека, Гургена и в Астрабадском заливе очистил от персидских сетей и велел туркменам пользоваться этими култуками. Знай, мол, наших!

Генералы вновь засмеялись, но уже несколько сдержаннее.

— Затем его превосходительство Карелин, не имея на то никаких полномочий, разрешил астраханскому купцу Герасимову заключить сделки с туркменами на откуп рыбы. Таким образом, он недвусмысленно заявил персидскому государю: култуки эти принадлежат не тебе, а туркменам. Опять же — знай наших!

Теперь уже никто не смеялся. Карелин стоял, уставившись в зеленое сукно стола, и не поднимал глаз. Барон Розен, когда речь зашла об откупе култуков, машинально достал платок,

---

[1] Так называлось правительство Великобритании.

промокнул лоб и с состраданием посмотрел на Карелина. Затем вновь перевел взгляд на Нессельроде и сказал тяжко, словно раскаялся:

— Карл Васильевич, возобновить контракты купцу Герасимову с туркменами разрешил я.

— Потому-то мы и пригласили вас сюда, барон,— бросил в ответ министр и продолжал: — Вот и остров Огурджинский, с молчаливого согласия Карелина, туркмены отдали купцу Герасимову. Может быть, барон, и тут вы постарались?

— Нет-с, ваше сиятельство. Об этом мне ничего не известно.

— Ну тогда, может быть, вам известно, барон, чего ради коллежский асессор принял прошение от туркмен о желании их перейти в подданство государя императора?

— И об этом мне тоже ничего не известно, ваше сиятельство,— с достоинством и некоторой раздражительностью ответил Розен.

— Что предосудительного в том, что я принял прошение? — не выдержав издевательского тона, спросил Карелин и посмотрел на Нессельроде. «Странно,— думал он между тем,— этот царский опричник бьет меня моими же «козырями». То, что я ставил себе в заслугу и о чем докладывал ему в своих рапортах, оборачивается против меня же!»

— Пожалуй, это самое предосудительное из того, что вы натворили,— не моргнув и глазом, ответил Нессельроде.— Как только шах узнал, что туркмены подали прошение и могут оказаться русскими подданными, сразу же свернул с гератской дороги и бросился на Гурген и Атрек. Мухаммед-шах после того, как вы у него захватили рыбные уделы, решил, что и туркмен мы у него отберем. Разорив селения, он поставил на колени гургенских ханов и заставил их подписать фирман о подданстве Персидскому государству. Вот этот фирман...— Нессельроде извлек из ящика стола исписанную шелковую бумагу и указал на подписи и отпечатки пальцев.

Все встали и приблизились к столу министра, чтобы поближе рассмотреть документ.

— Кровью, что ли, расписывались? — спросил генерал Перовский.— Или чернила красные?

— Может быть, и кровью,— сухо согласился Нессельроде и, выждав, пока господа усядутся, сказал: — По поводу сего фирмана была встреча персидского посла с государем императором. Я и военный министр присутствовали на ней... Решено признать территории, оспаривающиеся этим фирманом, за Персией. Решено также провести границу по южному берегу реки Атрек, между туркменами и персами. А чтобы поддерживался там стабильный порядок, учредим постоянное крейсерство русской морской эскадры...

— Карл Васильевич,— робко возразил барон Розен,— но ведь в бытность Муравьева в Туркмении эти туземцы тоже

присылали прошение и, кажется, со стороны персов не было таких грозных и официальных претензий?

— Времена меняются, барон,— ответил Нессельроде.— Разве вам непонятно, что ради Герата нам приходится поступаться не только этими территориями? Мы и контрибуцию[1] шаху, можно сказать, простили... из-за Герата. Уговорив персидского государя идти в поход, мы выполним его многие требования и капризы. А что делать, господа?

— Конечно, если учитывать гератские обстоятельства, вина господина Карелина велика,— снисходительно заговорил Розен,— но ведь он попросту не знал о действиях Симонича.

— Вина его — в превышении полномочий и в нарушении государевой инструкции, в коей сказано: не вступать в политические дела с народами, обитающими по берегам Каспия. Не знаю, по неопытности или по убеждению, но коллежский асессор пошел вразрез с инструкцией, а следовательно — и с государевой политикой. Гератская проблема ныне на самом острие русской торговой политики! Надо это понимать...

— Я хотел как лучше, ваше сиятельство,— попробовал оправдаться Карелин.— Я подошел к туркменам с миром и добрым словом расположил кочевников к себе. Мне кажется, что начальная форма порядка, которая может со временем водвориться на туркменском побережье,— в постепенном сближении и понимании друг друга...

— Не знаю, о чем вы думали, но поход шаха на Герат сорван по вашей милости... Мы об этом с вами еще поговорим. Останетесь на годок-другой при министерстве, поработаете в канцелярии. А сейчас садитесь.

Карелин был сражен, обескуражен, унижен. Он всего ожидал, но не этого. Мечтал побыстрее разделаться с отчетами о поездке и заняться наукой. Какие коллекции были собраны в экспедиции! А какой интерес к его открытиям! «Библиотека для чтения» предлагает ему написать для журнала статью о путешествии по Каспию, студенты университета устраивают с ним встречи и даже просятся в путешествия: согласны идти на край земли во имя науки. А этот Нессельроде... «Нет, это невероятно! Остаться на год, а может, и больше, при канцелярии министерства! Надо что-то придумать, чтобы избежать этой участи». Занятый своими мыслями, Карелин почти не слышал, о чем идет разговор. А говорили уже о том, что следует отстранить этого мошенника купца Мир-Багирова от господства на Каспии. Да и как иначе, если за шахом закреплялись лишь южные култуки — в Астрабадском заливе и на Гургене; култуки, расположенные севернее, отдавались Кият-хану, и купец Герасимов мог беспрепятственно заключать с ним контракты. Об острове Огурджинском рассудили так: пусть Гера-

[1] После поражения во второй русско-персидской войне Персия, по Туркманчайскому договору, должна была платить России контрибуцию.

симов сам справляется со своим «подарком», власти его островок охранять не станут! Прошение туркмен о подданстве оставили без внимания. Нессельроде по этому поводу сказал в утешение:

— Как только выйдем к Герату и присоединим среднеазиатские ханства, то и туркмены сами по себе к России отойдут. А пока о них говорить рановато.

— Да и невозможно их принять,— заявил доселе молчавший министр финансов граф Канкрин.

О его консервативных взглядах Карелин был наслышан: ярый крепостник, противник промышленного капитала. И сейчас он повел речь о предстоящей денежной реформе, о том, что в казне не хватило бы средств на учреждение новой губернии, если б туркмены оказались под эгидой России.

К концу совещания разговор по обсуждаемому вопросу стал терять стройность, ибо все уяснили, что требовалось, постепенно перешли к частностям. Карелин, воспользовавшись такой паузой, осмелился опять вставить слово:

— Ваше сиятельство, в прошлом году купец Герасимов подавал на ваше имя и в Сенат жалобу по поводу незаконной конфискации товаров... Может быть, помните? Нынче господин Тимирязев присутствует здесь — и он мог бы внести ясность по сему делу.

Карелин заметил, как астраханский генерал-губернатор вобрал седенькую голову в плечи и даже склонил ее на эполет: уж очень хотелось ему спрятаться от этого коварного дельца. И Нессельроде, взглянув на него, отвел серые сердитые глаза.

— Дело о конфискации, как мне кажется, не подтверждено документами...

— Я привез их,— Карелин торопливо вынул из сумки перечеркнутые астраханским прокурором контракты.

Нессельроде лишь мельком взглянул на них:

— Я думаю, этими контрактами займемся потом. Не так уж и велико дело, да и господин Тимирязев пока останется здесь... Как-нибудь разберемся...

Досадливо поморщившись, Нессельроде пригладил бакенбарды, поправил брови и как бы сделал резюме:

— Итак, господа, мы наметили к исполнению целый ряд вопросов, с решением которых открывается беспрепятственная возможность победы на Гератском плацдарме. У меня все.

После совещания некоторое время еще продолжались дебаты. Спорили Розен и Тимирязев, Чернышев что-то доказывал Перовскому. Канкрин не спеша подошел к Карелину, попросил контракты, привезенные от туркмен, осмотрел их, хмыкнул и спросил:

— На какую сумму конфисковано?

— Точно не знаю, ваше сиятельство, но, кажется, на полмиллиона ассигнациями.

— Недурно,— ответил Канкрин и вновь взял перечеркну-

тые контракты.— Вы, пожалуй, батенька, оставьте эти порченые документики мне. С Тимирязевым я сам поговорю...

У выхода на Дворцовую площадь Карелин догнал Бларамберга, который остановился и поджидал его.

— Ну что, Иван Федорович? Как твои дела?

— Все в порядке, Григорий Силыч. Еще утром я получил назначение: еду в Тегеран к Симоничу.

Тут же они остановили карету, сели и поехали к дому вдовы-генеральши.

«ДВА РУМБА ВЛЕВО»

Ранней весной, едва сошел ледоход и очистились волжские протоки к морю, Герасимовы вновь принялись загружать свой шкоут «Астрахань» продуктами и товарами для туркмен. Как и прежде, старик Тимофей намеревался отправить к туркменским берегам старшего сына, но в один из дней вдруг передумал. Дошел до Тимофея поганый слушок, будто бы казаки с того берега приплывали в слободку, к астраханским девкам, и произошла между статскими и служивыми парнями резня. Одного казака прикончили и бросили в Волгу, а какой-то рыбак выловил его, и этим «мокрым» делом занялся губернский следователь. Прослышал старик и то, будто бы младший его участвовал в этой смертельной драке. Не раздумывая долго, Тимофей призвал к себе всех трех сыновей и объявил свою волю: Санька с Никитой в Нижний нынче поплывут, а младший — к туркменам. Тут же повелел папаша Михайле готовиться в дальний путь и заняться делами по загрузке шкоута. Успокоился было старик, и тут — нá тебе: приходит посыльный из военного управления, приглашает Тимофея и его сына, который корабль к басурманам поведет, к генерал-губернатору. Перетрусили купцы, но что делать? — пошли: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать!»

Тимирязев только что возвратился из Санкт-Петербурга, к делам еще толком не приступал и вот сразу же вспомнил про купцов Герасимовых.

— Доброго здоровья, торговые люди,— встретил он их приветливой улыбкой.— Присаживайтесь, пожалуйста. В ногах, говорят, правды нет...

— Да ведь и сядешь — куриного яйца не снесешь,— сдерзил старик Тимофей и подумал: «Отвечать — так с норовом».

— Это еще как сказать,— возразил генерал, щурясь в улыбке.— Вот, скажем, я... Съездил в Санкт-Петербург к государю, посидел с министрами и с яичком вернулся... Словом, ваше степенство, похлопотал я малость за вас. Будем считать так: что упало, то пропало. Деньги от ваших конфискованных товаров на устройство улиц и ремонт бани пойдут, зато милость царская к вашему степенству — в наличии.

— То есть? — не понял Тимофей.

Генерал-губернатор немного замялся, и Михайла, глядя на него, наконец-то понял, что притянули их сюда не за убийство, а по тому, старому делу с туркменами, и возликовал душой, заговорил прибаутками:

— Эка, папаня, какой ты недогадливый. Тут надо так понимать: «То ли взятка — то ли взаймы без отдатка». Или так: «Попал — не кричи «пропал», был за решеткой вроде — глядь,— опять на свободе!»

— Балагур ты, однако, купчик,— сказал генерал и продолжил более строго: — Стало быть, помогу я вам отбиваться от подлого купца Мир-Багирова. С нонешнего дня не станет он вам мешать в торговле. Все туркменские култуки до самого Гургена — за вами. Плывите, откупайте... но и о нас помните. Сейчас я напишу командиру Саринской эскадры, чтобы полюбезнее обходился с вами...

Тимирязев придвинул четвертушку бумаги, обмакнул в чернильницу гусиное перо, написал несколько фраз, подышал на сырые строчки и, кликнув секретаря, велел принести печать с сургучом. Когда тот исполнил приказание, генерал-губернатор сам скатал в трубочку письмецо, заделал шнурок и запечатал.

— Вот,— протянул он Михайле.— Как встретишь капитана первого ранга Басаргина, так передашь ему. Тут ваша купеческая судьба: удача, прибыль и прочее. А также примите и от меня всяческое благорасположение. Отныне нет для меня других купцов в море, кроме вас...

Тимофей бухнулся генералу в ноги, а Михайла кланялся и растерянно глядел то на генерала, то на отца. Генерал похлопал Тимофея по плечу, помог подняться с пола и выпроводил в коридор. Когда вышли, старик, утирая слезы умиления, сказал:

— Везучий ты, Мишка, ей-бо! Я думал, они тебя, антихриста, в Сибирь сошлют или в солдаты забреют, а тут — вишь как...

— Ну ладно, папаня, не хнычьте, а то люди увидят... А что касается меня — я такой, везучий... Это уж точно.

На радостях старик Тимофей устроил младшему проводы. Собрались за стол всем семейством. Пили за добродетеля генерала и желали Михайле успеха. А наутро он отбыл в катере по Кутуму, по Волге, по Маракуше к Бирючьей косе, где стоял шкоут «Астрахань», и через день отправился на юг.

Плыли при хорошей погоде. Наштормовавшись за зиму, Каспий словно отдыхал: мягкий, легкий ветерок надувал паруса и нес славно по мелкой игривой волне. От Бирючьей косы до Дагестанского полуострова над мачтами повизгивали чайки, ожидая, когда же моряки потянут сети и будет возможность поживиться свежей рыбкой. Но корабль шел и шел уверенно заданным курсом — и птицы постепенно отставали от него.

За сорок четвертой широтой, в теплых водах, все чаще и

чаще стали попадаться тюлени. К ним Михайла быстро привык и перестал на них обращать внимание, а увлекся зрительной трубой, в которую разглядывал дагестанские поселения. Видел в отдалении Тарки с крепостью на горе, Дербент, окруженный стенами, самурские леса и гору Бешбармак. Потом пошли мимо Апшерона, мимо острова Наргена и Фульфа и бросили якорь в бакинской гавани, дивясь сказочным красотам города, но еще больше страшась горячего южного солнца. Михайла с интересом рассматривал теснящиеся у берега парусники всех мастей, пыльную набережную, заставленную духанами и фаэтонами, огромную Девичью башню и только что выстроенное неподалеку от нее русское здание — такой же высоты, но иной конструкции. Михайле хотелось «гульнуть» здесь малость, но он сдерживал свои желания и, съезжая на берег со штурманом Васильевым, предупредил музуров:

— С брига — ни на шаг. Скоро опять поплывем!

Сошел Михайла на берег единственно для того, чтобы узнать: где отыскать командира морской эскадры? В таможне усатый, с задубевшим лицом матрос указал на морской клуб, затем кивнул на покачивающийся военный пакетбот:

— Это его посудина.

Следуя вдоль набережной, Михайла со штурманом свернули в указанную улочку и оказались у каменного здания. Был полдень, солнце пекло нещадно, и возле клуба моряков не было ни души. Только где-то внутри помещения раздавались писклявые звуки флейты и гремели бильярдные шары. Молодой купец чутьем угадал, что этот Басаргин наверняка заядлый бильярдист, и направился по коридору на стук шаров. Двери в бильярдную были распахнуты настежь, окна тоже. Несколько офицеров в морской форме сидели у окна в креслах, двое играли. «Вот этот»,— подумал Михайла, взглянув на одного из игроков — рослого, статного, надменного, с рыжими вьющимися бакенбардами.

— Извините, если можно... Кто тут будет Басаргин?

— А тебе зачем он? — спросил рыжеволосый с бакенбардами, даже не взглянув на купца.

Михайла с обидой отметил, что моряк мог бы и обратить на него внимание: хотя бы на его внушительный рост — все-таки не каждый день появляются в Баку такие молодцы, как младший Герасимов! И, подумав немного, ответил небрежно:

— Письмишко надо передать от Тимирязева.

Бильярдист положил кий:

— Я — Басаргин. Где твое письмишко?

— А чем докажешь, что Басаргин?

— Ты что, в уме? — Моряк побагровел и выхватил из рук Михайлы свиток. Повертев его, он поморщился — не было, мол, печали, сунул во внутренний карман легонького сюртука, который висел на стенке, и спросил: — Все, или еще есть что сказать?

Михайла, парень на редкость самолюбивый и задиристый, на этот раз не удостоил моряка ответом. Резко повернулся да и вышел вон.

К вечеру бриг «Астрахань», так его называли хозяева, а все остальные шкоутом, уже был далеко от Баку и держал курс на остров Огурджинский, на котором, по словам брата Саньки, ждали купцов Герасимовых как владетелей и благодетелей. Чем ближе подходили к восточному берегу, тем больше Михайла обращался к штурману Васильеву с вопросами. Тот плыл к туркменским берегам в третий раз, хорошо знал все заливы и стоянки; знал, в каких местах прошлой осенью расставил Санька аханы и какие туркмены приглядывают за сетями. Не знал Васильев лишь того, что прошлой осенью, когда ушли отсюда экспедиционные и купеческие парусники, шахские полчища налетели на туркмен, пожгли и разграбили их селения.

К Огурджинскому подплыли вечерком. Кеймировская лодка-гями вышла навстречу шкоуту. Скользила рядом до тех пор, пока купеческий корабль не убрал паруса и не выбросил якорь. Туркмены размахивали руками и что-то все время выкрикивали. Легко можно было угадать по интонации, что произносили они слова приветствия. И Михайла, стоя у борта, все время поднимал руки и соединял в рукопожатии.

— Заждались, черти! — приговаривал он радостно.— Небось без хлеба сидят...

Хотелось ему поскорее сесть в шлюпку да податься на этот дикий островок, посмотреть — что он из себя представляет, и осмотреть бугры, о которых Санька толковал — будто бы в них можно хорошие вавилоны [1] вырыть.

— Ты, Михайла Тимофеевич, со шлюпкой бы погодил,— посоветовал штурман.— Время вечернее... Вишь, солнышко в море садится. Мало ли что может случиться. Считай, полгода тут не были... Не домой ведь вернулся.

Михайла выслушал штурмана, похмыкал, подумал и сказал:

— Пожалуй, верно, штурманок. Давай-ка приглашай туркмен сюда, ко мне в каюту.

На палубу поднялись Кеймир, его сын Веллек и еще шестеро островитян. Поздоровались, познакомились с хозяином. Штурман хорошо лопотал по-турецки и сейчас выполнял роль толмача. Иногда Кеймир заговаривал по-русски, но плохо.

— Беда, батька,— сказал он, когда направились в каюту, и прибавил по-своему, по-туркменски, а штурман перевел: — Беда, говорит, у них, у туркмен, произошла. Конец света увидели. Персы побили всех и аулы разграбили. Люди, говорит, умирают от голода, хлеба вовсе нет.

В каюте зажгли коптилку и уселись за стол. Как только подали гречневую кашу с мясом и нарезанный большими лом-

---

[1] **Вавилоны** — погреба в буграх для хранения рыбы.

тями хлеб, туркмены, не раздумывая, принялись быстро и жадно есть. Михайла смотрел на их худые скуластые лица и думал: «Да, видать, несладко им живется». Насытившись, Кеймир начал рассказывать с подробностями, как все произошло, и об ущербе сказал. Весь скот атрекцев угнан за Гурген, сети, которые поставил Санька на Атреке, в Гасанкулийском заливе и здесь, возле Огурджинского, пропали. Их с собой брат Мир-Багирова персидский «адмирал» Мир-Садык утянул.

— Значит, и рыбу не заготовили? — испуганно спросил Михайла.

— Нет, батька, не заготовили. Чем ее ловить, если сетей нет?

— А чем же туркмены торговать со мной собираются?

Кеймир пожал плечами, и Михайла разозлился:

— Да ты отвечай толком. Ты же мой староста! Я тебе получку за полгода привез. Данила,— тихонько сказал он одному из приказчиков, сидящих тут же,— ну-ка, достань ведомостишку с деньгами да выдай ему жалованье.

Приказчик достал из чугунного черного сейфа, который был привинчен к полу, деньги и ведомость. Неторопливо отсчитал три рубля серебром, отдал Кеймиру и велел ему расписаться. Взяв деньги, Кеймир недоверчиво улыбнулся: за что, мол, я ничего для русских не сделал, но все-таки положил их в кушак. Затем с усмешкой повертел в руках гусиное перо, отложил его в сторонку, обмакнул в чернильнице большой палец и приложил к ведомости.

— Грамотный ты, однако,— засмеялся Михайла.— Знаешь, как это делается!

То же проделал и Веллек, получив рубль двадцать пять. В глазах подростка горел азарт. Он не знал, за что ему выдали деньги, но было похоже на то, что этот юнец готов на все для русских — только бы ему платили. Столько же, сколько и сын, получил Кеймир на жену. Остальные туркмены остались без внимания: хмурились, что-то говорили тихонько и поглядывали на черный сейф.

Почти до утра пробыли на шкоуте огурджалинцы. Уплыли на остров, когда уже над морем засветлело. Михайла с тяжкими думами улегся на тюфяке и никак не мог уснуть. «На что же теперь муку менять? Разве что в Баку опять податься? Но ведь там сколько наших, астраханских купцов! И у каждого мука да пшеница!» Сквозь дремоту он услышал наверху, на палубе, голоса.

— Михайла Тимофеевич! — позвали за дверью.— Ты спишь? А то там опять туркмены! Черт-те сколько их приплыло, просятся в гости...

— Сейчас! — отозвался он и, не спеша одевшись, поднялся на палубу.

Колгота и шум от множества голосов, иноязычная речь, выкрики, ругань, смех взбодрили купца, как холодный ушат воды.

«Что они взбеленились?!» — возмутился он, разглядев, как в утреннем полумраке со всех сторон лезут на корабль туркмены. Пока он силился сообразить, что сие значит, и звал к себе штурмана и музуров, «гости» без особой агрессии — так, как это бывает на базаре, когда к чему-нибудь устремляется толпа, оттеснили русских музуров в сторону и ринулись в трюмы.

— Стой, нехристи! — не своим голосом заорал Михайла и выхватил пистолет.

Толпа не обратила на его крик никакого внимания. Внизу уже трещали ящики, гремели ведра, а некоторые, кто первым оказался в трюме, тащили оттуда на плечах мешки с мукой.

— Стой, остановись, стрелять буду! — еще раз заорал купец и выстрелил вверх.

— Эй, подожди, не стреляй! — подбежал к нему красивый туркмен выше среднего роста, в богатом халате и тельпеке.— Я сын Кият-хана, Якши-Мамед...

— Ну так прикажи, чтобы остановились твои нехристи! — потребовал Михайла.— Это же грабеж! Кто вам дал право бесчинствовать?

— Тише, тише, купец,— принялся успокаивать его Якши-Мамед.— Не бойся, это не разбойники. Они голодны, и их нельзя остановить. Мой отец — Кият-хан...

— Да мне-то что?! — продолжал возмущаться Михайла.

— Ай, дорогой, верить надо,— тоже возмутился Якши-Мамед.— Я — воспитанник генерала Ермолова, мои лучшие друзья — генерал Муравьев и коллежский асессор Карелин. Зачем кричишь? Пускай берут, я сам за всех расплачусь!

Михайла сунул за пояс пистолет и безучастно стал смотреть на эту ревущую толпу. Люди, худые, оборванные, грязные, спотыкаясь и падая, крича и радуясь, несли и несли из трюмов мешки с мукой и пшеницей. Видя, что русский купец больше никак не реагирует на происходящее, Якши-Мамед сам принялся хозяйничать. Он спустился в трюмы, увидел хомуты, вожжи, седла, полосовое железо и приказал своим людям, чтобы и этот товар несли в киржимы и везли в Гасан-Кули. Когда корабль был «вычищен» и в трюмах ничего не осталось, кроме крыс, Якши-Мамед вновь поднялся наверх и подошел к Михайле.

— Как зовут тебя, джигит? Ты, наверное, младший Герасимов?

— Пошли вы к дьяволу! — огрызнулся купец.— Тоже мне друзья туркмены! Кто же так делает? Вы что, хлеба никогда не видели?

— Эй, дорогой,— вздохнул Якши-Мамед.— С самой осени хлеба не едим. Мясо есть, рыбы немного есть, а хлеба нет ни крошки. Каждый день умирают люди... Ты не бойся, Герасим. Вот посмотри...

Якши-Мамед достал копию торгового свидетельства, в котором туркмены обязывались для Александра Герасимова ловить

рыбу, варить клей, собирать лебяжий пух и шкуры зверей, а тот, со своей стороны должен был привозить им муку, пшеницу и разные русские товары. И подпись Санькина стояла. Увидев ее, Михайла немного успокоился.

— Чем будете платить за взятую муку? — спросил он, глядя, как быстро отходят от шкоута нагруженные мешками киржимы.

— Как записано в талаге, так и будем. Осенью все отдадим. И рыбу, и клей, и пух... Не бойся, Герасим, и властям своим не жалуйся. Мы с тобой торгуем — мы сами и договоримся.

— Да чего уж тут,— отвечал удрученно Михайла.— Что поделаешь, коли голод? У нас в Астрахани когда бесхлебье, то обязательно холера всех подряд косит. У вас вроде про холеру ничего не слышно?.. Ну да ладно, пойдем в каюту... Распишешься за взятое...

Когда они сели за стол, к ним заглянул Кеймир.

— Входи, староста,— сказал Михайла.— Ты что же, а? Купца твоего среди бела дня грабят, а от тебя никакой помощи! — Михайла шутил, улыбался и подмаргивал, и Кеймир, поняв его, тоже усмехнулся. Заметил, однако, с печалью:

— Плохо дело, друг. Люди как звери стали. Никому не охота умирать.

— Предприимчивости у вас мало,— назидательно ответил Михайла.— Другие на вашем месте обратились бы к русскому государю за помощью, а вы на купца бросились. Думаете, надолго хватит вам этого хлеба? Ну, слопаете, а потом что? Опять до самой осени, пока колоски не созреют, зубы на полке держать будете? Нет, Якши-Мамед, так жить не годится. Давай-ка садись да составляй письмо командующему на Кавказе, пусть поможет.

— Ай, разве даст? — усомнился Якши-Мамед.

— Калмыкам раньше в рассрочку давали взаймы... Думаю, и вам помогут. Главное тут — правильно написать, чтобы поняли наши господа, как вам тяжело приходится! Давай, чего затягивать-то! Пиши, как можешь, по-своему, там переведут.

— Я и по-русски могу,— с достоинством сказал Якши-Мамед и взял перо. Прежде чем окунуть его в чернильницу, на мгновение задумался, проговорил: — А если твой государь даст хлеб, то на чем его привезем?

— Была бы кобыла, бричка найдется,— утешил Михайла.

— Давай, Герасим, я напишу, а ты поедешь в Баку и отдашь письмо русским. Давай помоги нам. Если хлеб дадут, вези его сюда.

— Эх ты,— пожурил Михайла.— Заладил: «давай» да «давай». Чем давай, лучше совсем не затевай! Хочешь быть сытым — поезжай сам со своей свитой,— закаламбурил он.

— Ай, брось ты,— нетерпеливо сказал Якши-Мамед.— Дестаны и я могу сочинять. Ты лучше помоги нам хлеб привезти, если дадут.

— Пиши, пиши, не теряй времени. Хлеб дадут — на полпути в море не выброшу.

— Хай, молодец! — заулыбался Якши-Мамед и принялся писать:

«По приказанию высшего начальства послан был к нам от российского министра посланник Григорий Силович, который позвал к себе все наши народы и спрашивал нас, в каком положении мы находимся и в чем особенно состоит наше желание, посему мы, весь народ иомут, поцеловав алкоран наш, приняли присягу быть верноподданными Российской империи.

Несколько времени после возвращения Григория Силовича приехал к нам Магомет-шах и с ним до 100 тысяч войска, с тем чтобы выгнать нас с владеемой ныне нами земли, но мы, защищая свои права, не уступали принадлежащую нам землю и потому сделали с ним сражение, но только он по превосходству сил преодолел и совсем ограбил нас...

При сем доводим до сведения вашего превосходительства, что при упомянутом грабительстве шаха потеряли мы до 40 тыс. дымов и сверх того 4 тыс. буйволов, 60 тыс. рогатого скота, 10 тыс. кобылиц, 500 тыс. баранов, 20 тыс. верблюдов и, кроме сего, вышеозначенный шах сожигал все хозяйства нашего народа...

Наконец просим ваше превосходительство дать нам провиант для пропитания народа за деньги, каковые мы обязываемся вполне уплатить после, через несколько годов по сроку, который будет назначен.

Из Астрахани один купец в продолжение уже трех лет покупает у нашего народа рыбу и настоящего года прислал к нам своего брата Михайлу для того же промысла, который, зная милостивое внимание ваше к нам, дал нам одно судно, каковое мы уже и отправили на случай нагрузки 7 тыс. пудов пшеницы или муки, которое просим ваше превосходительство одолжить нам...» [1]

В конце письма Якши-Мамед попросил кавказского наместника довести просьбу туркмен до государя и уведомить их ответом. Затем он дал письмо Михайле. Тот прочитал его, кое-где поставил точки и запятые и подивился: где научился русской грамоте Якши-Мамед? Этого вопроса только и не хватало сегодня молодому хану.

— Хай, дорогой,— удовлетворенно заулыбался он.— Я же тебе сказал: мой верный покровитель — генерал Ермолов!

— Молодец, хан,— похвалил Михайла и стал его приглашать отправиться в Баку вместе.

— Не могу оставить свой народ,— с печальным вздохом проговорил Якши-Мамед.— Надо поскорее возвращаться на Атрек. Кибитки делать, а то жить негде.

---

[1] Приведено подлинное письмо (с небольшими сокращениями) Якши-Мамеда Главнокомандующему на Кавказе.

Заговорив об отъезде в Баку, пришли к тому, что с Михайлой отправится Кеймир-хан, а за старосту останется его сын. Вскоре Якши-Мамед распрощался, сел в киржим и подался на север, к Атреку, а Михайла осмотрел в этот день Огурджинский и на следующий велел поднимать паруса...

Через несколько дней шкоут «Астрахань» уже стоял у причала в Баку, а компания Михайлы, вручив письмо коменданту гарнизона, изучала татарский рынок. Купец прицениваліся к товарам, думал, что́ отсюда можно вывезти в Астрахань и дальше — в Нижний Новгород, а что перебросить туркменам. Закупил Михайла для россиян дамганского кишмишу, сгущенной нар-турчи, кардамону, две барсовых шкуры, шемахинского шелку, а о туркменах подумал: «Эти подождут. Пусть сперва за муку рассчитаются». Все это время, пока ходил по базару и духанам, приглядывался к народу. И стоило ему увидеть моряка в форме, сразу вспоминал Басаргина. «Спесив, однако, этот морской волк,— размышлял с недоумением.— Что же он за человек, если его письмо самого генерал-губернатора не проняло? Ведь там ясно сказано: отныне выкинь, Григорий Гаврилыч, из головы своего перса, а присмотрись и постарайся поладить с купцами Герасимовыми. Младшего, Михайлу, тебе рекомендую — не ошибешься... А тут только встретились — и сразу словно черная кошка поперек пробежала!» По слухам, капитан первого ранга Басаргин находился на пограничном острове Сара, и никто не мог сказать, когда он объявится в Баку.

Дни шли размеренным ходом. Утром Михайла звал с собой штурмана и Кеймира, спускались на причал и отправлялись по набережной в город. Тесные улочки, над которыми нависали глинобитные и грубые каменные дома без окон, уводили в гору. Иногда, поднявшись к самым Бакинским ушам, Михайла со своими спутниками оглядывали город сверху — отсюда он казался беспорядочным нагромождением из глины и камня. Только корабли, стоявшие в гавани, говорили о бурной и кипучей жизни. Возвращаясь на бриг, Михайла иногда заглядывал в гарнизонный штаб и отыскивал коменданта Бахметьева. Пятидесятилетний полковник был из того круга военных, которые не прочь посидеть в компании с хорошим человеком, выпить и закусить. Мог Бахметьев провернуть и какое-либо выгодное дельце. Михайлу он встречал с удовольствием. Толковали об Астрахани, о купеческих делах, но больше о боевых действиях в Дагестане и на Чечне. Комендант всегда знал последние новости: «Генерал Фези захватил Хунзах и Унцукуль — теперь Шамилю деваться некуда, запросил перемирия, но надолго ли?» Бахметьев утверждал, что кавказской войне пока что конца не видно: можно судить хотя бы по тому, сколько солдат еженедельно уходит из Баку в Самурские леса, под Дербент и в Темир-хан-шуру. А сколько идет со стороны Астрахани к Кизляру! Михайла спрашивал, нет ли у Шамиля кораблей, и комендант пожимал плечами: вроде бы, мол, не должно, а

вообще-то дьявол их знает. Встречи с полковником чаще всего приводили к тому, что «друзья» отправлялись в русскую ресторацию. Там, заняв столик на айване среди пальм, заказывали они бутылочку рому и сидели допоздна. Ночью Бахметьев провожал Михайлу до пристани и, прежде чем отправиться восвояси, говорил:

— Сегодня тоже летучая из Тифлиса приходила. О помощи туркменам хлебом — пока ничего нет...

Дни становились все жарче и жарче, и вдруг — похолодание. С севера налетел ветер «хазри». С Апшерона неслись тучи пыли, заволакивая небо. Песчаная пыль и солнце окрашивали день в желтый цвет, а ночи были темные, с завыванием ветра. Нудный «хазри» навевал на людей скуку и апатию, и, наверное, поэтому приятнее прежнего почувствовал себя Михайла, когда ветер утих и очистилось небо. Стало оно синим, настолько синим, что трудно было отличить на горизонте море от неба. Сразу после бури компания Михайлы наняла фаэтон и выехала на Апшерон: решили взглянуть на храм огнепоклонников и древние гробницы, но это так, между прочим. А на деле Михайла заинтересовался шафраном и фисташками. Шафран ему требовался для изготовления красителей, а фисташковые орешки — кому ж они не нужны? На астраханском базаре пойдут, вместо семечек, за милую душу — только в пять раз дороже. Поездка, однако, оказалась бесплодной. Михайла представлял себе Апшерон маленьким полуостровком, куда ни посмотри — всюду море, но оказалось, в длину этот полуостров семьдесят с лишним верст, а в ширину — тридцать пять. Да и дороги не очень-то гладкие: всюду песок да чахлая пустынная растительность. Колеса фаэтона увязали в песке, кузов скрипел, как расшатанная кровать, а лошади покрылись пеной и рыжей пылью. Оглядев храм, Михайла велел поворачивать назад. Вернулись усталые и недовольные. И тут на бриге сообщили купцу: был вестовой от полковника, просил зайти...

Несмотря на усталость, Михайла тотчас направился в комендатуру. Бахметьев давно поджидал его. Сразу же полез в стол, достал бумагу с грифом и печатью и отдал купцу.

— Ну вот и мучица для туркмен сыскалась. Не думал я, что Розен даст заимообразно. Небось испугался — как бы и на восточном берегу восстание не поднялось...

Михайла прочитал бумагу. В ней указывалось, что выделяется для туркмен восточного побережья Каспия, царствующему там Кият-хану, шесть тысяч пудов муки из астраханских военных фондов. Далее извещалось, что муку выдать доверенному лицу от туркмен, через посредство астраханского купца Герасимова, а обратиться — к генералу-губернатору Тимирязеву.

— Ты-то что от этого получишь? — спросил Бахметьев.

— Да ничего,— простодушно отвечал Михайла.— Разве что не дам помереть, а они потом долги мне возвратят...

Внизу под горой жалобно заливалась зурна и пищала каманча, мажорно подпевали тары и бубнил бесовски, вприпляс барабан-наварра. Праздничные мелодии удалялись все ниже и ниже, и вот уже отсюда, сверху, стало видно шествие наряженных людей.

— Ладно, Миша,— отечески сказал Бахметьев.— О людях — потом. А сейчас пойдем на айванчик... к пальмам.

Большая зала ресторации была переполнена. Пьяные люди Мир-Багирова — гостинодворцы, приказчики, чиновники, знакомые офицеры и моряки пили, пели, смеялись, плясали. Заведение напоминало сейчас плохой кабак с веселящимися после грабежа разбойниками. Хмурясь, Бахметьев прошел на айван. Но и тут не было свободных столиков. В самом углу, у пальмы, сидели Басаргин, Мир-Багиров и с ними красивая молодая женщина. Несколько человек, сидевших за столиком у самого входа, увидев Бахметьева, предупредительно встали, уступая место. Полковник не обратил на них внимания и даже не поздоровался. Он медленно пошел дальше, и тут Мир-Багиров, а затем и Басаргин увидели его.

— О, дорогой полковник! — вскрикнув и растопырив руки для объятий, бросился к коменданту Мир-Багиров.— Садись, садись к нам! Сегодня пьем, гуляем. Радость у меня — всем радость!

Бахметьев отстранил его и посмотрел на соседний столик. Четверо чиновников мигом встали и отправились искать для себя другое место. Официант как угорелый бросился убирать скатерть. Не прошло и минуты, как столик был чист и заставлен графинчиками с ромом и винами, холодной заливной осетриной, икоркой с маслом и всеми прочими яствами, какие имелись в ресторации. Комендант гарнизона и командир морской эскадры были равными в звании, и Басаргин спокойно и даже меланхолично выждал, пока Бахметьев с молодым длинным купчиком усядутся за стол. Затем он, сознавая, что все-таки комендант есть комендант, поднялся и поздоровался. Бахметьев любезно предложил ему сесть к ним за столик.

— Познакомься, капитан,— сказал Бахметьев.— Это купец второй гильдии Герасимов... Михайла Тимофеевич.

— Мы уже немного знакомы,— ответил Михайла и протянул руку.

— Что-то не помню,— притворился Басаргин.

— А письмо Тимирязева помните-с?

— А! Так это был ты тогда! — повеселел Басаргин.— Ну что ж, я прочитал письмо генерала и должен вам сказать — беру курс: два румба влево...

Бахметьев засмеялся, да и Михайла понял, что с этой минуты они с командиром эскадры — союзники. Но непонятно было: почему капитан первого ранга ест-пьет с врагом Герасимовых?

— А как же сети? — спросил Михайла и украдкой посмот-

рел на Мир-Багирова. Из своего угла тот косо поглядывал на офицеров и на Михайлу, видимо, догадывался — происходит что-то неладное. Встревоженно смотрела и мадам, сидевшая с ним. «Интересно, чья она?» — подумал Михайла и спросил опять: — С сетями как быть? Этот каджар все сети мои снял на том побережье.

— Не знаю, не слыхал,— вскользь бросил Басаргин.

Михайла смутился. И тот, поняв его смущение, покровительственно сказал:

— Ладно, не хнычь, найдутся твои сети...

Затем Басаргин вполголоса заговорил с Бахметьевым. Говорил так тихо, что и Михайла не понял, о чем. А Мир-Багиров совсем изменился в лице, куда его пьяная удаль делась! Вел себя затравленно: вздыхал, поворачивался то в одну, то в другую сторону. И Михайла, посмеиваясь в душе, презрительно окинул его взглядом и уставился жадно на молодую особу. «Чья она?» — опять спрашивал себя и удивлялся, какие большие и какие голубые у нее глаза. И личико — белое-белое, даже синенькие прожилочки видны. Женщина почувствовала его жадный, горячий взгляд и покраснела. «Боже ты мой, как она хороша-то! — выговаривал он про себя.— Вот бы такую мне! А то сватают Лушку Мясоедову. Разве Лушка чета этой красавице? И откуда эти господа дворяне берут таких красивых? Во всей Астрахани такой не сыщется!»

— О чем задумался, Михайла Тимофеевич? — услышал купец голос Басаргина.— Говоришь, завтра отправляешься за мукой?

— Да, господин капитан...

— Жаль, только познакомились... Ну ничего. Как приплывешь обратно, я тебя разыщу. А сейчас, позвольте, я отлучусь...

Остаток вечера Бахметьев и Михайла сидели за столиком вдвоем. Полковник говорил своему молодому приятелю, чтобы на Басаргина не сердился: он понимает, что к чему, но сначала надо покончить все дела с Мир-Багировым. «Два румба влево» надо понимать так, что Басаргин поворачивается лицом к Герасимовым и впредь будет их опекуном и благодетелем.

Михайла слушал Бахметьева вполуха и не сводил взгляда с красавицы. Он залился краской стыда, сердце его заполнилось огнем, когда увидел, как Багиров положил руку женщины на свою ладонь и начал поглаживать.

— Ну, сволочь! — проворчал Михайла.— Пойдемте, господин полковник.— У меня что-то голова разболелась...

У выхода он не утерпел — оглянулся назад и заметил, как женщина улыбнулась ему.

— А в общем-то хорошо, господин полковник,— засмеялся Михайла и твердо решил: «Приеду сюда опять — обязательно разыщу ее!»

ЗЛО ПОГОНЯЮТ ЗЛОМ

Ночь выдалась темная. Желтый серпик народившейся луны робко пробирался по черному звездному небу. Ветер дул с гор, раскачивая и относя шкоут от причала. Сходни были убраны. Все, кроме вахтенного матроса, спали сном счастливых праведников: завтра поутру решили сниматься с якоря и плыть в Астрахань. Матрос, позевывая, курил самокрутку и безразлично смотрел на мрачный бакинский берег. Кое-где на взгорье еще горели огни, но по всей низине давно разлилась густая темнота. Тусклый фонарь горел у морского клуба, но свет его не приносил ни тоски, ни радости. Вахтенный уже начал поклевывать носом, как вдруг услышал, будто бы по причалу кто-то ходит. Привстал, вгляделся в темень. Так и есть, две человеческие тени.

— Ктой-то там! — окликнул матрос. Подождал и, не дождавшись ответа, решил, что ошибся. «Какого беса принесет сюда ночью?» Вновь присел и начал дремать.

И тут упал на палубу огненный ком. Вахтенный подскочил, словно ужаленный, и бросился к пламени. Разлившись, огонь охватил шканцы и быстро пополз к мачте. Матрос сбросил с себя полушубок и, ударяя по огню, что есть мочи закричал:

— На помощь! Караул!

Крик его поднял на ноги всю команду. Тотчас из кают на палубу высыпали музуры и принялись гасить пожар: кто водой, кто парусиной.

— Ядри их корень! — орал матрос.— Ведь видел, как крались!

— Кто бросил паклю? — сбивая пламя пустым мешком, спрашивал Михайла.

— Басурманы — известно кто! — отвечал слезливо вахтенный.— Подкрались, зажгли факел и на палубу швырнули. Хорошо, что глаза у меня зорки, а то бы сгорели ни за понюх!

Суетясь и покрикивая, команда «Астрахани» быстро справилась с огнем. Прибежавший из дежурной будки полицейский и ночные сторожа из таможни отчаянно спрашивали себя: какой же, мол, злодей сделал поджог?! Эх, поймать бы! А Михайла сразу понял, чьих рук дело. Понял и перепугался содеянным. «Нет, сатана на этом не успокоится. Надо поскорее выходить в море».

— Ну-ка, Васильев, прикажи ставить паруса,— велел он штурману.— Нечего утра ждать, небось не заблудимся, не маленькие...

Вскоре раздались команды и полезли на мачты матросы. Замелькали тени на рангоутах, зашелестели полотнища марселя и стакселя. Спустя час судно отвалило от берега и, подгоняемое ветром, быстро вышло на середину гавани. Взбудораженная команда постепенно успокоилась.

Два дня и две ночи шкоут шел в семи верстах от западного

берега. По утрам в отдалении было видно, как по кавказской земле стелился туман, а когда прояснялось, то маячила вершина горы Бешбармак. У подножия в низине было зелено: в зрительную трубу виднелись Самурские леса, небольшие аулы с вьющимися дымками. Словно картинки из дивной сказки сияли на высоких берегах дербентская древняя крепость и русская крепость в Тарках. Возле этих городков кишели небольшие парусные лодки и стояли на якорях корабли. Михайла вспомнил, что за Дербентом и Тарками идет война с Шамилем. Подумал без особой тревоги: «Черт ее знает, а может, горцы давно захватили и Тарки и Дербент? А может, это ихние лодки на пристанях? Чего доброго, кинутся в погоню на веслах, или из крепостей пушки загремят...» Хотел было увести корабль подальше от берега, но передумал — всегда, мол, успеется. Велел музурам, чтобы приготовили на всякий случай оба замбурека. Две эти пушчонки раздобыл еще лет двадцать назад Михайлин отец: купил их у какого-то персидского вали. Нужны они были крайне. Редкий купец в ту пору обходился без пушечных выстрелов. Частенько нападали на купеческие суда разбойники. Когда не помогали ружья, то заряжали пушки и отпугивали злодеев. Особенно много стычек было в последнюю русско-персидскую войну. Теперь разбои на Каспии будто бы прекратились, но дьявол их знает, надолго ли? Раз в горах идет война, то и на море она выплеснется. Все обошлось, однако, благополучно: прошли мимо пристаней и крепостей — никто не тронул, никто не обратил внимания. Лишь на пятые сутки, когда утих ветер и упали паруса, музуры заметили позади «Астрахани» приблизительно в пяти верстах два парусника. Начали гадать: чьи, откуда взялись? Неужто Шамиль в погоню бросился? Смотрели поочередно в зрительную трубу, пожимали плечами и поругивались: вот еще не было печали — и ветер утих, и разбойники на хвост сели. Ветер зашевелил паруса в полночь, шкоут двинулся дальше. И бежал он по волнам быстро и уверенно, словно хороший конь по равнине, но Михайла и его спутники не находили покоя — только и всматривались в черную ночь за кормой, ожидая внезапного нападения. Утром, чуть свет, разглядели — оба парусника шли следом и еще приблизились. Капитан прикинул, сказал купцу:

— Нагонят к вечеру, ваше степенство. Хоть бы успеть нам выйти к Чеченскому острову, а там рукой подать до Волги.

— Хай, шайта́н! Всегда так. Аллах пошлет — дьявол отнимет! — сокрушался Кеймир.

К вечеру парусники отдалились в море, чтобы напасть с фланга — это поняли на «Астрахани» все. Михайла велел команде зарядить ружья и винтовки, поставили на правый борт оба замбурека и принесли ящики с ядрами. Фонарей решили не зажигать. Курить — только в кубриках, авось обойдется. До полуночи не было услышано ни одного постороннего звука, только всплески волн и кромешная чернота. За полночь

взошел месяц; тусклый свет от него упал на море. И почти вместе с его восходом загремели пушки: одна, другая, третья. Красные снопы огня озарили полумрак, а свист ядер и взрывы заглушили всплески волн. По огню, вылетающему из жерла пушек, Михайла определил: парусники идут один за другим, и велел стрелять по ним. Едва отгремели чужие пушки, как ответили оба герасимовских замбурека. На чужих парусниках затаились: видимо, не ожидали, что «Астрахань» вступит в сражение, и, может быть, даже не знали, что на шкоуте есть пушки. Но пауза была недолгой. Вновь загремела палубная артиллерия, и одно из ядер с ужасающим свистом ударило в ростры. Полетели щепки — ядро угодило в крайнюю шлюпку. По крашеной обшивке заплясал огонь.

— Бросай в воду! — заорал штурман.

Кеймир и с ним несколько музуров бросились на ростры, подхватили, приподняли шлюпку и бросили в кипящие волны. Замбуреки дали еще один залп по врагу, затем еще и еще, но ответного огня не последовало. Настала тишина, а за ней — матросская ругань с прибаутками и угрозой.

— Сволочи! — смачно выговаривал Михайла.— Сучьи дети! Не выдержали! Пороху не хватило! Не на того нарвались!

— А, проклятье их роду! — вторил Кеймир.— Пошли им аллах вместо хлеба ишачьего помета!

Ругаясь, радовались и благодарили бога, что обошлось все хорошо. И совсем не спали. На рассвете вновь увидели своих врагов: оба парусника были целы и невредимы. Опередив шкоут версты на три, они первыми приближались к Бирючьей косе и карантинному рейду.

В полдень, когда бриг «Астрахань» бросил якорь, поодаль от них, Михайла заломил шапку и присвистнул:

— Так это же «Гашим» и «Святая Екатерина»! Ну, молодец Багиров, только стрелять ни хрена не умеет.

— Михайла Тимофеевич, может, пожалимся начальству? — спросил капитан.— Пусть взыщут с него за шлюпку, да и на купеческом собрании побранят — будет помнить!

— Жалиться?! — возмутился купец.— Да ты что, или у короля английского воспитывался? Нет, брат ты мой, я с ним по-своему сосчитаюсь. Он у меня попрыгает!

«Русская Венеция» встречала вернувшегося купца и его нового приятеля, огурджинского старосту, гоготом гусей и кряканьем уток. В протоках, переполненных вешней водой, русские бабы полоскали белье. Выше, под ветлами, теснились один к одному деревянные домики на сваях. Обведенные синей краской окошки напоминали о глазах персидских красавиц. На бударках, ловко орудуя веслами, разъезжали рыбаки. И где-то совсем недалеко слышались ружейные выстрелы: это охотники палили по диким уткам. Кеймир растерянно оглядывал все, что попадалось на глаза, и улыбался. Михайла хорохорился:

— Это еще не Астрахань. Вон Астрахань! Вон — гляди! Видишь купола золотые да стены белоснежные? Вот это и есть город. А возле того собора и домик наш стоит.

Кеймир кивал и цокал языком.

— А вон, видишь, длинное зданьице? Это пристань. А это вот лабазы купеческие с разными товарами на продажу.

Михайла велел остановить катер против кремля. Выйдя на берег, подал руку Кеймиру и повел по набережной вдоль стены, рассказывая о башнях и церквах.

Не сбавляя охоты говорить и хвастаться, купец привел туркмена к подворью. За высоким каменным забором, посреди которого синели ворота с красным жестяным петухом на арке, стоял двухэтажный дом Герасимовых. Длинноухий спаниель завизжал и радостно залаял за калиткой, учуяв своего хозяина. Едва Михайла отворил калитку, пес встал на задние лапы, а передние положил хозяину на грудь. Затем быстро отскочил, обнюхал незнакомого гостя и помчался к крыльцу террасы.

— Боже ты мой, Мишенька приехал! — вскрикнула старуха мать и, бросив лукошко с водяными орехами, кинулась к сыну. Пока он лобызал ее, подскочили жены Александра и Никиты — дородные молодые купчихи в цветастых сарафанах. Здороваясь с деверьком, с любопытством оглядывали стройного широкоплечего туркмена в бараньей шапке, в шерстяном сером чекмене и юфтевых сапогах. Уловив их взгляды, Михайла пошутил:

— Хорош бычок, а? Эх, не были бы замужними — обеих бы отдал Кеймиру в гарем!

— Ай у него гарем есть?

— А как же! Дворец из серебра, крытый золотым листом, и триста жен в парчовых платьях!

— Да будя тебе врать-то!

— Не верите? Спросите у него самого!

— Ай, нам все равно,— сказал Кеймир, стесняясь бойкости русских женщин...

— Ведите гостьюшку в хоромы, а я за мужиками сбегаю,— захлопотала старуха мать, подбирая подол юбки и направляясь вниз на задворки, к лабазам. Пока она ходила за своим стариком и сыновьями, Кеймира проводили в комнату, где стояли кровать и стол, принесли кувшин с водой, чтобы умылся с дороги. Горничная девка стянула с него чекмень, ловко засучила рукава рубахи.

— Ай, ладно, ай, ничего,— неловко отказывался он от ее помощи.

Горничная убежала, а потом снова вернулась, приглашая его в горницу, где собрались все свои. Отец и сыновья — Александр, Никита и Михайла уже сидели за столом. Тут же и женщины — старая и молодые хозяйки. Посредине стоял двадцатилитровый самовар, и весь стол был заставлен тарелками с закуской, блюдечками с чашками, вазами с конфетами и пасти-

лой. Хозяином застолья был старик Тимофей — это Кеймир сразу понял. Младший сын в его присутствии сразу сник, потерял веселье, и вид у него был озабоченный.

— Стало быть, жив еще Кият-ага? — спросил старик, поглядев на Кеймира, и тут же подсказал Александру, чтобы открывал бутыль с самогоном. Сам потянулся к красной наливочке.

— Живой, живой,— отозвался Кеймир, глядя с испугом, как Михайла наполняет ему стакан самогонкой.

— Согрейся,— сказал Михайла тихонько,— а то продрог небось.

— Ай, ничего, мы арака не кушит.

— Да ты что, Мишенька, впозаправду решил бусурманца упоить? — одернула его мать.— Я баба, да и то знаю, что непьющие они. Разве что наливочки ему. Дед, ну-ка дай сюда бутылочку! — Старуха налила в другой стакан наливки и поставила перед Кеймиром.

— Ну ладно, сыны, бабы да гость заморский,— важно произнес старик хозяин,— выпьемте за благополучное возвращение да за знакомство.— Тут же он выпил большими глотками из граненого стакана и подморгнул Кеймиру: — Пей, не бойся. Не отравишься... Сладенькая водица.

— Мы арака не кушит,— повторил Кеймир и принялся, обжигая губы, пить чай.

— Ну и ну,— засмеялся старик Тимофей.

— Аллаха чтит и нам велит,— отозвался раскрасневшийся с первого стакана Михайла и начал каламбурить: — Зря, Кеймир-хан! Водка, конечно, не солодка, но от нее и речь ходка, и баба кротка, и старуха — молодка.

— Ну, заерундил,— недовольно проворчал отец, налил еще стакан наливки, выпил. Утерев губы и бороду рукавом, сказал: — Ну что, Мишка? Что-то ты не похож на самого себя. Не было беды какой в дороге?

— Да какая уж беда, папаня! Разве что Багиров из пушек обстрелял, лодку на рострах расшиб. Но это бедой не назовешь. У туркмен вон дело лихо...

— Ну-ну! Шутки шутить будем потом. Сначала доложи — хорошо ли сбыл товар? Много ли добра в дом привез?

Михайла посмотрел на отца тревожными глазами, опустил голову.

— Ну, чего смолк? — повысил голос отец.

— А что говорить-то? Не о чем говорить... Отдал всю муку в долг и всю утварь хозяйскую. Туго им там... И жрать нечего, и жить не в чем.

— Ты что, дурак? — взревел отец.— Дразнить меня вздумал? — Он отодвинул рукой от себя тарелку, убрал бутылку и вылез из-за стола.

Михайла тоже встал со скамьи.

— Шутишь, Миша?

— Да не шучу, не шучу! — заорал Михайла и упал перед отцом на колени.— Все им отдал, через год, другой возвернут!

— Сашка... Никитка...— Отец бросился на младшего сына, саданул его кулаком по лицу, дернул за ворот и захрипел. Михайла схватился за лицо, размазал кровь, завопил и так двинул плечом, что старик отлетел в сторону и шмякнулся на деревянный пол. Младшой кинулся к двери, но Никита подставил ему ногу, и тот упал, ударившись о порог. Мгновенно оба брата навалились на него и принялись тузить кулаками. Крики, охи, брань неимоверная понеслись по горнице. Молодухи кинулись во двор, старуха мать вопила, чтобы не били Мишеньку, но ее никто не слушал. Старик бегал по комнате, смотрел, как братья учат уму-разуму младшего, и приговаривал:

— Из пушек обстреляли... Лодку разбили... В долг отдал... Болван неприкаянный! Как мне не хотелось его посылать к туркменам! Как ведь боялся, словно чувствовал — беду привезет!

Кеймира трясло от того, что видели глаза. Ох, как ему хотелось заступиться за доброго и понятливого Михайлу, да разве можно гостю! Он гневно встал и направился в отведенную ему комнатушку.

Вспомнив о нем, Тимофей схватил его за рукав:

— Ты куда? Убегаешь? Нет, ты погоди!

— Эй, зачем кричишь? — недовольно сказал Кеймир.— Все отдадим. Хан возьмет — не отдаст, вали возьмет — не отдаст, шах возьмет — не отдаст. Если народ возьмет — народ отдаст... Не кричи больше...

Кеймир скрылся в комнате, а хозяин с раскрытым ртом смотрел на дверь и чувствовал, как тело и дух его обретают покой, а сердце начинает тревожить стыд за содеянное.

— Перестать! — крикнул он властно.— Все! Будя! Повաляли дурака.

И вмиг никого в горнице не стало. Михайла поднялся, шатаясь, вышел во двор.

Мать подскочила с ковшом, поливая на руки, принялась причитать:

— За что же они тебя, сыночек?

— За дело, маманя, за дело. Невинного не бьют,— фыркая красными брызгами, отвечал Михайла.— Папаня тут ни при чем, братаны тоже. Тут с Багирова спрос. От него все беды и раздоры... Я ему... покажу...

Покачиваясь и держась за бок, он вошел в дом, а через час-другой отправился куда-то.

Вечерком вернулся. Довольный, только в глазах отчаянная злость, словно огня в них кто-то насыпал. А ночью где-то у Кутума вспыхнуло пламя. В ночной темноте занялось зарево пожара: загудел народ, забили колокола. Мужики на берегу и на лодках пустились к месту пожарища. И уже слышалось тут и там: «Лабазы Багирова спалили! Амбары персиянина горят!»

Михайла ждал этого часа: разделся, но спать не ложился. И едва занялось зарево, подскочил к окну и распахнул ставни. Слева был балкон, на него — выход из комнаты Никиты, а этажом ниже жили мать с отцом.

— Кит! — заорал Михайла.— Кит, вставай, коль не спишь! Гляди, пожарище какой!

На балкон выскочила жена Никиты в белой ночной сорочке. Испуганно всплеснула руками.

Внизу хлопнули ставни, и послышался голос отца:

— Отведи, господь, напасть! Кажись, Багирова амбары жгут. Мишка! — позвал отец.

— Ну, я...

— Не твоих ли рук дело? Мать сказывала мне, что ты грозил ему.

— А хоть бы и так. Нешто прощать ему, гаду!

— Да ты что, сволочь! — крикнул, давясь от злобы, отец.— Да понимаешь ли ты, что натворил!

— А не ты ли ему, батя, все время собирался глотку перерезать и в Волге утопить? Чего уж там...

— Санька! — позвал отец.— Вставай быстрее! Никитушка, соберись! Эх, дурак бестолковый! И в кого ты уродился! — Это уже относилось к Михайле.— Или ты не знаешь, что мстить смертно будут! Догадаются сразу. Поднимай, сукин сын, батраков, пущай берут ружья да бегут охранять лабазы. Багиров ждать не станет — сейчас же кинется!

— Не бойся, папаня,— с гонорком отозвался Михайла.— Вся дворня там. Не дадут в обиду.

Тут же он лег и уснул, не интересуясь, чем кончится дело. Вскочил перед самым утром как ужаленный: услышал крики и ружейную стрельбу.

— Санька, через ворота лезут, гляди! — шумел отец.— Бей, не зевай! Мотря, сбегай Мишку разбуди. Пусть ружье берет!

Михайла понял, что на подворье налетели «багировцы». Схватив ружье за печью, он сунул в оба ствола патроны и, как был в рубахе и подштанниках, выскочил во двор. За воротами матерились и стреляли. Отчаянно лаял пес. Проснулись и захрюкали свиньи, закудахтали куры. Недолго думая, Михайла выстрелил прямо по воротам и закричал:

— Никита, садись на лошадь, скачи к Тимирязеву. Пусть солдат пришлет!

— Ну, Герасимов, берегись! — пригрозили с улицы, и вооруженная толпа удалилась.

— Мстить теперь будут,— подавленно вымолвил отец и направился в дом.— Ох, сынки мои, как они мстить будут! — Он схватился за голову.— Придется тебе, Миша, расплачиваться. Теперь — война. Или они нас, или мы их.

— Ничего, папаня. Надо будет, расплатимся. Но ведь и они перед нами в неоплатном долгу.

Кеймир все это время, пока где-то тушили пожар, пока пе-

рестреливались, стоял на террасе и обиженно думал: «Зачем жгут, зачем дерутся? Если здесь тоже плохо люди живут — зачем к царю русскому просимся?»

Когда взошло солнце, Михайла спокойно, словно ничего не случилось, позвал Кеймира, и они отправились в губернское управление выписывать муку.

НА СТАРОМ ПЕПЕЛИЩЕ

Оставшиеся в живых атрекцы возвращались в Гасан-Кули. Бродили по сожженному селению, вытаскивали из золы не совсем сгоревшие теримы, уки и брались за сборку юрт. Извлекали из пепла и развалин все, что хоть немного сохранилось и имело форму: казаны, чашки, кумганы, ручные мельницы. Но большинство вернувшихся целыми днями пропадали на Атреке — резали камыш, связывали его в стенки и делали что-то наподобие чабанских шалашей. Приговаривали беспечно: «Ах, лето как-нибудь проживем, а к зиме найдутся кибитки».

Еще весной запахали по обоим берегам Атрека поля под пшеницу. Урожай ожидался хороший — тучные колосья радовали глаз. Да и мука, взятая у русского купца, еще не кончилась. Жить можно. Вот только сетей нет, рыбу нечем ловить. Изворотливые рыбаки плели снасти из молодого камыша. На первый случай пригодятся, а там купец привезет новые аханы и переметные сети.

В тихое летнее утро поехал Якши-Мамед с джигитами посмотреть на пшеницу. Поля по Атреку уже зажелтели, еще три-четыре дня жаркого солнца — и можно выходить с серпами. Переправились вброд на южный берег реки. Тут тоже лежала легкая утренняя тишина. Ветерок перебирал колосья, и сверкали они на солнце золотыми стрелами. Почувствовал себя Якши-Мамед полновластным хозяином этой плодородной земли, улыбнулся довольно и тут увидел вдали небольшой отряд всадников. Ехали конники со стороны Гургена беззаботно, останавливались — обозревали степь, словно прикидывая, где что посеять. Вот один слез с коня, нагнулся и поднял арбуз.

— Смотри-ка, Овезли, кажется, они хотят собрать наши арбузы и дыни,— с усмешкой сказал Якши-Мамед.— И если меня не обманывают мои глаза, это каджары.

— Они и есть, хан,— отозвался Овезли.— Если прикажешь — прогоним за Гурген.

Якши-Мамед продолжал смотреть на каджарский отряд, но нападать на него и не думал. Заденешь — опять кровь прольется. А кому нужно, чтобы кровавые реки впадали в море? Но уступать дорогу врагам тоже нельзя. Повернешь коней — сразу кинутся в погоню да еще стыдить, насмехаться станут. Каджары тоже заметили туркмен и остановились. Сняли с плеч винтовки. То же сделали и атрекцы. Нападать, однако, никто не

решался. Неизвестно, сколько бы простояли друг против друга, если б не Овезли. Он угадал в предводителе каджаров Назар-Мергена.

— Якши-хан,— сказал тихонько Овезли,— если ты первым выстрелишь, то убьешь своего тестя.

— Думаешь, это он?

— Он и есть. У меня глаза зорче, чем у сокола. Хочешь, поеду один к нему и скажу о тебе?

— Поезжай.

Овезли, спрятав винтовку за спину, приблизился к каджарским всадникам. С минуту шли переговоры. Якши-Мамед напряженно следил за встречей, боясь, как бы не рубанули Овезли саблей. Эти каджары могут что угодно выкинуть. Переговоры, однако, прошли мирно. Овезли возвратился не один: с ним Назар-Мерген и его слуга.

— Вах-хов, зятек! — воскликнул, подъезжая, Назар-Мерген.— Жив, оказывается? А мне передали, что шах намотал твои кишки на колесо смерти!

— Жив пока, хвала всевышнему! — так же громко отозвался Якши-Мамед, понимая, что тесть шутит.— Еще не родился шах, который бы добрался до моих кишок!

— Вах, не говори так, Якши! — сказал уже без смеха Назар-Мерген.— Алты-хан какой гордый был, а пропал и «аминь» не успел вымолвить.

— Слышали мы о его гибели,— ответил Якши-Мамед.— Знаем и о том, что некоторые ханы в Тегеран за шахом ездили. Клятву, говорят, дали. Теперь, дорогой Назар-Мерген, ты и в дом ко мне побоишься войти, подумаешь: «А вдруг шаху донесут!»

— Не говори глупых слов, зятек,— обиделся Назар-Мерген.— Поехали, взгляну, как живешь.— Он повернул голову, сказал слуге, чтобы возвращался к отряду и ждал, а сам направил коня к броду. Якши-Мамед и остальные атрекцы последовали за ним.

Свернув на запад к морю, всадники не спеша приблизились к Гасан-Кули, а точнее — к тому, что осталось от селения. Всюду виднелись, как ощетинившиеся ежи, камышовые лачуги, углубления в земле, покрытые чем попало. На фоне этой первобытности несколько кибиток казались дворцами. Их было немного, с десяток, не больше. Две из них принадлежали Якши-Мамеду, остальные сердару Махтумкули и нескольким баям. Всадники спешились. Назар-Мерген, уныло качая головой, направился к первой, восьмикрылой кибитке. Увидев дочь с младенцем на руках, вздрогнул, но тотчас принял безразличный вид и остановился. Хатиджа, радостная и смущенная, быстро подошла к нему.

— Отец! Жив? — вырвалось у нее.

— Жив, жив, как видишь,— ласково пробурчал он и тронул корявой ладонью голое тельце ребенка.

— С внуком теперь ты, отец,— продолжала радостно Хатиджа,— Мусой назвали в честь праведника.

— Хай, Муса! — засмеялся старик, шлепнул мальца и достал из кушака несколько золотых туманов.— Возьми, дочка, на гостинцы. Не знал, что у меня внук появился... Давно бы сюда заглянул!

Назар-Мерген кривил душой. В гости он вовсе не собирался. А выехал из Кумыш-Тепе совсем по другим делам. Но не скажешь же дочери — поехал осматривать землю, которую шах подарил! Та же дочь ответит: «Это туркменская земля!»

Разулись, помыли руки, сели за сачак. Чурек из черной муки, шурпа в медной чаше, чайник с отбитым носиком. Убранство юрты тоже небогатое: кошмы да подушки.

— Да, зятек, крепко они вас пожгли,— вздохнул Назар-Мерген.— Зря ты в тот раз, когда Мир-Садык у меня гостил, ускакал, не договорившись. Хотели мы послать людей за Кадыр-Мамедом. Пусть бы связали его ночью, да в Астрабад. Размахивал бы ты теперь шахским фирманом, ездил бы от Атрека до Кулидарьи... властвовал. Но то, что упущено, не поймаешь.

Якши-Мамеду был не по сердцу этот разговор. В груди жгло, и голова болела от мысли, какую беду принес на побережье Мухаммед-шах. Месть! Месть! Никакое другое слово не шло на ум, когда Якши вспоминал о вероломстве шаха. Но сейчас его задело другое. Назар-Мерген сказал, что упущена последняя возможность.

Якши-Мамед спросил обиженно:

— Значит, если я захочу пойти к Мухаммед-шаху, он меня уже не примет?

— Да, зятек. Это теперь не в его силах. Он может считать своими только тех туркменских ханов, которые подписали шахские фирманы о подданстве. Эти фирманы отправлены русскому царю. Ак-падишах согласился провести границу по Атреку...

То, что сказал Назар-Мерген, не укладывалось у Якши-Мамеда в голове. И в жар и в холод бросило его, когда он сообразил: произошло что-то очень важное, от чего меняется дальнейшая судьба туркмен. Якши поднялся с кошмы, заметался словно подстреленный и дрожащим голосом спросил:

— Значит, все туркмены до Атрека теперь шахские?

— Да, зятек. Мухаммед-шах и русский царь так решили.

— А мы?!

— Насчет вас, зятек, я не знаю. Если ак-падишах прочитал ваше письмо о подданстве, значит, возьмет к себе. Если не возьмет — вольными будете.— Последние слова Назар-Мерген произнес со скрытой насмешкой, и Якши-Мамед понял, что́ значит быть вольными. Шах не будет платить туркменам за охрану астрабадских берегов, русские тоже не обязаны снабжать их хлебом. Надеяться не на кого. Только на самого себя. Но как

прокормить, одеть, обуть разоренное и ограбленное племя? И снова Якши-Мамед почувствовал, как он зависим от русских. «Аллах всемогущий, сделай так, чтобы ак-падишах не отвернулся от нас!» — взмолился он про себя, смежив ресницы.

Видя, что зять растерян и даже впал в отчаяние, Назар-Мерген повел себя наглее:

— Да, дорогой сынок Якши, такие теперь порядки. По-новому начнем жить. Теперь некогда сидеть: только и смотри, чтобы везде было по-шахски. Раньше я тебе и слова бы не сказал ни о чем, а сегодня как умолчишь? Зря ты на моем берегу посеял пшеницу, зятек. Земля эта принадлежит его величеству Мухаммед-шаху.

— Неужели ты соберешь то, что посеяно мной? — удивленно спросил Якши-Мамед.

— На все воля шаха,— спокойно отвечал тесть.— Если я разрешу тебе на его земле сеять и убирать пшеницу, то завтра Мухаммед-шах подыщет вместо меня другого, более надежного хана.

— Ну что ж, это мы еще посмотрим,— сказал с сердитой усмешкой Якши.— И урожай соберем, и все остальное у шаха возьмем. Ты знаешь, сколько он людей наших в плен взял, сколько скота малого и большого угнал, сколько кибиток сжег! Пока не встанет все на свое место — о границе говорить рано...

Напрасно Назар-Мерген пытался охладить пыл зятя: Якши не слушал его доводов и все больше и больше прибегал к угрозе. Тесть вышел из кибитки недовольный. Хатиджа, слышавшая разговор отца и мужа, несмело попросила:

— Отец, в другой раз приедешь — возьми с собой маму. Очень хочу повидать ее. И она внука немножко понянчит.

— Другого раза не будет,— резко отозвался он. Не удостоив ее взглядом, прошел к агилу, отвязал коня, вскочил в седло и поехал к Атреку.

Атрекцы поднимали свой аул из пепла, и вместе со старшими трудились дети. Целыми ватагами отправлялись они в зеленые заросли реки, резали серпами камыш, связывали, грузили на ишаков и с гиканьем гнали их в селение. Потом строили чатмы и загоны для скота, чистили запыленную посуду. Делали много разных дел, не отставая от старших. И когда старшие валились с ног от усталости и прятались в тень, чтобы хоть немного отдохнуть, детвора бежала к морю. Любимым местом ребятишек была Чагылская коса и устье Атрека. Возле косы они купались в море и валялись на песке, а в устье, без особого труда, вооружившись большими ножами, острожили рыбу. До жарких дней она кишела здесь, потом уходила в Каспий.

Известно, какие игры у ребятишек. Играть можно во что угодно, лишь бы скучно не было. Купаясь в море, ловили друг друга, учили плавать ишака, потом добирались до ханского лохматого пса Уруски. Чудом сохранившийся пудель, уже за-

метно одичавший, прибежал в селение с кучей других собак, как только вернулись к Атреку люди. Вновь его хозяином стал восьмилетний Адына, сын Якши-Мамеда. Только теперь пудель, приучившийся к бездомной жизни, чуть свет убегал то в степь, то к реке: ловил мышей и зазевавшихся птиц. А насытившись, спешил к детям на Чагылскую косу и возвещал о своем приходе громким заливистым лаем. Это нравилось ребятишкам.

Адына не любил, когда другие развлекались с его Уруской. Недовольный, он появлялся на берегу, начинал браниться, кричать и даже плакал. Дети называли его дурачком, но все же побаивались: скажет отцу — не поздоровится. Да еще сына Махтумкули-сердара побаивались. Долговязый Мамед всегда заступался за парнишку и грозил: «Убью!»

И в тот день, когда в море появились корабли, тоже было так. Адына прибежал на берег и закричал:

— Отдайте собаку! Это мой лев! Он сторожит мои сокровища!

Дети принялись ловить пса. А он, не даваясь им в руки, выскочил к взморью, насторожился и сердито залаял. Дети взглянули на пса и заметили вдали, там, где соединялся залив с морем, три парусника.

— Урусы! — закричали дружно мальчишки.— Урусы к нам!

Ребятишек словно сдуло ветром: все как один пустились бежать в селение, чтобы сообщить новость и получить за хорошую весть бушлук. Адына бежал со всеми вместе, а рядом с ним вприпрыжку мчался Уруска. Влетев в юрту к матери и переведя дух, Адына спросил:

— Эне, где отец?

— Зачем тебе он? — насторожилась Огульменгли.

— Зачем, зачем! Еще спрашивает! — едва переводя дух, выговорил мальчик и побежал к соседней юрте, не сомневаясь, что отец у Хатиджи. Он застал его лежащим на ковре. Рядом сидела Хатиджа и качала люльку с младенцем.

— Урусы там! — закричал Адына.— Разбуди отца! И бушлук давай!

Хатиджа ласково посмотрела на мальчика, одернула на нем рубашонку.

— Грязный ты, малыш, как щенок. Совсем твоя мать не следит за тобой.

— Э, тетя! — нетерпеливо воскликнул Адына, встал на колени и принялся тормошить отца: — Вставай, хан! Эй, хан, урусы приехали!

— Шайтан,— пробурчал Якши-Мамед и поднялся с ковра.

— Бушлук давай! — сердито потребовал Адына.

Якши-Мамед спросонок кряхтел и недовольно поглядывал на сына.

— Думаешь, если урусы пожаловали — значит, бушлук? А вдруг они не радость, а горе привезли, тогда тоже — бушлук?

Мальчик насупился и отвернулся. Хатиджа погладила его по голове, сунула руку в сундучок и вынула оттуда несколько конфеток в бумажках.

— Вот возьми, Адына-хан, за хорошую весть...

Пока Якши-Мамед собирался, с моря донесся пушечный выстрел, возвещавший о том, чтобы старейшины селения явились на корабль. Уже выходя из кибитки и садясь на коня, Якши-Мамед сказал:

— Если они не хотят сами к нам в гости идти, а зовут к себе,— значит, ничего хорошего.

Он выехал из своего порядка и направился к мечети, возле которой стояли две кибитки сердара Махтумкули. Подъехав к ним, позвал:

— Хов, яшули!

— Слышал, слышал,— отозвался выходя сердар. Он тоже сел на коня и выехал первым на дорогу к заливу.

Махтумкули уже знал о возможном разделе туркмен побережья на две части, ему рассказал обо всем Якши-Мамед, и тоже был настроен неважно.

— Если хлеб привезли — возьмем,— сказал он сердито.— А насчет границы, Якши, никакого согласия не дадим. Туркмен хотят разделить на две части, как добычу. Если мы пойдем на это добровольно, нас с тобой, Якши, проклянут наши потомки в седьмом поколении.

Проезжая селением, они кликнули с собой одного из рыбаков. На Чагылской косе спешились, сели в киржим. Рыбак поднял парус, и судно легко заскользило по мелководью. Издали Якши-Мамед угадал в одном из трех парусников шкоут «Астрахань» и радостно подумал: «Хлеб есть». Два других судна были военными шлюпами. На боку одного Якши прочитал «Эмба» и догадался: корабли царские. С «Эмбы» дали знак, чтобы туркмены причаливали именно к этому шлюпу. Киржим легонько задел бортом огромное отполированное тело русского парусника и отскочил, словно маленькая рыбка от акулы.

— Живей, живей, господа ханы! — послышался грубый голос сверху.— Если каждого будем ждать по полдня, то и до персидских берегов не доберемся!

Атрекцы поднялись на борт и, едва вышли на палубу, увидели своих: Кията, ишана Мамед-Тагана-кази и Кадыр-Мамеда. Вокруг них стояли матросы и офицеры корабля, среди которых выделялся подчеркнутой строгостью капитан-лейтенант Кутузов. Пока туркмены здоровались и обменивались вопросами о здоровье и благополучии, он с любопытством разглядывал Якши-Мамеда и Махтумкули-сердара, взвешивая, с какими людьми ему придется иметь дело впредь.

— Ну что ж, господа ханы,— сказал он сухо, но вежливо,— позвольте пригласить вас на деловую беседу.

Все направились за ним в кают-компанию.

Обычно моряки встречали гостей угощением, но на этот раз,

кроме двух чайников и дюжины пиал, на столе ничего не было. И туркмены сразу оценили важность разговора, на который пригласил капитан. Садясь за стол на свое капитанское место, Кутузов извлек из сумки документ и без всяких предисловий начал:

— Господа ханы, по сделанным персидским правительством объяснениям, государь император изъявил высочайшее согласие на признание пространства, находящегося на севере от реки Гурген до реки Атрек, принадлежащим Персии...

— Когда нашу землю между собой делили, почему нас не спросили? — едва сдержав гнев, перебил Якши-Мамед.

— Между собой? — удивился Кутузов.— Россия отнюдь не воспользовалась вашей землей. Государь император отказал вам в подданстве, но, согласно его милостивому повелению, вашему племени заимообразно выдано шесть тысяч пудов муки — и только. Просили?

— Просили, просили,— быстро сказал Кият и строго взглянул на старшего сына.— Якши, имей терпение, когда с тобой говорят. Русский царь от голода тебя спасает... Зачем говорить «не спросили»? Ты же не спрашиваешь — зачем тебя спасают?

— Я просил, отец, эту муку взаймы. Мы вернем ее через два года...

— Ладно, вернешь,— махнул рукой и отвернулся Кият.— Давай, капитан, говори.

— Что ж говорить? — обиженно продолжал Кутузов.— Персидское правительство обратилось к государю за помощью. Будем теперь содержать в Астрабадском заливе два крейсера в целях предотвращения разбоя...

— Разбоя, собачья отрава?! — Якши-Мамед вскочил со скамьи.— Какого разбоя? Ты знаешь, капитан, сколько в этот раз у нас каджары взяли? Не знаешь? Десять тысяч детей и женщин взяли! Пятьсот тысяч баранов взяли! Двадцать тысяч верблюдов взяли! Все кибитки сожгли. Ни одного аула целого нет! Теперь скажи — кто разбойники: мы или они?

— О, боже мой! Раскричался-то, раскричался-то! — пристыдил его Кутузов.— Вот ты сейчас ведешь себя не лучше разбойника. Тоже мне хан! Сядь, коли хочешь жить в мире.

— Не будет мира, капитан! — не унимался Якши-Мамед.— До тех пор не будет, пока шах не вернет нам все, что отнял. Если по-доброму не вернет — сами возьмем. И твои корабли не помогут.

— Однако, Кият-ага, мне непонятно, как могли такому строптивцу выдать столько муки? — ухмыльнулся Кутузов.

— Господин капитан,— сдерживая волнение, сказал Кият.— Мука нужна народу, не ему.

— Да, но ведь по его письму! Я не выдам муку до тех пор, пока ваш сын не подпишет бумагу о том, что не станет нападать на персидские берега, и с благодарностью примет решение о границе.

— Ничего не подпишу! — отозвался Якши-Мамед и выразительно посмотрел на сердара Махтумкули. Тот важно встал из-за стола и поклонился.

— Спасибо за чай, хозяин,— сказал он по-туркменски и вдруг резко повернулся и уничтожающим взглядом окинул Кият-хана.— За все ответишь ты, старшина, кузнец неотесанный!

Кият-хан посмотрел в спину сердара, затем в спину старшего сына: они удалились, забыв прикрыть за собой дверь.

— Ну и характер,— миролюбиво проговорил Кутузов, боясь, как бы не вспылил старый хан.

— Весь в мать,— пренебрежительно уточнил Кият.— Моего в нем ничего нет. Вот мой сын,— указал он на Кадыр-Мамеда.— Разве ты слышал, капитан, чтобы он хоть раз повысил голос? Рассудком и мудростью не обошел его аллах. Он и подпишется под документом. Именем нашим и божьим именем... Вот ишан наш знает об этом — закрепляем мы за Кадыр-Мамедом власть над туркменами побережья.

Кутузов взглянул на ишана, и тот поспешно закивал головой.

— Ну что ж,— удовлетворенно сказал капитан-лейтенант и подал Кадыру бумагу и гусиное перо.— Вот тут поставьте подпись.

Кадыр-Мамед улыбнулся и с трудом вывел на бумаге свое имя, потер ладони и спросил:

— Отец, сколько хлеба дадим атрекцам? Я думаю, половины им хватит.

— Не знаю,— недовольно отозвался Кият.— Может, половину, может, и больше. Помни одно: с народом надо всегда быть честным. Лучше сам не съешь, а людям отдай...

Кутузов спешил на Ашир-Ада и потому начал поторапливать туркмен с разгрузкой. Кият со своими людьми сел в катер и отправился на «Астрахань», где давно ждали распоряжения русского капитана купец Михайла и Кеймир. Возле шкоута уже теснились киржимы. Атрекцы, приплывшие за мукой, весело переговаривались с прибывшим из Астрахани Кеймиром и высказывали благодарение аллаху: все-таки дошло до всевышнего — услышал мольбы разоренных и голодных. Вскоре началась выдача. Десятка два дюжих атрекцев спустились в трюм и поволокли на плечах тяжелые мешки к борту. Кадыр-Мамед собственноручно составлял список — кому выдается мука и сколько, чтобы по истечении двух лет взыскать долг. В каждый киржим умещалось по 800 пудов: их надо поделить семей на сто, но это сделают на берегу. Муку принимали и расписывались за нее старейшины родов. Ни Кият, ни его сын не беспокоились о возврате долга. Спрашивать есть с кого...

К ночи военные суда отправились в Астрабадский залив, а купеческий шкоут — на Огурджинский.

СЕТИ

Стоял самый разгар лета. Над островом — ни облачка, только яркое беспощадное солнце. Шкоут купца покоился в лагуне, прямо у берега, но сам Михайла почти все время пребывал на острове и ступал на палубу лишь в те дни, когда туркмены с Челекена, Бартлаука и Гасан-Кули привозили добро: рыбу, тюленьи шкуры, лебяжий пух, рыбий клей, ковры, кошмы и прочие товары. Михайла придирчиво осматривал доставленное. Трюмы шкоута заполнялись, и купец подумывал к осени отправиться в Астрахань. Но другая мысль не давала покоя — остаться на зимний лов. Не приняв пока что определенного решения, Михайла каждое утро ходил смотреть, как музуры и Киймир со своими людьми роют вавилоны. Место для погребов облюбовали в высокой бугристой части острова. Земля податливая, мягкая — дело шло быстро. Чтобы не обвалились потолки подземных коридоров, ставили бревенчатые подпорки, а стены выкладывали белым камнем, который везли с Красной косы. По обеим сторонам коридоров выкапывали глубокие лари, чтобы солить в них и хранить, до отправки, красную рыбу. Возле бугров стояли палатки. В них купец с музурами отдыхали в жару. Иногда оставались здесь на ночевку. Сын Кеймира, Веллек, был в артели за кашевара. Чуть свет он привозил со шкоута рис или пшено, резал барана, снимал с него шкуру и разделывал мясо. Ему помогала мать, Лейла-ханым, а иногда и сам Кеймир, но делал это неохотно, посмеиваясь: не мужское дело возиться у котла.

Как-то раз, среди дня, Веллек прибежал с берега, схватил купца за плечо:

— Бачка, урус пришла!

— Какой урус? — спросил Михайла.

— Корабла урус там!

— Корабль русский? Да ну! — удивился купец, выпрямляясь и отряхивая с рук пыль.— Ну-ка, поглядим — что там за урусы. Не Саньку ли бог послал, чего доброго!

Высокорослый и жилистый, в соломенной шляпе, в сапогах, парусиновых портках и в рубахе с засученными рукавами, Михайла саженными шагами отправился на берег. Веллек едва поспевал за ним. Выйдя на восточные бугры к кузнице, Михайла увидел парусник и сразу узнал — откуда.

— Это с Сары,— сказал довольно.— Волки на охоту вышли!

Он поспешил к кибиткам, надеясь встретить приезжих «на кошме», но кроме Лейлы и нескольких ребятишек, которые сидели на склоне бугра и смотрели на военный парусник, никого не нашел. Михайла снял шляпу и помахал. Тотчас с корвета донесся выстрел и в небо взлетела зеленая ракета, оповещая, что купца приглашают к капитану. Почти одновременно с «Астрахани» отошла бударка. Михайла подождал, пока

она пристанет к берегу, шагнул в нее и спросил у своих матросов:

— Кого принесло?

— С Сары, ваше степенство. Капитан Нечаев.

Вскоре, поднявшись на корвет, Михайла хмуро, с достоинством раскланялся с офицерами, не мешкая спросил:

— Кто тут Нечаев?

— Откуда вы знаете, что здесь именно Нечаев? — спросил капитан-лейтенант.

— Я все знаю. Ты, что ли, ваше благородие, Нечаев будешь?

— Грубоват, однако.

— Таким воспитали. Да и не с руки медоточить купцу-то. Жизня не позволяет. Ну, говори, зачем спонадобился я тебе?

— Собирайся, Михайла Тимофеич, на Сару.

— Это еще зачем? Может, опять Багиров тяжбу затевает? Коли так — не поеду,— проговорил Михайла лукаво, прекрасно понимая, для чего зовет его Басаргин.

— Да нет, Михайла Тимофеич, козней не будет. Басаргин приглашает тебя к себе, чтобы сети свои ты взял. В прошлом году, говорят, Багиров у вас на Гургене сети выловил. Вот командир эскадры и позаботился.

— Ду будет брехать-то! — радостно усомнился Михайла.— Если так, то мы мигом. Сейчас пакетботик свой оседлаем — и айда!

Он засуетился, и Нечаев спокойно, с некоторым упреком сказал:

— Да ты не спеши. Отдохнем малость...

— А чего волынку-то тянуть! — засмеялся Михайла.— Зовут — иди, дают — бери.— И, опустившись в бударку, поплыл на шкоут собираться в дорогу.

Вечером отплыли. Пакетбот «Св. Василий», втрое меньше военного корвета, шел следом, как верный пес за хозяином. Погода благоприятствовала. На Каспии установились тихие жаркие дни. Море едва подавало признаки жизни; просыпалось, когда набегал ветерок, покрывалось мелкой рябью и, по мере усиления ветра, играло, наращивая волны. Жара, сдобренная тяжелой соленой влагой, не давала покоя. Моряки спали на палубе, постелив рядком тюфячки. Сам Михайла приспособился в гамаке. Днем в каютах обливали пол, застилали циновками и тоже дремали.

Через двое суток, вечером, вошли в саринскую бухту. Солнце закатывалось за островок, озаряя пустынный, заставленный бараками и усаженный деревьями ландшафт. У причалов скучно покачивались сторожевые суда. На приход парусников, кажется, никто не обратил внимания. Лишь офицер береговой службы, выйдя из дежурки, козырнул морякам и почему-то пожал руку Михайле. Он же проводил его к дому Басаргина.

На террасе Михайлу встретила женщина лет двадцати. Он сразу вспомнил ее: та — с аристократическим белым лицом и большими голубыми глазами. Взгляд ее, доверчивый и нежный, словно она встретилась со своим возлюбленным, обескуражил Михайлу. Он отвел глаза и поймал себя на том, что разглядывает ее шелковое, почти прозрачное, платье с глубоким декольте. Смутившись, хотя был и не из робкого десятка, Михайла отвернулся.

— О, вы не стесняйтесь! — мягко воскликнула она, беря его за руку.— Мы давно ждем вас. Григорий Гаврилыч сейчас будет. Давайте пройдем в гостиную. Скажите, пожалуйста, как вас зовут? В тот вечер мы так и не познакомились.

— Вы помните меня? — обрадовался Михайла и торопливо представился: — Михайлой меня кличут. Простите, сударыня, а как величать вас?

— Величать? — усмехнулась она.— Меня величают фрейлейн Габи.— Я — немка.

— Вот оно что,— сказал, оглядывая ее заново, Михайла.— И кем же вы доводитесь командиру эскадры? — В глазах его засверкали игривые огоньки.

Габи перехватила его взгляд, и лицо ее порозовело, как тогда — в ресторации.

— О, какой вы! — воскликнула она.

— Так кто же вы ему? — не унимался Михайла, начисто увлеченный ее красотой и доступностью.

— Не задавайте глупых вопросов, мальчик,— сказала она ему, как ребенку, и вдруг спросила: — Вы женаты?

— Нет,— ответил он с достоинством, подчеркивая, что женитьба его не интересует, а на самом деле вожделея: вот такую бы в жены! Он опять представил Лушку — дочь купца Мясоедова — и подумал, что Лушка не стоит и мизинца этой немочки...

Габи между тем велела ему снять шляпу, подала мыло и полотенце. Затем, когда он освежился, провела в соседнюю комнату. В ней стояла кровать с зеркальцем в изголовье, стол у окна и висела картина: Зевс похищает Европу.

— Почему же вы на мой вопрос не отвечаете? — допытывался Михайла, бросая на изящную немочку умоляющие взгляды.

— На какой вопрос? Ах, да...— засмеялась она.— У капитана — жена и дети в Астрахани. Я — экономка.

— И только?

— О, Михаэль! — удивилась и возмутилась она.— Как это нетактично с вашей стороны. Вы слишком грубы.

— Шучу, шучу, фрейлейн! — захохотал он и потянулся, чтобы поймать ее за руку, но она увернулась и выскочила из комнаты. И тогда же послышался на террасе голос эскадренного командира:

— Где там наш Садко, богатый гость?!

Михайла вышел навстречу, поздоровались за руку. У обоих всплыла в памяти встреча в Баку.

— Вот прибыл,— развел руками Михайла.— Беседуем здесь с вашей... фрейлейн Габи.

Басаргин едва заметно улыбнулся и скосил глаза на Габи. Та весьма официально обратилась к нему:

— Ваше высокоблагородие, Григорий Гаврилыч! Можно накрывать?

— Да, конечно,— ответил он небрежно, беря купчика под руку и увлекая в гостиную.

Идя с ним, Михайла попытался понять: каковы же их взаимоотношения, если она называет его «ваше высокоблагородие»? И возрадовался опять: «Ну о чем может быть речь, коли «ваше высокоблагородие»?»

— А эта Габи, она что, экономка?

— Она не только экономка, но и дальняя родственница мне.

— Простите, я думал — жена...

— Ну, что ты, Михайла Тимофеич! Какая жена! Габи — воплощение невинности, хотя и шаловлива. Правду я говорю, Габриэль? — повысил он голос.

— Святую правду, Григорий Гаврилыч,— отозвалась она весело из кухни. И вошла в гостиную с подносом, на котором красовался наполненный графин и ваза с яблоками и гранатами. Пока мужчины усаживались в кресла и закуривали, обмениваясь любезностями и задавая друг другу совершенно необязательные вопросы, Габи несколько раз входила и выходила, сервируя небольшой круглый стол на львиных лапах.

— Ух, сатана! Сатана — этот Багиров,— через минуту откровенничал эскадренный командир.— Да только и мы ведь не ангелы. Верно, Габи?

— Верно, ваше высокоблагородие!

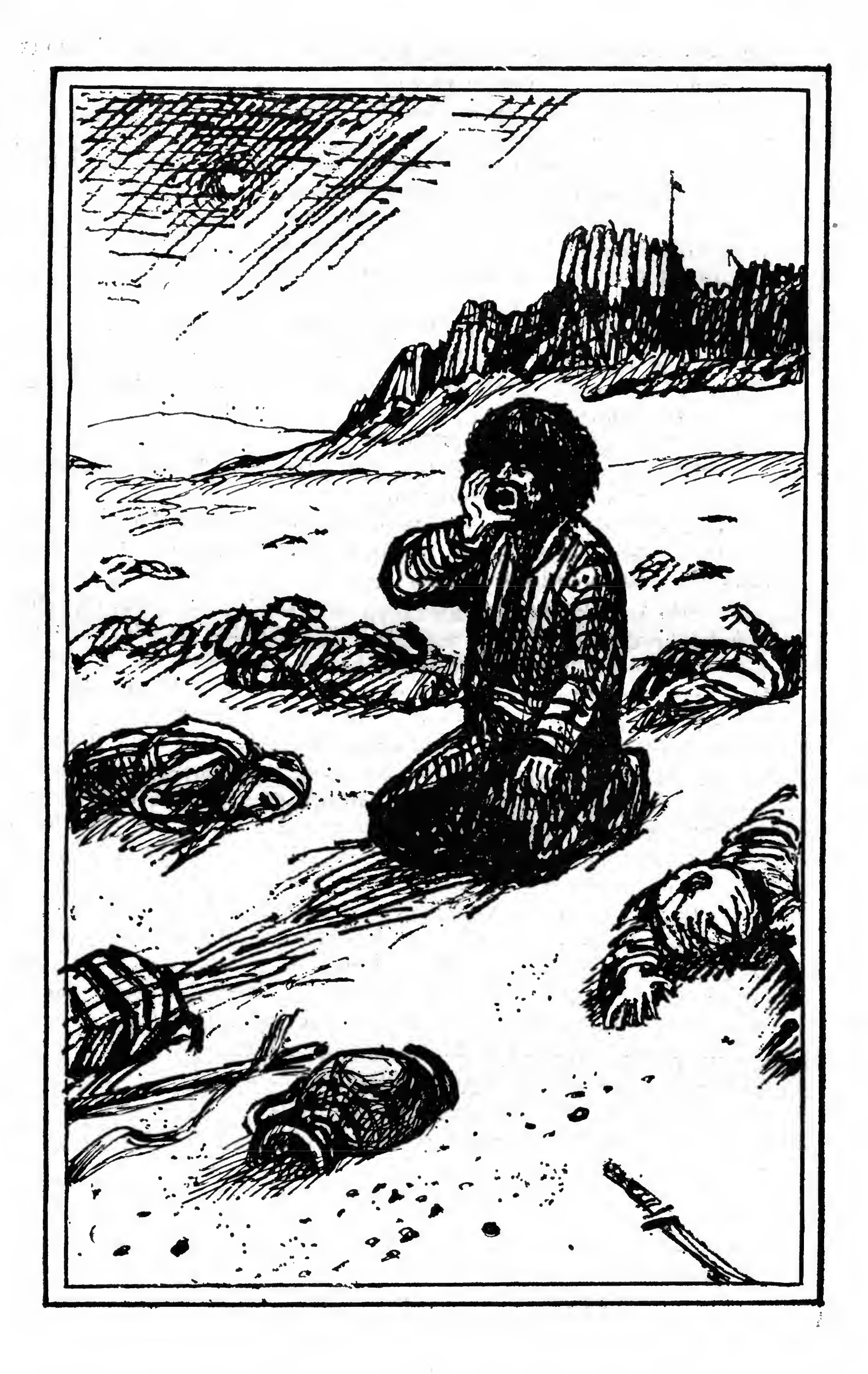
— Давлю на него: «А ну-ка возверни сети Герасимова!» А он заладил одно: «Не брал». Пришлось матросикам по трюмам пройтись — вмиг отыскали. Начал, каналья, умолять, горы золотые наобещал — только заступись за него. А чего заступаться-то, когда проигрался по всем статьям. Сказал я ему: «Теперь эпоха Герасимовых началась. Теперь Каспий на них станет работать». И прогнал прочь. Так-то вот. И поверишь ли, каков оказался, каналья. За Габи он немножко ухаживал. Перстень ей, ожерелье подарил. А тут вцепился ей в кофточку: «Отдай,— говорит,— назад!»

— Ах,— вздохнула Габи.— Такого скупца и негодяя прежде я не видела.

— Взял назад! — изумился и захохотал Михайла.— Ай да купец!

— К сожалению, есть такие господа, дорогой Михаэль,— кротко отозвалась Габи и посмотрела на него. Он сидел напротив и не спускал глаз с ее красивого беленького личика.

Хозяин между тем спокойно и важно, без лишних движе-

ний, разлил в рюмки ром и предложил выпить за новую дружбу. Габи тоже выпила, и Михайла заговорщицки подмигнул ей: пей, моя, не бойся. В ответ на его условный зов она под столом слегка нажала ножкой на его брезентовый сапог. Михайла опять смутился и почувствовал, как загорелось в груди. А Басаргин, не замечая или делая вид, что ничего не замечает, заговорил о деле — о том, ради чего он пригласил к себе купца.

— Значит, говоришь, на выезде второй раз только?

— Второй...

— Оно и видно, хозяином настоящим себя еще не чувствуешь.

— Это почему же?

— А потому что молод и многого не знаешь...— Басаргин вновь налил, и опять выпили. Теперь уже за новый союз.— Багиров захлебнулся,— посмеиваясь, говорил Басаргин.— А чтобы и с тобой того же не произошло, надобно знать его ошибки. Жаден, каналья,— вот главный его недостаток. Каспий — это ведь не только купец на паруснике да рыба в море. Каспий — это черная икорка и балычок к царскому столу. Каспий — это два астраханских губернатора и начальник таможни в Баку. Каспий — это полномочный министр в Персии и кавказский главнокомандующий. О себе уж я не говорю, дорогой Михайла Тимофеич. Из того, что мне Багиров присылал, я половину отдавал своему командующему и прочим господам. Чтобы быть хозяином Каспия — надо уметь всех прокормить...

— Ну и наговорил ты, Григорий Гаврилыч,— растерялся Михайла.— Да разве на такую прорву напасешься! Тут и во всем море рыбы не хватит... Последние портки оставишь...

— О Михаэль! — взмолилась Габи.— Не говорите так грубо.

— Пардон, фрейлейн,— осекся Михайла и неловко засмеялся.

— Не о последних портках надо думать, а о миллионах! — властно, с какой-то жадной торжественностью воскликнул Басаргин.— Миллионы эти вокруг тебя лежат, только не ленись — поднимай.

— Небось поднимешь,— опять заартачился Михайла.— Прошлым летом отдал муку и товар туркменам, а теперь жди — когда долг возвернут. Тыщонок на пятьсот, не меньше.

— Чего ждать-то? — удивился хозяин и насмешливо покачал головой.— Да, брат, учить тебя да учить, пока ты промышленным торговцем сделаешься. Нынче нам на Каспии промышленник крупный нужен, а не купчишка с сундучишком, понял?

— Понял...

— Ни черта не понял,— прервал его Басаргин.— Начни вот с чего: пусть Кият-хан за взятую у тебя муку нефтью расплатится. Этого добра у него хоть отбавляй. Загрузи все трюмы тулунами с нефтью и отправляйся в Энзели и Ленкорань.

— Но ведь запрещено туркменскую нефть продавать в том углу моря! Вроде грамота такая есть — за нарушение тюрьма! Вроде бы вы, саринская эскадра, и ловите нарушителей.

— Мы ловим, кому же еще,— согласился Басаргин.— Да только тебя не поймаем, не бойся. А когда сбудешь туркменскую нефть, тут же на вырученные деньги закупай побольше сарачинского пшена[1], пшеницы и вези опять же Кияту. И опять на нефть выменивай. Рейса три на двух парусниках сделаешь — сам будешь сыт и царя со всеми министрами накормишь...

— А ведь дело ты говоришь, Григорий Гаврилыч,— уразумел наконец, что к чему, Михайла.— Но только ответь мне: чего же Багиров таким путем не торговал?

— Так и торговал,— спокойно ответил Басаргин.— А теперь ему доступ к Челекену закрыт самим государем. А на кой черт нам Багиров без нефти, то бишь без крупного барыша? Смекнул?

— Смекнул, Григорий Гаврилыч. Смекнул... И думаю вот теперь: может, отправить шкоут с товарами в Астрахань, а самому с пакетботом на зиму остаться? До весны рейсов пяток сделаю!

Басаргин опять налил. Теперь уже в две рюмки, поскольку Габи, соскучившись от деловой беседы, ушла на террасу. Выпили молча.

— Ну так как, Григорий Гаврилыч?

— Так и сделаешь. Оставайся на зиму. Поедешь к Кияту — я ему письмецо черкну, чтобы расплатился с тобой нефтью. Ему это тоже очень выгодно. Теперь туркмен ни в Астрабад, ни в Хиву не пускают. С голоду мрут. Привезешь сарачинского пшена — все племя от смерти спасешь. Героем будешь. В газетах о тебе напишут: вот-де русский промышленник Михайла Герасимов показал купеческую широту... помог бедному туземному народу!

— Скажешь тоже, Григорий Гаврилыч,— засмеялся Михайла.— Где уж нам!

— А как же иначе, Михайла Тимофеич! Губернатор астраханский за твои подарочки этим только и отплатит, что в «Петербургских ведомостях» тебя упомянут...

Выпили еще. И еще пили без тостов, много раз, и порядочно опьянели. Габи несколько раз принималась совестить мужчин, но безуспешно. Хозяин не выдержал первым: уронил голову на стол. Михайла с помощью Габи уложил его в кровать, подошел к столу, налил в рюмку и еще раз выпил.

— О боже мой! — то ли удивилась, то ли взмолилась женщина.

А он зажмурил глаза, нагнулся и положил на плечо ей руку.

[1] Так в ту пору в тех местах называли рис.

— Фрейлейн, вы меня любите?

— Вам надо искупаться... в море... вы немножко пьяны, Михаэль!

— Душенька моя,— широко улыбнулся Михайла, потянул ее к себе и зажал ей рот долгим страстным поцелуем.

— О майн гот! — Она еле вырвалась.

Спустились с крыльца. Габи поддерживала его под руку, чтобы не упал. Пошли по хрустящему ракушечнику к берегу моря. Ночь была светлая. Луна, словно налитый соками плод, летела по матовому беззвездному небу, проливаясь нежным обволакивающим светом на бесконечную ширь Каспия.

— Ах, Михаэль, зачем так напиваться? — ласково выговаривала Габи, в то время как он, обвив ее рукой, то и дело прижимал к себе и больно сдавливал грудь.

— Габи... фрейлейн, я умру, если ты...— лепетал он.— Ты теперь моя. Мы обвенчаемся...

— О майн гот, какой ты болтун!

— Кто? Я? Никогда в жизни. Я куплю тебе теремок в Астрахани... и яхту.

— Болтун,— чуть резче возразила она и, высвободившись из его рук, побежала к берегу.

— Габи, чертовка! — крикнул он обиженно и тоже поспешил за ней.

Волны мягко накатывались на песок и с легким шелестом отступали.

— Габи, ну подойди сюда...

— Нет, нет... Стой там. Ты же видишь, я раздеваюсь.

Он видел в полумраке ночи, как она снимает платье. Михайла тоже сбросил рубашку, сапоги, брюки. Тут только он понял всю нелепость своего положения. «Не купаться же в подштанниках!» Он оглянулся на нее и замер. Габи совершенно голая вошла в воду, и волны прикрыли прекрасную наготу. Не мешкая, он тоже разделся и, плюхнувшись в воду, поплыл к ней.

— Габи, ласточка,— шептал он,— фрейлейн...

Но едва он приблизился к ней, она шлепнула ладошкой по воде и быстро отплыла в сторону.

— О Михаэль,— сказала со смехом,— с тобой шутить опасно!

— Габи! — повысил он голос и ринулся к ней, расплескивая спокойную воду.

И опять она легко удалилась от него и засмеялась.

— Габи,— взмолился он наконец.— Ну не трону, не трону, не бойся. Мне надо с тобой поговорить.

— Ну так говори, Михаэль, я же все слышу.

— Габи, милая, но разве можно об этом говорить на расстоянии?

— Ну хорошо, можешь подплыть чуть поближе.

— Душечка,— бормотал он, приближаясь.— Ну зачем ты

так? Зачем дразнишь? Поверь мне... Михайла Герасимов слов на ветер не бросает.

— Стой, стой! — воскликнула она.

— Я же люблю тебя, Габи,— задыхаясь, проговорил он.— Ты понимаешь, я хочу, чтобы ты уехала отсюда со мной. Понимаешь?

— Куда? — удивилась она.

— В Астрахань, Габи. Там я куплю тебе красивый домик...

— Все вы так говорите! Багиров тоже горы золотые сулил, а потом кинулся за своим перстнем, чуть руку не оторвал.

— Багиров? — с недоумением переспросил Михайла.— Значит, ты была с Багировым? — Он вдруг совершенно отрезвел, представив, как эту красивую молодую женщину тискает в своих объятиях его злейший враг. Михайла чуть не задохнулся от злобы и почувствовал, как холод сковывает его тело. Наверное, он замолчал надолго, ибо Габи тревожно спросила:

— Что с тобой, Михаэль?

— Значит, Багиров?

— Да что ты, вот глупенький! — испугалась она его голоса и подошла, забыв, что нагая.— Не надо, Михаэль.— Она притронулась к нему, и он вновь воспылал и властно притянул ее к себе.— Михаэль,— слабо сопротивлялась женщина,— Михаэль, что ты делаешь? Идем в дом...

Но он уже не слышал ее и не помнил себя.

Они лежали на песке, прикрывшись ее платьем.

— Противный мальчишка,— говорила она и нежно целовала его.— Откуда ты взялся такой? Мне с тобой слишком хорошо. Ах, как хорошо! Но теперь ты уже не захочешь дарить мне теремок, правда?

— Нет, почему же? — вяло отозвался Михайла.

— Все вы одинаковые... Ну ладно, Михаэль, я не обижаюсь. Мне и без теремка не скучно. Я счастлива... Спасибо тебе за эту чудесную ночь! Какие облака красивые, посмотри! Вон то облако, смотри, похоже на бога бородатого. Завтра, когда ты уедешь, я приду сюда и буду думать об этой сумасшедшей ночи.

— Я не уеду без тебя, Габи,— сказал совершенно серьезно Михайла.— Я увезу тебя.

— Это невозможно, Михаэль,— печально отозвалась она.— Басаргин не позволит... Ты ведь ничего не знаешь обо мне. Не родственница я ему. Он всегда знакомит меня с приезжими господами, а потом бьет, ревнуя.

Михайла приподнял ей голову и долго разглядывал женщину, словно увидел только что.

— Значит, и со мной ты по его велению?

— Да... Но я не сказала бы тебе этого, если б не почувствовала к тебе большее. Мне самой хотелось с тобой быть, без его указки.

— Дрянь ты, Габи,— сказал он разочарованно и так вздохнул, словно потерял только что найденный клад.

— Дрянь,— спокойно согласилась она.— Я бывшая публичная девка. Меня он купил как содержанку и привез сюда.

— О боже...— Михайла мучительно застонал.

А она, высказав ему самое тайное, самое роковое, вдруг оскорбилась и встала.

— Пойдем-ка, купчик, уже пора. Если он проснется, мне несдобровать.

— Сиди,— сказал он со злобой.— Надо подумать.

— Думать нечего,— холодно ответила женщина и надела платье.— Прощай.

— Да постой ты,— хотел остановить ее Михайла, но тщетно. Женщина, начисто отрезвленная и униженная, направилась ровным спокойным шагом к дому. Тогда он мгновенно вскочил, скомкал одежду, сунул под мышку и догнал ее.

— Габи, прелесть моя, не сердись. Я возьму тебя у него. Я полюбил тебя, фрейлейн. Ты будешь навеки моей, если сама захочешь.

До самого дома женщина не проронила ни слова. Войдя в гостиную, Михайла сообразил, что Габи может понадобиться для услуг Басаргину. Он силой затянул ее к себе в комнату и запер дверь.

ТАЙНАЯ МИССИЯ

Столкновения на юго-восточном побережье Каспия привлекли к себе внимание политиков Англии и Турции. Лорд Пальмерстон из Сент-Джемского кабинета, английский посол в России Кланрикард, глава Ост-Индской компании лорд Окленд с молчаливым любопытством присматривались к действиям персидского шаха до тех пор, пока он не объявил поход на Герат. Тогда западной дипломатии стало понятно, что не Мухаммед-шах завоевал туркмен, а Россия уступила ему их земли — от Атрека до речки Кара-Су. И, уступив, теперь оказывала на персидского владыку неограниченное влияние. В конце концов, рассудили в Лондоне, эта русская подачка может кончиться тем, что Мухаммед-шах завоюет Герат и создаст более чем благоприятные условия для вторжения русских в Индию. Сент-Джемский кабинет спешно развернул антирусскую деятельность на Ближнем Востоке. В Тегеране тихонько зароптала религиозная знать о недопустимых связях и дружбе шаха с гяурами. Из Стамбула, где скрывались два брата Мухаммед-шаха, бежавшие из Персии в те дни, когда еще молодой владыка начал гонения на претендентов, поползли слухи о том, что истинный престолонаследник великого Фехт-Али не Мухаммед, а Зелле-солтан. Турки будоражили персидский народ и одновременно грозили шаху, что дни его восседания на троне сочтены...

До Мухаммед-шаха долетели эти слухи, и он проявлял бес-

покойство, обвиняя в распространении сплетен самого имама Хаджи Сеида Мухаммеда Бакира[1]. В летнем дворце Нигаристан, где в тени платанов и горных ручьев отдыхал владыка, не раз упоминалось имя этого строптивого старика аскета. «Разве это порочно,— спрашивал своих приближенных шах,— что я изучаю историю, географию и фортификацию? Мы отстаем от Европы! Так почему же я должен предать забвению науки, а проводить время за чтением Корана и молиться в мечети?» Кончилось тем, что Мухаммед повелел своим гуламам[2] ехать в столицу и привезти имама. Немедленно отправилась в Тегеран черная карета и вскоре доставила оттуда Хаджи Сеида Мухаммеда Бакира. В саду, возле фонтана, где лениво пощипывали траву павлины, шах со своими вельможами поджидал его. Как только имам приблизился, шах коротко бросил: «Взять!» Несколько гуламов схватили старика, поставили его на голову, вверх ногами, и принялись колотить мокрыми розгами по пяткам. Имам взвывал в такт ударам и все время спрашивал: «За что, повелитель?» Наконец, обессилев, замолчал. Спустя час его привели в чувство. И Мухаммед-шах сказал ему:

— До сих пор мы считали, что столп веры является опорой властелина, но мы ошиблись. Если, дорогой имам, завтра ты не заткнешь рты своим болтливым служителям мечети,— будешь повешен. Аминь...

Имама усадили в ту же карету и отвезли в Тегеран. А на другой день случилось невероятное. Чуть свет столица огласилась криками множества муэдзинов, призывающих к молитве, но едва окончился час намаза, над городом снова понесся крик. «Чудо, люди, чудо! — вопили глашатаи.— Имам Хаджи Сеид Мухаммед Бакир призывает всех к себе в мечеть! Чудо, люди, чудо!» Толпы горожан потянулись к сияющему куполу и к голубым минаретам главной мечети. Просторный храм аллаха был переполнен. Те, кому не удалось попасть внутрь мечети, толпились у массивных резных дверей, прислушиваясь: что там такое происходит? В мечети, когда стало трудно дышать от тяжкого воздуха, имам поднялся на мамберу и таинственно, полным огромного значения, благоговейным тоном рассказал следующее. Ему, имаму Хаджи Сеиду Мухаммеду Бакиру, привиделось, что Мухаммед-шах и русский мухтар Симонич вместе. Тогда к ним спустился аллах и сказал: «Он к вам пришел с прямым руководством и верой истины, чтобы дать ей перевес над всякой верой: довольно аллаха как свидетеля!» О значении этих слов имам не стал распространяться. Довольно было и того, что шах и русский посол удостоились беседы с аллахом. Слух о видении имама распространился с невероятной быстротой по всей Персии. Шах вновь пригласил к себе Хаджи Сеида Мухаммеда Бакира и любезно сказал:

---

[1] Глава персидского духовенства.
[2] Гуламы — личная охрана шаха.

— Ваше усердие, имам, натолкнуло нас на мысль о скором выступлении в поход. Поистине велик аллах!..

В пятницу на улицах Тегерана загремели карнаи, тяжко заухали огромные барабаны — тулумбасы. Появились конные гвардейцы из батальонов Багадерана и Хассе. Цвет и гордость шахского войска, они возглавили шествие. Гвардейцы отличались от других изысканной одеждой: на них были шелковые шальвары, красные кафтаны и папахи, к тому же все они были высокорослые, как на подбор, и все — чистокровные каджары. Бедные ремесленники в стареньких сердари и войлочных шапочках — люди шиитского толка — взирали на гвардию солнцеликого с благоговейным страхом. Словно загипнотизированные, смотрели они, как гвардейцы проехали по хиабанэ-базаре, направляясь к летней резиденции, дворцу Нигаристан. Следом шла пехота, выделывая артикулы английскими ружьями.

В резиденции русского полномочного министра, расположенной неподалеку от шахского дворца, тем временем шла своя жизнь. Только что вернувшийся от Мухаммед-шаха посол Иван Осипович Симонич легко поднялся на айван и, бросив шляпу, сказал сидящим в шезлонгах господам:

— Итак, подписан приказ о выступлении!

— Да что вы! — обрадовался Виткевич, зная, какие козни строили шаху в последние дни англичане.— Признаться, я думал, что сэр Макнил по крайней мере выдаст ультиматум!

— Ультиматума нет, но демарш он предпринял,— сказал Симонич, присаживаясь и окидывая взглядом своих посольских: барона Бодэ, Ходзько и недавно приехавшего Бларамберга.— Макнил отзывает из шахской армии всех английских инструкторов и требует, чтобы ни один русский не сопровождал его величество в походе. Мне удалось с трудом уговорить шаха, чтобы оставил при роте русских дезертиров вас, господин Бларамберг.

— Простите, вы сказали — рота дезертиров?

— Да, Иван Федорович,— подтвердил Симонич и пояснил: — В прошлую войну сюда, в Персию, дезертировало немало русских солдат. Я пытался как-то вернуть их в Россию, но и шах, и государь наш оставили мои просьбы без внимания. Наконец, государь разрешил им идти на Герат и кровью заслужить возвращение на родину. Шах не возразил. Вот к этим дезертирам, Иван Федорович, мне и удалось вас пристроить... в роли инженера по фортификации. Что касается остальных, то ни я, ни Бодэ, ни Ходзько и ни Виткевич не покинут персидской столицы во все продолжение шахского похода.

— Однако шах весьма и весьма считается с Макнилом,— сказал барон Бодэ.— Говорят, есть какое-то письмо Мухаммеду от королевы Виктории...

— Может быть,— не возразил посол.— И не будем пока травить собак. Вы, господин Бларамберг, завтра же отправитесь в роту дезертиров... А сейчас можете все быть свободны-

ми... кроме Виткевича. С вами, Ян Викторович, мы потолкуем немножко.

Посол встал и, взяв под руку Виткевича, проследовал с ним в свой кабинет. Это была довольно просторная комната со столом и диваном, над которым висел портрет Наполеона. Симонич был ярый бонапартист, «трубил» о полководце без устали. Да что там! Приверженность его к гениальному полководцу Франции до того была велика, а презрение к англичанам настолько откровенным, что он мог, принимая кого-нибудь из английского посольства в этом кабинете, не стесняясь восхвалять гений Наполеона. Впрочем, это уже шло и от других качеств Ивана Осиповича. Бывший командир грузинского полка, в беседах он был более чем откровенен, рубил, как говорят, сплеча. Его и сейчас, по истечении восьми лет после русско-персидской войны, величали гренадером. Там, где требовалась примерная вежливость, от Симонича исходила грубая команда; самая изощренная хитрость англичан встречалась открытой насмешкой. В глазах шаха и его вельмож Симонич выглядел бесхитростным воякой, и Мухаммед ценил в нем эти качества. Но была еще борьба тайная, она приводила в действие скрытые механизмы политики, и в этой борьбе Иван Осипович выглядел гимназистом.

Сейчас он повел себя таинственно, что возбудило любопытство Виткевича. Посол, оглянувшись на дверь, затем выглянув через окно на айван, прикрыл ставни, сел за стол и отомкнул блестящим ключиком верхний ящик. Неторопливо достал папку с тесемочками, развязал их и извлек из папки два вощеных листка. Оба были исписаны каллиграфическим почерком на пушту и персидском языках. Оба языка Виткевич немного знал, во всяком случае мог объясняться с афганцами и каджарами. Прочитав заголовки на обоих листах, поручик перевел тот и другой на русский язык: оказалось что-то вроде «договор» или «свидетельство», а может быть, «соглашение». Но что бы то ни было, Виткевич сразу угадал: текст один и тот же, написанный на двух языках.

— Итак, Ян Викторович,— доверительно заговорил посол,— вам предстоит выполнить тайную миссию по поручению государя, от которой зависит, быть или не быть в Афганистане и Средней Азии российскому капиталу. И не только капиталу.

— Иван Осипович, не надо лишних слов,— попросил Виткевич.— Я хорошо знаю, зачем я здесь. И буду вам премного благодарен, если вы мне скажете: что я должен делать в Кабуле? У меня есть инструкции государя на право переговоров с эмиром Дост-Мухаммедом о заведении торговли между Россией и Афганистаном. Известно мне также, что я имею полномочия заверить афганского эмира во всяческой политической поддержке...

— Эти бумаги,— сказал посол, взяв копии проектов соглашения,— изготовлены по личному распоряжению государя. Вы, поручик, должны их украсить тремя подлинными подписями:

эмира Дост-Мухаммеда, правителя Гератского княжества Камрана и персидского шаха. Что касается конкретных дел, то они должны выглядеть примерно так: вы приезжаете в Кабул и склоняете эмира не только на то, чтобы он согласился отдать Персии Герат, но и вынудил бы на это согласие правителя Герата. Затем, когда две подписи сих царьков будут стоять под соглашением, персидский владыка с величайшим удовольствием поставит и свою...

Для Виткевича это было полной неожиданностью. Поручик на какое-то время растерялся, не знал, что сказать. Действительно — задание чрезвычайное.

Видя его растерянность, Иван Осипович самодовольно улыбнулся:

— Я понимаю вас, поручик. Но мы должны использовать все, чтобы взять Герат без огня и крови. Чем меньше огня и крови, тем меньше шума в Англии и в Турции. Государь придает величайшее значение тому, как будет взят Герат. Не хочу распространяться о более отдаленных перспективах, но могу вас заверить: царь вознаградит вашу миссию по-царски.

— Спасибо, ваше высокопревосходительство,— поклонился Виткевич.

— А теперь давайте обсудим, каким образом ехать вам в Кабул,— сказал посол, и оба подошли к карте.

Дня через три вновь огласили персидскую столицу могучие звуки карнаев, тулумбасов и флейт. Трижды прогремели пушки, возвещая о том, что Мухаммед-шах сел в седло. В черном тюрбане и расшитой золотыми нитями одежде, на белом арабском скакуне, он выехал из дворца Нигаристан и занял свое место в военной колонне. Впереди с гордыми, зловещими улыбками шли палачи — нашакчи — и гонцы — шатиры. Следом за шахом ехали ближайшие придворные: визирь Мирза Агаси, министр иностранных дел Масуд, военный министр и полководец Феридун, столп веры Хаджи Сеид Мухаммед и многие другие именитые сановники. Продолжали шествие конная гвардия, артиллеристы и снова конница различных батальонов. Войску шахиншаха, казалось, не будет конца. Почти в самом хвосте колонны сопровождали пеших сарбазов два английских инструктора — Стотдарт и Коноллп. А еще дальше шла рота русских дезертиров, наряженная в шальвары, кафтаны и папахи. На Бларамберге была какая-то весьма неопределенная одежда. Вот эти три европейца и были приглашены в поход. Остальные — и англичане, и русские — едва заметными ухмылками провожали шаха, стоя у ворот своих резиденций.

На всем пути следования, пока процессия двигалась по хиабанэ[1] от Нигаристана до Ширванских ворот, многочисленные толпы и представители городской знати несли «солнцу царей» всевозможные сласти, гнали стада быков и баранов. Уже далеко

[1] Хиабанэ — улица *(перс.)*.

за тегеранскими стенами, где-то у подножия Демавендских высот, смолкла музыка, и только пыль долго еще висела в синем осеннем воздухе. Тогда русские скрылись во дворе своей резиденции, англичане — тоже...

Ночью от шаха прибыл тайный посланец, Симонича подняли с постели. «Глаза и уши» шаха сообщили, что на дороге к Себзевару сарбазы задержали двух переодетых англичан, пробиравшихся в Герат. Оба возвращены с позором и отданы послу Макнилу с тем, чтобы он отправил их в Англию, ибо подобные люди не могут находиться на территории Персии. Симонич поблагодарил посланца, наградил его несколькими золотыми монетами и сказал Виткевичу:

— Господин поручик, вы пойдете другой дорогой. И можете быть спокойны, вас до самого Кабула будут сопровождать надежные люди...

Следующей ночью через Исфаганские ворота выехала кавалькада в халатах и чалмах. Конники двинулись на юг, чтобы, проехав пять-шесть фарсахов в сторону от движения шахского войска и его передовых разъездов, вновь повернуть на север и, следуя по краю пустыни Кум, выйти раньше шаха к Себзевару. Виткевич, разумеется, боялся не шаха: англичане следили за каждым шагом оставшихся в Тегеране русских...

Почти месяц длился трудный, полный опасностей и тревог переход по пустыне и горам отряда «паломников-дервишей» — как называл своих людей поручик Виткевич. До Мешхеда на каждой остановке, в каждой каве-ханэ приходилось обманывать любопытных, что едет он на поклонение к праху имама Реза. После Мешхеда пробирались окольными тропами, вовсе не заезжая в селения. Наконец в один из дней глубокой осени, когда с деревьев уже осыпались листья, «дервиши» въехали в ворота Кабула. Скопища глиняных кибиток, узкие пыльные улочки с кучами зловонного мусора, стаи голодных собак, толпы оборванцев — все это произвело на поручика удручающее впечатление. Только сказочные горные вершины Шердарваза и Асмани да древняя крепость на холме — Балла-Хиссар — радовали глаз и подстрекали воображение. Когда-то из этой крепости уходил в завоевательные походы Бабур, здесь была колыбель славы Надир-шаха. Здесь восседали на троне повелители Дурранийской державы. Но прошло время — и могущественная афганская держава распалась на княжества: Кабульское, Пешаварское, Гератское, Кандагарское... Попытки ныне правящего в Кабуле Дост-Мухаммеда объединить эти княжества и создать вновь афганское государство сталкивались с невероятными трудностями. И основной помехой для объединения было вмешательство во внутренние дела афганцев со стороны Англии и России...

Поднимаясь в крепость и оглядывая этот непонятный и малодоступный для европейца мир, Виткевич как никогда ост-

ро ощущал, какой непосильный груз возложил на него государь император...

О прибытии русской миссии Дост-Мухаммеду сообщили, когда отряд «дервишей» был еще на подступах к Кабулу. Эмир сказал, что прибытие «урусов» несвоевременно. В эти дни в крепости находился английский агент Бернс и вел с Дост-Мухаммедом переговоры. Эмир распорядился встретить «урусов» вежливо, но скрыть их от глаз англичан. И когда поручик Виткевич со своей охраной остановился на крепостном дворе, ему отвели несколько комнат в самых отдаленных закоулках и попросили спокойно и терпеливо ждать. Когда наступит время, эмир пригласит его к себе. Узнав о пребывании в крепости Бернса, Виткевич воздел к небу глаза и перекрестился: «О боже — что это? Рука судьбы или все та же нерасторопность русской дипломатии? Я по следам Бернса входил в Бухару, а теперь наступаю ему на пятки в Кабуле!» Противник у Виткевича был более чем опасный. Надо немедленно узнать, какие планы навязывает он Дост-Мухаммеду, и только после этого вступать в переговоры с эмиром. Дело сложное, но пригоршня золота всегда находила раба, который соглашался предать своего господина. И на этот раз нашелся вельможа, пересказавший Виткевичу содержание бесед между эмиром и англичанином.

Бернс прибыл в Кабул в качестве полномочного посланника Ост-Индской компании и обещал эмиру Пешаварское княжество, а его братьям, правителям Кандагара, в случае нападения на них персидского шаха, самую действенную и интенсивную помощь. На этой основе между Ост-Индской компанией и Дост-Мухаммедом был составлен письменный договор и отправлен генеральному управляющему компании — лорду Окленду. Поручик Виткевич пожаловал в Кабул как раз после того исторического дня, когда составленный между эмиром и англичанами договор был отправлен в Ост-Индию. Поручик понял, что ему придется ждать долго — до тех пор, пока подписанный лордом Оклендом договор не возвратится сюда, в крепость Балла-Хиссар. Положение создавалось отчаянное. «Вряд ли поход шаха обойдется без огня и крови,— размышлял Виткевич,— да и вообще согласится ли эмир дарить Персии Герат, когда англичане предлагают свою помощь афганцам?» Несколько раз Виткевич напоминал эмиру о своем существовании: то через слуг, то письменно, но не получил ни приглашения, ни отказа. Потянулись длинные, томительные дни...

Зато события западнее Кабула разворачивались стремительно. Шах пересек границу своих владений, и его войска овладели высокогорной крепостью Гуриан. Победа принесла персам не только выгодный для дальнейших военных действий плацдарм, но и веру в свою несокрушимость. Выйдя к Герату, армия шаха заняла позиции в полутора верстах от города и начала готовиться к штурму. Весть о первой победе шаха, прилетевшая в Тегеран, заметно прибавила гордости жителям персидской столи-

цы, насторожила Симонича и вывела из себя английского посла Макнила. Провал англичан на Гератском плацдарме заставил его «занять петушиную стойку». «Вы посмотрите на этих каджарских вояк! — возмущался он, строча донесение в Лондон лорду Пальмерстону.— Мало им того, что мы высказали свое несогласие по поводу похода на Герат. Мало им того, что Англия отозвала из армии шаха своих инструкторов. Мало им того, что они захватили английского курьера и сопровождавших его лиц! Ко всему этому каджары еще захватили Гуриан! Сегодня — Гуриан, а завтра — Герат?!» Отправив депешу Пальмерстону, английский посол тотчас поднял на ноги свою свиту и отправился в шахский стан. Этого только и ждал русский посол Симонич. Он давно ломал голову, под каким бы предлогом отправиться к месту действий персидской армии. И вот случай, не сидеть же ему сложа руки, если противник столь активен! Симонич придумал, будто бы получено указание государя императора похлопотать перед его величеством шахом, чтобы тот всех русских дезертиров выслал в Россию. Он, Симонич, и его посольство немедленно должны в связи с этим выехать в лагерь Мухаммед-шаха...

Оба посольства прибыли почти одновременно. Шах как раз начал готовиться к штурму гератской крепости. Она красовалась перед его позициями четырьмя опорными башнями и четырьмя высокими стенами, обращенными к четырем сторонам света. В крепости было несколько ворот, и поскольку шахская армия держала под обстрелом только западную сторону, то на юге, востоке и севере ворота крепости почти не закрывались, и осажденные свободно сообщались с ближайшими селениями. Больше того, гератские солдаты по ночам делали вылазки к окопам персидской армии, захватывали пленных и даже грабили склады. Кавалерийские отряды гератцев совершали более дальние рейды: они обходили персидские позиции и нападали на тылы. Завязывались стычки, были убитые и раненые. К началу зимы, явившейся небольшим и сразу растаявшим снегом, на осаждающих с севера, со стороны Мерва, стали нападать отряды хивинцев. В большинстве случаев они сталкивались с каджарами Мерва, которые по повелению бухарского эмира, состоявшего в дружбе с персидским шахом, везли к месту боевых действий фураж, сено для коней и скота и провиант для сарбазов. Но уже шли толки о том, что хан Хивы Аллакули, выступивший против шаха, фактически оказался союзником англичан. И те, с помощью турецких агентов, подсказывали, что следует делать «льву пустыни». В шахском лагере ожидали большого налета хивинцев и побаивались их. При таких неблагоприятных обстоятельствах Мухаммед-шах все чаще и чаще стал подумывать о русском «бескровном» плане взятия Герата. Но где же этот русский поручик? Скоро ли он вернется из Кабула? При встречах с Симоничем шах спрашивал о делах в Кабуле, но посол знал о судьбе Виткевича не более самого шаха...

Зима уже шла на убыль. На склонах гор зазеленела трава, когда Виткевич наконец-то услышал от своего осведомителя, что из Ост-Индии от лорда Окленда получен пакет. Но о содержании документа осведомитель пока ничего не мог сказать. На следующий день все прояснилось самым необычным образом. Вельможи и даже слуги эмира стали очевидцами, как он, пригласив англичанина Бернса, кричал на него. Все подумали, что судьба «капыра» решена, уже и стража у дверей зашевелилась, но кончилось только тем, что эмир бросил в лицо Бернсу письмо и приказал «этому нечестивцу» немедленно убираться из Кабула.

В день, когда английский агент покидал афганскую столицу, Виткевич с казаками вышел проводить его.

— Что произошло, сэр? — спросил он.— Может быть, вам нужна помощь?

— Помощь? — Бернс горько усмехнулся.— Вы могли бы помочь мне, если бы излечили от глупости лорда Окленда. Но увы, от глупости нет лекарств.

Несколькими часами позднее Виткевич узнал о содержании письма Окленда афганскому эмиру. Если Дост-Мухаммед, писал глава Ост-Индской компании, порвет связи с другими иностранными державами и даст заверения, что не вступит больше в контакты с ними без разрешения Англии, то он, Окленд, предпримет некоторые шаги перед правителем Лахора, дабы нынешние владения Дост-Мухаммеда не подвергались более нападениям. Весьма ободренный таким оборотом дела Виткевич вскоре предстал перед кабульским эмиром.

Дост-Мухаммед сидел в тронной зале, в низком, инкрустированном золотом и драгоценными камнями кресле. На нем были чалма и, как у других владык Востока, парчовый шитый золотыми нитями халат. Приближаясь к нему, поручик успел заметить, что у Дост-Мухаммеда слишком велик нос. Такого он не видел даже на Кавказе. Поручик опустился на одно колено, склонил голову и, получив разрешение встать, подал эмиру письмо Николая Первого. В нем говорилось, что податель сего уполномочен государем вести переговоры с его величеством эмиром Афганистана. Эмир снисходительно кивнул и, положив письмо, спросил:

— Что хочет от меня русский император?

Виткевич сразу, как ему предписывалось инструкцией, заговорил о торговле:

— Ваше величество, мануфактурная промышленность в России изо дня в день растет и требует новых рынков сбыта. Без сомнения, она их найдет в Туркмении, Хиве, Бухаре, и хотелось бы, чтобы российские товары в изобилии появились на рынках Афганистана...

— Цели твоего государя благородны,— заметил Дост-Мухаммед.

— Но дабы осуществить эти цели,— продолжал Виткевич,— требуется помощь самих восточных государей.— И добавил, что шах Персии являет положительный пример.

— Значит, персидский шах сжег Гуриан, чтобы создать благо вам и мне? — Дост-Мухаммед иронически усмехнулся.

Виткевич уже слышал о взятии шахом Гуриана и охотно пояснил, что взятие этой крепости продиктовано обстоятельствами, но, в сущности, шах настроен миролюбиво, и подтверждение тому — визит русского посланника в Кабул. С этими словами поручик подал эмиру проект соглашения о мирной сдаче Герата.

— Что это? — спросил Дост-Мухаммед и принялся читать. По мере углубления в содержание текста он поднимал бровь, чуть заметно улыбался, но явно был весьма серьезно заинтересован.

— Я пошлю своих людей к твоему государю,— сказал он.— Если русский император возьмет меня под защиту и откроет путь в мою страну своим купцам,— мое сердце будет на стороне русских.

— Но, ваше величество, посылка людей в Санкт-Петербург займет много времени. А ведь вы сами изволили заметить, что огонь войны не создает благ.

— Господин посланник,— строго произнес Дост-Мухаммед.— Я подписался бы под этим договором. Но где гарантии твоего государя?

— Ваше величество, это дело ближайшего времени!

Через несколько дней Дост-Мухаммед вручил Виткевичу подписанный текст договора. Не задерживаясь, Виткевич двинулся под Герат, в лагерь персидского шаха.

Войска уже давно окружили крепость со всех сторон, заняв позиции в старых заброшенных сенгирях и ямах, служивших когда-то укрытием для врагов. Большие колесные арбы скрипели на пыльных дорогах, подвозя боеприпасы и провиант. Вдоль всей линии дымили глиняные печи с вделанными в них котлами. Изредка поднимался дым от пушечной пальбы. Обычно это происходило в те часы, когда на передовую выезжали Мухаммед-шах и его визирь Мирза Агаси. Завидев шахиншаха, артиллеристы бросались к пушкам и начинали обстрел гератской цитадели. Ядра взрывались возле высоких массивных стен, на полукружьях башен и во дворе крепости, но впечатление было такое, что гератская крепость не подвластна пушкам шаха. Мухаммед-шах смотрел на крепость в зрительную трубу, морщился и бранился и повелевал войскам идти на штурм. Отчаянные беспорядочные атаки, сопровождаемые стрельбой и дикими воплями, вскоре захлебывались. Мухаммед-шах, распаленный неудачей, кричал:

— Мы заставим их сдаться! Мы возьмем их голодной смертью! Приказываю перекрыть все дороги к Герату!

Но гератская цитадель сдаваться не собиралась...

Прибыв в расположение шахских войск, Виткевич отыскал штабс-капитана Бларамберга. Оба были искренне рады встрече. В походной палатке они присели на раскладные кровати возле мангала, выпили в честь свидания.

— Как успехи, Ян?

— Не сглазить бы, Иван Федорович, но подпись эмира Дост-Мухаммеда у меня есть.

Бларамберг смотрел на друга с грустным участием.

— Боюсь, что твой договор уже превратился в простую бумажку,— сказал он, помедлив.— Позавчера перед штурмом английский посол заявил шаху: если его величество предпримет еще атаки на крепость, то он, Макнил, вынужден будет покинуть лагерь, ибо Великобритания разорвет с Персией дипломатические отношения. Шах благодаря усилиям Симонича не внял предупреждению англичан, бросил войска на штурм, и вчера англичане уехали из лагеря.

— И что же шах?

— По-моему, он весьма напуган. А вообще-то надо ехать к Симоничу.

Они сели на лошадей и подались к горам, где, при ставке главного командования персидской армии, находился русский посол.

Очередной штурм крепости только закончился. Как и несколько проведенных ранее, он не дал результатов, и войска спешно отходили на прежние позиции. Из-под стен Герата в повозках и на лошадях везли раненых. Симонича друзья застали в позе великого французского полководца, проигравшего решающее сражение. Посол стоял возле палатки, скрестив руки на груди, и мрачно смотрел на поле боя.

— Поздно,— сказал он угрюмо Виткевичу и только после того поздоровался.— Даже если ты, поручик, привез мне подпись эмира. Шах второй день совещается со своим визирем — что ему делать дальше.

— Ну так надо подбодрить их: еще не все пропало! — воскликнул Виткевич.— Пойдите к ним, Иван Осипович...

— Шах не пускает к себе никого. Эта хитрая лиса, Агаси, давно уже заигрывает с англичанами и теперь вынуждает шаха снять осаду.

Высказав то, что его мучило, Симонич поинтересовался делами Виткевича. А узнав, чего он добился, опять сказал убежденно:

— Поздно, господин поручик. Гератского правителя, Камрана, там, в крепости, поддерживают англичане. В частности, некто Поттингер, офицер. Да и сам он, я думаю, не дурак, чтобы после такой удачной обороны принять решение о сдаче. Миссия ваша закончена. Единственное, что вам предстоит,— отвезти подписанный кабульским эмиром текст государю императору. Нужен он ему или нет, но это — ваш долг...

Вечером Симонич попросил аудиенции у шаха. Министр иностранных дел Мирза Масуд ответил, что его величество расстроен и никого не принимает. Утром штурм не возобновился. Между сенгирями и стенами гератской крепости лежала теплая весенняя тишина, слышалось, как посвистывают над равниной жаворонки.

Во второй половине дня в ставке произошел переполох. Повыскакивав из палаток, все увидели английского подполковника Стотдарта и с ним десятка два англичан. Стотдарт живо соскочил с коня, расстегнул полевую сумку, извлек свиток и направился было к шатру. Однако, поднятый с ковра любопытством, шах вышел наружу, и англичанину пришлось докладывать на глазах у всех, в том числе и русских.

— Ваше величество, получена депеша от ее величества королевы Великобритании.

Стотдарт зачитал ее:

— «Ее величество королева Великобритании Виктория вынуждена предупредить его величество государя Персии Мухаммед-шаха о том, что правительство ее величества рассматривает поход против афганцев, осуществляемый армией в настоящее время, как акт враждебный по отношению к Британской Индии; и, следовательно, дружеские отношения, так счастливо существовавшие до сих пор между Великобританией и Персией, временно прерваны. Великобритания примет меры, которые она сочтет необходимыми...»

Мухаммед-шах слушал, поводя налитыми кровью глазами. Никогда и никто еще не смел так с ним разговаривать. Шах готов был в любую секунду вспылить, но благоразумие удержало его. Тяжело дыша, он слушал молча.

— Считаю своим долгом информировать ваше величество,— продолжал Стотдарт,— что полк английских войск и эскадра из пяти военных кораблей прибыли в Персидский залив и на острове Карек уже высадились войска...

Мухаммед-шах не проронил ни слова. И только когда Стотдарт спросил, каков будет ответ, его величество прерывающимся голосом ответил:

— Мы сообщим вам...

Стотдарт поклонился и отошел.

Ради сохранения престижа в глазах своих вельмож и войск шах пробыл под Гератом еще несколько дней, но военных действий не возобновил. Затем отдал приказ об отводе войск. Батальоны Багадерана, Хассе, Шеккаки, Хоя, Тавриза, Казвина, Демавенда, Нишапура — около сорока тысяч сарбазов направились на запад, в пределы своей державы. Упавшая духом армия отходила, отбиваясь от беспрестанных налетов хивинцев, которые сопровождали ее до самого Шахруда, угоняя лошадей, скот, грабя походные склады и захватывая в плен зазевавшихся солдат.

МЯТИ-ТЕДЖЕНЕЦ

В то утро атрекцы, как обычно, в заливе у Чагылской косы ловили рыбу. Мужчин в селе почти не было. Только Махтумкули-сердар с Якши-Мамедом да их джигиты праздно сидели на ковре перед кибиткой, обсуждали житейские дела. Было о чем поговорить!

— Вот к чему привело его жалкое поклонение урусам,— внушал сидящим сердар.— Как только они поняли, что Кият целиком на их стороне, к тому же и просится к ним в подданство, они сразу стали нами распоряжаться, будто своим скотом. Отдали каджарам наш Гурген и всю речку Кара-Су, помогли шаху поставить на колени гургенских ханов...

— В Аркач надо ехать,— в какой уж раз предложил Якши-Мамед.— Надо посмотреть, как живут племена ахал и теке. Надо соединяться с ними!

Якши-Мамед заговорил о том, что товары русские можно с собой прихватить, а оттуда тоже кое-что необходимое привезти. И в этот момент по аулу разнеслось пронзительное ржанье коня и быстрый топот копыт. Судя по всему, проехал одинокий всадник, но все джигиты выбежали взглянуть: кто такой. Возвратившись, джигиты, выпучив от удивления глаза, наперебой сообщили:

— Конь убитого Сазака вернулся!

— Весь в пене прискакал!

— От каджаров вырвался. Видно, из самого Тегерана бежал.

Махтумкули, Якши-Мамед и все остальные быстро поднялись с ковра и направились к камышовой чатме Сазака, погибшего два года назад в сражении с каджарами. На месте этой чатмы когда-то стояла хорошая кибитка, а теперь одинокая старушка — мать Сазака — смастерила из камыша чатму и доживала в ней свое последнее, отмеренное аллахом. Когда мужчины приблизились, то увидели: бедная Бике-эдже стоит на коленях, плачет, обхватив передние ноги скакуна, а он касается мордой ее седой головы — и у коня из глаз текут слезы. Заметив людей, старуха заплакала еще сильнее:

— О Сазак-джан, душа моя, сыночек мой ненаглядный! О Сазак-джан! Вот и седло его! — Она поднялась на ноги и прижалась к ковровой попоне.— Вы посмотрите, люди, сколько времени прошло с тех пор, а конь верен моему Сазаку, домой вернулся. О аллах, хвала тебе, творцу миров, пощадил и пожалел беззащитную женщину!

Старушка плакала, но в ее плаче не было мучительной боли, скорее в голосе угадывались нотки утешения: нет, мол, больше сына, но пришел его верный друг, Алмаз, и он будет живым напоминанием о сыне. Поэтому джигиты не стали утешать старуху. Кто-то сказал, чтобы замолчала эдже. И все с недоумением стали гадать: откуда взялся скакун. Ведь не мог же он прибежать из тегеранской или астрабадской конюшни! Дорогу

домой не нашел бы. Да и люди бы давно его поймали или волки съели.

— Надо съездить на Атрек, в камыши,— предложил Овезли.— Там все наши йигиты, может, они что-то видели.

Несколько молодцев тотчас вызвались «слетать» к реке, сели на лошадей и подались на восток. Участок, где рубили камыши, был примерно в фарсахе от селения. Посланцы уже приближались к этому месту, когда увидели своих, гасанкулийских парней. Те ехали навстречу, оглядываясь и грозя кому-то саблями.

— Это Мамед, сын сердара, второй — якшимамедовский постреленок, а третьего что-то не угадал,— сказал, остановив коня, Овезли.

Увидев своих, подростки пришпорили коней, и, едва подъехали, девятилетний Адына сказал, словно выпалил из хирлы:

— Там хивинцы! Одного мы убили. Мамед его из пистолета подстрелил, а конь убежал. Эх, поймать бы! Хороший скакун!

— Постой, постой, малыш,— перебил его Овезли и обратился к сыну сердара: — Мамед-джан, о каких хивинцах он говорит? То, что конь в аул прибежал,— это правда. Но неужели вы вступили в схватку с хивинцами?

Костлявый, горбоносый, как и отец, и надменный с виду Мамед усмехнулся:

— Мы не вступали в схватку. Их было человек десять, они ехали прямо к камышам, и нам ничего не оставалось делать, как отогнать их. Я выстрелил и убил одного. Остальные ускакали. А потом опять сунулись к нам. Тут мы решили, что пора уходить.

— Да, наделали вы беды, Мамед-джан,— проговорил Овезли.— Если это хивинцы — они теперь не отстанут. За одного убитого десятерых возьмут.

— Ничего не сделают,— отозвался Мамед.— Их немного.

— Ладно, давайте-ка быстрее в аул, а мы съездим туда, посмотрим.

Мальчишки поскакали в селение, а Овезли с джигитами, въехав в прибрежные заросли, скрытно, чтобы не заметили издали, двинулись дальше. Хивинцев они увидели внезапно. Только миновали небольшую излучину — и сразу, словно выросли из-под земли, палатки, возле них люди, кони, верблюды. Овезли затаился в камышах и стал наблюдать. То, что это были хивинцы,— не вызывало никаких сомнений: желтые лисьи треухи торчали на их головах. Что они собирались делать, остановившись здесь, джигиты пока не могли понять. Но когда со стороны Гургена показалась одна, потом другая отара овец и множество верблюдов, атрекские джигиты догадались: хивинцы были в походе, напали на каджаров и отбили у них скот. Теперь они поднимутся по Атреку к Чату, а затем по Сумбарскому ущелью выйдут к Кизыл-Арвату. Конечно, сворачивать к морю, чтобы наказать гасанкулийцев за убийство одного человека, не

было для них смысла. И все же несколько всадников разъехались по равнине, как волки; видимо, искали убежавшего скакуна. Овезли решил ждать, что будет дальше.

Отары со стороны Гургена тем временем достигли стоянки, и хивинские воины, ловко орудуя длинноствольными ружьями, согнали их в кучу. Следом за отарами приблизилось к стану еще не менее сотни всадников. Эти были в черных тельпеках. Овезли сразу догадался: текинцы. Их предводитель на белом скакуне и другой — в лисьей шапке — отъехали от палаток и стали смотреть в сторону Каспия. Машинально и Овезли повернул туда голову и увидел два русских парусника. Теперь ему стало понятно, почему хивинцы не идут вниз по Атреку, чтобы напасть на иомудов. Русские паруса придали атрекским джигитам смелости.

— Овезли-джан,— сказал один из джигитов,— давай спросим, чего они хотят? Если только коня, то вернем им его, чтобы не подвергать опасности весь аул. Если они нацелились, то ночью все равно нападут.

— Ты прав, джигит,— согласился Овезли.— Могут напасть. Но я думаю: не в коне дело. У них столько всего награбленного!

Не раздумывая больше, джигиты выехали на равнину, и Овезли, сняв тельпек, принялся размахивать им. Хивинцы заметили. По неписаному правилу, пересчитав издали — сколько всего атрекцев, хивинцы выслали столько же своих для встречи. Этот благоразумный шаг с их стороны говорил о том, что они направляются с миром и никого не собираются обижать. Приблизившись, хивинцы остановились в небольшом отдалении.

— Кто такие? Откуда и куда путь держите? — спросил Овезли.

— Непобедимое войско «льва пустыни», Аллакули-хана, разгромив каджаров, возвращается в благородную Хиву! — последовал гордый ответ.

— Кто командует вами?

— Наш юзбаши — Мяти-Тедженец, о его храбрости бахши поют дестаны. Вы тоже должны знать его!

— Да, мы слышали о нем,— сказал Овезли.— Каковы его намерения?

— Мяти-Тедженец хотел бы встретиться с сердаром Махтумкули. Если ваш сердар пожелает его увидеть, пусть приедет.

— Передайте юзбаши, что он не далее как к вечеру получит ответ!

Атрекцы развернули коней и поскакали в селение. Там уже начиналась суматоха. Узнав о хивинцах, жители подхватывали малолетних детишек, домашний скарб и бежали к Чагылской косе, чтобы сесть в киржимы. Сердар и Якши-Мамед не то чтобы растерялись, но отчаяние охватило их.

— Аллах пигамбар, неужели опять придется скрестить сабли?! — возмущался Махтумкули-хан.

— Да, сердар, это совсем некстати,— уныло соглашался Якши-Мамед.— Еще от прошлой битвы, можно сказать, не пришли в себя, а тут опять...

Все джигиты и их предводители — человек четыреста, не меньше — уже сели на коней, и тут подоспел Овезли.

— Сердар, не горячись! — выкрикнул он радостно.— С миром они к нам. Войной не грозят. Это текинский юзбаши Мяти-Тедженец приехал. От каджаров возвращается и к нам по пути заглянул. Говорит: «Хочу видеть Махтумкули-сердара».

— Тедженец, говоришь? — повеселел Махтумкули-хан.— Вот, значит, кого к нам занесло! Как же, знаком он мне. Мы с ним лет шесть назад, когда каджары на Серахс напали, вместе их отбивали и гнали до самого Тегерана. Вот и Якши, наверное, помнит Тедженца!

— А как же, сердар! — довольно отозвался Якши-Мамед.— Мы с ним в одном шатре ночевали. Это тот, который всего Фраги на память знает!

Видя, что предводители повеселели и говорят о хивинском юзбаши словно о родном брате, джигиты тоже начали шутить и смеяться. Напряжение отступило, дав место беспечности.

— Тогда съездим к ним,— сказал Махтумкули-сердар и, повернув коня, выехал на дорогу.

Выстроившись по четыре в ряд, конники рысцой направились к лагерю Мяти-Тедженца. Овезли ехал рядом с сердаром, указывал дорогу. Вскоре завиднелся походный стан хивинцев. Ничего там не изменилось: виднелись три юрты, кони, верблюды, овцы, суетились люди. К тому же в пяти-шести местах дымились мангалы: видимо, повара варили для воинов ярму[1] с бараниной. Хивинцы безбоязненно встретили гостей, указали место, где остановиться. Очень близко к своему лагерю не подпустили. Сердара, Якши-Мамеда и еще нескольких предводителей провели в кибитку к Мяти-Тедженцу. Выйдя навстречу, он похлопал каждого по плечам, пригласил на ковер, слуги поставили в огромном медном блюде плов, а в кувшинах нар-турчу, и Тедженец сказал:

— Эти сучьи дети, каджары,— вояки, конечно, плохие, но отведайте, и вы поймете, какой вкусный сок они приготовляют!

— Мы много их соку выпили,— ответил небрежно сердар Махтумкули.

— Вы пьете их сок, а они вашу кровь,— злорадно усмехнулся Тедженец.— Мы слышали, будто бы весь Гурген они у вас отобрали. И будто бы помогли им в этом урусы.

— Да, это так,— смущенно согласился Махтумкули-сердар.— Гурген на нашей совести, и мы не успокоимся, пока не возьмем свои земли назад.

— Сердар, тогда скажи, почему корабли урусов и сейчас стоят в вашем заливе? — полюбопытствовал Тедженец.

---

[1] Ярма — пшеничная каша.

Махтумкули-сердар потупил взгляд, и Якши-Мамед пришел ему на помощь:

— Они сильнее нас. Они сильнее Персии и сильнее Хивы. Мы не можем с ними воевать. Если мы поднимем на них наши сабли, они прогонят нас с моря, и тогда нам некуда будет деться.

— В Хиву переселяйтесь,— посоветовал Тедженец.— Зовет же вас Аллакули-хан!

— В Хиве разве сладко? — возразил сердар.— Ни в Хиве, ни в Персии ни один чужестранец не найдет себе родины. Чужая земля — мачеха. Не тебе ли знать, Мяти, какие мучения терпит туркменский народ от Хивы и Персии?

— Тогда идите к урусам, другого выхода у вас нет,— сердито сверкнув глазами, посоветовал Тедженец.

— Выход есть,— сказал Якши-Мамед.— Надо создавать свое государство туркмен. Надо выбрать хорошее место, построить свой большой город, создать маслахат из аксакалов и ханов всех племен и жить по-новому: никому не подчиняться. Вспомни, к чему нас призывал наш великий Фраги!

— Я помню каждую строчку нашего Фраги,— отвечал Тедженец.— Дай мне дутар, и я тебе пропою все его газалы, месневи и мухаммесы. Но я знаю и о том, что туркмен в Каракумах и в горах в десять раз меньше хивинцев и в двадцать раз меньше, чем персов. Ты, Якши-Мамед, будешь прыгать со своим войском с севера на юг, с юга — на запад, с запада — на восток, а враги будут тебя грабить в том месте, где тебя нет. Ты думаешь, первым заговорил о своем государстве? Многие об этом думали, но никто пока не может сказать, каким должно быть это государство!

В то время как Тедженец говорил, в кибитку, пригнувшись, вошел Овезли и что-то шепнул на ухо сердару. Тот выпрямился, посмотрел на Овезли как на дурачка и махнул рукой: иди, мол, отсюда. Тедженец недовольно сказал:

— Говорите вслух, уважаемые. У меня от вас секретов нет, у вас тоже не должно их быть.

— Ай, Мяти, боюсь, обидишься,— ответил Махтумкули-сердар.— Но и молчать не следует. Мой джигит сказал, что в твоем стане насчитали сто сорок верблюдов, на которых стоит тавро Кията. На тридцати двух — тавро ишана Мамед-Тагана и на шестидесяти — мое тавро.

— Да что ты, сердар?! — удивился Тедженец.— Поверь мне, сердар, я не виноват. Когда мы отбивали этих животных у каджаров в урочище возле Шахруда, я не знал, что это твои верблюды! — Тедженец легонько засмеялся и подмигнул сидящим.— Если бы я знал, сердар, что это твои верблюды, разве бы я стал их трогать? Пусть бы их съели каджары!

— Ладно, Мяти, не злословь и не показывай белые зубы,— ответил Махтумкули-сердар.— Понятное дело, что персы съели

бы наших верблюдов. Но ты ведь мой друг. Неужели ты не вернешь нам верблюдов?

Тедженец вздрогнул, веселье его улетучилось, глаза подернулись суровой пеленой.

— Сердар,— сказал он строго.— Мы только поговорили о государстве туркмен, а ты уже считаешь, что оно создано. С какой стати я должен тебе отдать верблюдов, которых захватил у каджаров в кровопролитном бою? Разве они мало побили моих воинов? Разве мало разного скота у нас захватили в прошлые годы? Я тебе так скажу, сердар: если ты хочешь получить назад верблюдов, то поднимай своих джигитов и веди на Джейхун. Там поможете Хива-хану в войне против эмира Насруллы. Все, что захватите у него, будет вашим. Ни хан, ни я не скажем тебе: «Это наши овцы, это наши верблюды, захваченные эмиром».

— Спасибо за отповедь,— тихо сказал Махтумкули-хан.— Считай, что это был пустой разговор. Пошутили — и хватит. Теперь открой нам — зачем позвал и что от нас хочешь? Надеюсь, ты не попросишь назад коня, который прибежал к нам в аул, к старому хозяину?

Тедженец, конечно, знал о гибели своего воина и потере скакуна, но сделал вид, что слышит о таком впервые.

— Не о коне у меня к тебе разговор, сердар,— деловито заявил он.— Хочу тебе сказать, что этих верблюдов и овец мы меняем на чугунную и медную посуду. Если тебе нужно мясо и чал, то давай мне все свои казаны, все чаши и все железо.

Атрекцы засмеялись: не «заразился» ли Тедженец этой болезнью от персов? Все знали, что жители южного берега Каспия, мазандеранцы и гилянцы скупают у русских моряков медные деньги, потом переплавляют их и делают посуду. А Тедженец превзошел их: он, наверное, делает из посуды деньги!

Тедженец, выслушав шутников, важно ответил:

— Ай, что вы понимаете! Дайте мне десять больших казанов — и я превращу их в пушку.

— В пушку? — переспросил Якши-Мамед.

— Зачем тебе пушка,— спросил сердар,— если ты не веришь в государство туркмен?

— Не мне нужна пушка, а Хива-хану,— уточнил Тедженец.— И не одна пушка, а много. Его величество решил усилить ряды артиллеристов-топчи.

— Воевать, что ли, с кем-нибудь собирается? — спросил Якши-Мамед.

— Да, друг Якши, воевать. Со стороны Бухары уже пахнет порохом. Этот ишак Насрулла подружился с шахом Персии и теперь заигрывает с урусами. А наш Аллакули, по просьбе инглизов, хочет проучить этих ослов!

— Сколько дашь овец за один большой казан? — спросил один из аксакалов.

— Сколько весит казан, столько мяса и дадим,— ответил Тедженец.

— Ох-хо! — засмеялся Якши-Мамед.— Неужели казан стоит только двух овец? Меньше десяти овец или одного верблюда за казан не возьму.

— Ладно, друзья, договоримся,— не стал спорить Тедженец.— Давайте завтра поедем в ваше селение и там сторгуемся.

— Сторговаться-то, может, и сторгуемся,— опять подал голос аксакал,— но казанов-то и чашек у нас в Гасан-Кули мало. Разве что у русского купца взять. У того, говорят, все трюмы казанами, железом да железными нитками заполнены.

— С урусом есть войско? — спросил Тедженец.

— Зачем ему войско? — усмехнулся Якши-Мамед.— Один со слугами всюду ходит, никого не боится. Знает, что за его спиной столько урусов, сколько муравьев во всех муравьиных кучах Хивы!

— Не потому он один ходит,— возразил аксакал.— Он нас не боится оттого, что верит нам.

— Верит,— сердито усмехнулся Махтумкули-сердар.— Все мы друг другу верим, все улыбаемся и хорошие слова говорим, а когда дойдет до настоящего дела — друзья бегут в разные стороны: кто в Хиву, кто в Россию.

— Да, сердар, такова жизнь,— согласился Тедженец и напомнил: — Если не передумал, то мы завтра к тебе пожалуем.

— Приезжайте...

Выйдя из кибитки, атрекцы скупо попрощались и отправились в Гасан-Кули.

И сердар, и Якши-Мамед испытывали странное чувство неловкости и раздражения оттого, что завтра свои же туркмены, но подданные Хивы, как ни в чем не бывало будут продавать атрекцам их же скот.

— Я сосчитал, сколько их,— тихонько проговорил Якши.— Их не больше трехсот человек. Может, нападем да отобьем свое добро? Какая разница — хивинцы или персы, из Теджена или Тегерана,— все равно враги, и общего языка нам с ними не найти.

— Не горячись, Якши,— успокаивал молодого хана сердар.— Ты думаешь, у меня не горит печень оттого, что моими верблюдами эти собаки распоряжаются? Но надо собрать всю волю и не показать им нашу обиду. Если кинемся на них, может быть, и победим. Но через месяц-другой примчится сам Аллакули, и тогда трудно будет искать спасения. На Челекен, что ли, опять поедешь прятаться?.. К брату своему? — Сердар засмеялся, и Якши-Мамед выругался:

— Собачья отрава! Придет время, я его заставлю в ногах у себя валяться.

— Ладно, друг, давай остудим свои головы и встретим хивинцев, как подобает умным мусульманам.

На другой день Тедженец приехал с сотней всадников, при-

гнал отару и десятка два верблюдиц. Началась торговля. Атрекцы все нуждались в овцах, а о верблюдах и говорить нечего: верблюдица всегда может заменить и коня, и корову, и овцу. Повезли на арбах и покатили между кибиток казаны, потащили лишние чугунные кундюки. Мальчишки давно знали, что у Чагылской косы на мелководье лежит громадный русский якорь: его выбросили лет сто назад моряки, когда приплывали к берегам. Словно муравьи облепили они его, погрузили на арбу и привезли Тедженцу. Юзбаши был доволен. Обменивая овец и верблюдов на чугун и железо, он все время смотрел на русские парусники, которые стояли в море поодаль, и ждал самого купца Михайлу. За ним давно послали: вот-вот должен был приехать. Однако купца то ли не было на корабле, то ли не торопился увидеть гостей из Хивы: прождали его до самого вечера. Уже на закате солнца, когда Мяти-Тедженец расположился на тахте у кибитки Якши-Мамеда и старая ханша Кейик сама взялась подавать ему угощение, показался с тремя музурами Михайла. Он шел в рубахе, подпоясанной плетеным шнуром, в парусиновых брюках и брезентовых сапогах. На голове купца красовалась широкополая соломенная шляпа. Музуры были в грязной замусоленной робе, но у каждого за поясом торчал пистолет. Вооружен был и сам Михайла.

— Доброго здоровьица, бабка! — громко поприветствовал он Кейик-ханым.— Как живешь-можешь? Не болят косточки? Не кличет Черный ангел? А то месяц назад был у Кията. Он все жалуется: Черный ангел ему открыл ворота и ждет его не дождется!

Старуха немного понимала по-русски, но сейчас она даже не придала значения тому, что сказал Михайла.

— Вот гость у нас именитый,— буркнула она, указывая на Тедженца.— Торговать с тобой приехал.

Увидев купца, к тахте поспешили сердар, Якши-Мамед и еще несколько человек, кому не возбранялось присутствовать при деловых разговорах. Усаживаясь, Михайла поздоровался с Тедженцем, приглядываясь к его мрачному, с приплюснутым носом лицу.

— Наш друг, родом из Теджена, туркмен по национальности, но служит верой и правдой хану Хивы, Аллакули хочет с тобой торговать,— пояснил Якши-Мамед.— Нужны ему казаны... Меняет на овец, на верблюдов.

— Куда мне его овец-то девать! — засмеялся Михайла.— Разве их до Астрахани довезешь? Да и до Баку не дотянешь. Чем их кормить в трюмах? А с верблюдами и того труднее. Такой товар мне не нужен.

Якши-Мамед перевел слова купца, и Тедженец спросил:

— А в каких товарах нуждается урус?

— Вот кабы ты мне три ковра текинских привез — тут бы мы с тобой сговорились! — сказал, азартно поблескивая зрачками, Михайла.

— Есть ковры, только персидской работы,— ответил Тедженец.— У шахского вели захватили.

— Персидские у меня есть: все комнаты в Астрахани устланы! — похвастал Михайла.— А мне надо текинские ковры. Моя фрейлейн со вкусом, друг ты мой. Это тебе не какая-нибудь там пери! Габи у меня разбирается — что к чему. Говорит: самые наилучшие ковры — это текинские!

— Жене подарок хочешь сделать? — спросил Якши-Мамед.

— Жене, хан-ага, кому же еще! — весело отозвался Михайла.— Недавно женился. Купил себе небольшое поместье в Баку, а обставить комнаты пока что не успел. Вот и хочу — со вкусом, стало быть...— Умолкнув на мгновение, Михайла спросил: — А зачем ему котлы да казаны понадобились? Нешто в Хиве мало казанов?

Тедженцу сказали, о чем спрашивает купец, и тот, не моргнув глазом, соврал:

— Сыновей своих женю. Невест всем купил. Гостей на той придет много. Вся Хива, весь Ахал и Теке. Много казанов надо!

«Ловок Тедженец,— подумал про себя сердар.— О пушках ни слова».

— Хорошее это дело — женитьба,— одобрил Михайла.— Ну что ж, коли так, то я поступлюсь. Гоните своих овец к берегу, режьте, делайте солонину, а еще лучше кавурму. Все равно команду кормить чем-то надо. А за казанами и другой утварью прошу-с, дорогой гость, на корабль. Садитесь в катер...

Тедженец остался доволен купцом. Махтумкули-хану сказал тихонько, по-своему:

— В Хиве у нас тысяч пять, не менее, урусов, и все туда попали из-за своей доверчивости. Было бы другое время, утащил бы и этого.

Сердар засмеялся, но деланно, без веселья, и подумал про себя: «В другое время и мы бы тебя ограбили до нитки да еще за самого выкуп взяли!»

Человек сорок отправились к купцу на шкоут, остальные хивинцы поехали к своим кибиткам. Тедженец удалился тоже, напомнив, что мир хоть и велик, но тесен: придет время — встретятся они еще и попируют как следует.

Тяжелым взглядом проводил его сердар. Смотрел вслед и сжимал эфес сабли. И Якши-Мамед с упреком покачивал головой.

— Да, дорогой Якши,— сказал сердар.— Нет нам спасения нигде. Выход один — надо отобрать у каджаров потерянное. Гурген должен быть нашим!

На другой день хивинцы уехали, оставив за собой облачко пыли. Подростки на конях провожали их, размахивая папахами и улюлюкая. Затем, вернувшись в селение, все спешились у юрты сердара.

— Отец,— с вызовом спросил Мамед,— почему ты не отобрал у них наших верблюдов?

— Такова жизнь, сынок,— хмуро ответил тот.— Хозяин вещи тот, у кого в руках вещь.

— Отец,— опять обратился Мамед.— Но я же убил хивинца, значит, его конь должен принадлежать мне!

— Конечно. А кто это оспаривает?..

Мамед развернулся и побежал к чатме, где жила бедная одинокая старуха, мать погибшего Сазака. Подбежав, он, не поздоровавшись и вообще не сказав ни слова, бросился к скакуну, отвязал его и вывел на дорогу.

— Ой, люди, караул! Мошенник, ты что делаешь! — завопила женщина, хватаясь за уздечку. Но Мамед оттолкнул ее, затем пнул сапогом и выругался. Старуха упала в пыль, вопли ее разнеслись на все селение: — Кровопийцы вы! Ненасытные! Проклятье вам!

Овезли видел все, но ничего не мог сделать. Он знал, что шутки с сердаром плохи. Задыхаясь от гнева и презрения, плюнул вслед отпрыску сердара и поднял старую женщину на ноги.

— Успокойтесь, эдже,— сказал он тихо.— Придет время, и мы расплатимся с ними! Сазак на том свете давно ждет своих обидчиков. Как только они спустятся к нему, он превратит их в прах!

— Спасибо тебе, сынок. Спасибо...

Он отвел ее в чатму и пообещал старушке овцу.

СМЯТЕНИЕ

С Финского залива дули холодные осенние ветры. Низкие тяжелые тучи нависали над черными оголенными лесами. Дороги от частых дождей и мокрого снега превратились в месиво. Император Николай I пребывал в эти ненастные дни в Царском Селе, хандрил и не спешил в Санкт-Петербург. Царь, однако, был обременен делами. Каждый день у царскосельского дворца останавливались кареты. Выходили из них придворные и министры, штатские и военные: почтительно шествовали к порталу дворца, в то время как царь подходил к окну и, отодвинув штору, смотрел, кто к нему приехал. Ожидал он английского посла.

Год 1838 изобиловал осложнениями с англичанами. Попытки государя потушить «пожар из-за Герата» и примириться с Сент-Джемским кабинетом долго не приносили миру спокойствия. Англичане продолжали выкидывать фокусы один другого лучше. Мало того, что ввели эскадру в Персидский залив и высадились на острове Карек,— они же спровоцировали турок, и те захватили у персов пограничные селения. Затем стало известно, что это не просто инцидент: англичане руками турок решили сместить царствующего Мухаммед-шаха и посадить на престол его брата Зелле-солтана, вот уже несколько лет скрывавшегося в Турции. Тогда же британский посол в Тегеране сэр Макнил демонстративно покинул шахский лагерь и проследовал к туманным берегам Альбиона через равнины России:

демарш вышел более чем внушительный. Обо всем этом английская пресса вещала на весь мир, толковала так и сяк о военном вмешательстве русских в восточные дела и прямой угрозе захвата Индии...

Еще в начале мая Кланрикард вручил министру иностранных дел России Нессельроде ноту по поводу враждебных действий Симонича. Нессельроде тогда изумился столь незаслуженному обвинению и категорически отверг все доводы британского посла. Однако сам Симонич и не пытался скрывать, даже перед англичанами, что возглавляет тегерано-кабульско-кандагарский союз. Несогласованность в действиях русских дипломатов поставила министра иностранных дел в более чем неловкое положение, а на полномочного министра при тегеранском дворе обрушился весь неистовый гнев Николая I. «Вот уж поистине гренадер этот граф Симонич, а никакой не дипломат». И государь распорядился о немедленной отставке Симонича и всего посольства. На пост полномочного министра в Персии был назначен бывший русский посол в Египте Дюгамель. О своем решении царь сообщил в Сент-Джемский кабинет, ловко укоряя своего недальновидного тегеранского посланника, который якобы по простоте вояки взял да и наломал дров и чуть было не поссорил с ее величеством королевой Викторией. На самом деле инициаторами гератского похода были царь и Нессельроде. Однако интересы России требовали того, чтобы виновником конфликта оказалось лицо третьестепенное, каким выставлялся теперь Симонич. Пусть британские дипломаты «секут розгами» незадачливого графа, а русский император добавит еще от себя.

Это произошло весной. Но и в течение всего лета англичане не прекращали возню вокруг Герата. Начисто запугав Мухаммед-шаха, они фактически заставили его изменить ориентацию, отвернуться от России, а затем, когда «персидский лев» стал ласковее котенка, опять взялись за русских. И в самом деле — почему бы не взяться! Симонич смещен еще весной, но до сих пор пребывает в Тегеране. И не только он. Его доверенный офицер и, как теперь стало известно англичанам, адъютант военного губернатора Оренбургского края генерала Перовского, поручик Виткевич торчит где-то: то ли в Кабуле, то ли в Герате, рассчитывая на успех русской авантюры.

Государь и его министры нервничали, с нетерпением ожидая, когда же наконец посол Дюгамель прибудет из Каира в Санкт-Петербург, возьмет верительные грамоты и отправится в Тегеран на смену Симоничу. Но вот и эта проблема решена. Недавно Николай I принял Дюгамеля, пожурил его за медлительность и, выпроваживая в Персию, приказал:

— Англия с помощью интриг пытается открыть в портах Каспийского моря свои консульства. Вот, пожалуй, тот камень преткновения, на котором англичане должны споткнуться. Вы никогда им не сделаете уступок в этом вопросе. А во всем ином желаю, чтобы жили вы с англичанами в добром согласии...

Проводив Дюгамеля, государь успокоился. «Теперь, кажется, Сент-Джему сердиться не на что — все требования англичан выполнены». И вдруг ему доложили, что его высокопревосходительство посол Англии Кланрикард просит аудиенции. Что еще опять? Император назначил день, когда он примет англичанина...

Желтые венские коляски, запряженные шестерками лошадей, въехали во двор после полудня. Государь смотрел в окно, как Нессельроде, Кланрикард и целая туча сопровождающих вельмож, предупредительно уступая дорогу англичанину, удалились в отведенный им покой. И, сказав камердинеру, что он выйдет в аудиенц-залу к вечеру, приказал его не тревожить.

Вечером, по обыкновению в военной форме — голубой мундир с лентой, при эполетах,— Николай I в сопровождении свиты прошествовал в зал. Кланрикард учтиво встретил его, раскланиваясь и улыбаясь. Сели за стол.

— Как вы переносите нашу осень, сэр? — любезно спросил император.

— Ну что вы, ваше величество! Погода вполне сносная. Мы ехали превосходно.— Кланрикард чуть заметно улыбнулся Нессельроде.— Его сиятельство Карл Васильевич выражал беспокойство по поводу продвижения в Персию посольской миссии Дюгамеля. Путь, говорит, дальний, а осеннее ненастье нескончаемо...

— По нашим расчетам, Дюгамель прибудет в Тегеран до наступления холодов,— отвечал император.

— Пожалуй, да,— согласился Кланрикард.— Но русская медлительность! Увы, она заставляет опасаться заморозков.

— Что вы имеете в виду, господин посол? — спросил Николай.

— Ваше величество, прошло полгода с того дня, как посольство получило отставку, но граф Симонич пребывает в Тегеране и поныне. Я могу понять истинную причину вашей медлительности, но, увы, этого не могут понять ни королева Виктория, ни премьер Мельбурн, ни лорд Пальмерстон. У них, боюсь, создастся впечатление, что русские умышленно затягивают смену посольства, чтобы выиграть время для каких-то действий в Кабуле.

— Ну, это абсурд, господин Кланрикард,— развел руками Нессельроде.— Полнейший абсурд.

— Лорд Пальмерстон обеспокоен пребыванием в тех местах поручика Виткевича,— уточнил англичанин.— Если у него нет никаких дел к Дост-Мухаммеду и гератским ханам, то почему он находится там? К тому же, по сообщениям служащих Ост-Индской компании, Виткевич имеет при себе бумаги, обеспечивающие ему неограниченные полномочия.

— Господину Дюгамелю дано указание немедленно отозвать

поручика Виткевича и направить в Россию,— заверил Нессельроде и посмотрел на императора.

Тот чуть заметно кивнул и заговорил сам:

— Да, господин посол, поручик Виткевич отозван. Но во избежание кривотолков я должен сообщить вам, что направлен он был в Кабул для собирания сведений, относящихся исключительно к торговле. Поездка Виткевича в Кабул была вызвана тем, что в прошлом году Санкт-Петербург посетил посланник Дост-Мухаммеда с целью завязать торговые сношения. Вот мы и послали к афганскому правителю своего человека. Подозрения и тем более жалобы генерал-губернатора Индии Окленда совершенно безосновательны.

Кланрикард внимательно слушал, вытянув шею и приподняв бровь. Разъяснения из уст самого российского императора убеждали.

И государь, видя, что Кланрикард заинтересован в деле, внушительно продолжал:

— Россия не имеет никаких намерений нарушить спокойствие британских владений в Индии. И уж если есть держава, которая могла бы питать некоторые опасения или предъявлять некоторые жалобы, то это Россия. Нам хорошо известно, с какой неутомимой деятельностью английские путешественники возбуждают волнения среди народов Центральной Азии и распространяют тревогу даже внутри тех стран, которые соприкасаются с нашими границами.

Кланрикард удивленно повел плечами и мягко возразил:

— Ваше величество, ваше мнение ошибочно.

— Англия,— продолжал император, не слушая возражений посла,— старается вытеснить нашу продукцию со всех среднеазиатских рынков. И доказательством этому служат высказанные вашим агентом соображения... Кажется... Бернсом.

— Ваше величество, мне непонятно ваше раздражение.

— Раздражение? — усмехнулся император.— Никакого раздражения. Мы стремимся разрядить создавшуюся угрозу в Персии и привести дипломатические сношения России и Англии в рамки 1834 года, когда воссел на трон царствующий ныне Мухаммед-шах.

— К этому же стремится и Сент-Джем, ваше величество.

— В таком случае, господин посол, морская демонстрация в Персидском заливе и занятие острова Карек, а также распространение слухов о возможном занятии шахского трона Зелле-солтаном противоречат нашим обоюдным стремлениям. Ныне для нас нет более благородной миссии, как соглашение между представителями России и Великобритании и их совокупное старание упрочить власть нынешнего персидского монарха, возведению которого на престол содействовали оба двора.

— Я понял, ваше величество,— кивнул Кланрикард.— Вы настаиваете на выводе английской эскадры из Персидского залива...

— Да, господин посол. И как только мы узнаем, что наша просьба выполнена, российскому посольству в Тегеране будет дано указание впредь действовать сообща с английским посольством.

В ходе беседы Кланрикард понял, что одержал еще одну дипломатическую победу, но ничем не выдал своего торжества.

— Ваше величество,— с подчеркнутым равнодушием продолжал Кланрикард,— я согласен со всеми вашими доводами и заверениями. Но разговор сугубо конфиденциальный принял бы более действенный характер, если б был доведен в письменном виде до Сент-Джема.

— Разумеется, господин посол,— согласился Николай I и распорядился: — Карл Васильевич, соблаговолите изложить суть нынешней беседы и отправить в Лондон нашему послу.

Этого только и ждал Кланрикард, ибо только он один из сидящих здесь знал, что, получив письменное заверение русского двора в дружбе к англичанам, Великобритания выведет эскадру из Персидского залива, но введет войска в афганские города. Русский государь поймет тогда, как ловко обманут, но на разрыв с Англией не решится. А пока, довольные исходом беседы, высокие господа направились на ужин, устроенный в честь английского посла.

На другой день Кланрикард и Нессельроде отправились в Санкт-Петербург, а через несколько дней Министерство иностранных дел России отправило в Лондон своему послу Поццо-ди-Борго депешу относительно дальнейших отношений с Сент-Джемом. Наступило некое затишье, и продолжалось оно ровно столько, сколько потребовалось времени, чтобы добраться фельдъегерю до Лондона, Поццо-ди-Борго встретиться с лордом Пальмерстоном, английскому курьеру из Лондона добраться до Индии и передать секретное распоряжение лорду Окленду. В конце 1838 года тридцать тысяч английских и наемных индийских солдат вторглись в Афганистан.

Вторжение англичан в Афганистан было оговорено в особой декларации, написанной Сент-Джемским кабинетом. Кланрикард пожаловал в Зимний дворец к Николаю и самолично зачитал ее. Царь стоял у окна, в профиль к английскому послу, смотрел на площадь, но слушал внимательно. Кланрикард членораздельно зачитывал о тайных сношениях Дост-Мухаммеда с Персией, направленных против Англии, о неудачной торговой миссии Бернса, сорванной опять же Дост-Мухаммедом. В декларации указывалось: как только в Афганистане будет заменен правитель и установится спокойствие, англичане выведут свои войска. Русский государь сделал вид, что удовлетворен разъяснениями Сент-Джема. И едва проводил посла — созвал срочное заседание. Вопрос стал более чем конкретно: что может сделать Россия, чтобы предотвратить угрозу захвата англичанами среднеазиатских ханств?

Соображения были разные. Господа министры — военных и иностранных дел, а также высшие чиновники сначала предлагали занять позиции под Астрабадом, затем были толки о походе из Красноводской бухты в Хиву. В конце концов свелось все к тому, что самое удобное — выслать экспедицию из Оренбурга.

Вскоре с проектом похода прибыл в Зимний генерал-губернатор Оренбургского края Перовский. Выслушав соображения губернатора, царь предложил послать в Бухару русских агентов под видом горных инженеров, чтобы окончательно склонить эмира Насруллу на свою сторону и поссорить его с хивинским ханом. Но предупредил:

— Пока Англия не выведет своих солдат из Афганистана, похода мы не начнем. В противном случае вновь возникнет конфликт. Как только премьер Мельбурн узнает, что русские вышли к Хиве, он тотчас бросит свои войска к Амударье и опередит нас!

— Позвольте слово, государь? — попросил Перовский.

Царь согласно кивнул, и Перовский сказал:

— Ваше величество, мне кажется, нетрудно отвести подозрение в том, что мы намерены захватить Хиву. Всему свету известно, что в Хиве томятся тысячи русских. Я думаю, этот поход надо начать под девизом освобождения русских невольников.

— Ваше величество, Василий Алексеевич совершенно прав,— поддержал Нессельроде.— По утверждениям генерал-лейтенанта Муравьева, бывшего в Хиве двадцать лет назад, там насчитывалось более трех тысяч русских невольников.

— И все-таки, господа, лучше подождать, пока лорд Окленд выведет свои силы.

— Ваше величество, смею утверждать, что англичане ни в нынешнем, ни в будущем году из Афганистана не уйдут,— возразил Перовский.— Если верить последним сообщениям, они оккупировали почти всю территорию и вышли к границам Мерва. Смена эмиров — это лишь предлог для ввода войск в Кабул и другие поселения афганцев.

— А если они все-таки выведут войска из Афганистана? — усомнился император.— В каком положении окажусь я перед королевой Англии?

Нессельроде чуть заметно поморщился:

— Ваше величество, мы же войдем в Хиву под знаком освобождения русских пленных. А всего лучше, если будем до поры до времени держать свои намерения в секрете.

— Именно в секрете,— согласился царь.

На следующий день в Генеральном штабе у военного министра был обсужден предварительный проект Хивинского похода. Перовский охарактеризовал состояние военных и политических дел на Востоке, отметил, что Россия проиграла не только на гератском направлении, но и на персидских границах, уступив свободную территорию иомудских туркмен шаху. Ныне

астрабадская провинция становится объектом происков англичан, подчеркнул генерал, потому необходимо укрепить морские базы на юге Каспия и вновь приблизить к себе туркмен побережья, коими верховодит хан Кият и его сыновья. При необходимости джигиты Кият-хана могли бы оказать существенную помощь Хивинскому походу. Перовский также предложил создать в Астрахани комитет по обеспечению военной экспедиции запасным продовольствием, фуражом, колесным транспортом и верблюдами. По его расчетам, в Астрахани надо было снарядить не менее десяти крупных судов со всеми припасами, привести их в форт Ново-Александровский и ждать: как только военная экспедиция, пройдя Эмбу и Усть-Урт, выйдет к Аралу, двинуться со всеми припасами от Ново-Александровска к войскам и соединиться при устье Амударьи. Руководство организацией похода, подготовку военной экспедиции, ее выход и взятие Хивы Перовский возлагал на себя.

Вскоре состав и функции вновь созданного комитета были утверждены государем. И еще раз Николай I предупредил о строжайшей тайне, дабы не навлечь подозрения англичан на организацию экспедиции. Кабинеты Генерального штаба и Азиатского департамента наполнились деловитой целеустремленностью. Карты, схемы, чертежи, прейскуранты заполнили столы военных и чиновников. Сотни писем за подписью Чернышева, Нессельроде, Родофиникина, Канкрина рассылались в разные концы Российской империи. Иногда подписывал документы и сам государь. Встречаясь с министром иностранных дел, он всякий раз спрашивал о настроении Англии и, получая удовлетворительные ответы, посмеивался, словно школяр, надувший собственного учителя.

В один из майских дней при дворе распространился слух о прибытии из Персии поручика Виткевича, о том, что он якобы добивается встречи с государем и имеет при себе важные бумаги. Слух этот породил у государя неловкость и даже боязнь.

— Как это некстати,— сказал он Нессельроде.— Мы давно забыли о распре с Сент-Джемом, и вдруг опять напоминание о Герате. Избавьте меня, голубчик, от этого...

Восьмого мая 1839 года в номере петербургской гостиницы «Париж» Виткевича нашли мертвым. Судебный эксперт засвидетельствовал самоубийство. Бумаги и инструкции, которыми когда-то был снабжен Виткевич, бесследно исчезли. Видимо, он сжег их, перед тем как застрелиться.

К САБЛЯМ И ХИРЛЫ

Летом кавказский командующий неожиданно пригласил Кията к себе. В письме говорил: «Хотелось бы познакомиться с вами, дорогой Кият-бек. Да и назревают события важные». Патриарх в ту пору прибаливал: опять открылся кашель. Тувак

его поила отваром яндака, а слуга Абдулла лечил тузлучными парами. Хотелось поехать старцу в Тифлис, но не смог.

— Бери с собой слуг и поезжай,— сказал он Кадыру.— Оттуда привезешь младшенького нашего, Аннамухамеда... Надо повидаться. Боюсь, умру и не увижу его.

Кият проболел целый месяц. Кашлял, стонал, цеплялся за жизнь всеми клетками состарившегося организма и, может быть, отогнал Черного ангела лишь тем, что было желание великое узнать: зачем понадобился кавказскому генералу.

Кадыр-Мамед вернулся из Тифлиса в начале августа не один. У Челекена стали на якорь пять кораблей — половина саринской эскадры и шкоут Михайлы Герасимова. Моряки высадились на берег, с ними сам командир эскадры капитан первого ранга Басаргин, старый знакомый Кията. Призадумался было хан: к добру или к злу? Но эскадренный командир обнял старика, вручил ему сына Аннамухамеда, прозванного с пеленок Карашем, прибывшего на побывку, и письмо главнокомандующего. В тот день в Карагель съехались все старшины и ханы острова. Кият объявил им волю русского государя императора о том, что снимается с туркмен их давний должок — шесть тысяч пудов муки, а требуется от туркмен, чтобы сели они на коней и помогли русскому царю в его походе на Хиву. Велел Кият тут же, чтобы отправлялись глашатаи во все селения и созвали на Атрек всех старшин и ханов вольной Туркмении. А вскоре и сам, взяв с собой младшего сына и жену, переправился на корвет Басаргина, и корабли отплыли в Гасан-Кули.

На третий день пути при слабоветренной погоде парусники растянувшимся караваном подошли к заливу. Был слепящий августовский полдень. В знойном мареве едва различался берег: он словно поднимался над морем и дрожал в воздухе. Басаргин дал команду, чтобы корабли становились на рейд.

Спустя час отряд моряков в черных бушлатах и расклешенных брюках, с кортиками на боку, а с ними Кият с женой и младшим сыном высадились на Чагылской косе, где их давно поджидали жители Гасан-Кули — от малого до старого. Среди встречающих не было лишь сердара Махтумкули и Якши-Мамеда. Но Кият и не надеялся, что встретят они. И не на их поддержку рассчитывал: слава аллаху, существует маслахат, а в нем больше ста ханов и старшин, вот они и решат — с русскими быть или против них.

Пока шла неразбериха встречи, пока народ толпился вокруг моряков, а те выволакивали из катеров парусину и ставили палатки, пока еще не причалили в пятом по счету катере Кадыр-Мамед с Михайлой (туркмены с нетерпением поджидали их, ибо купец вез на берег товары), жена Якши-Мамеда Хатиджа с вежливой настойчивостью тянула к себе в кибитку Тувак и ее «заморского» сына.

— Не откажитесь, ханым, побывать у нас,— говорила она.— Мы так долго ждали вас!

— А где же Якши-Мамед? — спрашивала Тувак, но, озираясь по сторонам, искала глазами своего ненаглядного сына: боялась, как бы не затерялся в толпе. А его уже окружили атрекские мальчишки, ощупывали кавказский бешмет, фыркали, смеялись, как над белой вороной.

— Хозяин мой уехал в Кызгыран,— отвечала Хатиджа.— К вечеру вернется. Но я давно приготовилась к тою. Пойдемте, дорогая Тувак-ханым.

— Пойду, пойду, куда же мне еще идти, если не к тебе, Хатиджа,— согласилась Тувак и окликнула сына: — Караш, не задерживайся!

Эти две женщины и впрямь были расположены друг к другу, хотя виделись три года назад, в ту страшную зиму, когда все атрекцы прятались от каджаров на Челекене. Тогда Киятова младшая жена Тувак и подружилась с ласковой и бесхитростной Хатиджой. И сейчас они встретились как самые задушевные подружки.

Введя гостью в большую восьмикрылую кибитку, Хатиджа помогла ей снять пуренджик, борык и яшмак, полила на руки.

— Неплохо живешь,— оглядев убранство кибитки, сказала Тувак.

Женщины уселись на ковер, положили перед собой сладости и поставили чайник. Служанка спросила, не подать ли съестного, но Тувак отказалась. Со двора доносился дружный детский смех и выкрики.

— Вий, проклятые, они заклюют моего сыночка! — забеспокоилась Тувак.

Хатиджа быстро вышла из юрты, послышался ее властный голос: пусть дети не торчат перед кибиткой, а Аннамухамед идет к матери.

Он вошел с Адына, племянником, который при всяком удобном случае убегал из кибитки матери Огульменгли к тетушке Хатидже. Сейчас был более чем благоприятный случай.

— Ну и дикари! — возмущался Караш.— Что значит: люди не видели света. Они чуть не разодрали мой бешмет и едва не стащили с меня эту дворянскую фуражку!

— Хорошая фуражка,— похвалила Хатиджа.— Но разве там, в Тифлисе, не разрешают носить халат и тельпек?

— Почему же не разрешают? — насупился Караш.— Можно вообще натянуть на себя баранью шкуру и ходить — никто ничего не скажет, но все подумают — это дикарь. Там же благовоспитанное общество. Даже тот, кто не знает русского языка, считается дикарем!

— Не приведи аллах,— засмеялась Хатиджа.— Наверное, я со стыда бы сгорела, если б попала в такое общество.

— Вам это не грозит,— с мудрым спокойствием сказал Караш.— В это общество в яшмаке и борыке не пустят. Женщины там у нас все с голыми белыми плечами, и у всех открытые губы.

— Тьфу, тьфу, чур меня,— рассмеялась Хатиджа.— Раньше мне Якши-Мамед рассказывал о таких женщинах, но я не верила. А теперь и ты, деверек, о том же говоришь...

— Мне очень жаль, Хатиджа-ханым, что мой старший брат так и не окончил дворянское училище,— наставительно продолжал Караш.— Сейчас он мог бы стать по меньшей мере полковником русской армии, а может быть, и генералом.

— Не знаю, деверек, может, и так,— согласилась Хатиджа.— Да только невзлюбил он русских. Сначала книжки русские читал, а теперь уже давно все забросил. Вон они валяются,— она указала на сундук, из-под которого торчали старые книжки.

Караш достал и принялся рассматривать. Это были старые учебники по русскому языку и математике.

Видя, как серьезно смотрит сынок в книжки, Тувак с гордостью произнесла:

— Ученый стал! Совсем ученый. Только и говорит о книгах.

— Да, Тувак-ханым, сын у вас и впрямь — человек бесценный. Грамота просветляет ум человека. Я тоже немного училась, когда жила у отца. Коран читала, легенды о Рустаме знаю. Иногда мы со своим ханом друг дружке свои познания высказываем. Он тоже любит науку. Все время о школах говорит. Мечтает свои мектебы построить и обучить всех туркмен. Когда, говорит, создадим свое единое государство, тогда в каждом селении откроем по одному мектебу.

— Да, да,— согласилась Тувак.— Твой Якши-Мамед — человек думающий, не то что Кадыр. У этого одни молитвы на уме. Все время карами аллаха грозит.

— О, Тувак-ханым,— взмолилась, смеясь, Хатиджа.— Не произносите его имя. Раньше я еще терпела его присутствие. Но теперь, когда Якши-Мамед предупредил: «Если услышу, что скажешь Кадыр, побью»,— и я не произношу его имя.

Караш тем временем, полистав книги, бережно положил их на сундук и опять пожалел:

— Зря Якши-Мамед бросил учебу. Теперь, говорят, и настроен он против русских. Не думал такое услышать. Я советовал бы вам, Хатиджа, и сына вашего маленького, когда подрастет, и племянника Адына отправить на учебу в Тифлис.

— Ай, пока не подросли, зачем об этом говорить,— отозвалась Хатиджа.— Лучше расскажи нам, Караш, про свою кавказскую жизнь, раз она так хороша.

Караш ухмыльнулся. Тувак тоже начала упрашивать:

— Расскажи, сынок, пусть гельнедже послушает.

Караш принялся рассказывать о дворянском училище: о том, как учатся дети генералов, офицеров и грузинских князей — простым туда дорога закрыта. Рассказывал, хвастаясь, через каждые два-три слова произносил слово «урусы». А поскольку говорил он громко, случилось неожиданное. Услышав слово «урусы», к кибитке подбежал старый пудель, подлез под килим

и радостно залаял: видимо, пес решил, что его позвали, чтобы угостить.

— Вах-хой! — испугалась Тувак.— Откуда этот шайтан?

— Это мой Уруска! — весело объявил гостям доселе молчавший Адына и обнял собаку.— Ее зовут Уруской, дядя,— пояснил он Карашу.— И еще у нас много таких от нее.

Караш потрепал собаку за мохнатый загривок и угостил ее кусочком мяса. А Хатиджа, посмеиваясь, сказала:

— Ай, беда с этой Уруской. Сначала думали — кобелек он. Потом смотрим — пищат шесть штук урусят. Всех шестерых чабанам отдали. Говорят — хорошо овец сторожат. Недавно еще пять штук было...

Адына вывел собаку из кибитки и позвал Караша посмотреть, как она ходит на задних лапах. Оказавшись на дворе, мальчики вновь смешались с толпой аульских мальчишек, которые бегали с конфетными петушками на палочках и мусолили губы. Узнав, что русский купец раздает петушки всем, кто пожелает, Адына забыл про своего дядю Караша и пустился через бахчи и джугару, где уже стояли парусиновые палатки. Караш, заложив руки за спину, важно зашагал следом.

Якши-Мамед вернулся из поездки вечером. Еще с коня не слез, в кибитку не вошел, а уже все знал: кто приехал и зачем. Он был готов к объяснению с отцом, поскольку глашатай еще три дня назад сообщил о затее ак-падишаха против Хивы, но все равно испытывал некий страх и неуверенность. Слезая с коня, Якши увидел сына Адына и с ним подростка в кавказской одежде. Прежде чем он догадался, кто бы это мог быть, Караш подошел к нему и поздоровался:

— Здравствуй, Якши-Мамед Кият-оглы. Мы давно ждем вас!

Якши не понял: то ли шутит младший, то ли важничает. Но принял приветствие с легким сердцем: обнял братца, потрепал по плечу и повел в кибитку.

— Вырос, вырос,— говорил он, оглядывая его со всех сторон.— О, здесь, оказывается, и его мать! — воскликнул он, разглядев в полутьме Тувак.— Приехали, значит, Тувак-ханым. Отец тоже здесь?

— Здесь, он у Кадыра остановился,— отвечала Тувак.— Что-то вы не встретили нас нынче?

— У всех свои дела,— чуть строже сказал Якши-Мамед.— У нас — одни. У отца — другие. А когда дела разные, то и дороги — у каждого своя.

— Брат, я привез тебе поклон от князя Бебутова,— вмешался в разговор Караш.— Он тебя хорошо помнит и гордится тобой. Он говорит, что ты был лучшим приятелем сорвиголовы Амулат-бека. Так ли, брат?

— Послушай, младшенький,— поучающим тоном заговорил Якши-Мамед.— Во-первых, мне не нравится, что ты там, на Кавказе, потерял уважение к старшим. Тебе бы следовало употреблять слово «ага», когда обращаешься ко мне. Во-вторых,

Амулат-бек никогда не был сорвиголовой. Амулат — патриот своего Дагестана. И если он поднял руку на русских, то они этого заслуживают.

— Когда мне сказали, дорогой Якши, о твоей ненависти к урусам, я сразу понял: это дело рук того Амулат-бека,— обиженно признался Караш.

— Называй меня «ага», собачья отрава! — повысил голос Якши-Мамед.— Не то я тебя научу вежливости. Я не посмотрю на твой вонючий бешмет и эту тарелку на голове. Я сам когда-то носил их. И запомни, что ты так же, как и я, скоро возненавидишь своих благодетелей. Но чем дольше ты их будешь любить, тем меньше будешь нравиться нам.

Караш явно не ожидал такой отповеди от старшего брата. Этот вовсе не походил на спокойного, благопристойного Кадыра. Но не было еще человека, которому бы Караш позволил так обращаться с собой. Он встал и сказал:

— Пойдем отсюда, мама. Этот старый дурачок еще поваляется у меня в ногах. Я заставлю его просить прощения!

— Что?! Что ты сказал! — взревел Якши-Мамед и зашарил руками: чем бы ударить младшего.

Караш выхватил кинжал, висевший на поясе, и сдавленным голосом пригрозил:

— Убью, дикарь несчастный, только подойди попробуй! Пойдем, мама!

Тувак, причитая и умоляя, чтобы Якши-Мамед отступился от мальца, быстро вышла из кибитки. Хатиджа принялась уговаривать мужа, чтобы поостыл: подобает ли мужчине связываться с безусым юнцом. Якши сел на ковер, замотал головой, притворно заохал и закатился долгим нервическим смехом. Затем он попросил что-нибудь закусить, достал из сундука бутылку рома и налил в рюмку.

— Выпью за этого строптивца,— сказал жене и опять замотал головой.— Жаль, Хатиджа, что такие люди — против нас.— Якши налил еще, опять выпил и задумчиво произнес: — Но он уйдет от них, как ушел я,— это неизбежно.

— Якши-хан,— подсела к нему Хатиджа.— Ты бы сходил, навестил отца. Он, наверное, ждет тебя, по делу ведь приехал.

— Я знаю, зачем он приехал. Самое лучшее сейчас — нам с ним не встречаться...— Якши-Мамед снял со стены дутар, подкрутил колок и ударил по струнам:

Душа моя терзается от слов, горит в огне.
Родной отец, услышав боль мою, заплачет обо мне.
Не понял я его, а он меня не понял:
Аллах, пошли проклятья сатане...

Якши пел, склонившись над дутаром, и не увидел, как отошел в сторону килим и в кибитке появился Кият. Не поздоровавшись и не нарушая блаженной минуты сына, он постоял немного и только потом кашлянул. Хатиджа, сидевшая спиной к выходу, мгновенно повернулась и встала.

— Вий, Кият-ага к нам пожаловал!

Якши-Мамед вздрогнул и быстро отложил дутар в сторону. На лице его изобразилась испуганная улыбка. Старик был хмур. Его прищуренные глаза выражали презрение. Власть его взгляда настолько была сильна, что Якши не выдержал, залепетал:

— Отец, я только приехал из Кызгырана... Там мы лошадей себе присматривали... Я еще не отдохнул даже и не выпил чашки чаю. Я собирался к тебе...

— Хороших лошадей присмотрел? — спросил насмешливо Кият, прошел в глубину кибитки и сел на почетное место.

— Ничего у них кони, хорошие,— отвечал Якши-Мамед, ставя перед отцом чайник, пиалу и вазу с конфетами.

— Надо будет купить тех лошадей, Якши, они могут пригодиться. Собираемся в Хиву наведаться.

— Кто собирается? — спросил сын, сделав вид, что не понимает, о чем идет речь.

— Все собираются,— запросто отвечал Кият-хан.— И ты свою сотню поведешь.

Якши-Мамед насупился и с минуту сидел молча, словно искал силы, которые смогли бы помочь ему в разговоре с отцом. «Ну что ж, что отец! — мысленно храбрился он.— Ради общего дела и отца не пощадишь!» Наконец и вслух сказал, не менее храбро:

— Отец, я не знаю, каким ветром тебя опять подняло с места, но на этот раз ты зря сюда прилетел и своих урусов привел. Ханы Атрека отныне не станут воевать за русских. Больше мы не допустим, чтобы проливалась кровь наших джигитов во имя чьих-то чужих интересов. Ныне мы бережем каждого нашего воина. Они нам пригодятся... Я и наш сердар Махтумкули не допустим, чтобы ты ездил по аулам Атрека и поднимал народ против Хивы.

Кият-хан внимательно выслушал сына и даже не повел бровью. Потом сказал очень спокойно:

— Но вас ведь всего двое: ты да Махтумкули. А старшин приедет на маслахат много. Больше ста человек. Они и скажут, что нам делать. Если пойдете против всех, вас двоих выкинем, как бешеных собак. Запомни!

Кият отодвинул пиалу и, покряхтывая, тяжело стал подниматься.

— Сядь, отец, не спеши,— забеспокоился Якши-Мамед.

— Сядьте, сядьте, хан-ага, зачем обижаться? — поспешила на помощь Хатиджа.— Я только что ужин поставила...

— Где твоя была гордость, отец? Где твоя мудрость? — заныл Якши, видя, что старец сел на прежнее место.— Неужели ты не видишь, что мы только игрушка в руках царя?! Царь захочет — с голоду уморит.

— Ты, Якши, три года назад дал расписку царю в том, что берешь заимообразно шесть тысяч пудов муки? Ты не отдал ни

зернышка, и русский царь не спросил с тебя ни зернышка. Нынче вышло всемилостивое повеление государя: не взимать с тебя взятого. А ты?!

— Спасибо твоему царю, отец. Но неужели эти шесть тысяч стоят того, чтобы мы вели своих джигитов под чужие пули и сабли? — Якши подумал и вновь перешел в наступление: — Шесть тысяч пудов! Что такое шесть тысяч пудов по сравнению с тем, что мы отдали каджарам? Но мы бы и не отдали каджарам Гурген, если б не твой царь. Это по его воле установлена граница... Отец, пойми меня, я умру от горя, если не верну потомкам отнятые у нас земли.

— Э-хе-хе,— сожалеючи вздохнул Кият-хан.— Видно, прав наш Караш, когда жалеет, что ты раньше времени от русских ушел, не доучился.

— Не усердствуй, отец,— с горечью попросил Якши-Мамед.— Ты готов меня унизить даже перед этим сопливым ребенком.

— Нет, Якши, он не сoплив. Он лучше тебя все понимает. Он, например, сам догадался, что сейчас Англия и Россия из-за нас спорят — кому мы достанемся. Караш говорит: кто быстрее Хиву займет, тот и туркмен подчинит себе.

— Ай, дурость какая-то! — возмутился Якши-Мамед.

— Нет никакой дурости, сынок. Англия весь Афганистан заняла. Теперь в Бухару и Хиву смотрит. Думаешь, зря туда стремятся и русские? Думаешь, и вправду царю нужны его пленные? Нет, сынок. Сейчас наступило время, когда мы трезво должны оценить обстановку.

— Самое трезвое — объединить племена и создать свое государство,— заявил Якши-Мамед.— Мы писали Каушут-хану, Караоглану и другим ханам Теке и Ахала. Все они говорят вот так же, как сейчас я.

— Но никто не знает, как сделать свое государство,— с насмешкой сказал Кият.— Создать его — это все равно что сплести ахан, не имея под руками ничего, из чего бы получилась аханная сеть. Прежде чем говорить об этом, надо установить на туркменской земле прочный и долгий мир. А этот мир может наступить только тогда, когда возьмет нас к себе Россия и не позволит топтать нашу землю никакому врагу. Вот тогда мы объединим все племена.

— Прости меня, отец, я не знаю, что тебе ответить, но ты не прав. Давай подождем маслахата, послушаем, что скажут остальные.

— Подождем, осталось недолго,— согласился Кият-хан.— Но не высказывай зла русским гостям... пожалеешь...

Кият вышел из кибитки старшего сына поздно. Над Гасан-Кули лежала черная звездная ночь. Возле берега залива, где стояли палатки русских, горели костры и виднелись людские силуэты. Прежде чем уйти к юрте Кадыра, Кият постоял и за-

думчиво посмотрел на русский лагерь. Якши-Мамед топтался рядом, ожидая, когда отправится на покой отец.

— Подумай, сынок, что будет с нами, если русские прогонят нас от этих каспийских берегов? — тихо проговорил Кият-хан и скрылся в темноте среди кибиток.

В ХИВЕ ТРУБЯТ КАРНАИ

Небольшое войско бухарского эмира Насруллы ночью переправилось через Амударью и осадило крепость Хазарасп. На другой день по наведенному лодочному мосту через бурную реку двинулась артиллерия. Хивинский гарнизон с трудом сдерживал атаки бухарцев, стреляя из бойниц крепости и сбрасывая со стен кирпичи и камни. Хазарасп едва не сдался врагам, но в самый критический час, когда бухарцы лезли на стены по лестницам и разрушали их из катапульт и пушек, со стороны Хивы показались разъяренные всадники Аллакули-хана. Рев сотен карнаев оповестил защитников крепости о приходе солнцеликого хана Хивы. Хазараспцы оживились и, словно львы, бросились сверху на наседавшего врага. Тут же подлетели передовые отряды Аллакули-хана, и участь бухарцев была решена. Немногим удалось достигнуть лодок и переправиться на другой берег. Почти все они погибли под стенами крепости, лишь немногим хан Аллакули даровал жизнь. Артиллерия хивинцев — огромные неуклюжие пушки, при каждой шестерка лошадей — заняла позицию по западному берегу и обстреляла переправу. Пушки били до тех пор, пока последняя лодка переправы не отправилась на дно священной Аму. Хива-хан на белом в черных яблоках жеребце, украшенном нагрудником из золотых пластин, проезжался по берегу со своей многочисленной свитой и поносил нечестивцев. Наконец, когда на той стороне реки уцелевшие бухарцы сели на коней и верблюдов и подались прочь, Аллакули-хан повелел побыстрее привести к нему одного из бухарских юзбаши, захваченного в плен. Когда того, хлеща камчами по спине и покалывая пиками в спину, пригнали к хану, он распорядился:

— Заткните нечестивца в самую большую пушку и отправьте на тот берег. Пусть своих догоняет.

Артиллеристы-топчи схватили несчастного, сорвали с него одежду и сапоги и голого затолкали в пушечный ствол. Туда же вместили хороший пушечный заряд. Аллакули-хан собственноручно поднес факел к фитилю, прогремел выстрел, и тело юзбаши, описав дугу в воздухе, не долетев до другого берега, шлепнулось в волны.

— Жаль,— вздохнул Хива-хан.— К рыбам пошел...

В тот же день Аллакули-хан занялся наведением порядков в Хазараспской крепости: усилил гарнизон, велел восстановить разрушенные кое-где стены, приказал хивинцам днем и ночью

нести охрану берега. Войско хана заночевало в степи, а утром, до восхода солнца, отправилось назад, в Хиву...

Спустя три дня жители столицы встречали непобедимого льва пустынь и гор Аллакули-хана. Все население вышло на улицы города. Карнайчи затрубили в трубы, а пиротехники выпустили в небо столько ракет, что казалось, с неба посыпались звезды. Воины, вступив в городские ворота и увидев тысячи приветствующих горожан, еще выше подняли пики, на которых, словно тыквы, торчали головы вояк Насруллы-эмира.

— С победой, солнцеликий!

— Тысячу лет тебе жизни, лев вселенной!

— На небе один аллах, на земле его наместник, светлейший и могучий Аллакул! — неслись отовсюду выкрики.

Хан, выпячивая грудь и не поворачивая головы, спросил Атамурада-кушбеги, встретившего его у городских ворот:

— Не случилось ли чего важного в наше отсутствие?

— Вчера появился один киргиз из того каравана, который захватили урусы на Эмбе. Говорит, что генерал Перовский готовится к войне против нас,— ответил Атамурад-кушбеги.— Я велел содержать киргиза при себе до вашего возвращения. Может быть, повелитель захочет узнать подробности этой злой вести?

— Приведешь его завтра утром,— небрежно ответил Аллакули, но кушбеги заметил, как обеспокоился хан.

Прошествовав по центральной улице мимо минаретов и крытых базаров, войско остановилось у ханского дворца. Но лишь немногие въехали во двор: свита, вся артиллерия в упряжках, личная охрана и три сотни гуламов. Остальные, после того как затворились массивные ворота, стали разъезжаться по домам и чайханам, где их с нетерпением ждали родичи и друзья, чтобы послушать об очередной победе могущественного Аллакули.

Хан свершил омовение, прилег на софу — хотел уснуть, чтобы сбросить усталость похода. Но уснуть не смог. «Урусы, урусы, проклятые урусы!» Эти слова не давали ему покоя. Он стал думать о последнем инциденте на оренбургской линии и окончательно рассердился. Перовский захватил купеческий караван и заточил всех купцов в зиндан в отместку за то, что якобы хивинцы постоянно грабят русские караваны и уводят российских купцов в неволю. Аллакули-хан еще два года назад через своего посланника Кабыл-бая пытался объяснить русскому императору, что хивинский хан сам никогда не давал распоряжений грабить русских людей и угонять в плен, что грабят разбойничьи шайки, от которых и самим хивинцам достается не меньше, чем русским. Но русский царь, восприняв это объяснение как насмешку, сказал тогда Перовскому: напиши хивинскому хану соответствующее письмецо. И оренбургский губернатор послал Аллакули-хану следующее послание: «Дела ваши дурны, а от дурных семян — дурной плод. Если хотите еще вовремя опомниться, то вышлите немедленно всех русских плен-

ников и дайте слово вести себя впредь мирно и дружелюбно, не поощряйте грабежей и разбоев, не мешайтесь в управление кайсакского народа, дайте подданным Императора Всероссийского те же права у вас, какие он дает вашим, и старое будет забыто» [1]. Хан тогда не нашелся, что ответить русским. Он приготовил богатые подарки, собрал двадцать пять русских невольников и отправил в Оренбург. Перовский оскорбился. Невольников, конечно, взял, но подарки не принял и захваченных хивинских купцов послу Кабыл-баю не отдал. Теперь грозит войной. Мыслимо ли такое?

Аллакули-хан велел Атамураду привести беглеца из того захваченного русскими каравана. Пока тот ходил, хан с неохотой поужинал, заглянул через узорчатую деревянную стенку в большой водоем гарема, в котором не было ни одной красавицы: все как одна ждали и надеялись — а вдруг его величество пожелает зайти в келью именно к ней! — и направился в тронную залу. Вскоре появился и Атамурад-кушбеги. Вслед за ним шли двое стражников и человек в хивинском халате и в киргизской белой войлочной шапке. Хан заговорил с ним запросто, не чванясь и не усаживаясь на трон, как обычно делал при встрече с кем-либо:

— Ты был в Оренбурге?

— Да, мой повелитель. Я испытал все тяжести коварной судьбы, прежде чем мне удалось бежать оттуда,— быстро-быстро залепетал киргиз, упав в ноги хану.

— Встань,— приказал хан.— Что ты еще можешь сказать о русских? Откуда тебе известно, что урус-генерал собирается на нас войной?

Хан сел на подушки и большим шелковым платком вытер вспотевшее лицо. Киргиз застыл со сложенными на груди руками в полупоклоне.

— Мой повелитель, всех хивинских купцов урус-губернатор держит в караван-сарае вместе со скотиной. Рядом живут солдаты, и мы слышали, о чем они говорят. Они думали, мы не понимаем по-ихнему, но я немного знаю их язык, потому что всегда имел с ними дело по торговле.

— Говори, что ты слышал!

— Слышал я, мой повелитель, что все яицкие казаки собрались в войско со своими атаманами и упражняются в стрельбе, рубке саблями и конных атаках. Слышал, что в поход собирались они будущей весной в месяце мехтер, но теперь передумали: полки урусов двинутся этой осенью. Урусы боятся: если они не успеют взять Хиву, то ее быстро возьмут англичане. Прости меня, повелитель, но такие слова слышаны мной из уст русского офицера.

Аллакули-хан побледнел, но нашел в себе силы, чтобы не

[1] Приведены подлинные строки письма Перовского хивинскому хану.

пнуть ногой этого лжеца, ядовито ухмыльнувшись в черную бороду, сверкнул желтыми горящими глазами.

— Ты лжешь, киргиз. Англия — моя союзница, она не пойдет на Хиву. Что еще?

— Еще я слышал, мой повелитель, что русские хотят...— Киргиз захныкал, боясь за свою «ничтожную жизнь», и хан взревел:

— Да говори, шайтан, что еще?

— Мой повелитель, тот урус-офицер сказал: «Когда сместим хивинского хана, то на трон в Хиве посадим султана Западной Орды Бай Мухаммеда Айчувака». Тогда другой офицер ему возразил: «Айчуваку предлагали хивинский трон — он отказался из-за трусости. Наверное, посадим на трон Кият-хана или одного из его сыновей — это самые надежные ханы...»

— Ва алла! — вскрикнул Аллакули-хан.— Я утешаюсь молниеносными победами, народ мой переполняет свои легкие радостью моих побед, а эти дети свиньи делят мой трон. Поистине мир сходит с ума. Что еще узнал, говори, киргиз!

— Еще узнал, мой повелитель, что за два дня до того, как я бежал из Оренбурга, от генерала Перовского выехали в Бухару к эмиру Насрулле двое русских офицеров.

— Какой дорогой поехали?

— По слухам, через Чочка-кель, на Сырдарью.

— Еще что?

— Больше ничего не знаю, мой повелитель.

Аллакули-хан протянул руку к резному из слоновой кости ларцу, приподнял крышку, взял горсть золотых монет и высыпал в ладони киргизу.

— Иди и живи рядом. Если понадобишься — позовем.

На другой день хан с самого утра отправился в третий двор, в свою юрту, которая стояла посреди ковыльного поля, обнесенного высокими зубчатыми стенами крепости. К юрте со второго двора вела полевая тропинка, по обеим сторонам которой росла трава, теперь уже выгоревшая до желтизны на солнце, и в ней виднелись серые спины цесарок. Хан, по примеру своего деда Ильтузера и отца Мухаммед-Рахим-хана, всегда отдыхал в этом дворе, находя, что только здесь можно отойти от мирской суеты и принять наиболее мудрое решение. И на этот раз он уединился, чтобы поразмыслить над тем, что вчера услышал от бежавшего из русского плена киргиза. Хан полулежал на ковре, подоткнув под локоть подушку, пил черный чай с молоком и слышал лишь свое дыхание да шелест одежды двух гуламов, которые стояли у входа, охраняя его покой. Аллакули силился вспомнить: сколько же русских невольников в Хиве, если русский царь проявляет такое беспокойство? Хан думал и о том, что надо немедленно послать к оренбургской линии надежных лазутчиков, чтобы доносили о всех движениях русских казаков.

Спустя час он пригласил к себе ближайших советников.

Атамурад-кушбеги, согнувшись, вошел в юрту первым. За

ним, в такой же позе,— Худояр-бий. Оба, как по команде, упали в ноги повелителю, и он, по заведенному, милостиво разрешил им сесть рядом.

— Ата,— сказал хан.— Мы, посоветовавшись с аллахом, нашли нужным сказать вам следующее. Пошлите людей — пусть занесут в список всех русских невольников. Хозяев этих невольников предупредите, что впредь они на учете хана: ни убивать, ни продавать их нельзя.

— Повелитель, а как быть с теми, которые приняли ислам? — спросил кушбеги.

— Запишите всех.

— Ваша воля — мое исполнение, повелитель.— Кушбеги приложил к груди ладони.

— Сегодня же отправьте на оренбургскую линию лазутчиков. О действиях генерала Перовского доносить каждый день, без напоминания.

— Ваша воля...

— Отправьте две-три сотни нукеров на Кара-Бугаз, к обители Сорока дервишей и на Мангышлак к русским укреплениям, чтобы поднимали народ против неверных,— продолжал Алла-кули-хан.— Тех двух офицеров, которые выехали в Бухару к нашему врагу Насрулле, перехватить и доставить сюда. Отправьте надежного человека к Кият-хану и другим иомудским предводителям с письмом, обласкайте и пообещайте: если выведут джигитов против русских, старые обиды будут забыты и на смену обидам придут наши почести и уважение...

Ханские вельможи проворно встали и пятясь вышли из юрты.

Не прошло и часа, как по тесным пыльным улочкам Хивы засновали ханские люди, стуча в узкие калитки, вделанные в дувалы. Постучали они и к юзбаши Мяти-Тедженцу. Здесь, вдали от своей родины, он жил на постое у богатого бая: платил ему за ночлег, пищу и прочие блага. Услышав, что его вызывает Худояр-бий, юзбаши не мешкая сел на коня и отправился во дворец. Худояр поджидал его на артиллерийском дворе, в шикарно убранной комнате, где он жил. Тедженец снял сапоги и, поклонившись, вошел к полководцу.

— Мяти,— сказал хозяин,— бери вот это письмо, садись на коня и поезжай в Шах-сенем, на границу к иомудам. Там снаряди своего человека, пусть передаст письмо Кият-хану. А если старик подох, то сердару Махтумкули. Поезжай сегодня же и побыстрее привези ответ.

Тедженец поехал поднимать в путь своих джигитов. С этой минуты он не расставался с седлом три томительных дня, пока пробивался к Сарыкамышу. Отряд его останавливался на ночлег лишь ночью, но и тогда Тедженец, располагаясь спать, бросал наземь попону, а седло клал под голову. На четвертые сутки всадники достигли старинной крепости Шах-сенем и отыскали место остановки караванов. Это было небольшое селение

в несколько глинобитных кибиток, со дворами, в которых сверкали чистой проточной водой хаузы, а над ними свисали длинные серебристые косы талов. Тедженец узнал, что ближайший караван отправляется в Кумыш-Тепе через два дня, и обрадовался: не придется, значит, отправлять в путь свою сотню. Нарядив своего онбеги Курта в одежду торговца, Тедженец вручил ему письмо и рассказал, где, как и кому передать. Через два дня, когда караван отправился в путь через Каракумы по барханам и солончакам, Тедженец зашел к баю селения и приказал, чтобы тот позаботился о его джигитах.

Сорок дней пребывал отряд Тедженца на краю пустыни. Днем джигиты охотились на джейранов и варили в большом закопченном казане ярму, иногда плов, по вечерам собирались у костра и вспоминали о своих близких. Далеко занесла судьба тедженцев. И не понять им — отчего так несправедлив человеческий рок. Вместо того чтобы жить в мире, заниматься хлебопашеством и ремеслами, рыскают они по пескам и горам, нападают на своих же соплеменников. Стыд гложет сердце, тоска разъедает душу, но попробуй уйти от Хива-хана! Разве есть такое место на земле, где бы не достали его руки?! Так думали и говорили в отряде Тедженца. И сам он думал об этом, но не высказывал своих горьких мыслей. Частенько вспоминалась ему последняя встреча с Махтумкули-сердаром, вспоминался разговор о своем государстве — вольных, независимых туркмен. Но и сейчас, как и тогда, он не верил, что можно победить Хиву и Тегеран, вырваться из пут всесильных владык Востока...

На сорок первый день, когда уже осень мела из Каракумов хлестким ветром, а воины устали ждать «посланника», в Шахсенем прибыли хивинские купцы с Гургена и с ними Курт.

— Ну, говори, с чем приехал, онбаши? — нетерпеливо спросил Тедженец.

Курт распорол полу халата и извлек свернутый десятикратно бумажный лист. Тедженец не умел читать, но желание узнать, что ответили иомуды, было так велико, что он приказал привести ученого муллу. Пока за ним ходили, онбаши рассказывал о своих странствиях: о том, как отыскал Махтумкули-хана, как угощали его и расспрашивали обо всем, что творится в Хиве. Наконец с миром и добром выпроводили его и велели передать Тедженцу, чтобы на помощь иомудов Хива-хан не рассчитывал, а подумал бы о том, как сберечь свой гарем. Слушая, Тедженец догадался: если он о таком рассказывает, значит, и в письме написано то же. И если привезешь плохое письмо Худояр-бию, а он-то знает о твоих связях с иомудами, не снимут ли голову с плеч? Когда привели муллу, Тедженец увел его к себе в кибитку, где, кроме них, не было ни души, и велел зачитать послание.

«Хива-хан, нечестивый пес и пожиратель прахов,— говорилось в письме,— можно ли рассчитывать на того, кого ты убивал и грабил, чью кровь пускал по высохшему Узбою и река несла в берегах эту кровь? Ты грозил, что придешь к нам и заберешь

всех наших девушек к себе в гарем. Побереги своих, ибо наши джигиты с вожделением смотрят на твоих красавиц. Ты отобрал у нас двадцать тысяч верблюдов. Ныне наши джигиты занялись подсчетом — сколько верблюдов у тебя в ханстве, хватит ли их нам? Ты просишь, чтобы мы подняли карающие мечи ислама против урусов. Знай, нечестивый пес: море Каспийское принадлежит урусам, а мы кормимся из этого моря. Будет проклят тот аллахом, кто поднимет меч на своего благодетеля. Урусы сорок лет гостят на берегах иомудских, и не было случая, чтобы русский убил туркмена, а туркмен — русского. Поистине это бесподобно и поучительно...»

— Хватить читать, мулла-ага,— сказал Тедженец.— У меня нет желания слушать дальше.

— Проклятье их роду,— заверещал побледневший мулла.— Они еще не знают силу Хива-хана!

— Идите, мулла, спасибо за помощь,— поблагодарил Тедженец, чувствуя, что его шеи коснулся нож и сейчас перережет ее. И едва мулла вышел из мазанки, Тедженец позвал онбаши Курта.

— Братец,— уважительно произнес Тедженец,— ты привез страшную весть. Сейчас мулла пошел в сторону крепости. Иди подстереги его и убей: он унес тайну этого письма...

Онбаши насупился, ощупал ножны и быстро удалился. Утром муллу нашли зарезанным, а Тедженец велел джигитам садиться на коней. Он спешил к Худояр-бию и благодарил судьбу: «Как хорошо, что нашелся один ученый человек! Не будь его, я передал бы письмо не читая и потерял бы голову». Через несколько дней, вернувшись в Хиву, Тедженец пришел к Худояру и доложил:

— Мы послали к ним человека и ждали сорок дней. На сорок первый день наш человек вернулся с пустыми руками. Иомуды не приняли его и не пожелали с ним говорить.

— Где тот человек, который ездил к ним? — рассвирепел Худояр.— Приведите его ко мне.

— Сердар, этот человек, боясь гнева его величества, бежал от нас.

Глаза Худояра налились кровью, руки сжались в кулаки. Но нет, Тедженец слишком хорошо знал своего сердара: он не пойдет с пустыми руками к хану, ибо знает, что и ему несдобровать. Подумав, Худояр-бий сказал:

— Будем считать, юзбаши, что ваш посланец убит иомудами.

— Да, сердар, это могло произойти.

Худояр-бий больше не стал выспрашивать Тедженца — не до этого было. Юзбаши, входившие в его подчинение, сидели на корточках у двери и терпеливо ждали, когда он позовет их. Каждому в отдельности он давал распоряжение: одному ехать в одну сторону, другому — в другую, но все должны были поднимать, ополчать, вооружать хивинцев-дехкан против невер-

ных русских, которые, по последним сведениям, выступили из Оренбурга и продвигаются к Хиве. Теджeнцу Худояр-бий велел держать свою сотню наготове и ждать его распоряжения.

От Худояра юзбаши поехал к соботу[1] послушать новости. Здесь, в крытом базаре с его муравьиными разветвлениями, где не менее трех сотен лавок, мастерских, кузниц и прочих вместилищ, можно было услышать все что угодно. Едва Теджeнец сел на скамеечку сапожника, как сразу же услышал:

— Говорят, дорогой юзбаши, не сегодня завтра на войну отправляетесь? Урусы, если верить слухам, уже двинулись сюда четырьмя отрядами, в каждом по тысяче казаков...

В другом месте на потертом коврике брадобрея под острой бритвой шли толки, что Аллакули-хан, дабы не отдать Хиву на разорение, хочет вернуть Перовскому всех пленных. Брадобрей сокрушался: зачем беспокоить невольников — ведь они почти все приняли мусульманскую веру...

В чайхане, где Теджeнец сел, чтобы «очистить» палочку шашлыка и запить бузой, шли самые несуразные разговоры о том, что англичане дадут Хива-хану для войны слонов, взятых у индийского раджи; о том, что урусы запросили большой выкуп за голову Бека-Черкаса, отрубленную в Хиве сто лет назад... Теджeнец услышал многое, но понял лишь одно: война надвигается и скоро придется идти в поход.

Дальнейшие события развивались с невероятной стремительностью. Через день во дворец хана приехали лазутчики из кайсакской степи и донесли: урусы перешагнули Эмбу и приближаются к Чинку. Передовые отряды урусов замечены у озера Чочка-кель. И тогда опять в Хиве, как в былые дни, когда ханское войско собиралось в поход, затрубили карнаи и на главный мейдан ко дворцу со всех сторон стали съезжаться конные сотни.

ПО ТУ СТОРОНУ ЧИНКА

Войско под предводительством Атамурада-кушбеги разрозненными отрядами входило в кишлаки, пополнялось всадниками. Увеличивался и тяжелел обоз из множества навьюченных верблюдов и груженых большеколесных арб. Ханские нукеры присоединяли всех, кто имел коня и мог сидеть в седле, забирали все, что могло пригодиться в длительном походе. Пока еще не торопясь, с остановками в пять-шесть дней, хивинцы прошли Куня-Ургенч, Мулла-Турум и Тайлы. Затем был утомительный переход по диким необжитым местам, где царствовали болотные птицы и комары. В конце концов достигли поселения Яман-Минг-йылкы. Здесь кушбеги повелел оставить верблюдов с кладью и арбы. Воины запаслись в дорогу самым необходимым: набили торбы чуреком и жареным мясом — кавурмой. Впереди

[1] Собот — крытый базар.

лежал Чинк, или, как именовали его урусы, Усть-Урт — плоскогорье, через которое шли все дороги и тропы из России в Хиву.

Боевая сотня Теджениа ехала впереди, рядом со свитой Худояр-бия. Сердар полагался на туркмен более чем на кого-либо: они были храбры и исполнительны. К тому же теджениы восседали на красавцах скакунах ахалтекинской породы. В быстроте им уступали приземистые кайсакские лошаденки. Сердар гордился текинской сотней и, конечно, рассчитывал, как только покажутся впереди русские казаки, послать ее в бой.

Продвигаясь на север, войско незаметно поднималось все выше и выше. С плоских высот Чинка уже хорошо проглядывались неохватные просторы кайсакских степей. Чуть приметно в синем небе вился дымок оставшегося позади селения и, словно осколки разбитого зеркальца, сверкали на солнце небольшие степные озера. Там, внизу, было еще тепло, а здесь бил в лицо холодный ветер с каменной крошкой. Здесь впервые Тедженец забеспокоился, что наступает зима и каждый новый день будет все холоднее и холоднее. Ночью остановились в небольшой разрушенной крепости. Жилые постройки из камня давно были брошены людьми. На стенах сохранились лишь следы дыма. Видимо, здесь нередко останавливались купеческие караваны по пути в Хорезм и обратно: люди разжигали костры прямо в заброшенных комнатах. Посреди крепостного двора виднелся колодец. В нем хивинцы нашли хорошую, малосоленую воду и принялись наполнять баклажки и поить из кожаных ведер лошадей. Стены крепости к тому же защищали от холодного северного ветра — это немного радовало воинов. Радость, однако, была преждевременной. Чем глубже люди погружались в ночь, тем холоднее становились крепостные камни, тем холоднее становился весь Чинк — один огромный камень на макушке планеты. Собранный сушняк в крепости и вокруг нее сгорел в кострах задолго до рассвета. Вторая половина ночи показалась для Теджениа сущим адом. Сколько ни кутался в теплую хивинскую шубу, к телу пробирался холод. И вообще за свою жизнь Тедженец никогда не видел таких холодных ночей. А ведь пока что не было снега. Что же будет дальше?! Как урусы живут в такой холодной стране? Они живут севернее, у них еще холоднее.

Тревога лишала сна, а бесконечные ворчания джигитов, которые жаловались на собачий холод, раздражали Теджениа.

— Эй вы, ишачье отродье! — вскричал он.— Вы мерзнете, как мыши, при первом дыхании чужого ветра. Что с вами будет, когда урусы пошлют на вас буран?!

Воины на некоторое время умолкли. Но едва юзбаши стал засыпать, опять послышались проклятия урусам и их холоду.

— Ишачье отродье, а ну встать! — вскочив, закричал Тедженец.— Давай — за хворостом, разжигайте костры, если вас не греет собственная кровь!

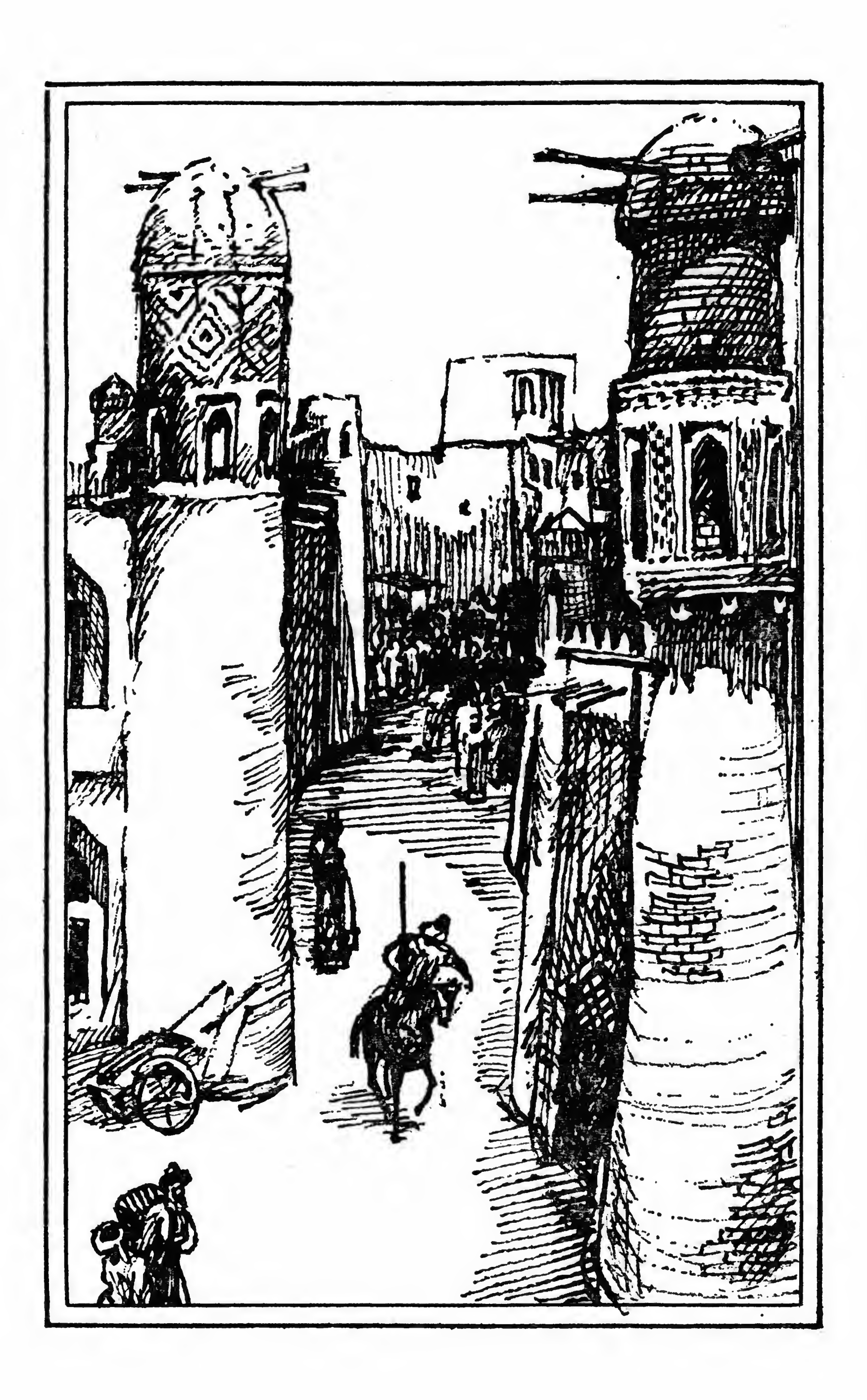
Воины, кутаясь в чекмени (хивинскую шубу имел не каждый), отправились за стены крепости. Спустя час вновь загорелись костры, и люди, пододвинувшись к огню, уснули, уткнувшись в колени или свернувшись калачиком.

Тедженец наконец-то тоже уснул. Но сон его был недолгим. Он проснулся от беспокойного ржания лошадей и подумал, что тихонько подкрались и напали урусы. Он уже хотел поднять тревогу, и лишь выдержка остановила его от глупой выходки. Еще раз прислушавшись к беспокойному ржанию коней, он догадался — скакуны тоже мерзнут и хотят согреться. Он выбрался наружу и подошел к своему Мелекушу. Скакуна била дрожь. Увидев хозяина, конь коротко заржал и забил копытом о камень. Тедженец похлопал его по крупу, прижался к шее, отвязал и повел в помещение, к костру. Прежде чем ввести скакуна, он вновь поднял на ноги джигитов и велел спасать своих лошадей от холода. Ругательства и ржание коней смешалось, и все это стало похожим на панику. На другом конце двора выскочили из келий слуги самого кушбеги, кто-то выстрелил, и открылась такая стрельба, словно в крепость ворвались русские и началась война. Прежде чем разобрались — что могло быть причиной паники, прошло немало времени. А тут рассвело, взошло теплое солнце, и Атамурад-кушбеги дал команду — в седло.

И в этот день ехали по возвышенности, переваливая через бугры и съезжая в каменистые лощины со следами весенних потоков. Наверное, по весне здесь — раздолье: журчат ручьи и пьют сточную пролившуюся с небес воду джейраны. Но сейчас по косогорам не шумела вода, не было ни зверей, ни птиц. Над Чинком клочьями летели серые тучи, и ветер ударял в лицо, обмораживая нос и щеки. Уже подъезжали к Чагану, когда пошел снег. Сухой и колючий, он подхватывался ветром и носился по плоскогорью, словно белый шайтан. Съехав на песчаную равнину, всадники пришпорили коней и спустя час остановились в Чагане. Здесь узнали, что урусы заняли крепость Таш-Кала в урочище Ак-Булак возле кабаньего озера.

Тедженец на этот раз ночевал в кайсакской юрте. До полуночи в ней горел очаг и было тепло. Вместе с ним было еще несколько юзбаши. А простые джигиты — кто где. Некоторые нарезали камыша и поставили шалаши. Спрятались в них от снега. Другие облюбовали стога сена. Лошадей загнали в агилы и укрыли кошмами, раздобытыми у чаганцев. Впервые Атамурад-кушбеги выставил вокруг селения посты, ибо русские были совсем близко.

Утром кушбеги, осведомленный подробностями о продвижении оренбургских казаков, принял решение. Сам он с половиной войска двинется на запад, к морю, поскольку оттуда грозит опасность не менее, чем с Эмбы, а Худояр-бий останется с тремя тысячами конников здесь. Худояр тотчас собрал своих юзбаши в белой юрте здешнего бая. Шлепнув несколько раз лисьим тре-

ухом о сапог, чтобы стрясти налипший снег, он довольно засмеялся:

— Зима для всех холодна. Вот Кочкар-бай говорит, что и русским приходится туго. В Таш-Кала добрался только небольшой отряд, а другие урусы, с пушками, застряли на Эмбе. Половина верблюдов у них подохла!

— Аллах всемилостив,— послышалось несколько голосов.

— Сердар,— спросил Тедженец,— а сколько урусов в крепости?

— Мало, юзбаши. Полтораста линейных солдат и семьдесят казаков. У них сорок повозок. Но крепость хорошо укреплена, надо напасть внезапно. Ты возьмешь свою и еще две сотни и нападешь перед рассветом.

— Ваша воля, сердар,— удовлетворенно отозвался Тедженец.

Вечером три конные сотни выступили из Чагана и подались на север, к кабаньему озеру. Кони шли тяжело, проваливались по самую грудь в снег. Пустили вперед верблюдов, целое стадо — их прихватили попутно. Они шествовали, приминая снег, после них лошади шли спокойно и норовисто. К тому же верблюды, шествуя впереди, как бы прятали за собой всадников. В полночь подошли почти к самой крепости, но русские даже не выказали никакой тревоги. Тедженец остановил отряд возле кабаньего озера и приказал воинам не отпускать верблюдов — пригодятся. Тут же отправил он на разведку трех всадников. К рассвету они вернулись и доложили: крепость обнесена не очень высоким дувалом, казарма охраняется часовыми, а лошади на заднем дворе — к ним подойти легко.

— Это хорошо,— потер ладони Тедженец.— С соизволения всевышнего, мы возьмем у них лошадей. Без лошадей они далеко не уйдут.

На рассвете, когда единственный русский пес, который беспрестанно тявкал на косорогую луну, уснул, хивинцы почти бесшумно подъехали с тыла, сняли часового и ворвались в конюшню. Русские солдаты еще и не успели понять, что происходит, а их лошади все до одной были угнаны в степь. Началась беспорядочная стрельба и угрожающие крики, но это только развеселило Тедженца.

— Зачем они кричат, эти свинопасы? — сказал он возмущенно.— Мы взяли только их лошадей, но раз они угрожают, то мы заберем и их самих!

Зная, что теперь у русских нет ни одной лошади, хивинцы повели себя нагло. Они всем отрядом, гоня впереди себя верблюдов, подъехали почти вплотную к стенам Таш-Калы, и один горластый онбаши прокричал:

— Эй вы, дети свиней! Все равно вам теперь не выбраться отсюда. Сдавайтесь на милость льва гор и пустынь, отца победителей, побежденных и тех, которые будут побеждены!

Никто не отозвался, лишь прогремел одиночный выстрел и пропела шмелем пуля. Затем пригрозили по-киргизски:

— Убирайтесь прочь, нечестивцы! Русский царь — милосерден, но коли прогневите его, оставит вас корчиться в снежном поле. Лучше сдавайтесь — нас в тысячу раз больше!

Хивинцы с удивлением выслушали ответ и подивились: почему за русского царя сражаются мусульмане? Тедженец вспомнил о письме иомудов и подумал: «Оказывается, много мусульман перешло к русским. Оказывается, есть что-то сильнее веры!» Он велел прокричать киргизам, чтобы уходили от урусов — и аллах простит им содеянные грехи, но оттуда, из крепости, понеслись грубые матерные слова.

— Вперед! — воскликнул озлобленно юзбаши.— Мы заставим их плакать у нас в ногах! Вперед, вперед, у-рр!

Напирая на верблюдов и размахивая саблями, хивинцы приблизились к стене и воротам, и тут случилось неожиданное. Ворота распахнулись, и со двора с винтовками наперевес и с криками «ура» выскочили русские солдаты. Ловко лавируя между верблюдами, они бросились на всадников Хивы в штыковую атаку и не только отогнали хивинцев, но и поснимали с лошадей не менее пятидесяти человек. Отряд Хивы отступил, а русские, не теряя времени, загнали «осиротевших» верблюдов к себе во двор. Отъехав на версту, Тедженец, ругаясь, слез с коня, снял с себя шубу, халат, рубаху и позвал лекаря. На плече Тедженца алела кровью рана. Русский солдат штыком едва не ткнул ему в сердце — еле успел увернуться.

— Проклятые свиноеды, пожиратели сала! — ругался Тедженец, в то время как лекарь шептал, быстро-быстро шевеля губами, и прикладывал к ране квасцы, чтобы остановить кровь. Затем он приложил к плечу снег и обмотал тряпкой.

Тедженец увел отряд за кабанье озеро, в Чаган, и там устроил ночлег. На другой день подошли еще три сотни конников Худояр-бия. Выслушав раненого юзбаши, сердар побранил его за неумные действия:

— С соизволения аллаха, надо было нападать сразу на людей. Но если вы взяли у них коней, то надо было ехать дальше, ибо русским ничего не остается, как сдаться на нашу милость!

Во второй половине дня, когда поутих ветер и немного пригрело солнце, хивинцы двинулись на север, не тронув Таш-Калы. Спешили встретить остновные силы Оренбургского войска. К вечеру небо очистилось от туч и стало синее моря. Солнце присело на краю белой бесконечной кайсакской равнины. Алое зарево залило снег словно кровью. Впереди, над равниной, кружились, садились и взлетали стервятники. Птиц было так много, что казалось, они слетелись сюда на кровавый пир. Когда конники подъехали ближе, то увидели множество подохших верблюдов. Запорошенные снегом трупы животных валялись с разодранным до кишок брюхом, некоторые были без ног. Оглядывая брезгливо падаль, Тедженец догадался, что верблюды

пали от бескормицы и мороза. На некоторых были русские пеньковые веревки — значит, эти верблюды из каравана Перовского. Тедженец не мог понять, отчего многие животные без задних ног.

— Вах-хей! — удивился недогадливости своего юзбаши Худояр-бий.— Разве не видишь, что ноги отрезаны саблями? Это голодные русские казаки постарались...

И Тедженец понял, что один из русских караванов дошел до этого места, потерял часть верблюдов и спешно возвратился назад.

Ночью хивинцы достигли урочища Хатаб и здесь узнали о злой участи урусов. По сведениям кайсаков, генерал Перовский потерял в снегах до десяти тысяч верблюдов и многие его солдаты поотморозили ноги и руки. Все русское войско возвратилось на Эмбу: по слухам, генерал хочет дождаться весны, а потом двинуться к Хиве с новыми силами. Худояр-бий дал отдых своим сотням до рассвета и пустился догонять урусов.

Днем хивинцы неожиданно натолкнулись на встречный караван. Навьюченных верблюдов сопровождало с полсотни казаков. Худояр-бий, не задумываясь, приказал захватить караван неверных. Конники, дико вопя и размахивая саблями, кинулись с двух сторон, отогнали казаков и захватили, по подсчетам Тедженца, пятьсот тридцать восемь верблюдов. Семерых казаков взяли в плен, среди них был прапорщик — калмык Аитов.

— А, сатана,— злорадно ухмыльнулся Тедженец и приставил нож к горлу калмыка. Потом отвел лезвие и сорвал с полушубка прапорщика погоны. Когда подъехал Худояр-бий, Тедженец пояснил: — Сердар, вот, оказывается, откуда берется сатанинское племя — от калмыков! Они изменяют своей вере и становятся погаными шайтанами.

— Куда едешь? — вежливо спросил Худояр-бий.

— В Хиву еду,— ответил, не моргнув, Аитов. Он понял: если сейчас растеряется, то его наверняка убьют и оставят на съедение птицам.

— Ты изменил своему генералу? — догадался Худояр-бий.— Поистине ты сатана!

— Нет, господин,— хладнокровно отвечал прапорщик.— Я верен своему генералу. Я еду в Хиву на переговоры с самим Аллакули-ханом. Я — посланник Перовского.

Хивинцы, обступив пленника рассматривали его с недоверием. Худояр, подумав, пожалел, что напал на караван. «Может быть, Хива-хану было угодно, чтобы мы не тронули посланца? Но, слава аллаху, сам посланец живой — значит, нам ничего не грозит». Худояр задумался, посмотрел на Тедженца, который тоже был немного растерян, и сказал:

— Юзбаши, ты второй день жалуешься на свою рану. Повелеваем тебе взять этого свиноеда и отвезти к великому хану.

— Ваша воля, сердар,— живо отозвался Тедженец. Ему и

в самом деле было тошно от укола русского штыка. Рана ныла и чесалась, а лекарь только и делал что прикладывал снег и приговаривал: «С соизволения всевышнего все пройдет!»

Двинувшись в обратный путь, Тедженец ехал рядом с пленным посланником и донимал его расспросами.

— Говорят, твой народ был на службе Чингисхана, зачем теперь вы живете среди урусов?

— Мы бросили землю ойратов и подались к Волге, чтобы уберечь свой народ от гибели,— неохотно отвечал Аитов.— Если б не ушли, то теперь бы нас давно не было.

— А урусы вас не убивают?

Аитов ухмыльнулся и ничего не ответил. Тедженец понял, что задал вопрос неподходящий: на плечах Аитова — русские погоны. Однако многое было непонятным, и Тедженец не отступал:

— Чем вы угодили урусам?

— Мы попросили защиты у русского царя и теперь живем под его покровительством.

— Вы потеряли волю, калмык,— с упреком сказал Тедженец.

— Да, это так,— согласился Аитов.— Мы потеряли волю. Но мы обрели надежду на существование. Мой народ гол и голоден, но над ним не висит острие меча. Он спит спокойно.

— На голодный желудок всегда хорошо спится,— засмеялся Тедженец.— Это я знаю. Но я всегда мечтаю перед сном сытно поесть. Значит, мне с урусами не по пути. Я лучше сдохну в седле вот от этой раны.— Он притронулся к плечу и скривил губы.

— Кому что,— отозвался со вздохом Аитов.— Но ты, юзбаши, зря калмыков не вини. Не они одни приняли русское подданство. Многие народы предпочитают: лучше жалкое существование, чем кровавая смерть. Разве твои соплеменники — туркмены Мангышлака — не за урусов? Разве они не подданные ак-падишаха? Да и Кият просится к урусам.

Тедженец промолчал и стал думать о письме атрекцев. «Море Каспийское принадлежит урусам, а мы кормимся из этого моря».

Аитов, видя, что конвоир призадумался, заговорил еще увереннее:

— Теперь все народы восточного и западного берегов Каспия служат русскому царю. Знатных людей государь жалует. Многих в офицеры произвел, а кое-кто и генералами стали. Об Айчувакове слышал? Этот хан за то, что орду свою в руках держит и царю тем самым помогает, генеральский чин получил.

— Кият и другие иомудские ханы тоже в генералы просятся? — спросил Тедженец.

— А как же! — заверил пленник.— Если царь примет иомудов к себе, то главного хана генералом сделает, а его приближенные офицерами станут.

— А народ кем будет?

— Ай, народ везде остается народом,— небрежно пояснил Аитов.— Землю пахать, хлеб убирать, из ружей стрелять — вот дело народа. Раб рождается рабом и повинуется своему хозяину. Сколько у тебя рабов?

Тедженец с любопытством взглянул на калмыка, усмехнулся и покачал головой. О каких рабах спрашивает этот нечестивец? Зачем воину рабы? Если он берет в поле врага — продает его за хорошую цену его родственникам или в Хиву узбекам.

Аитов словно угадал мысли юзбаши:

— Хотя... зачем тебе рабы? Ты ведь воин. Вся жизнь твоя в седле. Но скажи, юзбаши, разве ты не хотел бы в старости иметь своих рабов, которые бы делали для тебя все, что ты пожелаешь? Хотел бы, конечно, по глазам вижу. Но ты никогда не удержал бы их при себе. Силы мало, да и законы иные у твоего племени. А сделаешься русским подданным — царь тебе даст права крепостника. Богатым станешь...

Тедженец слушал офицера-калмыка и соображал: сколько даст за него Хива-хан? Настоящий он посланник белого генерала или врет? Вах, если бы он оказался не тем, за кого себя выдает! Тогда бы Тедженец получил за него хороший подарок.

— У тебя, калмык, должно быть письмо от твоего генерала к Хива-хану. Покажи это письмо! — потребовал юзбаши.

Аитов вздрогнул, но тотчас взял себя в руки и заверил:

— Есть письмо, не беспокойся. Когда приедем к хану, тогда и отдадим ему.

— Ты мне покажи, калмык. Я не возьму,— опять потребовал Тедженец.

— Ай, юзбаши, разве ты не знаешь, где берегут тайные письма? — недовольно проговорил Аитов.— Не могу же я раздеться на таком морозе!

Тедженец успокоился, но ненадолго. Поглядывая на прапорщика, он все больше и больше уверялся в мысли, что калмык гнал верблюдов в Таш-Калу, а когда попался, то назвал себя посланником, чтобы продлить себе жизнь. «Но разве не знает этот нечестивец — какая кара его ждет во дворце Хивахана? Поистине он дурачит самого себя!» Когда остановились на ночлег в заброшенной крепости на возвышенности Чинка и опять грелись у костра, Тедженец не удержался от соблазна.

— Поистине огонь — творение аллаха,— сказал он, снял с себя шубу и сел на нее. Затем обратился к Аитову: — Хей, калмык, сними-ка полушубок, чтобы не изжариться.

— Спасибо, юзбаши, мне не жарко,— спокойно отозвался Аитов.

Тогда Тедженец заговорил в приказном тоне:

— Сними полушубок и дай сюда, калмык!

Аитов насторожился. Тедженец кивнул джигитам, и те мгновенно стащили с прапорщика полушубок. Взяв овчину, юзбаши ощупал ее всю, ища письмо, не нашел и приказал снять

с калмыка сюртук. Тоже ничего не нашел. Сняли с прапорщика сапоги, портки, рубаху, оставили в чем мать родила — письма не нашли. Аитов скулил и приплясывал возле огня, а Тедженец радовался как ребенок:

— Значит, нет письма, а? Нет письма, шайтан?! Вот теперь ты будешь моим рабом. Я возьму за тебя с Хива-хана тысячу динаров. Давай-ка побыстрей одевайся, шайтан. Если простудишься и умрешь, я не получу ни одной таньги. Теперь я должен тебя беречь больше, чем самого себя!

После полуночи, когда джигиты стали засыпать, Тедженец приказал сторожить калмыка. И, чтобы тот не вздумал сбежать, собственноручно связал ему руки и ноги. Утром Аитова посадили на верблюда, и отряд Тедженца двинулся по пустынному холодному плоскогорью в Хиву.

В ЛЕДОВОМ ПЛЕНУ

От Оренбурга до Гурьева Карелин ехал в крытом возке. Отряд из десяти военных казаков едва поспевал за ним. В станицах останавливались ненадолго. Карелин вылезал из крытой коляски, спешил к местным властям: узнавал, заготовлены ли сухари. Заночевав, утром снова отправлялся в путь. Разбитая дорога тянулась вдоль реки, и не было ей конца. «Ну и головотяпство! — с возмущением думал он.— Сколько лет миром и добрым словом прокладывали путь к сердцу кочевника! Сколько сделано по этой нелегкой стезе! Весь запад кайсакских степей вовлечен в мирную торговлю. А теперь все полетит черным прахом в небо. Загремят пушки, затрещат ружья — и забудутся надолго и дружба, и торговля. Что ответишь тем же човдурам, если спросят: «Зачем пришли с войной, Силыч?»

Карелин глядел на гладкую потемневшую воду Урала. Казаки как раз перед походом закончили осенний лов красной рыбы; лодок на воде почти не было. Изредка виднелись одинокие бударки. Весь весельный флот казаков стоял на приколе у станиц. Старики и дети конопатили и смолили днища, а бабы-казачки вялили на веревках, вывесив, как белье, рыбу. Станичная идиллия на какое-то время отвлекла от мрачных мыслей. С сожалением он думал, что не удалось заняться нынешней осенью научными делами. Вот и студент Ваня Кирилов, привезенный из Санкт-Петербурга, томится теперь под присмотром Александры Николаевны. Небось дочек Лизу и Сонечку водит на прогулки к городскому собору, на площадь...

В Гурьев Карелин приехал холодным ненастным днем. Ветер дул с дагестанского берега, ударяя в лицо мелким колючим дождем. Каспийская вода заливалась в устье Урала, и казалось, река идет крутыми волнами вспять. Несколько судов раскачивались на глубине за отмелью. И Карелин опасливо подумал, что волна слишком крепка — как бы не сорвало парусники с

якорей. Сам городок Гурьев являл собой убогое поселеньице: несколько сотен приземистых деревянных домишек, всюду развешаны сети, и ни одного деревца вокруг. Степь, солончаки, камышовые заросли. Ветер свистел над крышами домов, срывая с труб дым и бросая его из стороны в сторону.

На обширном подворье гурьевского головы Карелин встретил астраханских купцов, среди которых был и Александр Герасимов.

— Вот так встреча! — удивился Григорий Силыч.— Видимо, и тебя царь-батюшка на войну спровадил?

— Да разве без меня обойдешься? — в тон ему ответил Александр и схватил обе руки своего покровителя, пожимая с такой радостью, словно о встрече с Карелиным только и мечтал.

— Батя жив-здоров?

— А чего ему сделается! — отвечал Александр.— Скучает, правда, по торговле да по морю. И тебя часто вспоминает. «Забыл, говорит, нас Силыч, небось делов много в Петербурге».

— Дел много, Саня,— согласился Карелин.— Считай, чуть ли не три года проторчал в кабинетах департамента. Вовсе отвык от походной жизни. Хотел было нынешней осенью податься в дальние края, ан война грянула.

— И какого хрена этот хан держит наших пленников?! — с досадой выругался Герасимов.— Отдал бы их — и нам хорошо, и ему самому спокойнее.

— Пленные, Саня, предлог. Политика государя глупа, вот в чем корень зла. Сколько лет старались к миру и вот — нá тебе!

Ветер не унимался: разгуливал по взморью и над городком весь день. И вечером, когда Силыч лежал в постели, ветер завывал в трубе и швырял в окно ракушкой. А утром наступила вдруг тишина, и от этой тишины стало холодно в гостиной комнате. Карелин догадался: пошел снег. Глянул в окно — так и есть. Над пристанью кружились хлопья, а ветра словно и не бывало.

Герасимов вошел, помотал головой:

— Вот тебе и война. Хватят казаки лиха в кайсакской степи. И кой их черт дернул глядя на зиму Хиву брать? Ума не приложу. Промежду прочим, Силыч, ночью обоз уральцев приволокся.

— С этого бы и начинал,— повеселел Карелин, вышел в коридор и загремел умывальником.

Спустя час он уже был на пристани, зычным голосом командовал, чтобы купчишки поторапливались, не сидели сложа руки, а загружали катера сухарями и везли на корабли. Шестнадцативесельные катера забирали сразу мешков по пятьдесят. Музуры тяжело налегли на весла. Легкие хлопья снега кружились над судами словно мухи и растворялись в синей спокойной воде.

В полдень корабли один за другим поднимали паруса и уходили в открытое море. Первым шел «Святой Николай». Карелин стоял у борта и смотрел на берег. Гурьев-городок выглядел с моря игрушечным, а люди на берегу — муравьями. Когда берега вовсе скрылись в снежной мгле, Силыч зашел в отведенную ему каюту...

Бывали годы, когда снег выпадал в гурьевских равнинах и раньше ноября. Но снег неустойчивый. Выходило из-за туч солнце, пригревало землю — и белого покрова как не бывало. А этот снег что-то не походил на прежние гурьевские снега. Прошли сутки, как парусники в море, но снег не переставал, да и конца ему не было видно. Музуры два раза в день очищали палубу, выбрасывали за борт деревянными лопатами горы снега. Управлялись с необычной работой живо, с прибаутками. Но куда сложнее оказалось стряхивать снег с парусов. Заскорузлый на ветру снежный наст намертво прилипал к полотнищам и давил на корабли сверху с неимоверной силой. Парусники плохо повиновались, кренились при самом легком волнении, и все время казалось — вот сейчас какой-нибудь из них опрокинется. Моряки с опаской поглядывали вверх на паруса и переговаривались: что делать, как быть?

— И за какие грехи мучимся? — не переставая канючил Герасимов.— Ну иное дело, кабы хивинцы сами на нас напали! Тогда, конечно, хватай ружья и в штыки. А то ведь мы — зачинщики!

Герасимов явно играл на чувствах Карелина. Знал распрекрасно, что кочевники всего побережья боготворят Силыча за его ум, за человечность. Санька иной раз даже хвастался перед знакомыми господами: дескать, Карелин сможет от Тюб-Карагана до Хивы дойти и ни один кайсак его не тронет. Господа хорошие усмехались: «Да что он — вождь у них или хан?» «Не скажу, кем они его считают, но если б захотел Силыч, они бы его назначили своим ханом»,— уверял Санька. И теперь Герасимов не столько из-за мучений, сколько из-за того, чтобы польстить Карелину, завел разговор о никчемности похода. Карелин угадал ход его мыслей, однако разговор поддержал с охотой:

— Ни хивинцы, ни кочевые кайсаки ни в жизнь не нападут на Россию. Силы неравные. Другое дело — шкодят, налетают на караваны. Но опять же тут Хива ни при чем. Аллакули сам не может справиться с разбойниками, несет громадные убытки от них. Хивинцы, Саня, если хочешь знать, боятся нас.— Силыч оживился, откашлялся, набил трубку, задымил и продолжал: — Вот, скажем, в двадцать пятом году. Я тогда, одинокий прапорщик, только-только познакомился с учеными-натуралистами, и они предложили мне участвовать в экспедиции к Аральскому морю. Ну, ты слыхал небось об экспедиции полковника Берга по исследованию Усть-Урта? Вальховский, Анжу, Лемм, Эвер-

сман — прекрасная компания. Правда, последний малость нечист на руку, ну да хрен с ним. С нами было около двух с половиной тысяч солдат и уральских казаков, к тому же шесть орудий в упряжках. Никаких воинственных намерений, однако, у нас не было. Войско держали на случай — чтобы отбиться, если хивинский хан нападет. Спустились с плоскогорья, двинулись к Аралу, и тут сообщают нам кайсаки, будто хан Хивы хочет встретить нас хлебом-солью, ключи вручить от своей столицы и отдать всех пленных. Мы тогда посмеялись: «На кой черт нам их ключи, когда мы занимаемся научными делами!» А хивинцы и вправду перепугались. Остановились мы в старой крепости; вдруг видим — входит к нам во двор громадный, разряженный в разноцветные лоскуты слон. А за слоном, тоже в тряпках,— верблюды и хивинцы на породистых жеребцах. Сбежались мы, не поймем — что за представление. Сам Берг явился, спрашивает знатного хивинца: «Откуда и зачем пожаловали?» А тот упал на колени, руки приложил к груди и взмолился: возьми, мол, ак-паша, этого слона в подарок, только не убивай наш народ и не разоряй хивинские города. Берг посмеялся над послом, успокоил его, заверил в дружбе, а от слона отказался. «Чем, говорит, мы его кормить будем? Да и доведешь ли его до Оренбурга?» Не принял, словом, никаких подарков...

Плыли всю ночь и утро, а в полдень флотилия стала на якорь в устье Эмбы. Карелин решил, что дальше двигаться к Прорвинскому посту нет никакого резона. Ночью ртутный столбик опустился до —29, у берегов образовалась ледяная корка. Чего доброго замерзнет море и на глубине! Единственное, на что отважился Карелин,— пригласил к себе Герасимова и сказал:

— Вот что, Саня. Твой шкоут начинен порохом и боеприпасами. Если не доставим этот провиант к Прорвинскому посту вовремя — изменниками и предателями назовут. До суда дело дойдет. Давай-ка плыви туда немедля. Шкоут твой, думаю, легко взломает ледяной панцирь. А эти кораблики застрянут на полпути.

— Без провожатых? — насторожился Герасимов.

— Да тут ведь сутки ходу всего. К тому же на Прорве уже двенадцать парусников есть. Одиноким не окажешься. Ну, с богом, Александр Тимофеич!

Карелин сел в катер, и гребцы направились к берегу, где вился дымок и виднелись каменные домики. С других судов тоже отправлялись на землю. Все пространство от берега до корабля заполнилось гребными судами. Тонкий ледок похрустывал и ломался со звоном, словно стекло. А от Эмбы несло таким диким холодом, что подгибались колени и сводило плечи.

С берега Карелин долго смотрел на шкоут Герасимова, пока он не скрылся из виду. Потом отправился к баракам и занялся размещением людей и провианта.

Утром термометр показал —33, и все пространство от бе-

рега до кораблей и дальше до самого горизонта покрылось прочной коркой льда. Первыми на лед выбежали рыбацкие дворняжки. Осторожно оглядывали стоявшие поодаль корабли, принюхивались, а потом побежали к ним, не боясь провалиться под лед. Несколько казаков, отважившись, тоже ступили на лед. Не провалились. Постукали каблуками по льду — держит. Наблюдавший со двора за казаками Силыч удрученно сказал коменданту:

— Ну, вот и все. Намертво сели... До самого лета. Придется, как тогда, ехать в Гурьев, снаряжать санный обоз.

В этот же день пятеро служивых с прапорщиком сели в три повозки и отправились берегом в Гурьев. А еще через день Карелин пригласил к себе здешних туркмен-човдуров, кибитки которых стояли на окраине городка, и попросил, чтобы отправили они людей в сторону Прорвинского поста и разузнали: доплыл ли шкоут купца Герасимова до места назначения? Те безоговорочно согласились, ибо считали долгом выполнить любое поручение Силыча. Другая группа конных туркмен со старостой Бекченгаем отправилась в сторону Усть-Урта: надо было узнать, где находится экспедиция генерала Перовского. Дошла ли она до Ак-Булака? Если дошла, то почему нет связных, которые бы сообщили, когда вывозить запасной провиант в стан войска.

Дня через три поступили вести от туркмен: все купеческие суда у Прорвинского поста вмерзли в лед, а подготовленные к отправке чувалы с пшеницей и овсом захвачены хивинцами. Они внезапно напали ночью и разграбили склад. Лазутчики вернулись со стороны Прорвы вечером, а под утро на Эмбинское укрепление напала хивинская конница. Охрана казаков заметила приближающегося противника и подняла тревогу. Гарнизон успел вооружиться и, заняв круговую оборону на каменных стенах и у ворот, встретил конных хивинцев оружейным огнем. Потеряв десятка три убитых, те спешно отступили. Днем они зашли с севера и попытались пробиться к кораблям, где пока что хранился весь провиант, но лед под лошадьми треснул и несколько всадников оказались в воде. Глубина залива небольшая — пострадавших хивинцы спасли, но все равно поняли, что по льду к судам пока что не подойти — надо ждать, пока лед как следует окрепнет. Хивинцы откатились, захватив по пути овец и верблюдов. Потянулись дни, полные тревог и опасений. Из кайсакских степей то и дело приносились вести. Осведомители — кайсаки на тощих лошадках — торопливо и бестолково называли урочища и аилы, где видели воинов Хивы. Трудно было понять, далеко или близко противник. «Ай, два-три дня пути»,— следовал обычный ответ. Эта неопределенность держала постоянно гарнизон в напряжении. Казаки, линейные солдаты и чиновники ни днем, ни ночью не оставляли без присмотра подходы к укреплению. С наступлением темноты выставлялись усиленные караулы.

Лишь в начале января прибыл из Гурьева санный обоз. Тотчас к нему приставили большую вооруженную охрану и двинулись длинной вереницей по синеватому льду к Прорве. Слева каменистые, объятые снегом берега, справа — бесконечная равнина уснувшего моря. Ни зверя, ни птицы — природа мертва. Лишь фырканье лошадей да скрип санных полозьев.

Силыч ехал в четвертых санях, в трех перед ним разместились казаки с карабинами и гранатами. Слева, теснясь к берегу, продвигался казачий отряд в сто пятьдесят сабель. Предстояло пройти сто с лишним верст. Карелин надеялся одолеть их за двое суток. Вечером остановились на отдых. Надо было накормить лошадей да и самим согреться у огня и отведать горячей пищи. Поставили палатки, разожгли костерки, хоть и знали, что огонь будет замечен издалека. Но что поделаешь? Иначе нельзя. Оцепили лагерь с трех сторон, оставили без охраны только запад. Не зайдут же хивинцы с моря! Неужели хватит у них смекалки?! Да и расстояние какое надо покрыть, чтобы незаметно подкрасться с моря! Правильно распорядились. Хивинцев вовсе не было, и никто не нарушил тревожный сон экспедиции.

Появились они к концу второго дня. Когда стало смеркаться, едущие впереди казаки увидели далеко на юге зарево. Сразу даже не поняли — что это. То ли отсветы вечернего солнца, то ли пожар. Но чему гореть? А потом на берегу показалось несколько всадников. Постояли немного, стегнули лошадей, как по команде, и скрылись в белых сумерках.

— Ну вот и пришел конец нашему покою,— сказал, слезая с саней, Силыч.— Принимай решение, господин капитан,— подсказал он ехавшему впереди офицеру.

— Думаете, хивинская разведка? — догадался тот и проворно соскочил с саней.

— Что ж тут думать. Через час-другой появятся всем отрядом. Прежде, конечно, силы взвесят: стоит ли на нас нападать?

— Смилуйся, боже, сделай так, чтобы их было вдвое меньше,— то ли шутя, то ли от страха взмолился какой-то казак.

— Но-но, ты, паникер! — повысил голос Карелин.

А пехотный капитан приказал подготовить к бою оружие и занять оборону всему обозу.

— Конных казаков отведите вон к тому утесу,— посоветовал Карелин.— Пусть будут наготове. Если понадобится, налетят с фланга. Но я не думаю, чтобы хивинцев было слишком много. Сотни три, четыре — не больше. Крупными соединениями они не ходят.

В ожидани нападения противника простояли часа два, а то и больше. Хивинцы не появлялись, и не было никаких признаков их близкого присутствия. Часть казаков выехала на каменистый берег и отправилась дозором вперед. Санный поезд двинулся дальше: становиться лагерем не было смысла. В десять вечера взошла луна, осветила ледовое пространство, и все стало видно вокруг как на ладони. И зарево словно притухло. И опять

строили догадки — что бы такое могло быть? Но уже знал Карелин — что это, и сердце его сдавливала тоска, а в голове шумело. «Сволочи,— выговаривал он про себя.— Теперь найдут на кого свалить свой позор эти Тимирязевы и Перовские!» Нет, он не боялся ни презрения вельмож, ни царского суда, хотя и видел их неизбежность: ведь впереди горели русские корабли, зазимовавшие на Прорвинском посту. Сколько их там? Четырнадцать? А сколько муки, сухарей, боеприпасов. Карелин видел иную беду, и эта беда казалась ему непоправимой. Он не сомневался, что огонь войны, вспыхнувший на восточном побережье, навсегда сожжет у кочевников веру в русскую добродетель. Нет, теперь Силычу здесь делать нечего. У него попросту не хватит сил, чтобы восстановить свой престиж. Он жалел, что не нашел духу отказаться от назначения в поход. Пусть бы осудили и расстреляли к чертовой матери, чем заслужить презрение кочевников, с которыми прожил вместе полжизни!

Санный караван продвигался вперед, но Карелин понимал, что делать на Прорве теперь нечего: пост разгромлен, суда спалены, люди побиты, а живые уведены в плен. На рассвете были замечены людские силуэты. Казаки выехали вперед и привезли четверых обмороженных музуров и купца Герасимова. Все они были изнурены до крайности и уснули, едва их уложили в сани. Напрасно Карелин тормошил Саньку, спрашивал, много ли там хивинцев: купец шевелили губами, мычал, но проснуться не мог. Тогда Карелин приказал армейскому капитану остаться с половиной солдат при обозе, а сам, взяв с собой полтораста конных казаков, выехал на каменистый берег и повел отряд на юг. Ехать здесь было еще труднее, чем по льду. Лошади то и дело проваливались по самую грудь в сугробы, спотыкались и испуганно храпели. Пришлось вновь спуститься на лед и ехать шагом. Лишь на отдельных участках, где лед припорошило снежком, лошадей пускали рысью. Часа через три приблизились к Прорве и остановились, пораженные картиной разгрома. Восемь судов догорали на белой ледяной равнине, и не было вокруг ни души. Подойти к горящим расшивам и кусовым лодкам было невозможно: лед вокруг них растопился, и в полыньях чернела вода. «Почему только восемь? — подумал с безразличием Карелин.— Где же остальные?» И когда одна из расшив, охваченная пламенем, с треском и шипением опустилась под лед — все стало понятно. Выехав на берег, казаки увидели начисто разваленную казарму и несколько трупов. Целая стая лисиц и шакалов кинулась в разные стороны со двора.

— Ох, горе-горюшко,— сказал казак, ехавший рядом с Карелиным,— мало того, что жили кое-как, но и после смерти адские мучения. Всех как одного звери и пообгрызли.

Карелин приказал закопать трупы. Казаки отыскали лом и несколько лопат, похоронили товарищей в братской могиле, дали залп и вновь сели на лошадей. С берега Карелин вновь посмотрел на сгоревшие суда — теперь их было только шесть,

остальные ушли под лед. Видимо, подо льдом был и «Святой Николай», ибо оставшиеся пока на поверхности суда ничем не напоминали шкоут Герасимова. Карелин вспомнил, что в трюмах шкоута лежали бочки с порохом и боеприпасы. Конечно же начиненный взрывчаткой шкоут, ушел на дно одним из первых.

Отряд возвращался прежней дорогой. Черный дым поднимался над Прорвинским постом и уносился по синему небу в кайсакские степи. Белые безмолвные просторы, полные угрожающей таинственности, тяготели над людским сознанием.

Санный караван пребывал на том же месте, где его оставил Карелин. Спасшиеся от жестокой смерти музуры и купец Герасимов все еще спали. Карелин распорядился устроить казакам двухчасовой отдых и двигаться назад.

Герасимов очнулся от сна вечером, в пути. Приподняв голову, повел мутными глазами и, вспомнив, что с ним произошло, порозовел лицом.

— Силыч! — слабо позвал он ехавшего рядом на коне Карелина.

— Ваше скородие! — окликнул Карелина казак.— Купец никак проснулся.

Карелин остановил коня, слез, бросил поводья казаку и сел в сани с Герасимовым.

— Вот так-то, браток, на войну ходить,— с печальной усмешкой сказал он и полез в карман за трубкой.

Герасимов вздохнул и смущенно отвернулся. На глазах его выступили крупные слезы. Какое-то время усилием воли он сдерживался, но не выдержал и зарыдал в голос.

— Силыч, милый, да что же это творится! Шкоут-то на мильон с лишним... И музуров почти всех. Что ж я бабам ихним скажу? Как оповещу о смертушке? Ведь они всех вместе с корабликом спалили!..

— Перестань, перестань, Саня,— успокоил его Карелин.

— Да уж лучше бы помереть, чем такое вынести!

— Да прекрати ты! — прикрикнул на него Карелин.— Что ты, как вдовушка, нюни распустил? Тоже мне мужик русский!

Герасимов как-то сразу стих, провел по лицу пятерней, шумно вздохнул.

Карелин достал из тулупа флягу со спиртом и подал купцу.

— На, выпей малость.— И помолчав, добавил: — Твоя беда, считай, кончилась, а моя только начинается.— Он с тоской поглядел на пустынный берег и подумал опять: «Все, господин коллежский асессор. Здесь ты в последний раз. Не осталось у тебя в этих краях друзей, ты предал их, выполняя волю своего государя. И чин тебе статского советника теперь ни к чему. Сбрось к чертовой матери форменную шинель с фуражкой, чтобы и духу в тебе чиновничьего не осталось. Подайся-ка в безвестные края да займись-ка естественными науками».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СУД

Хивинский хан прислал в Оренбург более четырехсот русских невольников. С ними возвратился и прапорщик Аитов. Посланник Хивы Ата-Нияз-Ходжа привез письмо Перовскому:

«Слово отца побед, победителей и побежденных хорезмского шаха. Повелеваем подданным нашего хорезмского повелительного двора, пребывающего в райских веселых садах, управляющим отдельными странами, начальствующим над яумудским и чаудурским туркменскими народами, всем храбрым воинам, биям и старшинам народов киргизского и каракалпакского и вообще всем блистающим в нашем царствовании доблестными подвигами, что по познании о сей нашей высокой грамоте, которая издана в лето от эры благословенного пророка нашего 1256 (мышиное) в месяце джумади-авель о том, что мы вступили с великим российским Императором в дела миролюбия, с твердым намерением искать его высокой дружбы и приязни; отныне никто не должен делать набеги на русские владения и покупать русских пленных. Если же кто в противность сего высокого повеления нашего учинит на русскую землю нападение или купит русского пленного, то не избегнет нашего ханского гнева и должного наказания, о чем и обнародывается сим всемилостивейшим нашим повелением в лето 1256 (1840)» [1].

Письмо было зачитано на главной площади Оренбурга в торжественной обстановке: гремел оркестр, и прокатывалось солдатское «ура», но все — от генерал-губернатора до последнего рядового солдата — понимали, что Россия потерпела поражение. Позорное отступление, тысячи обмороженных солдат, более десятка потопленных судов — все это не могло пройти бесследно. После того как хивинский посланник был отправлен на переговоры в Санкт-Петербург, началось неторопливое расследование. В Оренбург потянулись коляски дипкурьеров и царских комиссий. Столичные военные и чиновники заседали в штабе губернатора, вызывали на опрос «виновных», и уже в первые дни их пребывания пошли разговоры об отставках. Покинули славный град уральских казаков многие, в их числе Даль и Бларамберг. Карелин, не дожидаясь, пока его привлекут к суду, учинят расправу, подал на имя управляющего Госдепартаментом азиатских

[1] Приведен перевод фирмана хивинского хана.

дел рапорт об отставке. Тут же, не откладывая, собрался в дорогу на Иртыш. Захватил с собой гостившего у него петербургского студента натуралиста Ивана Кирилова. Ночью, прячась от посторонних глаз, выехали они в степь и подались на восток. Несколько позднее посыпались от Нессельроде письма на имя Омского генерал-губернатора: разыскать бывшего коллежского асессора Карелина и доставить его в Санкт-Петербург. Григорий Силыч узнал об этом грозном требовании и еще дальше ушел в тайгу. Там же от проводников услышал об отъезде из Оренбурга генерала Перовского и других устроителей похода...

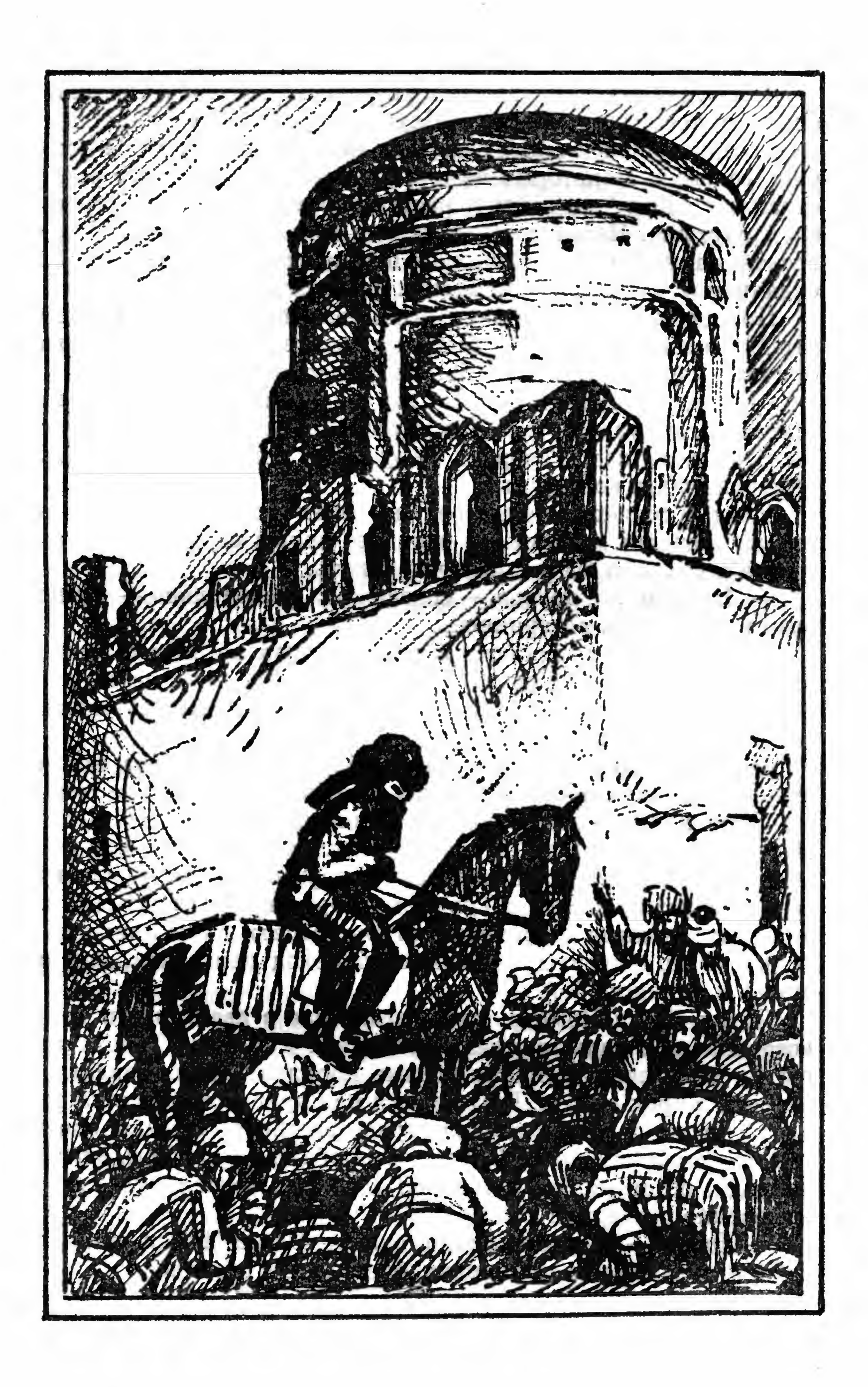
Но не «разгромом» штаба Перовского измерялось поражение России под Хивой. Отзвуки этого поражения подняли на борьбу свободолюбивых черкесов, а затем и чеченцев. Чеченские повстанцы влились в отряды Шамиля. С их помощью он одержал ряд крупных побед, занял Аварию и утвердил свою власть в значительной части Дагестана.

Постепенно вести о слабосилии урусов разнеслись по всему Ближнему Востоку и породили заодно неверие в могущество чужеземцев-англичан. Народные мстители гнали «инглизов» из своих городов и кишлаков, не давая им опомниться. В Кабуле повстанцы ворвались в крепость, схватили и убили Бернса, недавно объявившего себя губернатором столицы. Вновь зазвучало имя Дост-Мухаммеда. И тогда, узнав об успешной войне соседей, воспылал гневом против неверных эмир Бухары Насрулла. Гуламы повелителя схватили английских агентов Стотдарта и Конолли, притащили их на площадь и отрубили им головы.

Прибрежные туркмены, узнав об отступлении оренбургских казаков и крупных потерях в армии Перовского, пришли в недоумение. Не верилось, чтобы вояки Хивы, которых в хорошие времена не раз побеждали туркмены, смогли одолеть урусов. Сотни под предводительством Махтумкули-сердара, Якши-Мамеда и их соратников несколько дней еще простояли у Сарыкамыша после того, как получили известие о победе хивинцев. Думалось — это лживые вести. Наконец пришло письмо от Кията, что войны с Хива-ханом не будет, и джигиты направились к морю.

— Хай, свиноеды! — ругался Якши-Мамед.— Поистине они слабосильны и трусливы. Сколько лет воюют с Шамилем и никак не могут с ним справиться. А теперь кинулись на Хиву — и тоже убежали.

Предводители ехали вместе, все в теплых хивинских шубах и лохматых тельпеках. Под шубами, поверх халатов, были подвязаны сабли и ножи, за кушаками — пистолеты. Было морозно. Суровая зима, нагрянувшая на кайсакские степи, принесла снег и сюда. Туркменские кони, не привыкшие к такой погоде, вели себя беспокойно, спотыкались, пританцовывали и ржали, словно жаловались кому-то на свою тяжкую участь.

— До сих пор не могу себе простить,— поддержал своего младшего друга Махтумкули,—как мы позволили урусам отдать наш Гурген шаху!

— Вах, сердар, сейчас в самый раз возвратить эти земли! — откликнулся Якши-Мамед.— Неужели упустим случай?!

Беседу предводителей слышали ехавшие рядом ханы иомудских селений. Некоторые из них поддакивали и тут же распространяли хабар [1] по войску, растянувшемуся по всей Каракумской пустыне. Через день-другой на привалах, у колодцев, согреваясь в кибитках кочевников и у костров, джигиты только и судачили о возможном нападении на каджаров.

При подходе к Мисриану были замечены всадники-туркмены. Их легко узнали по чекменям и тельпекам. Когда подъехали ближе, увидели Султан-Баба. Выглядел он озабоченным.

— Сердар, плохие вести. Скот надо спасать. Каджары захватили. Как узнали они, что урусов Хива-хан разгромил, сразу на нас бросились. Говорят: «Урусы не только туркмен, но и себя защищать не могут».

Махтумкули-хан посмотрел на своих юзбаши. Глаза у них горели жаждой мщения. И если бы сейчас сердар промедлил, то они и без него бы решили, что делать.

— Ну что ж, друзья,— сказал он решительно.— Пришло время возвратить потерянное...

Через трое суток войско перешло Атрек по льду и боевыми клиньями устремилось к Кумыш-Тепе. Равнина междуречья, белая от снега и продутая каспийскими ветрами, загудела от топота тысяч копыт.

Основные конные сотни шли по берегу моря. Слева, немного отстав, двигался обоз: верблюды и арбы, нагруженные мешками. Еще левее — сотня особого назначения. Вел ее Кеймир. В этой сотне были рыбаки с Огурджинского, в основном безусая молодежь, выехавшая в поход впервые. Кеймир должен был со своей сотней выйти к Туркмено-Хорасанским горам, где паслись захваченные каджарами отары, отбить их и пригнать на Атрек. Юнцы-йигиты считали свой поход прогулкой, они рвались в настоящий бой.

Сотня Якши-Мамеда, как всегда, шла в авангарде и первой встретилась с каджарами на подступах к Кумыш-Тепе. Атрекцы на ходу перестраивали боевые порядки, чтобы ворваться в селение с трех сторон. В это время над курганом взлетела ракета, и тут же из ворот выехал отряд каджаров. Однако спеси у них хватило ненадолго. Офицер в тюрбане с султаном, ехавший впереди, остановился, приложил к глазам зрительную трубу и мгновенно развернул коня.

— Эшек,— удовлетворенно сказал Якши-Мамед, взмахнул саблей, и туркмены, улюлюкая, бросились в погоню.

---

[1] Хабар — новость.

Всадники ворвались в селение, вихрем понеслись между юрт, топча все, что попадалось под копыта коней. Загремела посуда, валились тамдыры, визжали собаки. Плач женщин и детей провожал джигитов, кинувшихся к броду, через который уже переправлялся на ту сторону Гургена каджарский отряд. Джигиты спешились и тоже открыли стрельбу по уходящим каджарам. Но преследовать их дальше Якши-Мамед не решился: можно было увлечься погоней и попасть в ловушку. Да и со стороны рабата доносились частые выстрелы. Оставшиеся там каджары оказывали отчаянное сопротивление.

Якши-Мамед повел своих джигитов к северным воротам рабата. Сюда уже подоспели другие атрекские сотни. Новые массивные ворота, окованные железом, стонали от ударов прикладами и камнями. Наконец кто-то догадался и притащил тулун с нефтью, облил их и поднес факел. Ворота вспыхнули, но из толпы скучившихся всадников закричали: «Сарай надо сжечь — там они засели!» Джигит приметил новый караван-сарай: он был высок и выглядывал из-за стен на улицу деревянной резной аркадой. Воин с факелом взобрался по лестнице и бросил факел на крышу. Вскоре она была объята пламенем. Сгорели и ворота. И в тот момент, когда они рухнули, образовав проем, со двора рабата ошалело выскочили несколько всадников и поскакали к аулу. Джигиты пустились вслед за ними, крича и хохоча, стреляя и размахивая саблями. Мамед, сын сердара, впервые участвовавший в сражении, одним из первых настиг отступающих и, обходя справа, бросил на белобородого в черном тельпеке старика аркан. Мгновение, и тот, вылетев из седла, грохнулся оземь. Мамед тут же соскочил с лошади и подбежал к пленнику.

— А, шайтан! — злорадно засмеялся юноша, заламывая ему руки и наблюдая, как ловят джигиты остальных.— Вставай, нечестивец, пойдем к хану!

Тем временем атрекцы, ворвавшись во двор рабата, порубили саблями всех, кто не успел бросить оружие и поднять руки. Затем смерч расправы переметнулся на пристань и в селение. Джигиты принялись искать ханов-предателей, которые три года назад приняли подданство шаха. Притащили одного, второго, третьего на курган, где зеленым парусом на ветру трепыхался шатер Махтумкули-хана. И тут выяснилось, что сын сердара заарканил самого Назар-Мергена, о котором так много было разговоров. Когда гургенского старшину подвели к шатру и бросили на колени, сердар кончиком кнутовища приподнял подбородок пленника и печально сказал:

— Вот и все, Назар-Мерген... А как хорошо тебе жилось, когда ты был нашим другом!

— Неужели убьешь? — глухо, с недоверием спросил Назар-Мерген, молящим взглядом уставившись на сердара, и тут увидел подъехавшего на коне зятя.

— Вах! — воскликнул тот от неожиданности и отвернулся: стыд залил лицо Якши-Мамеда.

Сердар понял состояние своего младшего друга. Немного помолчав, сказал смягченно:

— Якши, возьми его и делай с ним что хочешь. Это твой родственник. Остальные получат по заслугам.

Начался суд над изменниками. Тех, кто оказался в лагере каджаров поневоле, Махтумкули-хан велел отправить на челекенские нефтяные колодцы. Наиболее ревностных исполнителей фирманов шаха сердар приказал зарезать. Им тут же, как баранам, перерезали глотки и окровавленные трупы на арканах, привязанных к седлу, уволокли в степь на съедение шакалам. Пока продолжалась расправа, Назар-Мерген стоял на коленях. С лица его, несмотря на мороз, катился пот, а губы тряслись и что-то выговаривали, наверное, молитву о спасении. Затем его подняли, развязали руки и повели в селение. Сенем, увидев мужа во власти атрекцев, бросилась в ноги, забилась в истерике. Когда ее подняли и привели в чувство, Якши-Мамед бросил раздраженно:

— Велите слугам, Сенем-эне, чтобы складывали кибитки. Грузите все и отправляйтесь на Атрек.

Теща вновь завыла, запричитала, но теперь уже в голосе ее слышались нотки облегчения и радости. Метнувшись в большую восьмикрылую кибитку, она принялась выбрасывать наружу вещи, в то время как Назар-Мерген, ошарашенный случившимся, стоял и топтался на месте, не зная, с чего начинать. Наконец, стыдливо пряча глаза, принялся отдавать распоряжения, чтобы слуги запрягали лошадей, вьючили верблюдов. Осмелев вовсе, он сказал Якши-Мамеду, который старался не смотреть на тестя:

— Да, зятек, хорошо это ты придумал...

— Замолчи, собачья отрава! — вскричал Якши-Мамед.— Делай, что велят, да торопись, пока не передумали!

Назар-Мерген осекся, нагнул голову, а Якши-Мамед поспешил удалиться в соседний порядок кибиток. Сердар приказал гнать с Гургена всех, кто продался шаху, а старшинами назначить людей, преданных вольной Туркмении. Такие давно были у него на примете. Как только первые арбы со скарбом и разобранными кибитками двинулись по дороге на Атрек и Махтумкули-хан убедился, что к вечеру в селении не будет и духу персидского, в зеленом шатре на кургане состоялся маслахат. Вместо Назар-Мергена старшиной стал Султан-Баба. Человек уравновешенный и физически сильный, он был, однако, мягок по натуре и, понимая это, всячески отказывался от пожалованного ему титула. Сердар похлопал его по плечу и сказал, что быть старшиной — дело нехитрое. Вся и забота: когда каджары наведаются, не падать на колени, а гнать их вон. Атрекцы посмеялись и вспомнили Кеймира. И его, мол, надо бы назначить, да где он? Угнанных овец до сих пор разыскивает. Сердар подумал немного и рассудительно сказал:

— Нет, йигитлер, Кеймир как был русским старшиной на

Огурджинском, так и останется. Пока мы воюем с каджарами, урусов тревожить не надо. Придет время — их тоже от берегов погоним...— Сердар огляделся: ни один из старшин не поддержал его, все молчали. Махтумкули-хан скривил губы, вспомнил о Кияте, о письме хивинскому хану и подумал, что не следовало заговаривать об урусах. Время покажет, как с ними быть. Может, так приспичит, что и кланяться придется.

Принялись решать, как действовать дальше. И сердар, и Якши-Мамед, и другие юзбаши после захвата Кумыш-Тепе не собирались прятать сабли в ножны и возвращаться назад: с десятитысячным войском можно дойти до Тегерана. Но что даст эта, пусть даже успешная, «прогулка»? Туркмены привезут рабов, возвратят какую-то часть потерянного три года назад богатства — и только. Нет, надо навсегда возвратить Гурген и Кара-Су! Теперь оставалось вернуть потерянный престиж, и Махтумкули-хан продиктовал писцу пространное послание на имя Насер-хана — астрабадского правителя. В письме он напомнил, что сколько существует белый свет, столько живут туркмены, не подчиняясь ни одному государю: ни хивинскому, ни русскому, ни персидскому. А что касается астрабадских наместников, то на протяжении всего существования жизни на земле они платили туркменам за охрану берегов от разбойников двадцать тысяч харваров риса в год. Но вот произошло недоразумение: шах неожиданно ожесточился и больше не выплачивает им положенные двадцать тысяч харваров. «Такая обида шаха,— предупреждал Махтумкули-хан,— никуда не годится, ибо туркмены, не имея пропитания, шибко голодают. Не соизволит ли его величество, шахиншах Персии, по получении сего послания вернуть свое дружеское расположение к туркменам? А если его величество не согласится вернуться к прежним порядкам и откажется давать рис, то туркмены не станут защищать Астрабад и Мазандеран от разбойников, и тогда пусть шах винит себя и свое неразумие». Махтумкули-хан подписал письмо, поставил печатку и велел юзбаши утром двигаться на Астрабад.

Накануне выступления войска Якши-Мамед заглянул в гости к сестре Айне. Она и ее муж Аман-Назар тоже должны были покинуть Гурген и отправиться в числе изгнанных на север. Но Аман-Назар в эти дни скитался по отдаленным аулам, выполнял повеление астрабадского наместника — собирал дань для шаха и не знал о приходе атрекцев. Айна встретила брата растерянно.

— Салам, салам,— печально ответила она на его приветствие и поставила чайник с пиалой на ковер. Помолчав, упрекнула: — Значит, пришли времена: свой своего начал убивать? Вай, Якши, сколько жестокости в тебе и в твоем сердаре!

— Жестокими мы никогда не были, Айна,— ответил спокойно он.— Но и бабами не собираемся быть. Подумай сама: разве можно миловать изменников?

— Якши, братец ты мой,— усмехнулась Айна,— но ты ведь знаешь: если бы Аман не поставил подпись на фирмане, то шах отрезал бы ему голову! Если так рассуждать, то и отца нашего надо убить за связи с урусами! Больше того, ты и твой сердар ходили к хивинским владениям, чтобы помочь урусам.

— Придет время — и за русских прихвостней возьмемся,— пообещал Якши-Мамед.— Отца не тронем — слишком стар, а его прислужников, которые дастархан урусам стелют, всех перебьем.

— Хивинцев побьете, каджаров побьете, урусов побьете, а с кем же ладить будете? С кем торговать?

Якши-Мамед поморщился, отпил из пиалы глоток остывшего чаю, сказал небрежно:

— Сначала мы создадим свое единое государство, потом будем думать о торговле. Не говорят «би», пока не скажут «алиф».

— Все равно, без помощи вам не обойтись. Да только что с тобой спорить? Сам разберешься когда-нибудь. Об одном прошу тебя, Якши, сохрани жизнь Аману. Я не смогу без него... Я умру...— дрогнувшим голосом выговорила Айна и заплакала, заслонив губы руками.

— Айна, да ты что?! — испугался он.— Зачем слезы? Конечно, я не трону Амана. Может быть, он еще одумается... Может быть, из него выйдет настоящий туркмен... Главное, надо ему понять — за что боремся...

— Он все понимает, Якши,— плача отозвалась Айна.— То, что я говорю, это его слова. Он не верит в вашу силу. Он говорит, Туркмения не может стать на ноги без могучих соседей-покровителей. Или Персия, или Россия. Но мы живем под боком у Персии, потому он и согласился служить шаху.

— Он будет думать так, как думаю я, или перестанет думать совсем! — вновь ожесточился Якши-Мамед и, сухо попрощавшись, ушел.

Всю зиму войско туркмен разгуливало по астрабадским и мазандеранским берегам, почти не встречая сопротивления. Астрабадский хаким Насер-хан в паническом страхе бежал сначала в Сари, а затем в Тегеран. Те, кто не успел бежать вместе с хакимом, спрятались от карающих мечей в густых непроходимых лесах и на вершинах гор. Некоторые переправились на остров Ашир-Ада под защиту Мир-Садыка. Он давно уже соорудил здесь крепость, оснастил ее пушками и ружьями, не разрешал причаливать к острову ни русским, ни туркменским судам. Будь сейчас не зима, а лето, туркмены сели бы в киржимы и напали на Ашир-Ада. Но поскольку парусники зимовали в Гасан-кулийском заливе, остров оставался неприступным. Джигиты сожгли несколько деревень, освободили из неволи земляков и к весне возвратились на Атрек, так и не добившись главного. Завладев вновь прежними территориями на Гургене и Кара-Су,

они помнили о том, что существует фирман о границе, заключенный между русским царем и шахом. И этот фирман пугал их и настораживал: как теперь поведут себя урусы?

Якши-Мамед со своими джигитами возвратился одним из последних. Гасан-Кули с его сотнями войлочных юрт и агилов был переполнен. Всюду, куда ни посмотри, толпились и разъезжали на лошадях люди; над круглыми тамдырами курились дымки, и пахло чуреком и жареным мясом. И всюду, где собиралась хотя бы небольшая компания, слышались рассказы о походе, о стычках с каджарами. В канву о героических вылазках вплетались и невеселые нотки: кое-кто погиб или умер, а кто-то струсил и опозорил свой род. С недоумением говорили о Кеймире. Пальван со своей сотней отбил отары Кията, но потом якобы порезал всех овец. Теперь он и его люди сидели, закованные, в сенгире и ждали приезда Кията и святого ишана Мамед-Таганакази. О потере отар Якши-Мамед услышал от Хатиджи и тоже возмутился.

— Ва алла! — воскликнул он с горечью.— Но ведь в отарах и моих баранов было не менее пятисот. Значит, и они пропали?

— Пропали, мой хан,— подтвердила Хатиджа.— Всех съел этот огурджалинский пальван: и Киятовых баранов, и сердаровых баранов, и наших.

— Проклятье его роду... С ума он, что ли, сошел? Ну-ка, ханым, подай мне эту самую...— попросил он жену. И та, понимая его с полуслова, достала из сундука бутылку рома и рюмку. Якши-Мамед быстро выпил, поморщился, налил еще и сказал: — Ханым, если хоть крошечка мяса осталась после Кеймира, то дай ее сюда, или я сгорю от этой горькой отравы!

Хатиджа ответила на шутку мужа признательной улыбкой. Быстро поставив на сачак чашку с шурпой, кусочки осетрины и икру, она подсела рядом. Выпив еще, Якши-Мамед потянул ее игриво за руку и оглянулся на детскую колыбельку.

— А где же наш Муса-хан? — спросил удивленно, не понимая, как это он до сих пор не вспомнил о маленьком сыне.

— У мамы моей, не беспокойся,— успокоила Хатиджа.— Теперь и мама и отец — все живут рядом: вот мама и берет нянчить нашего сыночка.

— Где поставил кибитки твой отец?

— Рядом с кибитками Кейик-ханым,— ответила простодушно Хатиджа.— Теперь твоей матери не скучно. И моим есть с кем поговорить. Мне сказали, что ты спас отца от смерти... спасибо тебе, мой хан.

— Ладно, ханым, не будем об этом,— тяжело вздохнул Якши-Мамед и выпил опять. Он хотел вернуть потерянное вдруг веселье, но еще больше заскучал. Хатиджа брала из вазы серебряной ложечкой мед и подносила к его губам. Не сопротивляясь он глотал мед, но в глазах у него кипела горечь. Он едва сдерживался, чтобы не оттолкнуть жену.

Хатиджа постелила перину, взбила пуховую подушку и села на край постели:

— Хан мой, может быть, отдохнешь? Ты очень устал с дороги...

Вечером Якши-Мамед, навестил старую ханшу-мать. Как и предполагал, тесть оказался у нее. Крупный и костлявый, с седой запущенной бородой, сидел согнувшись над сачаком и отхлебывал из пиалы чай. Поздоровавшись, Якши-Мамед посмотрел на мать, с иронией сказал:

— Теперь тебе, мама, не скучно будет управлять государственными делами. Мой тесть подскажет тебе, как поступить с Турцией и как управлять Австрией!

— Не кощунствуй, сынок. Садись,— повелительно отозвалась Кейик-ханым.— Если б мать свою слушал, ты бы давно управлял Гургеном или Атреком. И Назар-Мергена не трогай, он не глупее тебя.

— Умный от трусости — хуже глупого,— возразил Якши-Мамед.

— Дразниться ты умеешь,— упрекнула ханша.— А уважение к старшим совсем потерял.

— Уважают не старость, а мудрость, мама,— опять возразил Якши-Мамед.— И если мой тесть мудр, то пусть хоть слово сам за себя скажет.

Назар-Мерген насмешливо вскинул брови, разгладил бороду:

— Мудрость в молчании, зятек, и в умении переварить услышанное.

— Ну что ж, тогда переваривай,— зло засмеялся Якши-Мамед.— Даем тебе срок — неделю: если не отречешься от персов и не дашь клятву на верность вольной Туркмении,— пожалеешь.

— О какой вольной Туркмении говоришь, зятек? — не понял Назар-Мерген.

— О той самой, которая не подчиняется ни Персии, ни России, ни Хиве,— уточнил Якши-Мамед.— Каждого, кто будет прислуживать каджарам, ожидает смерть. Подумай, дорогой тесть, и не забудь, что у тебя есть дочь и внук. Не черни их своим позором.

— Подумаю,— хмуро согласился Назар-Мерген.— При связанных руках остаются свободными и вольными только мысли, подумаю...

Якши-Мамед попрощался и ушел.

Утром в Гасан-Кули приплыли на киржиме Кият-хан, ишан, Кадыр-Мамед и вся челекенская и дарджинская знать. По обычаю, патриарху подали коня, проводили от Чагылской косы до его родового порядка кибиток, где жили Кейик-ханым, Якши-Мамед с женами, где стояли опустевшие юрты Кадыра, поскольку в последнее время он занимался челекенской нефтью и не заглядывал на Атрек; где теперь поселились старшая дочь Айна с мужем и Назар-Мерген — злейший враг Кият-хана. Подъехав

к кибиткам, патриарх неторопливо, словно боясь ступить на землю, слез с коня, подождал, пока ему подадут трость, затем, тяжело опираясь на нее, шагнул вперед. Средний сын шел рядом, хмурясь и величественно распрямляя плечи и задирая голову.

— Вон они, отец, посмотри,— указал Кадыр на столпившуюся возле большой белой кибитки семью Назар-Мергена.

— Вижу,— тихонько отозвался Кият и сказал ишану: — Мамед-Таган, это то самое отродье изменников и негодяев. Поставили юрты, живут и горя не знают.

— Мы все видим, яшули,— ответил тот, не удостоив вниманием гургенцев.— Но давайте немного отдохнем и насытим свои желудки, а потом приступим к делу. Всемилостивый всевышний, дай им удвоенное наказание и прокляни великим проклятием!..

Патриарх и ишан скрылись в кибитке. Стража стала у входа. Захлопотали у тамдыра и котла служанки. Кое-кто из гасанкулийцев попытался войти к Кияту, но старец никого к себе не впустил. Он послал за Махтумкули-сердаром и Якши-Мамедом. Оба пришли, но не сразу и будто бы нехотя. И если б не потеря нескольких отар овец, половина которых им принадлежала, может быть, и не пришли бы вовсе. Впрочем, была и другая причина: обоим хотелось знать — как отнеслись царь и командующий Кавказа к нападению атрекцев на астрабадские берега. Кият ответил, что, по воле всевышнего, русские закрыли глаза на происходящее, ибо им сейчас не до этого; похвалил самого сердара и его джигитов и, мучимый жаждой мести к отступникам-гургенцам, сказал:

— Махтумкули, этого шайтана, Назар-Мергена, отправим ко мне на колодцы. Я закую его в цепи...

Якши-Мамед побледнел, вспомнив о Хатидже, и тревожными глазами посмотрел на сердара. Но Кият, поймав его взгляд, с беспощадностью выговорил:

— Зятя моего, Аман-Назара,— тоже на колодцы. Так решили волею всевышнего старшины. Предателям на чистых священных землях туркмен нет места. А теперь ведите этих... пожирателей прахов. Сначала они сняли шерсть, а теперь добрались и до мяса. Проклятье!

Патриарх только высказал повеление, а нукеры уже сели на коней и поскакали на край селения, к сенгирям.

Тем временем у кибиток слуги и батраки расстилали кошмы и бережно очищали коврик, на котором будет восседать ишан. Появились джигиты на конях, ведя Кеймира и его людей. Их было не менее пятидесяти человек, все со связанными руками и грязные, словно возвратившиеся от самого шайтана.

— Зачем привели всех? — недовольно спросил Кият.— Уведите назад и оставьте одного. Участь Кеймира разделят и его сообщники.

Кадыр-Мамед быстро передал распоряжение, и те погнали их опять к сенгирю. Кеймира поставили на колени перед кибиткой. Со связанными за спиной руками, он гордо смотрел на Кията и его приспешников. Толпа, заняв места на кошмах и вокруг, с любопытством взирала на него. Легкий ропот осуждения доносился до Кеймира:

— Хай, дурак, связался с урусами, теперь всех туркменских баранов поел...

— Плохо, значит, кормят урусы... Значит, у них тоже несладко...

Ропот и разговоры прекратились, как только вышел из кибитки ишан. Опустившись на колени, он призвал правоверных к молитве, затем, после возвеличивания аллаха, приступил к делу:

— Расскажите, уважаемый, зачем вы съели всех овец, принадлежащих не вам и не вашим родственникам?

— Ишан-ага, назовите сначала число съеденных овец,— попросил Махтумкули-хан.

Ишан на мгновение растерялся, ибо не знал, сколько потеряно овец, но тут же нашелся и спросил:

— Кият-ага, сколько было у вас?

— Двадцать тысяч, ишан-ага,— ответил недовольно старец.

— Сколько у вас, сердар?

— Тоже двадцать тысяч. Все как на подбор: нестриженные и упитанные.

— У вас, Якши-Мамед-хан?

— Ай, штук пятьсот было,— ответил Якши и залился краской стыда, ибо всегда считал Кеймира своим товарищем, хотя и возвышал себя над ним.— Что-то не верю, чтобы пальван сделал такое,— тут же усомнился он.

— У вас, Кадыр-Мамед?

— Три тысячи, ишан-ага, если не больше...

Когда опрос был окончен, ишан позвал к себе помощника писца, и тот с помощью калама и чернил подсчитал, а ишан объявил:

— Уважаемые, по нашим сведениям, Кеймир и его люди уничтожили около ста тысяч баранов!

Толпа пришла в неописуемый восторг: «Как это могли огурджали проглотить сто тысяч овец?» Видя, что грозное судилище может превратиться в забавное увеселение, ишан принялся призывать народ к порядку. Когда все опять успокоились, он спросил:

— Уважаемый Кеймир Веллек-оглы, согласны ли вы с тем, что в отарах было сто тысяч овец?

— Согласен, святой ишан,— громко отозвался Кеймир.

И толпа опять загудела, не видя в ответе пальвана и капельки правды.

— Тогда позвольте вас спросить, уважаемый, как вы смогли съесть столько овец? — спросил ишан.

— Эй, ишан-ага! — недовольно крикнул Кият.— Задавайте надлежащие вопросы. Зачем спрашивать глупости! Пусть Кеймир расскажет все как было.

— Хан-ага, ты лучше меня знаешь, как было! — также громко ответил Кеймир.— Если и не стало твоих баранов, то это сделано во имя того, чтобы ты не остался без мяса.

И опять в толпе зароптали:

— Вах, сам шайтан не разберется что к чему. Оказывается, пальван съел всех баранов, чтобы Кият-ага не остался без мяса!

Кеймир, все больше сердясь на беспонятливых атрекцев, принялся рассказывать:

— Когда мы отбили всех наших овец, отряд каджаров ускакал за помощью. Мы тогда посовещались и решили поскорее гнать отары на Атрек. Вот и погнали отары, достигли кишлака Берестан и расположились на ночлег. Все было, как у аллаха, никакой опасности, и вдруг налетел ветер и пошел снег. Утром все пастбища покрылись на целую четверть снегом. Что делать? Назад гнать отары — значит вновь отдать их каджарам, и на месте оставаться нельзя — подохнут овцы от бескормицы. Стали молить аллаха, чтобы послал тепло и солнце, а этот...— Кеймир кивнул на небо, испугался собственного жеста и заключил: — В общем, ни тепла, ни солнца не было несколько дней, все время шел снег — такого в наших местах никогда не бывало, сами знаете...

Народ задвигался, заговорил — теперь уже в пользу пальвана:

— В самом деле: никогда такой зимы прежде не видели. На что урусы снега не боятся, и те не выдержали, убежали из кайсакских степей.

— И верблюдов у них подохло от бескормицы не меньше, чем овец у наших ханов и баев!

— Тише, тише, уважаемые,— опять призвал к спокойствию ишан и посмотрел на Кеймира: — Продолжайте, уважаемый.

— Ай, зачем продолжать,— отмахнулся пальван.— Бараны начали дохнуть сотнями, тысячами. Тогда мы разожгли огонь, поставили все казаны, сколько было, и начали жарить овец. Двести тулунов жареного мяса с помощью всевышнего удалось привезти!

— Ай, молодец! Ай, пальван! — послышались одобрительные выкрики.

— Где это мясо? — спросил ишан.

— Это мясо, ишан-ага, растащили нукеры, когда Махтумкули-хан приказал нас схватить и бросить в сенгирь.

— Какие нукеры, покажите их нам!

— Пусть сами скажут,— со злостью отозвался Кеймир.— Я не заглядывал им в лица!

— Это не оправдывает вас, уважаемый,— сказал со вздохом Мамед-Таган-кази и удалился в кибитку, чтобы принять решение.

Возбужденный народ шумно переговаривался, кто-то побранивал Кеймира, кто-то поругивал богачей, и все ждали, что решение будет справедливым. И вновь все притихли. Вышел из кибитки ишан и объявил:

— Волей всевышнего, единственного и праведного повелеваем: пальвана Кеймир Веллек-оглы из племени огурджали считать виновным в том, что, претерпевая страх перед нечестивыми каджарами, угнал он сто тысяч овец с травянистых пастбищ, загнал их в снег на бескормицу, а равно и на гибель. Именем аллаха и нашей милостью определено: Кеймира Веллек-оглы и всех его людей, бывших с ним и допустивших потерю отар, отправить на пожизненную работу у нефтяных колодцев и в солеломни острова Челекен. С соизволения всевышнего, нами сказано все. Аминь.

В толпе тоже произнесли «аминь», но далеко не все. Поднялся ропот и угрозы, и сразу же заработали локтями, расталкивая толпу и усмиряя недовольным плетками, Киятовы нукеры. На помощь им поспешили джигиты Махтумкули-хана, а затем и Якши-Мамеда. Спустя час в разбушевавшемся Гасан-Кули все было спокойно. Люди молчаливо провожали Кеймира и его сообщников; их повели под многочисленной охраной на север.

В тот же день были связаны «дорогие родственники» Кията — гургенские ханы. Кадыр-Мамед с десятком джигитов ворвался в кибитку Назар-Мергена, приказал взять его и вести к морю. Хатиджа была в гостях у отца. Возмущенная насилием, она встала между отцом и деверем, но Кадыр не внял ее мольбам. Хатиджа плача бросилась к своим кибиткам, надеясь найти защиту у Якши-Мамеда, но его не оказалось дома... По соседству заплакала Айна.

Плач женщин долго разносился над селением: до тех пор, пока парусник не скрылся в туманной синеве моря.

В МОРЕ БЛИЗ ЧЕЛЕКЕНА

С тех пор как русские власти оттеснили купца Мир-Багирова в астрабадские воды, корабли его ни разу не появлялись у берегов Челекена. Проходили они вдали от острова, едва различимые на горизонте. Никто их не замечал. И в этот день бриг «Святая Екатерина» проскользил в морской синеве незамеченным. Обогнув Красную косу, он вышел к Кара-Богаз-Голу и бросил якорь против обители Сорока дервишей. Это была небольшая каменная крепостца, стояла она в трех фарсахах от берега и видна была с моря лишь в хорошую погоду, да и то в зрительную трубу.

Обитатели крепости называли себя святыми дервишами, что не мешало им заниматься морским разбоем. Не приведи бог, если какой-нибудь корабль натыкался на мель или терпел бедствие в штормовую погоду. Дервиши с молниеносной быстротой садились в лодки, которые всегда стояли наготове, и спешили к

добыче. Двадцать лет назад они разграбили русский шкоут «Святитель Иоанн». Кият-хану тогда с трудом удалось спасти нескольких российских моряков. Зазевавшиеся астраханские рыбаки тоже не раз попадали в лапы дервишей. Кто бы к ним ни попадал, всех они спешили отправить на рынок в Хиву, чтобы получить за невольников хорошие деньги. Изредка к ним обращались за помощью: просили учинить расправу или совершить поджог, выкрасть сети. Такое они тоже выполняли с превеликой охотой. Не без их помощи были сожжены хивинцами у Прорвы купеческие парусники, попавшие в ледяной плен.

Сейчас, после поражения русских, они вели себя особенно вольно. Михайла Герасимов вовсе не водил свои корабли вдоль восточного берега — побаивался налета. Да и Мир-Багиров, убрав паруса, пустил свой бриг в дрейф, побоялся стать на якорь.

Хозяев обители ждать пришлось недолго. Сначала появился всадник на коне, часа через два прискакал к морю целый отряд. Боясь, как бы дервиши сгоряча не напали на корабль, Мир-Багиров велел выстрелить из пушки. Одиночный выстрел означал, что купец прибыл по делу и просит к себе на корабль парламентера. Спустя час к «Святой Екатерине» подошел баркас, в котором сидело с десяток вооруженных винтовками и кинжалами мусульман. Но и здесь Мир-Багиров проявил осторожность. В белом плаще-аба и войлочной кавказской шляпе он подошел к борту и спросил:

— Есть ли среди вас Ораз-Мамед?

Ему ответили, что Ораз-Мамед-хан в лодку никогда не садится, а восседает на ковре в крепости: все дела вершат его доверенные люди.

— Тогда, кто из вас старший, пусть поднимется ко мне один,— попросил Мир-Багиров.

Дервиши посмеялись над трусостью бека, однако желание его выполнили. На палубу поднялся сутулый одноглазый старик в стареньком халате и чалме. Встретив его, Мир-Багиров велел музурам проводить гостя в кают-компанию и следом направился сам. Усадив дервиша на ковер, спросил:

— С кем имею честь беседовать?

— Я — Али-Бакар,— ответил тот с некоторым превосходством.— Меня знают все, и я всех знаю...

— Тогда, дорогой Али-Бакар, вы должны знать и обо мне, и о моем брате, который посоветовал мне обратиться к вам за помощью.

— Аллах всевидящ, и мы тоже знаем, кому принадлежит этот корабль,— ответил дервиш и продолжал: — Слышали мы также, уважаемый Багир-бек, и о вашей тяжбе с русским купцом. Может быть, «забота» об этом урусе и привела вас к нам?

— Святая правда, дорогой Али-Бакар.

Мир-Багиров открыл металлический сейф, стоящий в углу каюты, и достал из него кожаный мешочек с золотом.

— Вот задаток,— сказал он, сунув его в руки дервишу.— Сделайте так, чтобы русских купцов у Челекена и Атрека никогда больше не было. Если выполните, получите еще вдесятеро больше.

— Машалла! — воскликнул радостно по-персидски Али-Бакар.

— Ораз-Мамеду отвесьте за меня поклон и уверьте его в моем авторитетном обещании.

— Сделаем, уважаемый бек... Сделаем... Все в наших руках,— подобострастно заговорил и закивал гость и поспешно удалился из каюты. Тут же он сел в баркас, и дервиши поплыли к берегу...

Через несколько дней гости из крепости Сорока дервишей причалили к Челекену. Небольшой парусник, вроде киржима, но совершеннее по устройству (такие парусники теперь называли «ноу», что значит «новый» или «новинка»), легко, словно на крыльях, влетел в Карагельский залив. На белом полотне паруса четко выделялся священный полумесяц.

Ноу еще не причалил к берегу, а Кияту уже доложили о прибытии гостей. Патриарх вышел из кибитки недовольный и тотчас сказал слуге:

— Атеке, позови Кадыра.

— Будет сделано, хан-ага!

— Тувак-джан,— позвал он жену.— Гости ко мне, надо принять как подобает.

— Примем, мой хан, гостям мы всегда рады,— вежливо отозвалась Тувак, и Кият с тревогой в какой раз подумал: «Что-то она стала мне льстить? Не к добру это!»

На берегу гостей встретили нукеры хана, проводили до самой кибитки. Кият поприветствовал всех, но впустил к себе лишь одного Али-Бакара. Вкрадчиво, заглядывая друг другу в глаза, поговорили о здоровье, о житье-бытье и прибылях, и уже во время трапезы гость спросил:

— Хан-ага, достопочтенный наш Ораз-Мамед хочет знать, как ты теперь относишься к урусам? После того как Хива-хан прогнал их на Яик, порядок на нашем берегу изменился.

Кият-хан вскинул седые кустистые брови:

— Больших перемен не вижу, а если и есть они, то все делается в пользу урусов. Есть сведения, уважаемый, что оренбургский губернатор послал в Хиву своего человека, а тот вручил Аллакули-хану фирман о том, что русские все побережье от Мангышлака до Астрабадских гор берут под свое покровительство.

— Да, это так, хан-ага,— усмехнулся Али-Бакар.— Но разве вы не знаете, чем кончилась встреча русского посланника с Хива-ханом? Аллакули осказал: «Все земли от Эмбы до Астрабада принадлежали и будут принадлежать Хиве!»

— О таком мы пока не слышали.

— Услышите, хан-ага... Правдивые вести — не овцы, в пути не заблудятся.

— Говорите, что хочет от меня Ораз-Мамед?

— Хан-ага, наш Ораз-Мамед ныне хочет напомнить вам, что за долгие годы вашего с ним знакомства он много вам делал хорошего и теперь просит об услуге.

— Что хочет от меня Ораз-Мамед? — Кият прищурился и затаил дыхание.

— Вам, хан-ага, следует прогнать с Челекена и Атрека русских купцов и никогда не подпускать их к себе.

— Хай, дурак! — выругался по-русски патриарх и засмеялся сухо с хрипотцой.— Ваш Ораз-Мамед как был подпаском, так им и останется, хотя и дожил до звания хана.

— Ты звал меня, отец? — входя в юрту, спросил Кадыр-Мамед.

— Звал, заходи. Вот гость к нам из дервишской крепости пожаловал. Просит прогнать урусов...

Кадыр брезгливо выпятил губу и осуждающе посмотрел на отца.

— Вы говорите об этом так, словно у гостя перестала доиться верблюдица и он приехал к нам за чашкой чала. Может быть, гость шутит?

— Нет, сынок, не шутит. С некоторых пор эти дервиши русских за людей перестали считать.

— Хан-ага,— совестливо взмолился девиш,— если не можете выполнить просьбу Ораз-Мамеда, зачем измываться над ним?

— Просьба его в моих ушах звучит оскорблением,— обиженно пояснил Кият.— И я еще раз напоминаю вам, уважаемый Али-Бакар, что в голове вашего Ораз-Мамеда мозги подпаска.

— Ай, отец, не говорите о том, чего у него совсем нет! — раздраженно бросил Кадыр-Мамед.— Он и все его дервиши даже не понимают, какие дела у нас с русскими.

— Поистине это так,— согласился Кият, взял шкатулку и достал бумаги, исписанные красными чернилами.— Вот в этих талагах,— пояснил он,— судьба всего племени иомуд. Астраханский купец в прошлом году вывез от нас семьдесят тысяч тулунов нефти и заплатил товарами на девяносто тысяч персидских риалов. Соли продано купцу более трехсот киржимов, по двенадцать русских копеек за один пуд. Не буду тебе, Али-Бакар, говорить о рыбе, об икре и рыбьем клее, о лебяжьем пухе, тюленьем жире, о шерсти и коврах... Скажу тебе, Али-Бакар: ни Хива, ни Персия не смогли бы закупить у нас столько товаров. Еще скажу тебе, Али-Бакар: торговля между нами и астраханскими купцами скоро расширится вдвое, втрое...

— Да, хан-ага, размах у вас очень большой,— удивился дервиш, почесывая кулаком пустую глазницу.— А какие товары дают вам урусы?

— Любые, уважаемый...— Старец задумался, припоминая, что получено от Михайлы Герасимова в последний его приезд.

Кадыр-Мамед напомнил:

— Мука, рис — само собой. А помимо этого — сукно и дра-

дедам, бархат, ситец, нанка, китайка, кисея, миткаль, платки, кожа, железо... Еще называть?

— Не надо, уважаемый,— приподнял руку Али-Бакар и спросил: — Значит, железо тоже привозят?

— А как же! И железо, и чугун, и медь — все получаем от Михайлы.

— Да, хорошо вам. Хорошо торгуете... А когда этот купец приплывет?

— Скоро, уважаемый... Ждем со дня на день.

Кият-хан слушал, как похваляется торговлей с русскими сын, и горделиво поглаживал бороду. Затем сказал:

— Так что, дорогой Али-Бакар, передайте своему хану: выполнить его просьбу невозможно. Наоборот, если русских купцов обидят, все поднимемся защищать их...

Гость вышел из кибитки патриарха к вечеру, предупредив, что пробудет на острове еще несколько дней, надо, мол, ему побывать у Булата, у Мирриша. На закате солнца Али-Бакар со своими дервишами подняли парус и подались к южной оконечности Челекена, к кочевью Булата...

Солнце у Челекена всходило рано. Золотой белугой всплывало оно из каспийских вод, показывало округлую спинку и обжигало серые волны желтыми лучами. Говорят, вместе с солнцем пробуждается жизнь. Но нет, жизнь на Челекене пробуждалась задолго до восхода. Как только в разбросанных по острову кочевьях начинали перекликаться азанчи, призывая правоверных на молитву, с обеих сторон возвышенности Чохрак тянулись к нефтяным колодцам батраки и невольники. Три тысячи колодцев — это значит не менее трех тысяч батраков! Много, что и говорить. Потому-то и сгонял Кият-хан на свои промыслы людей отовсюду, любого провинившегося посылал на колодцы, но людей все равно не хватало.

Осужденных — Кеймира, Назар-Мергена, Аман-Назара и других — разместили севернее аула Карагель, за кладбищем. Здесь было особенно много нефтяных колодцев, и нефть в них сверкала слитками серебра. Нефть эта — пырдюм — в отличие от простой, черной и жидкой, отличалась тем, что была совершенно чистой, без всяких примесей, бесцветной, с фиолетовым оттенком, и в смешении с водой хорошо горела. Колодцы «пырдюм» принадлежали только Кият-хану и его сыновьям, и работало на них не менее тысячи невольников всех мастей и вероисповеданий, кроме христиан, которых Кият, из преданности и уважения к русским, на острове не держал. Жили невольники в землянках, в виде пещер. У каждого на ногах цепи. Ночью нукеры загоняли их в пещеры, приковывая концами цепей к огромным бревнам или тяжелым якорям. Прямо у входа в пещеру, где ночевали Кеймир и с десяток других огурджалинцев,

валялся огромный якорь. Был он так тяжел, что сдвинуть его с места и десятерым не под силу...

В тот памятный для Кеймира день невольники ставили оголовки на колодцах. Работа, что и говорить, опасная: чуть поскользнулся — и пропал. Черная пасть колодца, словно пасть дракона, подстерегала невольников. А они, выпачканные с головы до ног нефтью, на веревках опускались в эту пасть, крепили стенки и поднимались вверх на свежий воздух с помутившимися глазами, качаясь и держась за голову. Едва укрепили берега и стенки колодцев, начали вычерпывать нефть. Недавно Киятовы люди привезли из Баку большие конусообразные ведра: теперь их привязывали к веревкам вместо бывших кожаных и бросали на дно. Наполненное нефтью ведро весило фунтов тридцать, и с ним мог управляться один добытчик, так что на каждом колодце работало по одному невольнику. Несколько нукеров-надсмотрщиков не сводили глаз с невольников. Как только кто-нибудь садился в изнеможении на землю, нукеры поднимали его с помощью кнутов.

Рядом проходила дорога, вдалеке виднелось селение Карагель, где дымились тамдыры и пеклись чуреки, оттуда долетал запах жареного мяса, и невольники с жадностью поглядывали в ту сторону, испытывая неутолимый голод. Думая о еде и бессмысленно делая работу, все вдруг распрямились, когда увидели, как по дороге от Карагеля движется черная арба.

— Вай, шайтанье отродье, что же это такое?! — испуганно пробормотал Назар-Мерген.— Неужто в такой «посуде» хоронить несут?

— Это кавказский фаэтон,— пояснил Кеймир.— Мой купец, Михайла, хану из Баку привез.— Втайне он подумал: «Эх, если б Михайла узнал о моей злой участи! Неужели не спас бы?»

Коляска приближалась быстро. Пыль поднималась из-под колес и оседала на бугорки могил. Две норовистые лошади несли эту черную заморскую арбу. Когда коляска приблизилась, все увидели на ней слугу патриарха, вездесущего Атеке.

— Хов, Атеке! — окликнул Кеймир.— Остановись, скажу что-то!

Старенький слуга Кията лишь глаза скосил да вожжами дернул: ему ли разговаривать с нечестивцами! И не остановился бы, если б не сидящие в коляске две женщины. В одной из них Кеймир сразу узнал свою бывшую невесту, а теперь младшую жену Кията — Тувак. Другая была ее служанкой. Тувак что-то тихонько сказала спутнице, и та дернула за плечо Атеке.

— Что скажешь, пальван? — недовольно проворчал слуга.— Разве не видишь — ханым едет к своему отцу. Дело у нее, а ты встал поперек дороги!

Кеймир стесненно опустил глаза, но успел заметить, как вспыхнули у Тувак щеки и какая жалость появилась в ее глазах.

— Атеке,— хмуро проговорил Кеймир,— напомни обо мне, когда Михайла приедет. Скажи ему, где я.

— Вах, пальван, не проси о невозможном! — с досадой отозвался слуга и оглянулся на женщин, которые вновь заговорили с ним. Выслушав их, он стыдливо посмотрел на лошадей и сказал Кеймиру: — Пальван, считай, что птица Хумай на твоей голове,— ханым выручит тебя.— Он дернул вожжи, и коляска унеслась, оставив облачко пыли.

День, другой, третий Кеймир только и думал о том, что вот сейчас придут люди Кията и скажут: «Ладно, пальван, снимай с себя цепи и отправляйся на свой Огурджинский!» Но ничего такого не произошло. Кеймир стал теперь думать не о себе, а о Тувак: «Бедняжка, может быть, она сказала хану обо мне, а он ее не послушал!» Он вспомнил свою молодость и ее, миловидную девушку с двумя черными косами и в шапочке с зеленым птичьим пером. Вспомнил, как сватался к ней, как обманул его Булат, отобрав все, что было у пальвана. Вспомнил, как на киржимах приехали за невестой люди Кията, как он, отчаявшись, хотел утопить свою пленницу Лейлу. И сейчас, произнеся про себя имя жены, он почувствовал такую боль на душе, такую тоску, что даже застонал. «Хоть бы Веллек уберег ее, не дал в обиду! Аллах, спаси их, невинных, не дай им умереть!»

Ханшу Тувак после той нечаянной встречи с Кеймиром словно подменили. Стала она рассеянной и невнимательной. С Киятом разговаривала очень вежливо, но почти не слышала его слов и не запоминала его просьб. Иногда преданная служанка Бике легонько упрекала свою ханым, боялась, как бы хан не прогневался. А Тувак, покусывая полные губы, махала отчаянно рукой:

— Ай, Бике, не все ли равно. Что мне от этой постылой жизни!

После встречи с Кеймиром Тувак сразу же решила: «Освобожу его от цепей!» Возвратясь домой, она хотела попросить об этом Кията, но какая-то тайная, скрытая сила удержала ее. Ум всегда вступает в противоборство с чувствами; вот и сейчас, опасаясь, как бы не испортить дело, Тувак решила обойтись без помощи Кията.

Пролежав почти весь день на ковре и жалуясь на головную боль, Тувак-ханым вспомнила былое: встречи с Кеймиром, их разговоры. Это было истинное счастье, и сейчас Тувак не променяла бы те минуты молодости на долгие годы тяжкого замужества. Что познала она с этим стариком Киятом? Сладкие муки любви? Нет! Она его никогда не любила. Лишь была благодарна за то, что он подарил ей счастье быть матерью. Но, родив сына, Тувак совсем оттолкнула мужа... Да и не нуждался он, старый и немощный, в ее женских ласках. В роскоши одежд и золотых безделушек она давно похоронила и любовь к Кеймиру. И сей-

час мучилась не оттого, что он был ей нужен. Врожденное благородство и память о прошлом, которое было так дорого, взбунтовали лучшие чувства женщины...

Дня через три после встречи у колодцев Тувак сказала служанке:

— Бике, узнай, кто караулит его и как его можно спасти.

Кого она имела в виду — обе понимали без слов.

Еще через день Бике сообщила:

— Ханым, спасти его так, чтобы не узнал Кият-ага, невозможно. На всех цепях замки. А ключи от этих замков у главного нукера, Черкеза.

— Где живет этот Черкез?

— Тут, поблизости, ханым. Ночью он держит ключи у себя в железном ящике, а утром выдает надсмотрщикам. Боюсь, ханым, он не захочет отпустить Кеймира.

— Надо что-то придумать, Бике,— в отчаянии проговорила Тувак.— Пойми, милая, у меня сейчас такое чувство, будто посадили на цепь мою совесть.

— Я подумаю, ханым,— растерянно пообещала служанка.— Но я не знаю, ханым, найду ли я ума больше того, что есть у меня в голове.

— Вечерком зайдешь, поговорим еще,— попросила Тувак.— А пока иди.

Едва женщины расстались, как на дворе послышались возбужденные голоса слуг. Похоже, что кто-то пожаловал к Кияту в гости. Ханым выглянула из кибитки и увидела в заливе небольшой русский корабль. Купец Михайла с несколькими музурами поднимался сюда, к Киятовым юртам. Целая толпа челекенцев сопровождала его, забегая вперед и расспрашивая о том о сем, но купец был хмур, сосредоточен и шагал так быстро, что туркмены едва успевали за ним. Кият, как всегда, встречал гостя у входа в белую юрту.

— Тувак-джан, поторопитесь с обедом, гость к нам! — крикнул он.

— Я вижу, хан-ага! Сейчас все сделаю!

Михайла был в войлочной шляпе, в парусиновой куртке и брезентовых сапогах. Лицо, задубленное морскими ветрами, казалось состарившимся, и глаза словно пожелтели от яркого туркменского солнца.

— Здорово, яшули,— проговорил он.— Как живешь-можешь?

— Доживаем кое-как,— отозвался в тон ему патриарх.— Почему невесел: случилось что-нибудь? Дома все в порядке? Отец жив?

— Жив...

— Санька где, почему не едет?

— В Нижнем последние годы торгует.

— А где твой большой парусник? Почему на пакетботе приплыл?

— «Астрахань» отправил в Гасан-Кули за рыбой, а на этой свиристелке к тебе вот приплыл.

Разговаривая, они разулись, помыли руки и вошли в кибитку. Кият сам взял шест и отодвинул на куполе серпик, чтобы было светлее.

— Какие новости? — спросил Кият.

— Да какие могут быть у нас новости? — усмехнулся Михайла.— Самые последние такие... Приезжаю на Огурджинский, а мне говорят: всех огурджали с острова Кият угнал к себе и посадил на цепь. Вот и пришлось мне наведаться сюда. Правду говорят люди или врут?

— Правду говорят,— ответил неохотно патриарх.— Божий суд и наш ишан определили до конца своих дней сидеть им на моих колодцах. Но я полагаю так: если б у каждого из них было двадцать жизней, то и тогда бы они не выплатили того, что у меня взяли! Чуть не сто тысяч баранов погубили нечестивцы.

— Да, хан-ага, неладно у тебя получилось,— посочувствовал Михайла.— Но ведь и мне на Огурджинском невозможно без людей. Они у меня всю черную работу делали.

— Они заслужили наказание.— Кият недовольно потеребил бороду.

Михайла понял старца, но отступать не собирался. Наоборот, придвинулся поближе, покачал головой:

— Как же так, яшули? Дарите остров вместе с людьми, я их считаю своими, жалованье им выдаю, а вы судите их по своей воле и сажаете на свои колодцы!

— Ишан-ага, милостью аллаха, определил...— начал было Кият, но Михайла прервал его:

— Нет, ты погоди, яшули. Ты скажи — был такой договор, что с островом Огурджинским и людей, живущих на нем, отдаешь мне?

— Был, был,— нетерпеливо отозвался Кият.— Да только люди эти подлыми нечестивцами оказались.

— Хан-ага! — опять возмутился Михайла.— А кто тебе дал право взять их и послать на войну? Если бы ты не угнал их на Атрек и не отправил в поход против каджаров, то они и овец бы твоих не тронули!

— Разве я их взял? — не сдавался Кият.

— Не ты, так твои сыновья. Так что, яшули, давай не упорствуй. Завтра же веди на пакетботик всех моих людей, и я отвезу их к себе на Огурджинский...

Михайла обиженно замолчал, чай даже перестал пить и к еде не притронулся.

Кият, потчуя его и уговаривая, чтобы не обижался по пустякам, думал: «Прав он, прав. Ему теперь огурджали принадлежат».

— Хан-ага,— предложил Михайла.— Давай так: чтобы мне было спокойно и тебе тоже,— напишем бумагу о том, что все

огурджинские числятся за мной и только я один могу ими распоряжаться, как захочу.

— Атеке! — громко крикнул старец.— Приведи Абдуллу, пусть возьмет с собой калам с чернильницей и бумагу!

Абдулла вскоре явился. Сел в сторонке, приготовился к делу.

Михайла, не зная, сколько человек с Огурджинского у хана, задумался немного и неуверенно спросил:

— Кроме Киймира, кто еще у тебя, яшули?

— А откуда ты взял, что Киймир у меня? — притворно удивился Кият.

— Ты думаешь, хан-ага, кроме тебя, никто ничего не знает! Сын его, Веллек, на пакетботе сидит, ждет не дождется, когда отца его приведу. Так кто еще, хан-ага?

— Давай пиши, Абдулла,— старец кивнул слуге.

Записали двенадцать человек.

— Ну вот, хан-ага, это по-нашему,— обрадовался купец.— Завтра же утречком пусть твои нукеры приведут всех ко мне на пакетбот. А теперь и о торговых делах можно побалакать. Сказывай, сколько тулунов приготовил этой самой пырдюм? — Михайла озорно засмеялся.— Ну и словечки у вас, яшули! Не могли по-иному, что ли, эту первосортную нефть назвать!

Ночевал гость тут же, в белой патриаршей юрте. Ночью просыпался и слышал в темноте, как тяжело, беспокойно ворочается Кият. Думал с сожалением: «Надо было податься на пакетбот, пусть бы хан со своей Тувак спал. А то вишь — как без нее сопит, а она в другой юрте — со служанкой». Отдаленные выстрелы, блеянье овец, лай собак и ишачий рев долго не давали ему уснуть. Лишь далеко за полночь забылся в глубоком сне. И проснулся от тревожных голосов на дворе. Сбросив с себя одеяло, надел сапоги, выскочил наружу.

Около пристани толпился народ. Михайла увидел в толпе растерянного Веллека.

— Люди говорят, отец мой убежал... Врут они! Хан не хочет отдать его. Урус-хан, выручи отца!

Кият тоже был здесь. С ним стояли Кадыр-Мамед и несколько нукеров.

— Хан-ага, что сие значит? — обиженно спросил Михайла.— Не заговор ли какой?

— Заговор, заговор,— уныло проговорил старец.— Только не против тебя заговор, а против меня. Этой ночью Киймир-хан сбежал. Говорят, сам онбаши, главный надсмотрщик, снял с него цепи, посадил в киржим и уплыл с ним.

— Да... свежо преданьице, да верится с трудом,— усомнился Михайла.— А другие, значит, не сбежали? Здесь они?

— Другие все здесь. Вон сидят на твоем корабле, посмотри!

— Старосту надо отыскать, хан-ага! — твердо заявил Михайла.— Давай не будем терять дружбу из-за него! Найдешь, коли захочешь!

— Найдем, найдем, все равно найдем,— твердил Кият так

растерянно, что купец перестал сомневаться в бегстве пальвана. Сам вдруг высказал догадку:

— А может, он уже на Огурджинском? Где ему еще быть, коли убежал? Ну-ка, Веллек, садись... сейчас поплывем туда!

Успокоившись, Михайла попросил у Кията извинения за подозрения и грубость, пообещал, что с Огурджинского заедет на Атрек, а потом приведет сюда шкоут «Астрахань» и займется приемом нефти. Прощаясь, крепко потряс Кияту руку, но решил, что этого мало, и обнял его.

— Не серчай, Кият-ага, скоро встретимся!

Пакетбот поднял парус и легко заскользил по заливу в открытое море.

Кеймир стоял на возвышенности возле могилы святого Мергена и пристально вглядывался в каспийскую даль. Рядом с ним жались друг к другу жена и дочери. Отчаяние и страх обуревали пальвана. Он вспомнил все происшедшее с ним в прошлую ночь и думал: надо быстрее бежать. Бежать! Но куда? В Персию? Нет, нельзя! На Гурген? Ни за что! На Атрек? Там только его и ждут, чтобы опять заковать в цепи и возвратить на колодцы!

Вчера в полночь, когда он, прикованный к якорю, спал в холодной пещере, пришел главный нукер, снял с рук цепи и сказал: «Пойдем со мной!» Кеймир, не понимая, что происходит, последовал за ним. На берегу стояло еще человек пять-шесть нукеров. Они молча посадили пальвана в киржим, подняли парус и поплыли от острова. Когда парусник отошел на порядочное расстояние от Челекена, Кеймир спросил:

— Онбаши, если ты человек, то скажи, куда и зачем меня везешь.

— Вах-хов! — удивился тот.— Тебе, пальван, об этом больше известно, чем мне, а мы только выполняем волю Тувак-ханым, которая пришла от своего хана и распорядилась, чтобы я сам тебя отправил домой на Огурджинский...

Кеймир все понял. Нет, не Кият дал согласие на освобождение пальвана. Тувак, пользуясь неограниченной властью, сама предприняла такой рискованный шаг. Что ждет теперь ее, когда нукер вернется и скажет Кияту: «Хан-ага, мы выполнили твою волю!»?

Беспокоился Кеймир и о Веллеке. Сын отправился на Челекен с Михайлой. Но не получится ли так, что Кият-хан схватит мальчишку и оставит у себя заложником? И пальван, глядя в морской простор, то и дело спрашивал у жены:

— Лейла, ты уверена, что русский купец заступится?

— На все воля всевышнего,— отвечала она, прикрывая губы платком, словно защищаясь от ветра.

Пакетбот Михайлы показался на горизонте под вечер. Еще час, и пристанет он к Огурджинскому, и тогда будет известно,

что ожидает Кеймира и его семью. Может быть, с купцом Михайлой плывут нукеры хана? На всякий случай пальван усадил Лейлу с дочерьми в гями. Сам же, зарядив ружье и сунув под кушак пистолет, неотрывно смотрел на приближавшийся парусник.

Когда осталось до берега не более трехсот саженей, Кеймир обратил внимание, как неуверенно скользит по волнам судно. Оно кренилось то влево, то вправо, и пальван подумал: «Или рулевой неопытный, или что-то сломалось». Приглядевшись, испугался. «Да на палубе нет ни души!» Пакетбот, казалось, вот-вот врежется носом в крутой берег. И лишь в последнюю минуту он неловко развернулся, прочертил бортом, затрещал и, словно споткнувшийся конь, поднял облако пыли. Кеймир выхватил из-за кушака пистолет и побежал к берегу.

— Отец! Отец, помоги! — вдруг донесся до него голос Веллека.

Не думая об опасности, пальван подбежал к отвесному песчаному берегу, прыгнул вниз и взобрался на палубу русского парусника. То, что он увидел, поразило даже его, видавшего всякие виды. Вся палуба была залита кровью. Всюду валялись трупы. В убитых Кеймир по одежде узнал и своих туркмен, и русских музуров и совершенно растерялся, не понимая, кто же мог убить одновременно и мусульман, и христиан?

— Веллек, Веллек, где ты? — позвал Кеймир и увидел сына. Он сидел с рассеченным лбом, обтирая рукавом кровь.

Кеймир подскочил к нему, взглянул на рану и немного успокоился. По всему было видно, что сын ударился лбом о надстройку, когда пакетбот причалил к острову.

— Что это, Веллек-джан? Говори, не молчи! Кто убил их всех? Где Михайла?!

Веллек был бледен и не сразу заговорил связно. Наконец, немного успокоившись, сказал:

— Налетел со своими косой Али-Бакар!

— Али-Бакар? — переспросил удивленно Кеймир.— Но как он попал сюда?! Крепость этого разбойника у Кулидарьи!

— Не знаю, отец. Мы плыли спокойно с Челекена. Купец Михайла взял у Кията всех наших, огурджинских, которые сидели в неволе с тобой. Мы спешили, когда узнали, что ты убежал, и хотели удостовериться, так ли это. В это время появился парусник ноу. Купец Михайла сказал: «Это свои, челекенские». Парусник подплыл совсем близко, можно было крючком достать. Купец спросил: «Кто такие?» Тогда появился косой Али-Бакар и сказал: «Мы правоверные, а ты — свиноед» — и выстрелил в Михайлу из пистолета. Убил наповал, прямо в грудь. Потом они бросились, как волки, на нас, всех порезали, а меня не тронули. Купцу Михайле привязали к ногам камень и бросили в море. Потом еще двух бросили. А остальных оставили, не нашли больше камней. Когда уходили, этот Али-Бакар сказал: «Тебя мы оставили в живых для того, чтобы урусы подумали, что это ты и

твой отец расправились с купцом Герасимовым. Теперь сами урусы вас убьют и после этого никогда не будут верить туркменам!»

Кеймир сел и обхватил ладонями голову. Голова болела, и мысли путались: что делать с погибшими? Как быть ему самому? Теперь не у кого искать защиты. Никто ему не поверит, никто его не помилует...

ЦАРСКИЕ ПАРУСА

Корабли русской военной экспедиции «Аракс» и «Ардон», а с ними шкоут «Св. Андрей» купца Александра Герасимова появились у Челекена ранней весной. Санька причалил к острову последним. Челекенцы, уже оглядев моряков в бескозырках и самого капитана первого ранга господина Путятина, с почтительной осторожностью подошли к купцу. Небольшого роста, сгорбившийся, в суконном армяке и круглой шапке-боярке, он не очень любезно поздоровался с островитянами и лишь Кадыр-Мамеду подал руку. Видимо, купец приписывал втайне убийство брата Михайлы «всему этому сброду». Еще зимой туркмены нашли между Челекеном и Бартлауком выброшенный морем труп Михайлы. Похоронили его вблизи мусульманского кладбища на Челекене. Тогда же сообщили о находке в Баку властям. В сообщении указывалось о некоторых обстоятельствах убийства, ни в коей мере не проясняющих, кто и за что убил купца. И сейчас Санька подозревал каждого и вел себя отчужденно.

— Крест вот привез. Надо на могилку поставить,— сказал он Кадыру.— Скажи, чтобы подсобили...

Крест был большой, во весь катер. Челекенцы опасливо толпились вокруг, никто не осмеливался первым прикоснуться.

— То-то и оно, что вы все нехристи,— недовольно ворчал Санька и подгонял своих музуров: — Давай-давай, Степан, не хрена на этих туземцев глядеть! А ты чего, Николай? Заходи с той стороны!..

Кадыр-Мамед вел себя растерянно. Высокий и худой, он метался между купцом и Путятиным и обоим хотел угодить. Капитану он рассказывал о том, что вновь каджары появились у Атрека, и Кият-хан отправился туда, а Герасимова успокаивал, чтобы, не приведи аллах, не рассердился купец и не оттолкнул от себя челекенцев вовсе. Бегая от одного к другому, он все же понимал, что надо быть поближе к капитану, и оправдывался все время:

— Простите, ваше высокоблагородие, сейчас к купцу схожу... Простите, я сейчас, помогу ему...

Наконец капитан обратил внимание на возню около катера, подозвал боцмана и распорядился:

— Ну-ка, Чухно, дай команду матросикам, чтобы пособили купцу.

Тотчас с десяток моряков подняли крест на плечи и поволокли от берега.

— Куда его нести-то? — спросил боцман.

— Туда,— указал Кадыр-Мамед в глубину острова и зашагал впереди, указывая дорогу.

Сама по себе образовалась траурная процессия. Прошествовав по колючкам и песчаным бугоркам, процессия обогнула мусульманское кладбище и приблизилась к могильному холмику, на котором сидела сорока. Увидев множество людей, она с паническим криком сорвалась с могилы и улетела в сторону Карагеля.

Санька опустился на колени, взял горсть земли с могилы, приложился к ней губами и смахнул рукавом слезу.

— Эх, Мишка, Мишка,— произнес печально.— Как же ты угодил этим убивцам в руки? За что они тебя изничтожили?

Постояв немного над прахом брата, зарытым в нерусскую землю, Санька поднялся и велел музурам ставить крест. Сам подошел к Кадыр-Мамеду, тихонько отвел его в сторону.

— Ну что, хан, так и не скажешь имя убийцы? Неужто до сих пор не выяснилось?

— Узнали...— твердо произнес Кадыр.— С божьей помощью все выведали. И как молодая жена Кията обманула начальника стражи, и как этот глупый начальник пальвана на свободу выпустил, и как потом Кеймир расправился с твоим братом Михайлой,— все узнали. Ныне называем тебе имя убийцы. Это Кеймир — твой староста с Огурджинского.

— Ох, хан,— покачал головой Герасимов.— Да неужто Кеймир поднял руку? Он ведь и дома у меня был, и отца моего хорошо знает. За что же он расправился с Михайлой?

— Плохо поил-кормил твой брат...

— Мать ты моя, да где же у него совесть-то! — возмутился, сжимая кулаки, Санька.— Да я его, проклятого, засеку до смерти!

— Он — ваш человек, вы с ним и расправляйтесь,— охотно согласился Кадыр-Мамед и начал рассказывать о том, как наказал свою молодую жену Кият.

— Сначала хотел камнями убить сатану, потом помиловал. Сейчас сидит в черной кибитке на воде и чуреке. Нет ей прощения!

Возвратившись с кладбища к берегу, Санька с трудом дождался, пока Путятин переговорит с туркменами о делах. И как только моряки собрались вновь на корабль, сказал капитану о том, что узнал, кто убийца. Путятин выслушал купца, не скрывая своего негодования к распоясавшимся кочевникам, и обещал проучить их. Через час парусники снялись с якоря и понеслись, подгоняемые ветром, к Огурджинскому. Уже на подходе к острову Путятин распорядился расчехлить пушки и зарядить их. Но подойдя поближе к берегу, моряки не увидели здесь ни одной кибитки.

— Сбежал, нехристь проклятый! — с сожалением выговорил Герасимов.— А ведь у Михайлы на этом островке в вавилонах рыба хранилась.

— Сейчас проверим,— пообещал Путятин и приказал спустить на воду два катера с вооруженными казаками. В один из них сели Санька и Кадыр-Мамед.

Казаки высадились в лагуне, возле могилы святого Мергена, поднялись на бугор. На месте кибиток пальвана виднелись лишь круглые углубления да остались колья, к которым привязывали верблюдов.

— Далеко не ушел,— предположил Кадыр-Мамед.

Казаки, растянувшись в цепочку и вскинув винтовки, двинулись в глубину острова. Вскоре они нашли Михайлины вавилоны — огромное углубление в бугре. Осторожно подкравшись, боясь, как бы пальван не встретил ружейным огнем, остановились перед окованными железом дверями. Начали молотить по дверям прикладами, сбили замок и очутились в длинном подземном коридоре, по обеим сторонам которого стояли бочки с рыбой. Вся рыба прошлогоднего засола была цела. «Однако староста не очень-то нуждался в нашем богатстве! — отметил про себя Санька.— За что же он ухлопал Михайлу?» Кроме рыбы в погребах нашли множество высушенных тюленьих шкур. Уже выходя наружу, Санька поднял с полу полевую сумку на ремешке и удивленно вскрикнул:

— Батюшки! Да это Михайлина документация!

Выйдя на свет, он расстегнул сумку, достал бумаги и принялся разглядывать их. В сумке помимо счетов и договоров оказалось около ста рублей ассигнациями. Тут Санька совсем диву дался: «Неужто староста не посмотрел, что в ней есть?» Пересчитав деньги, он сунул их в карман и принялся рассматривать бумаги. Внимание его привлек последний договор за подписью Кият-хана и заверенный его печаткой. В нем говорилось, что все обитатели Огурджинского являются работниками купцов Герасимовых и что ни Кият-хан, ни другие туркмены не могут ими распоряжаться. Санька с благодарностью подумал о младшем брате: «Умен был Мишка! Не только вавилоны слепил, но и людей всех прибрал к своим рукам!» И порадовался, что Кеймир теперь собственность Герасимовых и расправиться с ним будет проще простого.

Казаки тем временем вышли на западный берег и увидели парусник пальвана. Кеймир, видимо, собирался бежать, да запоздал. Бриг «Аракс» и купеческий шкоут «Св. Андрей» преградили ему выход из лагуны. Кеймир не оказал никакого сопротивления: бесполезно, да и не потерял он надежду, что русские, может быть, знают истинного убийцу. Он безоговорочно поднял руки и, когда Санька с казаками взбежал на палубу, заслонил собой жену и детей.

— Сволочь проклятая, убивец! — истерически взвизгнул Ге-

расимов, ударил Кеймира по лицу и, отскочив в сторону, потер руку об армяк.— Свяжите всех!

Казаки тотчас выполнили волю купца. Когда всех схваченных посадили в баркас и повезли на шкоут, Путятин приказал расстрелять оставленную в лагуне гями. Артиллеристы кинулись к пушкам и дали залп по раскачивающейся на волнах лодке Кеймира. Несколько зарядов угодило в цель, и парусная лодка загорелась. Корабли поплыли на север, огибая остров, над которым расплывался черный дымок...

Как только шкоут отошел от острова, Санька велел музурам привести «убивца». Его вывели и усадили на палубе со связанными за спиной руками.

— Ну, сказывай, кровожадная тварь, чем тебе не угодили Герасимовы? — с яростью выговорил купец.— Видимо, островок не по своей воле отдал, а теперь решил мстить?

Кеймир молчал, тупо рассматривая шершавый дощатый пол палубы.

— За что убил Михайлу?! — крикнул Санька и ударил пальвана сапогом в грудь.

— Не убивал никого! — с отчаянием выговорил Кеймир.— Али-Бакар убил.

— Ишь, стерва,— зашипел купец.— Уже нашел какого-то Али-Бакара! Сам напакостил, сам и отвечай. Степан, поучи его малость...

Боцман — рябой здоровяк с серьгой — приподнял подбородок пальвана, заглянул в глаза и ткнул его кулаком в челюсть. Кеймир упал, ударившись головой об пол, но как-то сразу извернулся, вскочил и ударом ноги сбил с ног боцмана. Тот хрястнулся о борт спиной и, охнув, опустился на четвереньки. Музуры остервенело бросились на Кеймира и принялись молотить его, пока Санька не прекратил избиение.

— Степан,— сказал он боцману.— Посади этого медведя в трюме на цепь... И сынка его тоже. Жену с девчонками посели где-нибудь в кубрике, чтобы мои глаза их не видели. У-у, убивец,— опять прошипел Санька, поднес под нос Кеймиру кулак и пообещал: — Всю свою жизню просидишь в трюме. Когда шкоут тонуть будет, вместе с ним на дно пойдешь!

Пальвана вновь спустили в трюм и к ночи заковали в цепи...

Военные корабли «Аракс» и «Ардон» под командованием капитана первого ранга Путятина прибыли к юго-восточным берегам Каспия для постоянного полицейского надзора и наведения надлежащих порядков на море. В инструкции так и было записано: «...государю императору благоугодно было повелеть учредить со стороны эскадры нашей строгий полицейский надзор, дабы воспрепятствовать возобновлению тех беспорядков» [1].

---

[1] Строки из документа.

Однако в понятие «полицейский надзор» входили не только меры по умиротворению атрекских туркмен и персов, которые беспрестанно враждовали между собой. Главной задачей эскадры было всячески поддерживать исполнение 8-й статьи Туркманчайского мирного договора, согласно которой ни одно военное судно — ни персидской, ни какой иной державы, кроме России, не могло находиться на Каспии. Сейчас, когда престиж Англии в глазах шаха поднялся высоко, как никогда раньше, а Россия вследствие целого ряда поражений (под Хивой и в Дагестане) утеряла былое влияние на близлежащие государства, требовались самые энергичные меры. И командир эскадры был преисполнен желания и веры выполнять их самым ревностным образом. Всякие поползновения Персии проникнуть по восточному берегу на север рассматривались русской военной администрацией как попытки Англии выйти к среднеазиатским ханствам. Война между туркменами и Персией могла бы привести к нежелательным последствиям: армия шаха была численно сильнее туркменской, к тому же инструкторами в ней были британцы... Путятин понимал: необходимо во что бы то ни стало не допустить кровопролития и внушать и той, и другой стороне, что граница по Атреку между Персией и Туркменией — священна. Но командир крейсерской эскадры понимал и другое: ничто в этом мире не вечно. Не вызывая крайне неприятных осложнений с Персией, он может, если это возможно, углубиться к самому Астрабадскому заливу и способствовать торговым делам своих соотечественников в южной оконечности моря.

«Аракс» и «Ардон» остановились в пяти милях от гасанкулийского берега. Пушечный выстрел с корабля оповестил атрекцев, чтобы прислали на переговоры своих предводителей. Вскоре по заливу заскользила большая весельная лодка, и на борт «Аракса» поднялись Кият-хан, Якши-Мамед и еще несколько туркменских старшин. Путятин встретил их сухо. Ни угощений, ни подарков, даже не пригласил гостей в каюту и не предложил сесть. Со скептической усмешкой оглядел Кият-хана и сказал:

— Уважаемый бек, я много наслышан о вас и вашей службе государю императору. У вас, если не ошибаюсь, и награды наши имеются?

— Есть, есть,— с величайшим желанием подтвердил патриарх.— Орден есть, медаль...

— Так почему же, позвольте вас спросить, вы ведете двурушную политику?

Кият растерянно развел руками и часто-часто заморгал: вопрос сбил его с толку.

Якши-Мамед с презрением посмотрел на отца и вмешался в разговор:

— Господин офицер, о каком двурушничестве вы сказали?

— О таком, что я прибываю на Челекен, а мне говорят: «Кият-ага уехал на Атрек воевать с каджарами». Разве ему не

известно, что после установления границы между вами и персами возбраняются всякие военные действия? А коли на словах сей патриарх считается с нашим государем, а на деле поступает по-своему, то это и есть двурушничество.

— Господин офицер,— нетерпеливо возразил Якши-Мамед.— Не мы напали на каджаров, а они на нас! Вот я составил письмо командующему Кавказа. Прошу побыстрее переправить его.

Путятин неохотно взял бумажный свиток, развернул его и прочитал: «Вашему превосходительству должен я донести, что в нынешнем 1267 г. в мухареме месяце (в феврале) сын Аллаяр-хана Асафут Довлет с войском, состоящим из 22 000 человек, выступив из Мешхеда, внезапно напал на наших единоплеменников, называемых деведжи... По случаю этого происшествия наши туркмены желают открыть с Мухаммед-шахом неприятельские действия...» [1]

— Но какое отношение вы имеете к этим «деведжи»? — удивился Путятин, отложив в сторону недочитанное письмо.— Они живут где-то на границе Хорасана, а вы на побережье!

— Мы имеем отношение ко всем туркменам, господин офицер. Мы желаем создать единое государство туркмен. Ныне наш совет старейшин постановил закрепить за собой потерянные пять лет назад территории от Кара-Су до Атрека!

— Господин Кият-бек, вы подтверждаете слова вашего сына? — насторожившись, спросил Путятин.

— Ай, они совсем перестали меня слушаться,— ответил тот слезливо.— Они мне говорят — русские совсем обессилели, за себя постоять не могут. Туркменам надо самим возвратить потерянное.

— Ну вот что, господин Кият-бек, и вы, Якши-Мамед-бек, нам давно известно, что туркмены живут лишь за счет ограбления соседей. Не прикрывайтесь благородной местью и помыслами о высоких идеалах! Государю императору угодно, чтобы при существующих дружественных отношениях России и Персии туркмены вовсе прекратили свои грабежи и насилия по берегам персидским. За малейшее нарушение сей высочайшей воли я истреблю все ваши лодки!

— Хорошо, господин офицер,— с завидной легкостью согласился Якши-Мамед и, раскланявшись, ступил на трап.

— Не советую вам, бек, столь легковесно принимать мое предупреждение,— пригрозил Путятин.— Не забывайте, бек, что и без купечества русского вам не обойтись!

— Хорошо, господин офицер... Хорошо... Не забудем... До свидания.

— Ну что ж, Кият-ага,— сказал начальник крейсерской эскадры и подтолкнул патриарха,— вы тоже можете идти, у меня — все. Если понадобитесь — сообщим. Но попробуйте взять

[1] Строки из подлинного документа.

себя в руки и сослужить службу моему государю. Рано вы отдали бразды правления мальчишке!

— Вы правы, господин капитан,— согласился Кият.— Рано мы ему позволили... Все будет так, как пожелает его величество государь император Российской державы... Передайте ему мои слова, господин капитан.

— Непременно, непременно, бек...

Путятин усмехнулся и помог Кият-хану спуститься по сходням в лодку. Тут же русские шлюпы подняли паруса, чтобы двигаться дальше, в Астрабадский залив.

Растревоженный аул Гасан-Кули был похож на муравейник. Люди собирались толпами; толковали о русских, спорили, как дальше жить. Прибывшие с Гургена джигиты сообщали, что бывший астрабадский хаким Насер-хан, смещенный шахом за поражение в неравной битве с туркменами, ныне занял сенгири на Кара-Су и обещает проучить кочевников. В водовороте человеческих речей, пожалуй, наиболее отчетливо звучал голос оскорбленного Якши-Мамеда, возвратившегося от начальника эскадры. Встречаясь с ханами атрекских селений, Якши-Мамед со злой иронией выговаривал:

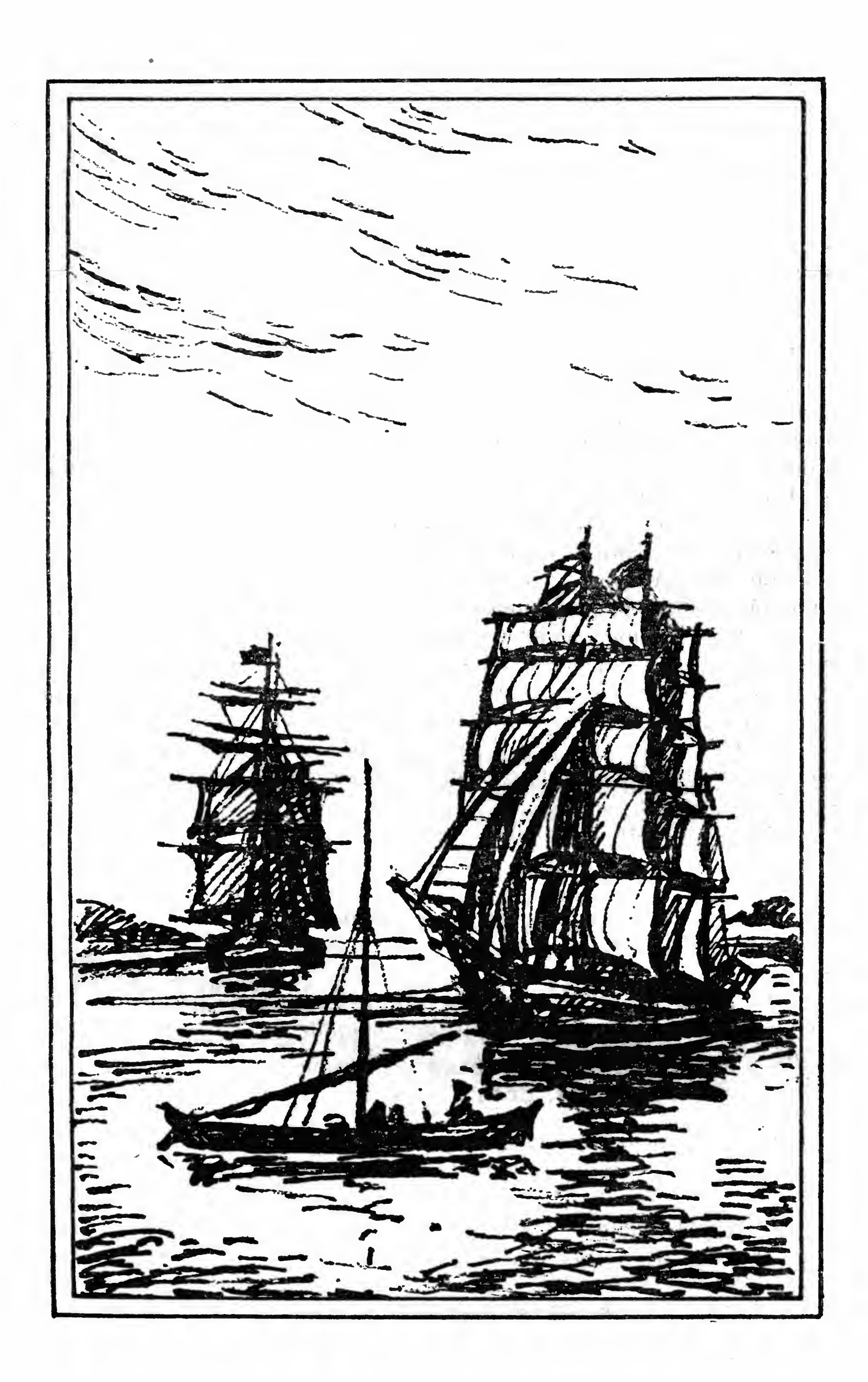
— Этот свиноед даже не захотел прочитать мое письмо! Он ищет дружбы с персами, а нас называет грабителями! Ва алла! Это мы-то грабители, у которых опять каджары угнали половину овец и две тысячи верблюдов! Хватит терпеть! С тех пор как покинул Кавказ генерал Ермолов, русские перестали считать нас за людей. Но мы напомним о своем человеческом достоинстве!

Атрекские баи и ханы горячо поддерживали Якши-Мамеда. «Неужели мы должны подчиняться шаху? — возмущались они.— Если сейчас не добьемся своего, то когда же еще?!» Пусть поймут урусы, что это не аламан, не набег ради наживы. Не день, не два готовились Якши-Мамед и его верный сердар Махтумкули, прежде чем собрали воедино боевые силы туркмен. Не год, не два боролись они за то, чтобы их имена звучали на побережье, а имя старца Кията поблекло, как поблек он сам телом и духом. Одни рыбаки да перевозчики нефти боготворят Кията и ропщут на молодого хана. Но пройдет еще немного времени, и всем им Якши-Мамед заткнет глотки. И ничего, что они сейчас крутятся вокруг Кият-хана и не хотят идти на войну. Это им припомнится в нужный день, час и момент...

Такие разговоры велись в Гасан-Кули и в тот день, когда от русского купеческого шкоута отделился катер и направился к Чагылской косе. Джигиты заглянули в юрту к Якши-Мамеду и сказали:

— Якши-хан, русский купец едет. Все рыбаки опять встречать побежали!

Якши-Мамед выругался и быстро-быстро принялся натяги-

вать сапоги. Сидевшие с ним рядом тоже схватились за обувь. На Чагылской косе тем временем уже собралось не меньше половины сельчан. Рыбаки как ни в чем не бывало везли бочки с соленой рыбой и мешки с вяленой и в жестяных банках — икру. Увидел Якши-Мамед и своего отца. Окруженный деловыми, торговыми людьми — аксакалами, он спокойно смотрел в море, словно и не подействовала на него встреча с Путятиным, словно и не хотел знать патриарх, что сейчас надо народ на коней сажать и отправлять в бой. «Нет, пока не унесет этого старого дурака Черный ангел, нам с рыбаками и торговцами не справиться!» — зло подумал Якши-Мамед и решил: купцу надо помешать.

Санька с тремя музурами вылезли из катерка, не очень уверенно ступили на мокрый ракушечник. Видно, почувствовал купец общее настроение атрекцев. Да и как не почувствовать: одни хмурятся, другие улыбаются, а третьи — вовсе матерятся и угрожают. Кият-хан, как бывало и раньше, похлопал Саньку обеими руками по плечам, спросил о здоровье, об отце и повел к себе, в пустую юрту Кадыр-Мамеда. Рыбаки, загорелые, с огрубевшими обветренными лицами, шли рядом с купцом, словно оберегая его от кого-то. И Герасимов удрученно подумал: «Ох, не надо было ехать сюда. Принять бы на паруснике товары — и баста».

Из толпы тем временем стали доноситься возгласы: «А долги он привез? Расплачиваться будет?» Санька не понял, о каких долгах спрашивают атрекцы, но вспомнил о Михайле: «Может, он задолжал? Вот еще нелегкая!»

Возле родового порядка Киятовых сыновей навстречу толпе, идущей вслед за купцом, выехал Махтумкули-сердар с отрядом джигитов.

— Хан-ага,— сказал он с насмешкой Кияту,— в Гасан-Кули хозяева мы: я и твой старший сын. Нам угодно, чтобы дорогой гость сначала побывал в наших юртах!

— Невежливо так говорить, сердар,— сказал с обидой Кият.— Купец приехал торговать, а не на кошме с пиалой сидеть. Уходи с дороги.

— Нет, уважаемый хан-ага,— Махтумкули-сердар слез с коня и встал между патриархом и Герасимовым.— Вот и Якши-Мамед так же думает. Если я не прав, то сын твой прав. Пусть он скажет.

— Да, отец,— повысил голос Якши-Мамед.— Мы знаем, что у тебя к купцу дело, но и мы без дела не живем. Он нам тоже нужен. Он задолжал нам десять тысяч риалов!

— Бог с тобой! — воскликнул изумленно Санька.— Вот антихрист-то! Да когда я у тебя брал деньги, Якши?! Ты что — спятил?

— Уважаемый, не оскорбляйте его,— возмутился Махтумкули-сердар.— Пойдемте к нам, там разберемся...

Джигиты оттолкнули купца и его трех музуров от Кията и

рыбаков и повели в другую сторону, к мечети, где жил сердар. Кият направился туда же, но сердар усовестил старца:

— Хан-ага, вы дожили до почтенного возраста, но не научились правилам хорошего обращения. Идите отдыхайте. Когда вы понадобитесь, мы позовем вас...

Это было самое унизительное оскорбление, какое когда-либо слышал патриарх. Ошеломленный, пожевывая беззубым ртом и топчась на одном месте, он взмахивал руками, сердясь, выговаривал обидные слова и грозил:

— Не будет моего прощения вам, сердар! Не будет и тебе прощения, Якши-Мамед!

Уходя к кибиткам среднего сына, он увидел, что не одинок: за ним шла огромная толпа рыбаков и киржимщиков, готовая в любое время выполнить волю своего патриарха.

Тем временем джигиты сердара ввели Герасимова в восьмикрылую, богато убранную юрту, и Махтумкули-хан надменно сказал:

— Сколько посещают нас эти свиноеды, но никогда не снимают обувь, входя в кибитку. Йигитлер, разуйте-ка его!

Джигиты засмеялись, повалили Саньку и бесцеремонно сдернули с него сапоги.

— Садись, садись, купец,— грубовато подтолкнул его Якши-Мамед, указывая на ковер.— Привез деньги?

— Какие деньги? О чем ты, Якши? — испуганно заговорил Герасимов.

— Твой брат должен был выплатить мне, но его убили! Мы не выпустим тебя отсюда, пока не отдашь долг.

— Якши-хан,— справившись со страхом, возразил Санька.— Может быть, и брал Мишка у тебя деньги, но где расписка?

— Не деньги он взял, сатана, а рыбы и икры, лебяжьего пуха и ковров взял на десять тысяч. Сказал: «Приеду — чистыми риалами отдам...»

— Ай, что с ним толковать,— вмешался в разговор Махтумкули-сердар.— Все эти купцы-свиноеды — один жадней другого. Дай-ка я его немного припугну!

Сердар вынул нож, протер лезвие полой халата и, посмотрев на купца, засмеялся. Санька вобрал голову в плечи.

— Хан-ага, да ты что! В уме ли! Да отдам деньги я! Все до копейки отдам, только не убивай. Детишки у меня... Жена молодая. Пощади, хан-ага.

— Ай, что говорить об этом, сердар,— засмеялся Якши-Мамед.— Все русское воинство на Кавказе воюет против Шамиля и ничего не может с ним сделать. А имам бьет их и захватывает аул за аулом. Теперь, говорят, и Темир-хан-шуру взял, и вроде бы Дербент в его руках.

Махтумкули, выслушав соратника, небрежно проговорил:

— Если все кавказское воинство ничего не может сделать с Шамилем, то что сделает с нами какой-то один начальник эскадры?!

— Давай, купец, десять тысяч,— опять потребовал Якши-Мамед.— Если не отдашь, то и тебя убьем, и твоего капитана первого ранга в море утопим.

— Якши-хан,— взмолился Герасимов.— Ну как же тебе отдам, если у меня с собой ни гроша нет! Да и не такой я плут, как ты думаешь. Если брал Мишка, я отдам, и грозить мне не надо. Давай одного моего музура пошлем на шкоут. Я записку напишу своему гостинодворцу, он выдаст десять тысяч серебром.

— Пиши, собачья отрава,— согласился Якши-Мамед.

Герасимов тотчас достал из сумки листок бумаги и карандаш, написал все, что требовалось. Якши-Мамед взял записку, прочитал ее, затем велел джигитам проводить русского музура к катеру и доставить на корабль.

Наступила ночь. В ауле было так же неспокойно, как и днем: отовсюду доносились людские голоса, ржание коней и выстрелы. Герасимова увели в соседнюю, черную юрту и привязали у входа большого косматого пса.

— Узнаешь? — спросил, указывая на собаку, Якши-Мамед.— Это сын вашей белой собаки. Вот до чего дожили вы! Ваши же собаки вас сторожат! Тьфу!

Хозяева, смеясь, ушли, оставив купца один на один со своим горем.

Два дня он сидел, прикованный цепью к териму, и никто к нему не заглянул, хотя говорили о нем, спорили и бранились часто. То и дело к подворью сердара приходили люди и рассерженно выкрикивали что-то, все время произносили «Санька». Купец догадался, что рыбаки требуют его выдачи, а хозяин — гасанкулийский сердар — науськивает на них нукеров. Спорили из-за него, но никому не приходило в голову подать ему воды или кусочек хлеба, и к концу третьего дня Герасимов слезливо выл, призывая хозяев к милости. Слыша его и, видимо, понимая, что чужак в юрте подыхает, громко повизгивал и лаял «сын Уруски». Наконец одна из жен сердара подошла к собаке, заглянула в юрту.

— Вах-хей! — испуганно воскликнула она и принесла чурек и жареное мясо.

— Сув, сув,— просил Санька и показывал ей сухой, опухший язык.

Женщина принесла ему пиалку воды, потом еще и еще.

На четвертый день утром загремели выстрелы. Санька заглянул в дырку, которую проковырял пальцем в войлоке, и увидел бегущих к берегу атрекцев. Какое-то подсознательное чувство подсказало ему: это пришли на помощь моряки.

А в заливе, у Чагылской косы, с самого рассвета творилось невообразимое. Сначала внимание атрекцев привлекло огромное чудовище, которое не плыло, а катилось на больших колесах по морю. Вскоре все поняли, что это не дракон-аждарха, а какой-то особый корабль, но почему из него идет дым и плывет он без

парусов — этого никто понять не мог. Позднее атрекцы узнали, что это чудовище называется «пароход» и прибежало оно на колесах от Астрахани до Гасан-Кули за семь дней. Почти одновременно с пароходом, с юга, со стороны Гургена, вновь подплыли парусники «Аракс» и «Ардон». Русские начали спускать на воду катера. Разделенный на два лагеря народ вел себя поразному. В то время, как Кият-хан со своими аксакалами молил аллаха, чтобы русские поскорее высадились и привели к смирению строптивцев, сердар и Якши-Мамед призывали народ не пускать урусов в селение. Катера, вооруженные фальконетами, на каждом не менее пятидесяти моряков с винтовками,— подошли почти вплотную к берегу, но на сушу ступил лишь один... Кадыр-Мамед.

— Хэй, лизоблюд свиноедский! — выругался Якши-Мамед.

— С чем приехали, сынок? — с надеждой спросил Кият-хан.

Кадыр, не глядя на отца и не отвечая на его вопрос, обратился сразу ко всем:

— Люди, одумайтесь, пока еще не поздно, и охладите свои горячие головы! Я здесь, чтобы сказать вам волю господина капитана первого ранга Путятина! Русские требуют: немедленно выдайте купца Герасимова! Немедленно привезите с Челекена гургенских ханов — подданных шаха, которых Кият-ага держит на колодцах! Выдайте всех персов, томящихся в неволе. Люди, немедленно садитесь и пишите клятвенное обещание, что никогда не будете учинять грабежей и насилий русским купцам и не станете нападать на персидские берега! Капитан предупреждает: если вы не выполните сразу же эти требования, он сожжет ваши киржимы.

— Убирайся отсюда, сын свиньи! — вновь закричал Якши-Мамед, а его джигиты разразились угрозами. Несколько человек оттеснили Кадыра к самой воде.

В этот момент моряки с катеров, словно охотничьи борзые, кинулись к берегу. С криками и руганью они бросились к киржимам — принялись рубить мачты и поджигать парусники. Почти во всех киржимах хранились тулуны с нефтью. За нефтью вот-вот должны были приехать купцы из Бухары... И вот теперь эта невывезенная нефть вспыхнула, и огонь принялся пожирать суда. Всплески пламени вырывались из огромных лодок, перекидывались с одной на другую, заливая все вокруг,— и скоро весь флот атрекцев пылал, словно один гигантский факел. Над селением повис густой дым.

Ошеломленные атрекцы растерялись. Одни бросились бежать, другие схватились за винтовки. Сердар, Якши-Мамед и их приспешники ринулись к кибитке, где сидел купец, чтобы расправиться с ним. Кият-хан со своими людьми подоспел вовремя. На сердара навалились сразу несколько человек и связали ему руки. Схватили и обезоружили и Якши-Мамеда. Обоих бросили в черную кибитку, где сидел Герасимов, а его повели

к берегу. Измученный, озлобленный, он сел в катер с Кадыр-Мамедом и принялся бранить его:

— Не могли сразу выручить! Три дня меня твой братец и его сердар морили голодом.

— Нет у меня брата,— спокойно заявил Кадыр.— Мы отрекаемся от него.

— Давай, давай... вали теперь на братца, будто сам не такой,— захихикал Санька.— Знаем мы вашего брата!

Катер причалил к борту «Аракса». Путятин с офицерами стоял на баке, смотрел в зрительную трубу на догорающие киржимы.

— Ну, что, купчик-голубчик, натерпелся страху? — спросил он Герасимова.— Так-то вот торговать с туземцами. Это тебе не Нижний Новгород. Тут без оружия не наторгуешься. Как они восприняли наши действия?

— А черт их знает,— отмахнулся купец.— Понять их трудно. Я думал, сейчас война откроется, а они сами связали сердара своего и молодого хана.

— Ну, вот и хорошо,— удовлетворенно изрек Путятин.— Этого можно было ожидать. Никто так не уважает силу, как азиаты!

— Жалко вот, господин капитан, бочки с рыбой и икрой сгорели,— пожаловался Герасимов.

— Не об икре сейчас надо думать,— сказал Путятин,— а о том, чтобы еще раз эти туземцы не посягнули на честь купеческую. Порядок тут надо навести такой, чтобы комар носа не подточил!

Кадыр-Мамед, стоявший рядом и преданно глядевший в глаза русскому начальнику, казалось, только и ждал этой минуты.

— Не будет порядка, пока там Якши-Мамед! — заявил он убежденно.— Арестовать его надо.

Путятин замолчал и заинтересованно посмотрел на Кадыра.

— Между прочим,— сказал он, мрачнея,— я уже слышал о ваших распрях. Этот Якши-Мамед, видимо, мешает вам управлять хозяйством?..

— Проклятье ему,— злобно выговорил Кадыр.— Если б не он, я уже давно стал бы ханом всего иомудского племени. Помоги мне, господин начальник... Убери его от нас...

— А что, господа,— повернулся Путятин к офицерам,— есть резон арестовать строптивца...— И, подумав, прибавил: — За оказание сопротивления русским властям и за нападение на государева человека...

И, утвердившись в своем намерении, сказал капитану парохода «Кама»:

— Господин капитан-лейтенант, пошлите своих людей к берегу. Скажите, ежели Кият не выдаст своего старшего сына, мы предадим огню все это разбойничье гнездовье!

К вечеру на берегу вновь загремели ружейные выстрелы,

грохнули пушки, и в сумерках с кораблей было видно, как загорелось несколько кибиток.

— Чем хороша сия мера,— удовлетворенно говорил офицерам Путятин,— так это тем, что и персы теперь не посмеют нас ослушаться. Жечь надо всех! Сила — вот символ высшего уважения!..

К ночи сторонникам Кият-хана удалось обезоружить не только сердара и Якши-Мамеда, но и всех джигитов, выполнявших их волю. Наспех собранный в мечети ишана маслахат старшин определил: беспрекословно выполнить требования русских властей. К войскам, что стояли по Гургену близ Кумыш-Тепе и у развалин Кызыл-Алан, отправились люди патриарха, чтобы отвести их назад к Атреку. Другие поехали на Челекен — вернуть с колодцев Назар-Мергена и Аман-Назара. Сердару Махтумкули тут же, в мечети, объявили свою волю: пусть он живет где хочет и как хочет, но ни словом, ни действием впредь не будет возмущать туркменский народ против русских. Что касается Якши-Мамеда, то, несмотря на великое почтение, именитость и преклонный возраст Кият-хана, маслахат все-таки счел необходимым выдать его старшего сына русским властям.

В то время как проходил маслахат, Якши-Мамед сидел в своей юрте с Хатиджой. Обессилевший духом, он молча покачивал головой и пил ром, рюмку за рюмкой. Он знал, что начальник эскадры потребовал его к себе, но не думал, что отец пойдет на крайний шаг — предаст родного сына. Якши-Мамед никогда не задумывался над тем, что интересы отца совпадают с интересами всего иомудского племени. Необоримую тягу туркмен побережья к русским молодой хан относил к низменным качествам, считал низкопоклонством и никак не мог уяснить, что люди тянутся к российским купцам и путешественникам в надежде найти защиту от извечных врагов — хивинцев и персов, в надежде получить право на спокойную безопасную жизнь и на тот, хотя бы малый, достаток, который не дает человеку умереть с голоду.

— Будь проклят тот день и час, когда я появился на свет,— мрачно проговорил Якши.— Что мне дала эта поганая жизнь, Хатиджа?

В глазах молодого хана заблестели слезы, и жена, испуганно подвинувшись к нему, начала упрашивать:

— Не пей больше, хан мой, не пей... Эта дрянь губит тебя...

— Ай, разве в этой дряни дело,— покусывая губы, отвечал он.— Предатели все!

Якши-Мамед не договорил: на дворе послышались голоса и лай Уруски, в кибитку ворвались слуги Кията. Последним зашел Кадыр-Мамед.

— Все пьешь, братец? — спросил он, хихикая.— На радостях пьешь и с горя пьешь — когда же ты трезвым бываешь?

— Убирайся прочь, собачья отрава! — вскричал Якши-Мамед, силясь подняться на ноги и хватаясь за нож.

— Свяжите его,— спокойно сказал Кадыр.— Когда выйдет из головы хмель, развяжем. В таком виде он опасен.

Несколько человек, бросились на Якши-Мамеда и заломили ему руки за спину. Ногой кто-то задел бутылку и пиалы. Они, звеня, покатились к сундуку. Возмущенная поступком деверя, Хатиджа кинулась к нему с кулаками, но он оттолкнул ее с такой силой, что женщина ударилась плечом о решетку терима.

— Люди, да что же это такое! — закричала Хатиджа.— Люди, помогите!

Схватив пустую бутылку из-под рома, она кинула ее в Кадыр-Мамеда. Тот вскрикнул и согнулся.

— Вон отсюда, шакалий выкормыш!

Кадыр-Мамед утер окровавленный лоб рукавом, выговорил жестко:

— Ну погоди, ханым... Ты еще поизвиваешься у меня в руках!

Якши-Мамеда выволокли наружу. Хатиджа кинулась вслед, но ее втолкнули назад, в юрту, и поставили у входа нукеров.

На берегу арестованного поджидали офицер и матросы с «Аракса».

— Отец, ты ли это? — окликнул Якши-Мамед подошедшего Кията.— Где твоя сила?!

— Успокойся, успокойся, джигит,— великодушно отвечал Кият-хан.— Мы не оставим сына одного и не бросим на произвол. Мы отправимся к русским вместе.

Офицер с «Аракса» сказал патриарху, чтобы тот возвращался к семье — русские против него ничего не имеют.

Кият властно отвел руку офицера и сел вместе с Якши-Мамедом в катер.

ЗАБОТЫ ФРЕЙЛЕЙН ГАБИ

Сорок дней фрейлейн Габи пребывала в трауре. Ходила в черном жалевом платье. Ни золотых сережек, ни колец, ни браслета, вела себя, как и подобает порядочной женщине. Бабка Ани, неотступно следуя за своей печальной хозяйкой, предупреждала каждое ее желание и движение. Но что могла сделать, чем могла помочь старая персиянка в неутешном одиночестве молодой вдовы! Не распахнешь же ворота замка раньше времени, чтобы заходили люди, садились за стол и пировали, как прежде. Пока что Габи боялась даже мимолетных встреч с мужчинами. Иногда заходил полковник Бахметьев в сопровождении двух-трех казаков: подчеркивал всем своим видом, что идет не к хозяйке-вдове, а проверить складские помещения и караул возле них. Так, будто бы между прочим, справлялся у бабки Ани о самочувствии фрейлейн, иногда заговаривал и с ней самой, но вел себя сдержанно и предупредительно. Габи, провожая день за днем в невозвратную вечность, с каждым новым

днем вздыхала все легче и легче и наконец заговорила о деле: после Михайлы остался немалый капитал и несколько контрактов по закупке всевозможных товаров. Особенно ее донимал шемахинский купец Риза. Еще на третий день траура он привез шелка и шали, закрыл тюки в одном из сараев во дворе, нетерпеливо ждал, напоминая о себе ежедневно: когда же наконец купчиха рассчитается с ним по заключенному контракту. Габи мучительно думала — для чего ей эти шелка? Не сядет же она на корабль и не повезет товары в Астрахань!

Риза пожаловал к ней и в тот, первый день, когда она наконец надела желтое атласное платье декольте, нацепила золотые серьги, кольцо и браслет и была, утомленная траурным бездельем, очень красива и мила.

— Вах-хов! — изумился купец, увидев ее на айване около накрытого столика.— Вы ли это, фрейлейн? Провалиться мне на этом месте, если вру, но я подумал, что сам ангел спустился с небес и встречает меня своей обворожительной улыбкой!

— Полноте, Риза, полноте... Чего доброго, еще сглазите! — улыбнулась польщенная фрейлейн.

— О, что вы! — еще восхищеннее заговорил он.— Если бы такой ангел спустился на мой собственный айван, я отдал бы ему все свои богатства.

— Эй, садись, чего приплясываешь, как ученый медведь! — добродушно вмешалась в разговор бабка Ани.— Все твое богатство не стоит одного накрашенного мизинца моей фрейлейн.

— Напрасно вы так думаете,— самодовольно улыбнулся Риза и достал из кармана сердари изящную коробочку с французской надписью.— Вот тут есть вещица, которую я не отдал бы за все ваше поместье!

У Габи заблестели глаза. Любопытство было столь велико, что она потянулась за коробочкой и попросила:

— Ну, покажите, Риза-хан... Не мучьте меня!

— Фрейлейн, где у вас зеркало? — спросил он, вставая.— Хочу, чтобы вы оценили эту вещицу сами.

Габи прошла с ним в комнату, где над изящным итальянским столиком висело эллипсообразное большое зеркало.

— Снимите серьги, да побыстрее,— попросил Риза.— Сейчас вы увидите себя в волшебном сиянии.

Габи сняла кольцеобразные серьги, и он, встав у нее за спиной, открыл коробочку и начал прикреплять к мочкам ушей другие сережки — тоже золотые, но более изящные, с бриллиантами.

— Ой, Риза, вы щекочете мне ухо! — вскрикивала она, приподнимая плечо и зажимая подбородком его руку.— Ой, не надо!

— Фрейлейн, вы очаровательны,— взволнованно, вполголоса говорил он.— Они словно предназначены для вас... Они будут вашими, фрейлейн...

— Да? Вы так думаете? Я хотела бы носить их...

— Фрейлейн, у меня не поднимется рука и не хватит сове-

сти взять их назад.— Он коснулся губами ее оголенного плеча, и она, улыбнувшись в зеркало, сказала:

— Боже, какой вы нетерпеливый и горячий... Пойдемте к столу.

— Габриэла, ой, Габриэла! — позвала бабка Анн.— Еще одна гость!

— Сейчас иду! — отозвалась она, направляясь на айван и радостно думая: «Слава богу, кончилось заточение!» Она взглянула в окно и замерла: к широкой лестнице, ведущей на айван, медленно, оглядывая внутренние строения бывшего персидского замка, шел Басаргин. Он был в парадной летней форме, при полковничьих эполетах, в черной фуражке с высокой тульей и при кортике. У Габи сладко и печально защемило сердце. Спустившись ему навстречу, она на радостях смахнула слезу, подала ему руку и, почувствовав прикосновение его губ, подумала: «Все умирает — и не возвращается больше». Сейчас она не видела в нем своего старого любовника, и не было у нее желания оказаться у него на коленях. Она всегда, с того первого дня, как ушла от него к Михайле, чувствовала, что сердце ее словно опутано суровыми нитками, и конец от этих ниток держит и подергивает капитан первого ранга Григорий Гаврилыч Басаргин. Утерев слезу, Габи тихонько сказала:

— Мишенька-то мой... Никак не могу забыть, так и стоит в глазах...

— Все преходяще, Габриэла,— недовольно ответил Басаргин и, посмотрев вверх, спросил: — Кто это у тебя?

— Тут... один шемахинский купчик, по Михайлиным делам.

— Н-да,— ухмыльнулся моряк.— Не было печали: чего доброго, превратишься в вечную купеческую вдовушку.

Встретив Басаргина, Габи решила, что купец Риза здесь совершенно лишний: сидеть ему вместе с ними и слушать их разговоры нет никакой надобности.

— Ну, так договорились, господин Риза-хан,— сказала она, чуть заметно поведя бровью.— Завтра вы навестите меня, и мы решим, как быть с шелком и шалями.

— Я вас понял, фрейлейн,— пятясь, кланяясь и боязливо оглядывая полковника-моряка, сказал купец и довольно проворно сбежал по ступенькам во двор.

— Долго еще будут напоминать о себе компаньоны твоего покойного мужа! — заметил Басаргин, усаживаясь за стол.— Молод был, но как понимал жизнь! И какие связи!

— Ах, Григорий Гаврилыч, я никак не могу забыть о нем. Сколько хорошего он сделал для меня! А уж как любил...

— Я тоже не обижен,— признался Басаргин.— С помощью Михайлы мне удалось достроить городское именьице в Астрахани, да и по службе — повышение. Я ведь зашел к тебе, Габриэла, попрощаться. Есть рескрипт о моем назначении командиром астраханского порта. Я уже сдал дела на Саре капитан-лейтенанту Большову.

— Как, вы уезжаете? — Габи побледнела: холодные лапы одиночества вновь коснулись ее сердца. Потерять любовника — не беда, но опекуна! Она привыкла жить по его наущению и указке и теперь не представляла, что станется с ней в этом мрачном замке, в постоянном соседстве с какой-то сомнительной бабкой Ани.— Григорий Гаврилыч... родной вы мой, но ведь у меня на руках капитал! Как же быть-то? Я, право, в растерянности.

— В последние дни я много думал о тебе, Габи,— сказал он озабоченно и потянулся к графину.— Если не возражаешь, я выпью немного.

Она с готовностью взяла графин, налила ему и себе.

— Ты помнишь, душенька, те... номера? — спросил он вкрадчиво, напоминая ей об Астрахани, о тихом доме у пристани, где жила она с подружками под присмотром мадам Корф, приглашавшей к своим девочкам господ офицеров. Там Габриэла впервые встретилась с Басаргиным, и он, отправляясь на дальний безвестный островок в Каспийском море, увез ее с собой.

— Григорий Гаврилыч, ну не хочу я вспоминать о прошлом! — взмолилась Габи.— С того времени все переменилось. Тогда я была сиротой и не имела ничего, а теперь... Нет, нет, мне даже стыдно вспомнить...

— Душенька, да ты что! — воскликнул он,— Я ни в коей мере не пытаюсь унизить тебя. Я имел в виду совершенно иное. Я подумал о твоем прекрасном замке, об этих великолепных комнатах... Ты могла бы пригласить девочек из Астрахани сюда, к себе... Представь: теплый очаровательный вечер, на айване звучит восточная музыка, внизу жарятся шашлыки и стучатся в ворота господа военные. Седоволосый швейцар в ливрее встречает господ, а они спрашивают: «Скажите, это и есть «татарские номера»?» — «Да, прошу-с!» — приглашает швейцар. Господа входят к тебе, разумеется, как к хозяйке, и восхищаются этим уютным местечком, где можно забыться от тоски и окунуться в роскошные курди любви...

— А все эти лабазы с хомутами, вожжами и лопатами надо превратить в подвальчики с винными бочками,— продолжила Габи с улыбкой.

— Разумеется, душенька! Что может быть лучше, чем сидеть в прохладном погребке и пить винцо с шербетом!

— А как же с девочками, полковник? — шутливо спросила Габи.— Вы уверены, что они все еще у мадам Корф?

— Ну, если не они, то другие — какая разница! Главное — заполучить их. Об этом я побеспокоюсь.

Габи выпила еще рюмку, раскраснелась и вся ушла в созерцание недалекого будущего: музыка, жаркое, погоны, песни под гитару...

— А как посмотрят на «татарские номера» бакинские вла-

сти? — спросила, овевая лицо веером и нарочно задевая им моряка.

— Разве ты в ссоре с господином Бахметьевым? — спросил он игриво.

— Да нет, он — душенька...

— Я думаю, Габриэла, не надо чуждаться его: помощник в заведении «номеров» тебе необходим. Ты не станешь возражать, если я выпью еще и немножко отдохну? — спросил он, усмехнувшись и покосившись взглядом в сторону спальни, и Габриэла почувствовала, как дернулась суровая ниточка.

Всю дорогу, от Гасан-Кули до Баку, купец Герасимов только и думал о Габи. Будто бы мало выпало ему невзгод без нее! Теперь еще с этой фрейлейн судись! Все Михайлины капиталы при ней остались, все товары непроданные — у нее в подвалах! Санька был зол как никогда. Беда за бедой сваливалась на его плечи. Совсем недавно «Св. Николай» сгорел и утоп у хивинских берегов, а теперь чуть было самого не отправили на тот свет: кое-как спасся.

Шкоут «Св. Андрей», войдя в бакинскую гавань, медленно лавировал, ища себе место для стоянки. Наконец боцман увидел пустой причал и повелел опускать паруса. Музуры сбросили на воду катер, взяли шкоут на буксир и подтянули его к самому дощатому помосту. Не задерживаясь на корабле, купец прихватил с собой двух музуров и отправился к Михайлиному замку. Портовые грузчики охотно указали дорогу. Поднявшись в горку и поплутав в переулках, Санька оказался у большого каменного здания без окон. У тяжелых, обитых железом ворот стоял казак-часовой.

— Служивый, здесь ли купеческая вдова Герасимова проживает? — спросил Санька и подумал, как это подло и гнусно звучит — «вдова Герасимова».

— Тута, тута,— неохотно отозвался часовой.

— Впусти нас...

— Не могем, ваше степенство. Не велено никого впускать!

— Вот те и на! Да деверем я ей довожусь, понимаешь, дурья твоя башка!

— Нам все одно, ваше степенство: хоть муж, хоть деверь. Не велено никого впускать.

— Ну, поди доложи ей, что родственник — купец из Астрахани в гости приехал,— попросил Санька, и стало ему скверно оттого, что и деверем себя назвал и родственником. Подумал с неприязнью: «Вот ведь оно как иной раз бывает!»

Казак снял ружье с плеча, поставил к ноге, сказал вразумительно:

— Ну и дотошный вы, ваше степенство. Нельзя — значит нельзя. Хозяюшка сама сюда подходила и наказала: «Никого,

служивый, ко мне не пропускай, пока я буду с шемахинским купцом Риза-ханом дела важные обделывать».

— Вон оно что! — удивился Санька.

И тут небольшая дверца в воротах приоткрылась, и выглянула из нее старуха.

— Кого тебе, соколик?

— Герасимов я... старший... Брат родной усопшего...

— Пропусти,— сказала бабка Ани казаку и ввела Саньку во двор, а перед музурами захлопнула дверцу.

— Однако тут у вас прямо царские хоромы,— удивился Санька, оглядывая огромный двор и дом с айванами и множеством дверей.

— Давай-ка, соколик, побудем пока здесь, во дворе,— сказала бабка.— Скоро Габичка освободится и выйдет.

— А чего она там делает, с этим купцом? — с обидой спросил Санька.— Могла бы сначала меня принять, а потом уж и его!

— Ва алла! — воскликнула служанка.— Экий вы бесстыдник, ваше степенство. Вот давай лучше шербетом тебя напою. Заходи сюда, ко мне, не стесняйся. Здесь я со своим ханом раньше жила. На, выпей пока чашечку, соколик...

В это время сверху донеслись голоса.

— Вот и дождался. Я же говорила, скоро освободится. Габриэла! — окликнула хозяйку служанка.— Тут к тебе еще одна гость пришла. Из астраханских! Деверек твой!

— О боже! — притворно воскликнула Габи.— Поднимайтесь сюда ко мне, ваше степенство.

Санька, взойдя по лестнице на высокий айван, увидел накрытый стол, за которым, судя по всему, уже достаточно попировали. Сам шемахинский купец стоял в сторонке и, тяжело пыхтя, надевал крючконосые лакированные туфли.

— Побыстрей, побыстрей, Риза-хан,— нетерпеливо поторапливала его Габи.— Ты же видишь: родственничек ко мне...

Разогнувшись, Риза-хан поклонился Саньке, схватил с вешалки сердари и заспешил вниз, во двор.

— Зайдете как-нибудь,— бросила ему Габи.— А о ваших шелках и шалях я поговорю с моим... Простите, кажется, вас зовут Александром Тимофеевичем? — спросила она Саньку.

— Н-да, именно так,— буркнул он.

— Александр Тимофеевич,—обрадованно заговорила Габи.— Право, не знаю, что мне и делать с Михайлиными компаньонами... Умер-то он так неожиданно, так внезапно...— Габи вынула из лифа платочек и промокнула поочередно оба глаза.— Не обращайте внимания на мои слезы. Я до сих пор не могу забыть горя. Садитесь, дорогой Александр Тимофеевич, угощайтесь чем бог послал. Может быть, вы закупите у Риза-хана партию шемахинских шалей? Чудесные шали. И шелка наичудеснейшие!

— Фрейлейн,— не притрагиваясь к еде, сказал Санька,— вы,

как говорится, сразу взяли меня на абордаж. Так что не судите и меня, ежели я не стану выкаблучиваться.

— О боже, Александр! — удивленно воскликнула Габи.— Какой у вас черствый язык!

— Какой уж есть, фрейлейн,— согласился Санька, положив ногу на ногу.— Дело в том, дорогая хозяюшка, что я пожаловал к вам с претензиями. Как вам известно, я, Михайла и другой наш брат, Никита,— дети одного отца, и все мы вместе состоим при общем капитале. Когда отправляли Мишку сюда, то деньги он взял из общей нашей казны. И товары закупал на общие наши гроши, и когда венчался — платил из них же. Так что, дорогая хозяюшка, не обессудь, но все доходы, полученные Мишкой от торговли, будем делить на всех.

— Александр Тимофеевич,— испугалась Габи,— о чем вы говорите? О каких таких доходах!

— Да тут у тебя, в амбарах, как я прикинул, на мильён всякого добра, да векселей, небось, уйма! Так что, госпожа Габи, давай не будем хитрить да изворачиваться.

— Боже, Александр Тимофеевич, вы же родные братья с Михаэлем! — взмолилась Габи.— Давайте же с вами — по-родственному... Душенька, сядьте ко мне поближе...

— Это еще зачем? — не понял Санька.

— Кролик вы мой, крольчонок ненаглядненький...

Габи потянулась к нему, и он, вскочив со стула и пятясь, заговорил не слишком уверенно:

— Нет, нет, ни за что... Сгинь, наваждение... Сатана в юбке...

— В платье, а не в юбке,— захохотала Габи.— Да не бойся, не съем: вот глупенький-то!

— Да изыди ты к лешему... Прочь, говорю!..

Санька замахал руками и пустился вниз по лестнице, придерживаясь рукой за перила.

— Бабуля! — крикнула Габи.— Бабуля, скажи казаку, чтобы не выпускал купца! — «Вот еще мужичишка-то,— подумала она огорченно.— В нем Михайлиного и крошечки нет. Чего доброго, побежит в торговую палату, тяжбу заведет!»

Казак-часовой преградил купцу дорогу, оттолкнул от ворот. Санька пригрозил служивому, но тот и ухом не повел.

— Назад, ваше степенство. Наше дело исполнять приказание. На то и поставлены сюда...

— Каналья! Ведьма! — погрозил кулаком Санька.— Я это бандитское гнездо разворошу, я так не оставлю!

Санька кричал, все больше и больше распаляясь, а Габи и бабка хохотали над ним и обзывали «красной девицей», «кралей» и «кастратом». Наконец, насмеявшись, Габи попросила:

— Ну, полно вам, Александр Тимофеич, обижаться. Поднимитесь сюда. Сейчас полковник Бахметьев, мой советник, пожалует, он разберется во всем.

— Полковников уже завела! — не сдавался Санька.— Не успела мужа похоронить, а уже с полковником!

— И генералы все мои будут. И никаких денег ни шиша ты от меня не получишь, карлик несчастный!

Санька присел на лавку у караульной будки и просидел молча часа два, не меньше, пока не появился комендант Бахметьев.

Он влетел во двор так стремительно, словно здесь произошла резня и пострадавшие нуждались в его помощи.

— Кто такой будешь? — спросил строго, увидев привставшего со скамьи Саньку.

— Кем был, тем и буду,— огрызнулся Герасимов.— А вы каким краем касаетесь поместья моего усопшего брата?

— А-а,— догадался Бахметьев.— Ну, коли так, то конечно...— И он стал подниматься по лестнице на айван, увлекая за собой Саньку.— Братца вашего я хорошо знал. Широкой души человек. Жаль, расправились с ним туземцы...

Габи встретила коменданта очаровательной улыбкой. Сняла с него треуголку и плащ, повесила на вешалку. И купца окончательно успокоила:

— Душенька, дайте-ка ваш картуз... Да и кафтан снимите, все-таки в порядочном обществе находитесь.

Санька покосился на нее, но выполнил все, что она потребовала. И когда Габи принялась рассказывать коменданту, с какими претензиями заявился купец, Санька не стал вступать в спор и перебивать ее, а только бурчал себе под нос:

— Ну, ну... Давай, давай... Поглядим, кто прав, кто виноват...

Бахметьев сидел в кресле. Слушал хозяйку без особого внимания: то закуривал трубку, то вдруг заговорил о табаках и отметил, что хотя турки и враги России, но табак у них наижеланнейший.

— Значит, Александр Тимофеич, всем своим купеческим кланом решили бедную вдовушку пощипать? — спросил он и хохотнул, захлебываясь дымом.

— Да уж, как говорится: один за всех, все за одного,— дерзко отозвался Герасимов.— Казна-то у нас — общая!

— Ну, коли так, то и за поступки Михайлы вы должны все вместе отвечать,— сказал полковник.— Вам известно, как он капиталы нажил?

— Нефть Киятову сбывал, вот и нажил. Секретов никаких тут нет,— отвечал охотно Санька.— В письме сообщал, что мильёна на два продал этой нефти. Всю Ленкорань и Энзели, все кишлаки персидские освещал и отапливал Мишка.

— То-то и оно,— согласился Бахметьев,— что Михайла, нарушая все царские указы и подрывая бакинскую торговлю, сбывал персам нефть. Разве вы не знаете, Александр Тимофеич, что строжайше запрещено сбывать челекенскую нефть у персидских берегов?

— А откель же мне знать! Я нефтью сам не торговал,— пошел на попятную Санька.

— Не торговал — это верно, но ведь ты сказал, что «один за всех — все за одного»: казна у вас общая. Вот за Михайлу и

придется расплачиваться из вашей общей казны. Ты и сумму, купчик, сам назвал — сколько Михайла барыша получил.

— Будя стращать-то,— растерянно заулыбался Санька.— Разве такими речами шутят!

— А я и не собираюсь шутить,— строго выговорил Бахметьев.— Акты задержания шкоута «Астрахань» у персидских берегов есть. И документы есть — кому сколько нефти продал Михайла. Жалко вот только полковника Басаргина да астраханского губернатора... Они жаловали вашего Михайлу, на все его проделки сквозь пальцы глядели. Но тут, как говорится, думать много нечего. Раз ты, Александр Тимофеич, решил судиться — получай по заслугам сам, а полковник с генералом как-нибудь оправдаются.

Габи, все это время внимательно слушавшая Бахметьева, сначала улыбалась, кивала и поддакивала ему, но потом и она испугалась: «Не приведи боже, начнется суд — опять останешься в чем мать родила». Поднявшись, она прошествовала по ковру и встала за спиной у Бахметьева.

— Душенька,— попросила Габи,— надеюсь, до мирового дело не дойдет?

— А ты, фрейлейн, спроси у него,— сказал комендант.— У меня никаких неясностей в этом дельце нет. Может быть, господин Герасимов решил припугнуть, пощекотать, так сказать, нервы кое-кому — тогда иное дело. А если все это всерьез, то извините: я его в два счета сделаю нищим.

Санька от страха позеленел. О запретах сбыта челекенской нефти он действительно ничегошеньки не знал и никак не предполагал, что Михайла давно у этих господ на крючке сидит. Надо было побыстрее выкручиваться из этого неприятного положения, и он устало улыбнулся и сказал хриплым голосом, словно его вдруг ветром просквозило:

— Строги вы, однако, господа хорошие. Приехал к вам вроде бы погостить, а вы меня к суду тянете!

— Мы? — удивился полковник.

— Ах, душенька,— залилась веселым смехом Габи.— Давно бы, Александр Тимофеич, взяли шемахинские шелка и шали — и разговоров бы никаких не было.

— Ну, если они вам не нужны, то, пожалуй, я возьму...

— Бабуля! — крикнула Габи.— Пошли за Риза-ханом.

— Сейчас, Габичка, сейчас, золотце! — донеслось снизу, но Габи уже не слышала служанку. Безо всякого стеснения она обвила шею полковника и прильнула к нему:

— Душенька, только вы один мой опекун и мой заступник...

Вечером вдоль набережной зажглись фонари, засветились окна в городе. Из морского клуба доносились звуки духового оркестра; музыканты играли вальс. Подгулявшие татары покрикивали друг на друга в духане. Потом донеслась мелодия из

русской ресторации, напоминая, что ночь вступает в свои права.

Купец Герасимов с несколькими музурами прохаживался по набережной, не отходя далеко от шкоута. По договоренности, с минуты на минуту должен был подъехать Риза-хан с товарами, и Санька ждал его с нетерпением. Наконец-то со стороны Апшерона прямо к шкоуту подкатили фаэтоны: один, другой, третий...

— Давай, братва, принимай,— сказал музурам Санька и поспешил к Риза-хану, который вылез из коляски.

Музуры, не мешкая ни минуты, понесли по дощатому причалу и дальше по палубе, в трюмы тюки с отрезами шелка и шалями. Оба купца тоже поднялись на корабль и скрылись в каюте.

— Ну, где твои жаворонки? — спросил Риза-хан.— Если они красивы и невинны, я возьму их.

— Сейчас, сейчас... Постой.— Герасимов явно волновался: никогда ему еще не приходилось торговать живым товаром, хотя и слышал он, что иные купцы не брезгуют ничем.— Степан! — окликнул он боцмана, приоткрыв дверь. И когда тот подбежал, велел ему: — Ты вот что: эту самую персиянку... Лейлу... отправь в трюм — пусть укладывает тюки. Как отведешь, приди сюда.

Боцман быстро удалился и минут через пять явился вновь, доложив, что приказ купца выполнен.

— А теперь, Степан,— попросил Герасимов,— приведи-ка сюда ее дочек.

— Слушаюсь, ваше степенство...

Две девчурки в кетени, большеглазые и хрупкие, словно косули, робко переступили порог каюты.

— Аферин! — проговорил, покачивая головой, Риза-хан.— Аферин... Сколько хочешь взять за них?

— Да уж не меньше половины стоимости твоего шелка!

— Ты с ума сошел, кунак,— обиделся Риза-хан.— Сбрось еще половину.

— Не рядись, а то передумаю. Привезу в Астрахань, там мигом найдется покупатель.

Девочки со страхом смотрели на купцов и ничего не понимали. Риза-хан приподнял одну под мышки и, опять поставив на пол, сказал

— Ладно, беру... Скажи, чтобы пришли мои люди...

На палубе все еще топтались музуры, подавая в трюм Кеймиру и его сыну тюки. Пальван, несколько ободренный, что к нему пустили на свидание жену, покрикивал лихо:

— Давай, давай, быстрей! Чтоб он сдох, ваш купец! Проклятье его отцу и матери!

— Сдохнет,— иронически соглашался кто-то.— Все передохнут, как мухи.

Другой музур посоветовал:

— Ты бы, пальван, не оскорблял его. Он отходчив. Глядишь, и простит тебе.

— Нечего мне прощать,— зло отозвался Креймир.— Не убивал я его брата!

— Может, и так,— сказал кто-то.— Да только доказательств не хватает!

— Вах, люди! — вздохнул Кеймир.— Когда окажетесь на моем месте, тогда поймете, как вы жестоки!

С тюками провозились часа два. Лишь после этого Кеймир, Лейла и Веллек сели все вместе, чтобы съесть лепешку лаваша и попить чаю.

— Ох, Кеймир-джан,— заплакав, привалилась к плечу мужа Лейла.— Неужели так и пропадем на этом корабле! Я все время прошу их, чтобы посадили меня и дочек вместе с вами, но они не хотят.

— Не плачь, ханым,— отозвался Кеймир.— Нет на наших руках русской крови — это главное. А то, что Санька не верит нам,— ему же будет хуже. Русский бог не простит.

— Я слышала, как музуры говорили,— печально сказала Лейла,— будто бы нас в Сибирь отошлет купец.

— Не бойся, мама,— подал голос Веллек.— Как только мы ступим на твердую землю, мы сразу убежим и тебя спасем.

— Сколько зла в этом человеке,— опять заговорил Кеймир.— Даже дочек мне не хочет показать.

— Я тоже просила, чтобы разрешил к тебе сюда девочек взять, а он сказал: «Запрещено».

— Кто ему запрещает? Он сам хозяин,— возмутился Веллек.

— Ай, ну его... Собакой родился — собакой умрет...

Разговаривая, они и не заметили, как пролетел час, другой. На палубе умолкли голоса. Лейла забеспокоилась о дочерях: как бы чего не случилось с ними. Предчувствие беды возрастало в ней с каждой минутой. Забеспокоился и Кеймир. Лишь Веллек не мог понять: кому понадобится обижать девчонок — на корабле все взрослые.

Кеймир крикнул из трюма:

— Эй, кто там! Эй, музур!

— Чего тебе, пальван?

— Позови Саньку, пусть моих дочек сюда приведет!

— Нет купца, в ресторацию ушел!

Санька возвратился на корабль часа в два ночи, поднял на ноги музуров. Кеймир слышал, как они суетились и переговаривались, словно не могли решиться на что-то. Затем в трюм опустили лестницу, и боцман приказал:

— Поднимайся, пальван!

Кеймир, позвякивая цепями, вылез на палубу. За ним поднялась Лейла. Последним выбрался из трюма Веллек. Всем троим связали руки за спиной и вывели на причал, а затем на набережную.

— Скажи, куда ведешь? — встревожился Кеймир.

— На допрос, пальван,— отозвался боцман.— Сейчас созна-

ешься, лиходей, за что Михайлу ухайдакал! Сейчас тебе посчитаем ребра!

— Собаки вы, а не люди,— устало сказал пальван и больше за всю дорогу, пока поднимались к Бакинским ушам, а потом спускались по ту сторону горы, не проронил ни слова.

В низине остановились. Боцман подошел к Кеймиру:

— Здорово ты тогда меня сапогом хрястнул, до сих пор спина побаливает. Проси прощения, а то застрелю!

Кеймир молчал: жаль ему было и жену, и сына, и дочерей, но язык не повиновался. Тогда боцман сказал:

— Поклянись, что не убивал Михайлу!

— Клянусь, бачка, клянусь! — жарко заговорил пальван.— Ни одним пальцем не трогал Михайлу — ни я, ни сын мой...

— Ну, тогда так,— рассудил боцман.— Оставайтесь здесь до утра, а утречком, если аллах не убьет вас своим проклятием, вернетесь на пристань. Пойдем, братва!

И музуры быстро удалились...

Кеймир дождался рассвета, совершенно не понимая, что произошло: почему Санька отпустил его? С первыми лучами солнца он вышел на вершину горы и увидел: шкоут «Св. Андрей» поднял паруса и уходит вдоль апшеронского берега в открытое море. «А где же дочери?» — забеспокоился Кеймир. И услышал пронзительный голос Лейлы:

— Вай, аллах, вай, спаси нас! Вай, Джерен моя милая! Вай, Ширин-джан!

Лейла упала на траву и забилась в истерическом плаче. Кеймир понял: цена его горькой свободы — две дочери.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ПОРЯДКИ

Прибыв в Астрабадский залив, Путятин высадился на острове Ашир-Ада, велел осмотреть его и снять на карту. Затем распорядился, чтобы впредь ни один купеческий корабль — ни персидский, ни русский — не смели причаливать к сему островку: здесь царское командование намеревается основать морской пост. Все постройки, в коих хранил рыбу и другие товары купец Мир-Багиров, были снесены, а суда его отогнаны на приличное расстояние.

Столь резкие действия царского посланника вызвали переполох в лагере Ардашир-мирзы — наместника шаха в Мазандеране. Армия его в то время приводила в повиновение вышедшие из-под власти тамошние туркменские племена на Гургене. Узнав о бесчинствах русских, но больше возрадовавшись, что начальником эскадры сожжена туркменская флотилия, а Киятхан и его сын взяты под стражу, Ардашир-мирза послал к Путятину своего брата. Тот прибыл к острову как раз в то время, когда у командира эскадры находились двенадцать туркменских ханов. Блюститель полицейского порядка был горд, что ему безоговорочно подчиняются как туркмены-кочевники, так

и персы, и, встретив шах-заде, решил наглядно продемонстрировать свою силу.

— Чем вызван приезд вашей светлости? — спросил он бесцеремонно.

— Его величество шахиншах обеспокоен вашим поведением,— с достоинством заговорил шах-заде.— Персидская держава всегда причисляла остров Ашур себе...

— Чепуха, господин шах-заде,— прервал его словоизлияния Путятин.— Надо знать Туркманчайский мирный трактат. Что еще у вас?

Оскорбленный невниманием и грубостью, шах-заде хотел было покинуть корабль, но пришлось смириться с унижением: еще не все претензии и просьбы были высказаны.

— Не далее как два лета назад,— вновь заговорил он,— его величество Мухаммед-шах оценил голову туркменского разбойника Якши-Мамеда в две тысячи туманов. Ныне нам известно, что этот сорвибашка находится у вас. Не смогли бы вы, господин начальник, выдать его нам за назначенное вознаграждение?

— Нет, шах-заде, выдать его ни за две, ни за десять тысяч не можем. Якши-Мамед-хан оказался виновным перед русскими властями — мы и будем его судить по своим законам.

Не откладывая дальше, ибо персидский принц мог уехать, Путятин велел собрать на шканцы всех туркменских ханов, сам же уселся в плетеное кресло и громко прочитал только что заготовленное клятвенное письмо:

— «Мы, все старшины джафарбайского племени, по морю плавающего, признаемся, что российские военные суда всегда имеют силу и возможность подвергать нас наказанию и что мы уже совершенно убедились в том, что сопротивляться им никак не можем, а потому во исполнение воли великого государя и императора российского под присягой обещаемся и обязуемся: во-первых, отныне и навсегда не только не делать российским купцам и подданным, плавающим по морю, никаких насилий и притеснений, но напротив, по возможности, оказывать им всякое уважение и приязнь; во-вторых, по берегам персидским не производить никаких разбоев и грабежей и не брать персидских подданных в неволю; в-третьих, не давать никому из туркмен, живущих в степи, ни лодок, ни киржимов для того, чтобы на них отправляться к персидским берегам с преступным намерением. Если впредь кто-нибудь из нас, вопреки сей высочайшей воле, учинит какой-либо предосудительный поступок, то российские суда имеют полное право истреблять все наши лодки и киржимы и нас самих подвергать наказанию, какое им заблагорассудится...» [1]

Затем Путятин попросил всех двенадцать старшин подписать бумагу и поставить свои печати.

---

[1] Строки из документа.

— Прошу-с, Кадыр-Мамед-хан,— попросил он сухо и подал гусиное перо.

Тот поклонился, прошептал молитву и, поставив свою подпись, скрепил ее печатью. Затем он передал перо Назар-Мергену. Тот — Аман-Назару. Подписались все, и последним — ишан Мамед-Таган-кази.

— Ну, вот и хорошо,— удовлетворенно проговорил Путятин.— А теперь прошу беспрекословно выполнять сие обязательство. Ежели что непонятно — спрашивайте.

Он с улыбкой посмотрел на шах-заде и спросил его:

— Вы довольны, принц?

— Да, господин,— отозвался тот.— Я сообщу обо всем, что видели мои глаза, Ардашир-мирзе. Теперь скажите, господин капитан, где Кият?

Путятин кивком пригласил шах-заде следовать за ним. Спустившись вниз, к матросским кубрикам, они остановились у двери, на которой висел замок. Часовой сделал шаг в сторону, а боцман загремел ключами и, отворив дверь, сказал:

— Тут они оба. Никуда не денутся.

— Как самочувствие, Кият-ага? — посмеиваясь, спросил Путятин.

Старец смерил его сухим горящим взглядом и гордо отвернулся. Якши-Мамед пригрозил:

— Ты за все ответишь, капитан!

— Напрасно вы, Кият-ага, упорствуете,— пожурил начальник эскадры.— Сын ваш виновен — и понесет наказание. Вам бы следовало остаться дома. Несолидно с вашей стороны. Такой почтенный человек — и вдруг...

— Ай, закрой дверь,— нетерпеливо бросил Якши-Мамед.

Когда командир эскадры и шах-заде вновь поднялись на палубу, гость попросил, чтобы выдали ему Якши-Мамеда.

— Нельзя, нельзя! — строго возразил Путятин.— И не просите. Таких строптивцев мы сами с удовольствием судим.

— Господин, а где еще один хан... Махтумкули-сердар? — спросил шах-заде.

— Кто такой? — удивился Путятин.— Такого я не знаю. Ну-ка, Кадыр, поди сюда. Вот шах-заде спрашивает о каком-то сердаре.

— Есть такой, ваше высокоблагородие. Да только он у нас вроде святого: все его боятся.

— Он главный зачинщик всех бед! — выразительно выговорил шах-заде.— Если его не свяжем клятвой, опять беспорядки начнутся!

— Господин принц,— устало попросил Путятин,— поручаю это вам. У меня, слава богу, и других дел много. Не обессудьте и... не забудьте кланяться от меня вашему Ардашир-мирзе.

Шах-заде приложил ладони к сердцу и спустился в большую парусную лодку.

В войске туркмен, стоявшем лагерем по северному берегу Гургена, был полный разброд. Едва русские арестовали Якши-Мамеда, часть джигитов отправилась на Атрек. А когда маслахат лишил Махтумкули-хана права командовать туркменским ополчением — подались в Гасан-Кули еще три сотни всадников. Потом стало известно о том, что урусы увезли в Баку Якши-Мамеда и самого Кият-хана, а главным человеком на побережье сделали Кадыр-Мамеда.

Эта весть породила беспорядков еще больше. Джигиты, кто в мирные дни занимался рыболовством, нефтяным и тюленьим промыслами, сразу приняли сторону Кадыра и тоже отправились в Гасан-Кули, чтобы побыстрее возобновить торги с русскими купцами. В боевом стане остались лишь несколько юзбаши и земледельцы-чомуры, пшеница которых росла по берегам Гургена. Приближалась пора жатвы, но Ардашир-мирза стоял со своей конницей по ту сторону реки и грозил: если он не увидит у своих ног с поклоном Махтумкули-сердара и дервиша-ишана, то все посевы туркмен будут преданы огню. Чомуры, дабы умилостивить Ардашир-мирзу, собрали семь тысяч риалов, но шах-заде пешкеш не принял и отправил вместе с чомурами за Махтумкули-ханом своего ближайшего помощника Афгани-хана.

Сердар, лишенный войска и почестей, коротал время в обществе святого дервиша Али-Бакара. Еще год назад, расправившись с Михайлой Герасимовым, святой дервиш прибыл на Атрек. В ту пору Махтумкули-хан гневно прогнал от себя ишана Мамед-Тагана-кази, как исполнителя воли урусов, и назвал святым ишаном дервиша Али-Бакара.

Афгани-хан и его люди подъехали к кибиткам Махтумкули-хана в сопровождении Кадыр-Мамеда. Сын патриарха, в богатом шелковом халате нараспашку, в каракулевой папахе, весь обвешанный серебряным оружием, бесцеремонно слез с коня и прошествовал к белой юрте.

— Хов, Махтумкули, гости к тебе от шаха,— произнес он небрежно.

Сердар ухмыльнулся, оглядел каджаров и мрачно пригласил всех в кибитку. Когда приезжие уселись на ковре, а слуги подали чай и еду, Кадыр-Мамед сказал:

— Сердар, милостью аллаха, милостью их величеств царя Николая и Мухаммед-шаха, а также благодаря нашим усилиям удалось на Атреке и Гургене потушить огонь распрей. Все ханы дали клятвенное заверение — не нарушать священной границы по Атреку, не грабить и не убивать персов. Мир и покой будет еще крепче, когда ты отправишься в лагерь Ардашир-мирзы...

Сердар сидел насупленный. Ни один мускул не дрогнул на мужественном и красивом лице сердара. С любопытством он посмотрел на Афгани-хана, глаза которого источали яд предательства, и тихонько сказал:

— Я непременно посетил бы твоего шах-заде, но мне нездоровится.— Сердар покосился на килим и крикнул: — Овезли, позови всех сюда, пусть принесут лекарства!

За кибиткой послышался топот ног и голоса джигитов, готовых в любую минуту прийти на помощь своему хану.

— Сердар, зачем кипятишься? — проговорил Кадыр-Мамед.— Разве помогут тебе десять, двадцать слуг, когда весь народ побережья на нашей стороне?

Махтумкули-хан усмехнулся:

— Ты меня считаешь наивным дивана[1], раз предлагаешь ехать к шах-заде! Разве я не знаю, чем кончится эта встреча? Нет, Кадыр-хан, я готов погибнуть здесь, в бою, чем оставлю без боя свою голову у шатра Ардашир-мирзы.

— Я отвечаю за твою жизнь! — повысил голос Кадыр-Мамед.

Сердар с сожалением покачал головой:

— Ты не смог уберечь родного отца и брата. Разве ты сможешь спасти меня?

Кадыр-Мамед побледнел. На какое-то мгновение, потеряв дар речи, подумал с содроганием: «Уже полгода я ничего не знаю об их участи, вах, аллах пигамбар!» Однако, взяв себя в руки, важно произнес:

— Пока русский государь император жалует меня, с бороды отца и брата не упадет ни одного волоска.

— Сердар,— неожиданно заговорил Афгани-хан.— Я слышал о тебе как о самом храбром и справедливом. Но теперь вижу: я ошибся. Если ты, сердар, потерял смелость, то поезжай к Ардашир-мирзе хотя бы во имя справедливости. Откажешься — все посевы пшеницы завтра же сожрет огонь, и чомуры останутся без хлеба.

— Я болен! — произнес Махтумкули-хан.— В лагерь к шахзаде отправятся мой сын и племянник...

— Сердар, надо и мне поехать вместе с ними,— поднял голос Али-Бакар.— Я сделаю так, что тебя потом встретят с почестями.

Махтумкули-хан с недоверием посмотрел на святого дервиша, на какое-то мгновение усомнился: «Неужели я перестал отличать осторожность от трусости?» — и согласился:

— Поезжайте, святой ишан. Сделайте так, чтобы все было хорошо...

Гости уехали из Гасан-Кули вечером, взяв с собой Али-Бакара, сына и племянника сердара. Теперь Махтумкули-хан остался один. Только жены да слуги, с которыми он никогда не заговаривал о серьезных делах, окружали его. Уединившись, сердар почти не выходил из кибитки: сидел в тяжком раздумье. Он уже давно понял, как несбыточны его стремления создать свое независимое государство. Он почувствовал это еще

---

[1] Дивана — бродяга, одержимый.

в тот день, когда встретился с Теджением и попросил его вернуть своих овец. Даже это маленькое дельце не смогли они уладить, чтобы не обидеть друг друга. Потом он понял, что нельзя и невозможно искусственно породить в людях ненависть к добрым соседям — русским. И разве можно скроить жизнь на свой лад, если сами туркмены хотят жить по-новому? Бедному, изголодавшемуся, уставшему от бесконечных войн люду нужны надежда и уверенность в завтрашнем дне. Никто из прибрежных туркмен, кроме слуг и родственников, не встал в защиту Махтумкули-хана, когда его отстранили от командования войском. И сейчас он сидит в кибитке один, и нет у него друзей, которые бы пришли и подсказали, что теперь делать. Мир кроят не ханы и цари, мир кроят народы. Нельзя помешать дружбе русских и туркмен — это противоестественно. А все противоестественное — негоже для умного человека. Надо смириться с волей народа или покинуть родные края...

Выходя ненадолго из кибитки, Махтумкули-хан с презрением смотрел в сторону залива, где, уже забыв обиду на «капыров», рыбаки мастерили новые киржимы. Полусгоревшие доски и прочие детали старых парусников валялись возле тамдыров — им суждено испепелиться в огне. Новый свежеспиленный лес люди везли из астрабадских джунглей. Обтесывая доски, готовя к рыбной ловле сети и кроша свинец на дробь, переговаривались между собой: «Хвала всевышнему и ак-падишаху, что отвели от наших кибиток беду. Если урусы встанут посреди туркмен и каджаров — войны не будет».

На четвертый день после отъезда сына и племянника в кибитку сердара неожиданно вбежал один из слуг и торопливо сообщил:

— Черкез вернулся... с цепями на ногах...

— О, проклятье,— застонал Махтумкули-хан.— Где он?

Племянник, оборванный, злорадно посмеиваясь, вошел в кибитку.

— Ха, эти собаки и меня хотели везти в Тегеран,— сказал он самодовольно,— но не такой Черкез-джан. Ночью, когда их сарбаз[1] подошел близко к палатке, в которой держали меня, я кинулся на него, завладел его ножом и убил. Потом разодрал цепь, сел на коня и поскакал к Гургену. Они кинулись за мной, но я перебрался на этот берег!

— Мамед где? — теряя терпение, злобно спросил Махтумкули-хан.

— Вай, дядя, не спрашивал бы о нем. Как только нас привезли к Ардашир-мирзе, он сразу повелел: «Сына сердара отправьте в Тегеран».

— О, судьба... Какой я доверчивый глупец! — еще злее заговорил сердар.— Как я мог довериться им?

---

[1] Сарбаз — солдат.

— Дядя, скажи спасибо мне, а то и тебя бы они заманили к себе,— наставительно заявил Черкез-племянник.— Как только твой преданный дервиш слез с верблюда, Ардашир-мирза похлопал его по плечам и сказал: «Давно вас ждем, дорогой Али-Бакар. Засиделись вы у них. А где же Махтумкули-хан?» Тогда дервиш ответил: «Он осторожней шакала и мудрее беркута. Но ничего, шах-заде, не пройдет и недели — и он пожалует сюда, ко мне!» Я слышал этот разговор своими ушами...

В полночь, когда аул Гасан-Кули пребывал в покое, слуги Махтумкули-хана принялись разбирать кибитки и грузить их на верблюдов. Чабанам было приказано поднимать отары и гнать под Кизыл-Арват. К утру на месте кибиток сердара остались лишь клочки войлока да обрывки веревок.

Теперь, когда последний недруг бежал с поля боя, Кадыр-хан успокоился. Ходил по Гасан-Кули, полный величия и достоинства. Внешне он и раньше казался таким, но сейчас превосходство выказывал каждым своим словом, каждым движением. Целая свита ханов и старшин сопровождала его, боясь пропустить сказанное ханом. Рядом неизменно шествовал Мамед-Таган-кази — вечный раб Кията, наконец-то почувствовавший свободу. Имя Кадыра не довлело над ним, ибо молодой хан был сверстником ишана и его приятелем с самого детства. К тому же молодой хан отличался благочестивостью, не пропускал ни одной молитвы, и это еще больше сближало их. С первых же дней своего правления Кадыр-хан принялся учить народ смирению. По зову азанчи те, что познатнее, спешили к мечети ишана и свершали молитвы там, бедняки — возле своих кибиток или прямо на киржимах. Но избави боже, если кто-либо пренебрегал ритуалом! Такие приглашались на беседу в мечеть и часто выходили оттуда побитыми. «Аллах и русский государь — вот две силы, которым должны поклоняться правоверные,— внушал ишан.— Аллах — на небе, государь — на земле!» Как символ величия и силы русского государя, стояли в заливе парусники морской полицейской эскадры. Уходили одни, приплывали другие. Ни ишан, ни Кадыр-хан теперь не допускали даже мысли о возвращении Кията и Якши-Мамеда и новых смутах и распрях. Всякому, кто теперь бы посягнул на их железную власть — будь то отец или брат,— они перерезали бы глотки.

Кадыр-хан жил в одной из келий мечети, возле ишана, и старался не встречаться с родственниками. Лишь незадолго до отъезда на Челекен он повидался с матерью. Постаревшая лицом и ссутулившаяся, она сама пришла в святую обитель к сыну. Поднявшись на каменное возвышение, она сняла кожаные чувяки и, ступая за служанкой по темному коридорчику к кельям, залопотала набожно:

— Аллах всевидящий, помоги... Не наступить бы во тьме на твоих ангелов...

Сына она застала за чтением Корана. Он сидел при зажженной свече, опершись спиной на подушку, и держал перед собой толстую потрепанную книгу.

— Святым хочешь сделаться? — усмехнувшись, сказала Кейик.— Не поздно ли спохватился? После того, что ты сделал с отцом и братом, в святые ты не годишься, верблюжонок.

Кадыр-Мамед, положив Коран на сундук и недовольно посмотрев на мать, помог ей сесть.

— Как твое здоровье, мама? — спросил приличия ради.

— О каком здоровье спрашиваешь! — рассердилась старуха.— Кията и Якши-Мамеда урус-хану отдал... Где они? Почему не придешь ко мне и не расскажешь?

— Вах, мама,— возмутился Кадыр-Мамед,— можно подумать, что это не ты всю жизнь проклинаешь моего отца. Если он и попал к урус-хану, то это благодаря твоим проклятиям!

Кейик-ханым покачала головой и вгляделась в лицо сына, словно впервые его увидела.

— Не говори так, сынок,— попросила она, и губы ее задрожали, а в глазах появились слезы.— Я и теперь ненавижу старика, но смерти ему никогда не желала.

— Якши-Мамеда тоже ты... своими собственными руками втолкнула в русский зиндан,— продолжал сын с холодной беспощадностью.— Разве не ты поссорила его с отцом, подыскав невесту из враждебного рода? Не ты настроила его против урусов?

— Вий, бедная я... Черная судьба моя мешает мне жить. Сынок, попроси, чтобы русский государь отпустил обоих!

— Мы советовались с ишаном и с другими людьми, мама,— разоткровенничался Кадыр-Мамед.— Никто не желает возвращения их. Но сердце мое с отцом и братом. Якши-Мамеда надо немного проучить, чтобы почувствовал силу урусов. Потом мы добьемся у царя разрешения поселиться ему где-нибудь в Расее. А отца выручу. Сам поеду в Баку и привезу его для ненаглядной Тувак.

— Чтоб ей сдохнуть, жирной ослице,— заругалась Кейик.— Не могла уберечь хана. Разве это женщина!

Кадыр-Мамед снисходительно улыбнулся, хотел сказать: «Вот видишь, мама! Не лучше ли отца оставить на том берегу, а Тувак переправить к нему?» Вслух не сказал, но лишь подумал — и утвердился в своей мысли.

Однажды утром в заливе появился русский пароход. Кадыр-Мамед сел на жеребца и поскакал к пристани. Провожал его ишан Мамед-Таган-кази.

На пароходе оказался сам Путятин. Он сидел в шезлонге в окружении нескольких офицеров. Увидев поднявшегося на палубу Кадыр-Мамеда, сказал с упреком:

— Долго-с заставляете себя ждать, бек. Прошу-с, присаживайтесь.

Кадыр-Мамед подобострастно поклонился, притронулся пальцами к рукаву начальника эскадры и сел в предложенное ему плетеное кресло.

— Все ли благополучно у вас? — спросил Путятин.

— Да, господин начальник. Весь атрекский народ выражает вашему высокоблагородию почтение и преданность. Последний мой враг, сердар Махтумкули, оставил эти края и отправился на Аркач. Маслахат назначил новых старшин и ханов. Все они верно будут служить государю императору!

Путятин польщенно улыбнулся, кивнул и закурил трубку. Кадыр-Мамед придвинул к нему кресло и просительно заговорил:

— Все хорошо, все ладно, господин начальник... Только совесть немного не на месте. Мать плачет, родственники плачут... Все хотят, чтобы государь вернул назад Якши-Мамеда и Кият-хана.

— А как вы сами на это смотрите? — спросил Путятин.

— Ай, пусть бы жили у нас...

— Ты отъявленный глупец, Кадыр-хан,— обиделся начальник эскадры.— Одно присутствие твоего старшего брата на этом берегу возмутит народ. Опять начнутся распри. И прежде всего пострадаешь ты сам. Мыслимо ли такое — развязать руки твоему брату, злейшему врагу государя императора! Хватит нам и Шамиля. Десять лет с горцами возимся.

Подошел помощник капитана и доложил, что «Кама» к отплытию готова. Внизу под палубой гремели машины, а из трубы валил черный вонючий дым. Путятин удалился за помощником, и пароход вышел из залива в открытое море.

Оставшись не у дел, Кадыр-Мамед заглянул в каюту, где, расположившись на коврике, слуги ели арбуз, и опять поднялся наверх. Помощник капитана стоял у борта, обозревал в зрительную трубу удаляющиеся берега. Подойдя к нему, Кадыр-Мамед с важностью заметил:

— Тот человек, который придумал этот пароход, умен, как Эфлатун, и мудр, как Аристун. Его ум — от аллаха. Поистине ему принадлежит то, что в небесах, и что на земле, и что между ними, и что под землей!

— Молодец, молодец, бек. Где это вы научились таким премудростям?

Ободренный похвалой, Кадыр-Мамед оживился:

— Вах, господин капитан-лейтенант, одного понять не могу — почему железо не тонет?

— Ну вот, тоже мне,— пожурил его капитан,— а еще говоришь — Аристун, Эфлатун! Они-то как раз знали, почему не тонет железо...— И моряк принялся пояснять молодому хану — отчего судно не тонет, колеса вертятся и отчего скорость у парохода больше, чем у парусника. Рассказывая, повел его вниз,

к паровым котлам, где кочегары, как черные дьяволы, мелькали возле топки.— Вот так в аду черти грешников жгут! — пошутил он и добавил: — Между прочим, пароход этот плывет благодаря твоей челекенской нефти. Так что и ты причастен!

Кадыр-Мамед сначала не поверил, но, присмотревшись к кочегарам, увидел: они и в самом деле обмакивали какую-то ветошь в нефть и лопатами забрасывали в топку.

— Теперь век паровых машин начинается,— сказал моряк, когда вновь поднялись на палубу.— Спрос на нефть увеличивается. Надо бы тебе, бек, подумать над тем, как увеличить добычу нефти. Говорят, ведрами из колодцев черпаешь. Ты пригласи к себе какого-нибудь способного инженера да потолкуй с ним: пусть установит насосы или иные приспособления.

— Думал я об этом,— отозвался Кадыр-Мамед.— Да вот беда: больше будешь нефти добывать, больше надо и работников держать.

Моряк подумал и посоветовал:

— В аренду сдавай нефтяные колодцы. В столице давно уже поговаривают об открытии здесь, на Каспии, торгового купеческого дома. Отдашь в аренду промысел — сам богатым станешь и купцов обогатишь...

Молодой хан слушал эти речи с недоверием, но чувствовал и понимал: наступает пора больших перемен. Если по своей воле не отдашь нефтяные колодцы арендаторам, то они силой возьмут.

— Много ли таких пароходов у царя? — спросил Кадыр.

— Пока немного, бек,— отвечал тот.— Но пройдет с десяток лет, и по всему Каспию будут плавать только пароходы.

— Сколько же нефти надо, чтобы все пароходы накормить? — опять полюбопытствовал Кадыр-Мамед.

— Много, бек, очень много. Так что ты подумай...

Высадившись ненадолго на Челекене, Кадыр-хан поспешил повидаться с женой и детишками. Приласкав своих, тут же отправился к юртам отца. Слуги патриарха поджидали нового хозяина в молчаливой скорби. Атеке поклонился и сложил на груди ладони, явно не зная, как себя вести с новым ханом.

— Где Тувак-ханым? — спросил Кадыр.

— Там, хан-ага,— залепетал слуга, указывая на черную юрту.— По воле нашего светлейшего патриарха она сидит взаперти. Кроме служанки Бике, никто не заходит к ней.

— Приведите Тувак-ханым сюда.

Атеке бросился бегом к черной юрте и вскоре возвратился с Тувак. Ханша горделиво, с презрительной усмешкой смотрела на всех и никому не ответила на приветствие. Видя, однако, что Кадыр пригласил ее неспроста, спросила высокомерно:

— Что тебе, верблюжонок?

Так она всегда говорила ему раньше, когда ловила в его глазах безмолвный вопрос или просьбу, и всегда Кадыр был

бесконечно рад этому. Но сейчас этот вопрос для него прозвучал как оскорбление.

— Ханым, не забывайтесь,— грубо отрезал он.— Я не просить у вас собираюсь, а, наоборот, хочу сделать вам одолжение. Отныне вы свободны. Можете выйти из заточения. Ваш хозяин, Кият-хан, велел, чтобы вы немедленно собирали все свои и его вещи, взяли всех слуг и ехали к нему в Баку.

— Ах, Кадыр-джан,— обиженно отозвалась Тувак,— после того, что он сделал со мной, я не хочу больше его видеть. Оставьте меня в покое — и я умру в этой темнице.

— Ханым, не произносите ненужных слов! — посуровел Кадыр-Мамед.— Пароход ждет вас. Я тоже поеду. Эй, Атеке, чего стоишь! Гони всех своих, чтобы укладывали вещи!

Вскоре к западному берегу двинулось несколько арб. На двух везли сундуки, мешки, торбы, а в третьей сидели Тувак и ее служанка Бике. Остальные слуги шли пешком. Сам Кадыр ехал на коне, опередив намного процессию. Два больших катера, каждый о двадцати четырех веслах, давно уже покачивались на мелководье.

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

Кият ослеп в бакинской тюрьме. Однажды утром, на шестом месяце заточения, проснувшись, он ощупал немощной костлявой рукой лежавшего на дерюжке Якши-Мамеда и проговорил устало:

— Ночь сегодня длинная, сынок, не могу дождаться рассвета...

— Что ты, отец, день уже наступил! — удивленно отозвался Якши-Мамед и посмотрел тревожно на старца: — Разве не видишь, в решетку солнце заглядывает?

— Где, сынок? Ничего не вижу. У меня в глазах ночь. Тебя тоже не вижу. И знобит меня всего.

Якши-Мамед привстал на колени, вгляделся в лицо и глаза отца. Предчувствие неотвратимой беды заполнило грудь молодого хана. Покачав головой: «Нет, не может этого быть»,— Якши поднял руку.

— Видишь?

— Ничего не вижу, сынок. Темно вокруг... Наверно, ослеп я...— Кият зашамкал беззубым ртом, и из глаз у него выкатились слезинки.

Якши-Мамеда охватили тоска, страх и жалость одновременно. Он кинулся к тяжелой, окованной двери камеры и застучал по ней кулаками.

— Надзиратель! Эй, надзиратель!..

Где-то в глубине коридора послышались шаги.

— Чего тебе, басурман?

— Сюда, сюда! — позвал Якши-Мамед, прильнув глазом к «волчку».— Доктора надо... Отец мой ослеп...

— Ладно, будет смена — доложу дежурному.

— Сейчас скажи, зачем ждать! — возмутился Якши-Мамед.— О, аллах пигамбар!

— Я те дам «пагамбар», я те поматерюсь! — пригрозил надзиратель и, удаляясь, пообещал: — Покричи, покричи у меня... Живо в карцер отправлю.

Якши вновь поднялся на нары и склонился над отцом:

— Так и не видишь?

— Ничего не вижу, сынок. Черный ангел ночью, видно, пришел, когда я спал. Видно, скоро уведет меня к себе.

Якши подумал, что отец и в самом деле может умереть здесь, в темнице. И никто не проводит его в последний путь. Даже его, Якши-Мамеда, не пустят на похороны. Отца бросят где-нибудь в яму и завалят землей.

— Аллах, всемилостивый, всевышний, есть ли правда на земле? — взмолился Якши-Мамед.— Они нас держат здесь сто семьдесят два дня, и никто не говорит, когда кончится наш плен. Возможно ли такое, спаситель?! Мы написали прошение кавказскому командующему, но и он глух к нашим мольбам. Нет, я разобью эти проклятые двери, но добьюсь, чтобы нас хотя бы выслушали!

Якши-Мамед схватил пустой котелок и запустил его в дверь. По коридору разнесся гул. Якши вновь схватил посудину и принялся колотить по двери. Он стучал до тех пор, пока тюремный коридор не заполнился топотом сапог всполошившихся тюремщиков. Загремели ключи, дверь распахнулась, и тучный, громадного роста тюремщик ткнул разгорячившегося узника в грудь с такой силой, что он опрокинулся спиной на нары.

— Чего тебе, басурман?! Что стучишь? Всю тюрьму на ноги поднял!

Якши встал, гордо запахнул полы халата, проговорил с угрозой:

— Ничего... Придет время, вы за все мне ответите!

— Говори, зачем позвал? Что с твоим отцом? Ослеп, что ли? Так он старый же, как кощей! Чем я могу помочь!

— Начальника позови...

— Я и есть начальник. Какого тебе еще начальника?

— Если ты начальник, отведи моего отца в госпиталь.

— Нельзя, он арестованный... под стражей находится.

— Он добровольно приехал со мной и добровольно сидит в этой камере!

Надзиратели рассмеялись, а начальник внушительно пояснил:

— По доброй воле сюда не сажают, басурман. Сюда и силком-то не затащишь, а ты говоришь «добровольно». В списках он у нас... Сидите и не шумите, ваша жалоба отправлена в Тифлис. Как прибудет бумага, так и участь ваша решится.

— Господин начальник,— попросил слабым голосом Кият-хан.— Доложите главнокомандующему обо мне. Он не знает, в какие условия я попал. Если узнает, плакать обо мне будет.

Тюремщики опять засмеялись, обозвали Кията выжившим из ума, закрыли дверь на засов и удалились.

— Собаки проклятые! — в бессильной злобе выговорил Якши-Мамед и опустился перед отцом на колени.— Ты тоже, хан-ага, совсем ребенком стал. Мало того, что зрение потерял, теперь и умом слабеешь. Надо такое выдумать: «командующий плакать будет»!

— Сынок, я тридцать лет на двух русских государей молился. Я делал все, что они мне велели. Я получил от них орден и медаль. Неужели совсем забыли обо мне? Этого не может быть, сынок.

— «Забыли» — не то слово, отец,— возразил Якши-Мамед.— И вообще... Ты хороший слуга, но плохой политик. Ты до сих пор не можешь понять, что не все русские одинаковы. Те русские, которые приезжали к нам до двадцать пятого года, сами давно в опале. Одних царь в отставку прогнал, других в Сибирь, на каторгу. Те русские — Ермолов и Муравьев — за новый строй боролись, а эти укрепляют старые царские порядки. Оттого, что царь угнетает малые народы, везде войны идут. Имам Шамиль знамя пророка, думаю, не зря поднял! Ему ненавистен царский режим. И тебе не по вкусу, когда тебя русские купцы да военные обманывают, все дороги твоим товарам закрыли. Но ты не Шамиль, отец, ты сам торговец, поэтому становишься на колени и хочешь угодить государю императору. Ты угодил бы ему, да помешал я. Из-за меня ты здесь мучаешься, бедный мой отец. Просто...

Кият слушал сына молча, не перебивая, и, когда тот высказался, сказал спокойно, как ни в чем не бывало:

— Не отчаивайся, сынок. Я здесь сижу, чтобы выручить тебя из неволи... Я тебя выручу, сынок.

Якши-Мамед горько усмехнулся и подумал: «Отец мой — как дивана,— помешался на этих русских».

Из камеры в тюремный двор их вывели зимой. Был сырой дождливый день. Над Баку плотным заслоном лежали тяжелые тучи. Во дворе стоял дилижанс, и около него прохаживались готовые к дороге конвойные солдаты. Кията вели под руки. Он не мог передвигаться, пошатывался и падал, да и трости у него не было: отобрали в тот день, когда их с сыном водворили в камеру. Тогда ему сказали: «Потом отдадим». Сейчас он вспомнил о ней.

— Господин начальник, принесите мне мою трость... Это подарок генерала Ермолова...

— Иди, иди, совсем с ума сошел, старец,— сказал конвойный казак.

Другой недовольно пробурчал:

— Погода такая, седьмой день дождь льет, пожалуй, сойдешь с ума.

Вскоре дилижанс двинулся в путь. Внутри повозки с арестованными двое конвойных, двое — снаружи, и еще пятеро конвойных зарысили вслед за арестантской коляской. Потянулись долгие, томительные дни...

Казачьи посты, небольшие поселения, города: Елисаветполь, Акстафа, Нефтлуг. Наконец на двенадцатые сутки въехали в Тифлис. Здесь тоже прошли дожди. И сейчас в синем промытом небе светило солнце, и всюду сияли маковки церквей и чистенькие крыши княжеских особняков. Даже замок Метехи, приспособленный с некоторых пор под тюрьму, казался не столь мрачным и зловещим. И лишь в те минуты, когда Якши-Мамеда и его отца повели двором мимо орданант-гауза и показались первые арестованные, занятые переносом бревен, молодой хан уныло сказал:

— Да, отец, не будет нам милости... Опять тюрьма...

В дежурке тонкогубый, с серыми змеиными глазами офицер спросил:

— Кто из вас Кият-хан?

— Вот он... Это мой отец,— поспешно отозвался Якши-Мамед.

— Марущенко,— позвал офицер казака с лычками младшего чина.— Отвезешь хана к князю Бебутову.

— А меня? — упавшим голосом спросил Якши-Мамед.

— А тебя — в камеру...

Кията взяли под руки и повели назад, во двор. Он оглядывался и вырывался: хотел что-то сказать сыну.

— Отец! Отец, постой! Я даже не простился с тобой! — закричал Якши-Мамед. Он бросился на сероглазого офицера: — Собачья отрава, куда вы его повели? Дайте хоть попрощаться: он одной ногой стоит в могиле!

— В могиле и встретитесь,— сказал с ехидной усмешкой тюремщик.— А пока шагай в одиночку. Там поумнеешь.

Якши-Мамеду заломили руки и потащили в темный провал метехского коридора...

Пока усаживали Кията в фаэтон, пока коляска ковыляла по грязным тифлисским дорогам, он беспрестанно просил не разлучать его с сыном. Кията уговаривали, чтобы не беспокоился: везут его к князю Бебутову, к младшему сыну Карашу. Там больного хана ожидают теплая постель и уход.

Дом князя стоял на взгорье. Ниже — от балкона до самой Куры — золотились оголенные виноградные лозы. Фаэтон въехал в широкие ворота и остановился во дворе, где на веревках висело белье, а около конюшни грузины чистили лошадей.

Старый князь, в черном с золотыми пуговицами архалуке и шапке-асечке, приветливо встретил старца. Ласково обнял его и с помощью слуг проводил в спальню. Кият смотрел вдаль невидящими глазами, плакал тихонько и жаловался:

— Бебут-хан, кунак дорогой, что они со мной сделали!

Я полгода сидел за решеткой и сам не знаю за что. Я ослеп, Бебут-хан.

— Кият-ага, успокойтесь и усните,— утешал его князь.— Вы так изменились за последние десять лет. Я даже не сразу узнал вас. Вам надо выспаться. Сейчас мы пошлем за Карашем: он давно ждет вас...

Младший сын пришел к вечеру. Высокий, статный, в синем суконном бешмете и в дворянской фуражке с приподнятой тульей, он был юношески красив, но по-прежнему, как и в детстве, сердит и неприветлив. Кият-хан ощупывал костлявыми руками его лицо, плечи, а он недовольно морщился.

— До чего вы себя довели, отец,— сказал с упреком Караш-Мурад.— У нас в училище только и говорят о вас и Якши-Мамеде. Сын здешнего губернатора узнал о ваших выпадах против русских. Зачем вам нужно было защищать Якши?

— Стар я, не ругай меня, Караш-Мурад... Дай мне горячего чаю.

— Карашик, мальчик мой,— пожурила отпрыска княгиня,— нельзя так с родным отцом разговаривать. Разве ты не видишь — он совсем плох!

— Вижу, дорогая Русудан. Да только и мне теперь не легче. Разрешит ли генерал Нейгардт ехать в кадетский корпус?

— Все уладится, Карашик, не надо зря беспокоиться. Вот, подай отцу теплого молока...

Ночью у Кията открылся бред. Утонувший в перине и подушках, он взмахивал руками и вскрикивал: «Якши, сынок мой! Якши, я с тобой, не бойся!» Две служанки князя и сын Караш не отходили от постели больного до утра. На рассвете хан уснул, и днем, когда пришел в себя, все думали — он больше не встанет. Лицо его стало желтым, горбатый нос заострился, а между бородой и усами зиял старческий провал рта...

Месяца через два, когда приехал в Тифлис Кадыр-Мамед со слугами и женой отца, Кият-хан все так же лежал в постели и не сразу понял: кто и зачем к нему пожаловал.

— Отец, это я — Кадыр-Мамед.

— Кадыр? А чей вы будете? Не наш ли?

— Ваш, ваш, отец. Вот и младшая жена ваша, Тувак-ханым, перед вами.

Кият с недоверием ощупал ее талию, грудь, плечи, лицо, сказал тихонько:

— Да, правильно, это Тувак-ханым...

— Вий, горе мое,— тоскливо проговорила она и покачала головой.— Ехала, думала: никогда не прощу ему, а здесь, оказывается... хоть прощай, хоть не прощай. Спи, мой хан, отдыхай... Пойду обласкаю своего дорогого сыночка Караша.

Она вошла в другую комнату и остановилась испуганно у

порога. Караш, в расстегнутой рубашке, сжав кулаки, доказывал Кадыр-Мамеду:

— Ты и Якши, вы оба погубили его! Вы, как бешеные псы, делили между собой власть и дошли до того, что Якши-Мамед стал врагом русского государя! Якши опозорил наш честный род! Мы теперь долго будем страдать из-за него!

— Караш, брат мой, что я мог с ним сделать? — оправдывался Кадыр-Мамед.— Его развратили здесь, в Тифлисе, эти разные Муравьевы. Это они ему вбили в голову, что все народы — и русские, и кавказцы, и туркмены — должны пользоваться свободой. Он до последних дней, пока его не арестовали, все время говорил о благоденствии и просвещении. И мне старался внушить, что на Кавказе не было бы войны, если б царь Николай не задушил вольнодумцев. Вот он какой, твой брат. Что я мог поделать?! Теперь царь загонит его в Сибирь.

— И пусть гонит,— с беспощадностью выговорил Караш.— Нет места ему ни здесь, ни на том берегу. Такие, как он, только мешают нам жить. Мы — подданные государя императора! И мы будем защищать честь нашего отечества!

— Вах, Караш,— удивился Кадыр-Мамед.— Ты совсем на туркмена не похож. Ты хоть умеешь говорить по-своему?

— Я и говорю по-своему, по-русски. Теперь у меня две родины: Туркмения и Россия...

Тувак, присев в углу на корточки, внимательно и боязливо смотрела на разбушевавшегося сына. Он наконец заметил ее и, скупо улыбнувшись, поднял на ноги.

— Встаньте, мама, и сядьте за стол. Здесь не Челекен.

Он усадил ее в кресло, налил в стакан чай и подал, изящно оттопырив мизинец.

— Ва-хов,— вздохнул Кадыр-Мамед.— Если так, братец, умеешь держать себя, то и к командующему ты сможешь пойти. Надо попросить, чтобы выпустил Якши из тюрьмы. Но он не поедет на свой берег, мы найдем ему место в Тифлисе, около отца. Вот Тувак-ханым и Якши-Мамед вместе будут ухаживать за отцом.

Караш поморщился.

— Не думаю, чтобы генерал Нейгардт освободил его. Да и нет сейчас генерала в Тифлисе. На линии он. Разве не знаешь, какие там дела, в Дагестане? Шамиль бьет наших солдат, никак не могут с ним справиться.

— Мы подождем его приезда.

— Ну, хорошо,— не сдавался Караш.— Приедет Нейгардт, ты добьешься приема к нему. Войдешь, поклонишься, скажешь: «Отпустите Якши-Мамеда». «За что сидит?» — спросит генерал. Ты ответишь: «За то, что поднял руку на русских». «Идите, уважаемый»,— скажет Нейгардт. А может, и тебя заодно к Якши в тюрьму бросит!..

— Вах, братишка, зачем пугаешь?

— И не собираюсь пугать. Просто хочу, чтобы ты смотрел

на окружающее глазами воспитанного человека, а не муллы, зазубрившего Коран. Вот так-то, дорогой мой братец, преданнейший слуга аллаха!

— Ты аллаха не трогай,— внезапно возмутился Кадыр.— Все от аллаха: и земля, и люди, и скот.

— Ладно, брат, не будем об этом. Придет время, и ты скажешь: «Кто милует бога, того жалует царь».

— И о русском боге скажем, и аллаха не забудем...

Штаб главнокомандующего — белый дом под горой, с колоннадой и обширным садом — в эти дни выглядел заброшенным. Почти все штабисты находились на линии фронта, в горах Дагестана. Там же пребывал и сам генерал Нейгардт. Все попытки погасить пожар войны на Кавказе разбивались о беспримерную стойкость горцев. Русские солдаты дивились храбрости абреков, офицеры порой расписывались в своем бессилии, а государь император менял главнокомандующих. Барон Розен был заменен Головиным, Головин — Нейгардтом, но положение на линии не изменилось. Две новые пехотные дивизии, с которыми вошел в горы Нейгардт, лишь на какое-то время оттеснили горцев. Затем Шамиль со своим войском вновь захватил инициативу: занял Гергебиль и вынудил царских солдат оставить Аварию. Тотчас пошли разговоры: «Кто следующий на пост главнокомандующего?» Не без основания называли Воронцова. Слухи эти кружились, как черные галки, над Тифлисом. Пребывавшие в «Белом доме» квартирмейстеры и советники беспрерывно копались в бумагах, выметая следы одного командующего и утверждая в приказах и рескриптах другого. Непостоянство в руководстве кавказской армией налагало отпечаток безразличия и бездеятельности. Дела канцелярии были запутаны, бумаги, порой самые важные, бесследно исчезали. Забывались и не выполнялись принятые решения. А о людях и вовсе не помнили. Когда Кадыр-Мамед, поборов робость, переступил порог кабинета правителя канцелярии главнокомандующего и сказал, что он пожаловал по делу Кият-хана, тот даже передернул плечами.

— Какого еще Кият-хана? Тут этих ханов — хоть пруд пруди!

Видя крайнюю раздражительность статского советника и злобу в его ядовитых желтых глазах, Кадыр поспешно вышел и вскоре вернулся с Абдуллой, который с помощью четырех солдат втянул в кабинет огромный текинский ковер и раскатал его по полу.

— Ваше превосходительство,— подобострастно заговорил Кадыр-Мамед,— примите в дар от моего отца, Кият-хана, этот прекрасный ковер.

— Ну зачем же, ну зачем же,— несколько растерялся статский советник. В глазах у него засияла радость, и он, как ребенок, принялся разглядывать подарок.— Каков коврище, а! —

воскликнул наконец с восторгом.— Ну, а что же хочет от меня ваш Кият-хан?

— Сын его... мой брат Якши-Мамед, в Метехи сидит...

— А-а,— поскучнел начальник канцелярии.— Это тот, который нарушил неприкосновенность границы на Атреке, а потом и на русского купца поднял руку?

— По глупости он, ваше превосходительство. Неграмотный он.

— Ну, вот еще,— рассердился статский советник,— по какой такой глупости, когда нам доподлинно известно, что он состоял в связях с вольнодумными людьми! Скажу вам сразу, дорогой бек, если вы пришли ходатайствовать об освобождении, то сие — напрасный труд. О вашем строптивце известно Нессельроде и государю императору. Тут я бессилен. На вашем месте я утешился бы и тем, что отцу вашему разрешили быть не в тюрьме, а на частной квартире... под надзором...

— Ваше превосходительство, но мой отец сам пошел в тюрьму с Якши-Мамедом, чтобы выручить его!

— Брось, бек, не валяй дурака. Единственно, чем могу помочь, добьюсь разрешения на свидание с братом. Устраивает?

Кадыр-Мамед замялся, обиженно засопел, и статский советник, видя это, тоже нахмурился.

— Вы и в самом деле, видно, не придаете большого значения поступку вашего брата,— сказал он сердито. Полез в шкаф, покопался и извлек папку.— Взгляните, дело Якши-Мамед-хана и вашего родителя... Вот-с, хотя бы...

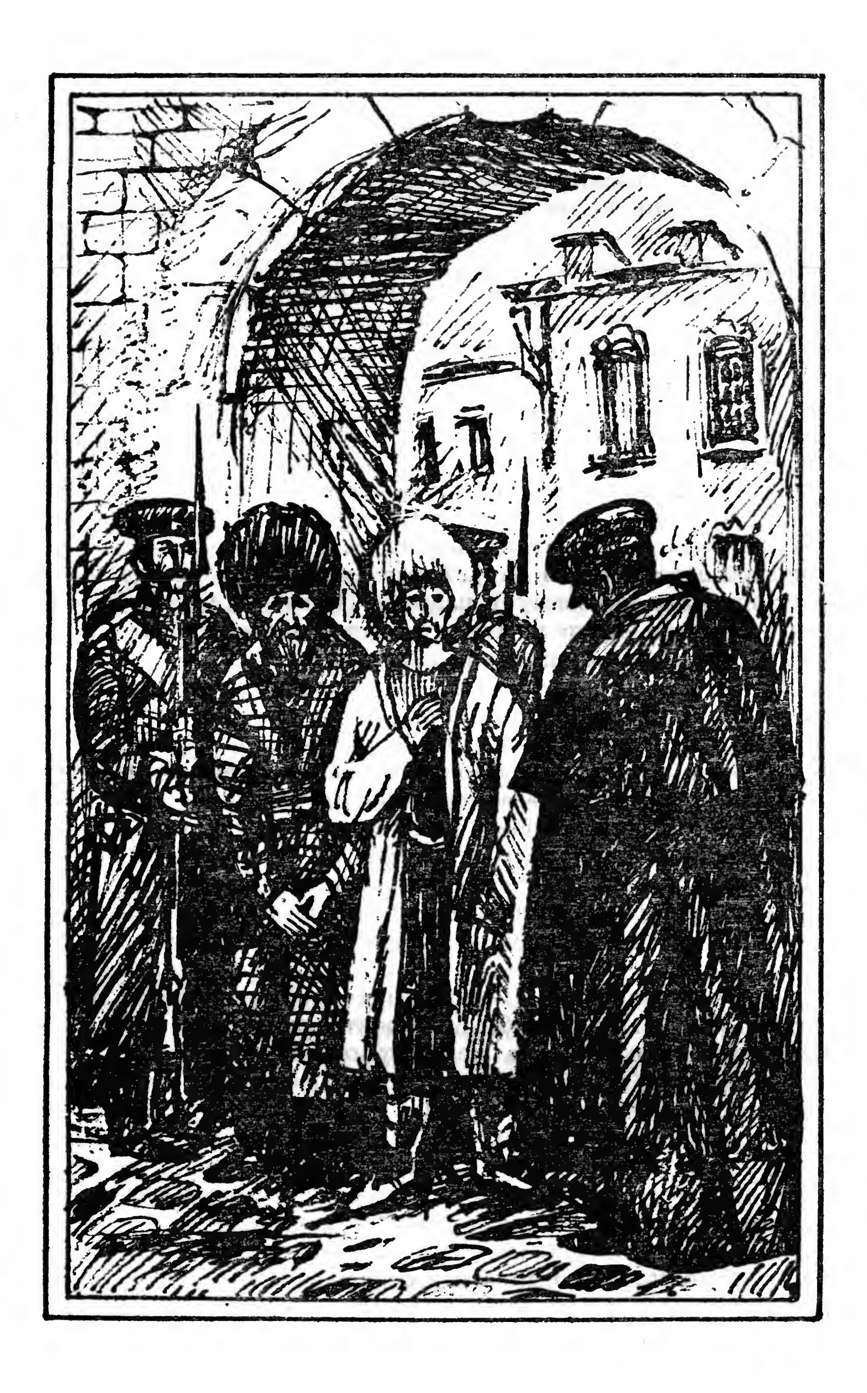
И начальник канцелярии зачитал:

— «На предписание вашего высокопревосходительства ко мне с № 159 об известном мне относительно услуг, оказанных туркменом Кият-беком и его сыном нашему правительству, почтеннейше донести честь имею:

В 1819 году, в бытность мою командиром военного корвета «Казань» в экспедиции гвардейского генерального штаба капитана Муравьева под начальством майора Пономарева у восточных берегов Каспийского моря Кият-бек был приглашен на корвет в Астрабадский залив и сопутствовал во все время нашего плавания в тех водах. По возвращении г-на Муравьева из Хивы сопровождал его в Тифлис, где представлялся с сыном Якши-Мамедом главноуправляющему тогда Грузией, был награжден медалью.

В исходе 1826 и начале 1827 года в бытность мою командиром военного брига «Баку» при блокаде неприятельских берегов Астрабадского залива тот же Кият-бек по приглашению моему для внесения оружия на персидские берега склонил своим влиянием отряд туркмен к оному и в набеге своем к Фарахабаду на собственных киржимах отбил и увлек с собой значительную добычу.

Сущность сих событий могут подкрепить донесения, состоявшиеся тогда на имя главноуправляющих Грузией: генерала

Алексея Петровича Ермолова и генерал-адъютанта Ивана Федоровича Паскевича...

Подписал: капитан первого ранга Басаргин» [1].

Этот документ,— продолжал начальник канцелярии,— сыграл немалую роль. Я дал санкцию освободить Кията из тюрьмы и содержать под домашним арестом. Что касается Якши-Мамеда — тут сложнее. Все настроены против него... Слушайте, что пишет наш посол из Тегерана: «Якши-Мамед всегда был главным предводителем в разбоях туркмен и простирал насилия свои не только на персов, но и на подданных империи». Сие послание было направлено послом самому государю императору, а его величество распорядился «...сколько для примера строгости, столько и для соблюдения спокойствия между туркменами задерживать на время в России упомянутого Якши-Мамеда».

А далее так, господин бек:

«...Наместник Кавказа, его высокопревосходительство генерал Головин, выполняя сие распоряжение государя, в своем предписании от 16 декабря 1842 года, грузино-емеретинскому гражданскому губернатору определил, что «Якши-Мамед, находящийся под арестом в Баку, переводится в Тифлис, где необходимо иметь за ним строгий надзор... И коль скоро замечено будет что-нибудь в его поступках сомнительное, немедленно донести до сведения здешнего начальства» [2].

Вот таковы обстоятельства, господин Кадыр-Мамед-хан.— Начальник канцелярии захлопнул папку и положил ее на место, в шкаф. Вернувшись за стол, он откинул фалды фрака, сел и попросил, чтобы слуга Кадыра удалился. Затем, когда Абдулла покинул кабинет, сказал, пожимая плечами:

— До сего дня мне было известно, что между вами и вашим братом шла долгая непримиримая борьба. Господин Путятин, не без нашей поддержки, помог вам одолеть конкурента. Что же вы, господин бек, ходатайствуете за своего брата? Или... вы, может быть, с ним заодно — только прикидывались нашим человеком?

— Вах, начальник, не думайте так! — испугался Кадыр-Мамед.— Я не хочу, чтобы брат опять мешал мне. Я боюсь — погибнет в тюрьме. Тогда не будет мне покоя, начальник!

— Ладно, Кадыр-Мамед-хан, мы сохраним ему жизнь. А теперь выслушайте и усвойте раз и навсегда. Мы убрали вашего брата прежде всего затем, чтобы в дальнейшем спокойно, без всяких помех иметь связь с туркменами побережья. Еще осенью прошлого года его сиятельство Карл Васильевич Нессельроде дал санкцию на учреждение торговой фактории на острове Челекен. Ныне в Азиатском комитете решается вопрос об открытии особого торгового дома для сношений с вашими подданны-

---

[1] Строки из подлинного документа.

[2] Здесь и выше в кавычках строки из подлинных документов.

ми. Несколько московских купцов со дня на день прибудут в Тифлис и, вероятно, захотят встретиться с вами.

— Аллах всевышний, всемогущий, всемилостивый, пусть все сбудется,— зашептал Кадыр-Мамед, закатив глаза.

— Что вы там чародействуете? — насторожился начальник канцелярии.

— Аллаха молим, начальник,— строго и серьезно отозвался Кадыр-Мамед.— Пусть аллах услышит твои слова и исполнятся наши обоюдные желания.

— Исполнятся,— самоуверенно заключил статский советник.— Вся надежда на вас. Сумеете купцов наших принять и обласкать как надобно — и аллаху и государю Российской империи будете наижеланнейшим господином. А о брате своем беспокойтесь меньше всего. Мы найдем ему место... Мы отправим его на поселение в какой-нибудь русский городишко. Под полицейский надзор. Там и доживет он свое, отмеренное аллахом.

— Вах, начальник, ты мудрый человек. Ты сам — от аллаха! — воскликнул Кадыр-Мамед и, схватив его руку, поцеловал.— Пусть живет Якши там. Спокойно и хорошо ему будет. Все его деньги, все его богатство туда отправлю. Все, что попросит, буду посылать ему. Только пусть не мешает мне... Ты мудрый человек... Спасибо!

— Не за что, бек... Ступайте с богом и не беспокойтесь. На днях я устрою вам свидание с братом.

Кадыр-Мамед, пятясь к двери, поклонился несколько раз и довольный вышел на площадь, где его давно поджидал слуга.

Якши-Мамед сидел в одной из башен Метехского замка. Темная каменная камера с высоким потолком и маленьким оконцем с толстой решеткой днем и ночью хранила тишину и мрак. Узник не мог дотянуться до решетки — и не знал, что там, за ней. А за ней, под горой, катилась мутная Кура, теснились грузинские сакли. В самые тихие ночные часы в камеру едва-едва доносился шум реки, но и этот шум был так тих, что походил на шум в голове. Доведенный до отчаяния, обессилевший и упавший духом, Якши-Мамед сидел в полутьме и писал диван о своей горькой участи. Ему с трудом удалось убедить начальника тюрьмы, что если он содержится здесь по указанию царя, то царь не откажется прочитать его прошение о милости. Ему дали стопку бумаги и чернильницу с гусиным пером. Потом, когда Якши пожаловался на темноту, принесли и свечку. Он садился в углу, сворачивал ноги калачиком и, уткнувшись в бумагу, часами раздумывал над каждой фразой. Писал в стихах, потому и думал долго.

Не ведаю, что мне делать,— в беде оказался я.
Будь справедлив, всевышний,— совесть с тобой моя.

В горестях и страданиях ночи и дни провожу.
О, аллах милосердный, воля на все твоя!

Душу свою изливаю перед тобой одним.
Сижу я в сырой темнице, черным роком гоним.
Отец мой ослеп. Не знаю — что теперь сталось с ним.
О, аллах милосердный, воля на все твоя!

Нет, это было не прошение. На бумагу ложилась невыплаканная боль души: любовь к ближним, презрение и ненависть к врагам, обличение лжи и коварства. Уходя целиком в себя и мысленно переносясь на свой родной берег, Якши-Мамед то беседовал с Хатиджой и маленьким Мусой, то журил Хасана и Адына, сыновей старшей жены Огульменгли: «Что же вы, мои дорогие, любимые, не подаете о себе вестей? Что с вами сталось? Не разделяете ли и вы мою участь? О, горькая участь!» Стоило ему вспомнить о брате Кадыре, как он откладывал сочинение и принимался ходить по камере: боль и обида жгли его сердце. «Проклятый мулла, ты целиком, с печенкой и потрохами, продался русским чиновникам и ворам-купцам! Ты предал меня! Ты помог им заточить меня в темницу! Если не так, то почему ты ни разу не навестил меня?! И отца ты своего забыл, предатель!» И Якши-Мамед вновь тянулся к бумаге. «Теперь я опишу начальников несправедливых и взяточников. Я расскажу их тайны и раскрою жестокие поступки:

Их господа злы, у них нет верного слова,
Сколько просьб ни пиши — все пропадут в дороге.
Скажешь правду — ответят: «Из правды не сваришь плова».
Вступишь в спор — руки скрутят и в цепи оденут ноги.

Если денег не дашь им — дело твое пропало.
Если же дашь, то скажут: «Побольше давай, этого мало».
Много хвастают, лжи не стыдятся продажные люди,—
На дворян и чиновников царских нет правосудья!

Учат всех они. «Мы ученые» — себе в голову вбили.
Но чему этих графов, князей обучили?
Нет, они, вероломные, знают немного.
Грош им дай — продадут и царя, и веру, и бога!

Из тысячи найдется один, не берущий взятки,
Но тысяча этих укажет ему на его недостатки...»[1]

Якши-Мамед вспомнил о Карелине, отложил перо в сторону и задумался: «Где он теперь, Григорий Силыч? В Оренбурге? В Петербурге? Помнит ли обо мне? Вах, если б он узнал о моей участи — неужели и он бы не помог мне?!»

Он писал и поглощен был весь своим занятием. Жуткая тишина сторожила его покой.

---

[1] Приведены строки из дивана Якши-Мамеда в переводе автора романа.

Однажды, после того, как подали ему кусок ржаного хлеба и кружку воды и он торопливо поел, к камере вновь подошел надзиратель:

— Эй, Якши-Мамед-хан! Собирайся!

У него тревожно забилось сердце: «Неужели свобода?»

— Начальник, мы всегда готовы! — отозвался он бодро и сунул в подкладку чекменя исписанные листки.

Во дворе замка его посадили в крытую коляску. Двое часовых с винтовками сели рядом. На облучке с кучером — урядник. По шуму воды и гулкому стуку колес он догадался, что проехали по куринскому мосту; по тому, как легко шла повозка, можно было определить, что она катится куда-то вниз. А потом лошади пошли трудно, заскрипели оси колес,— это начался подъем в гору.

Наконец он вылез из повозки и оказался на большом подворье около конюшни. Отсюда вела колея в другой двор, где стоял красивый особняк и виднелись виноградные беседки. Он вдруг почувствовал, что когда-то бывал здесь, и вспомнил: «Да это же поместье князя Бебутова! Сюда мы сносили вещи Муравьева, когда уезжали в Тарки... Ва-хов, как давно это было! А теперь здесь живет мой младший братец Караш... Значит, к нему?»

Идя аллеей вслед за урядником (полицейские сбоку), Якши-Мамед увидел впереди, под навесом балкона, людскую толпу. «Что это? Зачем меня сюда привезли?» Приглядываясь, он узнал князя Бебутова, затем увидел Кадыр-Мамеда, Тувак и Караша. Все они смотрели на своего родственника-арестанта косо и отчужденно. Только один Абдулла (видно, ему было поручено) вышел навстречу Якши и сказал скорбно:

— Дорогой Якши, отец ваш умер...

Якши-Мамед не ахнул, не зарыдал, лишь вздрогнул. Он давно уже свыкся с мыслью, что отец не жилец, и, сидя в Метехи, допускал мысль, что отца уже похоронили, а Якши-Мамеду сказать об этом не сочли нужным. Мысленно он поблагодарил аллаха, что этого не случилось и ему разрешили проститься с умершим. Когда Якши подошел к крыльцу, все расступились. Следом за урядником он поднялся на веранду и дальше в комнату, где на полу, покрытый саваном, лежал Кият-хан. Якши остановился, оглядел его желтое восковое лицо, затем опустился на колени и коснулся рукой холодного сморщенного лба покойника.

— Прости меня, отец,— прошептал он, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.— Это я виноват... Я сократил твой жизненный путь... Прости, отец, скоро встретимся...

Якши-Мамед вытер слезы рукавом, решительно встал и вышел во двор.

— Когда скончался? — спросил он, подойдя к младшему брату.

Тот скептически хмыкнул и брезгливым вглядом окинул Якши-Мамеда:

— Разве тебе это так важно? Ты сделал все, чтобы поскорее загнать его в могилу. Бунтовщик!

— Эх ты, сын свиньи,— с сожалением выговорил Якши-Мамед и отошел прочь. Он сел на скамью в беседке. Тотчас двое полицейских устроились рядом. Оба закурили. Нехотя приблизился Кадыр-Мамед.

— Братец, вчера я должен был прийти к тебе на свидание, но отцу стало хуже...

— Ты мог прийти полгода назад, когда отец корчился от простуды и лихорадки, а потом, обессиленный, ослеп. Неужели ты ничего не сделал, чтобы спасти нас?

— Якши, не сердись и не говори глупостей,— поучающим тоном заговорил Кадыр-Мамед.— Спасти тебя и вернуть назад, домой, невозможно. Ты сидишь в тюрьме по велению самого государя.

— Я знаю это. Но разве нельзя упросить государя?

— Братец, это бесполезно. Все, что в моих силах, я исполнил. Ты не будешь долго сидеть. Скоро тебя отвезут в Воронеж... Там будешь жить на поселении.

Якши-Мамед растерялся:

— Один буду там?

— Да, один. Но я думаю, ненадолго. Если удастся разжалобить государя, он разрешит тебе вернуться в Гасан-Кули. Братец, не будь строптивым глупцом, последуй моему примеру. Я хочу отправить в Петербург на службу царю своего сына. Если и ты пошлешь своих сыновей учиться в кадетский корпус, думаю, что государь по достоинству оценит твой поступок...

Кадыр-Мамед не досказал. Люди у крыльца зашевелились и замерли. Из комнаты вынесли тело Кият-хана. Пройдя аллеей, слуги, возле которых неотступно была княгиня Русудан, положили мертвеца в фуру, и похоронная процессия двинулась за город, на татарское кладбище. Шагая в скорбной молчаливой процессии, Кадыр-Мамед вновь заговорил со старшим братом:

— Якши, не упрямься. Это единственное, что может спасти тебя. Отправь обоих в кадетский корпус: и Адына и Хасана. А подрастет Муса — и его тоже.

— Ладно, Кадыр, я согласен... Полагаюсь на тебя... Не дай мне потеряться на чужбине. Когда будешь везти моих сыновей в Петербург, добейся, чтобы разрешили им заехать ко мне. Увидеть их хочу, братец... Душа болит. Если Хатиджу пустят...

— Нет, братец, ее не пустят,— строго отозвался Кадыр-Мамед.— Я просил начальника канцелярии. Он ответил: «Это невозможно».

Тело Кият-хана опустили в могилу по всем мусульманским обычаям. Оплакали, сказали «аминь» и отправились домой. На поминках тюремщики сидели рядом с Якши-Мамедом. К еде не прикасались: боялись урядника. Когда закончилась трапеза, заботливая Русудан принялась заталкивать им в карманы колбасу, сыр, яблоки, приговаривая:

— Ешьте, соколики, ешьте... Помяните покойника. Хорошим человеком был... Дай бог и вам быть такими.

Затем прощались с Якши-Мамедом родственники. Все обняли его, кроме Караша. Тувак-ханым пожурила сына за непочтение и извинилась перед Якши-Мамедом. Тогда он снисходительно посмотрел на нее и сказал:

— Ничего, ничего, Тувак-ханым. Караш правильно поступил, что не полез в объятия. Он знает: я никогда не приму его рук. Мы разные люди, хоть и рождены от одного отца.

— Не сегодня завтра мы едем в Петербург,— печально отозвалась Тувак.— Бумаги уже готовы. Начальник разрешил учиться моему сыну в кадетах.

— Значит, поедем одной дорогой. Только назначение у нас разное. Караш едет служить царю, а я еду отбывать царское наказание...

Якши-Мамед поклонился всем и вошел внутрь коляски. За ним последовали конвойные. Дверца закрылась, кучер взмахнул кнутом, и повозка, выехав со двора, покатилась к Метехскому замку.

ЭПИЛОГ

Шел 1870 год. Городок Гурьев, иссушенный на солнцепеке, овевался степными ветрами. Дым от сотен очагов метался над устьем Урала, долетая до синей, заполненной множеством кораблей гавани. От дыма, пыли и испарений над берегом все время висела туманная пелена. Парусники медленно входили в устье Урала, так же медленно отделялись от них лодки, набитые солдатами. И еще медленнее серое солдатское месиво расползалось по городку, устраиваясь на постой в деревянных избах казаков или в палатках по окраине. Палатки ютились около човдурских кибиток, похожих на большие перевернутые пиалы. У одной из кибиток, стоявшей на задах длинного порядка казацких куреней, расположилась кузница. Возле нее всегда можно было увидеть двух-трех лошадей на привязи, сидящих за чаем солдат или туркмен в длиннополых чекменях и косматых тельпеках. Хозяин кузницы, высокий плотный старик с окладистой бородой — Кеймир-ага, всегда был рад встретить гостей. Как только подъезжал какой-нибудь конный казак и просил подковать «скотину», Кеймир-ага сажал его на кошму, заваривал черный чай, смешанный для крепости с полынью, и окликал сына:

— Хов, Веллек, помоги служивому.

Веллек, теперь уже не юноша, а глава семейства, выходил из другой, соседней юрты, здоровался с гостем, осматривал копыта лошади и бросал поводья детям. Внуки Кеймира торопливо, ссорясь и толкая друг дружку, тянули коня к кузнице. Вскоре над ней курился дымок и разносился звон металла.

Кеймир-ага тем временем мирно беседовал со служивым.

Казак ли это был, или гусар — беседы складывались однообразно:

— Откуда едем, куда путь держим, господин?

Гость называл место, откуда перебазируется полк или батальон, и несколько стесненно, ибо дело имел с хозяином-мусульманином, прибавлял:

— Туда, под Ташкент, под Самарканд гонят. Теперь, считай, весь Туркестан, окромя Хивы, царь-батюшка покорил...

Солдаты, прибывавшие со стороны Оренбурга, не очень внятно говорили о новом городе Красноводске, о том, что где-то на пустынном берегу строятся бараки, везут туда лес и железо — все до последнего гвоздя. Тут Кеймир-ага охотно вступал в разговор и пояснял: сам он из тех мест, но волей судьбы заброшен сюда и теперь суждено ему здесь отдать богу душу. Далее этого Кеймир-ага не распространялся: не любил говорить о себе, да и солдат мало волновала чужая судьба, от своей — тошнехонько. Рассказывая о своих местах, откуда был вероломно изгнан ханами и русским купцом, Кеймир-ага вспоминал бакинские катакомбы, где ему пришлось ютиться несколько лет. Вместе с женой и сыном занимал он в темном подземелье, среди голодных амбалов, уголок. Утром, чуть свет, отправлялись на пристань: подряжались загружать и разгружать суда, к вечеру с краюхой хлеба возвращались в свое подземелье. В вонючей сырой темноте погибла жена Кеймира — Лейла-ханым, так и не увидев двух своих дочек, увезенных шемахинским купцом. Не смог их отыскать и по сей день Кеймир-ага. В первые годы жил мечтой — расправиться с Санькой Герасимовым, не раз собирался в Астрахань. А когда совсем собрался, узнал от астраханских музуров, что Санька умер от холеры. Понял тогда Кеймир-ага, что и тайну о судьбе дочерей унес купец с собой на тот свет. Понял и перестал искать. До пятьдесят третьего года Кеймир работал амбалом в Баку, пока не почувствовал, что силы его понемногу иссякают. Тогда они с Веллеком устроились кочегарами на русский пароход. Год провели возле огнепышущих топок, все время поговаривая, что быть кочегаром — не легче, чем грузить мешки и корзины на пристани. После года беспрерывного плавания по Каспию: Баку — Астрахань — Ленкорань — Гасан-Кули — Челекен — русский пароход однажды зашел в городок Гурьев. Кеймир с сыном отправились к казакам купить пороху и дроби, ибо задумали уйти с парохода совсем и поселиться где-нибудь на своем берегу и заняться охотой и рыболовством. Подходя к одному из куреней, Веллек обратил внимание на грузного человека в черном сюртуке и фуражке. Человек был хмур и строг глазами. Он шел, опираясь на костыли, и перед ним расступались все. «Кто такой?» — спросил Веллек у казака. «Наш, ученый человек, путешественник... Карелин. Может, слышал?» Веллек замер от удивления, посмотрел на отца и закричал вслед Карелину: «Силыч! Силыч, подожди!» Так, после восемнадцатилетней разлуки, состоялась их встреча,

и эта встреча решила дальнейшую судьбу Киймира и его сына. Поселились они здесь, рядом со своим благодетелем. Постепенно обзавелись двумя кибитками и верблюдами. Веллек женился на молоденькой човдурке, появились у него дети, а Кеймир-ага стал дедом и хозяином недавно купленной у казаков кузницы. Не мог равнодушно смотреть Кеймир-ага на бой молотков по наковальне: силой наливались его мускулы при виде огня и раскаленного железа, в душе появлялся такой огонь, что казалось, все ему подвластно. Сам он не кузнечил, но всегда находился при кузнице...

В любое время дня Кеймир-ага, его сын и внуки заходили к Карелину, как в собственную кибитку. И не только они. В избушке Григория Силыча всегда гостили то кайсаки, то туркмены, то приезжие купцы из Бухары. С одними он обменивался новостями, рассказывал о делах в России (он выписывал несколько газет и журналов), другим писал прошения к атаману, генерал-губернатору, в Сенат. А когда в доме никого не было, садился за рукопись: заканчивал одиннадцатый том сочинений по изучению естественных наук Прикаспия, Кайсакских степей, Иртыша. Ряд статей, вошедших в эти одиннадцать томов, уже был опубликован в разных журналах Петербурга, Москвы и за границей, но все основное, собранное за пятьдесят лет научной деятельности, только еще готовилось к печати. Силыч не любил, когда его отвлекали от работы. И обычно встречал гостей грубовато: «Ну, чего вам опять от меня? Ну вот, нашли время!» Но тут же складывал исписанные страницы в ящик стола и велел ключнице, юркой старушонке, накрыть скатерть. За столом редко обходилось, чтобы его не спросили: «Силыч, почему ты один? Где твоя семья?» И не было случая, чтобы он кому-либо рассказал, отчего оказался один. Даже Кеймиру, при первой памятной встрече после долгой разлуки, не доверился, сказал неопределенно: «Ты думаешь, тебя треплет судьба, а меня милует? Нет, пальван, к нам с тобой она относится одинаково скверно!» И больше ни слова. Кеймир перестал спрашивать Карелина о семье, да и сына предупредил, чтобы «не наступал на больное место» Силычу. И все-таки затаенная боль вырвалась из него однажды.

Никто никогда не видел Карелина подвыпившим. И вдруг приковылял он на своих костылях в кабак и собрал за столом целую шатию казаков. Напоил всех вусмерть и сам хватил лишнего, хотя на ногах устоял и домой вернулся без помощи. Уже у самого двора повстречал его Кеймир, которому сообщили, что «твой ученый-яшули напился арака».

— Силыч, будь проклят этот свет, что с тобой случилось? — поддерживая его за спину, с отчаянием спросил Кеймир.

— Ничего, ничего, пальван... пройдет. Не сдержался... Жуть охватила... Хороший человек скончался! — Он всхлипнул и тяжело замотал головой.

— Кто такой? Я знаю его?

— Узнаешь! — строго и гордо проговорил Карелин и потряс над головой костылем.— Все его узнают! Вся Россия! Вся Азия! Весь мир!

— Вах, Силыч, ты заболел,— принялся успокаивать друга Кеймир.

Но с Карелина хмель словно рукой сняло. Совершенно спокойно произнес он:

— Герцен умер. В Париже умер...

Кеймир больше ни о чем не спрашивал, только слушал. Войдя в комнату и опустившись в кресло, Григорий Силыч в каком-то исступлении, словно готовился к этому долго-долго, рассказал Кеймиру о том, как в юности примкнул к кружку вольнодумцев, как был сослан в Оренбург, как тайком поддерживал связи с ссыльными декабристами и эмигрантами. Сказал и о том, почему у него семейной жизни не получилось.

После того как Силыч оставил жену Александру Николаевну и дочек Лизу и Сонечку в Оренбурге, а сам отправился в тайгу по Иртышу, министр иностранных дел пытался вернуть его в столицу и расправиться с ним за все старые и новые грехи. Несколько лет Карелин не выходил из тайги, ждал затишья. Даже собранную коллекцию флоры и фауны не мог переправить в музеи и общество естествоиспытателей. Наконец решился: с ящиками и пакетами отправил в путь студента Ваню Кирилова. Тот добрался до Казани, но в дороге заболел и умер, а коллекция бесследно исчезла. Постепенно о Карелине стали забывать. Неприметно возвратился он в Оренбург, уложил на возы домашний скарб, усадил в повозку жену и девочек и отправился в подмосковную деревеньку к родственникам Александры Николаевны. Да только и там долго не задержался. Дошли слухи до властей о нем, и тут как тут грозное предупреждение: находиться и жить г-ну Карелину в центральных уездах России строжайше воспрещено, предписывается в 24 часа удалиться на поселение в Гурьев. С тех пор Карелин письмами поддерживал связь с семьей, но с 1852 года ни разу не виделся ни с женой, ни с дочерьми. По письмам знал, что обе дочери вышли замуж, а Александра Николаевна горюет в одиночестве и ждет возвращения мужа.

— Поехал бы, Силыч,— робко посоветовал Кеймир, выслушав длинный рассказ Карелина о себе.

— Зачем, пальван? Кому я нужен такой? Да, признаться, и тяги к жене нет. Отвык-с. Иное дело — вот эти труды.— Он кивнул на целую гору серых картонных папок.— Тут вся моя жизнь. Вот отправлю в общество, может, издадут. Тогда и к жене, и к детям загляну.

— Силыч,— с интересом полюбопытствовал Кеймир,— а чем занимался тот человек? Почему ты говоришь — о нем весь мир узнает?

— О, пальван... Это великий человек. Мудрец. Демократ. Он из России бежал от царя, чтобы легче было воевать с ним. Он —

самый страшный враг царизма, защитник всех бедняков и обличитель дворян и помещиков. Герцен звал народ жить сельскими общинами, чтобы не было ни богачей, ни бедняков. Это касается и вас, туркмен. Если и вы поймете его учение да подниметесь против своих баев и ханов — большое дело сотворите! Он звал народ к топору, пальван. К топору,— с благоговением повторил Карелин.— Запомни!

Дня через три после этого разговора Креймир-ага сидел с кайсаками-чабанами и рассказывал им о новостях. Говорил о тяжелой доле народа, о том, что в России творится. К вечеру гости разошлись: подул из песков сильный ветер; каждому надо было возвращаться к своему очагу. Перед сном Креймир-ага еще раз вскипятил чай, выпил две-три пиалы, лег и накрылся чекменем. Ветер дул с ужасающей силой и завывал вверху в туйнуке. Кибитка содрогалась, того и гляди улетит с ветром. Креймир вспомнил, как однажды унесло ураганом на Челекене сразу несколько кибиток. Они покатились в море, а потом их вышвырнуло на берег. С этим видением прошлого и уснул пальван. Проснулся неожиданно, в непонятном страхе. По-прежнему гудел в туйнуке ветер, почему-то выли собаки, и пахло паленой кошмой. Дым ударял в ноздри с такой силой, что Креймир-ага закашлялся. «Вах-хов,— испуганно подумал он,— неужели кошма от очага загорелась?» Осмотрел юрту — нет ни огонька, ни искорки. Выглянул из кибитки — и обомлел: над Гурьевом полыхало огромное пламя; все дома по Уралу до самого устья горели и с треском разваливались. Людские силуэты мелькали в дыму. Креймир не на шутку растерялся. Поняв, однако, что пламя до его кибиток никак не достанет, он тотчас подумал о Карелине.

— Веллек! Веллек! — тревожно позвал он сына, сдернув с его кибитки килим. И когда тот выскочил наружу, сказал: — Силыча надо спасать. Не сгорел бы, пошли!

Они побежали по степи и чем ближе приближались к пылающему городку, тем больше ужасались увиденному. На их глазах горели не только дома и сараи, но и люди, и скот — живыми факелами металось все живое по тесным улочкам и падало замертво.

Изба Карелина, когда к ней приблизились Креймир и Веллек, уже догорала. Развалившиеся бревна потрескивали, словно щепки в печи. Самого Силыча отыскали по голосу. Без костылей, совершенно беспомощный, он полз от всепожирающего огня подальше, в степь, к човдурским юртам.

— Рукописи! Труды мои там! — выговаривал он страшным голосом, понимая, что спасти уже ничего нельзя...

Друзья увели его к своим кибиткам и вновь вернулись к пылающему городку, чтобы хоть чем-то помочь попавшим в беду уральцам. Люди, поначалу ошарашенные огнем и неимоверной паникой, постепенно обретали уверенность: от берега Урала к домам спешили с полными ведрами женщины, казаки и даже

дети. Солдаты недавно расквартированного здесь пехотного батальона растаскивали горящие бревна баграми, скатывали их в воду. Крики, брань и плач слышались повсюду.

И на другой день, и на следующий дымился сожженный Гурьев. Казаки, злые и подавленные, искали поджигателя. Где могла возникнуть искра? У солдат-постояльцев? У атамана? Никто не мог бы назвать имя виновника. Может, и сунул кто-то кому-то «красного петуха», но и сам сгорел. Не осталось в Гурьеве ни одного жилого дома.

Через несколько дней после того, как черный дым рассеялся по необъятному небу, из Оренбурга пожаловал большой конный отряд под предводительством скуластого поручика туркмена. На буланом красивом коне разъезжал он среди черных обугленных развалин, распоряжался, и пострадавшим выдавали на первый случай сухари и соль. Через день он появился у кибиток човдуров.

— Эй, хозяин! — позвали Кеймира.— Тут у тебя, говорят, человек один живет... ученый... Где он?

— Тебе зачем этот человек, уважаемый? — настороженно отозвался Кеймир-ага, припомнив беседы о сельской общине и умершем Герцене.

— Хей, дурак, как разговариваешь с поручиком! — прикрикнул офицер.— Ну-ка, веди меня к нему! — И, не дожидаясь, пока его введут в кибитку, откинул килим и поздоровался с Карелиным.

— Я новый пристав Мангышлакского уезда, поручик Караш-хан Хазарский. Вам ни о чем не говорит мое имя? — спросил он с вежливой улыбкой.

— Решительно ни о чем,— растерянно отозвался Карелин, не понимая, чего ради улыбается новый пристав.

— Господин Карелин,— опять подчеркнуто вежливо заговорил поручик.— Я сын вашего давнего друга, патриарха туркмен Кият-хана! Вы помните его?

— Как же-с, как же-с, хорошо помню.— От неожиданности Карелин даже попытался встать, забыв о параличе.— Я немного слышал о его судьбе: говорят, умер в Тифлисе, в ужасных условиях...

— Да, это так. Отец похоронен не с теми почестями, каких он заслужил. А во всем виноват Якши-Мамед. Это он связался с вольнодумцами, потом выступил против русского купца... Сам поплатился головой и отца загнал в могилу.

— Ну, что же вы так обвиняете брата! — недовольно поморщился Карелин и подумал: «Да, этот Киятов сынок, кажись, воспитан в духе ревностного служаки». Поняв, что с поручиком-приставом надо быть поосторожнее, спросил: — Что же сталось с Якши-Мамедом? Какова его судьба?

— Он был на поселении в Воронеже,— холодно ответил Караш-хан.— Может быть, и дождался бы царской милости, но слишком был горяч. В 1845 году бежал и был задержан на рас-

шйве в море сторожевым крейсером. После этого, говорят, его содержали в тюрьме. Там он и умер...

— А его жены, дети?

— Старшая, Огульменгли, стала женой Кадыр-Мамеда. А младшая, Хатиджа, не вынесла горя. Говорят, когда пришло известие о смерти Якши-Мамеда, она заявила: «Умру и я, но не стану женой ненавистного брата». Сожгла себя заживо.

— А Кадыр-Мамед... Жив он?

— Жив, что с ним сделается. Он всегда верно служил государю и сейчас преуспевает. Челекен и Атрек сдал в аренду, получает немалые барыши.

— Ну, а вы, поручик? Как живете вы, холосты, женаты?

— Я окончил кадетский корпус. Служил в Белгородском полку. Женился. Жена моя — уроженка Малороссии, из старинного рода Кочубея-Сизых. Есть дети... трое сыновей.

— Что же, вы здесь у нас приставом будете? — полюбопытствовал Карелин.

— Не здесь, Григорий Силыч. Я еду в Красноводск. Это укрепление входит в Мангышлакский уезд. Городок пока маленький, но за Красноводском — будущее. Оттуда мы двинемся на Хиву и выйдем в Ахал!

— Довольны своей судьбой, поручик?

— Безусловно! Кем бы я сейчас был, если б не русские!

Карелин подумал: «Русские и государь император — понятия совершенно разные», но говорить об этом не стал.

Когда Караш-хан сел на коня и уехал, Карелин, держась за терим, поднялся и попросил Кеймира, чтобы помог ему выйти на свежий воздух.

— Ну вот и закончен еще один круг бытия,— сказал он задумчиво.

— Наступило время других ханов,— подсказал Кеймир.— Хазарских...

— Нет, друг мой дорогой, не их время,— возразил Карелин.— Теперь наступает время не ханов, а народа. Будущее за бедняками-крестьянами, за кочевниками. Колокол Герцена всех на ноги подымает! Всех разбудит!

ПЕРЕЛОМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Февраль свирепствовал дикими холодами.

Хлесткие ветры лихо разгуливали по гладкому ледяному полю Невы и пустым державным площадям Петербурга. На Дворцовой снежные вихри, вскидываясь вверх, обвивали Александровскую колонну, и бронзовый ангел, казалось, вот-вот сорвется с нее и улетит, растворившись в белой мгле. В посвистах ветра терялся отдаленный колокольный звон церквей и совсем не слышалось оркестровых маршей на плацах Николаевского кавалерийского училища и Пажеского корпуса.

Днем и ночью болезненно-желто светились окна Зимнего дворца. Одиночные кареты, сопровождаемые конными казаками и жандармами, изредка останавливались у подъезда. Великие князья, наследник и высокопоставленные особы время от времени навещали государя, чтобы справиться о здоровье императрицы. Немощная, не в состоянии шевельнуть и пальцем, одолевшая долгий и нелегкий путь от Канн до Петербурга, лежала она в постели, то и дело теряя сознание. К вечеру государь ждал принца Гессенского — брата императрицы, который обещал приехать с шестичасовым поездом. И вот, когда кареты принца остановились у Зимнего и сам он, поднявшись в Фельдмаршальский зал, предстал перед монархом, во дворце произошел взрыв: столовая царя и все ближайшие к ней комнаты и коридор потонули в черном дыму. Невообразимая паника: крики, визг и звон битой посуды продолжались до тех пор, пока не приехали пожарные...

Императрица была в беспамятстве и взрыва бомбы не слышала. На другой день ей сообщили: взорвался газ, погибло девять караульных солдат и более сорока ранено. Возведя очи, царица перекрестилась и попросила фрейлину Милютину съездить в госпиталь и утешить раненых.

II

Болезнь императрицы и взрыв бомбы, наделавшие массу непредвиденных хлопот, остановили на время многие экстренно важные дела. Военный министр генерал-фельдмаршал Милютин, вызвав из Минска командира 4-го корпуса генерал-лейте-

нанта Скобелева, какой уж день держал его в гостинице, предупреждая, что в любую минуту он может быть приглашен государем. Изредка Милютин собирал в канцелярии генералов, где они предварительно оговаривали вопрос о необходимости посылки Второй Ахалтекинской экспедиции в Закаспий. Наконец, 25 февраля государь пригласил всех к себе. Просторную приемную самодержца, а затем кабинет, выходящий окнами на Дворцовую площадь, Неву и Петропавловскую крепость, заняли парадные, с аксельбантами и орденами, мундиры и фраки.

Государь, принимая господ, выражал всем своим видом крайнюю усталость. И едва они сели за стол и зашуршали исписанными страницами, предостерег:

— Только попрошу, господа, не затягивать. Докладывайте, Дмитрий Алексеевич.

— Ваше величество,— начал министр, привычно огладив усы.— Прежде чем приступать к существу вопроса, позвольте мне охарактеризовать суть наших дел с туркменами за последние десять лет, с того момента, как отряд полковника Столетова высадился на восточном берегу Каспия и был основан там форт, а проще говоря, небольшой городок Красноводск. С той поры минуло десять лет, но за столь короткий период Россия добилась многого...

— Я бы не сказал этого.— Царь скептически улыбнулся и обвел взглядом сидящих господ.— В последние десять лет мы сумели подчинить Хиву, войну на Балканах у турок выиграли, а в Туркмении ни на шаг не продвинулись. Как топтались на каспийском берегу, так по-прежнему и топчемся. Не так ли, господа? — Государь еще раз посмотрел на подчиненных, прося поддержки.

— Истинно так, ваше величество,— поспешно согласился начальник Главного штаба Гейден.

Милютин, видя, как задвигались и зашелестели бумажками члены Госсовета, понял: «Упусти момент, и эти красноречивые оракулы вмиг превратят заседание в арену словопрений».

— Прошу прощения, ваше величество,— строже выговорил он.— Согласен с вами по Хиве и по войне с султаном, но и на Каспии мы не сидели сложа руки. В шестьдесят девятом был основан Красноводск, в семьдесят четвертом образовался Закаспийский военный отдел, включивший все восточное побережье Каспийского моря от реки Атрек на юге до залива Мертвый Култук на севере. Учреждены приставства — Красноводское и Мангышлакское... Засим мы приняли в подданство России всех прикаспийских туркмен: они были разделены по волостям и аулам. Вся родоплеменная туркменская знать получает от нас жалованье. Введена единая покибиточная подать в размере полутора рублей с кибитки в год. Далее мы приняли под свою эгиду каракалинских туркмен, по их настоятельной просьбе...

— Господин министр, но отчего ж с туркменами у нас кровопролития, если все так хорошо?! — вновь не согласился царь.

— Причин много, ваше величество. И одна из них, может быть самая главная,— применение грубой силы к туркменам некоторыми нашими военными. Прежде всего я имею в виду действия Маркозова, сменившего в семьдесят первом году Столетова. Вы, вероятно, помните историю с отставкой Маркозова от должности. Сей муж силой отбирал у туркмен верблюдов, отказывался выплачивать деньги, а потом, как выяснилось, Маркозов присвоил средства за верблюдов себе. Пришлось заменить Маркозова генералом Ломакиным...

— Вы ничего не выиграли от такой замены, Дмитрий Алексеевич,— бросил реплику великий князь Михаил — родной брат царя, кавказский наместник, опекавший в свое время подполковника Маркозова.— Ломакин поистине наломал дров: поражение под Геок-Тепе целиком лежит на его совести.

— Я не согласен с вами, Михаил Николаевич.— Милютин насупился, сделал паузу, собираясь с мыслями.— Причина поражения наших войск под Геок-Тепе в прошлом году совершенно иная. И виноваты в ней прежде всего мы с вами. Будь мы мудрее и проницательней, не оставили бы отряд Ломакина в глубине Туркмении, под Кизыл-Арватом, в то время как объявили войну турецкому султану и двинулись на Балканы. Английские и турецкие агенты тотчас воспользовались нашим промахом. На границе Ахала тут же появился английский капитан Нэпир, вступивший в сношения с ахальскими вождями. Помог ему в подстрекательстве против русских ахальский ишан Керимберды, побывавший накануне в Мекке и Стамбуле. Сии мужи подняли ахальский люд на газават, вследствие чего отряд Ломакина был отведен им к берегу моря. Что касается прошлогоднего похода в Ахал, предпринятого как бы в отместку за поражение, то он еще больше настроил туркмен против нас. Мы оказались битыми под Геок-Тепе не только физически. От нас отвернулись и те, кто раньше просился в наше подданство,— Нурберды-хан, Тыкма-сердар и прочие предводители Ахала...

— Дмитрий Алексеевич, стоит ли забираться в такие дебри? — не согласился великий князь Михаил.— Если мы будем считаться с каждым туземцем, думать — «а что они подумают о нас», то мы никогда не утвердимся в Закаспии и запросто отдадим его территорию англичанам. А они не дремлют.

— Что же предпринимают англичане? — спросил государь.

— Да, англичане не дремлют,— согласился Милютин и стал докладывать: — С начала января из Тегерана от посланника Зиновьева и от лиц, связанных с английским послом в России Деффирином, поступило несколько весьма важных сообщений: Англия принимает самые энергичные меры около границ Мерва, Ахала и юго-восточного каспийского побережья. Премьер Дизраэли распорядился перевести английское консульство из Решта в Астрабад, поближе к туркменам. Затем он же дал указание своему послу в Тегеране Томсону вынудить шаха, чтобы

тот перебросил батальоны в Хорасан, дескать, для защиты Герата от русских.

— Вы беседовали на этот счет с Деффирином? — спросил царь.

— Разумеется, ваше величество, но английский посол не дал ясного ответа. Пришлось обратиться к нашему послу в Лондоне, князю Лобанову. Телеграмма, полученная от него, вовсе насторожила меня: посол сообщил, что английский кабинет не намерен вести какие-либо разговоры об азиатской политике.

— Скоро ли наконец истечет срок правления вездесущего Дизраэли? — спросил, усмехнувшись, Александр.

— Перевыборы вот-вот должны состояться, ваше величество. Полагаю, либералы Гладстона сместят консерваторов. Но как бы то ни было, надо послать в Закаспийский край еще одну экспедицию. Штабом разработан предварительный план Второй Ахалтекинской экспедиции. Если позволите, я ознакомлю вас?

— Думаю, о войне говорить нет смысла,— сказал царь.— В случае успеха либералов обстановка смягчится.

— Ваше величество,— возразил Милютин,— нынешний план клонится в основном к благоустройству Закаспия. Предлагается построить железную дорогу в глубь пустыни и укрупнить ряд морских портов. Войска же разместятся на треугольнике: Красноводск — Чекишляр — Кизыл-Арват — и займутся устройством опорных пунктов. В Ахал предполагается войти в начале 1883 года. Есть основания полагать, к тому времени наша миролюбивая политика остудит воинственный пыл текинских ханов. Если нам удастся вырвать правителей Ахала из рук английских агентов, засевших там, я думаю — геок-тепинскую крепость вовсе не понадобится брать пушками и штыками.

— Ну что ж, разумно,— удовлетворенно отозвался царь.— А кого предлагаете начальником отряда?

— Генерал-адъютанта Скобелева, ваше величество.

Царь посмотрел на сидящего рядом с Милютиным большеглазого, с роскошной русой бородой и усами Скобелева и скривил губы. Скобелев опустил голову, понял, что государь вспомнил его прошлые грешки. «Но, черт побери, неужели до сих пор лежит на мне царская немилость? — с отчаянием подумал он.— Не лучше ли еще раз вспомнить турецкую кампанию? Я ее начал с отрядом казаков, а закончил корпусным командиром в чине генерал-лейтенанта!»

— К вопросу о начальнике отряда мы еще вернемся,— сказал царь.— Продолжайте, Дмитрий Алексеевич. Пусть выскажутся господа, послушаем.

Милютин вновь направил вопрошающий взгляд на утомленно-изящного генерал-фельдцейхмейстера при золотых эполетах и аксельбантах.

— Михаил Николаевич, окажите любезность?

— Я подожду, пусть все выскажутся,— отказался наместник Кавказа, великий князь Михаил.

— Генерал Гейден, вам слово,— тверже сказал Милютин, глядя на начальника Главного штаба.

— Ваше величество,— волнуясь, заговорил Гейден.— На предварительных совещаниях я имел случай высказаться по поводу предполагаемой экспедиции в Каракумы. Смею и теперь заявить, что вовсе не согласен с посылкой туда экспедиции.

— Что же вы предлагаете, граф? — полюбопытствовал царь.

— По моему крайнему убеждению, ваше величество, гораздо целесообразнее, в видах увеличения нашего могущества в Средней Азии и ослабления англичан в этом краю, построить железную дорогу от Оренбурга до Ташкента. Зачем тратить средства на экспедицию в безводную пустыню?

— Что скажете вы, Обручев? — посмотрел царь на большеголового, с сократовским лбом генерала.

— Я целиком разделяю точку зрения военного министра, ваше величество. Устройство опорных пунктов и постепенное вовлечение туркмен в культурное освоение закаспийских просторов, несомненно, самое разумное в нынешней обстановке. При мирном их освоении с помощью акционерных обществ и купеческих товариществ мы могли бы понести минимальные расходы и тем самым не помешали бы основной нашей программе в деле реорганизации армии и создания Черноморского флота.— Генерал Обручев энергично кивнул и сел.

— А каково мнение Министерства иностранных дел? — полюбопытствовал царь и спохватился: — Кстати, господа, почему опять нет канцлера Горчакова?

— Болен, ваше величество,— едва заметно улыбнулся Милютин.— Старческие припадки, мигрень, провал памяти. Намедни заходил к нему, так он и не узнал меня.

— Ладно, ладно, граф, о Горчакове поговорим после,— отмахнулся государь.— Пусть высказывается Гирс.

— Николай Карлович, слово вам,— сказал Милютин.

— Мое мнение сходно с проектом военного министерства,— сказал Гирс.— Необходимо лишь точно рассчитать, во что нам обойдется новая трехлетняя экспедиция.

— А вот мы сейчас спросим министра финансов,— сказал царь.

Милютин попросил встать Грейга:

— Слово вам, Самуил Алексеевич.

Министр финансов, смущенно оглядываясь и верноподданнически заглядывая в глаза государю, начал извиняться: расчеты пока не сделаны, ибо решение еще не принято. Царь нахмурился и велел подать предполагаемые расходы на экспедицию не позднее 1 марта, чем фактически отверг предложение Гейдена о постройке ташкентской дороги и утвердил предварительный план, разработанный военным министерством.

Наместник Кавказа, князь Михаил, видя, что совещание идет к концу, встал, не спрашивая слова.

— Александр,— сказал он с легким упреком государю,— все

прекрасно, но мы не подумали об англичанах. Не исключено, что английские отряды Робертса и Барроу не сегодня завтра могут вторгнуться в Ахал, и тогда все наши планы потеряют всякую значимость. Я полагаю, экспедиционный отряд в Туркмении должен действовать в соответствии с реальной обстановкой. И для того чтобы его действия были целенаправленными и безошибочными, надлежит подчинить этот отряд моему округу. Волен также поддержать военного министра в отношении кандидатуры на должность командира отряда генерала Скобелева.

— Хорошо, Михаил,— согласился царь.— Замечания твои весьма разумны. А поскольку и ты хлопочешь за Скобелева, то представьте с Милютиным материалы Ахалтекинской экспедиции на утверждение...

III

В субботу в доме Милютиных был званый ужин. В вестибюль из глубины дома доносились хрустально-звонкие звуки фортепиано. В залитом газовым светом зале на сверкающем паркете кружились в блеске мишуры нарядно одетые знатные дамы, барышни — слушательницы женских медицинских курсов, военные. Мужское общество составляли в основном скобелевские офицеры, кому предстояло ехать в далекие Каракумы. Ужин, собственно, и был устроен в их честь. Скобелев блистал в парадном мундире при всех регалиях. Время от времени подходили к нему и вновь удалялись, когда начинался очередной танец, начальник штаба экспедиции полковник Гродеков и начальник тыла генерал Петрусевич. Сам хозяин дома, граф и военный министр, прохаживался во фраке. Легкий черный фрак с длинными фалдами и узкие брюки делали его моложе и стройнее. И окружен он был лицами штатскими: американцем Берри, французом Полем Монсье, русскими инженерами. Все они, зная, как нелегко попасть к министру на прием, спешили устроить свои дела в непринужденной обстановке.

В веселых беседах и смехе, в бодрых и чарующих волнах музыки время шло незаметно. Но вот звуки фортепиано смолкли, и гости, оставив широкий круг танцевальной залы, начали собираться группами у стен. И тут распахнулись тяжелые, массивные двери, ведущие в столовую.

Тотчас у входа в столовую появилось несколько дам, среди которых заметно выделялась молодая графиня Милютина. Стройная русоволосая дама, с высокой декоративной прической, в розовой кофточке с множеством мелких сверкающих пуговиц и длинной складчатой юбке, она предстала перед гостями воплощением женской нежности и изящества. Но эту нежнейшую особу господа не раз видели в костюме амазонки, на лошади, с хлыстом, и больше того — в белом халате сестры милосердия в военном госпитале. Графиня была фрейлиной императрицы и негласной попечительницей Красного Креста. Со

всеми вопросами обращались к ней, хотя Красным Крестом формально управляла царица.

— Господа, прошу... Прошу вас к столу,— мягко выговаривала она, здороваясь с гостями.

Пока гости входили в столовую, беспрерывно говоря ей комплименты, она слабо улыбалась и отмахивалась от лестных слов и целых тирад голубым китайским веером.

— Сударыня, вы сегодня очаровательны,— сказал ей Скобелев, целуя в поклоне руку.

— Только сегодня? — притворно обиделась она.— Ох, генерал, я вам не прощу этого.

Князь Шаховской, молодой человек во фраке и белой сорочке с высоким воротником, отчего голову он держал слишком прямо, сказал в защиту графини с легким упреком:

— Михаил Дмитриевич, но ведь не «сударыня», а «ваше сиятельство».

— Пардон, князь,— высокомерно бросил Скобелев и отошел с графиней.— Шаховской по должности рядом с вами или есть на то более основательные причины? — спросил, с опаской заглядывая ей в глаза и ища в них прощения за дерзость.

Милютина игриво улыбнулась и покачала головой:

— Вы невозможный человек, «белый генерал»!

— Ваше сиятельство,— заговорил он торопливо и жарко.— Обещайте после ужина танцевать только со мной.

— О-о! — вновь улыбнулась она кокетливо, и Скобелев с видом рыцаря-победителя направился к столу и сел в середине, между Петрусевичем и Гродековым.

Два длинных стола, заставленных всевозможными яствами, шампанским, коньяками, водкой, сельтерской водой и прочими напитками, стояли друг против друга, занимая всю столовую. Саженный проход между ними был условной границей, и, усаживаясь, скобелевские офицеры оказались за одним столом. Другой заселили господа статские и большинство дам. Скобелев тотчас обратил внимание на столь «вопиющую диспропорцию».

— Ваше сиятельство! — окликнул он графиню, которая села за другой стол, окруженная приятельницами.— По праву воинского порядка Красный Крест всегда шел бок о бок с боевыми полками. Господа офицеры весьма огорчены столь заметным отчуждением сестриц милосердия! Прошу вас, Елизавета Дмитриевна, к нам! Господа офицеры, приглашайте к себе за стол прекрасных представительниц военной медицины!

Спустя минуту «справедливость была восстановлена».

Милютин, сопровождаемый главой акционерного общества «Кавказ и Меркурий» генералом Жандром и американцем Берри, усадил своих собеседников и сам сел среди офицеров.

— Слышу, Михаил Дмитриевич, вы и здесь не теряетесь, командуете парадом,— сказал удовлетворенно министр.— Посему, с соизволения всех присутствующих, прошу вас возглавить наш небольшой скромный ужин.

Гости зааплодировали. Скобелев, приличия ради, начал отнекиваться. Однако Милютин не отступал, и Скобелев сдался.

— Ну что ж,— сказал он самодовольно,— по праву тамады предоставляю слово его сиятельству, генерал-фельдмаршалу.

Милютин не был готов к тосту. Немного растерялся, но затем окинул задорным взглядом офицеров и заговорил:

— Знаете, господа... В доме моем, после турецкой кампании, с моими прославленными офицерами я встречаюсь впервые. Гляжу на вас и вижу у каждого на груди награды: за Шипку, за Плевну... Гордостью наполняется мое сердце, что вы, воины отечества, совершили беспримерный в истории подвиг, освободив славянские народы от чужеземного ига. Нынче Европа и весь иной мир глядят на русского как на самого гуманного человека. Вот и опять собираетесь вы в поход за тридевять земель, чтобы оградить бедный кочевой народ — туркмен — от их вероломных соседей персиян, вступивших в сговор с Англией.— Милютин поднес к губам носовой платок, промокнул их и подытожил: — Такова она, русская натура: вчера турок били, а сегодня идем спасать их соплеменников. Выпьем, господа, за великую русскую душу, за тех, кому предстоит ехать в Закаспийский край!

Тост был принят восторженно, иначе и быть не могло: все-таки произнес его военный министр, к тому же хозяин этого дома. Но как только гости выпили и склонились к тарелкам, сразу же послышались тихие возражения: «Это как же понимать? В войне с турками десятки тысяч русских солдат полегло, а теперь изволь во имя спасения их соплеменников гибнуть?»

Тост показался многим весьма странным. Но те, кто уже в деталях был знаком с планом Второй Ахалтекинской экспедиции, приняли речь министра как должное. И лишь некоторые задумались: «Много ли будет проку от миролюбия? Год назад дрались с текинцами у Геок-Тепе, получили от них хорошую затрещину, а теперь к ним с миром направляемся. Не сочтут ли текинские ханы мирное устремление русских слабостью?»

Об этом подумал и сам Скобелев. Втайне он не соглашался ни с доводами Милютина, ни с планом освоения Ахал-Теке. Три года, отведенные на умиротворение туркмен, вовсе не предусматривали военных действий. Разве что англичане первыми переступят запретную черту?

Выпив рюмку коньяка после тоста министра, Скобелев прислушался к речам рядом сидящих и легко вздохнул: «Слава тебе, господи, не я один отрицаю прожекты военного штаба!» Он подумал о кавказском главнокомандующем, великом князе, и решил: «К чертовой бабушке всякие либеральные планы! Я найду поддержку у князя Михаила в Тифлисе! Захвачу Ахал в течение года и вовсе не стану связываться ни с пристанями, ни с железной дорогой».

Дерзкая мысль лишь на минуту ожесточила его лицо, и опять он принял вид веселого распорядителя.

Ужин проходил живо и шумно. Остроты, маленькие курьезные историйки непринужденно слетали с уст гостей. И конечно — тосты. Торжественно пили за героя турецкой войны, увенчанного славой побед, «белого генерала». Скобелев выслушал тост с гордо поднятой головой и еще раз подумал: «В том-то и дело, что слава приходит в грозных сражениях, а вы мне мирную канитель с туркменами навязываете!»

IV

В праздничном гвалте никто не заметил прихода генерала Обручева. Войдя в столовую, он остановился и некоторое время оглядывал веселящуюся публику. Вместе с ним вошел высокий молодой офицер в парадном мундире. Он был мужественно красив: продолговатое лицо, орлиный нос, широкие черные брови и волевой взгляд,— все это бросилось в глаза, когда наконец на запоздавших обратили внимание.

— Николай Николаевич! Идите сюда, мы давно вас ждем! — позвала графиня и нетерпеливо сказала: — Скобелев, усадите, пожалуйста, гостей!

Обручев, с приподнятой в знак приветствия рукой, прошел за стол, дал место офицеру и сказал, прежде чем сесть:

— Господа, прошу познакомиться: доктор, капитан Студитский.

Капитан кивнул и сел напротив Скобелева.

Об этом офицере Скобелев уже был наслышан: фамилия его не раз произносилась в Главном штабе. Капитана назначили главой русской миссии в Закаспии, которая должна ехать туда раньше отряда Скобелева и развернуть дело по вовлечению туркмен в культурную жизнь и торговлю.

— Налейте капитану штрафную,— сказал генерал и спросил: — Говорят, вы служили в Ташкенте у генерал-лейтенанта Кауфмана?

— Служил,— по-свойски ответил капитан.— Оттуда отправился на турецкую кампанию.

— Н-да,— буркнул Скобелев и насупился: ему не понравился фамильярный ответ капитана, да и появление его вот тут, за столом. Генерал сразу почувствовал в нем противника. «Этот интендант собирается покорить туркмен добрым обхождением! Невероятно!» Доктор показался Скобелеву очень статским и не по чину независимым. Не понравились генералу умный взгляд капитана, высокая, вызывающая прическа и вьющиеся бакенбарды. Скобелев на какое-то мгновенье уловил, с каким интересом разглядывает капитана графиня, и снова спросил:

— Вы умеете говорить по-туркменски, доктор, или как придется?

Студитский улыбнулся:

— С узбеками я находил общий язык. Думаю, найду общий язык и с туркменами. Я хорошо изучил турецкий.

— Ну-ну,— опять помрачнел Скобелев.— Вы уже продумали, какими делами займется ваша миссия в Туркмении?

— В общих чертах, господин генерал. Буду исполнять службу в соответствии с обстановкой.

— Не нравится мне расплывчатость,— посуровел Скобелев.

Все следили за беседой генерала с доктором и чувствовали предвзятость Скобелева. Милютин поспешил вмешаться:

— Михаил Дмитриевич, оставьте этот разговор. Капитану будет особое задание. Сегодня он его получит.

— Как вам будет угодно, ваше сиятельство,— с деланной беспечностью согласился Скобелев и прибавил: — В самом деле, меня что-то потянуло на скучный лад.

Спустя полчаса в зале вновь звучала музыка и кружились пары. В боковой галерее, где стояли диваны и пальмы в фаянсовых вазах, курили и беседовали чиновники. Офицеры сели в одной из комнат, рядом с бильярдной, играть в карты. Скобелев сразу, как только кончили ужинать и донеслась музыка, пригласил графиню в танцевальную залу. Милютина, выходя из столовой, остановилась возле Студитского.

— Браво, браво, капитан. Это я рекомендовала вас в миссию. Я уверена, вы с успехом справитесь с возложенными на вас обязанностями.

— Ваше сиятельство, я польщен вашим вниманием,— довольно холодно отозвался он.

— Господин капитан,— сказала она строже.— Вам сообщили, что вместе с вами отправляется одна из сестер милосердия Красного Креста?

— Да, ваше сиятельство. Я просматривал список лиц, выезжающих со мной, и заметил — среди них есть одна женщина. Кажется, Трепова или что-то в этом роде.

— Трепетова,— поправила его Милютина. Обернувшись, она подозвала миловидную барышню с грустными глазами.— Познакомьтесь, господин капитан: Надежда Сергеевна...

Барышня в таком же, как у графини, наряде, но без бриллиантовых украшений, только на груди зеленая брошь, смущенно протянула руку. Капитан, склонившись, коснулся губами ее руки:

— Лев Борисыч...

— Ну вот и ладно,— удовлетворенно сказал Скобелев.— Мне за всю турецкую кампанию не было отдано столько почестей, сколько их получил доктор Студитский в один вечер. Милейшая, оставим счастливца и поспешим в залу,— поторопил он графиню.

Милютина еще раз одарила капитана обворожительным взглядом, словно не хотела его оставлять с другой, и удалилась.

Студитский спросил у новой знакомой, не желает ли она потанцевать. Барышня кивнула охотно. Он взял ее под руку, но тут появился адъютант Милютина:

— Господин капитан, будьте любезны, вас ждет министр.

V

Милютин поджидал его в своем домашнем кабинете. Тут же сидел генерал Петрусевич.

— Садитесь, доктор,— указал министр на кресло с гнутыми ручками.— Можете курить, господа.— Он поставил на край стола перламутровую пепельницу и повернулся к капитану.— О ваших предстоящих делах в Туркмении, как мне известно, вы уже беседовали с Обручевым. Он, вероятно, вам сообщил обо всем. К вам присоединятся купцы и акционеры торговых обществ. На сей счет получите подробные инструкции. А сюда я вас позвал, чтобы поговорить о более важном деле...

— Слушаю, ваше сиятельство,— сказал Студитский, прислонившись к спинке кресла и скрестив руки на груди.

Милютин перевел взгляд на Петрусевича, который сидел напротив, курил чубук.

— Прошлым летом,— начал министр,— генерал Петрусевич побывал в Афганистане и Туркмении. Ныне он является одним из авторов плана по освоению Ахалтекинского оазиса. План общеизвестен. Но есть в нем детали, не подлежащие огласке. Прошу, генерал-майор, ознакомьте нас с делом, которым предстоит заняться капитану Студитскому.

— Извольте, ваше сиятельство,— с готовностью отозвался Петрусевич, прикрыл медной крышечкой чубук и положил его на пепельницу.— Итак, в мае прошлого года в лагерь бывшего командующего в Закаспии, генерала Ломакина, приехал знатный текинец по имени Тыкма-сердар и попросился на русскую службу. Генерал охотно принял его, выдал ему жалованье и велел ехать в Ахал и уговорить тамошних ханов, чтобы и они, вместе со всем текинским народом, перешли на службу России. Сердар вернулся ни с чем: главные люди Ахала — Нурберды и Омар, уже вошедшие в деловые сношения с персидскими властями и английскими офицерами, осмеяли Тыкму и прогнали прочь. Тыкме все же удалось склонить на сторону русских жителей Беш-кала, то бишь Пяти крепостей. Они и сейчас проявляют к нам сердечность, но сам сердар, как говорят его соотечественники, возненавидел русских... Понятно ли я говорю? — спросил Петрусевич.

— Продолжайте, генерал,— сказал Милютин.— Все понятно.

— Ненависть Тыкмы-сердара к нашим офицерам возникла в те дни, когда отряд Ломакина отступал от Геок-Тепе,— продолжал Петрусевич.— И из-за чего! Кто-то из офицеров обви-

нил Тыкму в предательстве и оттрепал его за бороду. Ночью Тыкма бежал из русского лагеря и по сей день скрывается где-то в песках. К своим ханам возвращаться он боится и нам по сей день грозит, что не простит никогда оскорбления.

— Гордый, вероятно, человек,— сказал Студитский.

— Пожалуй, да,— согласился Петрусевич.

— Вот вам, господин капитан, и предстоит уговорить его, чтобы забыл прошлые обиды и перестал серчать,— сказал Милютин.— Надо добиться, чтобы Тыкма-сердар со своими джигитами первым из текинских предводителей принял подданство России. Если такое произойдет, то можно не сомневаться, впоследствии ханы Ахала тоже перейдут на нашу сторону.

— Где именно скрывается этот сердар? — полюбопытствовал Студитский.

Министр развел руками. Петрусевич подсказал:

— Придется вам самому выходить на след.

— Хорошо, господин генерал-майор,— подумав, согласился Студитский и посмотрел на Милютина: — Ваше сиятельство, будут ли еще какие-нибудь поручения?

— Достаточно и этого,— сказал Милютин.— Откровенно говоря, я думал, вы откажетесь от столь рискованной затеи. Надеюсь, вам известно, капитан, что текинский сердар без оружия не ездит?

— Разумеется, ваше сиятельство.

— Ну, тогда молодцом... Выполните поручение, Россия отметит вас самыми высокими почестями. У меня все, господа. Ступайте, веселитесь.

VI

После того как Тыкма-сердар перешел на сторону царского генерала, а потом, оскорбленный им же, бежал из русского лагеря, он скрылся на Узбое и поставил там свои юрты. Иначе поступить не мог. Нурберды — глава текинцев, прогнав царских солдат к Каспию, велел разорить аул Беурму, принадлежавший сердару.

Узбой у колодцев Игды — сказочно красив. Сухое, в обрывистых берегах русло сверкает множеством пресных озер. По берегам — густые заросли камыша. Выше берегов, на север, тянется равнина. Весной она зеленая от разнотравья и цветов, летом — выжженная до желтизны, а зимой — серая, но во все времена года богата кормом для скота. Лишь в самые суровые зимы, когда пески скованы застывшим снегом и овцам не пробиться к траве, чабаны поспешно угоняют овец на юг.

В дни, когда солдаты царя отступали от Геок-Тепе, отары Тыкмы-сердара и его приближенных паслись в предгорьях и

стали добычей царских солдат и джигитов Нурберды-хана. Теперь, кроме косяка верблюдов, у беурминцев ничего не было. Голодные и полураздетые, они кое-как перебивались в своих жалких кибитках. Часто джигиты, разделившись на небольшие отряды, отправлялись на охоту. Если удавалось привезти в становище несколько подстреленных джейранов, у кибиток царила такая радость, будто пришел долгожданный праздник. Но таких счастливых дней выдавалось немного, и Тыкма-сердар чаще всего слышал причитания женщин, плач голодных детишек и ропот мужчин.

Кряжистый и суровый, в длиннополой хивинской шубе и косматом тельпеке, каждое утро выходил Тыкма из кибитки, вставал на колени: совершал намаз. Глаза его были устремлены в сторону святой Мекки.

— О всемогущий, всемилостивый,— выговаривал Тыкма слова молитвы.— Услышь кающегося, укажи путь заблудшему...

Время от времени приезжал к нему Софи, правитель Казанджика, тоже спасавшийся от Нурберды-хана в песках. Вместе подолгу сидели на кошме, пили чай и вели невеселые беседы.

— Тыкма, дорогой брат мой,— однажды заговорил Софи.— Ветер дует из стороны в сторону и передвигает песок, но пустыня лежит на одном месте. Наши речи похожи на этот круговорот. Мы много говорим, но ничего полезного не делаем.

— А каких дел ты хочешь? — хмурясь, спросил Тыкма.— Пока не успокоятся ветры и мы не увидим, какой бархан самый высокий, мы не сможем с тобой осмотреться вокруг.

— Да, сердар, это воистину так,— согласился Софи.— Да только есть и в другом истина. В кибитках у моих людей совсем перевелась пшеница, рису тоже нет. Люди начинают пухнуть от голода. Если ты, сердар, забудешь обиду, нанесенную тебе Ломакиным, и поедешь в Чекишляр к урусам, жизнь у нас зазвенит жаворонком. Подумай, сердар, вспомни, какие блага они принесли туркменам Красной косы, Челекена, Гасан-Кули. А теперь и атрекские, и сумбарские гоклены приняли подданство России, служат белому царю. Вспомни, сколько хлеба, чая, полосового железа для серпов и сабель привезли мы из Сумбарского ущелья с русских базаров. Везде они открыли торговлю, а текинцы, вместо того чтобы торговать с урусами, сабли на них подняли. Вспомни, сердар, ак-пашу Столетова. Вах, какой это был хороший человек! Сколько хлеба и бумажной материи нам привез! О сердар, если не послушаешь меня, то потомки твои в седьмом колене будут поминать тебя недобрым словом. Скажут: «Недальновидным был Тыкма-сердар. Другие предводители, такие, как Кият-хан, Пиргали-султан, Ходжанепес, гораздо мудрее Тыкмы оказались...»

— Замолчи! — прервал его Тыкма.— Разве ты не видел, как русский офицер трепал меня за бороду?! И разве ты не видел, как плевали мне в лицо?

— Сердар, но Ломакина нет в Чекишляре. И те солдаты, которые видели твой позор, давно уехали в Баку.

— Не говори языком зайца,— еще больше рассердился Тыкма.— Лучше собирай своих джигитов, отправимся на охоту. Слышал, как по ночам волки воют? Это значит, джейраны где-то близко.

Выехали ночью к глубоким узбойским промоинам. В них, на глинистом дне, всегда была вода, и сюда прилетала дичь, заглядывали джейраны. Тут сторожили добычу волки. Сын сердара, Акберды, предложил сначала спугнуть волков. Джигиты согласились, и Тыкма повел их, чтобы заехать с северной стороны и гнать волков по сухому руслу. Продвигаясь по равнине, всадники удалились от Узбоя в сторону и вскоре заметили в темноте огонек. Несомненно, это была чабанская чатма. Решили заглянуть к чабанам. Пустили коней вскачь, приблизились тотчас. Несколько собак с лаем выскочили всадникам навстречу. Чабаны схватились за ружья, но джигиты успокоили их окриками, дав знать, что приехали свои и пугаться не надо. Возле чабанской кибитки лежали два верблюда под вьюками. Тыкма и все остальные сразу поняли: у чабанов гости.

— Кто у тебя? — строго спросил Тыкма, заглянув в кибитку. В ней горел очаг, и в слабом свете едва угадывался человек, лежащий на кошме.

Чабан ответил:

— Из Хивы человек. Едет к тебе, Тыкма. Нам ничего полезного не сказал. Разбудить?

Гость, видимо, не спал, услышал голоса и поднялся сам.

— Ва саламалейкум, добрые люди, мир вам,— сказал он из темноты.

— Кто ты? — спросил Тыкма, входя в кибитку.

— Я Ишмек, сын Ялкаба. Я возил в Хиву рыбий клей. Теперь еду домой, в Бами, но везу и для тебя кое-что, Тыкма.

— Что же для меня ты привез? — Тыкма сел напротив, сверля купца цепкими глазами.

— На Эмбе русские офицеры появились, верблюдов у кайсаков нанимают... Юрты закупают, войлоки... Весной, по слухам, опять русский царь солдат на Геок-Тепе пошлет,— выложил купец.

— Верны ли слухи? — усомнился Тыкма.

— Верны, сердар! — подтвердил Ишмек.— Я от самого полковника в Турткуле эти слова слышал. Когда рыбий клей урусам сдал, в контору за деньгами пришел — там все и услышал.

— Что еще говорил полковник? — жадно спросил Тыкма.

— Есть еще кое-что,— довольно улыбнулся купец, видя, что не на шутку заинтересовал Тыкму-сердара.

— Говори, не тяни! — посуровел Тыкма.

— Скажу, скажу... Для того и заехал к тебе,— торопливо пообещал Ишмек.— Да и как могу промолчать, если русский царь и ташкентский генерал Кауфман приказали турткульскому полковнику перебросить отряд с пушками в Бурдалык. А другой отряд, из Самарканда,— к чарджуйской переправе.

— Зачем к переправе?

— Сердар, они очень хитры. Они решили так. Если Мерв начнет помогать в войне геоктепинцам, то тогда солдаты переправятся с пушками через Амударью, подойдут к Мерву и захватят его.

— Поистине это хитрость! — согласился Тыкма.— Что еще скажешь? Много ли войска русский царь приведет?

— Этого не могу сказать, сердар. Но, наверное, много.

— Почему так думаешь?

— Потому что командовать русскими будет Скобелев. Он с малыми силами не воюет.

— Ты сказал «Скобелев»? — испуганно вскинулся Тыкма-сердар.— Это тот, который взял хивинскую крепость, Коканд и Фергану?

— Да, сердар, тот самый.

— А где он сейчас?

— Если верить разговорам русских, то люди его покупают верблюдов, кибитки и лошадей для войны, а сам он собирает солдат, которые с ним ходили на турецкого султана.

— Ладно, Ишмек,— ожесточаясь, сказал Тыкма-сердар и поднялся с кошмы.— Если соврал или перепутал, пощады тебе не будет. Может, еще что-то скажешь?

— Все, Тыкма-ага. Что знал, все в твой хурджун высыпал.

— Спасибо, Ишмек. Я щедро вознагражу тебя. А пока прощай. И никому ни слова о нашем разговоре!

— Буду нем как рыба, сердар. Благословит тебя аллах.

Сердар вышел из юрты. Джигиты нетерпеливо поджидали его.

— Акберды,— распорядился Тыкма.— Веди джигитов к промоинам, а мы с Софи следом за вами поедем. Гоните волков, обойдетесь без нас.

— Ладно, отец, как сказал, так и сделаем! — живо откликнулся Акберды.

Джигиты вскочили на коней и поскакали к речному руслу. Тыкма подождал, пока осядет пыль, поднятая копытами коней, и тоже поднялся в седло. Софи выехал за ним следом, затем догнал его, и они поехали рядом.

— О каких делах говорил с купцом? — спросил Софи, догадываясь, что разговор произошел важный.

— Дела такие,— вздохнул Тыкма,— что, не теряя ни минуты, надо ехать к Нурберды и упасть ему в ноги.

— Вах, сердар, не томи, говори, каким ядом угостил тебя купец?

— Русские опять идут,— сердито выговорил Тыкма.— Ведет их ак-паша Скобелев, который побил турок.

— Вот как,— тихонько, но удивленно отозвался Софи и задумался.

— Да, тот самый,— подтвердил со вздохом Тыкма.— И он такой человек, с которым никаких дел вести нельзя.

— Тыкма-ага! — бойко воскликнул Софи.— А может, отправим к нему человека с письмом?

— С каким письмом?! — обозлился сердар.

— Еще раз прошение о желании служить русскому государю напишем. Скобелев хоть и жестокий человек, но он и сильный. С такими, как он, считается царь. Если Скобелев переправит наше прошение царю — войны не будет. Русские опять базары откроют. Люди наши поедут на базар, каракуль отвезут, на пшеницу обменяют.

— Замолчи, Софи. Ты рассуждаешь как ребенок!

Софи на какое-то время умолк и опять заговорил, не очень уверенно:

— Ты, Тыкма-ага, конечно, прав. Умом своим я никогда не отличался. Никто никогда не назвал меня мудрецом или хитрецом. И сейчас я говорю по воле своего слабого сердца. Жалко мне, сердар, наших людей. Пять крепостей наших — Кизыл-Арват, Кодж, Зау, Кизыл-Чешме и Бами — десять лет надеялись на милость аллаха и русского государя. Люди привыкли думать: скоро наступит время и обездоленный наш народ найдет спасение под крыльями двухголового русского орла. А теперь что же, опять воевать?

— Русские нас хотят загнать в слуги к хивинскому хану. Неужели ты этого понять не можешь? — наставительно, но миролюбиво заговорил Тыкма-сердар.— Они не хотят сами управлять туркменами, потому что у нас много племен и у каждого племени свой хан. У нас нет своего государя.

Софи вновь задумался, помолчал и опять высказался:

— Но Нурберды хочет отдать туркмен в подданство персидского шаха! Разве там лучше, сердар? Мы всю жизнь воевали с шахскими хакимами, а теперь им прислуживать будем, так, что ли? Нурберды выдал свою сестру за персидского хана, породнился. Разве это спроста? А теперь тот перс все время гостит в Геок-Тепе. Тоже с умыслом. Он уже познакомил Нурберды с англичанами, и те обещали продать ему по сходной цене новые винтовки. Русские трофейные винтовки текинцы

продают на всех базарах, а на эти деньги хотят купить английские винчестеры. Тыкма-ага, подумай как следует! Не спеши лезть в силки. Попадешь, потом не вырвешься.

— Нет на свете человека, который перехитрит Тыкму! — гордо и с достоинством воскликнул сердар.— Ни персидским, ни хивинским Тыкма не станет. Мы поедем к Нурберды, чтобы сообщить о коварных замыслах русских. На этот раз они хотят взять нас с двух сторон. Скобелев с Каспия, Кауфман — с Амударьи. Посмотрим и послушаем, что скажет Нурберды, когда узнает о такой новости. Если к персидскому шаху запросится опять — уйдем от него в пески. Если объявит войну Скобелеву — поможем Нурберды-хану!

— Ох, сердар! Ты совсем не думаешь о своем народе. Если начнется война — в огне войны сгорят и наши люди и кибитки!

— Ты трус, Софи! — вспылил Тыкма-сердар.— Ты напуган прошлогодним бегством. Если нет у тебя своей храбрости — займи у меня!

Софи сник, не стал возражать больше. Так они, продвигаясь берегом, незаметно доехали до колодцев Игды и сухо распрощались.

VII

На рассвете задымили тамдыры. Дым от печей потянулся в небо. Женщины, примостившись возле кибиток, замешивали тесто из последней муки, пекли чуреки. Мужья и сыновья, кому предстояла дальняя дорога, стали готовить коней.

Не простое дело — подготовить коня, чтобы мог он пройти сотню фарсахов по пескам, такырам и горам. И не зря испокон веков живет у туркмен неписаный порядок сбора в дорогу. Как только Тыкма объявил об отъезде, джигиты перестали кормить коней ячменем. Стали давать им лишь саман — мелко измолотую солому, от которой не разжиреешь. Кони едят ее неохотно. Но тем лучше для них — быстрее сбрасывают лишний жир и вес.

Сам Тыкма отправился за Узбой, занялся осмотром верблюдов. В походе они нужны не меньше, чем кони. Ведь пустыня — это сухой океан. В ней так же, как и в волнах, можно устать и не добраться до берега. Караван верблюдов в океане пустыни — надежный остров. От него можно удаляться и возвращаться к нему, но без него обойтись нельзя. На этом острове — запасы воды, провиант, оружие, порох, дробь и все иное, без чего немыслим длительный путь. Погибнут в пути верблюды — погибнут и люди. Вряд ли спасут кони, если окажешься без верблюдов посреди каракумской степи. Вот почему Тыкма доверил коней сыну и слуге, а верблюдами занялся сам.

Когда Тыкма вернулся, то увидел: все мужчины кочевья заняты разминкой коней. Одни гоняли скакунов по кругу, другие проезжались вдоль Узбоя — то шагом, то пуская своих красавцев в галоп; третьи — вовсе уехав в пески, к барханам, мучили до десятого пота коней там. Но и здесь, на приколе, по кругу, изрядно потрудились сыновья Тыкмы: со скакунов хлопьями сползала пена, и вид у них был такой, словно только что вырвались из преисподней.

На другой день все возобновилось. К утру четвертого дня черный, с белой отметиной на груди Кара-куш[1] Тыкмы-сердара осунулся настолько, что на него жалко было смотреть. Точно так же выглядел и скакун Акберды, Сары-куш — желтый красавец.

— Хватит,— сказал Тыкма.— Начинайте кормить.

Вскоре вокруг двух скакунов, поставленных возле кибитки, собралась вся семья Тыкмы: сыновья Акберды и семилетний Ораз, обе жены и внуки сердара. Принесли в атласном платке лепешки на бараньем сале. Тыкма разломил одну лепешку на две части и поочередно поднес лошадям: сначала Кара-кушу, затем Сары-кушу.

Через два дня снова начались испытания. Издавна так повелось: если лошадь, сбросившая лишний вес и пополнившая силы сдобными лепешками, могла после получасовой езды галопом обойтись лишь одним глотком воды,— эта лошадь считалась готовой к походу.

Джигиты всей сотней отправились на север — опять к тем местам, откуда начинали травлю волков, и оттуда пустили коней вскачь. Более получаса продолжалась дикая, с выкриками и свистом, скачка. Кони летели как птицы, легкость их была поразительной. Разве мог бы скакун иной породы сравниться с ними? Никогда! Ни английская, ни арабская, ни кабардинская не могут выстоять перед ахалтекинской лошадью. Туркменский конь может уступить лишь на первых шагах бега. Затем, когда он переходит в галоп, догнать его невозможно. Четыре фарсаха самой быстрой езды, не снижая темпа,— вот обычная норма ахалтекинца. И сейчас более получаса они неслись, обгоняя ветер и наполняя ветром халаты всадников. Прискакали все разом, вперед сердара вырваться не осмелился никто. Да и зачем? Не в этом суть скачки. Суть была в ином. Возле кибиток стояли деревянные колоды с водой, из которых поили коней. Сразу же после езды джигиты бросили поводья, предоставив коням свободу. Но ни один скакун не побежал к воде. Кони продолжали носиться у кибиток, словно досадуя на то, что всадники слишком рано вывели их из дикой скачки.

— Теперь, друзья, отдохните сами и коням дайте покой. Завтра чуть свет отправимся в Ахал,— предупредил Тыкма.

---

[1] Кара-куш — черная птица.

VIII

Все, кому не в тягость пятидневный путь в седле, с ночевками на попоне, поехали с сердаром. Старики, женщины, в том числе и жены Тыкмы, выехали на верблюдах. Двигались в обычном порядке. Караван верблюдов, груженный печеным хлебом, мукой, ковурмой, солью, чаем, тулунами с пресной водой, двигался в центре. Конники, отрядами по пятьдесят человек, ехали впереди, слева, справа. Иногда джигиты удалялись от каравана на два-три фарсаха: заезжали к чабанам на колодцы. Иногда устраивали скачки, преследуя джейранов.

Кочевники, жившие у колодцев, посреди песков, снабжали Тыкму-сердара не только хорошей водой, но и новостями: кто куда отправился, кто бывал здесь в последние дни. Вести были чаще всего скудные и не представляли никакого интереса. Лишь после трех дней пути, уже на подступах к Копетдагу, свои люди, из рода сычмаз, сообщили сердару: Нурберды половину зимы провел в Мерве около молодой жены Гульджемал, а теперь стоит с войском в Геок-Тепе. Тыкма поблагодарил земляков за сведения и пустился в путь, дальше. На другой день всадники приблизились к Копетдагским горам и увидели свой родной аул Беурму.

Селение из двухсот глинобитных кибиток, обнесенное стеной, лепилось у входа в ущелье. По углам стен возвышались сторожевые башни. Стены глинобитные, без бойниц. Сильный враг мог бы свалить их при осаде. Но Тыкма обнес селение стенами не для того, чтобы прятаться от врагов. Стены оберегали его от внезапного нападения. Пока враг рвался в ворота и лез на стены, Тыкма успевал сесть на коня, а этого для него было достаточно. Скорее всего, стены служили для сохранения скота, а башни на них — для дозорных. Караульщики смотрели во все стороны. Стоило загореться огню в горах над Беурминским ущельем, это значило — идут персы. Дозорные тотчас объявляли тревогу, и Тыкма, сев на коня, достойно встречал непрошеных гостей. Так случалось не раз, и всегда сердар выходил победителем.

Но то, что случилось в конце прошлого лета, не шло в сравнение ни с какими набегами. Царский отряд, потерпев поражение от текинцев, в беспорядке отступал через Арчман, Бами, Беурму. Все, что попадалось ему под колеса и копыта, гибло: поля, дворы, кибитки, колодцы. Тыкма едва успел отправить своих сородичей на Узбой и сам бежал туда, боясь гнева Нурберды-хана.

Солнце закатилось за кручи Бендесена, огромная тень от горы легла на Беурму, и стало быстро смеркаться. Въехав в крепость, джигиты принялись развьючивать верблюдов, рас-

седлывать коней. Кое-кто пошел осмотреть заброшенное подворье. Всюду виднелись следы огня: сожжены камышовые крыши и агилы, у стены бесформенной грудой валялись остатки сгоревшей юрты. Тут же догнивали трупы порубленных собак, и стервятники сидели поодаль, зорко наблюдая за прибывшим людом, в ожидании новой поживы.

Тыкма-сердар распорядился, чтобы ставили котлы и варили ужин. Сам с Софи вошел в комнату, где разместилась младшая жена Ширин. Здесь уже было все прибрано: на полу — ковры, одеяла стопкой и подушки. В углу стоял большой бронзовый канделябр со свечой — подарок генерала Ломакина. Свеча была зажжена, и комната озарялась тусклым желтым светом.

Ужин сердару принесли в комнату. Наспех поев, он угрюмо сказал:

— Софи, давай отдохнем. Все-таки впереди долгий путь.

— Надо было Нурберды-хану подарки послать,— неуверенно сказал Софи.

Тыкма сердито двинул бровями:

— Ему народ подарил весь Мерв, вместе с молодой женой, и он принял это как должное! А ты о каких-то жалких подарках! Спи, не люблю слушать глупости!

Тыкма лег, укрылся одеялом и стал думать о Нурберды. Злость и почтение сливались в сердце сердара воедино и порождали бессилие. А бессилие будило чувство страха. «В самом деле, как с пустыми руками предстану перед ним?»

Утром Тыкма всполошил джигитов. Решил подняться в горы, дойти до русских постов и, по возможности, захватить в плен хотя бы одного солдата. Тогда бы Нурберды сказал: «Нет, Тыкма зря не сидел. И сомневаться, что порвал он навсегда с русскими, не надо!» К полудню сотня Тыкмы приблизилась к Бендесенскому перевалу. Дорога по крутой горе уходила ввысь. Совсем недавно по ней ехали фуры, пушки, конники, но дожди и сильные ветры стерли следы царских солдат. Изредка под копыта коней попадали стреляные гильзы, какое-то тряпье, может быть, пушечная ветошь. На изгибе дорожной колеи, когда открылся вид на глубокую лощину, джигиты увидели внизу телегу вверх колесами и обглоданные кости лошади.

IX

Джигиты подошли к бывшему русскому опорному пункту Ходжа-Кала. В глинобитной крепостце с четырьмя сторожевыми башнями не было ни огонька, ни звука. И не понять: есть ли в ней русские? Перед выездом из Беурмы чабан сказал сердару: «Последнее место, где стоят белые солдаты, крепость Ходжа-Кала». Но что-то не похоже, чтобы кто-то здесь был. Не-

сколько джигитов слезли с коней и перебежками, а затем ползком прокрались к самым стенам. Ворота были распахнуты, во дворе ни души. Конюшня пуста. Возвратившись, джигиты сообщили обо всем сердару. Тыкма безбоязненно ввел свою сотню в Ходжа-Кала и расположился на ночлег в пустых, пропахших копотью кельях. Ужинали в темноте, не зажигая огня. Сердар понимал: если русские и ушли отсюда, то на время. Может быть, они совсем близко.

На рассвете он отправил людей к Терсакану. К обеду джигиты вернулись и донесли: солдаты строят дорогу. Их много. Много у них коней и верблюдов. Кибитки и юламейки стоят на берегу Сумбара.

— Значит, нельзя взять ни одного?! — обозлился Тыкма.— Или вы на Узбое разучились мужскому делу и стали девками?!

Джигиты испуганно повернули лошадей и вновь удалились в горы.

Тыкма прождал их до ночи. И уже стал подумывать: не напасть ли самому? И тут с гиканьем и хохотом возвратились удальцы, гоня впереди коней трех солдат. Были они в грязных полушубках и драных сапогах. Тыкма взмолился аллаху: «Поистине ты всевидящ, всезнающ и щедр, всевышний!»

— Как вы их взяли?

— Ай, очень просто взяли! — лихо ответил Акберды.— Они за горой примостились, огонь развели, стали кашу варить. Кирки бросили. Перед этим камень на дороге долбили. Как только сели они, тут мы и напали сверху!

Тыкма приблизился к пленникам, косясь на их погоны. Офицера среди них не было. Один, похожий на татарина, был канониром. Тыкма легко разобрался в знаках отличия: не зря почти полгода жил у русских.

— Как зовут? — спросил Тыкма.

Пленник испуганно вскинул брови, услышав русскую речь, доверчиво сказал:

— А ведь ты — Тыкма-сердар! Ей-богу, я видал тебя в нашем лагере, когда ты Ломакину служил.

— Шайтан! — выругался Тыкма и ударил камчой по плечу канонира.— Я не служил ему! Я был у него, чтобы обмануть вас всех. И обманул! Твой генерал будет помнить Тыкму!

— Да меня-то за что бьешь, сердар? — заслоняясь рукой от второго удара, пролепетал канонир.

— Всех русских убьем. Тебя тоже,— спокойнее сказал Тыкма.— Как звать тебя?

— Петин я... Петром зовут... Саратовский я, из бедняков.

— Мне все равно,— с ухмылкой сказал Тыкма.— То, что на тебе есть, этого нам хватит.

Тыкма приказал джигитам, чтобы сняли с пленников все

пригодное. Тотчас воины Тыкмы раздели солдат до исподнего белья и погнали впереди. Сотня двинулась назад, в Беурму.

На Бендесене, когда начали спускаться вниз, Тыкма-сердар велел Петину идти рядом. Канонир, раздирая ноги до крови об острые камни, охал, стонал и сквозь слезы отвечал на вопросы Тыкмы.

— Где стоят ваши, в каких местах?

— Везде, сердар: в Чекишляре, Чате, Дуз-Олуме, Красноводске. Много наших везде. Зря ты обнадеялся. Летом все равно займут весь Ахалтекинский оазис.

— Молчи, шайтан, или я сброшу тебя в пропасть! — Тыкма замахнулся камчой.— Сколько всего солдат?

— Не знаю, сердар. Разве мне об этом знать положено? Это штабист какой-нибудь мог бы сказать.

— Пушки есть?

Петин нагловато засмеялся:

— Да у царя пушек столько, сколько у вас винтовок. А то и больше.

Тыкма тяжело засопел, перестал спрашивать. Петин попросил:

— Сердар, посади на свободного коня. Вон свободная лошадь в пристяжке.

— Убью, шайтан! — выругался Тыкма и вновь замахнулся камчой.

X

В Геок-Тепе джигиты приехали вечером. Люди сразу узнали сердара. Он еще и к крепости не приблизился, а там уже шла суматоха. Ханы Ахала, съехавшиеся на совет к Нурберды, едва узнали о приближении перебежчика, заговорили, перебивая друг друга.

— Этот русский лизоблюд: что ему надо от нас? — злился Оразмамед.— Прошлым летом, когда русские бросились на нашу крепость, он был рядом с ак-пашой и кричал ему: «Лезьте на недостроенную стену!»

— С помощью русских он хотел сделаться главным ханом Ахала,— вторил Омар.— Неужели простим ему?

— Не спешите хвататься за сабли,— спокойно сказал Нурберды.— Если Тыкма и служил русским, то вина в этом наша. Мы все любили слушать о его храбрости, но когда он приезжал на маслахат, он даже не имел права советовать нам. Мы унижали его, и ему ничего не оставалось, как водить дружбу с ак-пашой!

Ропот и перебранка текинских предводителей продолжались до тех пор, пока не приблизился Тыкма-сердар.

Въехав в северные ворота крепости Денгли-Тепе, Тыкма

дал знак своим всадникам, сопровождавшим его, чтобы остановились. Затем велел Софи следовать за ним. Вдвоем, на конях, они отправились к кибиткам Нурберды. Впереди, возле белой восьмикрылой юрты, куда сердар направил своего коня, стояли родичи хана. Тыкма успел разглядеть его жен: старшую Раабн, среднюю Наргуль и младшую Гюльджемал — красавицу из Векильбазара. Издали она казалась совсем юной. За руку она держала шестилетнего сына, и Тыкма подумал: «Сама еще дитя». Нурберды среди его близких не было. Когда до кибиток осталось шагов пятьдесят, от стоявших отделились два джигита и заспешили навстречу Тыкме.

— Сердар-ага,— торопливо сказал один из них, коснувшись рукой лошади.— Велено проводить вас.

Тыкма двинул бровями, мгновенно отметив про себя: «Не в зиндан ли?» — но подчинился безропотно.

Ханские нукеры проводили Тыкму и Софи к двум кибиткам, которые примыкали к насыпному холму. На нем шла работа: дехкане, пленные курды и царские солдаты носили вверх в мешках землю. Этот холм назывался Денгли-Тепе, а его именем и вся крепость, обнесенная высокой толстой стеной.

— Вот здесь вы будете жить, Тыкма-ага,— вежливо пояснил один из нукеров.

— А мои джигиты?

— О них не беспокойтесь. О них тоже позаботились. Вон, посмотрите туда,— указал он рукой на скопище черных юрт вдоль западной стены крепости.

— Ладно, понятно,— сдержанно проговорил Тыкма.— А где же ваш хан?

— Велено передать, сердар-ага, что Нурберды пригласит вас к себе после того, как вы умоетесь, попьете чай и немножко отдохнете после долгой дороги.

— Ладно, нукер, нам все понятно.

— Я приду за вами, сердар-ага. А сейчас, если нет надобности в нашем присутствии, то разрешите нам уйти.

— Идите, но сначала заварите чай,— приказал Тыкма и снял с ног сапоги у входа в кибитку...

Их пригласили лишь на другое утро. Всю ночь Тыкма промучился, снедаемый неведением: почему Нурберды медлит?

Утром все сразу стало понятно, когда Тыкма и Софи вошли в белую кибитку главного хана. Здесь уже сидели, поджидая их, Оразмамед и Омар. Тыкма подумал: «Ночью они советовались, как поступить с нами» — и пытливо заглянул в глаза сидящим. Но нет, он не нашел во взглядах текинских предводителей ни величия, ни надменных усмешек. Глаза Оразмамеда смотрели растерянно, а Омар, этот прославленный воин, с кото-

рым в храбрости мог сравниться разве что сам Тыкма-сердар, встретил вошедших тревожным взглядом.

— Хорошо ли доехали, Тыкма-ага? — спросил он, изобразив на лице улыбку.— Не было ли в пути несчастий?

— Все благополучно, Омар,— твердо отозвался Тыкма-сердар.— По пути заехали в Ходжа-Кала, припугнули русских. Трех солдат у Терсакана взяли.

Тут вошел Нурберды. Высокий, в суконном малиновом халате, в шапке из серого каракуля. Он был по-мужски красив. Его суровое лицо казалось жестоким. Глаза его спрашивали и усмехались одновременно. И Тыкма в эти несколько секунд, пока Нурберды разглядывал его и здоровался, вспомнил все неурядицы, какие были между ним и этим знатным и мудрым правителем Ахалтекинского оазиса и Мерва.

Обменявшись приветствием, Нурберды сел рядом, сунул под локоть атласную подушку и небрежно поднял руку. Тотчас слуги внесли несколько фарфоровых чайников со стопкой пиал и сладости. Нурберды приблизил к себе чайник и попросил, чтобы гости вели себя без всякого стеснения. Чтобы польстить Тыкме и Софи, он пояснил тут же:

— Я пригласил сегодня к себе самых нужных мне людей. С теми, кто остался за моим порогом, мы поговорим отдельно.

— Спасибо, Нурберды,— удовлетворенно отозвался Тыкма-сердар и тотчас спросил: — Хан Мамед-Аталык как себя чувствует? Не забыли ли о нем?

— Мамед-Аталык льет воду на руки русским,— с усмешкой пояснил Омар.— Опять заговорил о подчинении хивинскому хану. Ни совести, ни гордости. Трус!

Нурберды посмотрел на Тыкму, перевел взгляд на Софи, понял, что ни тот, ни другой не знают, что тут произошло полмесяца назад, и обстоятельно пояснил:

— Волею нашей и волею всевышнего мы недавно провели маслахат в Изгенте. Мы собрались после того, как узнали о намерении русских покорить Ахал-Теке. Когда нам сообщили, что едет сам ак-паша Скобелев, кое у кого затряслись коленки. Аталык струсил самым первым. Но, слава аллаху, почтенные люди, собравшиеся на маслахат, не поддержали ставленника Хивы. Лучшие люди нашей земли — Омар, Оразмамед и некоторые еще — повели себя как истинные мусульмане и слуги аллаха. Мы немедленно поднимем всех жителей Ахала и переселим сюда, в крепость. Кто не подчинится, тех будем убивать на месте.

Тыкма призадумался. Софи побледнел и переложил подушку под левый локоть. Стены крепости, за которыми сейчас они сидели, показались обоим огромным капканом, из которого уже не вырваться. То, о чем сказал Нурберды, никак не согласовывалось с их понятием о ведении войны. Они знали, что сотня всадников теке в песках не устрашится целой армии чужестранцев. Увлечь врага в Каракумы, чтобы он заблудился и,

побитый песчаной бурей и налетами текинцев, пал в изнеможении,— самая дерзкая тактика. Но сидеть в крепости и отстреливаться — это безумие. Тыкма некоторое время смотрел в пиалу с чаем, затем поднес ее к губам, отхлебнул и недовольно сказал:

— Я всегда считал, Нурберды, и сейчас считаю: туркмена нельзя победить на воле. Если у него не хватит сил поразить врага, то его спасут Каракумы и быстрые ноги скакуна. Как же понимать решение маслахата? Почему почтенные ханы и аксакалы решили собрать в крепость весь народ? Разве от этого мы будем сильнее?

— Да, Тыкма-ага, сильнее,— спокойно возразил Нурберды.— Сила наша в единстве, а единства у нас нет. Ак-паша Скобелев еще в Петербурге, а Кауфман в Ташкенте. Но мы не можем поручиться за всех. Ваши кизыларватцы, по слухам, давно заготовили прошения о подданстве белому царю. Гоклены тоже приняли русское подданство. Тоже хотят стать русскими. Разве есть у нас уверенность, что не оставят нас в беде нохурцы, арчманцы[1] и другие?

— Вот, значит, почему,— с сомнением проговорил Тыкма.

— Не только поэтому, Тыкма-ага,— тотчас пришел на помощь главному хану Омар.— Когда мы соберем в одно место всех стариков, жен и детей, то у джигитов не будет беспокойства за свои семьи. Есть и другая выгода, если мы всех соберем вместе. Как бы ни был силен Скобелев, все равно ни один туркмен не уйдет из крепости. Уйти из Денгли-Тепе значит отдать на растерзание отцов, жен и детей царским солдатам! Мы хорошо подумали, прежде чем пришли к такому согласию.

— Тыкма-ага,— сказал Нурберды,— чтобы не было кривых разговоров, ты тоже пересели сюда своих жен и детей. И ты тоже, Софи. И кизыларватца Худайберды приведите вместе с его семьей. О прочих людях говорить не хочу. Все как один должны переселиться в Денгли-Тепе. Таково решение маслахата, такова воля аллаха.

Нурберды замолчал. И долго в кибитке стояла жутковатая тишина, ибо за сказанным значилось: или победить, или всем умереть вместе.

— Нурберды, но как же мы развернемся в этих четырех стенах? — опять нарушил молчание Тыкма-сердар.

Нурберды иронически хмыкнул:

— Когда ваши подданные, ваши жены и дети соберутся в крепости и все мы будем спокойны, то почему бы вам и всем другим удальцам не встретить солдат Скобелева на Бендесенском перевале или в Кизыларватском ущелье? Мы разрешаем вам, и мы приказываем быстрее ветра носиться около царских вояк и налетать на них всюду, где они появятся!

---

[1] Нохурцы, арчманцы — жители селений Нохур и Арчман, расположенных в Ахалтекинском оазисе.

— Ну что ж, это хорошо вы придумали,— подобрел и расправил согнутые плечи Тыкма-сердар.— Да только есть еще одна беда: у царских солдат винтовки лучше.

— Об этом мы тоже подумали,— улыбнулся Нурберды.— Надеюсь, тебе известно о моих связях с англичанами? Недавно был человек от них. Англичане помогут нам своим новым оружием, но нужны деньги. Бесплатно они ничего не дают, кроме улыбок и обещаний.

Сидящие в кибитке тихонько засмеялись, и Омар сказал с удовольствием:

— Английские офицеры — очень вежливые люди. Мягкость их подкупает каждого, а сила заставляет трепетать всю Россию вместе с ее царем и генералами. Англичане поддержат нас в войне с русскими.

— В этом не сомневайтесь, Тыкма,— подтвердил Нурберды.— Дизраэли, Робертс, Барроу и наши знакомые — Стюарт и О'Донован не дадут нас в обиду.

XI

Пароход «Персиянин» вошел в Гасанкулийский залив и бросил якорь в восьми верстах от Чекишляра: подойти ближе к военному поселению мешало мелководье.

Прибывшее пассажирское судно встречали паровые катера и весельные баркасы. На одном из катеров, подошедшем к трапу, был местный пристав, подполковник Караш. Полный, с огромными черными усищами, в полушубке, перекрещенном ремнями, он зычно прокричал:

— Есть ли среди приезжих капитан Студитский?!

— Есть,— послышалось в ответ, и на трапе появился высокий офицер, тоже в полушубке и фуражке.

Впереди офицера, осторожно ступая по трапу, спускалась молодая женщина в длинном складчатом платье и бурой меховой шубке. Лицо ее было утомленным и бледным, в голубых глазах под припухшими веками — любопытство. Офицер, поддерживая даму под руку, помог ей сесть в катер, затем спустился сам и представился приставу:

— Капитан Студитский, военврач, начальник русской миссии. Со мной — старшая сестра милосердия Трепетова,— он посмотрел в сторону спутницы,— и команда из тридцати человек. Будьте любезны, распорядитесь, чтобы казаков поместили в катера и шлюпки.

— Не извольте беспокоиться, капитан,— отозвался Караш.— Все предусмотрено. Я получил телеграмму из Петербурга относительно вашей миссии. Поехали! — тут же приказал он мотористу катера.

Загудел мотор, и судно понеслось к берегу в веере искрящихся брызг. Вдали виднелись бараки, кибитки и высокий серый курган. Спустя полчаса катер подошел к дощатому прича-

лу, и Караш, выбравшись первым из катера, помог выйти сестре милосердия и доктору. Он повел их в глубь поселения, на ходу поясняя, где что. С обеих сторон тянулись деревянные бараки с вывесками: «Штаб гарнизона», «Столовая», «Госпиталь», «Закусочная»... Всюду царило безмолвное запустение, только песок жидкими струйками передвигался по ступенькам и подоконникам. Вскоре гости поднялись на крыльцо небольшого деревянного дома. Во дворе стояла туркменская кибитка, и около нее дымился казан.

— Это моя резиденция,— сказал Караш и крикнул, глядя на юрту: — Кошлу-кази, где ты там?! Выйди!

Из кибитки вывалился низенький седобородый туркмен в тельпеке и плисовых штанах. Караш представил его:

— Знакомьтесь, господа, это наш почтенный ишан Кошлу-кази, глава здешних туркмен.

Ишан сложил руки на животе и поклонился несколько раз. Доктор решил, что знакомство должно проходить более сердечно: подошел к ишану и пожал ему руку.

— Я — табиб,— сказал по-туркменски.— Если что-нибудь болит, говори, не стесняйся.

— Слава аллаху, мы здоровы,— смущенно проговорил Кошлу-кази.

Надя тоже назвала свое имя и улыбнулась святому ишану, но он засопел и отвернулся. Говорить с женщиной, да еще в таком обществе, ему показалось грехом неслыханным.

После знакомства все вошли в дом и сели на ковер в средней комнате. Денщик пристава подал чашу с шурпой и наломанный чурек. Гости приступили к трапезе.

— Кошлу-кази, новости есть,— сказал Караш.— Сегодня приказ получил. Ак-паша Скобелев просит шесть тысяч верблюдов. Отправишься в Гасан-Кули, всех поднимешь на ноги. Через месяц верблюды и погонщики должны бать в Терсакане.

Ишан испуганно посмотрел на пристава. Тот не отвел взгляда и еще злее и беспощаднее сказал:

— Не вздумай ослушаться, ишан. Твоя судьба, как и моя, в руках ак-паши, а он шутить не любит и никому ничего не прощает.

Кошлу-кази положил ложку, запрокинул голову и быстро-быстро зашевелил губами, читая молитву. Затем он распрямился и заговорил предостерегающе:

— Караш, вчера люди с Чандыка приехали. Говорят, Тыкма-сердар там со своими джигитами побывал. Теперь после него три года трава расти не будет.

Надя тревожно посмотрела на доктора:

— Видите, Лев Борисыч, что тут творится!

Студитский насупился и склонился над чашкой. Волнистая прядь русых волос упала ему на лоб, отчего облик его принял

благородный и одновременно строгий вид. «Да, с Тыкмой, как видно, шутки плохи,— подумал он.— Но и с Милютиным шутить не годится».

— Господин пристав,— спросил он,— а не смогли бы туркмены подготовить мне встречу с Тыкмой-сердаром?

Караш сжал губы, насупился.

— Сюда Тыкма-сердар не приедет, а к нему ехать — все равно что подставить шею под разящую саблю.

— Где находится его становище?

— Где бы ни находилось, но если объявитесь там, Тыкма убьет вас.

— Пристав, по-моему, вы труса празднуете,— усмехнулся Студитский.

Караш покраснел и едва сдержал себя, чтобы не нагрубить доктору. Благоразумие, однако, взяло в нем верх, и он коснулся рукой наград, висевших у него на груди под сюртуком.

— Вот этого «Георгия» третьей степени я получил из рук самого Скобелева,— произнес он с гордостью.— А вы мне говорите о трусости.

— Ладно, господин Караш, простите мою опрометчивость,— попросил Студитский.— Конечно же вы лучше меня знаете Тыкму, да и обстановку — тоже. Скажите, много ли купцов, приказчиков, маркитантов и прочего люда собирается со мной на линию?

— Много, капитан, но все они безоружны. Охраны я вам тоже дать не могу: солдат в гарнизоне — раз-два и обчелся. Шестеро охраняют телеграфную линию Чекишляр — Астрабад, трое разъезжают по линии в сторону Чата. Столбы туда телеграфные осенью завезли и оставили. Половину их зимой в кострах сожгли: то ли Тыкма, то ли свои же солдаты.

— Больных много?

— Хоть отбавляй. Больше ста человек в госпитале. Врачей — девять единиц, а пользы почти никакой. Сидят без медикаментов. Дизентерия, лихорадка, цинга подряд всех косит.

— Да, дела неважные,— согласился Студитский.— Однако, Караш, буду вам благодарен, если соберете торговцев.

— Соберу, отчего же не собрать.

Надя внимательно следила за разговором, думала о своем и наконец спросила:

— Господин Караш, а грузы наши: ящики, кули медицинские свезли на берег?

— Свезли, куда они денутся! Начальник госпиталя уже приглядывается, какие медикаменты присланы. Больные солдаты на одном честном слове живут. Лекарства им — в самый раз.

— Но мы же их для аулов привезли! — возразила Надя.

— Для каких аулов? — не понял Караш.

— Для всех,— пояснила она и пожала плечами.

Кошлу-кази, поняв, о чем идет речь, придвинулся к доктору.

— Наших туркмен будете лечить? — спросил с сомнением.

— Туркмен, конечно,— сказал Студитский.— Такова наша миссия.

— Молодец, табиб,— тихонько произнес ишан.— Сделаешь туркмену добро, он тебе двойным добром ответит.

XII

С моря дул влажный ветер. Шуршали камыши на Атреке. Вдали, на синем озерце паслись розовоперые фламинго. Стайки уток то взлетали, то садились на воду. Отряд капитана Студитского, из полусотни повозок, накрытых парусиной, и нескольких цистерн с керосином, продвигался вдоль реки. В телегах и фургонах — медики, приказчики, маркитанты. На лошадях — десятка два джигитов и отделение казаков. Ехали медленно. Песчаная колея, разбитая подковами и изрезанная колесами, глубоко вдавалась в песок и казалась небольшой пересохшей речкой.

В Яглы-Олум добрались ночью. В кромешной тьме не было видно ни туркменского аула, ни военного укрепления. И лишь когда на караульной вышке вспыхнула лампа Шпаковского, ощупывая широким лучом окрестности, перед глазами приезжих замелькали поставленные в два ряда кибитки, чигирь [1] на берегу реки, агилы и пасущиеся верблюды. Ниже караульной вышки стояли каменные бараки, обнесенные стеной, и ворота. Оттуда вышли военные, и вскоре Студитский разговаривал с комендантом. О приезде торговой миссии здесь знали заранее и встретили ее. Комендант предложил доктору вместе с его медиками и казаками идти в барак. Что касается торговцев, им придется расположиться возле реки табором.

Повозки свернули с дороги, люди стали устраиваться на ночлег. Студитский не стал пока заводить фургоны во двор, решил это сделать завтра. Надю попросил следовать с ним в укрепление. Здесь, во дворе, они вошли в барак, пахнущий сыростью, и осмотрели приготовленные для них три комнаты.

— Это для солдат,— сказал комендант, отворив дверь в одну. В ней стояло с десяток раскладных кроватей.— А вон те, по соседству,— там одиночные.

Надя выбрала себе комнатушку с окном во двор. Комендант засветил керосиновую лампу и пожелал ей спокойной ночи. Студитский передал Наде сверток с документами и деньгами и ушел ночевать в фургон. Надя сдвинула занавески на окне, закрылась на крючок и стала раздеваться. «Боже, лучше бы я сидела с мачехой,— с горечью подумала она, развязывая уло-

---

[1] Чигирь — приспособление в виде колеса с подвешенными ведерками для подъема воды из канавы, арыка.

женную в пучок косу.— Две недели на колесах, и чем дальше, тем хуже!» Сразу вспомнился Петербург, о котором она почти не забывала. Та «зеленая тоска» на Каменном, где жила Надя в казенной квартире на четвертом этаже, и стоны больных в палатах Николаевского госпиталя, где дежурила по ночам, казались ей сейчас легким сном. Вспомнились две могилки — матери и отца, похороненных в разные годы. Мать свою Надя почти не помнила, а отца два года назад привезли тяжелораненого из Болгарии: он пролежал в госпитале с полмесяца и умер. Слезы мачехи над умершим отцом, которые все время казались Наде притворными и вымученными, сейчас легко прощались. Надя теперь журила себя за излишнюю строгость к неродной матери. Решила написать ей письмо, рассказать о своих мытарствах по Волге, по морю и этим сыпучим пескам. Но еще больше хотелось получить письмецо от нее. Интересно, как живут в Петербурге? Что нового? С отчетливой ясностью вспомнила графиню Елизавету Дмитриевну и ужин в доме Милютиных. Накануне графиня пришла в госпиталь и сказала: «Ну, что, моя девочка,— все хандришь? Хочешь, я сокрушу твою несносную тоску?» — «Сделайте милость, ваше сиятельство!» — «Вот что я тебе посоветую: отправляйся-ка ты с доктором Студитским в Закаспий. Не думаю, чтобы тебе было там хуже». Графиня пригласила Надю на ужин и познакомила с доктором. Капитан проводил ее ночью в карете до самого дома. Дорогой молчал и только беспрестанно мурлыкал какой-то незнакомый мотив. Уже на Каменном спросил: «Сударыня, что вас заставляет ехать в глухомань?» — «Не знаю»,— просто ответила Надя. Он удивился и принялся ей втолковывать, насколько почетна обязанность не просто исцелять людей, но пробуждать к цивилизованной жизни целое общество. Тогда она впервые услышала от него, какие большие дела ее ждут в Закаспийском крае. Но только теперь поняла: всякое большое дело требует больших физических сил, нечеловеческого терпения и самоотречения. Поняла и тем не менее ничего не могла с собой поделать: хотелось назад, в Петербург.

Утром, когда Надя вышла из ворот укрепления, перед ней открылась живописная картина. Вдоль берега Атрека, растянувшись саженей на двести, стояли между фургонами и телегами палатки, юламейки, кибитки. Всюду царило оживление. Толпы торговцев, перемешавшись с толпами туркмен из аула, напомнили Наде о ярмарке. Приказчики прямо с телег торговали ситцем и сатином, обменивали товары на ковры и верблюжью шерсть. Какой-то купец предлагал аульному старшине целую кузницу: мехи, горн, наковальню, несколько молотов и разобранный навес для нее. Надя отыскала доктора в толпе, возле кузницы. Аульный старшина, которому стоимость кузницы была не по карману, жаловался:

— Начальник, скажи, где столько денег возьмет бедняк туркмен?

— Купите ее сообща,— предложил доктор.— Зачем тебе одному кузница? Овец, что ли, подковывать?

Стоявшие рядом аксакалы засмеялись. Капитан предложил им сесть и поговорить по душам. Старики, озираясь по сторонам, сели кто на землю, кто на оглоблю. Студитский устроился на раскладном стуле, спросил аульчан:

— Уважаемые, хочу вам задать вопрос: найдется ли в вашем ауле столько денег, чтобы купить все привезенное?

Аксакалы тихонько посовещались между собой, затем старшина сказал:

— Нет, начальник, столько денег во всем ауле не найдется. Это я говорю тебе точно, Мередом меня зовут.

— А знают ли аксакалы, что надо для того, чтобы были деньги?

— Да, начальник. Надо ехать в аламан[1], но русские запрещают. Другого дела не знаем.

— В том-то и беда, что не знаете,— сказал доктор,— а дело — вот. Посмотрите на ту большую площадку. На ней приказчики решили открыть большой базар. Надо поставить торговые ряды: крытые прилавки, магазины, сапожные будки. Рядом же с базаром построим большой каменный склад для хранения товаров. Если уважаемые аульчане хотят иметь деньги, то пусть соберут своих людей и начинают класть стены. Платить будем хорошо.

Туркмены сразу заговорили между собой, засуетились. Студитский понял: раз толпа взбудоражилась, значит, дело стоящее. Надо только не спешить, пусть подумают, посоветуются. А пока начал рассказывать о железной дороге, которую этим летом начнуть строить русские солдаты от Михайловского залива до Кизыл-Арвата. Тотчас задали вопрос: что такое железная дорога? Доктор объяснил; кажется, поняли его, но никак не могли согласиться, чтобы кусок железа с огнем внутри мог катиться сам по себе.

— Ладно,— сказал капитан,— сегодня я покажу вам дорогу и поезд.

Обещанием он еще больше разуверил аульчан в правдивости своего рассказа. «Как он нам может показать? — говорили они друг другу.— Этот человек, конечно, очень добрый, но зачем говорить о несуществующем?»

К обеду туркмены подались за Атрек, в свой аул. Наде наконец удалось подойти к доктору.

— Лев Борисыч, да они же с ума вас сведут: такие крикливые и горячие!

— Ничего, Надежда Сергеевна. Это хорошая черта у туркмен. Вы помогите мне сегодня, голубушка. Приготовьте волшебный фонарь.

---

[1] Аламан — набег.

В сумерках отправились в аул. Кроме волшебного фонаря взяли с десяток керосиновых ламп. На всякий случай Надя повесила на плечо медицинскую сумку. Едва появились у кибиток, сразу же попали в тесный круг аульчан. Аксакалы, уже знакомые доктору, приглашали угоститься, дети сновали под ногами, заглядывая гостям в глаза, женщины украдкой выглядывали из кибиток. Подчиняясь настойчивой просьбе старшины Мереда заглянуть к нему, капитан велел рисовальщику заняться установкой волшебного фонаря, а сам с Надей зашел в кибитку. Он не сомневался, что в ней будет темно, и, войдя, снял с сундука тускло светящуюся нефтакыловую свечу и поставил лампу. Тотчас вывернул фитиль, чиркнул спичкой, зажег и надел стекло. Яркий свет озарил содержимое юрты. Жена Мереда, явно не ожидавшая чуда от железной банки с керосином, испуганно вскрикнула и закрыла глаза рукой, а ребятишки словно воробьи выпорхнули во двор. Меред с пониманием подошел к лампе, притронулся пальцем к стеклу и отскочил как ужаленный. Доктор тотчас пояснил, как надо обращаться с лампой. В считанные минуты хозяин освоил несложную премудрость и остался весьма доволен собой. Надя между тем успела познакомиться с хозяйкой — женщиной лет тридцати. Звали ее Айшой. Она была в дряхлом длинном платье, голова покрыта халатом, а нижняя часть лица прикрыта платком молчания — яшмаком. Надя подарила хозяйке аптечку: поставила ящичек рядом с лампой на сундук и начала показывать лекарства.

— Свет твоему дому, Меред,— сказал доктор.— Оставим женщин наедине, они сами разберутся — что к чему. Пойдем, покажу железную дорогу.

На дворе царил неописуемый ералаш. Рисовальщик, укрепив простыню на жердях агила и примостившись возле волшебного фонаря, показывал аульчанам картинки. Вокруг него толпились и старики, и дети. Одни восторгались и смеялись, другие подходили к простыне, но тут же отскакивали, когда рисовальщик менял кадры. Малыши испуганно плакали. Но вскоре все свыклись с «чудом» и успокоились.

— Ну вот, Меред,— сказал доктор, подведя к волшебному фонарю старшину.— Видишь железную дорогу с поездом? Этот поезд едет из Петербурга в Царское Село. Обрати внимание, как испуганы на картине люди. Когда появился первый поезд, они вели себя точно так же, как ведут себя сейчас твои дехкане.

— Да, доктор, это правда,— согласился Меред.

Картинки смотрели до поздней ночи. Освоившись, аульчане угостили русских шурпой и лепешками. Уходя, Студитский распорядился зажечь в кибитках все принесенные лампы.

XIII

Шла к концу вторая неделя пребывания русской миссии в Яглы-Олуме. Торговля шла хорошо: в укрепление каждый день приезжали люди из соседних аулов. Местные туркмены, после недолгих колебаний, взялись за постройку товарного склада. На берегу Атрека появились ямы. В них дехкане замешивали глину. Другие, помоложе, везли на арбах из ущелья камни. Студитский назначил десятником одного из приказчиков, оставил при лагере Надю и отправился дальше по линии.

Вновь с ним был отряд, но гораздо меньше прежнего.

Быстро продвигаясь по каменистой дороге, капитан в первый же день достиг гор.

На ночлег остановились в ущелье. В полкруга светила луна, но и в этом бледном свете хорошо просматривались склоны гор и вершины. Не было на них ни леса, ни кустарника, ни жилья, не слышалось звуков: все поглощалось шумом речной воды, несущейся в глубоком ущелье.

Путешественники готовили ужин, когда со стороны Терсакана появились всадники. Студитский скомандовал «в ружье», казаки кинулись к козлам и расхватали винтовки. Но едущие и не думали вступать в бой или бежать прочь. Не доезжая костра, они остановились, и сразу же разнеслась туркменская речь:

— Эй, кто бы вы ни были, остерегайтесь нападать! Вы имеете дело с Кара-муллой, который сопровождает в Чекишляр английских господ.

— Пусть Кара-мулла подъедет ко мне один! — скомандовал капитан.

Тотчас от группы всадников отделился один и осадил коня около дымящегося костра. Студитский, держа в руке револьвер, осмотрел придирчиво всадника: тельпек, черная борода, патронташ поверх халата. «Хорош мулла»,— подумал с усмешкой.

— Что за люди с тобой? Почему ты их называешь английскими господами? Откуда они здесь появились?

— Начальник, ты спроси об этом у них,— недовольно проговорил Кара-мулла.— Мне же велено русским консулом в Астрабаде сопровождать англичан до Чекишляра.

— Хорошо, мулла. Можете слезть с коня и отдохнуть за пиалкой чая,— распорядился Студитский и прокричал по-английски: — Господам разрешается приблизиться для объяснений!

К костру подъехали двое в туркменских тельпеках и халатах, слезли с коней.

— Корреспондент «Дейли ньюс» сэр О'Донован,— представился один из англичан и подал Студитскому руку.— Рад видеть в этих диких горах цивилизованного человека. Надеюсь, угостите нас чашкой горячего чая?

Второй тоже подал руку.

— Полковник британских ее королевского величества колониальных войск сэр Стюарт.

— Садитесь, господа,— пригласил Студитский и, когда оба сели, попросил: — Будьте любезны предъявить мандаты на право посещения Атрекской линии.

О'Донован неохотно полез в карман, достал бумажник, порылся в нем и предъявил документ. Студитский прочитал: сэру О'Доновану разрешается посетить опорный пункт Чекишляр для встречи с генералом Скобелевым.

— Ваш мандат, господин полковник? — потребовал Студитский, вернув бумагу корреспонденту.

Стюарт скорчил недовольную гримасу. О'Донован пояснил:

— Капитан, скажите, где и когда вы видели, чтобы штатский корреспондент разъезжал по этой дикой стране без охраны? Полковник Стюарт — мой лучший друг и телохранитель.

— Смею вам заметить, господа: оба вы не имели никакого права появляться в районе русских опорных пунктов на Атрекской линии,— строго проговорил Студитский.— Консул разрешил одному из вас проехать в Чекишляр, но для чего вам понадобилось, да еще вдвоем, кружить по Атреку, когда от Астрабада до Чекишляра несколько часов пути морем?

Доводы русского капитана не испугали англичан, а лишь призвали к самозащите.

— Господин капитан,— сказал развязно Стюарт,— с каких это пор русские стали хозяевами в этих горах? Разве я не могу ездить на моей лошади там, где мне захочется? Ваши официальные газеты кричат на весь мир о благоустройстве этих мест, о железной дороге... Ваши устремления говорят о мире, но почему же мы сталкиваемся здесь со строгими военными порядками? Больше того, проезжая Терсакан, мы узнали, что атрекские туркмены пригнали сотни верблюдов для Скобелева. На этих верблюдах он собирается идти и покорить текинскую крепость!

— Простите, полковник: я — начальник русской мирной миссии,— возразил капитан.— Мы действительно пришли сюда, чтобы вовлечь в культурную жизнь кочевников: научить их пахать, сеять, строить. Наконец, мы выполняем просьбу самих кочевников, которые на протяжении многих лет просятся в наше подданство.

— Я не сказал бы, чтобы текинцы искали вашего подданства,— громко захохотал О'Донован.— Не кажется ли вам, капитан, что вы, находясь здесь, не меньше нашего подвержены опасности? Если Тыкма-сердар случайно выедет на эту дорогу, он еще подумает, кому отдать предпочтение: вам или нам.

— Пейте чай, О'Донован,— подал пиалу Студитский.— Мне нравится ваша откровенность, хотя я и так знаю, что текинские ханы состоят на вашей службе.

— Увы, не все,— вновь цинично засмеялся О'Донован.— Часть из них держат русскую ориентацию. Не хотите ли коньяка?

— Спасибо, я пью чай.

О'Донован плеснул в пиалу из фляги, разбавил горячим чаем и сказал:

— Прекрасный грог. Жаль, мой друг Стюарт тоже не пьет. Он уверяет меня, что свежая голова в Туркмении — самая необходимая вещь.

Капитан в бликах костра видел их небритые лица и ввалившиеся от усталости глаза. «Не день, не два разъезжают тут заморские гости»,— думал он и допускал мысль, что где-то недалеко расположен отряд англичан или каджарская конница под командованием английских офицеров. «Скорее всего — последнее, ибо британцы давно научились загребать жар чужими руками. А эти двое конечно же разведчики».

Гости просидели у костра не больше часа и, поблагодарив русского доктора за гостеприимство, отправились дальше, к Каспию. Студитский, возбужденный неожиданной встречей, понял: теперь не уснуть. Задолго до рассвета он поднял отряд на ноги, и с первыми лучами солнца путешественники приблизились к Терсаканскому военному укреплению.

XIV

Никогда прежде капитан не видел так много верблюдов. Они были всюду: в долине, на склонах гор и в глубоком речном каньоне, через который пришлось переправляться. Рыжие, длинношеие, словно мифические бескрылые птицы или твари с иной планеты, опустившиеся в этом диком, безжизненном ущелье, они бродили, пожирая сухие клубки прошлогодней колючки. По склонам виднелись, вразброс, туркменские кибитки и просто соломенные шалаши. Около них дымились костры и стояли, внимательно наблюдая за отрядом Студитского, погонщики, или, как тут их называли, верблюдчики.

Как только телеги переправились через каньон и свернули к огороженному каменным забором двору, оттуда выехали всадники. Комендант укрепления, пожилой майор с морщинистыми щеками и длинным носом, радушно, с прибаутками и хохотком встретил капитана и повел его к себе в холостяцкую комнатушку.

— Вот не ждали, признаться! — засуетился он, откупоривая бутылку водки.

— Мне не наливайте, майор. Откуда столько верблюдов?

— Как — откуда? Так чекишлярский пристав с ишаном гонят отовсюду. Начальник штаба Кавказского округа прислал сто тысяч рублей на верблюдов, вот и идет катавасия. Гонят и гонят со всех сторон, а у меня уже и деньги скоро кончатся,

платить будет нечем. А верблюды-то — сплошная чесотка да течка. Ведь для транспортировки грузов годятся только инеры — самцы крупные, а тут и матки, и даже верблюжата. Скобелев-то скоро пожалует?

— Через месяц, не раньше,— сказал капитан.— Но меня не верблюды сейчас тревожат и не Скобелев. Скажите-ка, майор, почему по военной линии разъезжают английские агенты?

— Какие агенты? — всполошился комендант.— Никаких агентов я не видел.

— Мне они повстречались ночью. Двое.

— Черт те что творится,— отставив бутылку, пожаловался майор.— Туркмены говорят, что за горами, в Хорасане, около десяти тысяч шахского войска собралось. И офицеров английских много. Скорее всего, эти оттуда. Как бы не набросился шах. Нападет, и отмахнуться нечем. Скорее бы Скобелев пожаловал.

— Скобелев — не спасенье,— сказал капитан.— Скажите, майор, где сейчас находится Тыкма-сердар?

— Вот еще, вспомнили! — скривился комендант.— Не приведи господи, еще накличете беду. Зимой он уже разок тут побывал. Прямо из-под самого носа трех солдат уволок. Вот видите? — сунул комендант Студитскому пачку писем.— Канониру Петину из Саратова с каждой оказией по три письма, а он — у текинцев.

— Господин майор, как ступил я на туркменский берег, так беспрестанно пугают меня Тыкмой,— недовольно проговорил Студитский.— Вижу, что человек он удалой и беспощадный, но ведь он служил нам в прошлом году! Помогите мне встретиться с ним.

— Слушайте, господин капитан,— внушительно сказал комендант.— Зачем он вам понадобился, этот разбойник? Неужто опять собираетесь пригласить его на службу?

— Может быть. А что тут странного?

— А то, что Тыкма не решит существа дела,— сказал безнадежно майор и пояснил: — Тыкма — бедняк, сын кузнеца. Ни звания у него нет, ни хорошей родословной. Ханы его вовсе не слушают.

— Тыкма может внушить простым текинцам, что они обмануты своими ханами: вот чем ценен для нас сердар,— пояснил Студитский.— Если б не предательство некоторых ханов, народ Ахала давно бы принял русское подданство. Перейдет Тыкма к нам на службу со своими соотечественниками — вопрос Закаспия будет решен мирным путем.

Комендант задумался: довод капитана поколебал его.

— Может, оно и так,— сказал он сговорчиво.— Да только ехать к Тыкме на переговоры — все равно что в пасть дракону.

— Господин майор, неужели среди верблюдчиков не найдется человека, который бы вызвался проводить меня к нему?

— А черт его знает. Может, и есть. Что у них — на лбу, что ли, написано? Отправляйте пока своих приказчиков на мейдан — площадь там у горы,— махнул рукой в окно майор.— Пусть начинают торговлю. Народ съедется, а там и мы с вами подойдем и попробуем сыскать нужного человека.

— Ну что ж, это мне уже нравится,— согласился Студитский.— Пойду распоряжусь...

После бессонной ночи хотелось спать, и капитан, проводив приказчиков с телегами под конвоем казаков на торговую площадь, прилег на комендантской кровати. Вскоре он уснул.

За воротами укрепления между тем развернулась оживленная торговля. Как и в Яглы-Олуме, приказчики прямо с телег начали продавать мануфактуру, сахар, конфеты. К закату солнца съехались на мейдан верблюдчики; их тут собралось более двухсот человек. Все шло хорошо, и вдруг на дороге появились три всадника. Они скакали во весь опор и остановились как вкопанные около базарной толпы.

— Кошлу-кази! — громко прокричал один из них с седла.— Где Кошлу-кази? Люди, найдите немедленно Кошлу-кази, ему письмо от Тыкмы-сердара!

При упоминании сердара народ на мейдане заволновался. Некоторые приблизились к дороге, приглядываясь к незнакомцам. Появился Кошлу-кази.

— Ишан, возьми письмо от Тыкмы и прочитай народу! — властно сказал чернобородый всадник.— На, чего стоишь?

Кошлу принял трясущимися руками листок и начал оглядываться, не зная, что с ним делать.

— Э, а еще кази! — так же грубо попрекнул его черный всадник и приказал: — Ну-ка, дай я прочитаю сам!

Нагнувшись в седле, он выхватил бумагу из рук кази и громко зачитал:

— «Кошлу-кази, вонючий шайтан, послушай, что скажу! Если сегодня ночью не уйдешь от русских сам и не уведешь своих людей с верблюдами — завтра будет поздно! Завтра я отправлю тебя в ад с отрубленной головой! Тыкма-сердар пустых слов не говорит!»

В толпе мгновенно началось смятение. Всюду слышалось: «Тыкма, Тыкма», и всадник, бросив письмо в лицо кази, прокричал грозно:

— Люди, уходите, не ждите карающего меча сердара! Уходите, несчастные, пока аллах не проклял вас и не отринул от себя! Помните, в священном Коране сказано: «Он поглотит с вами часть суши или пошлет на вас вихрь с камнями, а потом не найдете вы для себя заступника!»

Черный всадник развернул коня, ударил его по бокам каблуками и поскакал прочь. За ним помчались и два его спутника.

Не только на площади, но и по всей низине, где стояли кибитки и шалаши, начался невообразимый переполох. Верблюд-

чики бежали к своим жилищам, складывали их, гнали верблюдов подальше от укрепления. Кошлу-кази стоял как оплеванный, не знал, что делать. Остановить людей он не мог, да и не пытался. Вот кто-то опять закричал панически: «Тыкма! Тыкма, спасайтесь!» И Кошлу-кази, не испытывая больше судьбу, вскочил на лошадь и помчался в гору.

Капитан Студитский с комендантом и отделением казаков приехали на мейдан, когда на нем уже, кроме перевернутых телег и трясущихся в страхе приказчиков, никого не было. Напрасно комендант пытался остановить бегущих верблюдчиков. Люди уже были далеко от укрепления. Майор выхватил из рук казака ракетницу и выпустил вверх ракету: может, опомнятся?

— Вы еще больше их напугали,— сказал с усмешкой капитан.— Но что все-таки произошло? Отчего такой переполох?!

— Да, говорят, какие-то всадники письмо от Тыкмы привезли. Грозит, разбойник, всем поотрубать головы, а вы встречи с ним ищете! Тьфу, черт бы его побрал: ну и обстановочка!

Студитский промолчал, понял, что делать ему тут больше нечего. На рассвете отправился со своим отрядом в Кизыл-Арват.

XV

Несколько всадников, позади которых шел небольшой караван верблюдов, проехали через селение Геок-Тепе и остановились возле северных ворот крепости. Едущий впереди чернобородый здоровяк в тельпеке и халате, обвешанный оружием, требовательно прокричал:

— Эй, стража, открывай ворота! Мне надо увидеть Нурберды-хана!

— Вах, Кара-мулла! Это приехал Кара-мулла! — засуетился нукер, распахивая настежь железные ворота.— Милости просим, святой мулла. Хан давно ждет вас и велел сразу пропустить к нему, как только приедете!

— Ну что ж ты разболтался — веди,— грубо приказал Кара-мулла.

Нукер побежал трусцой впереди муллы и других всадников и на подходе к холму, возле которого стояла восьмикрылая белая кибитка главного хана Ахала, упал на колени.

— Хан-ага, знатные люди к вам от гоклен пожаловали!

Слуга, стоявший у кибитки, оглядел прицеливающимся взглядом приезжих, откинул килим и скрылся в юрте. Вскоре вышел Нурберды, как всегда в каракулевой папахе и малиновом чекмене.

— Разместите гостей в соседней кибитке,— сказал он слуге.— Пусть немного отдохнут с дороги, потом я приму их.

Видя, что повелитель затевает обычную церемонию встречи, Кара-мулла попросил:

— Нурберды, вести очень важные, а время скоротечно!

— Ладно, заходите.

Хан скрылся в кибитке, а Кара-мулла велел своим джигитам снять вьюк с инера и развязать его. Когда джигиты сняли и вспороли вьюк, Кара-мулла вынул из него отрез английского сукна, два револьвера, винчестер и отдал все в руки джигитам.

— Следуйте за мной!

Войдя в кибитку, он взял у джигитов подарки и положил их на ковер перед ханом.

— Ты задаешь мне загадку, мулла? — спросил Нурберды.— Но отгадать ее нетрудно. Это подарки от полковника Стюарта.

— Нет, повелитель, возьмите немного выше,— слащаво улыбнулся Кара-мулла.— Револьверы, винчестер и сукно прислал тебе из Кабула английский генерал Робертс, а доставил все это Стюарт.

— Но я недалек был от истины,— довольно сказал Нурберды, перекладывая с ладони на ладонь холодный вороненый револьвер.

— А теперь догадайтесь, о чем говорит каждая вещь,— предложил Кара-мулла.

— Ну, это совсем легко,— засмеялся хан.— Револьверы — личный подарок мне и моему сыну Махтумкули.

— Верно, повелитель,— подтвердил мулла.

— Винчестерами,— продолжал Нурберды,— я должен вооружить всех своих джигитов. Но за них надо отправить Робертсу с десяток породистых коней и сотню текинских ковров.

— И это верно.

— А сукно...— Хан на мгновенье задумался и твердо произнес: — В мундиры из такого сукна Робертс оденет всех текинских джигитов, которые будут служить ему. Но для этого требуется весь народ Ахала настроить на английский лад.

— И это верно, повелитель! — торжественно воскликнул Кара-мулла.

— Что же, мы готовы ко всему, лишь бы англичане оказали нам помощь,— проговорил Нурберды.

— Если готовы, повелитель, то отправляйте немедленно своих людей в Хорасан за оружием. Я провожу их до того места, где их ждут новенькие винчестеры.

— Ладно, Кара-мулла, сегодня мы подумаем, кого послать. Теперь расскажи мне, что делается возле моря? Скоро ли придут русские полки?

Кара-мулла самодовольно улыбнулся:

— Пока они занимаются наймом верблюдов. В Терсакане они собрали больше тысячи инеров и много караванщиков, но теперь там нет ни верблюдов, ни их хозяев.

— Куда же они делись?

— Я припугнул ишана Кошлу-кази, прихвостня русского, что Тыкма снимет с него голову, если не уберется сам и не уведет своих караванщиков. Видел бы ты, хан, как они побежали!

Я следил за ними с горы и держался от смеха за живот. С такими вояками Скобелев никогда не дойдет до Геок-Тепе, поверьте мне, повелитель!

— И все-таки мы должны быть готовы встретить ак-пашу. Надо поскорее переселить всех в крепость. Поговорим сегодня и об этом.

Вечером приехали и привязали у ханской кибитки своих коней Тыкма-сердар, Софи и Оразмамед.

Нурберды встретил их стоя, не пригласил даже сесть.

— Тыкма и ты, Софи,— распорядился он,— завтра утром отправитесь в Хорасан и привезете несколько вьюков английского нового оружия. С вами поедет Кара-мулла.

Оба кивнули.

Нурберды перевел взгляд на Оразмамеда.

— Ты отправишься в Кизыл-Арват и поднимешь всех на ноги. Всех до одного! Чтобы через неделю кибитки кизыларватцев стояли вот здесь, в крепости. И чтобы Худайберды приехал сам и привез свои кибитки. Каждого, кто посмеет ослушаться, убивай без разговоров на месте. Самого Худайберды привезешь — живого или мертвого.

— Ваша воля, повелитель,— хмуро согласился Оразмамед.

— Напомни этому негодяю: он всего лишь черный чабан. Нечестивец разбогател, пряча в песках отары и косяки верблюдов. Колодцы выкопал, людей к себе переманил. Бедняки ему поют суру[1] справедливости. Но он забыл, что воля главного хана Ахала равна воле всевышнего!

— Не беспокойтесь, повелитель,— смиренно склонил голову Оразмамед.

— Иди, собирайся в путь: ты моя надежда.— Нурберды легонько коснулся плеча молодого предводителя, затем подтолкнул его в спину.

XVI

Погода стояла хорошая. С утра было холодно, но поднялось солнце и пригрело так, что впору снимать чекмень. Горы, облитые сухим золотом солнца, казались очень красивыми. Над песками висела голубая дымка, легкая, словно сотканная из кисеи. Но не радовал джигитов этот поход. Не воинами ехали они к кызыларватцам, а карающей стражей. Но кого карать? Своих же! Джигиты ехали в седлах молча, лица насуплены. И сам Оразмамед хоть и готов был выполнить волю хана, но тяготился столь необычным поручением. «Кажется, пришли времена,— размышлял он,— когда друзья становятся врагами. Скоро и родные братья будут стрелять друг в друга. И все идет от несогласия».

[1] Сура — глава Корана.

Оразмамеду шел тридцать второй год. Восемь из них он провел в походах. На его глазах, как он говорил, падали башни и возрождались к жизни умершие города. Оразмамед служил сотником в войске хивинского хана, когда генерал-губернатор Туркестана Кауфман привел отряды и захватил Хиву.

Хан Хивы бежал к туркменам, а затем склонил голову перед Россией и сделался ее вассалом. Оразмамед тогда увел своих джигитов через пески в Ахал и поселился у подножия Копетдага. Молодой сотник смотрел на север и думал: «Что же будет дальше?!» Вскоре из Хивы приехал посланник хана и объявил: текинцы должны войти в состав Хивинского ханства и вместе с его величеством ханом служить России. Кое-кому этот приказ пришелся по душе. И первым выразил согласие Мамед-Аталык — наставник Оразмамеда. У него молодой сотник учился воинскому мастерству. Но далеко не все ханы приняли хивинского посланника. Сказали ему: «Служить России — почетно, но при чем тут Хива? Разве не хивинского хана Мадэмина двадцать лет назад побили текинцы? Разве не ему отрубили голову? А теперь опять служить Хиве? Но где же справедливость?! Где честь?!» Посланника усадили на чесоточного осла и отправили назад, а сами поехали на Кавказ, к великому князю Михаилу, наместнику Кавказа. Застали его в Баку. Наместник как раз объезжал свои владения и остановился в этом городе. Пришли к князю, подали ему прошение о подданстве России, но и тут получили ответ: «Служите Хиве, а через нее подчиняйтесь русскому государю императору». Нурберды, возглавлявший депутацию, попробовал убедить чванливого князя и рассказал ему притчу. «Ярым-падша[1],— сказал он,— вот послушай... Стал умирать караванщик, пришел к своему верблюду и говорит: бил я тебя много, без воды оставлял, еды не давал, но ты прости меня, грешного, страшно уходить на тот свет с грехом. Верблюд подумал и ответил: все тебе прощаю, хозяин, лишь одного простить не могу — зачем ты, когда мы отправлялись в дальний путь, привязывал меня к хвосту своего ишака? Вот и ты, великий князь, привязывая нас к Хиве, привязываешь верблюда к хвосту ишака». Князь посмеялся над притчей и тоже сострил: «Но я пока не собираюсь умирать, как тот караванщик, и пока не хочу просить отпущения грехов. Пусть пока верблюд ходит привязанным к хвосту ишака». Нурберды-хан раскланялся и ушел ни с чем. Больше текинские ханы к наместнику Кавказа не обращались. Чтобы не попасть в зависимость от Хивы, стали искать заступничества у персидского шаха. Сам Нурберды отдал свою сестру в жены персидскому шах-заде и через него познакомился с английскими офицерами и теперь, поддерживая с ними связи, перестраивал все население Ахала на свой лад... Оразмамед служил Нурберды-хану смолоду. Верил ему во всем, но теперь,

[1] Ярым-падша — половина царя.

когда возмужал Оразмамед, на мир насмотрелся и ума набрался, стал понимать, что главным ханом Ахала правит гордыня и ненависть к русским. «Нурберды чуть чего хватается за Коран и взывает кару на голову неверных. Но ведь англичане — тоже не мусульмане, тоже — неверные! Почему же он так преклоняется перед ними?» Все больше и больше Оразмамед в последнее время думал об Аталыке. «Прав, наверное, мой учитель, презирающий главного хана».

В тяжких думах въехал Оразмамед в Бами. Здесь уже царило запустение. Неделю назад Тыкма-сердар, возвращаясь из Беурмы со своим семейством, чтобы поселиться в крепости Денгли-Тепе, поднял на ноги и баминцев. Одни подчинились ему беспрекословно, другие оказали сопротивление и поплатились за это. В Бами Оразмамед увидел несколько изломанных кибиток и еще раз недобрым словом помянул главного хана. «Его, его затея с переселением! — подумал со злостью.— Сможет ли текинский народ защитить себя, сидя в крепости,— еще неизвестно. Но если англичане перевалят через Копетдаг и первыми появятся в Ахале, то Нурберды подарит им сразу весь народ. Всех сделает английскими слугами!»

Ночь провел Оразмамед в мучительных раздумьях о судьбе текинцев. «Воюют и устраиваются на земле цари и ханы, а простой народ гибнет во имя аллаха! Но почему должны завтра пострадать от меня и моих джигитов ни в чем не повинные кизыларватцы?»

Утром Оразмамед, хмурый и неразговорчивый, поднял свои сотни. Подъезжая к Кизыл-Арвату, остановил их в фарсахе от крепости.

— Надо избежать кровопролития,— сказал Оразмамед.— Пошлем к Худайберды гонца с письмом.

Гонец уехал и часа через три возвратился с вестью: Худайберды приглашает Оразмамеда в гости и хочет познакомить его с русскими.

— О каких русских ты говоришь? — обозлился Оразмамед.— Разве в Кизыл-Арвате есть русские?

— Есть немного, хан. Сам видел,— с жаром заговорил гонец.— Да и люди мне сказали: приехал русский табиб и с ним немного солдат да торговцев. Говорят, Худайберды души в них не чает: ест, пьет с ними. В крепости все у него живут.

Оразмамед оскорбился:

— Что ж, выходит, Худайберды весь, со всеми потрохами, стал русским? Сегодня с ними ест, пьет, а завтра поведет их на нашу крепость? Нет, надо поскорее поднимать кызыларватцев и гнать в Геок-Тепе, пока еще не поздно!

— Надо окружить крепость,— посоветовал один из сотников.

— Зачем тебе крепость? — не понял Оразмамед.— Худайберды ворота закроет, к нему не пробьешься.

— Именно этого нам и не хватает! — убежденно восклик-

нул сотник.— Когда он запрется в своей крепости и будет дрожать за свою шкуру, мы перевернем все кибитки около его крепости, а жителей уведем с собой.

Оразмамед задумался. Еще раз внимательно оглядел селение, раскинувшееся у подножия гор, огромную глинобитную крепость и дал команду к наступлению. Джигиты пустили коней рысью, затем возле самого Кизыл-Арвата перевели их вскачь. Часть устремилась к крепостным воротам, которые тут же затворились, едва приблизились текинцы. Другие две сотни Оразмамед повел сам к круглым войлочным кибиткам.

— Урр! Бей нечестивцев, продавшихся урусам! — прокричал он, мчась на скакуне первым, с поднятой саблей. И, повернувшись к скачущим следом за ним джигитам, приказал: — Выгоняйте всех на дорогу!

Повалились тамдыры, и затрещали теримы кибиток, залаяли оголтело собаки. Но нет, кизыларватцы не были застигнуты врасплох. Просто они не смогли сдержать первого натиска текинской конницы. Стычка пришла в равновесие тотчас, как только всадники завязли в длинных рядах кибиток. Началась рукопашная: в ход пошли не только ружья и сабли, но и заступы и большие овечьи ножницы.

Оразмамед в этой стычке был выбит из седла одним из первых. Он, напирая грудью скакуна на столпившихся возле кибиток женщин, стал теснить их к агилу, чтобы затем выгнать на дорогу, и тут почувствовал острую режущую боль в спине. Это хозяин кибитки, забежав сзади с привязанными к длинной палке ножницами, ткнул текинского предводителя в спину. Удар его был настолько силен, что Оразмамед вылетел из седла. И, наверное, был бы добит или раздавлен, если бы сам ударивший его не испугался содеянного.

— Вах, аллах, прости, помилуй, кажись, самого хана убили мы! — воскликнул он испуганно и, схватив его под мышки, затащил в агил с овцами.

Теряя сознание, Оразмамед не понял, что происходит. Видел лишь над собой лица и чувствовал, как по спине к ногам и животу стекает кровь. Потом он потерял сознание, не ведая, что джигиты его, оттесненные от селения, позорно ускакали к горам. А тех, кто кинулся к крепости, встретил сам Худайберды и тоже дал им достойный отпор.

XVII

Оразмамед пришел в себя, когда его принесли во двор крепости, положили на тахту и сельский табиб, засыпав глубокую рану целебной, мелко искрошенной травой юзарлык[1], с трудом остановил кровотечение. Затем, когда раненый проявил при-

[1] Юзарлык — «от ста болезней».

знаки жизни, табиб «омыл» сухими руками бороду, произнес «слава всевышнему» и спросил, не хочет ли хан выпить немножко воды? Оразмамед выпил настойки кеклик-от[1] и лишь после этого зашевелил губами:

— Прогоните урусов... Не дайте им убить меня...

Табиб успокоил раненого, что никто его не даст в обиду, и отправился к Худайберды, который был во дворе и стоял с капитаном Студитским. Они обсуждали дерзкий налет текинцев, втайне радовались, что так удачно отогнали их. Студитский уверял Худайберды, что здешние войны, в сравнении с европейскими, всего лишь мальчишеские драки. Вышедший от раненого табиб прервал их беседу.

— Хан-ага,— обратился он к Худайберды,— все, что зависело от аллаха и от нас самих, мы сотворили: мертвый ожил и теперь пойдет на поправку.

— Спасибо, табиб,— отозвался хозяин крепости.— Навещай почаще его, пока не излечишь.— И, проводив взглядом лекаря, вновь повернулся к собеседнику: — Все обойдется, аллах милостив.

— Знаешь, Худайберды,— усомнился капитан,— по совести говоря, я мало верю в лекарские способности твоего табиба. Напрасно не допустил меня к раненому.

— Доктор, это было бы неслыханным кощунством,— с неловкой улыбкой пояснил Худайберды.— Ты хоть и христианин, но должен знать кое-что о нашей религии.

— Я все знаю, Худайберды. Но рана очень серьезная.

— Мой табиб спас многих, этот тоже выживет,— небрежно отозвался Худайберды.— Пойдем угостимся да отправимся на мейдан.

Часа за два до захода солнца Худайберды с русским доктором, в сопровождении свиты старшин, проследовали к мейдану. Ехали на конях, то и дело останавливаясь и справляясь о здоровье и благополучии жителей. Кое-где в кибитках слышался плач: налет текинцев не обошелся без крови. Но погибших не оказалось, и Худайберды все время тихонько приговаривал: «Слава аллаху».

О предстоящем маслахате были оповещены все кизыларватцы заранее. И теперь, как только они увидели своего хана с русским офицером, тотчас заспешили к месту сборища. Торопливо садились поближе к ханской тахте. Ветхая и почерневшая от времени, сейчас она была застелена богатыми коврами. Хан со свитой слезли с коней, сняли обувь и сели на ковры. Худайберды в центре, русский сбоку, старшины — левее и правее, с обеих сторон. Писец-мулла в сторонке. Хан передал ему свиток и предупредил:

— Уважаемые люди Кизыл-Арвата, вы все знаете, зачем сегодня собрались сюда. Поэтому сразу хочу спросить: все ли

---

[1] Кеклик-от — тоже целебная трава; буквально: пища кеклика.

согласны служить ак-падишаху? Если кто не согласен, пусть встанет и скажет!

Воцарилось молчание. Туркмены начали переглядываться, ища противников. Их не оказалось, и народ заговорил одобрительно:

— Нет таких, хан-ага!

— Все согласны! Говори дальше!

Тут донесся старческий женский голос:

— Хан-ага, вот сосед наш говорил, что урусы лампы с керосином всем дадут. А где же эти лампы? Может, совсем их и нет?

— Эй, Карры-гозель, не срами нас перед русскими! — смеясь, взмолился Худайберды.— Русские могут подумать, что мы просимся к ним потому, что у них есть керосиновые лампы!

— Ай, зачем тебе лампа! — в сердцах сказал какой-то джигит.— Слепая уже от старости, ничего не видишь, а все еще о лампе думаешь!

— Может, свет-то и отгонит мрак от моих слепых глаз! — возразила старуха.

Собравшиеся засмеялись и сразу вновь умолкли, ибо Худайберды поднял руку и попросил, чтобы все сидели тихо, ибо у муллы голос не очень громкий.

Писец развернул бумагу, посмотрел с некоторой опаской на солнце: не закатилось бы оно и не наступила бы темнота, прежде чем он закончит чтение, и начал:

— «Великому ак-падишаху! Непобедимому русскому государю императору, его величеству Александру Второму, от туркменских родов местности Беш-Кала, ближних крепостей, лежащих около Каспийского моря... Вековые чаяния туркмен наконец-то сбудутся, если государь осенит их своим могучим крылом и не будет впредь давать в обиду ни персам, ни хивинцам, ни каким другим чужеземцам!»

Далее мулла начал перечислять названия родов и численность дымов каждого селения. Сидящие у тахты внимательно слушали и всякий раз, когда назывался род, восклицали: «Хова!»

— От колена Сычмаз, род Учьрук! — возглашал мулла.

— Хова! — отзывались в передних рядах.

— Род Перранг!

— Хова! — восклицали чуть дальше.

— Род Мириш!

— Хова, хова! Саг-бол, мулла!

Мулла ускорил свою речь, увидев подъезжающую повозку с ящиками. Зашевелились и собравшиеся. Некоторые встали. Наконец мулла сказал, что прочитал бумагу целиком, теперь осталось поставить подписи, и Худайберды объявил:

— Уважаемые люди, идите и получите подарки от наших русских гостей. А старшины, сидящие тут, поставят свои подписи на милостивом прошении.

Началась раздача ламп и стекол к ним. Шум у повозки возник словно на пятничном базаре. Студитский удовлетворенно сказал:

— Ничего, пусть шумят, пусть толкаются. Ламп много. Вчера еще две фуры из Терсакана пришли. Завтра еще запросим, если не хватит.

Старшины поставили под прошением отпечатки начерниленных пальцев, ибо никто расписаться не мог, и все отправились в крепость, на той.

XVIII

Было часов десять вечера, когда Оразмамед, лежавший в отдельной комнате на тахте, попросил пить. Один из слуг, приглядывавший за раненым, сказал Худайберды:

— Хан-ага, текинец вроде бы бредит. Не помер бы.

Разговор этот шел при Студитском, который сидел за праздничным дастарханом. И капитан на этот раз решительно сказал:

— Что бы там ни думали туркмены о нас, как бы ни называли — «кяфирами» или «капырами», мне один черт. Моя святая обязанность и мой долг спасти от смерти человека.

С этими словами Студитский встал с ковра и отправился в свою комнату. Минут через десять он вышел в белом халате и чепце, с сумкой, на которой выделялся красный крест, и отправился к раненому. Худайберды встал тоже. Растерянно посмотрел на русского доктора, хмыкнул и пошел за ним следом. Сидевшие за дастарханом старшины заволновались:

— Ай, надо табиба позвать.

— Табиб вылечит...

Доктор вошел в комнату. В ней горела свеча, тускло освещая лицо Оразмамеда. Оно было восковым, и казалось, раненый мертв. Только редкие мучительные стоны подтверждали, что он жив и борется со смертью. Оразмамед лежал на правом боку, левый, пропоротый насквозь острием ножниц, был залеплен густой массой целебной травы.

— Кто здесь?! — испуганно спросил он.

— Мы тут,— ответил тихонько Худайберды, помолчал и добавил: — Молите аллаха о своем спасении...

— Позвольте мне подойти,— сказал Студитский и приблизился к раненому.

Только теперь Оразмамед разглядел совершенно белого человека, принял его за привидение и закричал панически:

— Ой, аллах всемилостивый, всевышний! Ой, смерть за мной пришла! Ой, прогоните ее!

— Успокойтесь, я пришел помочь вам,— сказал капитан.

Оразмамед съежился и полез плечом к стене, отодвигаясь от Студитского. Худайберды утешающе проговорил:

— Оразмамед, разве не стыдно вам. Ведете себя словно маленький. Перед вами не привидение и не смерть, а русский табиб.

Раненый в упор посмотрел на капитана, сдвинул сурово брови, отчего запавшие его глаза провалились еще глубже, и гневно сказал:

— Что русский, что смерть — одно и то же! Убери его от меня, Худайберды!

— Ну-ну, дорогой человек, зачем же так сердиться? — заговорил ласково доктор и хотел прикоснуться к ране — потянулся рукой.

Оразмамед, судорожно дернувшись, ударился головой о стенку, процедил сквозь зубы:

— Проклятый капыр, я убью тебя!

— Господин доктор, давайте уйдем и позовем табиба,— умоляюще попросил Худайберды.— Табиб придет, все будет хорошо. Спи, Оразмамед, выздоравливай. Не надо нервничать.

— Да, действительно «капыр»,— недобро усмехнулся капитан и вышел из кельи.

Ночью состояние текинского предводителя ухудшилось. Напрасно местный лекарь склонялся над ним, то прикладывая тряпку, смоченную настоем зеленого чая, то поднося чай к губам, чтобы выпил. Оразмамед корчился от жгучей боли в боку и все время пытался сорвать тряпку. Удрученный собственным бессилием, табиб к утру собрал слуг и вместе с ними встал на колени перед раненым, принялся читать заклинания. Услышав унылый, заупокойный голос табиба, Оразмамед понял: из страшных лап смерти не вырваться. Мелькнуло в слабом сознании: «Сейчас они прочтут отходную, а когда умру, прочитают джиназу, но я ее уже не услышу». Щемящее ощущение потери жизни: неба, земли, жены — сковало его мышление, и только страх, безотчетный страх овладел им. Последней надеждой всплыла перед ним высокая белая фигура русского врача, и он опять принял его за смерть, но уже не крикнул, а промычал что-то бессвязное, протестующее и погрузился во мрак.

Студитский убрал с усов больного губку, пропитанную хлороформом, шлепнул Оразмамеда по щеке и, убедившись, что он уснул, повернулся к двум солдатам — братьям милосердия, которые стояли тут же, в темно-серых халатах: один — с тазом, другой — с приготовленной трехслойной повязкой, пропитанной карболовой кислотой. Увидев столпившихся возле двери туркмен, капитан недовольно попросил:

— Закройте дверь. И прошу всех посторонних удалиться.

Дверь прикрыли. Гомон собравшихся утих. Студитский принялся снимать с кровоточащей раны полузасохшую травяную массу, прикладывая тампоны. Затем он занялся промыванием раны, которая уже загноилась. К счастью, зараза не проникла в кишечную полость, а это могло случиться, тут не помог бы ни опыт Студитского, ни его академические знания хирургии.

— Придется накладывать швы,— проговорил он.— Листеровская повязка — полумера. Дня через три сойдет опухоль, и будем сшивать рану. И чем его так пырнули, уму непостижимо: не разрубили, а прямо-таки разорвали...

Он говорил тихонько самому себе. Ни братья милосердия, ни тем более уснувший под наркозом больной его не слышали. Наконец, когда он обработал рану, наложил повязку и измерил температуру больного, которая была значительно выше нормы, строго сказал помощникам:

— Будете дежурить у постели раненого посменно. В случае чего — сразу зовите меня. Ни одна душа: ни табиб, ни мулла, ни сам хозяин крепости не должны входить сюда. Все понятно?

— Так точно, ваше благородие.

Примерно через час Оразмамед проснулся. У него шумело в голове от хлороформа, но боли в боку он не чувствовал. Ощущение приближения смерти оставило его. И солдат в халате, сидящий рядом, уже не казался ему посланником с того света. Брат милосердия, увидев, что текинский хан открыл глаза, улыбнулся:

— Долго, однако, спали, ваше благородие.

— Су давайт [1],— требовательно выговорил текинец и провел языком по синим спекшимся губам.

Брат милосердия мигом вскочил с ящика, взял стакан с кипяченой водой, приподнял голову хана и напоил. Тот устало закрыл глаза, словно прислушиваясь, какое действие окажет влага, и опять уставился на русского.

— Яман моя, сабсым яман [2],— пожаловался доверчиво.

— Яман ёк [3],— заулыбался солдат.— Выздоравливать теперь будешь. Не таких от смерти спасали. Иной раз ногу отхватят, а живет все ж таки.

Солдат, забыв о том, что текинец кроме двух-трех слов по-русски больше не понимает, принялся рассказывать ему о недавней войне на Балканах. Оразмамед слушал, ибо воспринимал речь солдата как чужую, незнакомую музыку, которую не очень-то хотелось слушать, но без нее — еще хуже. Под эту «музыку» он уснул вновь и проспал до следующего утра...

Студитский сменил повязку раненому. Отметил про себя: «Все идет, слава богу, хорошо, опухоль спала, нагноений вовсе нет». С Оразмамедом не разговаривал, боясь снова рассердить.

---

[1] Су давайт — воды дай.
[2] Плохо мне, совсем плохо.
[3] Плохого нет.

— Яман? — смущенно спросил Оразмамед.

— Не надо бояться! — ободряюще сказал капитан по-туркменски и пожал Оразмамеду руку.— Все будет хорошо.

— Саг-бол,— взволнованно проговорил больной, услышав родную речь, и проводил доктора добрым доверчивым взглядом.

Через три дня братья милосердия по указанию капитана продезинфицировали распылением карболки соседнюю комнату, застелили тахту простынями и перенесли туда раненого.

— Ну что ж, Оразмамед,— войдя, сказал Студитский,— самое страшное осталось позади. Теперь наложим кетгутовые швы, и тогда можешь собираться в свой Ахал.

— Как зовут тебя, табиб? Я назову твоим именем моего будущего сына,— дрогнувшим голосом произнес Оразмамед.

— Зовут меня Львом. По-туркменски — Арслан,— отозвался доктор.

— Хорошее имя,— заулыбался хан.— Ты достоин этого имени.

— Спасибо и тебе за доброе слово,— сказал капитан.

Вскоре рана Оразмамеда зарубцевалась. Он уже мог без посторонней помощи передвигаться по двору. Доктор решил, что наступило время поговорить с ним.

— Оразмамед, не смогли бы вы оказать мне услугу?

— Доктор, для вас я сделаю все! — признательно воскликнул хан.

— Помогите мне повстречаться с Тыкмой!

— Зачем, доктор? — насторожился текинец.— Тыкма ненавидит русских. Он дал клятву на Коране мстить вам!

— Ничего, хан, это не самое страшное,— улыбнулся Студитский.— Он дал клятву мстить нам, а я поклялся разубедить его в злых намерениях. Я должен с ним поговорить во что бы то ни стало.

— Доктор, мне будет жаль вас, если он вероломно нападет...

— Я приму все меры предосторожности,— пообещал Студитский.— И потом, я сам не из робкого десятка. Пусть Тыкма наметит место встречи и известит меня.

— Ладно, доктор,— посомневавшись, согласился Оразмамед.— Я уговорю Тыкму встретиться с вами, но уговорите ли вы его бросить саблю, в этом я не уверен...

Через день за Оразмамедом приехали его джигиты из Ахала. Он вышел из крепости, ведя коня под уздцы. Капитан провожал его как близкого человека. На прощание они обнялись.

— Друг в беде — лучший друг,— сказал Оразмамед.

— Да возойдут в степень высшей добродетели твои слова,— отозвался Студитский.— И пусть усвоят их твои соотечественники. Скажи своим людям, хан, что русская душа распахнута настежь перед ними.

— Обо всем скажу,— пообещал Оразмамед.

Вскочив в седло, он ударил коня каблуками и еще раз махнул рукой. Пыльное облачко заволокло дорогу. Отъезжая, хан

оглядывался на кизыл-арватскую крепость и чем дальше удалялся от нее, тем больше тревожило его сердце щемящее чувство привязанности к русскому доктору. Он думал о нем и не обращал внимания на едущих рядом джигитов.

— Хан-ага,— нарушил молчание один из них,— прости нас, но черную весть мы привезли.

— О аллах! Да говорите же, что случилось!

— Главный хан, Нурберды, умер.

Оразмамед вздрогнул и натянул поводья.

— Ты в своем уме, джигит? — спросил строго.— А ну-ка, вы, другие, повторите, что сказал он!

— Умер,— подтвердил другой джигит, ехавший справа.— Сначала он упал с коня. Говорят, тот конь норовистый был, ударил хана в живот копытом.

Оразмамед сделался еще строже и не стал больше расспрашивать. Мгновенно сердцем и мыслями перенесся в Ахал и пустил скакуна рысью.

XIX

Гонец от Тыкмы привез письмо. На кургузом листке излагались условия переговоров. Студитский с пятью всадниками утром выехал из крепости и прибыл в условленное место, на такыр, в полдень.

Огромная и ровная как стол равнина простиралась во все стороны. На юге едва виднелись Туркмено-Хорасанские горы, на севере, в двадцати верстах, желтели Каракумы.

Студитский, не слезая с коня, оглядывал равнину, ожидал Тыкму со стороны гор. Сердар появился с севера, из Каракумской пустыни. Шесть всадников, прежде чем их заметил капитан, приблизились настолько, что, будь их вдвое больше, вряд ли бы удалось спастись от них бегством. Студитский поспешил поднять над головой белый флаг, и Тыкма остановился. Затем парламентеры, оставив коней и охрану на месте, двинулись друг другу навстречу. Сошлись на полпути. Тыкма был в круглой каракулевой папахе, в легком коричневом халате из дорогой английской шерсти, в юфтевых желтых сапогах. Лицом походил на ястреба: хищный нос, цепкий взгляд, не предвещавший ничего доброго.

— Так вот ты какой, Тыкма-сердар! — залюбовался им Студитский.— Много о тебе слышал. Но ближе к делу. Русские зовут тебя к себе и обещают дать все блага, какие только захочешь.

— Спасибо, уважаемый,— криво усмехнулся Тыкма.— Я давно сыт посулами русских. Я приехал сюда не для того, чтобы слушать твои льстивые речи.

— Не сердись, Тыкма. Ты же знаешь: гнев плохой советчик,— попросил капитан.— Ни пустых слов, ни пустых посулов ты от меня не услышишь. Условия таковы: если вернешь-

ся на русскую службу — получишь звание старшего офицера царской службы и станешь правой рукой главного начальника в Закаспии.

— Нет, я не нуждаюсь в подачках,— вновь сказал, как отрезал, Тыкма-сердар.— И я не вижу правды в твоих речах. Зачем вам безграмотный сердар, когда хватает таких, как ты? — Тыкма скользнул насмешливым взглядом по погонам Студитского.

Капитан понял, что с текинским предводителем надо говорить не только честно, но и умно, иначе успеха в переговорах не добьешься. Сказал напрямую:

— Ладно, сердар, попробую зайти с другого конца. Действительно, один ты не нужен. Но если ты со своим народом войдешь в Российскую империю, то народом своим и управлять будешь. Кто же, кроме тебя, сможет держать в руках текинцев? Особенно сейчас, когда умер Нурберды? Весь народ на тебя смотрит.

Тыкма задумался, но лишь для того, чтобы найти достойный ответ:

— Дважды я просился к вам вместе с народом, но вы не захотели читать моих писем и не захотели слушать моих желаний. Зачем же теперь вам понадобился мой народ?

— Тыкма, не горячись,— вновь попросил Студитский.— Обстановка сложилась так, что твой народ может погибнуть. Генерал Скобелев не остановится ни перед чем, ибо за горами стоят англичане.

— Вот это и есть истина,— спокойно сказал Тыкма.— С этого и надо было начинать. Скобелев боится англичан. Но запомни: как только прогремит первый выстрел под Геок-Тепе, он будет услышан в Кабуле и Тегеране. Вместе с вашим первым выстрелом перейдут через Копетдаг английские и персидские войска. Второго выстрела сделать вы не успеете. Так было под Стамбулом, так будет и здесь. Твой Скобелев направил своего коня к Стамбулу и хотел захватить этот славный город, но потребовалось всего лишь одно крепкое слово Англии, и твой ак-паша трусливо повернул назад! Передай своему ак-паше: молодой текинский хан Махтумкули получил письмо и богатые подарки от англичан из Кабула. Они заверили его, что не дадут русским Геок-Тепе. Они не позволят русским обратить туркмен в христианскую веру.

Тыкма распалял себя все больше и больше, и Студитский понял: ни ласками, ни посулами, ни угрозами его не проймешь.

— Ну что ж, Тыкма,— сказал капитан.— Время покажет, как заблуждаешься ты. Скобелев еще и не высадился на ваш берег, а ты уже вскинул ружье и целишься в него. Не Скобелеву дано решать мирные дела в Закаспии, а мне.

— Тебе? — Тыкма скептически усмехнулся.— Ты кто такой?

— Тыкма, не кривись. Улыбка твоя крива по неразумению. Я — доктор, табиб, представитель прогрессивной России. Запом-

ни, сердар: Россия — не только царь и его генералы. Россия — это добрый и отзывчивый русский народ. От имени этого народа я веду с тобой переговоры. Тысячи русских людей, не желающих ни тебе, ни твоим соплеменникам зла, едут сейчас в Туркмению, чтобы построить железную дорогу, новые города, больницы и гимназии. От имени этих русских я прошу тебя: поезжай в Геок-Тепе и скажи всем, чтобы бросили ружья и шли строить вместе с русскими! Если ты сумеешь это сделать, то Скобелев и его генералы никогда не ступят на эту землю. Там, где властвует мир, войне места нет!

— Я не сумею этого сделать, табиб,— снова угрюмо произнес Тыкма-сердар.— Скажи своему ак-паше: мира не будет. У меня все!

Тыкма-сердар круто развернул коня и поскакал в пески. Студитский посмотрел ему вслед с сожалением и тоже повернул скакуна.

XX

Скобелев сдал 4-й армейский корпус в Минске и приехал в Тифлис. Генерал горел жаждой деятельности. Едва вышел на перрон и поздоровался с полковником Софиано, который встречал его, сразу спросил:

— Великий князь на месте?

— Так точно, господин генерал. Ждет вас какой уж день!

— Отлично. Везите меня к нему. Задержался, черт побери, со сдачей, да и дороги от Малороссии до Тифлиса ужасные. Докладывайте новости,— сказал Скобелев, усаживаясь в карету.

— Что ж докладывать... Войска сосредоточены в Петровске и Баку, артиллерия тоже там. Командующий медлит с переброской, мешают какие-то чрезвычайные обстоятельства.

— Опять обстоятельства,— недовольно усмехнулся Скобелев.— Небось опять испугались Дизраэли. Давно пора идти с саблей наголо, а мы сидим да наблюдаем, как милютинские благотворители у туркмен ситчиком торгуют. Давай трогай, чего стоим?!

Карета закачалась на рытвинах. Конные казаки поскакали сбоку.

Над Тифлисом сгущались сумерки. В домах и глиняных саклях на взгорье загорались тусклые огоньки. Вскоре карета остановилась. Заскрипели ворота. Штаб командующего войсками Кавказского военного округа, белый дом с колоннами времен эпохи Александра I, повидавший на своем веку сотни генералов, принимал еще одного. Карета въехала в огромный двор с садом и виноградными беседками. Казаки тотчас взяли вещи из багажника и потащили внутрь дома по остекленной галерее. Софиано проводил Скобелева в отведенную ему комнату, убранную коврами, попробовал пригласить к себе домой, на чашку чая, но генерал наотрез отказался.

Утром Скобелева принял командующий, великий князь Михаил.

Встретил его в своем кабинете, стоя у окна. Не сделал и шага навстречу, не двинулся с места. Лишь сказал уныло:

— Проходите, проходите, генерал. Садитесь.— Он указал на кресло и сел сам напротив.— Хорошо ли доехали?

— Прекрасно, ваше высочество. Смею спросить, в добром здравии ли вы?

— Ах, генерал, о чем вы спрашиваете? — вяло отозвался командующий.— С матерью императрицей совсем плохо, придется ехать в Петербург. Но не менее печальна обстановка на границах Средней Азии. Англичане в Афганистане, персы в Хорасане только и ждут удобного случая перейти Копетдаг. Там сосредоточены весьма крупные силы. Причем английские генералы не скрывают вовсе: как только мы двинемся на Атрекскую линию, тотчас выступят тоже и займут Мерв и Ахал.

— Ваше высочество, но надо же действовать! — всплеснул руками Скобелев.

Непроизвольно он поднялся с кресла, прошелся по кабинету, совершенно забыв, где находится. Великий князь, снисходительно улыбнувшись, сказал:

— Сядьте, сядьте, генерал, не надо нервничать.

— Простите, ваше высочество.

Скобелев вновь сел, вынул из кармана платок и вытер вспотевшее лицо. Князь скучно продолжал:

— На войну с англичанами мы решиться не можем, но и всякое промедление смерти подобно. Мы можем потерять Мерв и Ахал... и всю Среднюю Азию... В нынешней обстановке конечно же мирная миссия, отправленная Милютиным в Закаспий, не решит существа вопроса. Пока будет строиться железная дорога, англичане успеют построить свою, скажем, от Герата до Мерва.

— Что же вы предлагаете, ваше высочество?

Князь неловко усмехнулся:

— Господин генерал, я пригласил вас сюда единственно затем, чтобы задать этот вопрос!

— Мое мнение на этот счет остается неизменным, ваше высочество. Еще в феврале в Петербурге, после заседаний у государя и Милютина, я говорил вам об этом. И вы со мной согласились тогда: мирным способом, на котором настаивали военный министр и председатель ученого комитета, вряд ли удастся уладить закаспийский вопрос. В создавшихся обстоятельствах важен эффект первого удара. И если мы не сделаем это первыми, то это сделают англичане — Робертс и Барроу.

— Но как, я вас спрашиваю? — повысил голос генерал-фельдцейхмейстер.— Еще раз повторяю: английские отряды и персидские войска в три раза ближе к Ахалу, чем мы с вами. За ними приоритет. Вы знакомы, генерал, с планом Роулинсона?

— В общих чертах — да, ваше высочество.

— Что значит — в общих чертах! — упрекнул князь, достав из стола кипу исписанных страниц.— Вот, ознакомьтесь.— И, не дожидаясь, пока Скобелев прочитает изложение секретного документа, присланного из Тегерана послом Зиновьевым, князь вышел из-за стола и подошел к карте.— Англичане, свергнув афганского эмира, решили отдать Герат персидскому шаху и взамен от него потребовали, чтобы он сконцентрировал свои батальоны — Хой, Багадеран, Хамсе и прочие — у границ Ахала. Восемь тысяч солдат пехоты и кавалерии шах перебросил из западных останов [1] в этот горячий Хорасан. Представляете, генерал?!

— Вы сказали «из западных»? — насторожился Скобелев.

— Да, генерал, именно из западных. Шах поставил на карту все, чтобы опередить нас. Он совершенно оголил свои западные границы.

— Ваше высочество! — воскликнул Скобелев.— Но ведь обстановка складывается для нас более чем благоприятно!

— Не паясничайте, генерал,— одернул его князь.— Лучше подумайте как следует, что нам делать. А то ведь слава ваша, кажется, опережает военные таланты.

— И думать тут нечего,— не обиделся, пропустив мимо ушей насмешку командующего, Скобелев.— Надо что-то придумать, чтобы шахские войска вновь вернулись назад, к западным границам. Надо натравить курдского ильхани [2] Абдурахмана, чтобы напал на западные пограничные села персиян. Ей-богу, ваше высочество, через две недели шахские вояки покинут Хорасан и понесутся спасать свои семьи.

Великий князь с интересом посмотрел на Скобелева, несколько раз хмыкнул, пока генерал ожидал ответа, и резко возразил:

— Нет, генерал-адъютант, нет! В таланте вам действительно не откажешь: вы сразу нащупали брешь в английском плане. Но вы не подумали, во что нам обойдется провокация на границе. В случае неудачи государь меня не помилует, а вас со свету сживет. Он до сих пор еще помнит вашу ферганскую историю, да и с характеристикой вашей, выданной Кауфманом, хорошо знаком. Недавно я тоже ознакомился с ней. «Честолюбие Скобелева преобладает над всеми прочими свойствами ума и сердца настолько, что для достижения своих честолюбивых целей он считает все средства и пути позволительными, в чем признается сам с некоторым цинизмом...»

— Спасибо, ваше высочество, за характеристику,— помрачнел Скобелев.— Но я не вижу ничего дурного в моем честолюбии. Стремление к цели ведет к победе, а победителей не судят!

— Ладно, генерал, не сердитесь,— мягче произнес командующий.— Да у вас и нет права на меня сердиться. Я ведь

---

[1] О с т а н — область *(перс.)*.
[2] И л ь х а н и — предводитель.

знал, когда выбирал вас в начальники экспедиции, каков вы есть, и, думаю, не ошибся. Давайте-ка еще подумаем над английским планом. Может, отыщем иную брешь?

Скобелев, польщенный извинениями великого князя, попросил:

— Ваше высочество, но неужели нельзя натравить курдов на персидские села? Все бы решилось одним махом!

— Пока нельзя, генерал. Этим правом мы воспользуемся, если англичане и персы ринутся в Ахал.

— Тогда у меня предложение несколько иного характера,— раздумчиво заговорил Скобелев.— Надо послать секретную депешу послу Зиновьеву, чтобы забросил в Хорасан, в персидский военный лагерь, лазутчиков-дезинформаторов.

— А что дальше?

— А далее все очень просто. Лазутчики распустят слух, что курдский ильхани Абдурахман напал на западные останы Персии, откуда ушли солдаты, и занимается грабежом. Можно придумать клич: «Персы, что же вы ждете?! Бегите скорей спасать свои семьи от головореза Абдурахмана!»

— Ну, генерал! — восторженно сказал князь.— Действительно, стремление к цели ведет к победе. Садитесь и пишите депешу Зиновьеву!

XXI

Как только великий князь Михаил уехал в Петербург, Скобелев дал указание полковнику Софиано заняться переброской артиллерии в Чекишляр через бакинский порт, и тоже отправился в путь. Свой небольшой отряд из сотни казаков и осетин повел через Главный Кавказский хребет на Петровск.

Дорога была узкой и неровной, местами завалена снегом. Приходилось то и дело выходить из фургона и идти пешком. Конь Скобелева, красавец Шейново, серый арабский скакун, накрытый широкой бархатной попоной, важно шествовал за фургоном. Слезая, Скобелев шагал рядом с ним, а когда садился в повозку, не сводил с него глаз, то и дело подкармливал — то сдобным сухариком, то кусочком сахара.

Ночевали в саклях горцев, у мангалов. Уже в Дагестане, на подходе к Каспию, горцы сообщили, что полдня назад тут прошел кавалерийский дивизион. Поздно вечером в Чир-Юрте Скобелев догнал конников. Это был первый дивизион Дагестанского полка: джигиты следовали на восточный берег Каспия, в распоряжение командующего. С этим дивизионом и въехал в Петровск генерал; никто его не ожидал, и офицеры вовсе не были готовы к приему. О его приезде они узнали, когда дагестанцы заполнили огромный гарнизонный двор. Начальник петровского гарнизона любопытства ради вышел взглянуть на приезжих джигитов, неожиданно увидел среди них генерала с

пышной бородой и бакенбардами и оробел не на шутку. Скобелев протянул ему широкую пухлую руку, спросил:

— Полковник Гродеков здесь?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Кто еще из военных и статских господ?

Гарнизонный начальник мигом назвал с десяток фамилий, среди которых были генерал Анненков и представитель акционерного общества «Кавказ и Меркурий» Эльфсберг.

Скобелев проследовал в штаб гарнизона и спустя час был окружен своими людьми.

Он не захотел знакомиться с Петровском. Город и так весь как на ладони: с берега моря до самой вершины горы амфитеатром лепились сакли, а на самой верхушке торчала никому не нужная русская крепостца «Бурная», построенная еще во времена, когда командовал на Кавказе Ермолов. Скобелев велел дивизиону Дагестанского полка грузиться на свободный пароход. А после полудня и сам занял каюту на пароходе «Великий князь Константин». Пароход, при штилевой погоде, взял курс на Красноводск и на другой день уже был у восточного берега Каспия...

Вдали виднелись горы и песчаная коса. Чайки кружились в огромной синей бухте. Скобелев прохаживался с Анненковым по палубе, смотрел растроганно на берег, качал головой:

— Все возвращается на круги своя. Опять закаспийские пески да полудикие кочевники. Пятнадцать лет назад я впервые ступил на эту землю, а вот сейчас подплываю к ней, и кажется, что вовсе не уезжал отсюда. Словно бы вчера по пескам да такырам за кочевниками гонялся.

— Неужто так давно вы знакомы с Азией? — не поверил Анненков.

Скобелев перехватил недоуменный взгляд своего спутника, улыбнулся:

— С шестьдесят четвертого начал знакомство с Туркестаном. Участвовал в покорении Бухары. Потом уехал на Кавказ, но вскоре опять попал в Туркестан, в отряд полковника Столетова. Я эту песчаную равнину всю изъездил. В рекогносцировку на древний Узбой выезжал с подполковником Маркозовым. Милютин до сих пор простить не может того, что у туркмен ради пользы дела верблюдов реквизировали с Маркозовым. Недавно прямо в кабинете у государя напомнил. А тогда, в семьдесят первом, целое дело затеял, все свое иностранное министерство на ноги поднял. «Как же так, как можно! Ежели лучшие представители России грабежом у туземцев будут заниматься, то на кого же положиться!» Отозвали тогда нас обоих из Красноводска — и Маркозова, и меня. Мирную политику начали внушать. И теперь еще внушают. «Иди,— говорят,— Михаил Дмитриевич, воюй у туркмен, но саблями их не руби, пулями не убивай, а сражай добрым словом, от сердца идущим». Каково, а! Многого ли добился тот же полковник Столетов, распо-

лагая к России туркмен магазинами да базарами да принятием от них грамот с просьбой вступить в наше государство? Генерал Ломакин тоже немало полиберальничал с кочевниками, а что проку?! Ей-богу, будь я на их месте, давно бы подчинил всю территорию Закаспия от моря до Амударьи...

— Ну, не скажите, Михаил Дмитриевич,— легонько возразил Анненков.— Доброе слово иной раз посильнее пушечного снаряда. Вы вот штыками хотите брать туркмен, а полковник Столетов обходительностью все прибрежные аулы к себе расположил. И не только прибрежные, но и в горах, в самой Кара-Кале у гоклен снискал любовь и уважение к себе. Душа русского человека такова, что он сердцем завоевывает славу. Вспомните Алексея Петровича Ермолова. Какой распрекрасный генерал был, ум, отвага, самостоятельность — все при нем. Казалось бы, что ему стоило переправить войска с Кавказа на туркменский берег да и занять этот край. А не пошел он на столь опрометчивый шаг. Офицера своего, гвардейского капитана Муравьева, спровадил с денщиком к хивинскому хану на переговоры, с туркменами дружбу завел. Да как еще завел-то! Торговлю с ними Россия открыла на Каспии, а когда началась война с Персией, так эти туркмены на стороне России против персиян выступили, до Тегерана дошли. Щедр был душой Ермолов, широк натурой. Вот и Столетов подражал как мог Алексею Петровичу, и Ломакин тоже. Вам бы тоже следовало подумать о расположении туркменских вождей к своей персоне. Слава-то у вас, Михаил Дмитриевич, нынче не меньше, чем у генерала Ермолова. Они небось сочтут за честь служить вам верой и правдой...

Слушая Анненкова, Скобелев приостановился у борта, облокотился о перила, стал смотреть в пространство. Отвечать на рассудительные советы Анненкова ему не хотелось, боялся обидеть резким словцом. «Уж слишком все они умны, эти миротворцы,— думал с неприязнью,— но дальше носа своего ничего не видят. Послушать их, получается, что военные академии, корпуса, дивизии и полки существуют не для того, чтобы учиться воевать и брать штыком противника, а зализывать его обходительностью. Но полководцы потому и называются полководцами, что добывают свою славу на поле сражения, ведя полки на штурм крепостей! Да и логика у этих миротворцев слабая. Если Столетов столь умен и ловок, то какого дьявола его из Красноводска убрали?! Почему не Столетов брал Хиву и Коканд, а Скобелев! Почему не Столетов, но Скобелев — герой Плевны и Шипки! Столетов в Балканской войне всецело был подчинен мне, командовал одной из колонн моего отряда. И теперь государь император не Столетова на Каспий посылает, а Скобелева. Мирному генералу подыскали более спокойное место — направили посланником в Кабул...»

— Вот вы штыками хотите брать туркмен,— вновь напомнил о своем присутствии Анненков, склоняясь над перилами и гля-

дя в море.— А я их железной дорогой покорю. Построю колею, завезу побольше товаров да продуктов в тот же Ахал, и тогда поглядим, чье оружие сильнее — ваше или мое.

— Ну-ну, мирный воитель! — Скобелев посуровел, выпрямился, посмотрел колко в глаза Анненкову.— Не слишком ли круто берете. Вы не только железную дорогу, вы мои военные заказы в срок завезти не можете.

— Что поделаешь, Михаил Дмитриевич: так уже ведется у нас. Не было еще такого, чтобы кто-то когда-то в срок уложился. Особенно если это строят и создают свои. Да и Нобель сплоховал. Обещал отправить опреснитель в нынешнем месяце, а теперь пятится: третьего июня только намечает испытание провести на заводе, в Петербурге.

— И английские «Норманди» тоже небось еще в Лондоне стоят? — недовольно спросил Скобелев.

— Ждем тоже в будущем месяце.

— Но эти-то, как их... ну из планетного общества,— никак не мог вспомнить командующий.— Инженеры из «Меркурия»... Они же хвастались! Из каких-то старых пароходных котлов обещали сделать опреснитель и прямо на пароходе воду перекачивать!

— Я думаю, эти не подведут! — пообещал Анненков.— Эти вот-вот должны появиться. Уж кому-кому, а мне вода пуще всех необходима. Рельсы на заводе Мальцева уже готовы, на семьдесят пять верст пути, и во Франции заказ выполнен фирмой Дековиля. Надо завозить все к Михайловскому! А как?! Воды ведь мне много потребуется. Не только на железнодорожные роты, но и на тысячу лошадей, которые будут тянуть вагончики! А лошади — они пьют побольше людей! Я не меньше вашего жду опреснительной установки!

Пароход вошел в бухту и остановился против Красноводской косы. Якорь бросили почти в версте от берега. Вдалеке на причале толпились люди. Несколько паровых катеров тотчас направились к «Великому князю Константину». Когда первый катер подрулил к корме, командующий увидел на нем начальника тыла генерал-майора Петрусевича. Он был в белом кителе и в фуражке с белым чехлом. И без того смуглый, с черными бровями и бородой, на фоне шелковой белизны он казался цыганом. Скобелев и все, кто сопровождал его, спустились в катер. В другой катер сели несколько штатских чиновников. Кавалеристы Дагестанского полка остались на месте — им следовало плыть до Чекишляра, и сойти на берег генерал им не разрешил. Они стояли у борта и молчаливо смотрели на отдаленный Красноводск: красноватые горы, под ними каменный городок и пристань со множеством лодок и небольших пароходов.

— Ну, докладывай, начальник,— сказал командующий Петрусевичу.

— Происшествий пока особых нет, господин генерал-адъю-

тант. А сведения из Текинского оазиса любопытные. Вчера приезжали ко мне балханские туркмены, сообщили, что главный хан текинцев Нурберды внезапно умер.

— Что ж тут любопытного? — не понял Скобелев.— Один умер, другой на его место сядет.

— Ну нет, Михаил Дмитриевич! — возразил Петрусевич.— Нурберды у них был и богом и пророком. Всех туркмен держал в узде. А теперь престол занял его юный сын Махтумкули. Молодой совсем, к тому же как джигит никуда не годится. С детства к Корану приучен и молебствиям.

— Спокойно ведут себя текинцы? — спросил Скобелев.

— В прошлом месяце зашли к нам в тыл. Я думал, нападут на Терсакан и Чат, но не осмелились. Верблюдчиков-иомудов смертельно напугали: все как один подались за Гурген, от греха подальше. Пристав Караш сейчас там, скликает перетрусивших караванщиков.

— Выходит, Караш верблюдов вовсе не нанял?! — подивился Скобелев.— Ну, это уж никуда не годится. А как идут дела в Хиве? Встречался с купцом Громовым?

— Там дело идет на лад,— удовлетворенно отвечал Петрусевич.— Верблюды, кибитки, юламейки — все будет собрано к сроку.

— Чем занимается капитан Студитский? Есть ли прок от его миссии? — вспомнил о докторе Скобелев.

— Есть, конечно. В Яглы-Олуме, Дуз-Олуме, Чате, Терсакане — всюду наши торговцы. Всюду строятся склады, магазины, кузницы, мастерские. Если англичане не испортят дело, то за три года не только опорные пункты возведем, но и целые города построим,— похвастал Петрусевич.

— А вы, однако, мирный генерал,— недружелюбно бросил Скобелев.— Понятно, почему вас Милютин назначил начальником тыла в мой отряд.— Скобелев помолчал и прибавил: — Сколько вы уже в Азии скитаетесь, а не поняли азиатскую душу.

— Всяк понимает по-своему,— возразил Петрусевич и замолчал: потерял интерес к разговору. Он давно заметил, как рвется Скобелев в бой, как ищет славы. А тут, видите ли, о мире ему толкуют.

Катер подрулил к дощатому причалу. Генералы и сопровождающие их господа поднялись на помост и, обходя штабеля досок, горы ящиков и тюков, направились в военное управление — белый дом во дворе с хилыми деревцами. У ворот стояли часовые, одетые по-летнему, в белых рубашках и парусиновых поршнях[1].

Дежурный офицер отдал Скобелеву рапорт и пригласил к столу на веранду. Пиршества, однако, не получилось. Скобе-

---

[1] Поршни — обувь из одного куска кожи или парусины, сшитая сыромятным ремнем, в виде лаптя.

лев сел за стол, но от рюмки категорически отказался. Взял из вазы большое румяное яблоко прошлогоднего урожая, порасспрашивал о делах и тут же захотел взглянуть на опреснитель. Все сели на коней и поехали к морю, где виднелись свинцово-серые, опутанные трубами чаны. Чумазый машинист, встретив генерала со свитой, принялся жаловаться:

— Ваше превосходительство, мал он, опреснитель-то. С семьдесят первого года как поставили, так и стоит. Каждое ведро на учете. По книжкам выдаем. Каждый божий день докладываю начальнику военного управления,— он кивнул на Петрусевича,— что воды очень мало. Люди-то прибывают и прибывают, а пить нечего.

— Бакинцы привозят воду? — спросил Скобелев.

— Изредка,— недовольно сказал начальник тыла и посмотрел на представителя пароходного общества «Кавказ и Меркурий» Эльфсберга: — По всем статьям, за воду ответ держать вам. Скажите командующему, отчего воды мало?

— Жарко. Пьют много, вот ее и не хватает,— не мудрствуя, нашел ответ Эльфсберг.— Но мы принимаем меры. Как вам известно, господин генерал-адъютант, завод Нобеля вот-вот доставит один опреснитель.

— Слышал, и не один раз! — сердясь, сказал Скобелев.— Чует моя душа, застряну я тут в ваших заботах. Дернуло же меня связываться со всякими дорогами и опреснителями! Давай, Петрусевич, поехали дальше.

Скобелев осмотрел два барака местного госпиталя. В них находилось около сотни цинготных солдат из сводного батальона Александропольского и Ахалцыхского полков, отправленных сюда еще в прошлом году. Главный врач пожаловался на недостаток медикаментов и овощей. Эльфсберг, стоявший при беседе рядом, пообещал врачу несколько бочек кислой капусты, которую везут на барже из Астрахани.

Не задерживаясь в Красноводске, Скобелев вновь отправился со свитой на пароход и вечером был в Михайловском заливе. Здесь строилась новая пристань. Отсюда предполагалось вести до Кизыл-Арвата железную дорогу. В Михайловском заливе стоял плавучий опреснитель, недавно прибывший из Баку. Скобелев осмотрел огромную баржу с двумя чанами и остался доволен. Но едва ступил на берег, тут же ему испортили настроение инженеры Лессар и Югович.

— Ваше превосходительство,— пожаловался Югович,— вот, стало быть, закупили малую дековильскую дорогу. Господин Лессар ею распоряжается. Но я ему втолковываю и вам хочу доложить, что дековильские вагончики возят лошади. Потребуется тысяча лошадей, чтобы малая дорога работала бесперебойно. А чем вы будете поить лошадок, когда опреснитель рассчитан на один батальон солдат?

— Напоите! — вскипел Скобелев.— Ишь вы какие все тут беспомощные! Попробуйте у меня не напоить! Колодцы застав-

лю рыть. Возьмете лопату и будете рыть, понятно вам, господин инженер?

— Понятно,— подавленно пролепетал Югович.

И Скобелев уже несколько мягче пояснил:

— В семьдесят втором я тут проходил службу. Ездил отсюда на Сарыкамыш. У меня было две роты и — никаких опреснителей. Только колодезная вода.— Скобелев покосился на Петрусевича: — Это ваша работа, генерал. Небось наговорили тут всяких небылиц о нехватке воды, вот и подхватили ваши охи да вздохи бедные путейцы. У вас, господин Лессар, есть ко мне жалобы? — тотчас спросил он у второго инженера.

Лессар, молодой человек, в штатском костюме и шляпе, сказал усмехнувшись:

— Жалоб нет, но недоумение — полное. Завозят одновременно и дековильскую, и большую паровую с завода генерала Мальцева. Неужто будем вести две колеи сразу?

— Вы понять не можете, а я и понимать не хочу! — строго сказал Скобелев.— Мне ваши обе дороги — все равно что лишний вьюк верблюду. Анненков! — позвал Скобелев управляющего.— Скажи инженерам, зачем им завезли две разные дороги.

— Следствие неразрешенного спора, господин генерал,— пояснил Анненков.— Долго спорили, но не решили, какую дорогу выбрать. Вот и завезли обе.

Скобелев тихонько хохотнул, потом засмеялся во всю силу легких и закачал головой:

— Боже правый, помилуй! Спаси меня от этих головотяпов! Сегодня же телеграфирую в Петербург, чтобы сняли с моих плеч рельсы и вагоны. К чертовой матери! Пошли на пароход!

На следующее утро пароход бросил якорь у Чекишляра. Долго усаживались в катера. Опять спорили, не зная, как доставить на берег лошадей. Скобелев ругал конюхов, которые не могли никак перегнать на пустую плоскодонную баржу лошадей. Особенно дико вел себя скобелевский скакун. Он ржал, вставал на дыбы, норовя прыгнуть в волны, и Скобелев решил:

— А пусть его! Толкай в воду, доплывет!

— Ваше превосходительство, да вы что — утонет же!

— Господин генерал, пощадите коня!

— Толкайте, приказываю! — еще злее крикнул Скобелев.

Шейново толкнули со сходней в море. Плюхнувшись, он испуганно посмотрел на людей в катерах и поплыл к берегу. Катер, в котором сидел Скобелев, шел сбоку.

— Конь никогда не подведет,— глядя на плывущего скакуна, удовлетворенно говорил Скобелев.— Если хотите знать, господа, то именно лошадям я обязан в своей карьере. И звание, и награды — от них.

— Шутить изволите, господин генерал,— усмехнулся Петрусевич.

— Ну какие тут шутки! Конь как бог. На коня всегда положиться можно. Человек может подвести, а конь никогда... Знаете, как я оказался в Генеральном штабе? Благодаря хорошему коняге. Окончил Николаевскую академию по второму разряду, вовсе не думал о почтенных должностях. Но вот на практических научных испытаниях дали мне задание отыскать переправу через Неман, чтобы перебросить на другой берег кавалерийский отряд. А к чему она, переправа, когда лошади лучше иных людей плавают? Вскочил я на коня, огрел его плетью, бросился в Неман и благополучно переплыл его в оба конца. Генерал Леер экзамен принимал, так он в восторг пришел. Он же и настоял, чтобы меня зачислили в Генеральный штаб... Вот что такое кони! Этот тоже не подведет. Ишь как тянет!

— Прямо лебедь! — умиленно выкрикивал начальник штаба Гродеков.— Ей-богу, лебедь!

— Больше на фламинго смахивает! Морда такая же, крючконосая, свирепая! — со знанием дела возражал Петрусевич.

— Какой тебе, к дьяволу, фламинго! — не сводя глаз с Шейново, сказал с восхищением Скобелев.— Это же — змей. Морской змей!

Спустя полчаса, выскочив на мелководье, где было воды по колено, скобелевский скакун промчался мимо катера и словно вылетел на берег, встряхивая алмазно-белой гривой.

Чекишлярский гарнизон встретил красавца коня восторженными восклицаниями и криками «ура!».

XXII

Штаб отряда обосновался в деревянном бараке. Канцелярия окнами выходила на взморье. Рядом с ней — комната телеграфистов и кабинеты: начальника штаба, начальника тыла и других служб. К приезду командующего была налажена телеграфная связь со всеми опорными пунктами — до Терсакана. Связь исправно работала на линии Чекишляр — Астрабад — Тегеран — Тифлис.

Командующий и офицеры поселились в другой половине барака, отделенной от штаба каркасной стеной. Облюбовав себе комнатушку, Скобелев разбросал на столе чертежи, рескрипты, географические карты Азии и схемы расположения опорных пунктов по Атрекской линии.

Комендант гарнизона, еще когда высаживались на берег, доложил о полной готовности к приему войск. Скобелев на берегу ему сказал: «Не торопи, батенька, дай пораскинуть умом». Но теперь, убедившись, что медлить с переброской солдат нет нужды, решил сегодня же отправить телеграмму начальнику штаба Кавказского военного округа, генерал-лейтенанту Павлову. Помывшись и отдохнув, Скобелев зашел к телеграфистам.

— Работает служба? — спросил с порога.

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — отчеканили оба аппаратчика сразу.

— Какие новости?

— Есть телеграмма от командира бакинского порта Свинкина: спрашивает, приехал ли командующий в Чекишляр. Прикажете подтвердить?

— Подождет,— усаживаясь на скамью, сказал Скобелев.— Сначала пошлем депешу в округ, начальнику штаба.

Тут же он продиктовал несколько предложений о целесообразности перебазирования войск и артиллерии и, уходя, велел:

— Как придет ответ, доставите ко мне немедля.

Ответ был получен ночью, когда командующий, сидя за столом, изучал возможные подходы к Геок-Тепе. Телеграфист, видя в комнате свет, тихонько постучал в дверь и, дождавшись разрешения войти, подал телеграмму. Скобелев, убедившись, что депеша из Тифлиса, удовлетворенно кивнул, отпустил телеграфиста и распечатал бланк. Первые же строчки огорошили его.

«Ждите особых распоряжений,— говорилось в телеграмме.— Россия в трауре и всеобщей печали. Умерла императрица». Ниже стояла подпись начальника штаба Кавказского военного округа.

Скобелев шумно вздохнул: «Вот еще не было печали! Теперь все планы разрушатся! Пока князь Михаил не возвратится из Петербурга — о переброске отряда и мечтать нечего!» Он затоптался на месте, снял мундир, бросил в кресло, зачем-то посмотрел в окно в черную каспийскую ночь. «Нет, нет, теперь не уснуть! — заговорил мысленно.— Теперь не уснешь, пока не получишь нового распоряжения из Тифлиса! Ах, матушка государыня, как не вовремя!»

Уснул он под утро, когда принял решение. На рассвете разбудил дежурного телеграфиста, встал у аппарата и продиктовал:

— «Баку, начальнику порта Свинкину. Немедля начинайте отправку войск экспедиционного отряда и артиллерии в Чекишляр, в мое распоряжение. Скобелев...»

День, начатый с нарушения приказа начштаба Кавказского округа, ознаменовался еще двумя событиями. Из Тегерана посол Зиновьев телеграфировал о смене английского премьер-министра Дизраэли лидером либералов Гладстоном и возможном изменении во внешней политике Англии. Другая депеша была шифровкой от того же Зиновьева. Над ней долго сидели офицеры оперативного отдела и принесли Скобелеву, как им показалось, какую-то чушь: «Клич «Бегите спасать свои семьи от головореза Абдурахмана» возымел неотразимое действие. Сарбазы спешно покидают Хорасан».

— Ваше превосходительство, что это значит — понять невозможно,— робко произнес шифровальщик.

Скобелев был потрясен радостью. Он не мог ее скрыть. Губы его непроизвольно растягивались в улыбке, а глаза лихорадочно блестели, словно у карточного игрока, взявшего огромный куш.

— Милый мой,— сказал шифровальщику Скобелев,— зачем тебе понимать? Тут ерунда, пустяковина! Словом... дай-ка я тебя, друг сердечный, расцелую за эту белиберду. Зайди ко мне через час, угощу коньяком!

Офицер в недоумении согласился выпить с командующим, но так и не понял, что за абракадабра передана Зиновьевым...

Вскоре прибыл первый пароход из Баку. Потянулись по заливу шлюпки, баркасы, катера с солдатами, казаками, с орудиями разного калибра. Высаживаясь на берег, военные строились поротно. Командиры подразделений докладывали командующему о прибытии. Он встречал войска и сам распоряжался, куда кого поселить.

Вошли в залив и причалили к пристани большие паровые катера, прибывшие с Балтики. До Баку их транспортировали на барже, а оттуда они плыли своим ходом. Десятка два моряков вылезли на причал и вразвалку направились к баракам. С ними шел мичман Иван Батраков.

— Хорошо ли доплыли, балтийцы? — спросил Скобелев.

— Прекрасно, господин генерал-адъютант!

— Не потонули, слава те господи!

— А больше всего мучились мыслью, какими делами будем заниматься на Каспии,— сказал мичман.

— Вот уж напрасно,— пожурил Скобелев.— Не надо было морочить себе голову. Я за вас давно подумал. Пойдете со мной по Атреку к опорным пунктам.

— Как так — по Атреку? — не понял мичман.— Но Атрек же не судоходен! Во всех лоциях сказано, что река Атрек не годна для судов. Разве что для небольших лодок.

— В лоциях одно пишут, а знающие люди иное говорят,— в том же тоне продолжал Скобелев.— Пойдете на катерах по Атреку. А пока назначаю вас комендантом морского порта и приказываю морякам заняться перевозкой войск с прибывающих пароходов.

— Слушаюсь, ваше превосходительство...

Скобелев проводил мичмана строгим взглядом и услышал, как моряки засмеялись, когда командир догнал их и сказал что-то.

В течение двух недель подходили к Чекишляру пароходы, доставляя солдат и офицеров. Селясь в бараках, тут же они приступали к военной учебе: стреляли по мишеням под курганом, маршировали с песнями и вели учебный рукопашный бой. Казаки свистели саблями, рубя на полном скаку чучела и прутья...

Подготовка к походу шла самая интенсивная, и Скобелев был немало удивлен, когда ему доложили о приезде коррес-

пондента «Дейли ньюс» сэра О'Донована. Командующий посмотрел в окно и увидел бледного желтоволосого англичанина в мундире и высоких крагах.

— Кто пропустил его в расположение? — со злостью спросил у адъютанта Эрдели.

— Не могу знать, господин генерал. Пойти выставить?

— Ни в коем случае. Поздно теперь.

О'Донован поднялся по ступеням крыльца за комендантом и остановился у открытых дверей канцелярии.

— Господин генерал, позвольте?

— Входите. С кем имею честь говорить?

О'Донован предъявил документы и ждал, пока генерал ознакомится с ними и возвратит. Скобелев читал и думал: «Сукин ты сын, консул! Размазня русская. Пускаешь ко мне шпионов, в то время как я готовлюсь к самым решительным действиям!» Генерал вернул англичанину бумаги и указал на кресло.

— Благодарю,— учтиво, почти по слогам выговорил тот и польстил: — Ваши солдаты, генерал, так хорошо рубят палки и стреляют, что, право, я позавидовал им. Англичане, напротив, бездействуют и готовятся уходить из Афганистана.

— Можно покороче, сэр? — сказал Скобелев.— По какому делу ко мне?

— О генерал, дело пустяковое. У меня нет никаких желаний, кроме одного: я хотел бы участвовать в вашем походе в качестве наблюдателя.

— Я не собираюсь в поход. Моя экспедиция преследует чисто миролюбивые цели. Мы приехали сюда строить города, порты и железные дороги.

— Но текинцы в Геок-Тепе вооружились и давно ждут вас! — воскликнул О'Донован.

— Согласно разработанному плану, я приеду к ним в гости ровно через три года. Так, кажется, Гродеков? — спросил он, увидев у двери начальника штаба.

— Так точно, господин генерал.

— Но, господин генерал, я хотел бы немножко пожить у вас, чтобы написать о ваших прекрасных помыслах,— попросил О'Донован.

— Увы, не могу, сэр,— отказал Скобелев и отвернулся.

Гродеков, видя, что командующий никак не соберется с духом, чтобы выпроводить опасного гостя, сказал вежливо:

— Сэр, но вы уже писали о нас недавно в своей газете. Вы сообщили в ней, что скот у нас болеет пневмонией и оттого солдаты болеют. Не так ли?

Скобелев неожиданно выпрямился, спросил:

— Так это вы автор паршивой статейки?

— К сожалению, господин генерал,— отозвался Гродеков.

Скобелев встал:

— Ну-ка, сэр! Убирайтесь немедленно, и чтобы ноги

вашей тут больше не было. Эрдели, проводи англичанина до Атрека!

— Прошу вас, сэр,— сказал адъютант и взял О'Донована под руку.

— Вот бестия,— глядя в окно, возмутился Скобелев.— Лезут во все дырки, как тараканы. Гродеков, надо поставить дело на должный уровень с разными корреспонденциями.

— Хорошо, Михаил Дмитриевич.

— И пора, пора отправляться в путь,— заговорил энергично и жестко Скобелев.— Пора! Пока благоприятствует обстановка, мы должны занять треугольник Чекишляр — Кизыл-Арват — Красноводск, а там видно будет!

XXIII

Над Атреком дрожало знойное марево, и все тут казалось призрачным. Туркменские кибитки в Яглы-Олуме, если смотреть на них издали, висели над землей, в воздухе. Высокая деревянная вышка, на которой всегда стоял часовой, перекашивалась и тоже, словно боясь обжечься о раскаленную землю, парила над ней. Аул среди дня не подавал признаков жизни. Все живое пряталось в тени. Лишь одинокие верблюды в окрестностях аула невозмутимо жевали зеленую колючку да чабаны с палками пригоняли овец на водопой к Атреку.

Жизнь в Яглы-Олуме оживала на закате солнца. И первыми напоминали о себе цикады. Сначала робко и неуверенно, затем все звонче и дружней включались они в многоголосое пение. К ним присоединялись лягушки, которых водилось в реке и ее многочисленных заливчиках тьма-тьмущая. И вот уже начинали блеять в ауле козы и недовольно ворчать верблюдицы: это хозяйки-туркменки отгоняли от них верблюжат и ставили под вымя посуду. В военном укреплении, за высокой каменной стеной, гремели котелками солдаты, и пахло со двора пшенной кашей.

С наступлением темноты на вышке вспыхивала лампа Шпаковского. Вскоре она на какое-то время угасала, и начинал мигать гелиограф. Верстах в пятнадцати, на возвышенности, такими же сигналами отвечал ему другой гелиографический аппарат. Их было несколько: они стояли во всех поселениях от Терсакана до Чекишляра и по цепочке азбукой Морзе сообщались между собой. На аульчан эти загадочные сигналы всякий раз наводили страх. Солдаты следили за сигнализацией с благоговением, зная, что передается каждый день что-нибудь важное. Новости светового телеграфа держались под секретом, и только гелиографисты знали о них. Но иногда тайны ночных переговоров становились достоянием всех. Это значило: тайна была настолько велика, что не сказать о ней просто невозможно. Так в укреплении узнали о прибытии в Чекишляр Скобелева. Через

несколько дней снова новость — начали высаживаться прибывшие из Баку и Петровска войска.

Когда Надя приходила в аул за чуреками и встречалась со своей доброй знакомой Айшой, тут уже знали обо всем, что произошло за день на Каспии. Оказывалось, приезжал человек из Гасан-Кули и рассказал. Или человек ездил в Чекишляр — сам все видел. Однако оттого, что кто-то доставлял последние сведения с моря, любопытство в ауле не уменьшалось. И исходило оно не из желания узнать и распространить новость, а из того, что людям хотелось как можно лучше понять русских. Часто возникали самые наивные споры. Но и они сближали Надю с аульчанами. Спорить, но еще больше уговаривать приходилось почти по всякому поводу. А поводов было много: от лечения глаз до обязательного мытья рук с мылом. Думала ли Айша, что когда-нибудь у нее в кибитке окажется медицинский ящик с красным крестом. Но теперь аптечка стояла на самом видном месте. И Айша, свободно обходясь без «беленькой баджи» [1], выдавала своим подружкам глазные капли и порошки от простуды. Айша же научила Надю доить верблюдицу, которую комендант укрепления купил для солдатской столовой. Айша научила Надю говорить по-туркменски: она уже могла свободно объясняться с туркменами. Айша однажды показала медичке, где лучше всего купаться. Надя переправлялась по колено в воде через Атрек и дальше — по тропинке, петлявшей в зарослях камыша, выходила к голубому озерцу. Было тут тихо и жутковато, но сюда никто никогда не заходил. Только птицы в зарослях у воды да беспечные лягушки, сидевшие на кочках, напоминали своими голосами о существовании живого мира.

Было жарко. Надя, отмахиваясь от мошкары, вышла к берегу, разделась и погрузилась по самые плечи в воду. Сделалось ей легко и приятно, и она подумала: «Как немного надо человеку, чтобы пришла радость!» Освежившись, она выбралась из воды, чтобы полежать на песке, и вдруг услышала отдаленные голоса. «Ого! — боязливо подумала Надя.— Этого только мне и не хватало!» Надела прямо на мокрое тело платье и заспешила к реке. И тотчас отпрянула назад, в камыши, и затаилась. Странное видние испугало и удивило ее: по дороге вдоль Атрека шли моряки и везли на двух арбах катер. Надя не поняла, какое имеет отношение к этой мелководной реке большой морской катер? Да и сами моряки? В тельняшках, бескозырках и фуражках! Словно на Финском заливе. Надя наблюдала за ними, пока они не подошли к воротам военного укрепления. Там они остановили верблюдов, тянувших катер, и скрылись во дворе. Тотчас окружили судно торговцы из лагеря, набежали аульчане...

Морская команда поселилась рядом с лазаретом.

Вернувшись в укрепление и войдя в свою комнату, Надя за стеной услышала проклятия и ругань. Наконец моряки успокои-

---

[1] Баджи — сестра.

лись и один за другим потянулись к солдатскому рукомойнику — длинному жестяному корыту со множеством сосков. Надя стояла у окна, наблюдала за ними и не заметила, как сбоку подкрался к ней морячок небольшого роста:

— Здравия желаю, сударыня!

Надя едва успела ответить на приветствие, как послышался насмешливый окрик:

— Гриша, перестань обижать барышню!

К ней подошел моряк в лихо заломленной на затылок черной фуражке.

— Мичман Иван Батраков,— сказал он.— Начальник команды морских катеров. Сели на пустынные мели, не дойдя до цели,— пошутил складно.— Думали, Атрек — туркменская Волга, а он — воробью по колено. Уму непостижимо! — воодушевился он, глядя в глаза сестрице милосердия и видя в них любопытство.— Кто-то сказал Скобелеву, Атрек судоходен, ну и вот результат.

— Результат прекрасный! — обиженно протянул низенький морячок.— Был бы Атрек поглубже — проплыли бы дальше и с красавицей не встретились.

— Гриша, иди смажь ракетницу,— в тон ему отозвался мичман.— Иди, иди...— И пояснил Наде: — Это Ползунов, наш заряжающий. Веселый малый. Сударыня, но как же вас зовут, вы не назвали свое имя?

— Надежда Сергеевна,— просто сказала Надя и прибавила: — Трепетова.

— Откуда вы, простите за назойливость?

— Из Петербурга, с миссией доктора Студитского. Я у него в отряде старшей сестрой милосердия.

Ночью долго мигал гелиограф: это моряки переговаривались с Чекишляром. С вышки доносился голос Батракова: «Просигналь... Пусть ему доложат, что сплошные мели. Сто пятьдесят верст протащили волоком!»

Утром, когда Надя появилась в столовой, моряки уже успели позавтракать и стояли за воротами, столпившись возле своего катера. Надя отправилась в аул к Айше, прошла мимо балтийцев. Все поздоровались с ней, лишь Батраков сделал вид, что не заметил.

Из аула она принесла в ведерке чал, разлила в графины и отнесла в лазарет. Выйдя во двор, вновь встретилась с Батраковым:

— Хотите чалу, мичман?

— Спасибо, обойдусь, Надежда Сергеевна,— сказал он, не останавливаясь.— Вот переоборудуем свой катерок в опреснитель, я вас чистейшей водой угощу!

Надя посмотрела ему в спину и подумала: «Скажите пожалуйста! Даже внимания на меня не обращает!»

Дня через два мичман вновь подошел к ней:

— Надежда Сергеевна, сколько живу — ни разу не видел

туркменского аула. Вы когда собираетесь туда? Хотелось бы посмотреть.

— Вечером, как всегда,— отозвалась она беспечно.— Но ведь вы не пьете чала?

— Ну нет, сейчас бы я стаканчик выпил,— возразил мичман.

— То-то же,— улыбнулась Надя.— Сейчас я вам налью.

Она подала ему стакан с чалом и не сводила с моряка глаз, пока он пил, запрокинув голову и морщась.

— А в прошлый раз отказались,— упрекнула Надя.

Он заглянул ей в глаза и пошутил неловко:

— Буду пить у вас чал — доктору ничего не останется.

Надя не нашлась что ответить. Она хотела сказать «останется и доктору», но усмотрела в таком ответе тайный смысл и смутилась. Мичман понял ее смущение и поспешил деликатно удалиться.

Вечером они отправились в аул. Перешли реку вброд, и вот — кибитки. Айша, увидев Надю с мужчиной, спряталась в юрту. Встретил их старшина Меред. На Батракова посмотрел с опаской: тоже не понял, для чего приехали моряки в пустыню, да еще катер на себе притащили.

— Здравствуй, хозяин, чего дичишься? — сказал мичман, подав ему руку.— Как живешь-можешь?

Надя попыталась перевести слова мичмана, но ничего не получилось. И Меред, махнув рукой, заговорил по-русски, коверкая слова:

— Ак-паша завтра ходить сюда. Моя встречай боюсь. Помогай нам, урус?

Мичман посмеялся над столь своеобразным произношением, однако, включившись в беседу, без особого труда понял, что завтра в Яглы-Олум приедет с отрядом Скобелев, туркмены боятся его, и потому Меред просит помочь им организовать достойную встречу генералу.

— Да что тут страшного? — удивился Батраков.— Приготовьте хлеб-соль, как полагается. Ну, если боитесь одни на дорогу выйти, могу составить компанию. Но вообще-то надо не генерала встречать, а солдат русских. Они такие же, как и вы, крестьяне из сел.

Надя, видя, что мичман нашел общий язык с Мередом, начала осматривать детей. Ребятишки толпились вокруг нее, косясь на моряка. Грозный вид его вызывал у них страх, но Надю они все любили и называли «беленькой баджи». Стоило ей появиться в ауле, как детвора сбегалась к ней.

Айша тоже побаивалась моряка, но еще больше собственного мужа: разговаривала с Надей, выглядывая из кибитки. Мичман понял комичность положения, хлопнул старшину по плечу и направился к укреплению. Крикнул, отойдя:

— Ладно, Меред, завтра приду, как договорились!

XXIV

О приближении скобелевского отряда дала знать плотная желтая завеса пыли, расплывшаяся по всему горизонту со стороны моря. И лишь спустя час показалось вдали войско, растянувшееся на две версты. Мичман надел белый китель, новую фуражку и отправился к аульчанам, которые уже стояли на берегу Атрека и тревожно вглядывались в даль.

— Ну что ж, ждать нечего,— сказал Батраков и первым вышел на дорогу.

Аксакалы, в числе которых был и Меред, последовали за моряком. Старшина держал на вытянутых руках лежащий на полотенце теплый, только что испеченный чурек и солдатскую солонку, доверху наполненную солью. Чабан по ту сторону реки тихонько погнал небольшую отару овец, голов на пятьдесят, в том же направлении, куда отправились аксакалы.

Скобелевский отряд подходил к Яглы-Олуму медленно. Два дня пути по пескам и такырам начисто утомили солдат. Впереди, сгибаясь под медными трубами, шла музыкантская команда, за ней — лучшая боевая рота, составленная из участников недавнего Освободительного похода на Балканы, затем полуроты различных полков — Кавказского военного округа, артиллеристы с пушками, кавалеристы конного дивизиона Дагестанского полка. И так, в таком порядке, еще сотни людей, лошадей и повозок. В конце колонны двигались фургоны Красного Креста. В одном из них ехала графиня Милютина, прибывшая из Петербурга перед самым выходом экспедиции. Сам Скобелев, на сером скакуне, появлялся то тут, то там. Неотступно за ним следовали генерал Петрусевич и начальник отряда полковник Эристов. На подходе к Яглы-Олуму Скобелев продвинулся в голову колонны. Князь Эристов, поднеся к глазам подзорную трубу, осмотрел военное поселение, аул у реки, сказал с любопытством:

— Посмотрите-ка, господин генерал-адъютант, нас встречает целая делегация туркмен.

— А ну-ка дайте трубу,— сказал он, нахмурясь, и, подержав ее у глаз, усмехнулся: — Прямо скажем, лишние сантименты. Студитский только тем и занят, что склоняет туркмен к дружбе. Признаться, князь, я мало верю в порядочность тех, кто услужливо сгибает шеи. Я люблю твердых людей. Раз взялся воевать — то воюй, пока тебе не дадут по шее. Вот когда эта шея согнется от крепкой затрещины — она уже не выпрямится. Так и застынет в поклоне!

Эристов слушал командующего внимательно, даже улыбался, но не согласился с ним:

— Ваше превосходительство, да вы просто не знаете своей силы! Туркмены наслышаны о вашей строгой славе, вот и вышли встретить хлебом-солью.

— Ладно, дьявол с ними. Пусть встречают. Скажи, князь, музыкантам, чтобы при входе в аул сыграли марш.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Аульчане тем временем, охваченные тревогой встречи, стояли, сбившись в кучу, держась поближе к Батракову. Чем ближе подходили русские солдаты, тем больше нарастало волнение туркмен. И вот, когда осталось до первых идущих в строю музыкантов шагов пятьдесят, произошло невероятное. Музыканты вскинули трубы и заиграли марш. Это было так неожиданно для туркмен и так сокрушительно, что они бросились прочь с дороги в заросли камыша. Никогда прежде им не приходилось слышать такой «адской музыки». Казалось, она извергалась из земли, потрясала небесные своды, и один аллах знает, что должно было произойти после этого грома. Рев труб туркмены приняли за гром пушек, но пушек неизвестных и потому сокрушавших.

— Куда же вы! Стой, стой! — закричал во всю силу легких Батраков, оставшись в одиночестве.

Он все же успел схватить за рукав старшину Мереда, который держал хлеб с солью и дрожал от страха.

— Аллах всевышний, всемилостивый, спаси, заступись! — приговаривал дехканин.

— Да чего вы испугались?! — кричал и смеялся мичман.— Да это же музыка! Оркестр! Неужто никогда не слышали?!

Так и остались они на дороге вдвоем: туркмен-дехканин с хлебом-солью и русский моряк. Войско остановилось. Скобелев подъехал к ним первым:

— Что за комедия, мичман?

— Ваше превосходительство, да кто же знал, что так подействует на них наша музыка! Все шло хорошо, самым должным образом.

— А почему вы месте с ними оказались? Вы же — царский офицер! Ладно, потом разберемся. Эристов, примите от туркмена хлеб-соль.

Князь слез с коня, взял чурек и передал в строй. Отряд двинулся дальше и остановился на огромном такыре, за военным укреплением.

XXV

Скобелев с офицерами заехал во двор укрепления, но пробыл там недолго. Командующий поздоровался с солдатами, стоявшими в строю, приказал разойтись, зашел с комендантом в барак, отведенный для штаба, и вышел недовольный:

— Пожарче ничего не могли сыскать? Баня же, майор! И вообще, Петрусевич, лето началось,— бросил на ходу начальнику тыла.— Я бы на вашем месте подумал о более подходящем жилье.

Скобелев сел на коня и направился к воротам. Офицеры последовали за ним.

— Михаил Дмитриевич, о каком же лучшем жилье мечтать

в здешних местах? — обиженно заговорил Петрусевич, следуя рядом с командующим.— Ясное дело, хоромы впопыхах не построишь.

— Кибитки поставьте. Видели, в каких кибитках ханы живут? В. огромных, восьмикрылых! На дворе жара под шестьдесят, а у них, как в погребе, прохладно!

— Ну, если прикажете, я тотчас займусь.

— Не ждите особых указаний, действуйте. Все-таки тылом командуете... Вон, посмотрите, как Елизавета Милютина устраивается,— показал он на такыр, где расположился отряд.— Смотрите, какой шатрище у нее. Дамы, они лучше нас разбираются в быту. Ее не заставишь лезть в жаркий сарай. Ладно, действуйте!

Петрусевич, адъютант Эрдели и десятка два казаков тотчас поскакали в сторону туркменского аула, за кибитками. Скобелев подъехал к шатрам Красного Креста, слез с коня и отпахнул на первом полог.

— Разрешите, ваше сиятельство, навестить вас в вашем царственном чертоге?

— Будьте любезны, Михаил Дмитриевич, заходите,— ласково проговорила графиня.

Была она в белом шелковом халате и мягких туфельках. Ее распущенные волосы лежали на плечах, глаза смеялись. Генерал залюбовался ею, чуть было не сказал: «Вы ослепительны, Лизонька», но увидел в глубине шатра возле маленького столика главноуправляющего Красного Креста, князя Сергея Шаховского.

— Милая графиня! — сразу переменился Скобелев.— Бывают ли у вас минуты, когда не волочится за вами этот сиятельный молодец?

— Господин генерал, вы прямо-таки беспардонны! — обиделся Шаховской.

— Ну, ну, только без дуэлей,— смеясь, сказал Скобелев, целуя графине руку.— Простите, ваше сиятельство, утром не успел с вами поздороваться. Да и сейчас заглянул на минутку, пока мне кибитку поставят. Как самочувствие, светлейшая?

— Ах, генерал, вы еще спрашиваете! Я перенесла такое горе, что и теперь еще не опомнилась.

— Лизонька, я оставлю вас, у меня есть дела,— ревниво сказал Шаховской, направляясь к выходу.

— Идите, князь, я не обижу нашу милую попечительницу,— сказал Скобелев и, едва тот удалился, признался: — Лиза, как вы очаровательны в этом наряде.

— Полноте, генерал, я же знаю, какой вы сердцеед. Вы только и норовите сказать комплимент всякой женщине. Я очень подурнела в последние два месяца. Горе, какое я перенесла, было ужасным. Вы же знаете, как я любила императрицу. Я не отходила от нее ни на минуту. Знаете, генерал, почему именно я здесь, а не кто-то иной?

— Нет, ваше сиятельство. Откуда мне знать?

— О, разве вы когда-нибудь интересовались мной! Я здесь единственно потому, что государыня перед смертью передала мне свои полномочия попечительницы раненых. Как это мило с ее стороны, не правда ли?

— Позвольте поздравить вас,— сказал Скобелев.— Между прочим, моя мать Ольга Николаевна тоже заведует Красным Крестом у болгар. Слышали?

— Разумеется, генерал,— мгновенно отозвалась она, не теряя своей мысли.— Мне было очень лестно, генерал, принять от самой императрицы столь почетный жезл. Но каков государь! Каков злодей! Сколько в нем желчи! Не успел похоронить царицу, тотчас велел мне, чтобы я собиралась с вами в поход. О как он меня ненавидит! Сейчас я напою вас чаем, генерал.

Она налила из термоса в китайские чашечки зеленого чая и села рядом. Щебет ее возобновился и не умолкал ни на секунду. Скобелев пил и думал о ней: «Конечно же хороша, бестия, но сколько притворства!»

— Ваше сиятельство, а что Шаховской? — спросил настороженно Скобелев.

— Пустяки, генерал. Просто князь влюблен в меня по уши. Капризничает, как мальчик. Впрочем, он на шесть лет моложе меня.

— Я завидую ему, графиня! Но разрешите откланяться.

— Заходите еще, генерал, вы так любезны!

Выйдя из шатра, командующий вновь сел на коня и продолжил осмотр походного лагеря. Всюду — палатки. Все спешат спрятаться от злого солнца. У походного лазарета — очередь: появились первые больные. Еще когда двигались к Яглы-Олуму, командующий видел солдат со стертыми ногами. Шли они босиком, неся сыромятные поршни за плечами. Еще тогда он подумал: «Всех надо переобуть в поршни парусиновые! Азиатская жара сушит сыромятину». И сейчас, увидев возле лазарета солдат, направил коня к палаткам, где стояли Гродеков, Эрдели и войсковой старшина Верещагин, назначенный на время следования отряда его комендантом.

— Старшина,— сказал с седла Скобелев,— тут с неделю простоим, пока не добудем вьючных верблюдов. Время есть: вели сапожникам, чтобы начали пошив парусиновых поршней. Всех надо переобуть!

— Шьют уже сапожники, господин генерал-адъютант. А что касается верблюдов, я отправил за Атрек офицера с казаками, чтобы отыскали пристава Караша, он занимается наймом верблюдов.

— На черта мне Караш, когда нужны верблюды,— выругался Скобелев.— Давай-ка, старшина, осмотрим торгашеский табор.

В сопровождении войскового старшины и казаков командующий побывал на строящихся складах, стены которых уже

поднялись на целую сажень и занимали огромную площадь. Неподалеку от стен стояли базарные прилавки, будки, парусиновые навесы, телеги и арбы. Всюду пестрели надписи: «Братья Саркисовы и К⁰», «Мамон К⁰ — мануфактура», «Общество бр. Нобель — керосин, деготь». Скобелев про себя подивился столь заметному проворству Студитского, но вслух ничего не сказал. Повернул коня к лагерю, который состоял сплошь из кибиток и юламеек.

— Вот видишь, купцы толк знают,— сказал командующий.— Вы дальше палаток ничего не видите. Кибитки и юламейки — вот жилье солдата в Средней Азии. Чтобы через месяц весь отряд ночевал в юртах, старшина.

— Господин генерал, но начальник тыла сказывал мне, что уже везут с Мангышлака юрты и юламейки,— отозвался Верещагин.

— Везут, да никак довезти не могут!

В «таборе» торговцев командующий столкнулся с Петрусевичем.

— А вы почему здесь? — удивился Скобелев.— Вы же за кибитками к туркменам отправились?!

— А туркмены меня сюда послали,— отвечал начальник тыла.— Оказывается, в этом муравейнике все есть, что захочешь. Десять больших кибиток сторговал у приказчиков купца Громова! Повезли уже казаки. Сейчас поставят.

— Да, этот капитан Студитский не валяет дурака,— отметил вслух Скобелев.

— Кстати, господин командующий, от него получено письмо с любопытной запиской,— сказал Петрусевич.

— Кому письмо-то? Кем получено?

— Мне прислал. Я же его снаряжал сюда. Да и по всем статьям, со мной ему связь держать.

— Где он теперь?

— В Кизыл-Арвате, господин командующий. Пишет, что с Тыкмой-сердаром встречался.

— С Тыкмой? Однако забавно. Ну-ка, дай письмо.

— Пожалуйста.— Начальник тыла подал конверт.

— Ладно, поехали,— сказал Скобелев и направил коня через Атрек к своему лагерю.

XXVI

Кибитки, найденные для штаба, понравились командующему. Были они приземисты и широки. Ветру такую не свалить, а воздуха в ней и прохлады достаточно. Кибитку Скобелева застелили текинскими коврами, поставили в ней письменный столик, на решетки повесили термосы и фляги. Скобелев вынул из кармана часы — время обеда. Приказал накормить отряд и дать отдых. Проводив всех и оставшись один, он снял сапоги, мундир и накинул на плечи легкий турецкий халат. Теперь можно про-

честь послание Студитского. Генерал лег на ковер, подсунул под локоть подушку и вынул из конверта пожелтевшие листки, вырванные из тетради. Первые же строки пришлись не по душе Скобелеву.

«Милостивый государь Николай Григорьевич»,— обращался капитан к начальнику тыла. И далее следовал язык далеко не военный.

Скобелев недовольно хмыкнул, хотел было отбросить письмо, но любопытство взяло верх над досадой, и он начал читать:

«В начале мая наконец мне, через участие знакомого хана, удалось встретиться с Тыкмой и иметь продолжительную беседу...»

— У него уже и ханы в друзьях ходят! — вслух возмутился генерал.— Ну, ну, доктор. Может, ты уже и сам принял мусульманскую веру? Посмотрим, на какой лад припеваешь.

«Тыкма-сердар, как и другие наиболее сильные ханы Ахала, стоит на стороне англичан, поколебать их трудно, а потому единственно правильный путь к миру с ними — это положительные примеры нашего образа жизни в здешних краях. Ни в коем случае не переступая границ Ахала, ибо нарушение покажется текинцам шагом России к военным действиям, необходимо в больших, я бы сказал — государственных масштабах заняться благоустройством той территории Туркмении, которая верой и правдой служит нам. Я имею в виду Мангышлак, все восточное побережье Каспия до Атрека, земли Кара-Кала и Беш-Кала. План мирного присоединения туркменских племен к России, рассчитанный на три года, вполне реален. За этот срок можно вовлечь в мирное устройство всех туркмен, живущих в Прикаспии. Но я не сомневаюсь, что и текинцы выйдут из крепости, поняв, какие блага им несет миролюбивый прогресс, идущий от русского народа. Через три года текинцы вместе с русскими будут строить дома и добывать полезные ископаемые. Мир, только мир и преобразование этого края должно быть в уме у каждого, кто ныне ступает на туркменскую землю. И каждый ступающий на нее помнить обязан о том, какие большие усилия затрачены, во имя дружбы и добрососедских связей с туркменами, генералом Ермоловым, гвардейским капитаном Муравьевым, ученым-натуралистом Карелиным, Столетовым и многими другими достойными сынами России...»

— Ну-ну,— вновь заговорил тоскливо Скобелев.— Такие умные рассуждения, хоть хватай кирку и беги копать арыки! Дурак ты, однако, доктор, раз не знаешь, что англичане за горами! Робертсы и Барроу мне спать не дают, не знаю, как их перехитрить и прежде них занять Ахал, а ты о них и не подозреваешь...

Похмыкав и повертев исписанные листки, Скобелев вновь взялся за чтение.

«...Вы спросите, что же конкретного я предлагаю? Спешу удовлетворить ваше любопытство. Прежде всего — железная дорога. Не надо ее рассматривать как что-то особое. Ее собирают-

ся строить лишь силами военных батальонов: это излишняя осторожность. На строительство дороги надо пригласить всех туркмен, живущих в зоне стройки, а также тех, которые могут приехать издалека, в том числе и из Ахала. Но не только вести колею и носить шпалы смогут туркмены. Они могли бы заняться, под присмотром опытных инженеров, постройкой станций, мастерских и особенно водоемов. Туркмены—прекрасные умельцы по части сооружения колодцев. Кстати, земля здешняя богата подпочвенными водами. При наличии технических средств — буров, насосов и т. д.— можно поднять значительное количество воды, которой затем оросить огороды бедняков дехкан и вообще расширить их посевные угодья. С помощью техники можно также добывать нефть, которой, по рассказам туркмен, много у Балханских гор. А поскольку эти горы находятся в зоне железной дороги, то уже сейчас было бы целесообразным послать туда инженеров на предмет исследования недр...»

Скобелев не стал дальше читать, лишь взглянул на последние строки письма, в которых доктор просил Петрусевича переслать его записку в Петербург, в военно-ученый комитет генералу Обручеву.

— Я тебе перешлю! — зло посмеиваясь, сказал Скобелев, сунул листки в конверт, а затем — в полевую сумку. «Ясно, чьего ума дело,— подумал он и представил Обручева с его картами, схемами и расчетами на столе.— Реформатор, прости меня господи! Дореформировались. Сначала вместо корпусов — военные гимназии, вместо военных поселений — ополчения, а теперь мужиков надумали ввести в Государственную думу, иначе, мол, крестьянский лапоть раздавит империю. Либералами окружили себя всех мастей. И мне под нос сунули тухлого либералишку. Нет уж, распрекрасные реформаторы, не будет по-вашему. Скобелев пришел в Закаспий не землю сверлить да вспахивать, а воевать! Сохой да граблями славы не наживешь! Вот когда заговорят пушки — тогда о славе Скобелева вся Европа заговорит!»

Письмо Студитского вывело командующего из себя. До вечера он не смог успокоиться. То вставал и ходил по коврам, то ложился, чтобы уснуть, но опять вставал. А потом внезапно в небе загрохотал гром и хлынул ливень. Скобелев торопливо перекрестился, выглянул из кибитки и отпрянул: дождь был такой неимоверной силы, что казалось, небо с землей соединилось водопадом. Все было поглощено шумом дождя: даже не слышалось людских голосов. Но люди бегали возле палаток, садились на лошадей, тянули за недоуздки верблюдов.

Внезапно Скобелев ощутил воду под собой. Сначала она полилась под ковры, а потом по ним.

— Адъютант! — закричал Скобелев.— Эрдели, черт тебя побери, где тебя носит! Зови казаков ко мне!

Вскоре восьмикрылая кибитка командующего была окружена казаками. Они засуетились, вытаскивая ковры и прочую гене-

ральскую утварь. Чуть было кибитку не сняли, но дождь вдруг перестал.

— Ладно, хорош,— сказал Скобелев и хотел было пойти к скакуну, который стоял за кибиткой, но сразу увяз чуть не по колено в грязи.

Тут только он вспомнил: ни в коем случае нельзя доверяться сухим такырам. Его еще смолоду этому учили, когда он возле Балхан с отрядом ходил. Но забыл Скобелев. Сейчас так хотелось ему найти виновника и выругать, но виноват был он сам. Сам приказал, не подумав: «Эристов, веди отряд на такыр, там заночуем!»

Весь оставшийся день и вечер отряд переселялся на твердое место, ближе к берегу. Скобелев командовал. Издали он увидел, как усаживают на верблюда графиню Милютину, и тихонько рассмеялся: «То-то же, сиятельная! Это тебе не царские будуары, это ее величество Каракумская пустыня!»

XXVII

В Кизыл-Арвате тоже прошел дождь. С гор по оврагу пронесся селевой поток и разлился по такырам. Спустя неделю после дождя предгорья зеленели ярче прежнего и в воздухе стоял аромат от диких степных трав.

Доктор с Худайберды объезжали предгорную равнину, где намеревались заложить русское поселение. Капитан, сидя на коне и держа на ладони планшетку, делал набросок плана будущего поселка. «Здесь поставим госпиталь,— размышлял он, делая отметки карандашом.— Здесь — церковь... Вот здесь — вокзал и станцию».

— Знаешь, Худайберды,— удрученно сказал он,— все хорошо, только беспокоит меня овраг. Не обойти его, не объехать. Тянется от самых гор до каракумских песков. Придется воздвигать мост.

— Мост водой может снести,— предостерег Худайберды.— Иногда с гор бывает столько воды, что всю равнину заливает. Овраг переполняется до краев.

— Но лучшего места для поселка я не вижу. Тут и ручей рядом, и глина для кирпича, да и ущелье с хорошим строительным камнем.

Разговаривая, они не заметили, как к ним приблизился ханский нукер и сказал: в крепость приехал какой-то человек от русских, хочет видеть Худайберды.

— Один? — спросил Студитский.

— Нет, с ним человек десять казаков,— отвечал нукер.

— Поедемте, примем гостя, доктор,— сказал Худайберды.

Пришпорив коней, они через полчаса достигли крепости и въехали в огромные, обитые железом ворота.

Гостем оказался чекишлярский пристав Караш. Он сидел на айване, в туркменском халате и тельпеке, пил чай. Если б не

огромные усы пристава, Студитский не узнал бы его. До этого он видел Караша в сюртуке и мундире. Казаки тоже были в халатах и тельпеках и тоже занимались чаепитием, но сидели отдельно.

— Какими судьбами, Караш? — спросил Студитский.— И что означает твой маскарад? Где твой сюртук, мундир, погоны?

— Здравствуйте, доктор, здравствуйте, Худайберды,— встретил рукопожатием Караш капитана и хозяина крепости.— Не обессудьте, что без вас распорядился самоваром и чайником. Целый день был в дороге, устал изрядно. Да и казаки уморились без воды.

— Ай, не надо извиняться! — мягко возразил Худайберды.— Я каждому гостю рад. Но если приехал гость русский — у меня настоящий праздник.

Разговаривая, сели рядом. Худайберды бросил в трубу тульского самовара саксауловых щепок.

— Хороший шайтан-очаг,— сказал удовлетворенно.— Лучшего подарка желать не надо.

— Худайберды,— сказал насупясь Караш,— ты слышал, наверно, о моем несчастье: у меня верблюдчики разбежались. Кошлу-кази, сукин сын, сам перетрусил и других перепугал до смерти Тыкмой-сердаром. Все подались за Гурген и не думают возвращаться назад.

— Да, Караш, слышал,— отвечал Худайберды.— Вот господин доктор рассказал мне, как бежали твои люди.

Караш вопросительно посмотрел на капитана. Студитский сказал:

— Я был в то время в Терсакане. Тревога оказалась ложной. Панику устроили англичане и каракалинский Кара-мулла.

— Вот, значит, кто,— грустно принял к сведению Караш и прибавил: — Буду знать, кого проклинать. Я попал в такую немилость к Скобелеву, что не могу отправиться к нему на доклад. Говорят, он меня везде разыскивает: людей по Атреку разослал. Сам тоже неподалеку: вчера его отряд прибыл в Ходжа-Кала. Без верблюдов перед командующим показаться не могу. Приехал к тебе. Худайберды, выручай.

— В песках верблюды, Караш. Здесь, в Кизыл-Арвате, голов сто, не больше,— отозвался Худайберды.

— Дорогой мой, дай мне хотя бы этих, иначе ак-паша меня со свету сживет.

— Бери, Караш. Людей тоже дам. Сам с тобой тоже поеду. Прошение государю русскому написали, надо Скобелеву передать.

— Сделай милость, Худайберды! — От радости Караш привстал и положил на плечи кизыларватцу руки.

Студитский, глядя на хозяина крепости, заметил:

— Широкая душа у тебя, Худайберды. Я тебе тоже всем обязан.— И, повернувшись к Карашу, спросил: — Но почему Ско-

белев в Ходжа-Кала? Он же должен ехать сюда. Из Ходжа-Кала, насколько я понимаю, дорога ведет в Ахал?

— Да, доктор, оттуда дорога идет через Бендесен в Ахал,— подтвердил Худайберды.— Может, Скобелев не захотел заезжать ко мне? Но разве я обидел его чем-нибудь?

— На тебя он не может обижаться. Не за что. Тут другая причина. Пожалуй, я тоже поеду с вами.

Начался сгон верблюдов. Гнали на мейдан из агилов и с пастбищ. Отбирали для скобелевского отряда каких покрепче: старых не тревожили, молодняк — тоже. К вечеру согнали перед крепостью сто инеров. Утром, чуть свет, слуги Худайберды взгромоздили на нескольких верблюдов вьюки: подарки для Скобелева. В основном ковры и кошмы. Собрали отряд из казаков и джигитов. До восхода солнца пустились в путь.

Ехали по каменистому ущелью. Узкая дорога тянулась то между бурых скал, то завивалась петлей вокруг холмов, поросших жесткими кустиками травы, словно зелеными волосатыми бородавками. К вечеру достигли Ходжа-Кала...

XXVIII

Старая туркменская крепость, в которой еще несколько дней назад не было ни души, кишела от множества скопившихся солдат-пехотинцев, кавалеристов, казаков, артиллеристов, моряков, всех интендантских служб. Огромная седловина между двумя горными хребтами была заставлена кибитками, шатрами, юламейками и расцвечена кострами. Около костров хрустели сеном расседланные лошади, а поодаль косяками бродили верблюды.

В темноте Студитский разглядел на огромных шатрах красные кресты и направился вместе со своими спутниками к ним.

Приблизившись к первому, увидел группу моряков, сидящих у огня, и нескольких медичек. Один из моряков рассказывал какую-то смешную историйку, другие громко смеялись. На капитана не обратили внимания.

— Здравия желаю, господа! — сказал он громко и сразу услышал:

— Ой, доктор! Откуда вы? — Надя встала с раскладного стульчика и взяла капитана за руки.— Садитесь с нами, доктор. Впрочем, нет, что я говорю. Вас давно ждет графиня Елизавета Дмитриевна. Она так обеспокоена...

— Значит, Милютина тоже приехала? — удивился Студитский.— И вас, вероятно, за собой из Яглы-Олума увлекла?

— Ну, конечно! — охотно отвечала Надя.— Теперь я рядом с нею. Проводить вас к графине?

— Нет, нет, не сейчас. Во-первых, поздно, наверное, она легла спать; во-вторых, со мной кизыларватский хан — я должен представить его командующему. Кстати, где он находится?

— В крепости. Вон видите громадину! — указала она на чернеющую глинобитную цитадель.

— Спасибо, Надежда Сергеевна, мы отправимся туда, потом я вас отыщу.

Войдя во двор крепости, капитан увидел п-образный ансамбль глинобитных зданий с айванами и деревянными колоннами, похожими больше на подпорки между полом и крышей. На этих подпорках висели зажженные фонари. В глубине виднелись двери, ведущие в комнаты. Дежурный офицер провел гостей по длинному айвану, затем нырнул в один из дверных проемов.

— Подождите здесь, господа, я доложу.

Вскоре он вернулся, пригласил следовать за ним и, остановившись у двери с огромным медным кольцом, отворил ее. Изнутри полыхнул яркий свет от нескольких керосиновых ламп.

Скобелев полулежал на застеленной коврами тахте, окруженный штабистами. Он был в мундире, но без сапог; на ногах туркменские джорапки. Караш, как старший по званию, доложил о себе и капитане Студитском.

— А это кто? — хмуро спросил Скобелев, оглядывая Худайберды.

— Кизыларватский хан, с прошением о подданстве,—отвечал Караш.

— Скажите кизыларватскому хану, что с прошением его завтра приму. Пусть идет отдыхает.

Худайберды удалился, отвесив поклон и запахнув полы халата.

— А теперь, господа, полюбуйтесь на этого витязя! — сказал Скобелев, обращаясь к офицерам штаба.— Больше месяца скитается преподобный пристав по туркменским аулам, а проку никакого нет. Где верблюды, Караш? Где те шесть тысяч животин, которых вы должны дать мне?

— Господин генерал-адъютант, мне удалось нанять сто верблюдов. Остальные верблюдчики, испуганные текинцами, бежали на Гурген.

— Сто верблюдов? — Скобелев встал с тахты.— Всего сто верблюдов? Да вы что, смеяться надо мной вздумали, пристав?! Да мне же не сегодня завтра грузы надо перебрасывать в Бами! Идите и подумайте, где вам взять шесть тысяч верблюдов!

— Слушаюсь, господин генерал-адъютант.

Караш вышел, и Скобелев сразу сказал Студитскому:

— Вы тоже слоняетесь где-то. Отряд следует в Бами, а вам и дела нет.

— Но ведь планом предусмотрено войти в Ахалтекинский оазис только через три года! — возразил капитан.— До того времени мы должны заниматься благоустройством опорных пунктов и все конфликты решать мирным путем.

— Обстановка изменилась, капитан. Я строю свои планы и меняю их, исходя из обстановки.

— Господин генерал, но я тоже хорошо изучил обстановку.

— Я читал вашу записку,— с легкой усмешкой сказал Скобелев.— Позволю вам заметить, это не деловая записка, а жалкий бред гимназиста, не выросшего из фланелевых штанишек.

— Для чего же вы назначили меня начальником мирной миссии?

— Не я вас назначил, доктор, а Обручев. Это он рекомендовал вас Милютину. И попрошу говорить со мной согласно вашему чину. Иначе я прогоню вас прочь от себя!

— Да, господин генерал, вероятно, так и случится. К сожалению, власти старшего по званию не может противостоять никакая логика. Но я хотел бы воспользоваться своим правом. Я ведь со своей миссией не вхожу в состав вашего отряда. Я подчинен непосредственно военно-ученому комитету и потому выполняю инструкции Обручева. Не смогли бы вы, господин генерал, на время забыть о моем звании и говорить со мной, как с начальником русской миссии, параллельно действующей с вашей колонной?

Скобелев хмыкнул, помолчал, посмотрел на штабистов. Свита, молча следившая за словесным поединком командующего и доктора, зашевелилась. Скобелев угадал по глазам Петрусевича, Гродекова и других, что будет лучше, если острая беседа не перерастет в перепалку.

— Хорошо, капитан,— миролюбиво сказал Скобелев.— Ответьте мне на вопрос: почему вы считаете, что в Кизыл-Арвате моему отряду стоять можно, а в Бами — нет? Но прежде чем услышать от вас ответ, я постараюсь ввести вас в курс своих замыслов. Итак, я исхожу из того, что, заняв передовые позиции в Бами, в непосредственной близости от Геок-Тепе, ставлю английские отряды Робертса и Барроу в самое затруднительное положение. Теперь уже, в случае конфликта с Англией, я первым подхожу к Геок-Тепе, а не они, поскольку их отряды стоят от Ахала дальше. Я закрепляюсь в Бами и не предпринимаю никаких военных действий, то есть веду себя так, как бы вел, живя с отрядом моим в Кизыл-Арвате. Теперь отвечайте, почему вы так боитесь моего похода в Бами?

Доктор, высокий, худощавый, с гордым достоинством стоял у двери. Скобелев, разговаривая с ним, даже не предложил сесть, и это оскорбляло Студитского.

— Господин генерал,— сказал он, усмехнувшись,— поскольку беседа наша ведется на равных, то позвольте и мне сесть?

Офицеры на тахте легонько засмеялись. Скобелев двинул бровями и указал место на тахте. Капитан сел. Командующий спросил, ухмыльнувшись:

— Может быть, подушку под локоть изволите?

— Спасибо, господин генерал, обойдусь.

— Ну, так отвечайте на мой вопрос: почему вам не угоден мой поход в Бами?

— Отвечу, конечно. Дело в том, господин генерал, что, пере-

ступая границу Ахала, да еще с крупным вооруженным отрядом, вы недвусмысленно заявляете текинцам: я иду на вас войной. Далее уже ни о каких мирных делах говорить с ними нет смысла. Если сейчас текинские ханы в растерянности — одни хотят мира, другие зовут на помощь англичан,— то с приходом вашего отряда в Бами они все объединятся, чтобы дать вам отпор. Логично?

— Логично, с вашей точки зрения,— согласился Скобелев.— А теперь выслушайте меня. Если я поставлю свой отряд в Кизыл-Арвате и займусь мирным устройством прикаспийской территории, то сразу же по всей Средней Азии разнесется молва: Скобелев боится текинцев, боится англичан, шаха и всех прочих. Логично? — подчеркнуто жестко выговорил он.

— Логично, но тоже — с вашей точки зрения,— отозвался капитан.

— Как вам известно, капитан, когда сталкиваются две точки зрения, то это мешает друг другу и играет на руку неприятелю. Может, вы уступите мне? Все-таки я командующий,— сказал он, посмеиваясь.

— Вы нарушаете, господин генерал, утвержденный план экспедиции. Я не уступлю вам. Я обязан сообщить о ваших действиях генералу Обручеву и генерал-фельдмаршалу Милютину. Если вы войдете в Ахал — мирные устремления моей миссии обречены на провал.

— Вы свободны, капитан,— с вежливой злостью сказал Скобелев.— Идите.

— Честь имею,— сказал Студитский и, встав с тахты, направился к двери.

— Кстати, капитан,— бросил вслед Скобелев,— вы встречались с Тыкмой-сердаром... Он что — просил у меня мира?

— Нет, господин генерал. Он жаждет бросить весь свой народ против ваших штыков. Именно поэтому необходимо добиться мирного договора. Воюют генералы и ханы, а гибнут солдаты и дехкане. Но разве они повинны в чем-то?

XXIX

Студитский попросил часовых, чтобы открыли ворота. Оказавшись вне крепости, он почувствовал, как тяжело навалилось на него черное небо с крупными блещущими звездами. Ночь была на редкость черна, а звезды так близко, что физически ощущалась высота плоскогорья, на котором расположился скобелевский отряд. Освоившись в темноте, капитан направился к месту, где развьючил верблюдов Худайберды. Его он нашел сидящим на кошме. Около кошмы дымил костерок и разговаривали джигиты.

— Ай, доктор, чем не угодил Худайберды ак-паше? — пожаловался хан.— Зачем не захотел со мной говорить?

— Ничего, ничего: завтра примет, не переживай,— успокоил его Студитский.— Дел у генерала много.

— Садись, доктор, чай пить будем.

— Худайберды, мне хороших людей повидать надо. Ты не жди меня, ложись. Завтра увидимся.

Капитан пожелал хану спокойной ночи и направился к шатрам Красного Креста. Надя сидела у того же костра с морским офицером, вороша прутиком жаркие угли. Студитский окликнул ее. Она встала и, видя, как пытливо заглянул ей в глаза доктор, смущенно сказала:

— Лев Борисыч, это наш... моряк из Кронштадта... Мичман.

— Очень рад,— сказал Студитский.

— Доктор, Елизавета Дмитриевна ждет вас. Я сказала о вашем приезде,— тут же сообщила Надя.— Вы будете жить во втором шатре: там князь Шаховской и какой-то акционер. Графиня сейчас у них.

Надя проводила Студитского к шатру, отодвинула полог и доложила:

— Ваше сиятельство, доктор...

— Ах, Надежда Сергеевна, как вы любезны! — воскликнула графиня и позвала капитана: — Доктор, голубчик, заходите поскорее, мы так соскучились по вас!

— Добрый вечер, господа,— кивнул Студитский и поцеловал графине руку.— Здравствуйте, ваше сиятельство.

— Слава богу, что приехали. Мы думали, вас похитили кочевники,— в шутку сказала Милютина.

Шаховской и Эльфсберг улыбнулись. Оба подали капитану руки. Графиня тотчас усадила его на раскладной стул и встала напротив, скрестив на груди руки.

— Ну-ка, рассказывайте, где же вы были? У вас такой утомленный вид. Вы, вероятно, очень устали, доктор?

— Нет, нет, ничего. Просто я весь день провел в седле и запылился. Дел много, Елизавета Дмитриевна. И перспективы наметились самые прекрасные. Но увы! Все может рухнуть за один день, за час. Командующий принял решение изменить маршрут экспедиции, а это значит, изменится и обстановка в здешних местах. Если загремят выстрелы — мирный покой этого края будет нарушен, и тогда долго нам придется добиваться того, что уже успели сделать.

— Доктор, ради бога, не говорите загадками,— попросила графиня.— В конце концов, я должна знать — что происходит! Отец меня предупреждал, чтобы мы вели себя с аборигенами по-человечески.

— Произошло непредвиденное, Елизавета Дмитриевна,— сказал капитан.— Скобелев пересмотрел свои планы. Отряд отправляется в Ахал на два года раньше предусмотренного срока.

Шаховской тотчас включился в беседу:

— Да, это так, и я был свидетелем внезапной перемены в действиях командующего. Скобелев связался с великим князем

Михаилом и доложил ему, что персидские войска покинули Хорасан. Одновременно Скобелев потребовал свободы действий. Через несколько часов была получена телеграмма из Тифлиса: «Уход персидских войск подтверждаю, сообщаю, что и англичане готовятся уйти из Афганистана. Действуйте сообразно сложившимся обстоятельствам». Телеграмму подписал сам великий князь.

Студитский задумался. Графиня с участием посмотрела на на него, готовая в любую секунду прийти на помощь. Тягостное молчание нарушил Эльфсберг:

— Господа, но что же вы хотели от Скобелева? Теперь, когда ему не грозят ни персы, ни англичане, конечно же он не упустит возможности проявить свое геройство. Я сам слышал, как он сказал Гродекову: «Ахал возьмем зимой, а там пусть хоть всемирный потоп! Победителей не судят!» Так что, господа, будьте готовы ко всему.

Милютина пожала плечами, посмотрела поочередно на сидящих около нее мужчин и спросила удивленно:

— Выходит, все наставления, какие дал военный комитет и генерал Обручев, не имеют силы? Нет, я этого не оставлю. Я потребую от Михаила Дмитриевича, чтобы было все по-человечески.

— Вряд ли, Елизавета Дмитриевна, что-то получится,— сказал Шаховской.— Скобелев упрям и честолюбив невероятно. Разве что текинцы сами запросят мира.

— Как это ужасно! — расстроилась графиня.— Но, капитан, голубчик, вы же хотели встретиться с каким-то текинским сердаром. Вы встретились с ним?

— Он оскорблен и непоколебим в решении защищать свою крепость до последнего дыхания. Только продолжительная мирная обстановка может излечить его обиду. Нельзя допустить военных действий в Ахале. Надо заставить Скобелева отказаться от похода в текинский оазис.

— Но как, как, милый капитан? — взмолилась графиня.

— Необходимо убедить его во что бы то ни стало. Иначе вовсе непонятно, для чего учреждалась русская мирная миссия. Непонятно, Елизавета Дмитриевна, чего ради вы упросили вашего отца, Дмитрия Алексеевича, чтобы миссию непременно возглавил я. Читал бы я по-прежнему лекции вашим сестрам милосердия на женских курсах, делал бы операции в Николаевском госпитале...

— Господин капитан,— хмурясь, сказал Шаховской,— безусловно, вы правы. Надо попытаться уговорить Скобелева. Но нужны убедительные аргументы. Я, например, не смогу их привести. Генерал попросту не станет со мной разговаривать на эту тему. Скажет: занимайтесь больными — и будет прав.

— Серж, вы, как всегда, бежите в кусты,— упрекнула графиня.— Я не думаю, чтобы капитану Студитскому легче было объясняться со Скобелевым, чем вам. Вы ведь — князь. В конце

концов, если он не поймет вас как главноуправляющего Красного Креста, вы заговорите языком дворянина.

— Это бесполезно,— конфузливо отказался Шаховской.— У меня нет никаких доводов и никаких вразумительных возражений.

— О боже! — ужаснулась графиня.— Господин доктор, скажите князю, как вразумить Скобелева.

— Боюсь, что и мои доводы не убедят командующего,— отозвался Студитский.— Он уже ознакомился с моим письмом на имя начальника тыла о ближайших делах и планах русской миссии и назвал это письмо забавой школяра. Вопрос надо ставить перед Скобелевым прямо: почему он, командующий экспедицией, не имея на то никакого права, грубо нарушает план освоения Закаспия? План рассмотрен и утвержден военным министром!

— Вот видите, Елизавета Дмитриевна! — воскликнул Шаховской.— Если Скобелев не посчитался с министром, то мне, право, нет нужды сражаться с ним.

— Ах, Серж,— отмахнулась Милютина.— Скобелев прежде всего человек. И ничто человеческое ему не чуждо. Надо убедить его в том, что туркмены вовсе не хотят войны. Разве он не видел, как встретили его дехкане в Яглы-Олуме? Они вышли к нему с хлебом-солью. Да и Красный Крест прибыл сюда не для того, чтобы вытаскивать с поля боя раненых. Насколько я понимаю, основная наша задача — оказать медицинскую помощь аборигенам, создать фельдшерские пункты в селах, вступить в борьбу с антисанитарией и спасти население от эпидемий. Разве не так, Серж?

— Вы, безусловно, правы,— поспешно согласился Шаховской, зная, что, если ей возразить, спор может продолжаться до бесконечности.— Но не пора ли нам выпить по чашке чая и поесть? Я, пожалуй, пойду распоряжусь.

Он удалился, прервав запальчивую речь Милютиной. Графиня посмотрела ему вслед и заговорила со Студитским и Эльфсбергом.

— Господа, может быть, есть смысл написать о самочинствах Скобелева военному министру?

Капитан промолчал, лишь двинул бровью, Эльфсберг вкрадчиво возразил:

— Ваше сиятельство, но я же вам докладывал, что Скобелев получил разрешение на поход у великого князя Михаила.

— Великий князь — главнокомандующий на Кавказе, а план утвержден министром,— с досадой отозвалась Милютина.— Поставить все с ног на голову и не доложить об этом в Петербург! По-моему, это преступление. Не так ли, капитан?

— Безусловно, ваше сиятельство.

— Нет, я этого так не оставлю,— пообещала графиня.

XXX

Утром Скобелев во дворе крепости принимал кизыл-арватского хана Худайберды. Капитан участвовал во встрече в качестве переводчика: генерал сделал вид, будто не обижен на него.

Худайберды с туркменами подошел к застеленной коврами тахте, возле которой стоял Скобелев, и, упав на колени, подал прошение. Командующий благосклонно принял бумагу, велел хану встать и вместе с другими занять почетное место. Худайберды, однако, отказался сразу сесть. Слуги его побежали к воротам, принесли оттуда несколько ковров и расстелили перед командующим.

— Вот, ак-паша, это — вам от моего народа,— сказал Худайберды.

— Спасибо, хан, за подарок. В долгу не останусь,— пообещал Скобелев и положил хану на плечо руку.— А теперь ешьте-пейте, да примемся за дело. В России бездельников не любят.

Офицеры засмеялись. Худайберды сказал:

— Туркмены всякое дело любят, ак-паша.

— Покамест я не вижу, чтобы туркмены принесли моей экспедиции пользу,— возразил командующий.— Верблюдов и тех не могли поставить отряду. Худайберды, ты сможешь меня выручить?

— Смогу, ак-паша. Только за верблюдами надо ехать к Сарыкамышу. Там мои люди с инерами ходят.

— Молодец, хан. А сколько верблюдов можешь пригнать?

— Две тысячи могу, ак-паша.

— Мало. Шесть тысяч животин надобно, причем не позднее августа.

Худайберды задумался, потеребил бороду, вздохнул тяжко.

— На Мангышлаке можно купить. Если своих людей со мной пошлешь — приведем шесть тысяч.

— Вот это другой разговор! — воскликнул Скобелев.— Людей своих с тобой пошлю к Сарыкамышу и на Мангышлак. Петрусевич, поедете с Карашем туда. И попробуйте мне не обернуться до августа!

— Постараемся, Михаил Дмитриевич, не извольте беспокоиться,— отозвался начальник тыла.— Если хан уверен в успехе дела, то все сладится. Были бы верблюды.

— Ну так сегодня или завтра и отправляйтесь. Возьмите с собой сотню казаков Лабинского полка и туркмен побольше, чтобы отбиться могли в случае нападения.

— Слушаюсь, господин генерал-адъютант.

Скобелев перевел взгляд на Гродекова:

— Вы, Николай Иваныч, как и условились, отправитесь с авангардом в Бами. Возьмете с собой медиков. Надо сразу же устроить госпиталь, баню и все прочее.

— Медики не поедут в Бами, господин генерал! — донесся голос графини Милютиной. В сопровождении князя Шаховско-

го и Эльфсберга она пришла в крепость, когда церемония уже окончилась, и сейчас стояла, наблюдая, как Скобелев отдает распоряжения.

— Елизавета Дмитриевна, не надо так громко,— смущенно попросил Шаховской.— Можно как-то по-иному, когда уйдут люди и командующий останется один или, в крайнем случае, со свитой.

Князь напрасно испугался бестактности графини: Скобелев лишь округлил глаза и сделал вид, что ничего не слышал. Бросить же слова во второй раз у графини не хватило духу. «В самом деле, получилось бестактно»,— пожурила себя она и стала ждать подходящего момента.

— Михаил Дмитриевич, может быть, соизволите обратить внимание и на нас?! — вновь сказала она с некоторым вызовом, видя, что командующий не собирается ее замечать.

— Ах, это вы, ваше сиятельство! — удивился Скобелев.— Простите, не усмотрел вашего появления. И князь с вами! Прекрасно. Поднимайтесь ко мне на тахту.

— Пожалуй, поднимемся, Серж,— сказала Шаховскому графиня.— Как он ловко умеет притворяться, я даже не думала.

Скобелев встал и подал руку графине. Оказавшись на тахте, она села рядом с ним, подождала, пока усядутся Шаховской и акционер Эльфсберг, сказала претенциозно:

— В Бами все-таки медики не поедут.

— Отчего же, ваше сиятельство? — удивился Скобелев.— Или доктор вам не советует? — Скобелев бросил взгляд на Студитского.— Впрочем, такие вопросы решаются без посторонних.

— Да, я понимаю это,— согласилась графиня.

Скобелев был явно смущен: и ее репликой, и тем, что сидит она вот здесь, не при своем деле.

— Господа,— сказал Скобелев,— у меня срочные дела, пожалуй, я откланяюсь, а вы тут пируйте. Ваше сиятельство, прошу,— позвал он ее и слез с тахты.

— Генерал, голубчик, а руку! — капризно сказала графиня.— Я же не сойду с тахты без вашей помощи.

— Пардон,— смутился Скобелев.

Генерал и графиня отошли от тахты и поднялись на айван.

— Вы пришли ко мне после того, как поговорили с доктором Студитским? — спросил Скобелев.

— Ах, Михаил Дмитриевич, но он же прав! Во всем прав! Я не понимаю, зачем вам понадобился Бами!

— Ваше сиятельство,— попросил генерал,— я очень прошу — не вмешивайтесь в дела военных, а в мои тем паче. Лечите себе на здоровье больных и раненых. Если нужна Красному Кресту какая-нибудь помощь — в деньгах или продовольствием,— я окажу ее тотчас. Что касается похода и занятия Бами, это вас не должно интересовать.

— Нет, генерал, вы должны внести полную ясность,— обиделась графиня.

— Хорошо, ваше сиятельство,— сказал Скобелев и крикнул, повернувшись к тахте: — Гродеков, Петрусевич, Эристов и вы, доктор, прошу ко мне!

Все собрались у него в комнате. Он достал из полевой сумки бумагу, и сказал:

— Никаких сражений и кровопролитий не будет, если текинцы безоговорочно примут мой ультиматум. Вчера ночью принято решение отправить гонца с этой бумагой в Ахал. Ханы должны сложить оружие и выйти из крепости с хлебом-солью. Будут они благоразумны — буду благоразумен и я. Что касается Бами — это селение избрано в качестве главного опорного пункта. Весь центр тяжести переносится на Бами.— Командующий строго посмотрел на Студитского.— Всем, чем вы занимались в Кизыл-Арвате, доктор, вам необходимо заняться в Бами... Продовольственные и вещевые склады, госпиталь, баню, столовую, жилые бараки — все это надо строить. Что касается вашей предполагаемой докладной Обручеву о моих действиях, скажу вам следующее... На военном совете у государя командующий Кавказским округом великий князь Михаил Николаевич оговорил право распоряжаться моей экспедицией. Так что, господин доктор, жалуясь на меня, вы подаете жалобу на князя Михаила и самого государя императора. Советую вам воздержаться.

Капитан промолчал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Сотня джигитов Тыкмы-сердара, разделившись на несколько групп, стояла на копетдагских высотах Бендесенского перевала. Несколько дней назад Тыкма отправил ответное письмо Скобелеву от ханов Ахала. В письме содержался категорический отказ и резкое предупреждение: если ак-паша переступит через перевал, то будет уничтожен со всем его войском. Сейчас Тыкма, сидя на коне, оглядывал дорогу в Ходжа-Кала и ждал появления царских войск. Тыкма был в легком текинском халате и тельпеке, за поясом револьвер, в руках, поперек седла, английский винчестер, в ножнах — сабля. Настроенный воинственно, он все же допускал мысль: «А может, ак-паша струсит, не полезет в бой? Он должен знать, что на моей стороне англичане!»

В сизой рассветной дымке утопали седловины гор. Выше, в каменных рубцах, белел снег и огненные лучи солнца уже ощупывали вершины. Далеко-далеко в синеве рассвета над Ходжа-Кала взлетела зеленая ракета. У Тыкмы-сердара екнуло сердце. Он был давно знаком с этим сигналом — русские солдаты двинулись в путь.

— Акберды,— сказал тревожно Тыкма сыну,— поезжай, предупреди Софи, чтобы был готов. Если их мало — вступим в бой, если идет весь отряд, спустимся в долину.

Тыкма-сердар посмотрел с горы вниз. Там, все еще окутанный мраком ночи, лежал Ахалтекинский оазис и прилегала к нему необъятным пространством Каракумская пустыня.

Акберды пустил коня по откосу и вскоре выехал на соседнюю гору. Тыкма вновь стал смотреть на дорогу. Не двигаясь, то и дело задерживая дыхание, он прислушивался к утренней тишине. Наконец дернул уздечку: «Идут!» Острый слух сердара уловил отдаленное ржанье лошадей и стук копыт. Чтобы убедиться, не ошибся ли, Тыкма слез с коня и приложился к дороге ухом. Тотчас вновь разогнулся и вскочил в седло: «Идут!»

Выехав еще выше, на самую вершину, Тыкма достал из хурджина подзорную трубу и вскоре поймал в оптический круг с десяток едущих на конях казаков. Самые первые держали в руках пики с флажками. «Дозор,— отметил про себя Тыкма.— Основные силы еще далеко». Но вот заклубилась над горами пыль и показались вдали конные отряды: один, второй, третий.

За ними шла пехота. Дальше стоять не было смысла, и Тыкма сказал джигитам:

— Ну-ка, друзья, испробуем английские ружья. Подпустим на пятьсот шагов.

Сам он тоже вскинул над гривой коня винчестер, загнал патрон в патронник и стал целиться. Не дожидаясь, пока кто-то выстрелит, нажал на спусковой крючок первым. Грянул выстрел. Русский казак качнулся в седле и сполз с лошади. Тут же прогремело еще несколько выстрелов, и еще два казака упали с коней. Но через секунду-другую засвистели над головой сердара русские пули. Едущие за дозором кавалеристы пустили лошадей вскачь, стреляя на ходу по джигитам. Тыкма повернул коня и поскакал к перевалу...

К полудню всадники Тыкмы-сердара съехались в селении Арчман. В стычке потеряли двоих. Тыкма приказал везти убитых в крепость и там похоронить. Сердар спешил: надо было поскорее сообщить Махтумкули, Омару и другим о вторжении скобелевского отряда. Все время пришпоривая коня, он подгонял других, чтобы не отставали, и к вечеру перед ним распахнулись ворота текинской крепости.

Предводители встретили сердара возле большой белой кибитки. Тыкма слез с коня. Ступив на землю после долгой езды, ощутил боль в ногах: возраст уже давал о себе знать,— недавно Тыкме исполнилось пятьдесят пять.

— О чем думали, то и произошло: кого не хотели видеть, тот идет,— сказал он.— Шесть казаков мы подстрелили, но и наши двое погибли от их пуль. Скобелев идет через Бендесен. Не сегодня завтра будет здесь.

Ханы молча выслушали Тыкму. Омар, повздыхав над погибшими джигитами, сказал:

— Они умерли геройской смертью в битве с капырами. Надо похоронить их со всеми почестями.

Оразмамед сразу распознал намерения Омара, подумал: «Не жалостью к этим двум болит твое сердце. Болит оно иным недугом. Ты боишься, как бы не заколебался народ перед русскими. Как бы не склонил хан Мамед Аталык геоктепинцев в сторону мира с русскими. Если такое случится, англичане тебе не простят». Вслух Оразмамед сказал:

— Зачем воспалять сердца у людей? Разве без этого горя мало?

— Мы не только воспалим, но и объявим джихат[1] скобелевским солдатам,— с достоинством произнес Омар.— Кровь погибших джигитов русские оплатят десятикратно. Махтумкули,— обратился он к главному хану,— надо уничтожить всех христиан, находящихся у нас в плену. Предлагаю отдать их в руки Оразмамеда. Он побывал в руках русских, пусть теперь покажет нам свою любовь к ним.— Омар тихонько засмеялся.

[1] Джихат — священная война.

Оразмамед побледнел. О, этот мудрый ишан умеет мстить. Всего несколько добрых слов сказал Оразмамед о русском докторе, но теперь Омар использует их в качестве мести.

— Ты сомневаешься во мне? — усмехнувшись, спросил Оразмамед.

— Да, Оразмамед,— сказал тот спокойно.— Я знаю, что ты иногда заходишь к Мамеду Аталыку, а он давно льет воду на руки русским.

— О чем вы говорите! — грубо вмешался в разговор Тыкма.— Я пленников привел из Ходжа-Кала, я и расправлюсь с ними.

— В вашей преданности нам мы давно не сомневаемся, Тыкма,— возразил ишан.— Пусть пленными займется Оразмамед.

— Ладно, ишан, беру христиан на свою совесть,— согласился Оразмамед.

II

Он направился к восточной крепостной стене, вдоль которой в несколько рядов тянулись черные кибитки переселенных дехкан. Юрт было так много, что невозможно проехать между ними, чтобы за что-нибудь не зацепиться. Всюду валялись предметы домашнего обихода, всюду сидели женщины и дети, всюду дымили тамдыры. Но и нескольких тысяч кибиток не хватало, чтобы разместить всех согнанных в Денгли-Тепе. Многие вырыли себе убежища прямо в земле и селились в этих огромных норах. Оразмамед ехал на коне между кибитками, и его узнавали обитатели крепости. Люди здоровались и виновато улыбались, словно стеснялись за такой беспорядок и неустроенность, а женщины лезли чуть ли не с кулаками: «Хан, скажи, зачем пригнали всех сюда! Разве пески перестали быть для нас родным домом? Здесь нас всех побьют урусы!», «Хан, где взять зерно? Хлеба нет, детей кормить нечем!»

Просили, грозили, хватали за полы халата, а он ехал невозмутимо, ибо знал: если остановится и заговорит, то его не отпустят. Так он проследовал до двух кибиток Алтын-дайзы, которые стояли в юго-восточном углу крепости, неподалеку от колодцев.

Оразмамед хорошо помнил тот день, когда Тыкма, возвратившись из песков, привез с собой трех пленных солдат. Попадались они ему и позже на глаза не один раз. Сначала русские солдаты ходили под стражей на очистку ханского кяриза [1]: спускались на веревках в глубокие колодцы и вычерпывали оттуда грязь и камни. Позднее, после смерти Нурберды, двух солдат у Тыкмы купил какой-то бай, а третьего, канонира Петина, выпросила у него старая вдова Алтын-дайза. Вот к нейто и ехал Оразмамед.

[1] Кяриз — сооружение для сбора подземных вод; состоит из ряда колодцев, соединенных между собой подземной галереей.

Канонира Оразмамед знал больше других и проявлял к нему жалость. Парень хоть и был удручен своей участью пленника, но никогда не унывал. Работая на очистке кяриза, плакал от усталости и голода, но других подбадривал лихими прибаутками. А когда попал к Алтын-дайзе, осмелел еще больше. Знал Петин множество частушек и анекдотов. И как только научился говорить по-туркменски, сразу принялся рассказывать их. Старуха слушала с удовольствием, но еще с большим желанием — ее невестка, Джерен. Молодая женщина души не чаяла в батраке, молилась за него аллаху, чтобы сохранил урусу жизнь. Молилась не ради особого расположения или привязанности, а потому, что видела в нем одном свое будущее счастье. Алтын-дайза взяла Петина в дом единственно потому, что мечтала обменять его на своего сына, мужа Джерен, который находился в русском плену. Вот и молилась за пленного батрака: Джерен ради мужа, Алтын-дайза ради сына.

Кроме канонира, у тетушки Алтын жил еще один батрак. Не русский и не пленный — свой, туркмен. Попал он к ней тоже от Тыкмы-сердара. Раньше ездил с сердаром, играл на дутаре, и звали его Кертык-бахши. Но в одной из стычек ранили Кертыка в руку, играть он больше не мог, и Тыкма вместе с канониром отдал его Алтын-дайзе. Сказал ей в шутку: «Русский пушкарь и тебя и моего бахши прокормит своей спиной!»

Оразмамед хорошо знал Кертыка, а тот не раз рассказывал хану о своем новом друге — русском канонире. Как-то они пошли вместе пасти верблюдов бая, соседа Алтын-дайзы. Канонир в колодках — далеко не уйдешь. Кертык пожалел его, усадил возле ручья и принес в кувшине воды и чурек. Петин наелся и запел:

Распроклятая полиция не дает нам дома жить.
Знать, придется во солдатах буйну голову сложить.

Кертык спросил, о чем он поет, Петин как мог перевел. Кертык засмеялся, похлопал канонира по плечу. И сам похвастал: жаль, рука не подчиняется, а то бы спел такие песни, что пушкарь бы заплакал. Петин тут же предложил ему: «А ты возьми с собой дутар. Я буду по струнам ударять, а ты по грифу левой рукой, глядишь, и получится?

Оразмамед, возвращаясь из Кизыл-Арвата, сам видел, как играли вдвоем на одном дутаре Кертык-бахши и пленный канонир. Подъехав, он слез с коня и заслушался. Сидели они рядом. Кертык держал луковку дутара в коленях, левой рукой скользил по ладам грифа, а канонир правой рукой бил по струнам. Кертык пел:

Шесть красавиц встретил я в пути,
Ноги встали — не могу идти.
Шесть красавиц путь мне преградили,
Но какая лучше из шести?

Оразмамед, стоя за спиной музыкантов, дослушал песню, похвалил обоих и сказал: «Русские хорошие люди. Я еду от них».

Это было еще в мае. С тех пор прошло два месяца, но о той встрече Оразмамед не забыл и сейчас, подъезжая к кибиткам Алтын-дайзы, волновался, не знал, с чего и как начать разговор.

Сумерки уже опускались на крепость Денгли-Тепе. Огромный двор, в котором теперь было около двадцати тысяч кибиток и вдвое больше людей, гудел от множества голосов. В этом гуде вдруг вырывалось и резало слух то конское ржанье, то крик осла, то плач, то чей-то окрик и брань. И над всем этим водопадом звуков висел дым от тысяч горящих тамдыров и очагов и пахло мясом, маслом и хлебом.

Подъехав к двум закопченным кибиткам, Оразмамед слез с коня и окликнул хозяйку:

— Ой, Алтын-дайза, жива-здорова? Принимай гостя!

Полная пожилая женщина в бордовом кетени и стоптанных чувяках отошла от дымящегося тамдыра и, разглядев в потемках Оразмамеда, всполошилась.

— Джерен, где ты там ходишь? Не видишь разве — гость к нам пожаловал! И эти лентяи спрятались в кибитке, хоть бы коня у хана приняли да привязали! — вспомнила она о Кертыке и канонире.

Оба батрака тотчас выскочили из второй кибитки. Кертык взял под уздцы скакуна и привязал его к жерди, которая отгораживала кибитки от улицы.

— Оразмамед, какой чести мы удостоились, что ты навестил нас? — обрадованно спросил Кертык.

— Особой чести,— хмуро отозвался хан и вошел в кибитку к Алтын-дайзе.

Джерен прикрыла рукавом лицо перед ханом, но глаза ее сияли жаждой любопытства. Ей так и хотелось спросить: «Хан, неужели мой муж нашелся?» Алтын-дайза думала о том же и тоже жадно заглядывала в глаза Оразмамеду.

С завидным проворством хозяйки расстелили на коврике сачак, развернули платок с наломанным чуреком, поставили чайник с пиалами и белыми бухарскими конфетами. Оразмамед оглядел все это, поблагодарил за внимание к нему, но сесть за сачак отказался. Помедлив, сказал:

— Алтын-дайза, не гневись на меня. Не по своей воле я в твоей кибитке. Я послан сюда главным ханом и ишаном, чтобы взять у тебя пушкаря.

— Хан, зачем тебе мой пушкарь? — испугалась Алтын-дайза.

— Не надо спрашивать, дайза, ибо ответ тебе покажется гораздо страшнее моей просьбы.

— Да что ты мне зубы заговариваешь?! — тотчас рассердилась Алтын-дайза.— Мы-то его как знатного человека встретили! Чай, чурек подали, а он последнего батрака пришел отбирать!

Джерен сразу выбежала из кибитки — и к батракам, которые стояли во дворе возле скакуна. Караковый жеребец ахалтекинской породы был высок в холке и необыкновенно красив своей статью.

— Кертык, Петька, беда! — сказала шепотом Джерен.— Оразмамед не с добрым умыслом к нам пришел. Пушкаря, говорит, отдайте.

— Да ты что, Джерен?! — не поверил Кертык.— Оразмамед всегда считался нашим покровителем.

Кертык вошел в кибитку к хозяйкам, чтобы спросить, зачем понадобился хану Петин, и тут Оразмамед сурово проговорил:

— Кертык, ты тоже со мной пойдешь!

— Оразмамед, да скажи, чем мы провинились? — взмолился Кертык.

— Вам все надо знать! — вспылил он.— Ну так знайте. Совет ханов повелел мне уничтожить всех христиан. Где еще два солдата, которые с пушкарем пришли в Геок-Тепе?

— Если б знал, все равно бы не сказал,— с вызовом и обидой сказал Кертык.— А еще говорил, русских уважаешь...

— Ладно, шагай! — Оразмамед вынул из-под кушака тяжелый пистолет и толкнул дулом в спину Кертыка.— Иди, говорю, бахши... Иди!

Кертык, злясь и недоумевая, подчинился. Канонир, видя, что друг его сник, тоже сдался.

— Оразмамед, что плохого я вам сделал? — залепетал он.— За четыре месяца я слова против никому не сказал. Всю работу выполнял, дней и ночей не видел, всегда при деле.

— Иди, иди,— толкнул его Оразмамед.— Слышишь, святой ахун [1] к чему народ призывает?

По всей крепости разносился громкий голос святого ахуна:

— Илля, ильляха, Аллаха акбер, Аллаха акбер! [2] Послушайте, мусульмане, что скажет вам наш несравненный в геройстве и мудрости Омар!

Тотчас разнесся голос ишана:

— Люди Ахала! Мы потеряли наших лучших сынов, да продлится их жизнь в кущах рая. Но мы возьмем за каждую мусульманскую жизнь десять христианских — такова воля всемилостивого, всевышнего!

---

[1] Ахун — высшее духовное лицо.
[2] Вступление к мусульманской молитве.

Петин понял: это приговор ему и пленным, замотал головой и задрожал в страхе:

— Нет, Оразмамед, нет... Не хочу умирать... Куда ты меня ведешь?!

— Шагай, шагай, да побыстрей, иначе тебя растерзают муллы и их прислужники. Шагай, да говори поживей, где живут два других солдата!

— У бая Гельды один, а другой у Чарымереген-бая,— с трудом выговорил канонир.

Оразмамед прогнал батраков до своих кибиток, посадил обоих под замок и ушел. Через час вернулся с двумя другими пленными. Джигиты Оразмамеда вывели из кибиток Петина и Кертыка.

— Давай, давай побыстрей,— заторопился Оразмамед.— Сейчас в пески пойдем, там перестанешь плакать, пушкарь.

Оразмамед сел на скакуна. Вскочили в седла и джигиты. Троих пленных солдат и Кертыка пустили впереди себя и погнали к северным воротам крепости. Они были распахнуты, и возле огромной боковой створки стоял стражник.

— Куда ведешь капыров, хан? — спросил он несмело.

— В пески и дальше, на тот свет, такова воля хана и ишана.

Всадники, гоня пленных, а вместе с ними и Кертыка, миновали кладбище, выехали на простор и тут остановились. Быстро слезли с коней, зарядили винтовки.

— Давайте садитесь на наших лошадей все четверо! — распорядился Оразмамед.— Живей, живей, чего растерялись? Не думайте, что Оразмамед ваш враг. Мне русские сделали большое добро, спасли от смерти, я тоже в долгу не остался. Кертык, конь, на котором ты сидишь,— мой лучший конь. На нем я ездил в Чарджуй, с ним был в Боджнурде и Хиве. Приедешь к русским, сразу найди доктора Судиски, скажи ему: «Это подарок от Оразмамеда». Теперь быстро скачите в Бами! Ну, давай, давай!

Всадники с места взяли в галоп. Только и услышали, как громыхнули сзади ружейные выстрелы: один, второй, третий. И догадались сразу — это Оразмамед и его джигиты разрядили винтовки стрельбой вверх: дали знать в Денгли-Тепе, что с пленными покончено...

В Бами беглецы приехали на рассвете. Стали приближаться к селению, и тут заметили их казаки. Конный дозор кинулся на чужаков, оцепляя со всех сторон. Петин остановил лошаденку, сказал взволнованно:

— Все, братва: дальше ни с места, иначе перестреляют, как куропаток. А еще будет лучше, если вовсе слезем с лошадей.— И Петин спрыгнул наземь.

— Я думаю, братушки, рубаху белую надо вверх поднять,— предложил один из солдат.

— А что ж, давай, сымай,— поддержал его другой.

Казаки, приблизившись и увидев, что им машут, останови-

лись. Затем один, старший в отряде, прокричал, чтобы подошел кто-либо. Петин передал поводья Кертыку и направился к ним. Он еще и слова не успел вымолвить подходя, а его уже узнали:

— Робяты, да это же канонир наш, Петин! — закричал один из всадников.— Ей-богу, он!

—Боже ж мой, и впрямь канонир пропавший! — воскликнул другой.

Схватили его в охапку, начали обнимать. Тут и остальные подошли. И тех двух признали казаки. Один лишь Кертык оказался незнакомым. Петин быстро пояснил, что за человек с ними.

— А лошадка у него — одно загляденье,— позавидовал старший дозора, щеголеватый урядник.— Не то что у вас. Вам-то они самых захудалых кляч сунули.

— И за это спасибо. Там такое было — думали, ног не унесем и света белого больше не увидим! — обрадованно заговорил Петин.— А что касается каракового скакуна, на котором Кертык приехал, тут целая история. Коня-то он привел для нашего доктора... какого-то Судиски... Немец, что ли?

— Студитский, наверное! — догадался урядник.— Ну так это начальник миссии! Поехали!

III

Казаки вместе с беглецами направились к шатрам Красного Креста, предположив, что доктор Студитский там.

Уже светало, но побудку еще не объявляли: отряд после длительного перехода спал крепким сном. Только часовые прохаживались возле кибиток и юламеек.

Графиня проснулась от осторожного разговора возле ее шатра и разбудила Надю:

— Душечка, пойди посмотри, кто это спать не дает?

Надежда Сергеевна, завернувшись в простыню, выглянула из шатра.

— Казаки какие-то с лошадью, ваше сиятельство,— сказала сонно.

— Очень мило,— улыбнулась графиня.— Казаки, да еще с лошадью. Такое и во сне не приснится, а наяву — пожалуйста.

— Елизавета Дмитриевна, кажется, они спрашивают о докторе Студитском,— сказала, прислушавшись к разговору на дворе, Надя.

— Да? И что же они спрашивают, душечка? А может быть, приехал наш капитан, вот и говорят о нем?

Женщины мгновенно надели халаты, туфли и вышли наружу. Казаки вели коня под уздцы вдоль шатров, останавливаясь и приглядываясь. Графиня окликнула их и, подождав, пока подъедут, спросила:

— Вам нужен доктор Студитский?

— Да, сударыня,— бойко отозвался Петин.— Коня мы тут ему привели от текинского хана.

— Боже, как это мило! — воскликнула графиня и подошла к скакуну.— Доктор говорил о каком-то хане, наверное, это тот самый хан прислал. Но самого капитана здесь нет! Он в Ходжа-Кала, занимается устройством верблюжьего лазарета. Вы могли бы оставить скакуна у меня. Как приедет доктор, я передам ему.

— Отчего же не оставить! — согласился Петин.— Очень даже можно оставить. А вы кто такая будете?

— Дурень,— цыкнул урядник.— Это же графиня! Ее сиятельство Милютина.

— Вон как! — опешил канонир и заговорил торопливо: — Берите, берите, ваше сиятельство. Кому-кому, а вам всегда мы доверим!

— Только вы ему клевера приносите,— сказала графиня чуть строже.— Не буду же я сама ходить за клевером.

— Ну, о корме не беспокойтесь. Сам я, да и Кертык вот — рядом,— расхвастался канонир.

В лагере зазвенела армейская труба, возвещая побудку. Минута-другая, и из кибиток высыпал весь отряд. Казаки с пленниками, оставив графиню, отправились к плацу и тотчас были окружены солдатами. Посыпались вопросы и расспросы. Канонир охотно рассказывал обо всем. Подошли офицеры, заинтересовавшись, что там за сборище. Комендант гарнизона, войсковой старшина Верещагин, увидев своих казаков, остановился тоже.

— Кто такие? — спросил у дежурного урядника.

— Утречком, ваше высокоблагородие, задержали. Из плена наши солдатики сбегли, от текинцев. Коня с собой прихватили для доктора, и сами — на трех лошадках, правда похуже... Того-то жеребчика, хоть он и доктору предназначен, графиня облюбовала.

— Черт-те что,— сказал Верещагин.— Ничего не пойму. Ну-ка, живо — задержанных в комендатуру!

Только двинулись беглецы к коменданту — встретили Скобелева на коне. Урядник скомандовал «смирно», доложил о ночном происшествии командующему.

— Веди ко мне,— распорядился Скобелев.— Пусть подождут.

Направились к скобелевской кибитке. Урядник посадил беглецов наземь, сам сел и стал ждать.

— Ну вот, началась канитель,— недовольно сказал Петин.— Теперь, пока все до последней нитки не прощупают, не отвяжутся.

От генеральской кибитки было видно, как строился отряд на плацу в огромное каре, как выехал на середину Скобелев и поздоровался с солдатами. Громкое солдатское «здравия желаем» эхом прокатилось по предгорьям. Затем заиграл оркестр.

Вернулся командующий через час. Слез с коня, бросил поводья ординарцу. Пленники вскочили и замерли.

Скобелев подошел ближе, спросил, в каких подразделениях служили пленные прежде, чем занимались у текинцев. Опять отвечал за всех канонир. Говорил длинно и жалобно. Командующий посочувствовал ему, но все же насторожился.

— Не ясно мне, откуда хан такой добрый сыскался? Вам бежать помог, а доктору жеребца прислал. Может, выдумали хана?

— Господин генерал-адъютант, так друзья же они — доктор и тот текинский хан Оразмамед,— внушительно сказал Петин.— Где-то в Кизыл-Арвате познакомились и сдружились.

Скобелев насторожился еще больше.

— Ну, это уж совсем, братец. Случаем, не путаешь насчет дружбы? Когда свой дружит с недругом и подарки от него драгоценные получает — тут налицо прямое предательство. Что-то путаешь...

— Никак нет! — отчеканил канонир.— Рассказал вам все, как было, ничего не утаил.

Подошел комендант, затем — начальник штаба и офицер особых поручений. Тоже принялись задавать вопросы и вымотали всю душу канониру. Сник он, сказал устало:

— Все равно ничему не верите.

— Господин генерал-адъютант,— предложил особист,— я думаю, необходимо расследовать странное бегство пленных солдат. Неплохо бы поговорить с доктором Студитским. Если солдатики не врут насчет коня, то тут дело нечистое.

— Хорошо, майор, займитесь,— согласился Скобелев.

Урядник построил беглецов и отвел на гауптвахту.

IV

Караваны верблюдов шли в Бами двумя маршрутами: через Бендесенский перевал и по равнине от Кизыл-Арвата. Везли все необходимое: от гвоздя до сосновых пиленых досок. Строительный батальон, да и строевые солдаты с утра до ночи были заняты на кладке стен и сооружении каркасных бараков для жилья и госпиталя. Рядом сколачивались огромные навесы, под которыми складывали все привезенное. В небольшом саду, среди шелковиц, поставили длинные столы для офицерского состава. Рядом, под открытым небом,— столы для нижних чинов. Но уже сооружали солдаты помещеньице для кухни и столовую начали строить.

Госпиталь располагался в шатрах. Раненых пока немного, но кладбище уже появилось. На нем виднелось шесть деревянных крестов.

Со дня первой стычки на перевале текинцы вовсе не давали о себе знать: затаились. Скобелев приказал бывшим пленникам построить макет крепости Денгли-Тепе. Петин соору-

дил из глины некое подобие текинской цитадели и объяснил командующему и штабу, где что. Ни Скобелев, ни штабисты не удовлетворились сбивчивыми показаниями канонира: решили провести рекогносцировку.

Вскоре несколько казачьих разъездов побывали на участке от Бами до Арчмана. Выезжавшие с ними топографы сделали кроки. Никто их в пути не потревожил. Скобелев подивился столь мирному исходу и решил взять на рекогносцировку отряд в восемьсот человек. Включил в списки казаков-лабинцев, кавалеристов отдельного батальона Дагестанского полка, несколько пехотных рот, шесть артиллерийских орудий и четыре картечницы, при полном составе морской команды...

Кибитки моряков находились в первом ряду огромного скобелевского лагеря, рядом с шатрами Красного Креста. Напротив лагеря, за небольшим ручьем, шло строительство госпитальных бараков и столовой. Левее строилась добротная кирпичная баня. А пока что солдаты умывались и купались в ручье.

Моряки все эти дни трудились на разных объектах. Мичман Батраков с пятью матросами дополняли артель землекопов, которая рыла котлован под сардобу [1]: в ней предполагалось хранить запасную воду, на случай, если текинцы в горах отведут воду ручья в сторону. Мичман днем был всегда занят. С Надей виделся лишь по вечерам. Обычно они уходили вверх по ручью или, когда графини не было в палатке, уединялись в ней. К морякам Надя зашла лишь однажды: в день ухода отряда на рекогносцировку. Зашла, чтобы собрать мичману рюкзак.

В девять вечера, после молебна, скобелевский отряд отправился в Геок-Тепе, запылил между горами и Каракумской пустыней.

Шли всю ночь, без остановок. Сверху светила луна, обливая горы мертвенным серым цветом. Тишину ночи нарушал лишь скрип фургонов да цокот конских копыт. Сухо похрустывали камни под стальными обручами пушечных колес. На рассвете устроили привал. Отдыхали до полудня. Вечером вошли в Арчман, расположились возле серного источника. После короткого отдыха — снова в путь.

На подходе к Дуруну увидели отряд текинцев. Всадники, словно поднятые вихрем, вынеслись из пустыни, промчались мимо, стреляя на скаку из винтовок. Казаки ответили беспорядочной стрельбой. Текинцы, увидев численное превосходство царского отряда, ускакали прочь.

Точно такая же перестрелка произошла в Ак-Кала. По сути не оказывая сопротивления, воины Тыкмы-сердара втянули скобелевский отряд в свои боевые порядки, заняв позиции с юга — на холмах, с севера — в песках, и остановили его в двенадцати верстах от Геок-Тепе, в крепостце Егянбатыр-Кала.

---

[1] Сардоба — купольное хранилище воды.

Скобелев и сам не заметил, как увлекся погоней и зашел так глубоко в тыл. Только тут он спохватился: боевые силы у него не столь уж велики, а довольствия взято в поход всего на шесть суток.

Расположившись с офицерами штаба в крепостце, Скобелев приказал отряду оградить ее всеми имеющимися средствами. Пехотинцы, артиллеристы, морская команда, казаки — все как один принялись укреплять крепость. Дороги, ведущие к ней от Геок-Тепе, были обезображены ямами и завалены срубленными деревьями. Входы в Егянбатыр-Кала были забаррикадированы.

В крепостной хижине горел фонарь. Офицеры входили и выходили, получая распоряжения командующего. Гродеков не покидал генерала, впервые видя его столь потрясенным. Скобелев вышагивал по кошмам и сокрушенно вздыхал.

— Вот она, отгадка, на все их притворные хитрости! — выпалил вдруг со злобой.— Все эти прошения о подданстве, подарки и льстивые речи — не что иное, как усыпление моей бдительности! Они усыпили ее, черт побери! Скажу вам, Николай Иванович, как на духу: если выберемся отсюда, закажу молебен во спасение души.

— Тысяч десять их, не меньше,— сказал с тяжким вздохом Гродеков.— Судя по всему, они давно готовились встретить нас.

— И все-таки надо вплотную подойти к Геок-Тепе и сделать кроки, иначе весь наш поход гроша ломаного не стоит,— высказался Скобелев. Помолчав, добавил: — Вот что, полковник... Возьмите-ка лист бумаги.

Гродеков достал из полевой сумки толстую тетрадь и карандаш.

— Я слушаю, Михаил Дмитриевич.

— Пишите: «...Полковнику Вержбицкому и всем офицерам отряда. В случае моей смерти на предстоящей рекогносцировке 6 июля я поручаю командование отрядом полковнику Гродекову».

— Да вы что, господин генерал?! — испугался начальник штаба.— Бог с вами... Не заболели, случаем?

— Перестаньте, полковник, я знаю, что делаю. Пишите дальше: «Он вполне способен вывести целым отряд, и ему известны все мои соображения. Я сознательно поставил отряд, по-видимому, в весьма трудное положение, но я убежден, что при молодецком ведении дела он вернется с честью. Общее впечатление всего этого смелого движения оправдывает риск» [1].

---

[1] Строки из документа.

V

Конница Тыкмы-сердара начала окружать Егянбатыр-Кала в четыре часа утра. Всадники теке подходили с гор и со стороны песков. Ракетная сотня и морская команда тотчас открыли по ним огонь. Взрывы ракет и бомб рассеяли плотные строи конницы, но не повернули ее вспять. Джигиты спешились, спрятали коней за холмом и перебежками, ложась и стреляя из винчестеров, стали приближаться к Егянбатыр-Кала. Их маневр сбил с толку артиллеристов. Стрелять из ракетниц и картечниц по рассеявшемуся неприятелю — не дело. Пальба из орудий прекратилась. Скобелев, наблюдавший за ходом сражения в бинокль с глинобитной стены, возмутился:

— Что произошло? Почему полковник Вербжицкий прекратил огонь? Эрдели, отправляйся к артиллеристам и передай мой приказ — ни на секунду не ослаблять огня!

Адъютант командующего сбежал по лестнице вниз, вскочил в седло и помчался к ручью, на берегу которого заняли позицию артиллеристы. Скобелев и Гродеков внимательно наблюдали за ним. Вот он выехал на правый фланг и, остановив коня, замахал руками. Видимо, со свойственной ему горячностью передавал приказ командующего. Вот он пришпорил скакуна и направился к центру позиции. Было видно, что Эрдели вступил в перебранку с полковником Вержбицким и моряками.

— Засужу негодяев! — со злобой процедил Скобелев.— Промедление смерти подобно!

Скобелев сжал пальцы в кулак, видимо, хотел пригрозить полковнику, но лишь отчаянно махнул рукой и спустился вниз.

— Коня мне! — крикнул властно.

Минуту спустя он уже мчался вдоль ручья, выкрикивая:

— Почему замолчала артиллерия?! Пушки почему молчат?! Приказываю немедля открыть огонь!

Скобелев приблизился к первой батарее, где находился Вержбицкий, и тут произошел огромной силы взрыв. Конь генерала взвился на дыбы, ошалело заржал, а Скобелев вылетел из седла. Несколько артиллеристов бросились к нему, но он растолкал их и сам поднялся на ноги.

— Коня! — прокричал он гневно.— Коня держите!

Шейново, с израненной грудью, облитый кровью, выскочил за батарею и помчался по ручью в сторону Каракумов. Эрдели и три конных казака с ним пустились за генеральским скакуном. Полковник Вержбицкий, с побелевшим лицом, суетился вокруг командующего, пытаясь найти оправдание. Он скороговоркой пояснял, что стрелять из орудий по одиночному противнику — безрассудно. Скобелев лишь с укоризной покачал головой:

— Ну и глупцы же вы, шляхтичи. Сколько вас ни учит история, а все равно ума нет. Запомните, Вержбицкий, придуманное не мной изречение. Автор сей фразы Дизраэли: «Противника

надо бить по загривку и воображению!» Хотел бы я знать, чем, если не пушками, вы могли бы отогнать туземцев?!

Вновь гремели орудия, шипели в воздухе ракеты и свистела картечь.

Команда моряков, стреляя из картечниц, наблюдала за Скобелевым. Вот он сел на другого скакуна и поехал на левый фланг позиции, где адъютант и казаки толпились возле Шейново.

— Интересно, кого это угораздило пульнуть горящую ракету под ящик со снарядами? — спросил Батраков.

— Кто-то из ракетчиков,— отозвался заряжающий.

Моряки вновь занялись стрельбой. Текинцы, видя бесполезность своих атак, постепенно начали отходить за холмы. Конница их подалась на север, в Каракумы. Тотчас батарея подняла пушки на холм. Отсюда артиллеристы открыли стрельбу по аулу Геок-Тепе. Пехота двинулась вслед за отходящими конниками теке, совершенно не подозревая, что Тыкма-сердар устроил еще один маневр: заманить царские войска поближе к своим основным силам, стоящим близ крепости, и уничтожить.

Командующий, однако, видя тактические странности туркмен, тотчас разгадал замысел Тыкмы-сердара.

— Передайте мой приказ: войскам отойти в Егянбатыр-Кала! — распорядился он и опять занервничал.

Отряд, увлекшись преследованием, не мог остановиться и все глубже и глубже заходил в ловушку. Горячка с солдат слетела, когда со стороны Геок-Тепе началось массовое наступление текинцев, а из Каракумов, словно подхваченная ветром, вынеслась их конница и ударила во фланг. Скобелевский отряд в полном беспорядке начал отходить. Стесненный со всех сторон текинцами, он был загнан в крепость и к двум часам ночи окружен. Крепость затаилась. Ни выстрела, ни звука...

Странное поведение царских солдат повергло Тыкму-сердара в раздумье. «Почему не стреляют русские? Почему молчат? Неужели они легли спать в то время, как мы окружили их со всех сторон?» Необычная тишина и спокойствие поразили не только Тыкму, но и всех его джигитов. До четырех утра сердар совещался со своими юзбаши — напасть или подождать до утра?

Скобелев не спал. Не спали его офицеры и солдаты. Заняв оборону, ждали штурма. И думали: «Вероятно, это будет последний бой». И то, что текинцы не наступают, чего-то ждут, сбивало с толку всех. Время близилось к рассвету. На рассвете у солдат бывает побудка — звенит труба... Подумав о трубе, Скобелев вдруг вспомнил о том, как в Яглы-Олуме громом оркестрового марша обратил туркменских дехкан в бегство. Не применить ли оркестр и теперь? Может, испугаются: разбегутся и эти? Скобелев позвал к себе капельмейстера:

— Ну-ка, трубадур, собирай в кучу музыкантов. Играйте гимн! — Тут же он повернулся к Гродекову: — Полковник, как только грянет музыка, сразу начинайте выводить отряд в степь и немедля стройте в каре.

Заиграл духовой оркестр. На рассвете музыка раскатилась всесокрушающим громом. Тыкма сразу догадался, что это такое. Но только он. Другие никогда не слышали русской духовой музыки, растерялись. Начали пятиться, затем побежали.

Сердар вскочил в седло, закричал, останавливая убегающих джигитов. Он остановил их, но проиграл время. Отряд Скобелева построился в каре и спешно стал отходить.

Видя, что русские отступают, Тыкма дал команду напасть и разгромить их «живую крепость». Всадники кинулись в погоню, но как только подскакали ближе, были встречены залпами из винтовок. Трое или четверо текинцев успели зарубить пехотного офицера, но и сами погибли. Когда волна конной атаки отхлынула, задняя стенка каре разомкнулась, образовав «ворота», и артиллерия принялась стрелять по отходящим джигитам.

VI

Скобелев вернулся с рекогносцировки с сотней лабинцев: остальные, потрепанные в стычках и утомленные жарой, еще продвигались по предгорью в сторону Бами.

Командующий был ошарашен и удручен. Только находчивость помогла ему вывести отряд из столь затруднительного положения. Текинцы встретили его четко организованными действиями, а Тыкма проявил завидные способности военачальника.

Была полночь. Ступив наконец-то на мягкие ковры в кибитке, Скобелев разделся и лег. Голова у него гудела от перегрева и беспрестанных волнений. Мысли путались. Назойливо стучало в мозгу: «Войска, войска, нужны войска, чтобы взять эту крепость!» С отчаяньем он вспоминал, как выбило его из седла и как солдаты ловили израненного Шейново. Конь с разодранной грудью, весь окровавленный, стоял перед глазами генерала, и было жаль его до слез.

Генерал уснул тяжелым сном и проснулся чуть свет с опухшим лицом и затекшими глазами. Проснулся оттого, что помнил — на рассвете вернутся Гродеков и Вержбицкий с остальной частью отряда.

Одевшись, он вышел из кибитки и загремел рукомойником. Он умывался и смотрел на восток, в предгорья: оттуда должен появиться отряд. Но пока было тихо, ни голосов, ни ржанья коней, никаких признаков, что скобелевцы на подходе.

Звон рукомойника разбудил коменданта укрепления, войскового старшину Верещагина. Он тоже вышел из кибитки, издали приветствовал Скобелева и вскоре явился к нему в полной форме.

— Что нового в Бами, старшина? — сухо спросил командующий.

— Ночью, как прибыли, я докладывал вам об англичанах. Может, забыли?

— Помню, почему же забыл,— повысил голос Скобелев.— Значит, говоришь, их агент Аббас-хан побывал здесь? А что же сам О'Донован — боится теперь меня? Что же он ходатая прислал?

— Да этого О'Донована наши дозорные у гор задержали и прогнали назад, в Хорасан,— довольно отвечал Верещагин.— А агент его пробрался. Думаю, господин генерал, он заехал сюда единственно затем, чтобы осмотреть, как расположен наш баминский гарнизон. Ко мне его привели с завязанными глазами.

Скобелев засмеялся и тут же сделался строже:

— Будь начеку, старшина, и гони прочь всяких лазутчиков. Секрет сбережешь — успех обеспечишь. Есть ли какая почта из Тифлиса?

— От военного министра, с грифом «совершенно секретно», господин генерал-адъютант.

— Что же молчишь до сих пор? — посуровел Скобелев.

— Да ведь вечером только получили... К тому же, шифровальщик говорит — очень уж важная депеша. Стал его расспрашивать, а он словно воды в рот набрал. Ясное дело — служба у него такая. Ни чужому, ни своему доверять нельзя.

— Пойдем в штаб,— сказал командующий и зашагал, опережая Верещагина.

У штаба стояли часовые и дежурил, сидя на скамье, офицер при сабле и пистолете. Увидев командующего, он мгновенно встал и доложил о полном порядке. Скобелев, приняв рапорт, спросил:

— Где министерская депеша?

Офицер вошел в шатер, пропуская вперед командующего.

В штабе горела керосиновая лампа. В глубине у знамени по стойке «смирно» стоял часовой.

— Вот, господин генерал-адъютант,— подал дежурный сложенную вдвое телеграмму.

Скобелев вскрыл ее, прочитал первые строчки, побледнел и выронил телеграмму из рук. Трясущимися руками он поднял ее с пола, но поднести к глазам не смог — у него явно не хватало мужества.

— Что с вами, господин генерал-адъютант? — испугался дежурный офицер.

— Господин генерал, вам плохо?! — кинулся к нему и Верещагин.

Скобелев, бледный, с остекленевшим взглядом, прошел мимо них и скрылся в своей кибитке. Офицеры бросились следом, хотели войти в кибитку, но, услышав из нее мучительные стоны и плач генерала, остановились у входа.

— Пошли прочь! — закричал командующий.— Сволочи продажные! Не я ли этого змея отличал и приближал к себе! О мать моя... Да что же творится на белом свете?! Где честь?! Справедливость где!

Он плакал навзрыд, зарывшись головой в подушку, и никто не смел войти к нему.

Спустя час с сотней казаков въехал в Бами начальник штаба Гродеков. Комендант тотчас доложил ему о состоянии командующего. Гродеков сказал:

— Из-за коня убивается, другой причины нет. Шейново всего изрешетило осколками.

— Телеграмма из Петербурга,— напомнил Верещагин.— Разве о коне там знают?

— Ах, да, из Петербурга же! — спохватился Гродеков и, осторожно ступая, зашел к Скобелеву.— Михаил Дмитриевич, что с вами?

Скобелев мгновенно приподнялся с подушки и сел. Он был все еще бледен, но постепенно обретал вид нормального человека. Глаза его горели то невыразимой жалостью, то жаждой мести.

— Молчи, Николай Иваныч,— проговорил он.— Молчи, не надо никому говорить.— И подал телеграмму.

Гродеков прочитал: «Мужайся, Михаил Дмитриевич, да пошлет тебе господь нужных сил перебороть горе: мать твоя Ольга Николаевна убита вблизи Филиппополя... Некие черногорцы, под предводительством твоего бывшего офицера Узатиса, коего ты в свое время жаловал орденом Св. Георгия, остановили карету Ольги Николаевны и потребовали от нее полмиллиона на оружие для македонских повстанцев. Ольга Николаевна отказала и тотчас была застрелена. Многие злодеи схвачены, но Узатису удалось застрелиться...» Дальше выражали свое соболезнование: Милютин, Гирс, Лорис-Меликов и члены царской семьи.

Начальник штаба положил депешу на ковер, замолчал надолго. Что скажешь? Чем утешить? Нечем. Скобелев заговорил первым. Заговорил зло и мстительно:

— Вот она, верность! Узатиса я любил, как своего младшего брата. А выходит, собственного палача при себе холил! Что же ждать от других, которые прямо настроены против меня?

Гродеков тяжко вздохнул и не отозвался. Скобелев спросил строго:

— Что ж молчишь, Николай Иваныч?

— Думаю, траур надо объявить в отряде.

— Нет,— твердо выговорил Скобелев.— Не надо тревожить солдат, и так потрепало их в походе. Неси, да так, чтоб в глаза не бросилось, коньяку... Помянем мать мою, Ольгу Николаевну.

— Михаил Дмитриевич, может, вам съездить к болгарам, в Филиппополь? Или в Петербург? Покойницу, наверное, похо-

ронят в столице. Вам необходимо проводить ее в последний путь. Кстати, и здесь теперь спокойно. Тыкма, пожалуй, не отважится в ближайшее время потревожить нас.

— Замолчи, полковник, не терзай мне душу,— жестко выговорил Скобелев.— Неси коньяк. Сердце у меня разрывается. Выпью, легче будет, я знаю себя. Заодно о делах поговорим. Надо ехать в Чекишляр и запросить оттуда князя Михаила, чтобы дал еще солдат. Милютину телеграфирую. Пусть пришлет в Бами отряд туркестанских стрелков из Турткуля. Иди...

VII

С Бендесенского перевала спустился в Бами целый колесный поезд. В телегах, арбах, фургонах громоздились мешки и ящики с товарами и продовольствием. Прибыли приказчики, каменщики, плотники, белошвейки, прачки. Впереди отряда ехали капитан Студитский и акционер Эльфсберг.

Графиня, пригласив с собой Шаховского, выехала встретить доктора на его скакуне. Графиню и князя сопровождали несколько кавалеристов.

— Серж, представляешь, как он удивится и возрадуется, когда узнает, что это его конь!

— Мне кажется, Студитский не порадуется подарку,— возразил Шаховской.

— Глупости, Серж! Такой умный коняга и красивый — прямо на загляденье. Почему же не обрадуется? Я думаю, доктор будет очень доволен.

Шаховской не отозвался. За несколько лет знакомства с графиней он хорошо изучил ее характер. Насколько она была мила, настолько и властна. Оттого, что Милютина порой проявляла к нему нежность, он влюбился в нее. Властность же ее сначала угнетала князя и приносила мучения, но постепенно он научился терпеть. Он попросту или умолкал, или уходил, едва графиня начинала раздражаться. Милютина была старше его на шесть лет, но это не смущало и не тяготило молодого князя. Он знал, что когда-то за ней ухаживали адъютанты ее отца, военного министра, с которыми она частенько появлялась в Мариинском театре. Но ни один из блистательных офицеров не добился ее благосклонности, и это радовало князя. Шаховской, один из немногих, знал об истинных отношениях Лизоньки Милютиной с государем. Ходили слухи: графиня, мол, оттого и не выходит замуж, что — фаворитка царя. Но это были злые слухи. На самом деле Елизавета Дмитриевна, будучи фрейлиной, два года назад пристыдила назойливого царя за его домогательства и пожаловалась императрице. Скандал был, правда, невелик: царица смотрела на любовные похождения его величества сквозь пальцы, но фрейлине Милютиной пришлось покинуть дворец и уехать в Кострому. Она пробыла в глуши несколько месяцев и вернулась вновь благодаря настоя-

тельным просьбам императрицы. Тотчас по приезде Милютиной государыня сделала ее своей любимицей и назначила попечительницей Красного Креста. Но как только умерла царица, государь вновь вспомнил о фрейлине Милютиной и отправил ее в далекий и трудный поход, со Скобелевым. О царской немилости графиня конечно же всегда помнила, но не показывала виду...

— Серж, ну что же ты замолк?! — напомнила о себе графиня, видя, что ее кавалер не собирается вести разговор дальше.

— Бесполезная трата времени. Все равно ты будешь настаивать на своем,— отозвался Шаховской и пришпорил коня: начинался подъем на перевал.

— Нет, ты все-таки скажи, почему тебе не нравится этот конь? — потребовала она, догнав его.

— Лизонька, милая, конь мне нравится. Я говорю о том, что этот конь не понравится доктору.

— Но почему, почему?

— Лиза, но разве ты не слышишь и не видишь ничего вокруг себя! В лагере только и разговоров о странной дружбе доктора Студитского с текинским ханом. Какой-то хан из Геок-Тепе прислал доктору лучшего скакуна, но ведь мы во вражде с текинцами!

— Голубчик, но во вражде с ними только Скобелев да его офицеры. Доктор и не собирается враждовать с ними. Он, как ты знаешь, только и говорит о мире и дружбе с туркменами.

— Не забывай, Лизонька, что все текинские ханы состоят в связях с англичанами,— предупредил Шаховской.

— Но почему же все? — возмутилась графиня.— Если б этот текинский хан состоял в дружбе с англичанами, он не стал бы дарить коня нашему доктору.

— Значит, доктор — заодно с текинскими ханами и, может быть, с англичанами.

— Серж, ты невыносим! — графиня остановила коня.

— Полноте, Лизонька, ну зачем ты сердишься?

— Серж, я прошу тебя, оставь меня одну!

— Лизонька, но умоляю тебя!

— Нет, я прошу: оставь меня одну!

— Ну хорошо, если тебе так угодно.

Князь развернул коня и поехал в Бами.

Настроение у графини испортилось. Отправляясь встретить обоз, она хотела позабавиться, пошутить над доктором, прежде чем вручить ему столь дорогой подарок, но теперь игривости в ней как не бывало. Подождав у обочины, пока приблизится колесный поезд, она выехала навстречу, затем слезла со скакуна и подождала, пока подъедет Студитский.

— Добрый день, ваше сиятельство! — приветствовал он графиню и слез с лошади.— Что-нибудь случилось?

— Нет, нет, что вы... Здравствуйте, капитан. Я приехала на

вашем коне. Вам его прислал в подарок текинский хан Ораз-мамед. Странно, но кое-кому это не нравится.

Студитский немало удивился подарку, но не меньше и обрадовался.

Вечером он появился в офицерской столовой. Поздоровался со знакомыми, сел за стол. Тотчас к нему подсел офицер особых поручений.

— Господин капитан, вам известно, что на беглых солдат из Геок-Тепе заведено следственное дело?

— Пока что, господин майор, не могу понять, о чем идет речь,— ответил с достоинством Студитский.

— Я введу вас в курс событий. Командующий генерал-адъютант Скобелев вчера, уезжая в Чекишляр, распорядился взять с вас объяснительную записку по поводу вашей дружбы с текинским ханом. Будьте любезны, объясните во всех подробностях, как могло произойти, что текинцы генеральского коня ранили, а вам они своего лучшего скакуна подарили?

— Хорошо, я принесу вам объяснительную.

VIII

Тыкма-сердар ехал с сотней джигитов по такыру и смотрел на хребты Копетдага. Солнце только-только скрылось за горами, вечерний теплый мрак расстилался над отрогами и пустыней. Тыкма смотрел и не мог понять, каким образом скобелевские солдаты узнают о его приближении. Несколько раз Тыкма пытался выехать на Бендесен, и всегда его встречали выстрелами казаки. Казаков было вдвое, втрое больше, они начинали преследование, и Тыкма со своей сотней уходил в пески.

Вот и сейчас, продвигаясь по такыру на порядочном расстоянии от гор, он думал: «Надо подняться сегодня в Ходжа-Кала, но опять налетят русские!» Об этом же думали и его джигиты.

К Тыкме-сердару подъехал Софи, сказал с опаской:

— Конечно, сердар, ты опять скажешь: «У страха глаза велики», но приглядись вон к тем огонькам, на горе. Это они нас видят и сообщают своим миганием о нас на опорные пункты русским.

— Сказки Шахерезады послушаем потом,— хмуро отвечал Тыкма.— Никаких мигающих глаз у Скобелева нет. Мы целый год были с тобой у Ломакина, разве ты видел что-нибудь подобное?

— Сердар, но я сколько тебе твержу: сам видел, как скобелевцы везли большие стекла. Эти стекла сейчас мигают и передают всем о нашей сотне. Давай уйдем в пески, выждем сутки-другие, а потом ночью в темноте поднимемся в горы?

— Ты все-таки заяц, Софи,— засмеялся Тыкма.— Давай-ка

бери с собой половину людей и постарайся незаметно выехать на Бендесен.

— Ладно, сердар, попробую еще раз.

Отряд джигитов с Софи мгновенно изменил направление и устремился к горам. Тыкма стал следить за мигающими огнями на горах. Вот они вспыхнули во всех концах и заморгали так часто, словно боялись, как бы текинцы не прорвались к перевалу. Софи, следуя приказу сердара, ехал к горам, не обращая внимания на сигналы гелиографов. Спустя час началась перестрелка. Софи вновь отступил к такыру, откуда отправил его сердар, но не нашел на нем ни Тыкмы, ни оставшихся с ним джигитов.

— Ва алла, где же он? — возмутился Софи.— Неужели ускакал, боясь русских?

Тыкма в это время поднимался в горы на перевал. «Давно надо было отвлечь их всевидящие глаза,— удовлетворенно думал он.— Пусть они гоняются за Софи, а я займусь верблюжьим лазаретом в Ходжа-Кала». Намерение свое он пытался осуществить с того дня, как приехал в Геок-Тепе английский агент Аббас и сообщил, что в Ходжа-Кала русские согнали больше тысячи верблюдов и на них повезут боеприпасы и оружие в Бами. Там же, в старой крепости, скобелевцы лечили больных лошадей и верблюдов. И серый скакун арабской породы, на котором ездил Скобелев, тоже был там. Захватить его было заветной мечтой Тыкмы-сердара. Тогда бы Скобелев осрамился на весь мир, а имя Тыкмы почиталось бы всюду.

Беспрепятственно в эту ночь сердар с джигитами приблизился к крепости. Перед самым рассветом послал сына Акберды и с ним трех джигитов — выведать, где скобелевский конь.

Подкравшись к самым воротам крепости, джигиты залегли и стали ждать удобного случая, чтобы пробраться в конюшню. Час прошел, другой, стало рассветать. Всюду стояли с винтовками часовые, а вокруг разъезжали конные посты, стреляя вверх из ракетниц.

— Видно, бесполезно охотимся,— сказал Акберды.— Идти на верную смерть нет никакого смысла.

Вернулся он ни с чем. Тыкма рассердился:

— О, аллах, неужели нельзя ничего сделать? Тогда сожгите конюшню!

— Отец, не горячись,— попросил Акберды.— Давай рассудим. Скобелевский скакун в руках лекаря с того дня, как акпаша побывал у нас, верно? Две недели, даже больше, с того дня минуло. Не сегодня, так завтра скобелевские конюхи поведут живого и здорового в Бами.

— А если конь уже подох? — усомнился Тыкма.

— Давай подождем, отец.

— Ладно, ты благоразумен, Акберды.

Джигиты прождали три дня, и вот ранним утром несколько конюхов и два десятка казаков вывели лошадей из конюшни.

Около тридцати кляч прикрывали генеральского скакуна, вышагивающего в середине табуна. Тыкма-сердар и его джигиты, укрывшись за пригорком, наблюдали за этой картиной и посмеивались.

— Отец, они хитры как лисы,— сказал Акберды.— Но раз прячут коня, значит, боятся нас. А если боятся, значит, мы не должны их бояться!

— Хватит петь, пора действовать,— сказал Тыкма, прицеливаясь в едущего впереди всех офицера.

Остальные джигиты тоже залегли с винчестерами.

— Только бы серого не задеть,— сказал Акберды.

Тыкма посмотрел на него строгим взглядом, сказал «аллах всемилостив» и выстрелил. Тотчас воздух наполнился гулом от винтовочного боя. Четырнадцать казаков и все конюхи были убиты наповал. Несколько казаков успели развернуть коней и умчаться прочь. Серый скакун Шейново метнулся в гору, но тут же его догнал Акберды и повел к сердару.

Тыкма с благоговением огладил круп коня, осмотрел его грудь, увидел на ней зажившие рубцы и сказал:

— Многих ты возил... Осман-пашу, ак-пашу... Теперь будешь моим. Поехали, джигиты! — скомандовал Тыкма-сердар и, вскочив в седло, повел Шейново в поводу...

В Геок-Тепе Тыкма въехал на скобелевском скакуне. В дороге накинул на него седло, надел уздечку и покрыл красной бархатной попоной. Подъезжая к крепости, пустил вперед глашатаев. Несколько человек, кружась волчком и поднимая пыль, кричали во всю силу легких: «Люди Ахала! Слушайте, люди Ахала! Несравненный Тыкма-сердар, в храбрости которому нет равных, захватил у ак-паши Скобелева его легендарного коня! Горе генералу! У русских не хватит слез, чтобы восполнить такую потерю! Пусть здравствует наш Тыкма-сердар!»

Въехав в северные ворота крепости, Тыкма с гордым, независимым видом прошествовал на сером генеральском скакуне мимо белой кибитки Махтумкули-хана, мимо кибиток Омара и поднялся на холм Денгли-Тепе. Выхватив саблю, Тыкма вздыбил скакуна и вновь осадил его.

Толпы геоктепинцев, стоявшие внизу у кургана, встретили своего сердара восторженными криками.

IX

Скобелев вернулся в Бами примерно через месяц. Ехал по ущелью, через Ходжа-Кала, где теперь находился верблюжий лазарет и где ветеринары лечили его скакуна. О нападении текинцев и захвате коня узнал в пути. Со злости и досады Скобелев велел арестовать главного ветеринарного врача, а казаков, оставшихся в живых после стычки с Тыкмой-сердаром, отправил в арестантскую роту.

В Бами генерал въехал молчаливо. Голову держал гордо, дескать, дьявол с ним, с конем. Но деланного безразличия хватило в нем ненадолго. Выслушав от князя Эристова подробности нападения текинцев, сказал:

— Господин полковник, не кажется ли вам, что в пропаже моего жеребца и в приобретении доктором Студитским коня у текинцев есть определенная связь?

— Ну что вы, господин генерал! — возразил Эристов.— Излишняя подозрительность. Доктор весьма аргументированно изложил свою полную непричастность к каким-либо пакостям.

— Будьте любезны, полковник, пришлите ко мне через часок Студитского,— распорядился Скобелев.

Помывшись после дороги и пообедав, командующий снял сапоги и мундир, облачился в турецкий халат и в таком домашнем виде принял доктора. Студитский вошел в генеральскую кибитку в сопровождении Эристова.

— Снимайте, господа, сапоги и садитесь на ковер,— предложил генерал. И, когда оба офицера выполнили его просьбу, сказал по-свойски: — Капитан, давайте поговорим откровенно?

— Я всегда готов, господин генерал-адъютант,— сдержанно отозвался Студитский, предвидя, что разговор вновь, как и прежде, будет нелегким.

— Я хорошо знаком с тем, как вы исцелили текинского хана: мне рассказывал Худайберды, да и от других слышал,— заговорил Скобелев.— Я допускаю мысль, что текинский хан в благодарность за спасенную жизнь подарил вам скакуна. Как говорится, добром ответил на добро. Но, господин капитан, как вам известно, через месяц-другой мы начнем осаду крепости, и тогда, может статься, исцеленный вами текинский хан занесет над моей головой саблю... А может быть, и над вашей. Вы способны защитить меня от своего друга-текинца, если такое случится? Вы поднимете на него руку?

— Господин генерал-адъютант, это исключено.

— Ну что ж, спасибо за честный ответ,— проговорил, насупившись, Скобелев и посмотрел на Эристова.— Вот так, полковник... Доктор наш, по крайней мере, не кривит душой. А Узатис клялся мне в верности, сапоги мне целовал... А потом ограбил и застрелил самого дорогого для меня человека на свете, родную мать.— Скобелев выпрямился, взглянул гневно на Студитского и выговорил с обидой: — Спасибо за честность, но если бы вы не защитили меня от текинского хана, Россия бы вам никогда не простила этого отступничества!

— Господин генерал-адъютант, вероятно, вы не поняли меня,— пояснил Студитский.— Я не могу защитить вас, ибо ни под каким предлогом не собираюсь ехать под Геок-Тепе. У меня и моей миссии совершенно иные, далеко не батальные задачи.

— Ах, вот оно что! — оживился командующий.— И что же вы намереваетесь делать? Сидеть в Бами и смотреть на гибель других?

— Мой долг спасать людей от гибели,— спокойно отозвался Студитский.— Ее сиятельство графиня Милютина поручает мне на время военных действий заведовать здешним госпиталем. Князь Шаховской уже подписал приказ.

— Недурно,— помолчав, отметил генерал.— А если я отменю приказ Шаховского?

— Тогда вы лишите меня возможности оперировать раненых. Я займусь делами миссии.

Эристов, доселе молчавший, вздохнул и посмотрел с укоризной на командующего.

— Господин генерал, смиритесь с потерей своего жеребца, ей-богу! Хирургов в вверенном вам отряде почти нет, раз, два и обчелся, а вы и Студитского хотите прогнать. Ей-богу, у нас в Грузии говорят: когда горит сердце, то молчит рассудок.

— Ладно, князь, сам не горячись,— попросил Скобелев.— С капитаном у нас разговор еще продолжится, когда я, после осады крепости, установлю крепкий и долголетний мир. Я заставлю текинцев склониться перед Скобелевым. Можете быть свободны, доктор. Принимайте госпиталь, а я начну готовиться к походу...

X

Осень пришла в Ахал-Теке черными бурями. Песок каракумской пустыни, поднятый в небо, заслонял солнце начисто. Выпадали дни, когда в Бами и окрестностях было совсем темно, словно ночью. Песок струями сыпался с неба и сухо потрескивал на половицах и столах. Черные слои пыли постепенно отступали на восток, но долго еще небо отсвечивало желтизной. И едва оно очистилось — наступило похолодание. С переменой погоды произошли перемены обстоятельств. Вскоре после черных бурь в Бами подошли верблюжьи караваны — почти шесть тысяч животных. Это значило: армия Скобелева теперь в состоянии поднять в путь все довольствие.

Начальник тыла генерал Петрусевич и Худайберды, как и намеревались, побывали не только у Сарыкамыша, но и на Мангышлаке. В караванах пришли сплошь косматые бактрианы [1], а караванщики — киргизы. Скобелев, довольный слаженным делом, шумно обнимал и хлопал по плечам начальника тыла, пожимал руку кизыл-арватскому хану. В конце концов, проводил их обоих в новую баню, а когда они вернулись, раскупорил бутылку французского коньяка и выпил с Петрусевичем за успех. Попробовал командующий взбодрить рюмкой и Худайберды, но тот воспротивился, замахал руками и, смеясь, выскочил наружу.

---

[1] Бактриан — двугорбый верблюд.

— Ладно, пусть пьет чай,— сказал Скобелев и принялся расспрашивать в подробностях о путешествии: — Значит, говоришь, киргизы хорошо расположены к нам?

— Да не жалуюсь, Михаил Дмитриевич. Не только верблюдов, но еще и целую тысячу лошадок для декововильской дороги продали.

Услышав о лошадях, Скобелев помрачнел, пожаловался с обидой:

— А мои казаки скакуна моего проглядели. Теперь на нем Тыкма-сердар катается, хвастается всюду: у самого «белого генерала» коня украл!

— Я слышал об этом на Эмбе,— сказал Петрусевич.— Не поверил. Думал, врут киргизы.

— На Эмбе даже знают?! — испуганно спросил командующий и сел.— Если до Эмбы слухи дошли, то небось и в Петербурге известно. Сучий сын Тыкма. Да я его на паршивой кобыле после взятия крепости возить буду и всей Европе показывать!

— Непонятно, на что надеются текинские ханы,— сказал Петрусевич.— Неужто им не ведомо, что сил у нас во сто крат больше?

— Известно... Все им известно,— недовольно сказал Скобелев.— Дело в том, что не свои силы они сравнивают с нашими, а английские да турецкие. Все думают: британский премьер и турецкий султан вступят в сговор против России, не дадут в обиду текинцев. Проанглийская группировка в Геок-Тепе сильна. И главный хан, и духовенство ждут англичан. С месяц назад, по сведениям нохурцев, в Геок-Тепе побывал английский агент, перс по происхождению, некто Аббас. Письмо от английского командования привез, чтобы держались во что бы то ни стало, не поддавались России. Дескать, Англия предпримет все меры, чтобы убрать царские войска из Ахала.

— Ужели все еще реальна угроза англичан?

— В настоящий момент они совершенно для нас не опасны,— уверенно сказал Скобелев.— Гродекова я отправил в Хорасан — создавать продовольственные склады. Англичане ушли оттуда. Но кто может поручиться за завтрашний день? Я не допускаю и мысли, чтобы Англия отказалась от Мерва и Ахала. А посему считаю, необходимо как можно полнее использовать обстановку в свою пользу. Теперь, когда все у нас в ажуре, сидеть сложа руки не годится.

Скобелев принялся инструктировать Петрусевича: какие припасы грузить на верблюдов в первую очередь, когда и каким путем следовать в Ахал. Начальник тыла стал уточнять детали, затем заспорил, и так просидели они за столом до полуночи...

Через несколько дней вернулся с Атрекской военной линии Караш. Доложил: все грузы с промежуточных опорных пунктов переведены в Бами. Отряды туркменской милиции, собранные из иомудов, гоклен и кизыл-арватцев, держат в поле зрения все дороги в Ахал. Создан небольшой отряд милиционеров в Нохуре.

Лишь святой ишан Кошлу-кази со своими людьми прячется на Гургене, но у Караша с ним будет разговор особый.

И от Гродекова, из Хорасана, гонец явился с письмом. Начальник штаба сообщал, что в Мешхеде он закупил сто тысяч пудов муки и фуража, все это расположил в селении Янги-Кала, в семидесяти верстах от Геок-Тепе. Просил для транспортировки продовольствия охрану казаков. В письме же приписывал: курдский ильхани Шуджа-од-Доуле приведет свои отряды и по первому слову «белого генерала» бросит их на текинцев...

Скобелев заспешил. Каждый новый день пожирал сотни пудов муки и фуража, а продовольствия было завезено на три месяца. Он не стал дожидаться отряда туркестанских стрелков полковника Куропаткина. Поручив командование войсками, сосредоточенными в Бами, коменданту, Скобелев выступил с колонной князя Эристова. Шеститысячный отряд, составленный из всех родов войск, запылил вдоль подножия Копетдага, вытаптывая поля и мелеки [1] дехкан. На пути лежали брошенные глиняные крепостцы, развалины мазанок, поломанные мельницы на речушках. Не было вокруг ни души, словно все вымерло.

XI

Текинские всадники дали о себе знать, когда передовые части царского войска приблизились к ручью Секиз-яб. Завязалась перестрелка. Джигиты Тыкмы-сердара, опять подразнивая казаков, зазывали их поближе к своей крепости. И когда казаки и артиллеристы выдвинулись вперед, то увидели: стены крепости Денгли-Тепе черны от людей, стоявших на них. Скобелев отдал приказ: открыть навесной огонь из мортир. Несколько сотен казаков, выдвинувшись вперед артиллерии, защищали пушки от возможного нападения конников теке. Опасения были не напрасны. Уже на втором часу завязавшегося боя джигиты стали заходить с флангов, создавая угрозу отсечь батареи от основных сил. Скобелев находился в нескольких верстах от поля боя, при гелиографе, корректировал наступление. Но вот ему с горы просигналили: «Текинцы обходят с флангов», и командующий распорядился отвести войска в Самурское укрепление — так он назвал одну из близлежащих крепостей.

Ночью Скобелев закрылся в глинобитной комнатушке, где ему поставили раскладную кровать, стол и застелили полы кошмами. В углу на гвозде висела, чадя жирной копотью, лампадка. Он долго не ложился. Расстелив на столе карту Геок-Тепе, напряженно думал: «Как раскусить этот крепкий орешек?» Селение, состоящее из маленьких крепостей, убогих и невзрачных на вид, в минуту опасности вдруг превращалось в неприступную твердыню. Так было летом, когда он, проводя рекогносцировку, едва не поплатился отрядом, с этого началось и сейчас. Из каж-

---

[1] Мелек — огород.

дой крепостцы гремели ружья, отовсюду появлялись джигиты. «Положим, что через неделю артиллерия сровняет с землей эти глинобитные мазанки,— размышлял он.— Но как подступиться и взять основную крепость?» Четырьмя высокими неприступными стенами возвышалась она в северной стороне селения. Двадцать тысяч кибиток. Более пятидесяти тысяч текинцев заперлись в ней, чтобы дать отпор, а затем сокрушить царский экспедиционный отряд. Скобелев вздыхал, надувал щеки, ища наиболее верное решение, но останавливался на уже принятом плане: окружить крепость с трех сторон и непременно оставить неприкосновенным северный фас крепости. Надо выгнать текинцев из крепости через северные ворота в пески — тогда участь их будет решена...

Весь командный состав находился на передовой позиции во главе батальонов, рот и батарей. Скобелев с адъютантом и конной охраной постоянно появлялся то на ручье Секиз-яб, то у гелиографистов на холме, сообщаясь «зеркалами» с тылом отряда, где хранились боеприпасы и располагался полевой лазарет. Оттуда, на третий день наступления, приехал на командный пункт начальник тыла Петрусевич.

— Крутитесь здесь под ногами, а пользы от вас нет никакой! — обозлился Скобелев.

— Господин командующий, но я...

— Что «я!» — еще больше рассердился Скобелев.— Вы — тыловик, никогда по-настоящему не нюхавший пороха! Зашибет невзначай.

— Господин генерал-адъютант, но я же по делу!

— Прочь, прочь подальше, Петрусевич,— не слишком строго, но унижающе поторопил командующий.— Лучше бы взяли сотню казаков-лабинцев: командира у них ранило. Со стороны кладбища самое слабое место у неприятеля.

— Если прикажете, я готов,— с обидой отозвался Петрусевич.

— Возьмите сотню лабинцев и отряд дагестанцев. Там надежные вояки,— подсказал Скобелев и занялся переговорами по гелиографу.

Вновь началось наступление. Конные казаки и пехота двинулись вперед одновременно. Петрусевич с оголенной саблей не очень уверенно выехал перед строем и повел за собой конников. Вот его отряд устремился к северо-восточному фасу крепости. Раза два конь у генерала вздыбился: седок плохо справлялся со скакуном.

— Словно на бешеной корове скачет,— сказал Скобелев, глядя в подзорную трубу.— Вот уж поистине тыловик. Слова ему не скажи, сразу в реестры впишет, а тут свечки на кляче выбрасывает.

— Зачем послали его в бой? — удивленно спросил стоявший рядом князь Эристов.

— Ладно, полковник, пусть учится. Глядишь, и медальку

заслужит. А то вернутся люди в Россию с орденами да медалями, а у Петрусевича ни одной бляшки на груди.

События между тем разворачивались стремительно. Конница Петрусевича, приблизившись к северо-восточному фасу крепости, заняла позицию на кладбище. Сам генерал с несколькими казаками въехал во двор мазара и начал оттуда стрельбу. Но это была непростительная ошибка тылового генерала. Увидев со стен и из бойниц, что царские казаки топчут туркменские могилы, защитники крепости пришли в негодование. Джигиты Тыкмы-сердара, стоявшие в засаде, обошли крепость с восточной стороны и вступили в бой с казаками. Бой завязался прямо на кладбище. Часть джигитов ворвалась во двор мазара, где был Петрусевич. Увидев близкую опасность, он схватился за пистолет, но тут же был зарублен саблей. Текинцы схватили убитого и помчались прочь, однако у самых ворот казакам удалось отбить труп генерала. Затем он вновь оказался у джигитов, и вновь его выхватили казаки. Гелиографисты с холма сообщали Скобелеву: «С Петрусевичем — беда!» Командующий бросил на помощь резервную сотню, состоящую из осетин, но поздно.

Наступление вновь захлебнулось. Замолчали пушки, возвратились на исходные позиции конница и пехота. Лабинцы привезли изуродованный труп Петрусевича, положили на расстеленную простыню в скобелевской крепостце. Съехались медики: Шаховской, Милютина, еще человек десять врачей и сестер милосердия.

Скобелев стоял, склонив голову, и мял в руках фуражку. Князь Шаховской, впервые за свои двадцать восемь лет увидевший так близко смерть, никак не мог побороть в себе страх. Графиня первой опустилась на колени и коснулась рукой головы убитого.

— Ах, Николай Григорьевич,— произнесла она, приложив платочек к глазам.— Да как же так? Зачем же вам надо было бросаться в бой? Вы же никогда прежде не стреляли.

Всхлипнула стоявшая рядом с графиней старшая сестра милосердия Трепетова. Затоптался на месте и завздыхал Шаховской.

— Прекратите панихиду,— тихо, но со злостью выговорил Скобелев.— Здесь поле боя, а не Смоленский монастырь. Приказываю вам, Шаховской, немедленно похоронить генерала.

Жесткий, сдавленный голос командующего сразу привел всех в себя. Труп положили на носилки и унесли. Вечером погребли в яблоневом саду. Дали прощальный залп. Сад назвали именем генерала Петрусевича.

Графиня на похоронах стояла рядом с командующим. Едва закончилась траурная церемония, сказала ему:

— Черствый вы человек. Мне передали, что это вы толкнули неопытного Петрусевича на верную гибель.

— Стыдитесь, голубушка,— одернул ее Скобелев.— Всякий мужчина считает за честь послужить царю и отечеству, а вы

о генерале говорите как о голопузом младенце, прости меня господи.

— Вы не должны были отрывать Николая Григорьевича от его забот,— не сдавалась Милютина.— Отец мой, Дмитрий Алексеевич, высоко ценил Петрусевича как интенданта и топографа и всегда называл гражданским человеком.

— Графиня, умоляю вас, смиритесь с потерей. Я не меньше вашего скорблю. Ведь он был моим помощником. Потери близких нам людей неизбежны. Жизнь — жестокая штука: иногда выкидывает такое, что и умом не понять. Слышали о смерти Ольги Николаевны?

— Да, Михаил Дмитриевич,— отозвалась с участием графиня и, помолчав, прибавила: — Мне кажется, смерть вашей матери и варварский поступок офицера Узатиса ожесточили вас... Но, генерал, любите хотя бы своих близких!

— В вас я души не чаю, графиня,— усмехнулся Скобелев,— но вашего капитана Студитского...

— Напрасно вы так о нем,— конфузливо поежилась графиня.

— Ладно, прощайте и берегите себя,— откланялся Скобелев, сел на коня и поехал на командный пункт.

Он был в бешенстве от ее упреков, наставлений и оттого, что погиб не просто генерал, но начальник тыла.

— Эристов! — крикнул Скобелев, поднимаясь на стену крепости.— Идите и прикажите открыть огонь по Денгли-Тепе из всех орудий одновременно!

— Господин генерал,— заволновался полковник,— но в крепости не только джигиты, но и дети, женщины, старики!

— Я приказываю, полковник! — вскричал Скобелев.— Выполняйте приказание!

Эристов удалился и передал приказ связным. Минут через пятнадцать прогремел оглушительный залп. Над Денгли-Тепе образовалось черное облако дыма и пыли.

— Я разнесу эту чертову цитадель в клочки! — грозно выговорил Скобелев.— Это мой салют Петрусевичу!

Второго залпа не последовало. Полковник Эристов, подчиняясь настойчивым требованиям офицеров, отменил варварское распоряжение командующего. Скобелев спустился с командного пункта и заперся в глинобитной келье. С минуту он сидел на раскладной кровати, положив локти на стол. Не в силах унять возмущения, встряхивал головой. Затем стукнул кулаком по столу и вынул из полевой сумки лист бумаги. Написав первую строчку: «Главнокомандующему Кавказского военного округа, Великому князю Михаилу», тяжко вздохнул. «Нет, не простят мне гибель генерала,— подумал тоскливо.— Цена его жизни — взятие крепости. Только осада и замирение текинцев могут в какой-то мере оправдать смерть Петрусевича!» И застрочил дальше: «По долгу присяги доношу, что взятие Геок-Тепе есть дело крайне серьезное, требующее сосредоточения достаточных

средств, осмотрительности и счастья: может быть, разве неприятель бросит укрепление, что в Средней Азии бывает редко... Как только в Самурском будет сосредоточено двухмесячное довольствие и остальные войска и запасы, немедленно будет приступлено к ускоренной осаде неприятельских укреплений: причем поведу дело настойчиво и, насколько возможно, быстро...»[1] Выйдя из комнатушки, командующий окликнул Эрдели и велел телеграфировать текст в Тифлис.

— Заодно распорядитесь от моего имени, чтобы послали гонца за Гродековым,— приказал Скобелев.— Пусть доставку провианта возложит на своих помощников, а сам немедля едет сюда!

Но ни оправдательная телеграмма князю Михаилу, ни приказ об отзыве Гродекова ни в коей мере не успокоили его, не привели в равновесие. Он чувствовал себя оскорбленным и униженным. Большие осуждающие глаза графини и ее упреки корежили Скобелева. При мысли, что кто-то из офицеров, он не знал, кто именно, приказал отставить ураганный огонь, у Скобелева сжимались пальцы в кулаки.

— Белошвейки несчастные! — выговаривал он с усмешкой.— Кисейные барышни, а не офицеры!

Не в силах остудить в себе все время закипающую кровь, он отдал распоряжение собрать штаб, с приглашением всех командиров подразделений.

Офицеры съехались в Самурское укрепление. Эристов выстроил их, скомандовал «смирно». Командующий не подал команды «вольно». Подумал, подходя к строю: «Пусть постоят по стойке «смирно». Сказал, заложив руки за спину:

— Может, вовсе зачехлим пушки и будем ждать, пока противнику надоест сидеть в крепости и он выйдет с поднятыми руками? Не нравится мне, господа, ваше сердоболие! Война есть война. Самое неизбежное в ней — смерть. Кому первому пришло в голову отменить мой приказ, прошу выйти из строя!

Офицеры замешкались. Князь Эристов, не желая выдавать виновных, ибо их было много, сделал шаг вперед.

— Значит, только вы? — усмехнулся командующий.— Ну что ж, я отстраняю вас, господин полковник, от командования.

XII

В крепости в числе двадцати тысяч джигитов не менее трети поддерживали сторонников мира. Их возглавлял хан Мамед Аталык — старый, заслуженный воин. Звание «отец народа» он получил за мудрость, справедливость, сдержанность и многие другие качества опытного мужа.

После первых стычек и пролитой крови он собрал у холма своих джигитов.

[1] Строки из документа.

— Люди! — провозгласил он.— Не их страха за себя собрал я вас! Мне за семьдесят, мои дни сочтены. Совесть велит покаяться мне перед аллахом, вот и пришел я сказать вам — совесть моя чиста, ибо я не занес меча над головой своих благодетелей — русских. Много лет они привозили моим людям хлеб и ткани, железо и посуду. Много лет мои люди посылали в Россию шерсть и каракуль, ковры и коней. Но почему же теперь мы встречаем русских несговорчивостью и ружейным огнем?!

— Хан-ага! — послышалось из рядов, стоящих у холма.— Надо открыть ворота и вывести всех, кто не хочет воевать!

— Нурберды и ишан обманным путем загнали нас в крепость! Выпусти нас, Аталык! Туркмен на свободе — птица с крыльями!

— Хан-ага, Нурберды давно умер! Надо ли нам слушаться его сына Махтумкули, безусого младенца,— выкормыша англичан?!

Аталык подождал немного, пока поутихнет толпа, и заговорил снова:

— С каждым днем сторонников наших становится все больше! Вот и хан Оразмамед, после того как познакомился с русскими, перешел на нашу сторону! Еще не поздно нам сбросить английских холуев и просветлить глаза народу! Гоните от себя продавшихся!

Внезапно толпа пришла в движение, послышались возмущенные крики и взаимные оскорбления. Это нукеры главного хана налетели с плетками на беззащитную толпу. Вот и Омар на коне появился. В руках пистолет, и взгляд злой направлен на Аталыка. Толпа кинулась на него, выбила из рук пистолет и оттеснила.

— Попробуй, ишан, только задень Аталыка! — грозили ему.

— С каких это пор начали поднимать руку на почтенных старцев?!

Потасовку тотчас пресек старый Ахун. Взобравшись на холм к Аталыку, сгорбленный и худой, в белой чалме и таком же халате, он возвел руки к небу, сказал несколько торопливых слов, обращенных к аллаху, и попросил:

— Не кощунствуйте, люди, не смейте гневить всевышнего! Перед лицом смерти все равны! Только вера в аллаха и его благие начертания могут дать нам единство и победу над капырами! Расходитесь, люди, и поскорее беритесь за оружие! Мамед Аталык, вам тоже надлежит уйти, чтобы успокоились ваши люди.

— Ладно, Ахун,— сказал Аталык.— Не буду с тобой спорить! Но и ты, как и твои хозяева ханы, служишь англичанам. Твои слова о вере — всего лишь ладонь, закрывающая солнце, а солнце спрятать нельзя. Истина засияет всеми лучами.

С этими словами хан Мамед Аталык сошел с холма и затерялся в толпе. Гордый уход его, однако, не погасил пыл Аху-

на. Старец услужливо пропустил к себе ишана, затем появился английский ставленник Аббас. Властно подняв руку, он цепким взглядом обвел собравшихся и прокричал:

— Люди, опомнитесь и ничего не бойтесь! Именем аллаха клянусь вам, что английские отряды и войска шахиншаха уже вышли из Мерва и приближаются к Ахалу!

Вновь у холма начались перебранка и крики. Одни кричали, чтобы английский холуй убирался прочь, другие приветствовали его. Все разбежались, когда за стенами крепости вновь загремели царские пушки...

Ночью Ахун пришел к Аталыку и застал у него Оразмамеда. Ахун топтался у входа, осматривая убранство кибитки, пока его не пригласили сесть.

— Слышал, дорогой Аталык, и вас постигло несчастье? — сказал Ахун.

— Да, святой Ахун, сегодня мы тоже схоронили своего человека. Пусть земля ему будет пухом.

— Поистине капыры свирепы, как дикие кабаны,— сказал Ахун с ожесточением.— Святой долг каждого мусульманина убить хотя бы одного из них. Мы должны отплатить за пролитую кровь. Аталык и ты, Оразмамед,— вкрадчиво попросил Ахун,— не пора ли одуматься и пойти к Махтумкули с повинной? Если вы этого не сделаете, вам придется держать ответ перед аллахом.

— Отвечать будут те, кто вверг свой народ в бедствия,— невозмутимо сказал Аталык.

— Ответят за гибель дехкан английские слуги: Махтумкули и ишан,— прибавил к сказанному Оразмамед.

Аталык вздохнул и проговорил, усмехнувшись:

— Жаль Тыкму... Он, как оскорбленный козел, крутится возле вас, а до истины докопаться не может.

— Вы неисправимы в своей глупости,— расстроенно произнес Ахун.— Но запомните, вы оба поплатитесь за свое упрямство!

— Не торопитесь, святой Ахун, с приговором: Судный день еще не наступил,— успокоил его Аталык.

— Я ухожу, но я еще вернусь! — пригрозил Ахун.

— Приходите, пиалка чая для вас всегда найдется.

XIII

С Каспия беспрерывно шли войска. Задерживаясь на день-другой в баминском укреплении, они отправлялись в Геок-Тепе. К ротам и сотням пристраивались маркитанты. Их повозки с нехитрыми, но всегда необходимыми товарами тянулись сзади армейских подразделений.

Но, несмотря на людскую текучесть, Бами рос и благоустраивался. Появились улицы. На них громоздились продовольственные и товарные склады, солдатские бараки и бараки вольно-

определяющейся публики. В одном из бараков разместился госпиталь. Студитский принял его за месяц до выхода скобелевского отряда под Геок-Тепе. Тогда же он, помня рассказ Оразмамед-хана о том, что живущие восточнее геоктепинской крепости туркмены настроены очень хорошо к русским, посетил с небольшой охраной некоторые аулы. Встретили его действительно мирно. Долго и охотно расспрашивали о России, о жизни русских и заверили, что безмеинские, асхабадские и анауские туркмены, загнанные в крепость силой, при первом удобном случае перейдут к русским. По приезде Студитский сообщил об этом Скобелеву, но генерал лишь посмеялся над доктором. Капитан попросил Милютину и Шаховского, отъезжавших со Скобелевым в Геок-Тепе, раненым туркменам оказывать такую же помощь, как и русским солдатам. Оба его поддержали...

Бои у стен крепости уже шли. Студитский об этом знал. Но раненые с передовой позиции пока что не прибывали. В госпитале на день-другой задерживались солдаты, идущие в ротах со стороны Каспия, с травмами, истощением. Подлечившись, уходили дальше — в окопы.

Студитский жил в юламейке рядом с госпитальным бараком. Когда похолодало, он утеплил ее войлоком, поставил железную печку и поверх кошм постелил огромный текинский ковер, подаренный ему Худайберды-ханом.

Едва наступал вечер и загорался в юламейке доктора огонек, шли к нему люди: за лекарством, за советом, просто посидеть поговорить за пиалкой чая. Доктор принимал всех. А когда разнесся слух, что у доктора живет хан Кизыл-Арвата, начали заходить к нему и туркмены из окрестных сел. Чаще всего заезжали нохурцы — большеглазые, с черными вьющимися волосами. Садились, интересовались обстановкой в Геок-Тепе, рассказывали о том, что происходит в Хорасане. Вести приносили противоречивые. Одни говорили: персы приветствуют Скобелева и желают ему победы. Другие — наоборот: «Если Скобелев победит текинцев, установит границу и запретит аламаны [1], то тогда персам нечего делать будет».

Но вот вернулся из Хорасана начальник штаба полковник Гродеков. Вновь пошел разговор об англичанах. О'Донован и полковник Стюарт живут у курдского ильхани и подговаривают его сорвать скобелевскую осаду крепости. Перед отъездом в Геок-Тепе Гродеков пригласил на ужин коменданта Верещагина и доктора Студитского.

Лысый, в пенсне, с конусообразной бородкой, к тому же изнуренный путешествиями по Хорасану, Гродеков выглядел гораздо старше своих лет. Пил только шампанское и ел, подоткнув салфетку под воротник.

— Хитры, анафемы, ужасно хитры,— говорил он, быстро

---

[1] Аламан — набег.

пережевывая пищу.— Приезжаю к этому ильхани Шудже, говорю ему о муке и пшенице, а он: «Ах, дорогой полковник, сколько живу на свете — никогда не имел хорошей люстры». Дал ему на люстру тысячу. Прошло дней этак десять, запросил на ландо. Видите ли, у всех князей в Европе желтые коляски, а у него нет. Выложил еще две с половиной. И что вы думаете, господа! Спрашиваю его, перед тем как ехать сюда: «Шуджа, поможешь Скобелеву в осаде?» А он отвечает с цинизмом: «Ай, полковник, еще неизвестно, кто победит. Если Скобелев победит — Скобелеву поможем, если Махтумкули окажется сильнее — ему поможем». Вот ведь какой политик... Ну, а что вы, доктор? — спросил тут же у Студитского.— Так и не помирились с командующим? Так и преследует он вас за связи с текинцами?

Капитан усмехнулся:

— Неужели и вы всерьез придаете значение этому делу?

— Пожалуй, нет,— отозвался Гродеков.— Но в нынешней обстановке нужно быть особенно осторожным.

— Всякая осторожность — проявление трусости,— сказал Студитский.— А трусость никогда не вела к дружбе. Доверие, только доверие — вот что соединяет в дружбе людские сердца. Скобелев никому не доверяет, даже самому себе. Разве нельзя было обойтись без кровопролития? Можно, господин полковник. Шумим о Геок-Тепе на весь мир, говорим о ней как о какой-то сверхъестественной крепости. А эта крепость — всего-то глиняные стены, да и в крепости старики да дети. Джигитов в ней тысяч десять, не больше... Геок-Тепе — далеко не вся Туркмения, господин полковник. Геок-Тепе всего лишь небольшая кочка на пути развивающейся и крепнущей дружбы между русскими и туркменами. Нельзя смотреть на эту крепость как на всю Туркмению. Преобладающее большинство туркмен уже вошли в состав России добровольно. Живут под ее эгидой иомуды, гоклены, эрсаринцы. Все живущие по берегам Каспия и Амударьи, в горах по персидской границе ладят с нами. Геок-Тепе — одна пятидесятая часть всей Туркмении. Словом, кочка на пути к миру и прогрессу. Неужто нельзя обойтись без войны? Да можно же, только Скобелев не хочет этого. Ему нужна громкая слава, а не мирные переговоры.

— Переговоры — самая долгая канитель, капитан. Знаете, сколько пудов хлеба ежедневно пожирает скобелевский отряд? — строго сказал Гродеков.— Не знаете? Ну так я доложу вам, добрейший человек. Если через три месяца крепость текинцев не будет взята, то отряд помрет с голода. Не хватит ему ни того, что есть, ни того, что я заготовил в Хорасане.

— Голода можно избежать,— сказал спокойно Студитский.— Необходимо найти мир с текинцами и дать им возможность заняться огородами и полем.

— Дорогой доктор, у нашего разговора нет конца,— отмахнулся начальник штаба.— Да и текинцы... Вы же знаете, что

мы послали им два ультиматума и не получили ни одного положительного ответа.

— Ошибка в том, что посылали ультиматум. Надо вести переговоры с текинцами на равных условиях. Все мы люди, все мы человеки, господин полковник. У меня к вам просьба. Приедете в Геок-Тепе, скажите Скобелеву, что капитан берется добиться мира с текинцами.

— Каким образом? — полюбопытствовал Гродеков.

— Я отправлюсь к ним в крепость один.

— Ну, знаете, голубчик,— пожал плечами начальник штаба.— Я положительно отказываюсь понимать вас. Вы прямо-таки маньяк в своей мирной ориентации. Немудрено, что Скобелев заподозрил нас в предательстве.

— А все-таки, господин полковник? Напомните обо мне командующему.

— Хорошо, но мне жаль, доктор. Вы можете окончательно потерять доверие.

Утром Гродеков отправился в Геок-Тепе. Капитан передал с ним письма, присланные графине из Петербурга. Несколько слов написал от себя.

XIV

В один из декабрьских дней гелиографисты с холма просигналили Скобелеву о приближении большого отряда с севера. Скобелев с офицерами штаба поднялся на командный пункт, приложился к биноклю. Увидел на горизонте стелющуюся пыль и солдат с пушками в верблюжьих упряжках. Отряд был огромен и продвигался уверенно, не страшась никого.

— Объявите тревогу, полковник,— сказал командующий Гродекову.— Вероятно, англичане.

Понеслись команды по цепи переднего края. Жерла орудий повернулись в сторону Каракумов.

На стенах Денгли-Тепе появились защитники крепости, замахали тельпеками, приветствуя приближение «англичан». Вскоре, однако, текинцы ушли со стен, а в скобелевском лагере солдаты закричали «ура!»: им объявили, что пришел на помощь отряд Туркестанских стрелков. Скобелев распорядился, чтобы гелиографисты передали командиру отряда: вести солдат к восточному фасу крепости и расположиться лагерем. Тотчас командующий велел идти на соединение с туркестанцами ротам Апшеронского и Ахалцыхского полков.

Пока шло передвижение рот, из крепости не было произведено ни одного выстрела: вероятно, главный хан Ахала и ишан, обманувшись в англичанах, сникли и не успели ничего предпринять. Туркестанские стрелки, соединившись со скобелевскими ротами, остановились в полуверсте от восточной стены и тотчас принялись снимать вьюки с верблюдов и ставить юламейки. Скобелев, в сопровождении штабистов и охраны каза-

ков, поспешил к туркестанцам. Издали он узнал в числе приехавших офицеров полковника Куропаткина — командира отряда, своего старого соратника по Балканскому походу. Подъехав к нему, молодецки спрыгнул наземь.

— Куропаткин! Вот не ожидал, признаться! Просил тебя у Милютина, но не думал встретить, ей-богу!

— А я твои усы и бородищу оттуда, из песков еще, угадал! — щурясь с хитрецой, принялся шутить Куропаткин, обнимая соратника.— Думал, не свижусь с тобой, развела нас судьба, ан аллах помог встретиться. Эх, как долго дружба наша тянется. Почитай, с самого Коканда. Помнишь, как Махрам брали?

— Помню, Алексей Николаевич, еще бы не помнить.

— А алтайскую царицу Курбан-джан не забыл?

— Помню, друг мой, все помню,— похлопывая по плечам Куропаткина, отзывался Скобелев.— Думаю, и она нас с тобой вспоминает...

Было это лет шесть назад. Летом из Ферганы в горы Куропаткин повел экспедиционный отряд, и в пути на него напали киргизы. С трудом отбили казаки своего командира и отправились за помощью к Скобелеву. Тот поднял отряд, двинулся в горы и пленил предводительницу горцев. Хотел было везти ее в Коканд, но Куропаткин отсоветовал: «Ну зачем же, Михаил Дмитриевич? Сия дама и так поняла, сколь велика мощь России. Не лучше ли ее расположить к себе? Подари ей что-либо на память, добро, оно долго помнится». Скобелев собственноручно надел на Курбан-джан парчовый халат, пожелал ей долгих лет жизни и службы на благо киргизского народа, и с тех пор ни разу люди Курбан-джан не тревожили русских казаков... Сейчас, вспомнив о Курбан-джан, Скобелев почувствовал в себе некую неловкость: «Узнает Куропаткин о том, как я туркмен «жалую», тоже небось советы подавать станет».

Куропаткин вспомнил о третьем штурме Плевны, о контузии Скобелева, о своем тяжелом ранении на перевале, после которого его отправили в тыл, спросил:

— Кто же был после меня у тебя начальником штаба?

— Келлера я тогда назначил,— отозвался Скобелев.— Неплохой офицер.

— А здесь кто?

— Полковник Гродеков, прекрасной души человек,— охотно сообщил Скобелев и кивнул на крепость: — Видал орешек? Никак раскусить не можем.

— Пушками небось хотите взять?

— Нет, полковник,— вздохнул Скобелев.— Пушками не дают: жертв слишком много. И не столько даже жертв, сколько криков посторонних. Все туркмен жалеют. И ее сиятельство Милютина, и медики, и офицеры многие, не говоря уж об англичанах. Какой-то их писака, Чарльз Марвин, разразился журнальной статейкой о моих жестокостях. А где они, жестокости-

то? Плевну штурмовали — стен в дыму не было видно, а тут решили с помощью бикфордова шнура взять осажденных.

— Только так; и не иначе, Михаил Дмитрич, только так,— уверенно заявил Куропаткин и пошел с командующим в поставленную кибитку.

Войдя, он сбросил пропыленный полушубок, расстегнул пуговицы на кителе. Солдаты тотчас подали раскладные стулья.

— Насчет жестокостей скажу тебе так, Михаил Дмитрич,— продолжал Куропаткин.— Туркмены хоть и говорят: «Камыш как следует не зажмешь — руку порежешь», но сами очень не любят, когда их зажимают. Мягкость — она везде полезнее. Я, например, всех старшин вокруг Петро-Александровска расположил в свою пользу. И всех добром... Наделил их правом власти, форму военную аксакалам выдал. Хоть и без погон, но все равно — отличие от других есть. В гости к себе приглашаю, сам охотно хожу.

— Да ведь Хива-то с семьдесят третьего года России подчиняется! — обиделся Скобелев.— А тут туркмен еще замирять надо. Они же как шмели. Вылетят из гнезда, пожалят и назад — в гнездо.

— Для тебя и тут, как на Балканах: «Все турки одинаковы»,— упрекнул Куропаткин.— А я еще и в поход не собрался, а получил сведения от Кауфмана, что у текинцев две враждующие партии. Одна — за русских, другая — за англичан.

— Как у вас все просто да ловко получается,— усмехнулся Скобелев и вспомнил: «Текинец подарил капитану жеребца».— Ладно, Алексей Николаевич, устраивайся, да ко мне в штаб, в Самурское укрепление,— сказал Скобелев, выходя.— Там обсудим все обстоятельно.

XV

Постепенно все маленькие крепости, так называемые «кала», отбитые у текинцев, превратились в мощные укрепления. Появились позиции: Великокняжеская, Ширванский и Ставропольский редуты, Ольгинская (последняя была названа в честь погибшей матери Скобелева. Крепость Денгли-Тепе окружили с трех сторон. Как и предусматривалось планом осады, свободным оставался лишь северный выход из крепости, ведущий в пески. Перед стенами, словно грибы после дождя, поднялись юламейки и юрты. Солдаты начали рыть траншеи: сначала третью, затем вторую и первую параллели. Траншеи соединили ходами сообщения. В первой постоянно находились стрелки Туркестанского отряда, во второй несколько пушек и пехотные роты, в третьей — резерв, и за третьей траншеей располагался лагерь со всеми строевыми службами. Там же находился и военно-полевой лазарет Красного Креста. Шатры лазарета алели крестами в самом центре лагеря. Здесь содержались легкоране-

ные. Их подлечивали сестры милосердия и вновь отправляли в траншеи. Тяжелораненых несли в операционную, на Ольгинскую.

Надя появлялась на Ольгинской лишь по крайней необходимости. Иногда нуждалась в медикаментах, но чаще приходилось перевозить в фуре раненых солдат. Активных боев пока не было, но перестрелка велась постоянно. В этой перестрелке за день непременно два-три солдата попадали под пули. Помощниками у Нади были санитары — Петин и Кертык. Первому Скобелев запретил возвратиться в свой артиллерийский расчет, поскольку канонир побывал в плену. Второй, Кертык, привязался к лазарету из солидарности со своим русским другом.

Изредка Надя виделась с мичманом. Картечницы моряков стояли на бруствере второй траншеи, и Батраков в часы затишья забегал в лазарет. Заглянув в медицинский шатер, где принимала раненых Надя, он никогда не заставал ее одну и всякий раз шутливо отчитывал то одного, то другого солдата: «И как это тебе удалось, братец, подставить себя под пулю? Теперь будешь сюда ходить, любоваться сестричкой!» Он дожидался, пока она заканчивала перевязку, выпроваживала солдата и усаживала его рядом с собой. Она была рада, что он есть, жив-здоров. Если бы он знал, как она тревожится за него! Стоило Наде увидеть, что Петин и Кертык идут от траншей с носилками, у нее опускались руки и лицо покрывалось холодным потом. «Только бы не его, боже, смилуйся!» — шептала она. Раненым оказывался не он, и Надя энергично приступала к делу, чтобы оказать пострадавшему помощь. Она о нем думала всегда. И когда Батраков не заходил долго, Надя посылала во вторую траншею санитаров: узнать, как он там.

Появление «похоронщиков», как называли Петина и Кертыка, всякий раз вызывало у солдат раздражение.

— Опять пожаловали со смертью! — говорил кто-нибудь в траншее.

— Только и накликают беду! — ворчал другой.

— Не бойся, дядя, будешь жить, если не умрешь! — лихо отзывался Петин, шагая дальше.

— Ты тот самый, который у них в крепости сидел? — спрашивали тут же.

— Он самый! — так же бойко отзывался Петин.

— Да как же тебя не убили нехристи?

— Ты брось насчет нехристей! — отмахивался канонир.— Вот со мной Кертык-бахши, он тоже нехристь, а идем вместе трупы закапывать.

— Подите прочь, провалиться бы вам!

— Обманутые все там, в крепости-то,— не обращая внимания на злые окрики, продолжал Петин.— Бедняки дехкане сроду бы не стали воевать, кабы не ханы да сердары. Омар у них да Тыкма-сердар заправилы вроде некоторых наших.

— Но-но, покороче язык-то держи! — пугались его речей.

— Послушай, канонир,— спросил однажды Батраков.— В самом деле у них распри между богатыми и бедными?

— А то! — воскликнул Петин.— Да они своих бедняков еще пуще нашего угнетают. Я-то хоть могу, положим, Агафона послать куда следует, хоть он и унтер-офицер. А попробуй их бедняк это сделай со своим хозяином, или десятским, или сотником! Враз голову срубят! Вот он тебе — живой пример, господин мичман,— указал Петин на Кертыка.— Пошел на войну — вроде человеком был. А когда ранили — никому не нужным стал. Убег вместе со мной. Не от туркмен убег, а от каторжной жизни! Тут понимать надо!

— Ты-то сам не собираешься вернуться к своим в батарею? — спросил мичман.

— Нет... Теперь людей хоронить буду. Настрелялся. Побывал в плену — доверие потерял. Ладно, бывайте, а убьют — не забывайте! — распрощался Петин. Уходя, спросил: — Может, Надежде Сергеевне что-нибудь передать?

— Скажи, что жив-здоров, завтра непременно загляну!

В одну из ночей в первой траншее появились саперы, начали рыть колодец. Туркестанцы спросили: «Зачем, разве воды не хватает?» Военный инженер полковник Рутковский сказал без особого раздражения:

— Не вашего ума дело.

Туркестанцы примолкли и поняли: затевается что-то особенное, о чем знать никому не надо...

XVI

Вскоре в траншеях стало известно: саперы роют не колодец, а минную галерею, которую подведут под стену крепости и заложат взрывчатку. Рыли саперы днем и ночью беспрестанно, сменяя друг друга. И стрелкам казалось, за каждым движением «кротов» следит командование. Инженер Рутковский не выходил из траншеи, то подбадривая, то поругивая саперов. Время от времени, согнувшись в три погибели, приходили к минной галерее Гродеков, Куропаткин и сам Скобелев.

— Живей, живей,— поторапливал командующий.— Вот уж поистине кроты!

Вертикальный колодец был относительно широк, но от него в сторону стены отходила минная галерея всего в 4 фута высотой и 3,5 шириной. Передвигаться по ней можно было лишь на четвереньках. Саперы задыхались от пыли и недостатка воздуха, матерились и кляли всех святых и командование вместе с ними.

Снизу глухо доносились их раздраженные голоса, когда приходили Скобелев или начальник штаба:

— Спустились бы, ваше превосходительство, да попробовали сами, чем подгонять!

— Ну-ну, поговоришь у меня! — слышалось в ответ от Рутковского.— Ишь наловчились! Самого командующего одергивают!

На четвертый день работа в галерее вовсе прекратилась. Командующий вызвал инженера. Тот удрученно сообщил:

— Задыхаются саперы, воздуху совсем нет. Только что одного унесли санитары... Если б позволили, господин генерал-адъютант, вентилятор из Бами доставить, вот тогда бы дело пошло. Есть там, валяется на складе вентилятор системы Динендаля.

— Ну и сапер пошел: мелкий да капризный,— поморщился Скобелев.— На глазах мельчают. Однако что ж... Отправляйтесь, Рутковский, за вентилятором.

Разговор происходил в кибитке командующего. Тут же находился начальник штаба. Стоял у стола, рассматривал схему минной галереи. Едва инженер-полковник удалился, Гродеков сказал:

— Михаил Дмитриевич, давно хочу поговорить с вами об одном дельце, да все как-то некстати. А вот теперь, думаю, в самый раз. Текинцы в крепости вовсе присмирели. Никаких активных действий с их стороны. Может, попробуем еще раз склонить их к миру?

— И долго вы думали? — выпрямился и насупил брови Скобелев.— Или не надоело писать ультиматумы?!

— Ультиматумом ничего не добьешься, это верно,— согласился начальник штаба.— А вот если доктора Студитского отправим к ним в крепость...

— Убирайтесь вы все вон со своим доктором! — вспылил командующий.— Слышать не могу этого имени. Недавно ему простил его связи с текинским ханом, а вы его опять — к текинцам!

— Михаил Дмитриевич, не горячитесь. Подумайте лучше, какую пользу может оказать нам связь доктора с текинским ханом. С помощью того хана Студитский и других предводителей уговорит на перемирие.

— Да они этому доктору сразу кишки выпустят. Не думаю, чтобы дальше этого дело пошло.

— Студитский сам в крепость просится, господин генерал. Добровольно.

— Сам? — не поверил Скобелев.— Ну, это уж чересчур! Просто наш герой сидит в Бами и не знает подлинной обстановки. Да и что значит «сам», когда есть еще и «сама»! Она мне за Петрусевича грозит. А если убьют и капитана Студитского, Милютина на весь мир меня ославит. Нет, не хочу с ними связываться. Они, анафемы, туркмен раненых рядом с солдатами на кроватях держат, а я к их помощи прибегать должен! Ну так вот, Гродеков, плевал я на доктора и на его услуги. Крепость будем взрывать. Взрыв услышит не только Азия, но и вся Европа. Вместе со взрывом прогремят и почести. А если

мира начну добиваться, всякий сопляк, не говоря уже о господах столичных, трусом меня назовет.

— Жаль, господин генерал-адъютант.

— Что жаль? Что жаль, Гродеков?! Я вижу, вы тоже на куропаткинский лад запели. Он-то, видишь, как ловчит. И форму своим ханам пожаловал, и на охоту с ними ездит. А я понимаю так: ни в коем случае нельзя панибратствовать русскому офицеру ни с ханом, ни с джигитом. Англичане вон как ведут себя в Индии да Афганистане. У них самому дрянному солдату раджа поклоны шлет. А у нас! Тот же самый О'Донован сплетни опять распустил, дескать, Россия никогда не сможет стать колониальной державой, ибо ее солдаты вместе с бедными дехканами у дороги водку пьют. Вот ведь шельма, какое обобщение нашел. И если подумать да взвесить — прав англичанин... Ладно, Николай Иваныч, закончим пустой разговор, дела ждут.

Через три дня полковник Рутковский с солдатами привез из Бами вентилятор Динендаля — огромную четырехлопастную вертушку с рукояткой. От лопастей — кожаный рукав с раструбом на конце. Приволокли солдаты «игрушку» к минной галерее, опустили рукав вниз, принялись вращать рукоятку. Саперы внизу ожили, заработали лопатками. Загудел вентилятор, ни днем ни ночью не переставал вертеться. И опять командование зачастило к минной галерее. Защитники крепости стали появляться на стене, начали прислушиваться и приглядываться к «шайтан-машине»...

XVII

Зимние сумерки сгустились быстро, утонули во тьме синие Копетдагские горы. Покрылась тьмой пустынная равнина. И траншеи царских войск спрятались в темноте. Лишь время от времени вдалеке высвечивали огоньки, когда солдаты закуривали. Потонула во мраке и крепость.

Ровно в полночь, когда прокричал в крепости первый петух, незаметно текинцы слезли со стен, одолели ров и поползли к первой параллели траншей. Ни звука от них: только легкий шорох одежды да прерывистое дыхание. В солдатские окопы ворвались одновременно — по всей параллели. Грозный клич, крики, смертельные стоны, запоздалая стрельба — все смешалось в темноте ночи. Туркестанцы не успели и опомниться, как были смяты. Сокрушая на своем пути все, что попалось под руку, джигиты прорвались к батареям и здесь вступили в рукопашную. Несколько человек схватили горное орудие и на своих плечах утащили его в темноту, к крепостной стене. Другая группа текинцев подхватила ящики с гранатами. Человек десять ворвались в блиндаж, здесь располагался штаб Апшеронского отдельного батальона — схватили зачехленное знамя. Закипевший бой, в котором трудно было понять что-либо, по-

сеял панику во всем скобелевском лагере. Грохнули орудия на Ставропольском редуте. На крепостцах засветились лампы Шпаковского, направляя лучи на траншеи. Начался артобстрел Денгли-Тепе. Но поздно спохватились скобелевцы. Текинцы с такой же молниеносной быстротой бежали из траншей, уничтожив несколько десятков царских солдат. К рассвету захваченная пушка стояла на Денгли-Тепе и возле нее суетились джигиты. Тут же развевалось захваченное знамя 4-го батальона. По уставу воинская часть, потерявшая знамя, подлежит расформированию. Как только о потере знамени узнал Скобелев, отдал распоряжение: апшеронцев разделить по соседним частям и вывести на передовую линию, дабы искупили кровью свой позор. Командующий был потрясен.

— Вот как приходится расплачиваться за полумеры! — сказал Куропаткину.

— Ничего, ничего, генерал,— успокоил его тот.— Надо поскорее «распечатать» крепость, тогда все встанет по своим местам.

— О чем ты говоришь, полковник, помилуй! — одернул Куропаткина командующий.— Как ты ее теперь «распечатаешь», когда текинцы вентилятор сломали. Поломали и на полдороге бросили.

— Вот ведь нелегкая,— вздохнул Куропаткин.— Впору хоть о мире затевай с ними переговоры. Может, и впрямь пошлем доктора Студитского в крепость? Мне Гродеков говорил о вашей с ним беседе.

— Не заставляй меня лишний раз ругаться,— попросил Скобелев и отвернулся.

— Ну что ж, прости, господин генерал,— обиженно проговорил Куропаткин и ушел.

Тотчас он заглянул в штабную кибитку к Гродекову.

— Ну что ж, Николай Иваныч, в самый раз навестить графиню.

— А Скобелев?!

— Что Скобелев... Мы ее попросим, и она уговорит его, чтобы послал капитана в крепость. Собирайтесь.

До Ольгинской позиции ехали на конях. Здесь поручили лошадей ординарцам и направились к шатрам Красного Креста. В одном проходила операция. Медики были там и графиня тоже. Пришлось подождать. Но вот она вышла.

— Елизавета Дмитриевна, нижайший поклон вам,— поклонился Гродеков и потянулся к ее руке.

— Полковник, миленький, да вы что! — испуганно сказала она.— Мне же надо помыть руки. Зайдите ко мне в шатер. Я сейчас.

Вскоре она вышла, вытерла руки висящим у кровати полотенцем и села, с любопытством оглядывая обоих.

— Вы по делу ко мне, господа? Ну конечно же! Так просто вам некогда. Я тоже все время занята, милые. Столько ране-

ных. Скорее бы конец этой варварской перестрелке. Но вы тоже хороши! Неужели нельзя уговорить текинцев, чтобы пошли на перемирие!

— Можно, ваше сиятельство,— сказал Гродеков.— Если вы пожелаете и попросите командующего, перемирие может состояться.

— Господи, милый генерал! Кстати, простите, я ведь не поздравила вас с очередным званием. Примите мое искреннее поздравление, Николай Иваныч!

— Спасибо, ваше сиятельство,— отозвался он, напряженно улыбнувшись, и сказал прямо: — Все зависит от вас, Елизавета Дмитриевна, ибо в крепость на переговоры согласен идти только один офицер. Больше никто рисковать не хочет.

— Кто этот офицер? — настороженно спросила графиня.— Действительно, только безумцу такое может прийти в голову.

— Этот офицер — доктор Студитский...

— Что? — не сразу поняла она.— Доктор Студитский? Лев Борисыч?! Да вы что, господа?

Графиня от сильного волнения поднесла руки к подбородку.

— Простите, ваше сиятельство,— тихо проговорил Куропаткин.— Но доктор сам вызвался... И не только вызвался, но настойчиво уговаривает командующего дать ему возможность побывать в крепости.

— Нет! — сказала, выдохнув, графиня.— Нет! Вы не посмеете позволить ему! Я не сомневаюсь, он пожертвует собой во имя мира. Но такие люди, как капитан Студитский, нам нужны живыми!

— Простите, ваше сиятельство,— смутился Гродеков.

— Графиня, это я настоял пойти к вам... Прошу прощения,— стыдливо потирая бородку, проговорил Куропаткин.

— Господа, вы должны понять меня,— ободрившись, заговорила Милютина.— Капитан Студитский — глава русской мирной миссии. Гибель его — это гибель мирных устремлений России. Никто из нас не сможет его заменить. Сознательно ставить под угрозу смерти доктора Студитского...

— Ваше сиятельство, ей-богу, он сам этого требует! — воскликнул Гродеков.

— Он требует, а что же вы? Что же сам Скобелев?!

— Простите, ваше сиятельство,— улыбнулся и поднял руки Гродеков.

Оба откланялись и вышли из шатра.

XVIII

Неприметно, под покровом ночи, прибыл в Ахал отряд из Мерва. Привел его Каджар-хан. Увидев на рассвете окруженную с трех сторон текинскую крепость, Каджар не стал подходить к ней, направил всадников в аул Багаджа. Следующей

ночью с небольшой группой нукеров Каджар через северные, открытые ворота проник в крепость.

Весть о прибытии подкрепления из Мерва взбодрила сторонников Махтумкули. В большой белой кибитке собрались предводители. Толпы джигитов стояли во дворе, у холма, в ожидании новостей: с приездом мервцев все ожидали перемен.

Каджар сидел с текинскими ханами, степенно тянул чай из пиалы и не спешил откровенничать.

— Да, конечно,— говорил загадками.— Английские люди очень аккуратные и точные в исполнении. Если аллах не отвернется от мусульман, то англичане не отвернутся от туркмен.

Каджар явно недосказывал. Махтумкули, по молодости, нервничал и торопил его:

— Каджар, но вы хотя бы скажите нам, где английские солдаты и офицеры?

— Они везде, Махтумкули,— отвечал он.— Они владеют сушей и морем. Сегодня они здесь, завтра — там. Важно, чтобы они помнили о нас. А память у них крепкая.

— Каджар, когда можно их ждать здесь?

— Вы спрашиваете о невозможном, дорогой Махтумкули,— раздраженно ответил Каджар и обвел взглядом сидевших у входа сердаров и юзбаши. Помедлив, вновь заговорил: — У тайны есть свои тайны, а у тех тайн — секреты, не так ли?

— Уважаемые соотечественники,— сказал, обращаясь к сердарам и юзбаши, Омар.— Время позднее, гость с дороги устал. Я понимаю ваше нетерпение узнать истину истин, но давайте дадим отдохнуть Каджару.

Сидевшие у входа и терима кибитки неохотно поднялись и ушли. Тыкма-сердар остался сидеть, хотя до сих пор он никогда не участвовал в закрытых разговорах ханов. Каджар подумал об этом и повторил ранее сказанное:

— Да, Махтумкули, и ты, ишан, воистину у тайн еще есть секреты. Не подождать ли нам еще немного?

— Тыкма,— сказал ишан,— вы сегодня жаловались, что третий день без сна. Идите поспите, а потом поспим мы.

Сердар сверкнул злыми глазами, сощурился и поставил пиалу на ковер.

— Где твои джигиты, Каджар? — спросил жестко.— Ты почему их не привел сюда? Ты дорожишь жизнью каждого своего человека, когда мы расплачиваемся сотнями жизней!

— Сердар, ну зачем так грубо? — пожурил его ишан.— Ты же знаешь, ханская власть не допускает присутствия посторонних в важных беседах. Пора бы понять это.

— Я давно все понял,— сказал Тыкма.— Завтра мы готовим еще одну, последнюю, сокрушительную атаку. Если джигиты Каджара будут прятаться где-то в Багаджа и не помогут нам, я тогда растопчу все ваши тайны и секреты. Теперь секретничайте, я пойду.

С этими словами он удалился.

Ханы ухмылялись и ждали, пока сядет Тыкма на скакуна. Но вот он вскочил в седло, звякнул уздечкой и уехал.

— Тыкма всегда остается Тыкмой,— сказал, посмеиваясь, ишан.— Как был грубым подпаском, так и остался. Говорите, Каджар, и простите молодого хана за его нетерпение. Махтумкули постарается вас слушать, не перебивая.

Махтумкули бросил на Омара обиженный взгляд, но промолчал. Каджар сказал:

— Друзья мои, секрет мой мало утешит вас, но я приехал к вам только затем, чтобы сказать самое главное... Англичан у себя в этом году не ждите.

— В уме ли ты, Каджар?! — испуганно воскликнул ишан.

— А зачем же они мне сукно и дорогие подарки прислали, если не придут? — наивно спросил Махтумкули.

— Выслушайте меня до конца,— попросил Каджар.— Не надо пугаться. Вам ничего не грозит. Вас ждут богатство и слава. Англичане уводят войска из Афганистана — так решил их премьер-министр Гладстон. Но они уходят на время... Они опять вернутся...

— Каджар, да ты понимаешь, о чем говоришь?! — повысил голос ишан.— Ты проехал сто фарсахов, чтобы сказать нам вот такое?

— Ишан, не торопи события,— пренебрежительно отмахнулся Каджар.— Я приехал сказать, что английское командование договорилось с властями Хорасана насчет вас. Сорок самых богатых семей ханского происхождения правитель Хорасана приглашает к себе. Когда они все туда переселятся, Англия возьмет в свои руки их родословные и докажет, что Ахал и Мерв принадлежат сорока ханам. А сейчас самое важное, чтобы эти сорок ханов не попали в руки Скобелева.

— А как же народ? — удивленно спросил Махтумкули.

— Предложение англичан, конечно, заманчиво,— сказал Омар.— Но можем ли мы оставить тысячи людей в крепости?

— Сможете, ишан, иного выхода нет. Если вы не уйдете, то все ваше богатство будет достоянием русских. Пока еще не поздно — поторопитесь. Путь в пески открыт. У Багаджа я буду ждать вас. Будьте благоразумными.

— Вах, Каджар, черную весть ты привез нам,— охая и вздыхая, вновь заговорил ишан.— Отдать Ахал русским, а самим бежать в гости к хорасанцам, верно ли это? Говорят, гость только два дня гость, а на третий он хуже врага. Не придется ли нам плакать на чужбине?

— Но вы же потомки Чингисхана! За вас весь мир встанет! — внушительно сказал Каджар.— Через четыре года, после выборов в Англии, Робертс и Барроу вновь вернутся в эти края. Они железную дорогу в Квете строили. Сами ушли, а дорогу не тронули: значит, вернутся.

— И все-таки мы еще раз попытаемся сломить скобелевских солдат,— уныло проговорил ишан.— Аллах с нами, на нашей стороне истина...

XIX

Этой же ночью возле южной крепостной стены, у кибиток Мамеда Аталыка, толпились текинцы.

Аталык с Оразмамедом сидели на ковре и зачитывали входящим в кибитку дехканам прошение русскому царю:

— «Великий повелитель всей суши и всех морей, лев вселенной, несравненный в своей силе и благости Искандар II, мы, туркмены племени теке, закрытые в крепости по велению неблаговидных людей, какими являются ишан, Махтумкули и другие, ныне, желая вырваться из крепких стен Денгли-Тепе, несем тебе свое милостивое прошение. Прими, прочти и осени нас своим могучим крылом. Обязуемся тебе, великий ак-падишах, служить верой и правдой: торговать с русскими людьми всем богатством, какое имеется в нашей земле, а также защищать, не щадя живота, земли твои, если прикажешь...»

Прошение зачитывал Оразмамед. Входящие слушали внимательно, кивали и, обмакнув палец в разведенную маслом сажу, прикладывали к бумаге. Церемония эта длилась почти всю ночь, пока не побывали у Аталыка все, кто его поддерживал, а таких насчитывалось больше тысячи. Люди, оставив отпечаток на прошении, направлялись к выходу, а Аталык предупреждал:

— Завтра еще одна вылазка. Берите с собой всех: братьев, детей, жен... Не все пройдут через русские траншеи. Солдаты не могут знать, кто свой, кто чужой. Но кто окажется у русских, избежав смерти, тот скажет, что не все текинцы служат ишану и Махтумкули, не все любят англичан. Назовите себя друзьями русских...

Уже на рассвете Аталык распрощался с Оразмамедом.

— Сынок,— сказал старый хан,— сил у тебя побольше, чем у меня. Если русский солдат занесет над тобой саблю, ты отмахнуться сумеешь. Возьми прошение к русскому государю, спрячь у себя на груди. Пробьешься к ак-паше — передашь ему.

— Хорошо, хан-ага,— согласился Оразмамед.— Я постараюсь пробиться. Но и вы не падайте духом. Держитесь около меня, я и вас защищу.

На этом они распрощались.

Оразмамед, вернувшись в свою кибитку, долго сидел на ковре при чадящей лампадке и смотрел на свою семью. Жена и семилетний сын спали, укрывшись чекменями. «Как же их провести сквозь огонь и штыки солдат?» — думал хан, и сердце его содрогалось при мысли, что они погибнут. Оставить их здесь он не мог: ишан и Тыкма, узнав о перебежчиках, сразу же займутся их семьями. Может, и не убьют, но уже не встретишься

больше ни с женой, ни с сыном. Он лег, но уснуть не мог, все время прислушивался к их дыханию и мучительно думал о завтрашней вылазке.

Утром к Аталыку приехал святой Ахун. Не слезая с коня, предупредил:

— Аталык-хан, ой, Аталык-хан! Волей всевышнего весь народ текинский собирается сегодня в ночь истребить скобелевских солдат. Пойдут и твои люди. Не вздумай отказаться. Тогда милости не проси. Только кровью своей ты и Оразмамед смоете свой позор! Я тоже в эту ночь возьму саблю и поведу всех за собой!

Аталык выслушал Ахуна молча, ничего не ответил.

Сотни джигитов, помахивая плетками, разъезжали по огромному крепостному двору и поднимали всех на ноги. Люди вольно или невольно брали с собой что попадет под руку и шли к лестницам, ведущим на стену. К полуночи поднялись все и залегли по всему фасу перед траншеями. Ровно в полночь разнесся сигнал, и тысячи геоктепинцев бросились в атаку, чтобы смести солдат и весь скобелевский лагерь с его кибитками и шатрами.

Оразмамед шел в первой цепи. Слева — жена, справа семилетний сын. Позади шагал Аталык с джигитами. Когда царские солдаты выскочили с винтовками из траншеи, люди Аталыка кинулись в сторону, чтобы не попасть под штыки, но тут посыпались гранаты. Оразмамед успел прижать к себе сына. Яркой вспышкой ослепило их и швырнуло в сторону. Прикрывая своим телом мальчика, Оразмамед прижался к земле. Он лежал и не замечал, что его топчут ноги бегущих, только слышал крики и беспрерывную стрельбу из ружей и пушек.

Лишь к рассвету наступила тишина. Вдоль траншеи проскакали русские всадники, а потом появились тут и там санитары с носилками.

— Жив ты, Ашир? — спросил Оразмамед у сына.

— А мама где? — заплакал малыш.

Оразмамед несколько раз окликнул жену, но не услышал ответа. Когда совсем развиднелось, он увидел ее мертвой. Рядом с ней лежал с оторванными ногами Мамед Аталык.

Ком удушья запер горло Оразмамеда, дышать стало нечем. Слезы покатились по его щекам. Он сел и стиснул голову ладонями. Он не заметил, как к нему подошли санитары. Очнулся, когда услышал:

— Петька, да это же Оразмамед!

— Он и есть. Ты не ошибся, Кертык,— сказал канонир и тронул хана за плечо.

— Отведите меня к ак-паше,— попросил текинец.— У меня бумага, надо отдать ему.

Петин взял за руку мальчика и спустился с ним в траншею. Оразмамед последовал за канониром. Кертык остался: надо было вынести с поля боя жену хана и Аталыка...

XX

О'Донован и Стюарт находились в те дни на горе Маркоб, в двенадцати милях от Геок-Тепе. На вершину горы им помогали подняться опытные проводники, курды. Ловкие и неутомимые, они несли в мешках и везли на лошадях поклажу гостей. И место для наблюдения за полем боя выбрали самое подходящее. С вершины, находясь в полной безопасности, можно наблюдать за всем, что происходит на расстоянии, по крайней мере, тридцати — сорока миль. Англичанам поставили кибитку, развели костер, поскольку на высоте было холодно, и они принялись наблюдать за Геок-Тепе. Селение лежало внизу, словно на ладони. Крепость Денгли-Тепе, небольшие крепостцы, мельницы на Секиз-Ябе, весь русский лагерь, состоявший из кибиток и юламеек, вся дорога, подходившая к нему, по которой беспрерывно шли караваны верблюдов, фуры, ехали конники,— все это хорошо было видно в бинокль.

Англичане, словно боги на Олимпе, глядели вниз на бренный, копошащийся мир и затаенно думали: «Быть или не быть?» Если войска Скобелева возьмут Денгли-Тепе, то не быть англичанам в Ахалтекинском оазисе. Если русское войско потерпит поражение и откатится к Каспию, значит — быть! Значит, Стюарт и О'Донован спустятся с Маркобской горы и, как добрые гости, явятся к ханам. И тогда судьба Ахала и Мерва будет решена. О'Донован на весь мир раззвонит о поражении России и заставит нового премьера Англии, сэра Гладстона, не только вернуть английские войска в Кабул, но и двинуть их в среднеазиатские хаства, и в первую очередь к текинцам.

Две недели холодные ветры зимней пустыни ударялись о кибитку англичан. Ни шерстяные чекмени, ни косматые тельпеки не могли защитить заморских гостей от дикой стужи. Спасал лишь бренди. О'Донован то и дело прикладывался к бутылке и, согревая кровь, развязывал язык. В пьяном виде он был не в меру болтлив и заносчив.

— Сэр Гладстон напрасно не считается с нами! Он занялся Трансваалем! Но я заставлю его понять, и он поймет: Средняя Азия — это все!

— Англию губит упрямство,— уныло отвечал Стюарт.— Если б наш прежний премьер занялся бурами, то Гладстон наверняка бы позаботился о текинцах. Чертова страна! Упрямый народ! Но мы будем повелевать Азией руками азиатов! Мы создадим отряды текинских джигитов, и командовать ими будут английские офицеры. Это будет страшная сила! С ее помощью я наведу порядки во всей Средней Азии!

— Ты будешь вице-королем, Стюарт! Только давай еще выпьем. Кровь стынет в жилах от азиатского холода!

Ведя беседы, они не переставали следить за Геок-Тепе, и чем дольше держалась крепость, тем увереннее и наглее были

их разговоры. Но тем более сокрушающе подействовала на них развязка многодневной осады.

Услышав подземный гул и раскатившееся по горам эхо, оба выскочили из палатки и, еще не приложившись к биноклям, увидели черный столб дыма над текинской крепостью. А потом они молча и сосредоточенно наблюдали за ходом штурма. Они видели, как заметались люди между юртами в крепости, как полезли на холм русские солдаты и поставили императорский флаг; как постепенно толпы защитников, вперемежку с царскими солдатами, словно выплеснулись из крепости в пески и расплылись по пустыне.

— Это — конец! — первым нарушил напряженное молчание Стюарт.— Можно отправляться в Мерв, а еще лучше — сразу в Мешхед. Русские не остановятся в Ахале!

— Да, полковник, вы правы,— согласился О'Донован.— Но посмотрите туда! — указал он рукой на восток, откуда двигался большой отряд.

Стюарт вновь приник к биноклю и скучно сказал:

— Это кучанский ильхани со своими людьми. Он обещал помочь Скобелеву, и он держит свое слово.

Курды-проводники стояли рядом. Они только что поднялись на вершину, принесли свежий лаваш и мясо. Они каждый день поднимались сюда и уходили вниз.

— Ваших соседей, теке, побили,— сказал Стюарт, посмотрев на проводников.— Ваш Шуджа помогает русским.

Проводники тихонько засмеялись. Один из них пояснил:

— Сааб, если б текинцы побили урусов, тогда бы Шуджа напал на урусов. А сейчас он поехал, чтобы взять побольше добычи. Наши люди говорят, текинские ханы ночью из крепости уходили, в песках золото и серебро прятали.

— Недурно,— сказал Стюарт и опустил бинокль.— Давайте-ка снимайте кибитку да укладывайте вещи.

XXI

Когда взрыв разворотил стену, черным столбом взметнувшись к небу, и штурмовые колонны бросились в брешь, затопляя, словно наводнение, узкие кривые улочки крепости, Скобелев сел на коня и выехал с резервной сотней на открытое место. Отсюда он следил за штурмом и взятием Денгли-Тепе. Толпы текинцев вскоре были сломлены. Выплеснувшись из северных ворот крепости, джигиты устремились на север, в пески. Кавалеристы преследовали их.

— Ну что, Гродеков, поздравляю! — сказал Скобелев.— Победа полная. Теперь этот взрыв во всем мире будет услышан. Давай-ка посмотрим, что там, в крепости?

Скобелев и начальник штаба направили коней к бреши в стене, сотня осетин последовала за ними. Въехав в крепость, командующий увидел, как солдаты на вершине холма устанав-

ливают штандарт, тянут туда две пушки, перекрестился: «Слава богу, слава богу». Обогнув холм и не обращая внимания на суету в крепости, Скобелев выехал через северные ворота и не спеша повел свою сотню в сторону песков. Нет, он выехал не затем, чтобы преследовать противника. Зачем? Это сделают и без него — другие. Но надо было продемонстрировать и свое участие в преследовании. И он ехал. И выезд его был похож на триумфальное шествие победителя. Генерал хмурился, чтобы выглядеть строгим, но сияющая улыбка славы заливала его лицо. Он торжествовал и не смог ничего с собой поделать, чтобы скрыть радость. Ощущая в себе запоздалый прилив доброты, пришедшей на смену жесткой, бескомпромиссной строгости, он приказал ни в коем случае не трогать бегущих в пески стариков, женщин, детей. Возле пустынного аула в ноги скакуну командующего неожиданно бросилась девочка лет семи и едва не была раздавлена. Скобелев успел остановить коня. Скакун «выкинул свечу» и отпрянул в сторону, а девочка засмеялась и, заложив руки за спину, посмотрела вверх, на генерала.

— Откуда взялась эта погремушка? — спросил он, радуясь, что не задавил ее, и слез с коня.

— Бросилась неожиданно,— принялся оправдываться командир сотни.— Не углядел, господин генерал-адъютант, виноват.

— Ничего, ничего, слава богу — все обошлось,— проговорил командующий и спросил у девочки: — Чья ты? Отец, мать где?

Девочка опять засмеялась и потянулась к погону генерала. Ехавший в скобелевской сотне Караш (уже целый месяц он исполнял службу переводчика у командующего) слез с коня и попросил:

— Разрешите, господин генерал-адъютант, я поговорю с ней?

Караш задал несколько вопросов девочке: как зовут, сколько лет, кто отец и мать, но на все вопросы получил один ответ — «не знаю».

— Ну что ж, раз ничья, возьмем ее себе, будет наша,— весело объявил Скобелев.— Давай, Караш, посади кизымку к себе на коня, вернемся в лагерь — приютим.

Сотня командующего проехала еще несколько верст и повернула обратно. Возвращаясь, Скобелев видел, как казаки вели из песков женщин, детей, стариков, и радовался: «Теперь и джигиты скоро начнут возвращаться к своим семьям. Спасибо мудрой голове покойного Нурберды: помог мне захватить весь текинский народ сразу. Не собери он всех в крепости, пришлось бы бегать по пескам за каждым». Вернувшись, слезли с коней у кибитки командующего. Скобелев велел начальнику штаба организовать праздничный обед для рядового и офицерского составов, сам вместе с Карашем и туркменочкой отправился к шатрам Красного Креста. Графиню он увидел тотчас — она стояла в окружении медиков и была в центре внимания. Кто-

то ей сказал: сюда едет Скобелев. Милютина хотела уйти в шатер, но заметила красивую кудрявую девчушку в красном платьице, которую вел за руку генерал, и задержалась.

— Боже, какое прелестное создание! — восхитилась она.— Как тебя зовут, маленькая? — спросила у девочки.— Не знаешь? Или сказать не можешь?

— Не знает, ваше сиятельство,— сказал Караш.

— Ну ничего, мы назовем ее Танечкой... Сегодня ведь Татьянин день. Вы не против, генерал?

— Весьма удачное имя,— одобрил Скобелев.— Я взял эту девочку себе, но теперь подумал: пожалуй, будет лучше, если воспитаете ее вы.

— Генерал, как я вам благодарна! — растрогалась Милютина.— Такое нежное дитя, прямо как на картинке. Я и фамилию ей сразу нашла. Неплохо будет звучать — Танечка Текинская?

— Великолепно, графиня, вкус у вас бесподобен! — одобрил выбор графини Скобелев и остановил взгляд на медиках.— Господа, всех приглашаю на торжественный обед...

Графиня ответила за всех, что медики непременно будут, и попросила Караша, чтобы он не уходил и помог ей в качестве переводчика в разговоре с текинским ханом Оразмамедом.

— Он сейчас у меня, генерал. С сыном.

— Приятной вам беседы, графиня,— козырнул Скобелев и зашагал к штабным кибиткам.

Милютина, пропустив Караша в шатер, вошла сама.

— Ну вот, Оразмамед, теперь поговорим с помощью переводчика.

Караш сказал несколько слов по-туркменски, затем протянул руку, знакомясь, и начал переводить беседу. Дети тоже сразу познакомились. Танечка взяла за руку сына текинского хана, отвела в сторонку, и вместе они начали рассматривать небольшие картины на парусиновой стенке выше кровати графини.

— Дорогой хан, я приношу вам самое глубокое соболезнование. Мне искренне жаль вашу жену, ибо она была подругой достойного человека, связавшего свою судьбу с русскими,— длинно высказалась графиня.

— Такова была воля аллаха,— тихо отозвался Оразмамед, думая о своем горе.

— Я восхищена вашим мужеством,— продолжала Милютина.— Вы пронесли дружбу и привязанность к русскому доктору через огонь и штыки. Мне тоже очень дорог ваш друг капитан. На коне, которого вы подарили доктору, я много ездила.

Оразмамед, услышав о Студитском и о скакуне, заметно оживился.

— Где сейчас Студитский? — спросил он.

— В Бами, дорогой хан, недалеко отсюда. Он управляет госпиталем.

— Я тоже из Бами,— сказал Оразмамед и несмело приба-

вил: — Раньше Бами принадлежал мне, но теперь я не знаю, куда ехать.

— Дорогой хан, вы не отчаивайтесь,— попросила графиня, с участием глядя на него.— Через несколько дней мой Красный Крест отправится в Бами, и я возьму вас с собой. Капитан поможет вам устроиться в новой жизни.

Оразмамед благодарно кивнул. Графиня продолжала:

— Вы можете не беспокоиться за свое будущее, как и за будущее своего сына. Вот эту девочку, Таню, я возьму с собой в Петербург и сделаю из нее благородную госпожу. Я могла бы взять с собой и вашего сына. В Петербурге существуют военные гимназии и академии, которыми ведает мой отец — военный министр.

Оразмамед забеспокоился, взгляд его выразил растерянность: слишком всемогущей оказалась эта красивая женщина. Милютина поняла его состояние, сказала, смеясь:

— Испугались, голубчик? Не надо меня бояться. Я добра к вам и сделаю все, что пожелаете.

— Госпожа,— сказал смущенно хан,— мои люди и люди умершего Аталыка сидят на ручье Секиз-Яб и ждут меня. Я должен им сказать несколько ободряющих слов. Какова будет воля ак-паши?

— Дорогой Оразмамед, идите к ним и передайте: все будет хорошо, пусть немножко подождут. Мальчика своего можете оставить у меня. Идите, голубчик.

XXII

После нескольких дней, прошедших в беспрестанной сутолоке, неразберихе и тяжелом труде, на Ставропольском редуте заиграл оркестр. Сначала был исполнен гимн, затем прокатилось троекратное громкое «ура!». Причиной столь ликующей радости была телеграмма, полученная Скобелевым от князя Михаила. Наместник Кавказа поздравлял его от имени государя Александра II со взятием Геок-Тепе и повышением в звании.

Скобелев принимал поздравления, объезжая построившиеся развернутым фронтом войска. Сидел он на черном ахалтекинском жеребце Покорителе, только что подаренном генералу кучанским правителем Шуджа-од-Доуле и названном так в честь Скобелева.

Подъехав к солдатам 4-го батальона Апшеронского полка, командующий милостиво приказал возвратить им знамя, отбитое у текинцев стрелками Куропаткина. Отдельно, в стороне от войск, топтались, ежась на хлестком январском ветру, не менее сотни аксакалов, старшин из всех селений — от Каспия до Асхабада. Многие уже давно вручили Скобелеву свои прошения о вхождении в состав России и пользовались правами русских подданных. Некоторые только что, с помощью опытных старшин, составили прошения и ждали случая, чтобы вручить их.

Объехав строй и провозгласив здравицу в честь взятия Геок-Тепе, командующий остановился напротив старшин. К нему тотчас подъехали на конях генерал Гродеков и войсковой старшина Верещагин, прибывший из Бами. Командующий назначил его комендантом Геок-Тепе.

— Старшина,— сказал ему Скобелев,— перескажите им потом мою речь, если не поймут.— И, выпрямившись в седле, произнес: — Запомните, уважаемые, кто еще не успел усвоить главного... Войска могущественного белого царя пришли сюда не разорять жителей Ахалтекинского оазиса, а, напротив, водворить в нем полное спокойствие, с пожеланием добра и богатства. Если текинцы от малого до старшего придут ко мне с покорностью или вышлют своих представителей, то они будут мною приняты! А теперь говорите, что ко мне у вас?

Туркмены все разом заговорили, задвигались, не зная, с чего и как начать. Первым обратился к Скобелеву Худайберды:

— Ак-паша, мудрый из мудрых! Народ ближних крепостей Беш-Кала, приняв власть ак-падишаха, вверил тебе свои судьбы и смиренно пожинает блага. С таким же смирением хочет служить тебе народ Бами, Арчмана и Дуруна. От имени этих крепостей принес тебе прошение хан Оразмамед.

Еще две недели назад, когда текинский хан, чудом оставшийся в живых, принес прошение в кибитку Скобелева, командующий выслушал его сбивчивую речь, а потом, прочитав прошение, сказал: «Будет день, хан, и ты вручишь мне эту бумагу при всем народе Ахала». Сейчас этот день, этот час и мгновенье наступили. Оразмамед вышел из строя туркменских старшин, приблизился к командующему и, опустившись на колени, подал грамоту.

— Молодец, Оразмамед,— громко сказал Скобелев.— Жалую тебе твои аулы и жду самой ревностной службы на благо России. Передайте всем сердарам и ханам! — прокричал еще громче командующий.— Каждого, кто вернется по своей доброй воле, ждут его угодья и люди, принадлежащие его роду. Передайте об этом также Махтумкули, ушедшему в Мерв, и Тыкме-сердару, бежавшему в пески!

Оразмамед, ободренный генеральской милостью, вновь встал в строй, и командующий принял прошение следующего хана. Церемония продолжалась до полудня. Наконец Скобелев велел старшинам разойтись и готовить людей к возвращению на прежние обжитые места.

Толпы туркмен постепенно рассредоточились. Площадь опустела.

Оставшись в окружении генералов и офицеров, Скобелев недовольно бросил:

— Хоть и осыпал нас государь своими милостями, но службу мы сослужили не до конца. Главного-то хана нет. Ушел в Мерв и увел с собой до десяти тысяч населения. Нет и Тыкмы-сердара с его задиристыми джигитами. Сегодня со своей сотней

я отправляюсь в аул Асхабад, там меня ждет полковник Куропаткин. Вам же, генерал Гродеков, поручаю заняться возвращением в Ахал Махтумкули и Тыкмы-сердара.

— Слушаюсь, генерал,— отозвался удрученно Гродеков и прибавил: — Слушаюсь, но, откровенно говоря, не знаю, с чего начинать. Не гоняться же мне за ними по всей Каракумской пустыне. Бессмысленное занятие.

— Надо ехать и уговорить, чтобы вернулись,— отчеканил Скобелев.

— Что ж, опять прикажете обращаться к доктору?

Строгое лицо Скобелева исказилось в недоброй улыбке. Он похмыкал и, ничего не сказав, направил коня к штабу.

XXIII

В покоренной крепости между тем наводился строгий военный порядок. У места взрыва, в проеме, через который ворвались в Денгли-Тепе скобелевские солдаты, стояла усиленная охрана, у северных ворот — тоже. Казаки возвращали целыми толпами из песков женщин и детей. В самой крепости те же казаки выгоняли из кибиток и нор спрятавшихся жителей и вели их к холму. Напрасно им втолковывали, что вернут к прежнему местожительству. Женщины, усвоившие раз и навсегда, что они должны достаться русским солдатам, сопротивлялись как могли: вырывались, плакали, бросали в казаков комья земли.

— Давай, давай! — кричали громко казаки.— К холму все! К холму!

— Выходи, не бойсь! Ничего худого не будет!

— К холму! К холму!

Командовали казаками комендант Верещагин и его помощник, ротмистр, с висящими закрученными усами. Ротмистр орал как сумасшедший, вращал налитыми кровью глазами и никого не хотел слушать. Увидев у развороченной кибитки двух солдат возле женщин, он весь затрясся от возмущения:

— Стой, ни с места! Стрелять буду! А ну, казаки, взять!

Казаки кинулись к месту происшествия, обступили солдат. Ротмистр растолкал их и еще злее приказал:

— Взять сукиных сынов, насильников и мародеров!

— Да вы что, господин ротмистр?! — испугался Петин.— Да мы ничего такого не позволяем.

— Отставить разговорчики, взять обоих!

— Да погодите же! — взмолился Петин.— Я же бывший пленник, канонир! Вы же меня знаете! А это Кертык-бахши... тоже — наш... из похоронной команды!

— Почему вы с женщинами? — понизил голос ротмистр, разглядев: одна из них, мертвая, лежит лицом вверх, на виске спекшаяся кровь, а другая плачет над ней.

— Это моя хозяйка... Я когда был в плену, жил у нее,— по-

яснил Петин.— А эта,— указал он на Джерен с мальчишкой,— жена Кертыка.

— Ну и ну,— недовольно отмахнулся ротмистр.— Казаки, отправьте старуху в братскую могилу, а этих с молодкой и с дитем сведите к Верещагину, пусть сам разберется.

Пока шли к комендатуре, расположенной тут же в одной из кибиток, Петин подсказывал своему другу:

— Кертык, братец, это самый подходящий случай взять к себе Джерен. Если оставишь одну с мальчишкой — куда она пойдет? Ясно, попадет к какому-нибудь баю, будет черные казаны мыть. Главное, ты не тушуйся: говори, мол, Джерен женой тебе доводится и дитя — твое.

— Вах, Петька, не по обычаю это. Люди узнают — что тогда?

— Да какой теперь обычай, когда все с ног на голову поставлено! Разве по обычаю ты гимнастическую рубаху и шаровары напялил? А Джерен возьмешь к себе — доброе дело сделаешь. Да ведь и сам ты мне говорил: по душе она тебе.

— Петька, ты спроси ее, согласна ли? — не сдавался Кертык.

Молодая женщина, всхлипывая, вела сынишку за руку. Она слышала, о чем говорят ее бывшие батраки, и не знала, что лучше: оставаться в Геок-Тепе и ждать веления рока или уйти с Кертыком.

— Хозяюшка,— по старинке назвал ее Петин.— Ты-то что молчишь? Или думаешь, мне только и заботы, как думать о вас?! Да я же от беды сохранить обоих хочу.

Джерен промолчала. Но по румянцу на щеках и ее растерянному взгляду Петин понял, что ему делать. Как только подошли к комендатуре, Петин выскочил вперед и обратился к коменданту:

— Господин полковник, вы же знаете нас — мы из похоронной команды!

— Ну и что? По каким делам обращаешься? — спросил Верещагин.

— Вот Кертык-бахши, из перебежчиков, давно у нас служит.

— Знаю. А эта женщина с ребенком — кто такая?

— Семья его, господин полковник. За помощью к вам пришли. Беурминский он, из-под Кизыл-Арвата. Может, дадите одну арбу с верблюдом? Мы сами его кибитку погрузим. А как отправится обоз в Бами, пристроимся к обозу.

Верещагин посмотрел на Кертыка, затем на женщину с мальчиком.

— Фельдфебель! — крикнул он.— Поди сюда. Дай в распоряжение бывшего канонира арбу с верблюдом.

— Слушаюсь, господин полковник! — отчеканил фельдфебель и тут же сказал Петину: — Вон видишь, повозка с похорон возвращается? Возьмешь ее.

Спустя час на подворье, где когда-то жил Петин, стояла арба с впряженным верблюдом. Солдаты, разобрав уцелевшую кибитку, по частям укладывали ее в арбу. Джерен помогала им. Рядом с жердями и войлоком уложила ковроткацкий станок, медные чаши, чайники, подушки, одеяла...

XXIV

Огромный обоз Красного Креста второй день готовился к отъезду. Предстояло перевезти в Бами больше сотни раненых. Медперсонал, подчиняясь князю Шаховскому и графине Милютиной, трудился без сна и отдыха. Фургонов было немного: в них поместили лишь тяжелораненых. Остальных сажали в открытые телеги и арбы. В телеги же грузили снятые шатры, кибитки, ящики с перевязочным материалом и медикаментами, двухдневный провиант — сухари, консервы и прочую снедь.

Графиня перед самым отъездом усадила в свой фургон приемную дочь Таню и сына текинского хана. Сам Оразмамед и его джигиты сели на лошадей. Они же вызвались охранять обоз, хотя ему был придан отряд казаков.

— Хан, если устанете, милости просим в фургон! — сказала ему графиня.

Оразмамед закивал, хотя ничего из сказанного не понял.

В третьем фургоне разместилась с тяжелоранеными Надя. Среди них был и мичман Батраков. Вот уже неделю она старательно лечила моряка и молила бога, чтобы сохранил ему жизнь. Батраков все время лежал вниз лицом: в лопатке у него была ножевая рана. Его ударили ножом сверху, когда команда моряков ринулась через проран в крепость. Хирург определил: у мичмана повреждена мышца, необходим шов, но что сделаешь в полевых условиях? Батраков мучительно боролся с болью, но виду не показывал.

Арба с пожитками Джерен пристроилась в самый хвост обоза. Пока Петин и Кертык переносили из палаток раненых и размещали их в фургоны, Джерен сидела с сынишкой и пугливо прикрывала лицо. Сестры милосердия, да и графиня уже знали, кто она такая, и смотрели на нее без особого любопытства. Обыкновенная туркменка, жена перебежчика-санитара. Безграмотная, темная и не понимает, что к чему. Вряд ли кто-нибудь, глядя сейчас на нее, мог подумать, что в сердце этой женщины есть свои тревоги, печали, страх и надежды на будущее. Джерен сидела на арбе и думала о погибшем муже. Если бы он сейчас появился здесь, он даже не спросил бы ее: «Ты куда собралась ехать?» Он увидел бы с ней Кертыка, выхватил нож и зарезал обоих. Таков обычай. Джерен думала о гибели матери мужа, Алтын-дайзы, и тоже не находила слов, которые могла бы сказать мужу, появись он сейчас здесь. Алтын-дайза погибла еще за день до того, как русские ворвались в крепость. Она вышла из кибитки, чтобы отвязать и прогнать пса Сакара, пото-

му что выл по-волчьи, не к добру, и в это время в воздухе просвистело пушечное ядро, разорвалось у самых ног Алтын-дайзы и убило ее и Сакара. Напрасно Джерен тормошила свекровь, пытаясь оживить и поднять на ноги. Алтын-дайзу удалось лишь втащить в кибитку. В горе и растерянности молодая женщина бросилась к соседям, но там свое горе: убили бая, которому раньше пасли верблюдов батраки. Тогда Джерен заплакала в голос, с причитаниями, но никто не подошел к ней. Лишь к вечеру старуха из соседнего порядка проворчала злобно: «Чего воешь, дура, разве не знаешь, что хоронить мертвецов некому?! Сердар запретил возиться с мертвыми. Надо защищать живых от смерти!» Так и пролежала Алтын-дайза, пока не появились Петин и Кертык. Оба обрадовались встрече с Джерен и ее сынишкой. А тетушку вынесли во двор и стали думать, как ее похоронить. Ни савана, ни носилок, да и в крепости такое, что мертвецов на арбах везут в общие могилы. Тут-то и застал санитаров патруль. Всех четверых отвели к коменданту, а Алтын-дайзу с другими мертвыми отвезли к горам. Что и говорить, черную смерть приняла Алтын. Нет, не простил бы муж Джерен, что не уберегла мать. Джерен думала со страхом и о том, что нарушает обычай, уезжая в далекий край с батраком. Не было еще такого, чтобы женщина по своей воле выбрала другого, даже если ее муж мертв. У Джерен сердце содрогалось от этих мыслей. И, ища облегчения, она успокаивала себя: «Но разве меньшее зло оказаться в лапах старого бая?» Успокаивала себя Джерен и тем, что место, куда увезет ее Кертык-бахши, далеко от Геок-Тепе: никто ее никогда не найдет. Думая обо всем этом, Джерен хотела сейчас лишь одного: поскорей бы двинулся обоз. Поскорей бы ее арба укатилась прочь из этих страшных мест!

Наконец где-то впереди дали команду садиться в повозки. Потом появился отряд казаков. Петин, а за ним и Кертык-бахши залезли на арбу. Петин взял вожжи и посадил с собой рядом мальчика:

— Ну, как дела, Мурад? Устал небось? Ну ничего. Если ты в свои пять лет такое повидал, вырастешь — сам черт тебя не устрашит. Хочешь, дам сухарь?

Малыш не выдержал, заплакал, покусывая губы.

— Ты чего, Мурад? — обнял его и погладил по голове Петин.

— Бабушку убили. Сакара убили,— пролепетал в слезах мальчик.

Канонир промолчал и еще крепче прижал мальчишку.

Кертык сидел рядом с Джерен, но смотрел в сторону. Повозки потянулись по разбитой дороге, всюду валялось тряпье, консервные банки, разбитые ящики, гильзы, Кертык думал о том же, о чем уже десять раз передумала Джерен. Когда немного отъехали от Геок-Тепе, Джерен начала понемногу входить в роль хозяйки своих чабанов.

— А сундук хивинский так и не взяли: оставили на месте,—

сказала она и, видя, что «чабаны» молчат, прибавила: — Как же я буду без сундука?

— Хозяюшка, ты не того,— пошутил Петин.— Теперь-то мы вольные. Ты не повелевай нами. И уж если охота бранить, то брани одного Кертыка. Но опять же, если видишь в нем своего хозяина, а не батрака. У нас в Саратове, когда хозяйка хозяина бранит, тому приятно. А когда бранит батрака, то батрак ей кулак кажет!

— Вий, Петька, чего говоришь! — засмущалась, улыбаясь, Джерен.— Сундук не взяли, куда шара-бара положу?

— У Кертыка рука зажила, сам смастерит сундук.

Джерен покраснела и принялась развязывать сачак с лепешками.

— Ешь, Кертык-хозяин,— улыбнулась она.

— Ай, я сыт, Джерен-джан,— сказал он смущенно.— А вообще-то можно попробовать.

— Ну, поехали! — разнеслось впереди, и обоз двинулся, оставляя позади мрачные стены текинской крепости.

XXV

Через день обоз Красного Креста с тяжелоранеными был в Бами. Началась трудная работа во имя спасения жизни сотням солдат и текинцев.

Раненых снимали с фургонов и телег, укладывали на носилки и несли в госпитальные палаты. Вскоре госпиталь был переполнен. Размещали по восемь человек в каждой палате, заполнили кроватями весь коридор. Мест, однако, для всех не хватило, и Студитский распорядился ставить рядом с госпиталем шатры. На дворе было холодно, в горах и предгорьях лежал снег. Температура днем поднималась выше нуля, снег подтаивал, и от него веяло промозглой сыростью.

В шатрах поставили железные печки. На заготовку дров в горы и в пески, за саксаулом, Шаховской снарядил солдат. А пока пользовались строевым лесом: жгли в печах бревна и доски, с невероятным трудом доставленные сюда из России.

Всегда спокойный и уравновешенный акционер Эльфсберг в эти дни сделался совершенно иным.

— Золото сжигаете, господин капитан! — раздраженно кричал он на Студитского.— За этот лес я золотом расплачивался, а вы его в огонь!

— Не отчаивайтесь, друг мой, все возместим,— обещал капитан и, в свою очередь, стыдил акционера: — Неужто не совестно вам, господин Эльфсберг? Неужто вы не понимаете, что все это делается ради жизни людей?

— Каких таких людей?! — возмущался акционер.— Офицеры у вас в теплых палатах лежат, а чернь разве стоит того, чтобы жечь ради нее золотое добро? Солдаты сплошь... Как их ни лечи, все равно калеками будут. И туркмен тут больше, чем

солдат. Вот уж никчемное сердоболие. Вчера в них из пушек палили, а сегодня спасать от смерти взялись.

Студитский вытолкал из своего кабинета ретивого торгаша. Тот отправился к начальнику гарнизона, которым временно командовал полковник Вержбицкий, доложил о самочинствах доктора и сел писать на него рапорт. В бумаге указал ущерб, понесенный от «дурных» действий начальника миссии, господина капитана Студитского. Начальник гарнизона признал некоторые доводы Эльфсберга разумными и отправил его жалобу Шаховскому и Милютиной с резолюцией: «Непредвиденные расходы, связанные с беспорядками в госпитале, всецело ложатся на казну Красного Креста. Нанесенный г-ну Эльфсбергу ущерб следует возместить согласно представленных им счетов». Ниже приписал: «Понимаю ваше патриотическое благородство, господа. Что не сделаешь во имя русского солдата! Но чем объяснить, что сотни казенных рублей тратятся на раненых туркмен?»

Жалобу акционера вручил Милютиной дежурный по штабу в тот час, когда после продолжительной операции она вместе со Студитским и ассистентами вышла из операционной. На лице Елизаветы Дмитриевны лежала тень неимоверной усталости, глаза были воспалены от напряжения. Студитский тоже выглядел подавленным: три часа борьбы за человеческую жизнь не увенчались успехом. Раненый умер. К тому же умерший был туркменом. Прочитав жалобу с циничной резолюцией, Милютина подала листки Студитскому.

— Лев Борисыч, признаться, я не ожидала такой выходки от Эльфсберга. И этот Вержбицкий хорош!

— К сожалению, ваше сиятельство, Скобелев не одинок.

— Пожалуй, я навещу полковника Вержбицкого. Я преподам ему урок русского благородства! — загорячилась Милютина.

— Не надо, ваше сиятельство. В нынешней обстановке наша гуманность может обернуться против нас самих. Если доложат Скобелеву о том, что в госпитале вместе с русскими солдатами лежат на излечении туркменские джигиты, он не потерпит этого. Генерал прикажет выдворить текинцев. Мы, разумеется, заступимся и спасем их. Но мы потеряем много дорогого времени на перепалку. А оно нам так необходимо сейчас. Нельзя терять ни минуты...

Медики работали по двенадцати часов в сутки. Не все операции заканчивались благополучно, но палаты госпиталя с каждым днем становились просторнее: раненые выписывались и отправлялись с оказиями к морю, в Чекишляр. Текинцы покидали госпиталь, выражая самую горячую благодарность русским медикам. Выходя из госпитального барака, они тотчас попадали в объятия своих родственников и близких, которые жили в кибитках, рядом, и ждали чуда — выздоровления своих отцов и братьев. Медиков осыпали подарками.

XXVI

Утром доктор делал обход раненых. Сопровождала его Надя. Она была бесконечно благодарна доктору за его особое внимание к мичману. Хотя ничего особого он не проявил: просто очистил рану и сшил рассеченную мышцу. Проделал это в строгих антисептических условиях. Запах карболки и сейчас стоял в госпитале.

— Здравствуйте, мичман, как себя чувствуете? — спросил, войдя в палату, Студитский.

— Хорошо, доктор. Жар упал, так, небольшая слабость и головокружение.

— Полежите еще недельки две и можете отправляться в свой Кронштадт. Впрочем, службу придется оставить: ранение довольно серьезное. Домой, вероятно, придется ехать.

— Я уже думал об этом,— отозвался мичман и задумался. Лежал он на левом боку, черные кудри падали ему на лоб и мешали смотреть на доктора и Надю.

— Здесь у нас разворачивается жизнь,— сказал капитан.— Железная дорога, дороги почтово-транспортные, станции, полустанки, больницы, может быть, даже гимназии для туркмен. Подумайте об этом, мичман. Мне говорили, что у вас — золотые руки. Это вы сконструировали опреснитель из котла парового катера, что стоит в Яглы-Олуме?

— Я,— отозвался Батраков.— Да там нет ничего хитрого.

— Как бы вы были к месту на постройке станций! — воскликнул капитан.— Первая проблема там — вода. Надо поить не только железнодорожников и дехкан, но и паровозы, а эта игрушка пьет будь здоров!

— Где же все-таки думаете брать воду? — заинтересовался Батраков.— Из ручьев действительно паровозы не напоишь.

— Признаться, знаю не больше вашего, где ее брать,— сознался Студитский.— Но я поставлю всю Россию на ноги, а вода будет. Думаю обратиться к акционерам «Кавказа и Меркурия», к самому генералу Жандру. Его представители советуют попросить у него буры. Попробуем пробить шурфы, может, потечет.

— Может быть,— заинтересованно отозвался мичман.— Но если учесть, что в Кизыларватском ущелье колодцы глубоки, то вряд ли буром дотянешься до воды. Придется нанимать туркмен: у них есть настоящие мастера по колодцам. Но знаете, доктор! — от прихлынувшего волнения мичман приподнялся и сел на кровати.— Сардобы — вот что надо!

Надя тотчас подошла к моряку и начала уговаривать его лечь: не дай бог разойдутся швы. Студитский тоже попросил мичмана лечь и не волноваться. Но тут же спросил:

— А что это за сооружение — сардоба? Давно слышу о них, но не приходилось видеть.

Надя поняла, что разговору не будет конца, попросила умоляюще:

— Доктор, может, уже хватит? Вы же говорили, что нельзя его много тревожить?

— Да, Надежда Сергеевна, да. Простите, увлекся. Ну, выздоравливайте, мичман. Поговорим еще о сардобах.

— Вне всякого сомнения,— отозвался Батраков. И, когда Студитский вышел, сказал: — Надежда Сергеевна, по-моему, мне нечего делать в Петербурге. Останусь-ка я здесь. А что? Не понравится, уеду, а придется по душе — жалеть не буду.

— Мне тоже здешние места нравятся,— смутившись, отозвалась Надя.

XXVII

По вечерам навещал доктора Оразмамед.

Кибитку он свою поставил на окраине Бами, возле ручья. Несколько дней она красовалась в одиночестве, словно заброшенная. Но затем появилось около нее еще несколько войлочных юрт, и теперь этот мирок именовался аулом. Оразмамед рассказывал доктору, что вернулись люди, ранее служившие ему, останавливаются у него и незнакомые. Кому-то надо навестить раненого родственника, который лежит в госпитале, кто-то привез кошмы и хотел бы обменять их на муку или рис.

Оразмамед чаще всего приходил вместе с сыном. Стойкий и мужественный человек, в разговорах он не сетовал на судьбу, не вспоминал о погибшей жене, чтобы не показаться слабым, но когда умолкал, то в глазах у него отражалась тоска, и капитан думал: «Оразмамед ни на минуту не забывает о горе».

Несколько раз Оразмамед был в гостях у графини Милютиной. Шел к ней боязливо, с явной неохотой, лишь благодаря настойчивым просьбам сына, которому не терпелось увидеться с Таней Текинской и поиграть в мяч или полистать книжки. Елизавета Дмитриевна с радостью встречала гостей, усаживала их за стол, угощала лакомствами и принималась уговаривать хана, чтобы отпустил сына на учебу в Петербург. Графиня расписывала как можно красочнее обстановку и условия, в каких окажется мальчик, сулила ему блестящее будущее: офицерские погоны, путешествия в европейские страны. Оразмамед постепенно сдавался, но не представлял, как он останется совершенно один.

В один из дней Оразмамед пригласил медиков к себе, в кибитку. В честь высоких гостей люди хана зарезали овцу, приготовили шурпу и плов. Еду подали в глиняных обожженных чашах прямо на кошму, где сидели Милютина, Шаховской и Студитский. Слуга подал деревянные ложки. Есть сидя было неудобно. Графиня и князь явно тяготились обстановкой. Елизавета Дмитриевна, со свойственной ей прямотой, высказала, что Оразмамед живет очень бедно, в кибитке у него неуютно и холодно. Хан насупился: решил, что его упрекают за плохой при-

см. Графиня поняла, что проявила бестактность, и поспешила загладить свою вину.

— Оразмамед, ради бога! — взмолилась она.— Это не упрек и не обида. Просто я хотела сказать, что вы нуждаетесь... Я распоряжусь, чтобы вам ссудили достаточную сумму на обзаведение хозяйством.

Гости ушли веселыми — хозяин остался доволен...

На следующий день поступила телеграмма: едет начальник штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Павлов. Полковник Вержбицкий поднял на ноги весь личный состав, началась уборка территории военного поселения: казарм, госпиталя, бараков вольноопределяющихся, где квартировали торговцы, приказчики и рабочие. На наведение порядка ушло два дня. И вот телеграмма уже из Ходжа-Кала, и начальник гарнизона со свитой отправился на Бендесен встретить генерала. В свите был и капитан Студитский: выехал, словно чувствовал, что без доктора не обойтись. Павлов в дороге заболел и ехал не в седле, а в телеге, накрытый тулупом.

Встретили его на самом перевале. Вержбицкий хотел доложить о полном порядке и отсутствии происшествий, но едущий есаул указал на телегу.

— Не тревожьте, генерал-лейтенант сильно больны. Животом маются. Вода у вас тут нехорошая.

— Есаул, кого там леший принес? — донесся слабый голос из-под тулупа.

— Свои, баминские, выехали встретить, господин генерал.

— Слава богу, пусть везут поскорее к доктору.

Студитский подъехал к телеге и склонился над закутанным в тулуп больным:

— Что с вами, генерал? Я доктор.

— О господи, бурчит, спасу нет,— пожаловался генерал.— Сели вчера водку пить, а этот бородатый берендей, повар, капустки соленой преподнес. Цинги, дескать, не будет, а оно вон как вышло.

Студитский пощупал у генерала лоб, нашел, что есть небольшая температура, и велел казакам поторопиться. Часа через три были в Бами.

Павлова положили в отдельную палату, окружили заботой и вниманием. Болезнь у него прошла на другой день, но генерал уже не хотел ехать дальше.

— Доктор, скажи-ка начальнику гарнизона, чтобы дал телеграмму Скобелеву. Говорят, он где-то в Асхабаде или еще дальше. Пусть приедет сюда. Скажи в депеше, что я привез ему кресты, медали и все прочее за взятие Геок-Тепе. Пусть поспешит.

Еще через день Павлов переселился из госпитальной палаты в отдельную комнату. Надел полный мундир и стал похож на солидного генерала: невысок, но кряжист, лицо красное, словно крапивой обожжено, нос мясистый и бородавка на щеке. В его

честь Вержбицкий дал ужин: пригласил к себе нескольких офицеров. Тут подъехал из Геок-Тепе еще один генерал, и тоже начальник штаба — Гродеков. Прибыл с иными заботами, но попал, как говорится, в кон.

Ужин проходил весело. Предметом разговора конечно же была текинская крепость, наделавшая так много шуму вокруг. Но теперь беседы о ней велись в более сдержанных тонах. Ни Павлов, ни Гродеков, ни тем более доктор Студитский не восхищались отвагой «белого генерала». Павлов первым сказал о нем с иронией:

— Ай да «белый генерал»! Вся и слава, что распугал текинцев, как кур с насеста. Петухи разбежались по пескам — не соберешь. А в курятнике остались одни куры с цыплятами. Ведь что получилось, господа. Махтумкули в Мерв бежал со своими джигитами. Тыкма-сердар тоже увел своих джигитов в пески. Собственно, в крепости остались лишь те, которые и раньше с нами знались и уважали нас. Словом, шуму много, но дело не окончено. Долго еще придется гоняться по пескам да упрашивать, чтобы шли служить России. А если не сумеем уговорить их, то они такой бастион в Мерве создадут, что никакими пушками не расшибешь. Англичане хоть и ушли из Афганистана, но агенты их свили в Мерве крепкое гнездо. Корреспондент «Дейли ньюс» — первый советник Каджара.

Павлов высказывал свои опасения, сомнения, заботы, и слова его ложились в унисон мыслям Гродекова. Он держал в левой руке рюмку с коньяком, правой выбивал пальцами дробь по столу и хмурился. «Так, так, конечно, все так,— говорил про себя.— Взрыв произвел впечатление, но не дал желаемого результата. Но что же вы думали раньше, распрекрасные господа, когда ставили с ног на голову принятый план освоения Закаспия? Вы сами себе отвели на его осуществление три года, но тут же скомкали его. Выдумали угрозу! Шахских вояк из Хорасана выпроводили! Но ведь англичане, после победы либералов, сами из Кабула ушли. Зачем же было спешить и поощрять честолюбивые порывы Скобелева к скорейшему захвату Геок-Тепе? Стояли бы сейчас спокойно в Кизыл-Арвате, вели бы переговоры не спеша. Если разобраться, шумная победа стала даже Скобелеву в тягость. И он тоже засуетился: подай ему миром бежавших ханов».

— Знаете, генерал-лейтенант,— признался Гродеков,— мне импонируют ваши взгляды и речи. И давайте-ка выпьем за нашего уважаемого, сидящего с нами доктора Студитского. Ему одному под силу сделать то, чего не может сейчас сделать весь скобелевский отряд.

— Однако, генерал, при чем тут доктор? — не понял Павлов.— Врач, конечно, он отменный: в один день меня вылечил... Миссию свою выполняет тоже исправно: на опорных пунктах всюду магазины открылись, строительство идет, торговцы едут... А вот насчет того, чтобы он ханов нам вернул, это уже извините.

— Вы преувеличиваете мои возможности, Николай Иваныч,— сказал Студитский.— В крепости я бы еще мог их уговорить, но сейчас это сделать гораздо сложнее. Господин генерал-лейтенант прав, что в Мерве они как в бастионе. И насчет англичан — тоже прав.

— Прав, конечно,— подтвердил Павлов и пояснил: — Наша разведка из Хорасана сообщила, что О'Донован и Аббас готовятся заполучить прошения от сорока ханов Мерва в пользу персидского шаха. Если шах Насретдин возьмет прошения и примет текинских ханов — не видать России Мерва. Войной на него не пойдешь, а чтобы миром присоединить — не с кем будет переговоры вести. Ханы-то уйдут! Вот она какая тут — политика.

— И все-таки, господин доктор, я прошу вас отнестись к моему предложению со вниманием,— сказал Гродеков.— Я специально приехал, чтобы уговорить вас ехать в стан Тыкмы-сердара. Сначала надо вернуть в Ахал его. О Махтумкули говорить рано. Что вам необходимо, чтобы вы могли отправиться на урочище Джуджуклы? По последним сведениям, Тыкма находится там. Сколько вам потребуется казаков, провианта? Может, еще что-то?

— Ни казаков, ни чего другого не надо,— подумав, сказал Студитский.— Поедем вдвоем с ханом Оразмамедом, если, конечно, он согласится. А просьба у меня к вам такова. Текинский хан Оразмамед не сделал нам никакого зла, напротив, привел в наш стан своих соотечественников. Окажите ему должное внимание.

— Ну, это в наших возможностях,— уверенно заявил Павлов.— Перед моим отъездом к вам мы с великим князем Михаилом Николаевичем вели разговор о том, чтобы самых лояльных ханов послать к государю в Петербург, отличить их званием и наградами. Если ваш хан заслуживает, то мы его первым в список впишем.

Студитский легко вздохнул.

— Господин генерал, Оразмамед — прекраснейший человек. Я ручаюсь за него, как за себя. Пусть побывает в столице. А если званием пожалуете, он будет самым примерным офицером.

— Ну что ж, коли так,— удовлетворенно сказал генерал.— Сейчас же и возьмем на заметку.

Вынув записную книжку и карандаш, Павлов еще раз спросил имя хана и вывел крупными буквами: «Оразмамед. Необходимо взять с собой для представления государю».

Тут же условились: капитан Студитский выедет без промедления, как только сдаст госпиталь.

После ужина Гродеков начертил на листке примерный маршрут следования к урочищу Джуджуклы. Доктор поблагодарил генерала и, распрощавшись, отправился к себе. Войдя в кабинет, он убрал в шкаф препараты и медицинский инструмент, затем отправился доложить о своем отъезде Шаховскому.

Князя в его комнате не оказалось. Капитан нашел его у графини.

— Простите, что не вовремя, господа,— извинился Студитский.

— Заходите, доктор,— живо отозвалась Елизавета Дмитриевна.— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего. Завтра отправляюсь по заданию Гродекова на границу с Мервом.

— По заданию? — удивилась Милютина.— Но разве начальник штаба вправе распоряжаться вами?

— Я сам выразил согласие, Елизавета Дмитриевна. Поеду к Тыкме-сердару и постараюсь на этот раз уговорить, чтобы шел к нам на службу.

Шаховской сидел в кресле в белой расстегнутой сорочке, держался фамильярно, как самый близкий графине человек, и не отказал себе в удовольствии заметить:

— Будь вы несговорчивее, капитан, вас бы не понукали когда угодно и кому вздумается. Мы кое-как уговорили командующего не посылать вас на перемирие в текинскую крепость. Но теперь вы опять заставляете нас идти к Гродекову.

— Боже упаси, князь! — посуровел Студитский.— Я отыскал вас, чтобы спросить: кому сдать госпиталь? Вероятно, заместителю?

Шаховской поднял глаза на графиню. Милютина пожала плечами.

— Вы думаете, господин капитан, все еще есть необходимость уговаривать кого-то?

— Непременно, ваше сиятельство. Взятие Геок-Тепе не решило существа дела. Главный хан и Тыкма-сердар, как вам известно, не покорились Скобелеву. Англичане усиленно влияют на обоих, чтобы приняли подданство шаха. Если сейчас мы упустим время и не решим вопрос присоединения остальной части Туркмении мирным путем, то обстановка вновь обострится.

— Хорошо, капитан,— согласилась графиня.— Поезжайте. Но, право, без вас я буду скучать.

— Ценю вашу привязанность.— Он поцеловал ей руку и вышел.

XXVIII

После падения крепости Тыкма-сердар скрылся на колодцах Багаджа. Сюда же отступили все его джигиты. Здесь он надеялся встретиться с Каджаром и решить с ним вместе, что делать дальше, но тот бежал вместе с ишаном и Махтумкули в Мерв.

В кибитке Тыкмы-сердара стоял плач: женщины оплакивали смерть Акберды. Тыкма по приезде сообщил им, что его старший сын погиб в крепости. Сам сердар крепился, не показывал слабость джигитам. Разгоряченные боем и бегством, прибыв на колодцы, они потрясали саблями и рвались назад. Тыкма сле-

дил за ними и видел, как постепенно их горячность уступала место трезвому рассудку. Вот уже некоторые заговорили о семьях, оставшихся в крепости, стали думать, как выручить из неволи жен и детей. Через неделю кто-то привез из Геок-Тепе воззвание Скобелева. Генерал сулил прощение текинцам и обещал все блага, если они станут служить под гербом русского государства. Джигит, привезший воззвание, сообщил, что видел своими глазами, как аксакалы и ханы, принявшие подданство России, увозят своих людей из крепости в родные места. Видел, с какими почестями разговаривал Скобелев с кизыл-арватским ханом Худайберды и как благосклонен был к Оразмамеду.

Тыкма призадумался. Софи подсел к сердару.

— Тыкма-ага,— сказал он слезливо,— люди хотят ехать, но неизвестно, как обойдется с нами ак-паша. Может, простит, а может, отправит всех в Россию. Надо умилостивить Скобелева.

— Что же ты хочешь от меня, Софи?

— Отдай нам генеральского жеребца. Мы вернем его Скобелеву, и он простит нас.

— Ты глупец, Софи! Ты сумасшедший дурак! — взревел сердар.— Как смеешь ты говорить о коне?! Убирайтесь от меня прочь, трусы!

— Хорошо, сердар, мы уйдем,— смиренно отозвался Софи и удалился. За ним последовали все его джигиты.

Вскоре они начали собираться в путь. Тыкма с беспомощной злобой посмотрел на них, вывел Шейново из агила и привязал к териму кибитки. Здесь же, около коня, он постелил коврик, сел и положил у ног заряженный пистолет. «Чего захотели! — мрачно подумал он.— Разве есть цена этому скакуну? Весь белый свет знает о том, что Тыкма захватил у ак-паши жеребца. Но если белый свет узнает, что Тыкма струсил и вернул коня назад,— это будет все равно что Тыкма отдал свою славу и честь русским! Нет, Софи-хан, твоя просьба невыполнима. Если мне не останется места на этой земле и придется отправиться в преисподнюю, может, тогда я приду к генералу и за коня выхлопочу себе жизнь!»

После того как Софи уехал и пыль рассеялась в синем небе, Тыкма созвал своих преданных джигитов.

— У кого в Денгли-Тепе остались родственники? — спросил он.

Таких не нашлось, ибо все они, еще когда Нурберды переселял жителей оазиса в Геок-Тепе, не подчинились его приказу. Они-то знали: туркмен свободен в песках, но не в стенах крепости.

— Тогда вам ничего не надо бояться,— сказал Тыкма.— У кого есть конь и сабля, того нельзя считать побежденным.

Еще через неделю на колодцах появился небольшой отряд русских казаков. Они остановились в отдалении и подняли над головой белый лоскут. Тыкма понял: зовут на переговоры. Некоторое время он стоял с джигитами у кибитки и не знал, как

ему поступить: ехать к прибывшим от Скобелева людям или пригласить их сюда. «Не попасть бы в ловушку!» Поразмыслив, Тыкма послал к ним одного джигита. Тот вскоре возвратился в сопровождении парламентера. Это был пристав Караш.

Встретив его, Тыкма ухмыльнулся:

— Дорого тебе, Караш, обходится служба у русских. На Гургене мои джигиты за твоим Кошлу-кази гонялись, хотели труп его собакам бросить. Тебя тоже тогда ждала такая участь, жаль — не нашли.

— Тыкма, воздержимся от оскорблений,— попросил Караш.— Я прислан к тебе Скобелевым для официального разговора.

Тыкма пригласил гостя в кибитку: на дворе свистел зимний ветер, от которого мерзли щеки и сводило губы. Караш, войдя, окинул взглядом бедное убранство походной кибитки сердара, посмотрел на жену и младшего сына хозяина: оба сидели тут же и одеты были бедно.

— Плохо живешь,— сказал Караш.— Другие текинские ханы, говорят, несметные богатства в Мерв увезли.

— Садись, гость, попей чаю,— пригласил Тыкма и резко заговорил: — Я никогда не стремился к богатству, хотя оно лилось ко мне рекой. Тыкма потрошил хорасанских купцов, но тут же раздавал добычу беднякам дехканам. Тыкма угонял с хорасанских пастбищ отары, но раздавал их бедноте, чтобы наелись хоть раз досыта...

Сердар говорил о себе как о защитнике бедноты. Караш не сомневался в его искренности, поддакивал, кивал и вспоминал одну за другой легенды о Тыкме, о которых он умалчивал. «В тринадцать лет Тыкма впервые принял бой с персами... В семнадцать — повел джигитов в Хорасан и, увлекшись, дошел почти до Персидского залива. В отместку персидский шах-заде напал на крепостцу Тыкмы и увез с собой его жену: она была беременна, на шестом месяце. Шах-заде посадил ее на цепь, приковав конец цепи к потолку, и запросил немыслимых размеров выкуп. Тыкма с тридцатью джигитами отправился в Мешхед на базар, собрал беспрепятственно дань со всех купцов и торговцев и выкупил жену из плена. Она родила Тыкме сына Акберды, такого же, как отец, храброго джигита. Но вот погиб Акберды. И жена вот сидит, сгорбившись, с младшим сыном. И ни кола ни двора у Тыкмы, одна бедность».

— Да, Караш,— продолжал Тыкма, в то время как гость вспоминал о его подвигах,— для тебя богатство — золото, ковры, деньги. Для меня — конь, пески и семья. Нет, не Скобелев заставил тебя приехать ко мне. Тебя заставил ехать сюда страх перед потерей твоего богатства. Ты не привел Скобелеву верблюдов — потерял уважение ак-паши. Верно говорю? Верно, Караш, верно. Не отворачивайся от правды. Теперь ты потеряешь свои погоны, потому что я никогда не соглашусь служить Скобелеву и его государю.

Караш бледнел, слушая сердара, и всеми силами стремился уговорить его перейти в стан русских.

— Сердар, ты прав. Я дорожу своим богатством и хочу быть еще богаче. Мне не нужны большие почести, мне нужна нефть. Если я выполню поручение ак-паши, помирю тебя с ним, он отдаст мне все нефтяные колодцы на Челекене. Сейчас ими распоряжаются русские промышленники — Нобель, Плашковский, но потом они будут мои. И твои, Тыкма, если будешь благоразумным. Я отдам тебе третью часть нефти.

— Дурак ты! — возмутился Тыкма-сердар.— Убирайся, я не хочу говорить с тобой. Ты царский холуй, вот ты кто, Караш!

Тыкма встал и уставился сердитым взглядом на гостя сверху. Караш понял — все потеряно, Тыкма — неумолим. Отчаянье его было столь велико, что он хлопнул себя ладонью по лбу и возмущенно воскликнул:

— О аллах, вразуми этого несчастного! Неужели он не видит выгод, какие сулит ему жизнь? Скобелев обещает ему весь Ахал, весь текинский народ, а он не хочет!

— Прощай, Караш, и забудь дорогу ко мне. Приедешь еще раз — убью,— сухо предупредил Тыкма-сердар и вывел гостя из кибитки.

Караш сел на коня и поехал к казакам, которые поджидали его на почтительном расстоянии. Он удалялся и все время оглядывался, не пустил бы Тыкма вслед пулю. А Тыкма-сердар стоял и посмеивался над ним. «Поистине мельчают туркмены... Чем выше почести, тем ниже совесть».

Выждав, пока отряд Караша скроется с глаз, сердар распорядился снять кибитки и ехать к Мерву.

К вечеру его джигиты и небольшой караван навьюченных верблюдов двигались по краю пустыни. Тыкма боялся идти по оазису, ибо он был заполнен царскими солдатами и курдами кучанского ильхани.

Время от времени Тыкма посылал то в Асхабад, то в Гяурс и Каахка лазутчиков, чтобы выведали, где Скобелев. Люди возвращались и сообщали одни и те же вести: ак-паша ведет солдат к Мерву.

Скобелев действительно был у границ Мерва. Он двинулся через горы в Люфтабад, но получил приказ из Тифлиса — немедленно остановить движение, и расположился лагерем на реке Теджен.

Сердар был настроен, как прежде, воинственно. У него насчитывалось всего четыреста джигитов, но непоколебимая вера в себя и слава опытного и бесстрашного предводителя говорили ему: «Тыкма, только ты можешь защитить Мерв от Скобелева. Помоги мургабцам, и они вознесут твое имя до небес!»

Сердар послал людей с письмом к Каджару. В послании упрекал его, что тот не выполнил обещаний: в то время как джигиты Тыкмы рвутся в бой, чтобы сразиться с царским от-

рядом, Каджар и другие ханы трусливо заперлись в стенах Мерва. «Наберись отваги, Каджар,— требовал Тыкма.— Дай мне в помощь две тысячи воинов, и я прогоню ак-пашу. Скажи также Стюарту и его другу О'Доновану, что Тыкма хотел бы о многом поговорить с ними. Лучше Тыкмы-сердара им человека не найти».

Лазутчики отправились в Мерв, и Тыкма прождал их чуть ли не месяц. Все так же он стоял в степи, не входя в оазис. Время от времени его джигиты отправлялись на охоту, привозя дичь. А когда кончился хлеб, напали на обоз Скобелева и разграбили его: привезли мешки с сухарями и галетами. Вернувшись с провиантом, привезли весть: «В Петербурге свои же русские убили царя. На его место сел другой. Скобелев теперь здесь не останется, потому что бедняки в России жгут деревни, а сам Скобелев — помещик». Тыкма обрадовался столь важным сведениям и стал ждать, когда уведет отряд Скобелев. Но проходили дни и недели, а Скобелев лишь отошел к Асхабаду и там остановился, по всем признакам — надолго.

Наконец вернулись из Мерва лазутчики, привезли бумагу от Каджара. Сердар не умел читать и послал слугу, чтобы привел грамотного муллу. Ученый человек тут же нашелся. Пришел, развернул свиток и прочитал:

— «Тыкма, ты просишь две тысячи всадников и службу у англичан. Поистине твой аппетит неумерен, а речи оскорбительны. Будет обидно мервцам поручить тебе охрану нашей земли. Ты убежал от русских и после этого просишь почета у нас, считая себя храбрецом. Если ты храбрый, то, значит, на свете нет трусов. Но ты — трус, и запомни это. Храбрецы все погибли в Геок-Тепе...»

— Хватит скулить, мулла! — сердар вырвал у него из рук бумагу.

Скомкав письмо, он бросил его в горящий очаг. Успокоившись немного, сказал:

— Бумага английская.

XXIX

Кони шли ровно, копытя мокрую землю. С десяток джигитов сопровождали Студитского и Оразмамеда. За день отмеряли по сорок верст. Ночевали в аулах, куда только-только возвратились из крепости дехкане и устраивали жилье. По пути видели, как туркменская беднота перекапывала заброшенные мелеки и вспахивала поля близ аулов. Придет тепло, заколосится пшеница, поспеют арбузы и дыни, но пока что все вокруг выглядело серым и невзрачным.

О смерти царя Студитский узнал в Асхабаде, когда устраивался на ночлег в крепости, на Горке. Так скобелевские солдаты назвали большой холм, возвышающийся над кибитками

и глиняными домами туркмен. В короткой депеше говорилось о восшествии на престол наследника, Александра III, и необходимости в войсках повысить бдительность. На Студитском это известие не отразилось никак. Капитан подумал лишь: «Будут ли какие-нибудь перемены? А если будут, то не отразятся ли они на царской политике в Туркмении?» Не хотелось ему, чтобы вновь ожившая мирная ориентация была бы попрана распоряжениями нового государя. Думая об этом, он невольно думал о генерале Обручеве и военном министре Милютине — учредителях мирной миссии в Закаспии. Понимал, что убийство царя так или иначе отразится на судьбах окружавших его вельмож и генералов. И конечно же с военного министра тоже спросится за его либерализм в последние годы. Студитский подумал о Елизавете Дмитриевне: она уже никогда не вернется во дворец фрейлиной и, наверное, сложит с себя полномочия попечительницы Красного Креста. Может быть, придется и ему оставить Закаспий...

Первые сведения о местонахождении Тыкмы-сердара капитан получил в Теджене. Местные туркмены сообщили: недавно он разорил русский обоз и скрылся в песках. Слушая их, Студитский вспомнил о Гродекове: маршрут следования, начерченный им, был точен. Но начальник штаба скрыл, что посылал уже к Тыкме пристава Караша. Об этом узнал Студитский тоже от тедженцев. Капитан подумал: «Что сулил сердару Караш? Весь Ахал? Наверное — да. Но не сумел убедить и уехал ни с чем. Но что же могу посулить я, кроме того, что обещает Скобелев? А он обещает Тыкме — опять же — Ахал! Неужели опять уеду от него, не добившись мира?»

Из Теджена отряд Студитского взял направление на Мерв и на следующий день вступил в пределы урочища Джуджуклы. Край этот, иссеченный барханами, совершенно не соответствовал своему звучному экзотическому названию. Едва путешественники ступили в эту дикую глушь, как поднялся ветер и стало нечем дышать. Мириады песчинок ударяли в лицо, лезли в глаза и нос, и не было никакой возможности спрятаться от них. Так продвигались час или два. Наконец завиднелся небольшой зеленый островок посреди желтой бесконечности песков.

— Это кабанье озеро,— сказал Оразмамед.— Здесь можно остановиться и как следует отдохнуть. Заодно запасемся водой.

Подъехав к озерцу, отряд развьючил верблюдов, расседлал коней. В низине, возле камышей, ветер был не так хлесток, как на барханах. Капитан наломал сушняка и стал разжигать костер, чтобы вскипятить чаю. Он повернулся спиной к озеру, зажег горстку камыша и, когда встал, сразу увидел на ближнем бархане десятка три всадников-туркмен. Они держали винтовки поперек седла. Пока что не угрожали, но, по всему было видно, готовились к недоброму. И капитан, и Оразмамед,

и все остальные конечно же догадались сразу — это джигиты Тыкмы.

— Позовем их к себе,— сказал Студитский.

— Я знаю их,— спокойно отозвался Оразмамед.— Они из сотни самого сердара. Вон тот, со шрамом на лице, мне знаком.— Тут же Оразмамед крикнул: — Эй, Клычли, ну-ка подведите коней ближе! Чего стоите, как зайцы? Или не узнали?!

Джигиты удивленно переглянулись, поговорили между собой и приблизились.

— Вах, Оразмамед, каким путем вы оказались здесь?! — спросил джигит со шрамом.

— Где Тыкма? Он мне нужен,— сказал Оразмамед.

— Там, сердар. На той стороне озера.— Клычли махнул рукояткой кнута и прибавил: — Это хорошо, что ты к нему приехал. Все остальные от Тыкмы отвернулись. Тебе Тыкма рад будет.

— Поедем, доктор,— сказал Оразмамед.— Не будем терять время.

Вскоре джигиты сердара, следуя по заросшему камышом берегу, вывели отряд к становищу. Около берега стояло десятка два кибиток, рядом паслись верблюды и целая отара овец. Кибитка Тыкмы не отличалась от других, но ее капитан узнал сразу: возле нее был привязан скобелевский конь.

Тыкма, услышав голоса, мгновенно вышел из кибитки. Увидев Оразмамеда, а затем русского офицера, понял, зачем пожаловали. Капитан, здороваясь с Тыкмой, обратил внимание, что во взгляде у него уже не было той дерзкой уверенности, какую он видел летом прошлого года под Кизыл-Арватом. Взгляд сердара выражал сомнение и растерянность. И разговор он начал не столь категорично, как тогда.

— Значит, Оразмамед, ты тоже перешел к русским? — спросил с сожалением.— Говорят, и другие ханы у них: Худайберды, Софи, Кульбатыр, Паша-сердар...

— Все приняли благости России,— отвечал Оразмамед.— Не сегодня завтра Скобелев отличит всех особыми почестями.

— Сначала отличит,— хмуро посмеиваясь, сказал Тыкма,— а потом в лицо наплюет и за бороду схватит.

— Сердар, я слышал, как поступили с тобой в отряде Ломакина,— вступил в беседу Студитский.— Какой-то глупый офицер решил выместить на тебе злобу за поражение, а ты принял этого глупца за весь русский народ. Нельзя всех мерить одним аршином.

Тыкма ухмыльнулся.

— А разве ваш князь Михаил лучше с нами обошелся? Когда мы привезли ему свои прошения, он не стал читать их. Он повел себя как павлин среди простых кур.

— Всякие люди есть в России,— пояснил капитан.— Есть царь, есть графы, князья, помещики, купцы, генералы, офице-

ры, рабочие, крестьяне. Россия, как, впрочем, и Туркмения, делится на сословия. Говорят, тебя тоже ваши ханы никогда не приглашали на маслахат: не хотели сидеть рядом с простолюдином?

— Да, доктор, было такое,— неохотно отозвался сардар.— Но скажи мне, к какому же сословию принадлежу я?

— Ты атаман, Тыкма,— сказал Студитский.— Всех атаманов любят простые люди, но сторонятся и боятся люди богатые. Но если примешь русскую службу — атаманом не будешь. Останешься при своих джигитах, так же будешь называться сердаром, но звание у тебя будет офицерское. Примешь Ахал, получишь погоны капитана или майора.

— Доктор, ты честный человек, это я знаю. Но зачем говоришь об офицерских погонах? Если б русские захотели сделать меня офицером, они бы давно сделали.

— Сердар, если веришь мне, то послушай, что тебе скажу,— жарче заговорил капитан.— Начальник штаба Кавказского военного округа сейчас в Бами. Составляет списки, кого с собой в Петербург взять, к царю. Если откинешь страх и наберешься храбрости — ты тоже поедешь.

— Доктор, не ловушка ли это? Не верю я Скобелеву. Не простит он мне. Коня я у него отбил — лучшего скакуна во всей Турции и России. Сраму из-за меня ак-паша натерпелся.

— Поезжай и верни ему коня,— сказал Оразмамед.— Зачем тебе его скакун?

— Только поторапливайся,— посоветовал Студитский.— Кучанский ильхани двух коней Скобелеву подарил. На одном, Покорителе, генерал сейчас ездит.

— Вы совсем сбили меня с ума,— пожаловался сердар.— Я стал как ребенок, который не знает, с какой стороны взять в руки пиалу. Дайте мне подумать.

— Подумай, Тыкма,— согласился капитан.— А будешь думать, то учитывай главное. Скобелев не уйдет из Ахала до тех пор, пока ты не вернешь ему скакуна. Не может он вернуться в Петербург без этого коня. Над Скобелевым все генералы и царь будут смеяться.

Сердар принялся угощать доктора и Оразмамеда. Принесли в чаше шурпу, подали чайники с зеленым чаем. Гости ели, пили, а Тыкма сидел и мучительно раздумывал. «В Мерв мне пути нет. Там — англичане, не принявшие и оскорбившие меня. На Узбое тоже жизни не будет: ак-паша достанет и там. Да и люди с голоду перемрут. Хай, Тыкма, тебе скоро шестьдесят! Жизнь идет к концу, бояться нечего!»

— Послушай, сердар,— сказал Студитский.— Отдашь коня генералу, он уедет отсюда, а мы с тобой останемся и все дела вершить будем. Имя твое не померкнет, оттого что к Скобелеву на поклон явишься. Не к нему ты идешь, а к России. Скобелевы появляются на арене жизни и уходят, а Россия остается. Она добра своим сердцем и мудра умом...

После обеда доктор с Оразмамедом решили поохотиться. В зарослях водилось много фазанов, сюда же приходили на водопой джейраны. Взяв ружья, они удалились от кочевья и возвратились к вечеру, неся подстреленных фазанов. Студитский приблизился к кибиткам и увидел: Тыкма и его джигиты моют скобелевского жеребца. Мылят мылом, скребут кошмой и обливают из ведер озерной водой. Капитан спросил:

— Что, Тыкма, загрязнился конь?

— Ай, доктор, не знаю, примет ли ак-паша своего скакуна, после того как кучанский ильхани подарил ему двух хороших коней?

Капитан улыбнулся и не стал мешать сердару.

XXX

Вешний день поливал солнечным теплом зазеленевшие предгорья. После обильных дождей с Копетдагских гор неслись мутные потоки. Овраги у Асхабада заполнились водой, и сотне Тыкмы-сердара пришлось объезжать их. К аулу он приблизился с севера, со стороны Каракумов. Его заметили свои, туркмены, и выехали встретить и проводить к ак-паше. Но и Тыкма, подъезжая, увидел в бинокль большой асхабадский курган и на нем множество кибиток. «Здесь все решится! — снова притронулся к его сердцу страх и отступил: — Пусть будет так, как угодно аллаху!»

Студитский и Оразмамед понимали его состояние и подбадривали:

— Все будет хорошо, Тыкма...

— В твою честь — целый праздник в Асхабаде!

Конная сотня Тыкмы ехала медленно, словно пробиралась в потемках. Но было светло, и вся предгорная равнина лежала перед сердаром. Кибитки скобелевцев стояли не только на кургане, но и около него. А правее, где раньше по пятницам шумели текинские базары, сейчас виднелись персидские шатры: это кучанский ильхани со своей конницей расположился лагерем. Тыкма с неприязнью подумал: «Сколько угодников у всякого сильного! И разве у меня их не было еще недавно? Были! Но теперь они все ползают на коленях перед ак-пашой».

Курган уже совсем был близко, и теснее стала толпа встречающих. Люди лезли под ноги лошади, приветствуя сердара: можно было подумать, он возвращается с победой. А он ехал, чтобы сложить оружие. И только знающий душу народа мог сказать, почему приветствуют так горячо Тыкму. Нет, это было не злорадство: вот, мол, и ты, сердар, как ни храбрился, а приехал на поклон к урусу! В приветствиях выражалась надежда простого люда: наконец-то окончатся всякие войны, перестанет литься бедняцкая кровь и воцарятся мир и спокойствие на туркменской земле.

Уже возле самого холма навстречу Тыкме-сердару выехали несколько русских офицеров и полусотня казаков во главе с полковником. Преградив дорогу гостю, полковник сухо сказал:

— Поверженный является к победителю без оружия. Почему же, сердар, при тебе сабля?

— С ним не только сабля,— сказал Студитский и, обернувшись, поманил пальцем джигита в белом тельпеке, на гнедом скакуне.

Джигит подъехал, хмурясь и боязливо оглядывая полковника и русских казаков. Это был младший сын Тыкмы, восьмилетний Ораз. Тыкма сказал полковнику:

— Я отдам оружие самому Скобелеву.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему,— согласился полковник и посмотрел на холм.

Там, наверху, где расположилась бо́льшая часть русского лагеря и штаб командующего, чувствовалось движение: командующий готовился принять Тыкму-сердара с достоинством. Вскоре с плоской вершины кургана на склон спустился с генералами и офицерами Скобелев. Он был в суконном мундире при погонах и в фуражке. Ему поставили раскладной стул. Садиться он не стал и сказал начальнику штаба, чтобы разрешили Тыкме приблизиться.

Тыкма, ведя Шейново в поводу, а другой рукой подталкивая сына, поднялся на Горку. Тысячи туркмен, казаков, пехотинцев, кучанских курдов, собравшихся у подножия кургана, застыли в тревожном ожидании. Приблизившись к командующему, Тыкма опустился на одно колено, дрогнувшим голосом произнес:

— Великий ак-паша, прояви милость и прими заблудшего. Отныне и навсегда сердце мое, мысли мои и воля принадлежат великому русскому императору. Клянусь верно служить ему!

С этими словами Тыкма положил к ногам командующего свою саблю и подтолкнул вперед мальчика.

— Великий ак-паша,— опять заговорил Тыкма,— чтобы никогда не посетили тебя сомнения в моей преданности, возьми с собой в Петербург моего сына и сделай его царским офицером.

— Вот за это спасибо! — воскликнул Скобелев и повторил: — Вот за это спасибо!

Командующий подошел к Тыкме и по-дружески обнял его. Склонился к Оразу, спросил, как зовут.

Во время этой небольшой церемонии то́лпы, стоящие у кургана, восторженно переговаривались, выкрикивали «слава» и с нетерпением ждали, что будет дальше.

Скобелев принял коня, торопливо похлопал его по крутой лоснящейся шее, словно устыдился встречи с ним, и отдал по-

водья одному из офицеров. Тот увел Шейново наверх, где стояли кибитки. Генерал вернул Тыкме-сердару саблю, еще раз пожал руку и громко заговорил:

— Господа текинские ханы и ты, Тыкма-сердар! Не нынче, так завтра вам надлежит представить списки всех именитых людей Ахала. Сии правители будут называться вашим же словом — аксакалы. Каждому аксакалу кладу жалованье за усердную службу государю императору триста рублей в год. Аксакалы будут носить форменные халаты, которые мы в скором времени вам пришлем... Управляться Ахалтекинский оазис будет общинно. Оседлые туркмены подчинятся аксакальствам, а кочевники — волостям. Население поделим на четыре участка. Баминский — от Кизыл-Арвата до Арчмана, Дурунский — от Сунчи до Кизыл-Арвата, Геок-Тепинский — от Егянбатыр-Кала до Безмеина, Асхабадский — от Безмеина до Гяурса. Отныне и навсегда для населения вводятся подати. С земельных участков — харадж, со скота и права торговли — зекат. Сроки взноса податей: харадж — в августе, зекат — в мае...— Скобелев замолчал, подумал, что еще сказать, и обратился к Гродекову: — Приглашай ханов наверх...

Здесь, на Горке, армейские повара с помощью солдат расстелили в кибитках трофейные ковры, разложили на них посуду, ложки, вилки, пиалы — все, что имелось в вещевом складе. Гродеков распорядился выставить на ковры ром и водку, приготовить несколько казанов плова и побольше зеленого чая.

Казаны и кубы с кипятком задымились еще до начала церемонии. И теперь, когда ханы всех тридцати селений, от Кизыл-Арвата до Гяурса, поднялись на курган и стали усаживаться в кибитках, обед был готов. В кибитку вместе со Скобелевым и Гродековым вошли Тыкма-сердар с сыном, Софи и Худайберды. Остальные заняли места в других юртах. Заиграл на дворе духовой оркестр. Ханы, уже слышавшие эту оглушающую музыку, но не привыкшие к ней, зашевелились в смятении. Музыка вызывала тревогу, ошеломляла своими ужасными звуками. Сын сердара, Ораз, затравленно начал озираться и, не выдержав, заплакал. Тыкма шлепнул его по затылку. Ораз испуганно затих. И сам Тыкма не удержался, выругался:

— Проклятье, как вы могли додуматься до таких труб!

Скобелев и Гродеков, видя, как «чутко» реагируют туркмены на музыку, рассмеялись.

— Ничего, аксакалы,— сказал командующий,— привыкнете. Научитесь понимать русскую речь — поймете и музыку. Но сначала надо научиться пить водку. Давай, Гродеков, наливай!

Начальник штаба, посмеиваясь, налил водку в пиалы и подал в руки по пиале каждому хану, кроме мальчика. Затем

налил Скобелеву и себе. Тыкма-сердар хотел было возразить, скривился и зажмурил глаза, но Скобелев сказал сердито:

— Не вздумай упорствовать, Тыкма. С русскими надо — по-русски!

Тыкма понюхал содержимое пиалы и закашлялся.

— Вах, сгори моя душа! — воскликнул Софи и опустошил пиалу первым.

Генералы рассмеялись и тоже выпили. Решились наконец и Тыкма с Худайберды. Покривились, поморщились, повздыхали, несколько раз упомянули аллаха и, выпив, заговорили оживленно.

— Вах, побывать бы в Петербурге,— сказал Тыкма.— Там, наверно, не то, что у нас. Это правда, ак-паша, будто бы царский дворец из хрусталя и золота?

— Правда, сердар,— отозвался Скобелев.— Давай-ка еще выпьем, а то слишком быстро ты о дворцах заговорил. Впрочем, поедешь вместе с сыном в Петербург. Сына твоего устроим в военную гимназию, а тебя я представлю государю.

— Ак-паша, ты мудрый из мудрых! — с благодарностью отозвался Тыкма.

— Ты получишь офицерское звание, будешь зачислен на русскую службу,— сказал Скобелев.

В самый разгар пиршества в кибитку командующего заглянул один из аксакалов, позвал сердара. Тот поднялся с ковра и нетвердым шагом приблизился к выходу:

— Что тебе, яшули [1]? Разве не видишь, с кем я?

— Тыкма,— заговорил аксакал,— весь народ стоит у кургана, ждет, когда всех остальных пригласят на той. «Неужели, говорят, мы не заслужили?»

— Ты дурак! — выругался Тыкма. Игривое настроение сердара вмиг сменилось злобой.— Зачем меня зовешь? Разве сам не знаешь, что надо сказать народу? Софи! Худайберды! Идите сюда!

— Что случилось, Тыкма? — спросил Скобелев.— Чего встревожился?

— Ай, ничего, ак-паша.— Он вернулся и сел с генералом, а Софи и Худайберды отправились наводить порядок.

Выбежав на склон кургана первым, Софи заругался и закричал:

— Убирайтесь вон, оборванцы! Вы что — с генералом на один ковер захотели сесть?! Вон отсюда!

Толпа примолкла, ошарашенная криком. Тогда Худайберды начал внушать:

— Не стыдно вам, уважаемые, сравнивать себя с людьми, подобными богам? Не позорьте себя и не позорьте своих ханов перед ак-падишахом. Если русский государь узнает, что

---

[1] **Яшули** — уважаемый. Обращение к старшему по возрасту.

черные дехкане просились на один ковер с людьми богатыми, он рассудок потеряет от горя!

— Ай, пусть бы потерял! — крикнули из толпы.

— Поистине вы оборванцы, лишенные ума! — пристыдил Худайберды джигитов и удалился вслед за Софи в генеральскую кибитку.

XXXI

В середине апреля скобелевский отряд двинулся к Каспию: наступила пора возвращения в Россию.

Скобелев ехал в авангарде с сотней осетин. В свите его, помимо генералов и офицеров, теперь состояли ханы и сердары, отправившиеся в Петербург, к царю.

Следом за авангардом ехали казаки Лабинского полка и дагестанские конники. Шла пехота, поднимая пыль по широкому фронту от кромки песков до горных острогов. В упряжках тяжело катились зачехленные орудия. Дехкане смотрели вслед уходящему войску. В Асхабаде, Геок-Тепе и некоторых других селениях командующий оставил лишь небольшие гарнизоны.

Капитан Студитский задержался в Асхабаде на два дня. Приказом командующего, по согласованию с военным министром, он был назначен главным санитарным врачом Закаспийского края и был подчинен временно майору Сполатбогу. Майор приехал в Закаспий уже после взятия крепости, еще не освоился, вовсе не понимал по-туркменски и, что не так, грозил кулаком и матерился сочно. Студитскому приходилось то и дело одергивать его. Два дня они, сидя на Горке, в кибитке, занимались учетом текинских аулов и писали разъяснительные бумаги для дехкан. Студитский в эти два дня составил записку для Милютиной, в которой указывал — сколько врачей, провизоров, сестер милосердия, какой инвентарь и первой необходимости медикаменты потребуются для будущих госпиталей, лазаретов, фельдшерских пунктов. Предполагая, что Милютина может уехать из Бами со скобелевским отрядом, он торопил Сполатбога. Наконец они выехали. Гнали скакунов почти до Арчмана. Но тут Сполатбогу захотелось выкупаться и денька два отдохнуть у сероводородного источника. Студитский оставил своего начальника и вновь пустился в путь. Графиню он не застал. Как и предполагал, она уже покинула Бами.

Медперсонал госпиталя тоже отъезжал в Кизыл-Арват, все имущество уже лежало в фургонах и телегах. Капитан зашел в свой кабинет — он был пуст. Отыскал Надежду Сергеевну и мичмана и узнал, что графиня уехала недавно.

— Вторые сутки пошли, как отбыла,— пояснила Надя.— Вот, записку вам оставила.

Студитский развернул листок:

«Милейший Лев Борисович, очень жаль, что не довелось проститься. Мы уже упаковали все вещи и сегодня покидаем Бами. Будете в Петербурге, непременно заходите. В нашем доме вас всегда примут как самого желанного гостя. Если не трудно, напишите, как сложится ваша дальнейшая судьба. Серж вам кланяется...»

— Оразмамед здесь? — спросил он, сложив записку.

— Со Скобелевым подался и сына с собой взял,— отозвался мичман.

— Вот дьявольщина, опоздал,— пожалел капитан и встрепенулся: — А что, если попробовать догнать их? Может быть, успею? Милютину мне непременно надо повидать!

Через час он уже гнал коня на Бендесенский перевал. Его сопровождали три казака.

На ночлег капитан остановился в Ходжа-Кала, в уже знакомой ему крепости. Она была полупуста. Жили в ней солдаты военного укрепления и ветеринары, которые тоже готовились к отъезду, ибо верблюжий лазарет был закрыт, а верблюды распроданы или возвращены бывшим хозяевам. Ночевал капитан в той самой большой комнате, в которой когда-то вздорил со Скобелевым. Засыпая, думал с неприязнью о нем: «Пришел, разворошил, разогнал — и это теперь именуется победой! Нет, генерал, все только-только начинается».

На следующее утро Студитский вновь пустил коня рысью в надежде догнать графиню в Терсакане, но не застал ее ни в Терсакане, ни в Чате, ни в Яглы-Олуме.

В последнем опорном пункте он повстречал старых знакомых — Мереда и Айшу. Оба видели графиню и разговаривали с ней. Айше она оставила медикаментов и перевязочного материала.

У Студитского оставалась еще одна ночь до отплытия парохода, он провел ее в седле. Когда капитан появился на чекишлярской пристани, посадка на пароход уже закончилась. Шлюпки возвращались из устья залива, где дымил «Великий князь Константин». Капитан упросил мотористов парового катера свезти его к пароходу. Почти полчаса он стоял в рокочущем суденышке, держась за поручни, и со страхом думал: «Неужели не успею? Неужели отчалит?» Он успел. Но трап был уже убран, и пароход вот-вот должен был сняться с якоря. Студитский попросил матросов, чтобы пригласили графиню Милютину. Она появилась у борта и тотчас отошла. «Не узнала, что ли?» — подумал он. Но вот заскрипела лебедка, опустился трап, и он поднялся к ней.

— Елизавета Дмитриевна, прошу прощения! Думал, не успею.

— Что случилось, голубчик? Вам передали мою записку?

— Да, ваше сиятельство. Спасибо. Я непременно буду писать. Но я с просьбой к вам. Вот, возьмите...— Капитан подал ей несколько мелко исписанных страниц.— Тут все, что тре-

буется для будущих госпиталей и больниц. Прошу вас, Елизавета Дмитриевна, проявите участие.

— Хорошо, хорошо, капитан, не волнуйтесь. Я обязательно похлопочу обо всем. Сразу, как только приеду домой, займусь вашими делами.

Нехотя подошел князь Шаховской. Он был в пальто и шляпе, выглядел солидно.

— Здравия желаю, господин капитан. Однако вы расторопны. Что-то произошло?

— Господа, господа, вы задерживаете! — поторопил боцман.— Прошу вас, господин офицер, к трапу.

Студитский кивнул Шаховскому, поцеловал графине руку и быстро спустился в рокочущий катер.

XXXII

Возвратившись на берег, он стоял на дощатом причале и долго смотрел на далекий дымок в море. «Теперь со мной нет никого,— думал он.— Впереди безбрежное море, позади безбрежная пустыня».

— Доктор! — услышал он за спиной голос Караша.— Ха, дорогой, опять мы с вами встретились! Как говорится, все начинается сначала.

Караш был в белом кителе и фуражке под белым чехлом.

— Здравствуйте, Караш.— Студитский подошел и подал руку.— Значит, и вы вернулись к родным берегам?

— Да, доктор, вернулся. Как говорится, с чем пошел, с тем и вернулся. Пойдемте ко мне, если не спешите. Где ваша лошадь?

— Во дворе госпиталя,— отозвался капитан.— Поручил санитарам, чтобы накормили и напоили. Отдохну немного, да надо отправляться на железную дорогу. Теперь у меня дел прибавилось: за весь санитарный порядок в крае надобно нести ответ.

Как и в прошлый раз, они поднялись на веранду и вошли в комнату, застеленную коврами. Ничего в ней за год не изменилось, разве что пыли прибавилось. Денщик принес чайник с пиалами, потом подал подогретое мясо и чурек. Караш, потчуя гостя, вновь пожаловался:

— Да, доктор: с чем пошел, с тем и вернулся. Плевну брали — «Георгия» заслужил, а за Геок-Тепе даже медали не досталось. Подвел меня Кошлу-кази. Ох как подвел! Долго буду помнить его верблюдов. Да и к Тыкме-сердару ездил, тоже от ворот поворот получил.

— Ничего, мы его уговорили.

— Но и вам, как я вижу, Скобелев ничего не пожаловал? — сказал Караш.

— Мне-то за что? — засмеялся Студитский.— Я крепость не брал. В Бами отсиживался, строительством руководил. Ви-

дели, сколько теперь там складов да лавок? Все руками моих вольноопределяющихся сделано.

— А на железную дорогу по каким делам собираетесь? — спросил Караш.

— Дорога — теперь самое главное в крае,— сказал Студитский.— Надо здешних туркмен в работу вовлекать. Может, поедете со мной за компанию? Придет время — безвылазно на чугунке будете торчать. Вся жизнь по ней потечет. Не лучше ли сразу познакомиться?

Караш задумался, покрутил ус, хмыкнул:

— Неужто судьбой мне уготовано всю жизнь приставом быть? Я о коммерческих делах все больше помышляю. Сейчас немецкий инженер строит мне на Челекене керосиновую установку. Нефть буду перегонять на керосин. Ценная жидкость. Хоть и пахнет черт знает чем, но дехканам — только дай. Заведу товарищество, повезу бочки по аулам. Как думаете, доктор, стоящее занятие?

— Несомненно, Караш. Но как бы вас крупные промышленники не опередили? Нобель с Челекена возит нефть в Россию, но устроится Закаспийский край — повезет нефть и керосин сюда. Не лучше ли вам к нему на правах пайщика войти?

— Мы сами с усами, доктор! — засмеялся Караш.— Разверну дело, Нобелю шею сверну. Дорогу, конечно, надо посмотреть. Когда вы собираетесь туда?

— Сегодня хотел.

— А если завтра, доктор? Мне надо заехать в Гасан-Кули, с Кошлу-кази повстречаться. Говорят, он с Гургена вернулся. Не повидав его, нельзя мне уезжать. Если желаете — поехали вместе. Из Гасан-Кули легче до Михайловского залива добираться. Выедем на Хивинскую дорогу и — прямо к Балханам.

К вечеру они были в Гасан-Кули. В прошлом году Студитский проезжал здесь, видел одиночные кибитки. Теперь селение разрослось, стало многолюдным. Вдали на Атреке паслись отары овец и косяки верблюдов.

— Жизнь возвращается на свои круги,— заметил Студитский.

— Возвращается,— хмуро согласился Караш.— И этот сукин сын тоже возвратился. Эй, джигит! — окликнул Караш встречного.— Кошлу-кази вернулся?

— Да, Караш. Слава аллаху, все вернулись. Кошлу-кази тоже.

— Не тронули вас шахские каджары на Гургене?

— Помиловали, Караш. А если бы задели, то и мы не остались бы в долгу.

— Храбрые вы, как посмотрю. А почему же в Ахал испугались пойти?

— О чем говоришь, Караш? — обиделся джигит.— Не в боязни дело! Со своими воевать — разве рука поднимется?

— Умный человек ваш Кошлу-кази,— с иронией сказал пристав и направил коня к реке.

Кибитки свои Кошлу-кази поставил возле Атрека. От аула к нему — полчаса ходьбы, а если на коне — и того быстрее. Караш вскоре подъехал к порядку кази. Он не стал слезать с коня, лишь крикнул:

— Эй, Кошлу-кази! Будь любезным, выйди, гости к тебе!

Из кибитки сначала выглянула женщина, ахнула и спряталась. Затем вышел и сам кази. Увидев пристава, вобрал голову в плечи, как старый слезень. Руки к груди поднес. Пристав в злой усмешке скривил губы:

— Какой дорогой шел, когда возвращался с Гургена?

— Вот этой, Караш,— показал рукой кази на дорогу, уходящую к Атреку.

— По этой дороге и убирайся отсюда, предатель!

Караш склонился с коня над кази и ударил его плетью по голове. Не давая ему опомниться, он погнал его по дороге к Атреку.

— Какой дорогой пришел, такой и уйдешь! — разъяренно приговаривал Караш и лупил святого ишана по голове и плечам.

Кошлу-кази сначала кричал и возмущался, а потом смолк и пустился со всех ног бежать. Караш скакал рядом, бил его и наслаждался местью.

— Спрятался, значит?! Струсил?! Сбежал! Верблюдов не дал?! Вот тебе, ублюдок!

Оказавшись у берега, кази было остановился, замешкался: берег был слишком высок. Но Караш вновь замахнулся, и Кошлу-кази прыгнул вниз. Он шлепнулся в мутную воду, измочил одежду и бороду, заплакал, моля о пощаде.

— Иди на тот берег,— приказал пристав,— и не появляйся больше здесь.— С этими словами он вынул револьвер и потряс над головой.

Кошлу-кази, не оборачиваясь, высоко поднимая ноги, зашлепал по воде. Караш стоял до тех пор, пока тот не скрылся в прибрежных камышах на южном берегу Атрека.

Студитский наблюдал за экзекуцией издали и качал головой: «Ну и ну, вот так пристав... поистине пристав!»

— А с виду вы — весельчак,— сказал капитан, когда Караш возвратился, красный от гнева как рак.

— Когда надо — смеемся, когда надо — сами плачем и других заставляем,— ответил недружелюбно он.— Вы не обращайте на меня внимания. Сейчас поменяем власть. Эй, зайцы трусливые! — закричал Караш на подчиненных кази.— Ну-ка снимайте кибитки и отправляйтесь вон! Идите за своим кази!

Люди Кошлу-кази принялись разбирать кибитки. Караш, поторапливая их, постепенно успокаивался. Наконец спросил у столпившихся джигитов:

— Где Ирали-кази?

— Здесь он, Караш. Сейчас здесь был. Видели...

Вскоре появился молодой человек в чекмене и тельпеке.

— С приездом, Ирали,— сказал пристав.— Многому научились в хивинском медресе?

— Кое-что усвоили,— отвечал смиренно молодой кази.

— Людей не боитесь?

— Чего ж людей бояться, не тигры же они!

— Тогда вы, Ирали, займете место Кошлу. Соберите всех ко мне.

С заходом солнца возле кибитки, где отдыхали доктор и пристав, собралась толпа. Караш выплеснул остатки чая из пиалы и вышел. Капитан последовал за ним: интересно было послушать, о чем пойдет речь.

Пристав подождал, пока все усядутся на землю, заговорил внушительно:

— Уважаемые земляки, я собрал вас, чтобы поговорить с вами и пристыдить за малодушие, какое вы проявили. Вы спрятались на Гургене и не поддержали ак-пашу в его походе. Вы поступили бесчестно, уважаемые.

— Караш,— возмутился сидящий у ног пристава старик,— но как мы могли идти против своих же?

— Как я, так и вы,— грубо одернул его пристав.— Подданство России приняли, а выполнять ее приказы не ваше дело, так, что ли?

— Одно дело — персы или хивинцы, совсем другое — свои! — опять возразил старик.

— Ну-ка, яшули, отойди от меня подальше,— приказал Караш.— Кто тебе дал право перебивать меня?

— Какое право?! — послышался чей-то крик.

— Бедному дехканину слова нельзя сказать!

Шум начал усиливаться, и Караш смягчился:

— Уважаемые люди. Я вас предупредил — вы послушали. А теперь скажу самое важное. За то, что атрекцы ослушались Скобелева и не способствовали ему в походе, приказано взимать с каждой кибитки подать в размере шесть рублей в год.

Толпа вновь разразилась криками:

— Подавится ак-паша шестью рублями!

— Не получит ни одного рубля!

— Люди, это грабеж!

Караш поднял руку, дождался относительной тишины и предупредил:

— Уважаемые, не заставляйте меня идти на крайность. Если вы не прекратите бунтовать, я вызову сюда полк солдат. Немедленно расходитесь, и чтобы до следующей пятницы все отдали Ирали-кази по шесть рублей! У меня к вам — все.

Караш ушел, атрекцы тоже разошлись. Ночью они сняли свои кибитки и подались на Гурген.

XXXIII

Кони рысили по Хивинской дороге. Колея ее едва угадывалась, поскольку верблюжьи караваны следов почти не оставляли, а следы большеколесных арб заметало песком. Время от времени попадались на пути солончаки, превратившиеся после весенних дождей в непроходимые озера. Но вот потянулась Мисрианская равнина — земля, ранее обетованная. Семьсот лет назад была она цветущим садом. Через нее проходили караванные пути, здесь стояли города и селения. И сейчас еще торчали тут и там развалины стен, угадывались по буркам и впадинам древние канавы. Как свидетель былого могущества посреди равнины стоял разрушенный дворец Меше-ди-Мисрана — столицы дахов...

Студитский и Караш вели вялый, неторопливый разговор, начавшийся с самого Гасан-Кули. Капитан упрекнул пристава за крутое обхождение с атрекцами. Карашу это не понравилось, и он какой уж час втолковывал доктору то, что строгость и сила в здешних местах — самые необходимые меры для поддержания порядка.

— Запомните, капитан,— говорил он со знанием дела.— Есть понятия, которые усваиваются нашими людьми не так, как европейцами. Вы все время повторяете: «Добро, добро, добро!» Но туркмены воспринимают ваше добро как вашу слабость перед ними, ибо только слабый, по их соображениям, может искать добро. Сильный же показывает зло и принуждение. Вы считаете обман признаком подлости, но мои соотечественники в обмане видят ум и мудрость. Не зовите же меня к ненужной доброте, капитан. Поверьте мне, если я начну улыбаться вот этим джигитам, которые едут с нами, то через час они будут хлопать меня по плечам, дергать за уши и смеяться в лицо...

Студитский терпеливо слушал Караша, но смотрел на него с сожалением.

— Я не согласен с вами,— сказал с насмешкой.— Какой бы жесткой ни была почва, но доброе семя, брошенное в нее, дает добрые всходы. Нет, пристав, не о национальных особенностях сейчас твердите вы мне, а о человеческих недостатках. Вы говорите языком Скобелева. Вы не желаете затрачивать сил на посев добра. Ведь необходимо иметь на это огромное терпение и добродетель, но и то и другое вы растеряли в вашей суровой военной жизни: сначала в кадетском корпусе, затем в академии, еще позже на войне с Турцией. А теперь вас попросту не хватает, чтобы проявлять гуманность к своим же братьям по крови и племени.

— Слушайте, капитан,— удивился Караш.— Неужели вы и впрямь хотите навести порядок в Туркмении добродетелью? Да вас никто слушаться не станет! Вы скажете: «Дорогой Аман, иди очисть вон тот колодец, а то хивинцы бросили в него

дохлого верблюда». Аман же вам ответит: «Долго ты думал, доктор? Разве ты не знаешь, что у меня ноги болят?»

— Знаете, Караш,— невесело возразил Студитский,— никого просить я не стану. Мы... Я имею в виду самую сознательную часть прогрессивно настроенных россиян... Мы личным примером возродим утраченное добро и доверие в туркменском народе.

— Красивые слова, доктор.

— Нет, Караш, вы увидите, что это не так. Только добродетель способна властвовать в мире, все остальное обречено на провал. Я убежден: когда мы призовем к труду и благоустройству туркмен Прикаспия и Ахала и когда этот труд увенчается постройкой дорог, новых городов с больницами и гимназиями, то туркмены Мерва сами придут и скажут: «Научите и нас доброму делу».

— Вы фанатик, капитан.

— Ну нет. Я фанатично люблю свое дело. Я стремлюсь лечить не только язвы на теле человека, но и язвы целого общества. Поэтому-то и кажусь вам фанатичным человеком...

Заночевали на безвестном колодце, в чатме чабана. На рассвете вновь отправились в путь и к вечеру достигли Балханских гор. Вершина их Дигрем, словно сказочный застывший великан, возвышалась над необъятными просторами Каракумов. Путешественники поднялись на взгорье и увидели отсюда древнее русло Узбоя.

— Это и есть тот самый Узбой, о котором давно и много спорят ученые,— сказал Караш и поднес к глазам бинокль. Понаблюдав, протянул бинокль Студитскому.— Полюбуйтесь, доктор. Сейчас, на закате солнца, хорошо видно высохшее озеро, куда впадал Узбой и вытекал из него двумя рукавами. Обратите внимание: тот сухой рукав, что идет на Запад, к Каспию, называется Аджаиб. А вот этот, что огибает Балханы,— Актам.

Студитский прильнул к биноклю и увидел как на ладони все, о чем рассказал Караш.

— Но почему все же река прекратила свое существование? — спросил он.

— Разные на этот счет версии,— отвечал Караш.— В детстве от отца я слышал, будто в те годы, когда царь Иван Грозный завоевал Казань, Астрахань и стал поглядывать на Хиву, хивинский хан решил, что самый доступный путь в Хиву — по Узбою. По нему тогда ходили каюки от Актама до Ургенча. Хивинский владыка боялся, что Иван Грозный приведет свои ладьи по Каспийскому морю, войдет в Узбой и приблизится к цветущему Хорезму. Вот и решил перекрыть эту реку. Говорят, отрезал ее плотиной от Амударьи.

— Правдоподобная версия,— согласился Студитский.— Но я слышал: то же самое проделывали с Узбоем еще раньше монголы?

— Все может быть,— согласился Караш.— Одни сделали, другие повторили. Между прочим, Хорезм по Узбою сообщался с Мешеди-Мисрианом. Последняя жизнь зачахла в Дахистане, когда перестала поступать сюда вода.

— Войны,— сказал Студитский.— Только они повинны в гибели целых цивилизаций. Но что теперь представляет собой Узбой?

— Сухая долина, доктор. Разгуливает в берегах песок, кое-где сохранилась вода в виде небольших озер. Пожалуй, самое интересное место — Актам. Чувствуете, какой ядовитый запах идет от него?

— Я давно почувствовал, что тут пахнет сероводородом,— живо отозвался Студитский.— Но откуда он здесь?

— Русло Актама переполнено черной вонючей грязью. Есть и озеро небольшое с такой же вонючей водой, около Молла-Кара. Мы будем проезжать мимо.

Офицеры спустились в низину и двинулись дальше, поторапливая коней, чтобы успеть до наступления темноты в лагерь строителей Закаспийской военной железной дороги. Через полчаса остановились в Молла-Кара. Озеро было небольшим. Рядом с ним среди разросшегося тамариска стояло несколько кибиток. Поодаль медленно, словно нехотя, вращались крылья ветряной мельницы.

— Эй, хозяева! Есть ли тут кто-нибудь?! — крикнул, подъехав к кибиткам, Студитский.

Тотчас из ближней юрты, большой и высокой, вышел в парусиновом костюме и соломенной шляпе кавказец. Увидев гостей, он сначала нахмурился, но тут же заулыбался, узнав их.

— Доктор... Господин Студитский, какими судьбами?! Здравствуйте! Вот не думал встретить вас в этой глуши.

Капитан тотчас вспомнил его: предприниматель Тер-Аванесов. С ним Студитский виделся в Чекишляре и Яглы-Олуме. Но почему он здесь? И мельница, вероятно, его. Заметив немой вопрос в глазах капитана, Тер-Аванесов, радушно пожимая ему руку, поспешил удовлетворить любопытство.

— Доктор, дорогой, я не стал испытывать капризы судьбы и отправился на железную дорогу. На Атрекской линии столько акционеров и приказчиков, что повернуться невозможно. Вот я тогда и подумал: а почему бы мне не податься к Балханам? Ай, собрал вещи, сел на коня и поехал.

— Мельница ваша? — спросил Студитский.

— А как же, господин доктор! Конечно, моя. Здесь, знаете, какие залежи соли! Клянусь, можно всю Россию солью посыпыть — столько здесь ее. Соль кусковая, дробить надо. Думал, думал, как мне с ней быть, и отправился к строителям дороги. Захожу в вагон к генералу Анненкову. Говорю ему: «Господин генерал, ссудите леса на постройку мельницу. Мне будет хорошо, и вам тоже. У вас два батальона солдат, и ни у кого нет

лишней соли!» Ай, туда-сюда, поговорили, выпили немножко. Потом генерал помог мне купить эти соляные участки.

— Недурно у вас получилось. А грязями тоже пользуетесь?

— Пока нет, доктор. Приезжал из эшелона фельдшер, набрал в пробирки и пузырьки воду из озера и грязь, потом говорил мне, что грязь тут целебная. Какая-то серно-йодистая, что ли.

Студитский вынул из медицинской сумки термометр и, в то время как Караш допытывался у хозяина, есть ли в Балханах нефть, измерил температуру воды в озерце. Она оказалась +30 по Реомюру, а по запаху точно такая, как в Сакских и Францесбадских источниках. «Если вода и грязь аналогичны крымским и европейским, то смело можно открывать курорт»,— решил Студитский и тоже заполнил пробирки водой и грязью.

Не задерживаясь долго, офицеры отправились в путь и ночью прибыли в лагерь строителей железной дороги.

XXXIV

Ночью, кроме костров и множества изнуренных солдат, Студитский ничего не увидел. Даже самого Анненкова не разглядел как следует. Генерал выглянул из вагона, спросил, кто такие, сказал, где разместиться на ночлег, и удалился в купе.

Утром перед приезжими открылась широкая панорама строительства дороги. Две железнодорожные ветки — одна широкая, другая узкоколейная, дековильская,— тянулись параллельно от Каспия в сторону песков. На широкой колее стоял поезд со множеством вагонов, в которых жили солдаты. Все подножие гор было заставлено кибитками, юламейками и палатками. Между кибитками и дорогой бродили верблюды. В некотором отдалении виднелся туркменский аул. За ним, на зеленом взгорье, паслись овцы.

Ночевали Студитский и Караш в кибитке, у фельдшера. Утром он пригласил гостей в офицерскую столовую. Это был огромный навес: десятка два вкопанных в землю бревен, а сверху парусина. Под парусиной стояли дощатые столы и грубо отесанные лавки. Рядом походные кухни и еще один навес, поменьше: в нем торговали маркитанты.

Идя в столовую, Студитский обратил внимание, как загрязнен лагерь. Всюду валялись отбросы и воняло падалью.

— Господин фельдшер,— пошутил капитан,— вы не будете в обиде, если свою деятельность главного санитарного врача я начну с того, что оштрафую вас за вашу нелюбовь к чистоте и порядку? Неужели вы не чувствуете гнилостного запаха?

— Простите, господин капитан, виноват. Но еще день-два, и запах улетучится,— отозвался фельдшер.— В Михайловском на опреснителе взрыв произошел.

— Там взорвалось, а здесь падалью запахло? — усмехнулся капитан.— Вы шутник, фельдшер.

— Садитесь, господа, за стол,— пригласил фельдшер и, когда уселись, пояснил: — Тут у нас такая катавасия была, не приведи господи. В начале марта пришло известие об убиении государя, ну и всполошились солдаты. Кто-то пустил слух, что в России началась революция, дескать, горят деревни и города. Солдаты оставили дело и кинулись в Михайловский залив, чтобы сесть на пароход и плыть домой. А в Михайловском кочегар опреснитель взорвал. Бросили клич: «Нет царя — не нужна и дорога царская!»

— Я слышал о бунте на вашей дороге,— сказал Студитский.— О нем даже у туркмен известно. Что поделаешь — переполнена чаша терпения, озлоблен народ. Но падалью-то почему пахнет?

— Да воды же не было для лошадей,— принялся втолковывать фельдшер.— Тысячу коняжек пригнал господин Лессар для дековильской дороги, а тут опреснитель вышел из строя. Пока суд да дело — половина табуна подохла. Остальных успели отогнать на колодец в пески. Много лошадок подохло. Закопали не так уж и близко, а все равно вонь от них. Шакалы разрывают, растаскивают трупы.

— Справляетесь с делом без лошадей?

— Где там! Полное расстройство. Вон, кстати, и генерал Анненков идет.

Фельдшер встал. Все сидящие в столовой тоже поднялись, приветствуя генерала. Полноватый, с холеным, тронутым загаром лицом и желтыми усами, он кивнул всем и задержал взгляд на Студитском. Спросил, хорошо ли спалось на новом месте, и сел рядом.

— Кажется, я где-то с вами раньше виделся? — сказал с некоторым сомнением.

— В доме военного министра, в прошлом году, господин генерал,— подсказал Студитский.

— Да, да, вспомнил. Вы по-прежнему возглавляете миссию?

— Да, господин генерал. Но я настоял, чтобы поручили мне санитарную часть края.

— Разве в миссии нечем заниматься?

— Именно потому, что прибавилось в миссии дел, я и стал главным санитарным врачом. Должность эта позволяет мне выезжать в любой опорный пункт, в любой аул.

— Что же вы намереваетесь предпринять в ближайшее время? — заинтересовался Анненков.

— Прежде всего, господин генерал, создать фельдшерские пункты во всех крупных селениях.

— Но там же вовсе нет россиян! Разве что в Кизыл-Арвате да в Бами.

— Но, создавая медпункты, я имею в виду прежде всего туркмен.

— Туркмен? — усомнился и хмыкнул Анненков.— Тут свои солдаты мрут как мухи от болезней, а вы о туркменах думаете.

— Я думаю о тех и других. Все мы люди,— попробовал смягчить тон беседы Студитский.

— Цинга и лихорадка косят людей беспощадно. До туркмен ли сейчас?! — еще больше возбудился Анненков.— Лощины от Михайловского до Казанджика удобрены мертвецами. Через каждые десять верст кладбище. Не нравятся мне ваши ненужные старания, доктор.

— Господин генерал, не забывайте, что мы пришли в Закаспий, чтобы помочь местному населению выйти из нищеты и дикости. Строя железную дорогу, вы признаете, что она преобразит кочевое общество, но почему же вы отвергаете мою медицину?

— Я думаю, дорогу мы строим не для того, чтобы лучше устроилось здешнее население,— возразил Анненков.— Дорога нам даст хлопок, джут, соль, нефть и все прочее, в чем нуждается Россия. Что касается туркмен, они превратятся в подсобную силу — и только.

— Вы не правы, генерал,— не согласился Студитский.— Туркмены почти сто лет просили нас, чтобы взяли их в подданство. В нас они видят избавителей от тысячи бед, а вы в них видите подсобную силу. Генерал, с возможным учреждением Закаспийской области, о которой сейчас ведется речь в высших кругах, мы привлечем к правлению и туркмен. Речь пойдет не о подсобниках, а о возрождении общества в экономическом и культурном аспектах. Будут не только дороги, не только города и заводы, но фельдшерские пункты и амбулатории, гимназии и все прочее, чем живет цивилизованное общество.

Анненков слушал и снисходительно улыбался. Покопавшись ложкой в консервированной каше, отодвинул тарелку.

— Вы, капитан, человек образованный и, я сказал бы, заряженный на общественный лад. Но скажите мне, где вы достанете средства, чтобы провести в жизнь свои намерения? Знаете, я только приступил к строительству дороги, год всего минул, а уже растраты неимоверные. Строю, а сам думаю, как бы государь не посадил на скамью в качестве подсудимого. Люди бегут и мрут, лошади передохли, воду порциями выдаем... Армяне и татары работали у меня в качестве вольнонаемных, теперь все разбежались. В Баку, Гяндже, Тифлисе — волнения, связанные с убийством государя. У меня норма, господин доктор, полторы версты готовой дороги в день, а мы и полверсты не проходим. Дековильская подсобная дорога стоит. Раньше по ней рельсы и шпалы из Михайловского подвозили, а теперь хоть на собственных плечах их тащи. На паровой дороге один паровоз. Вот сейчас погоню весь эшелон, задним ходом, в Михайловское, будем рельсы и шпалы грузить, а потом — вперед аж до Ахчи. Словом,

доктор, производительность сократилась вдвое, а хлеб тот же съедаем.

— Не пробовали просить помощи у туркмен? — осторожно спросил Студитский.

— Да вы что?! Какая от них помощь?!

— Туркмены могут прийти с верблюдами и возить строительный материал из залива.

— Могут, да только не здесь. Дорога-то — военная. Я не имею права подменять солдат туземной силой. А если нарушу приказ, то сколько хлопот потребуется, чтобы добывать хотя бы один караван верблюдов на стройку!

— Вот тут-то и поможет вам моя миссия, господин генерал,— довольно сказал Студитский.— Я приведу вам туркмен с верблюдами, но оплата должна быть полная, без всяких скидок, иначе дело потерпит провал. Знаете,— признался Студитский,— еще когда строили склады и дома в Бами, я образовал строительные артели туркмен. И сейчас они строят. Но я не занижаю им жалованье.

— Ну что ж, сядете и вы на скамью подсудимых,— засмеялся Анненков и прибавил: — Впрочем, действуйте, капитан! Но смотрите, чтобы пристав не написал куда следует! — Генерал хлопнул Караша по плечу и встал.

— Господин генерал,— взмолился Караш,— имею к вам личную просьбу. У меня керосин на Челекене есть. Не смогли бы дать хотя бы один вагон, чтобы перевезти бочки от Михайловского — в Джебел, Ахчу и дальше?

— Однако вы — пристав особенный,— усмехнулся Анненков и отказался: — Нет, пока не могу. Не до этого.

XXXV

Оставив Караша у Балхан, Студитский отправился вдоль железнодорожной насыпи в сторону Кизыл-Арвата. Останавливался на строящихся разъездах и станциях. Пока что здесь не было ни рельсов, ни будок, ни станционных зданий, лишь кибитки, в которых жили строители. Обследуя близлежащую местность, капитан записывал в тетрадь характерные особенности ландшафта и прикидывал, где и что расположить.

Осматривая аул Джебел, находящийся в четырех верстах от Молла-Кара, записал: «Предгорья Большого Балхана. С гор стекают ручьи, здесь же кяриз — подземный водовод с исключительно чистой водой. Местность прекрасная: дышится легко и вокруг безграничный простор. Вот куда бы переселить моего папашу с его ревматизмом. Сухость исключительная. В Джебеле есть полный смысл создать фельдшерский пункт, а в Молла-Кара — курорт. Я провел анализ воды и рапы, взятых из озера и Актама: грязи серо-йодисто-железные. Весьма необходимы в лечении суставных болезней. Хорошо бы провести железнодо-

рожную ветку от Джебела к Молла-Кара, тогда курорт со временем может обрести широкую бальнеологическую значимость».

«Бала-Ишем. Сюда добирался весь день, не спеша. Всю дорогу думал об отце. Вспомнился Вышний Волочек, окруженный хмурыми лесами, деревянный отцовский сруб с двором и сараями. Глушь российская и глушь каракумская — явления совершенно разные. Там — глушь, зовущая к покою, здесь — к пробуждению. Отец зовет меня к себе, жалуется на ревматизм и усталость. Клянет скрипучую телегу, на которой исколесил весь уезд, и рад лишь тому, что он — лекарь, несет людям здоровье и облегчение. Надеется: у меня дела пойдут лучше, чем у него, когда возвращусь в Вышний. У меня, дескать, академия за плечами, да и здоровье отменное. Но не влечет меня в лесную глухомань. Моя амбулатория — каракумская пустыня. В ней мой стол, в ней моя служба и жизнь...

В двадцати верстах от Бала-Ишема, на солончаке Баба-Ходжа, ведется добыча каменной соли. Тут тоже распоряжается вездесущий Тер-Аванесов. Разрешение на разработку соли взял у Анненкова, но не слишком ли злоупотребляет своей властью генерал-строитель? Верблюдов нанять боится, как бы не взгрели, а землей туркмен распоряжается свободно. Арендатор, по всему видно, платит ему хорошо. Предприимчивый генерал, вероятно, решил взятками покрыть свои перерасходы по строительству. Тер-Аванесов поглядывает и на балханскую нефть, но туда отправился Караш. Решил осмотреть нефтяные колодцы и, по возможности, приобрести буровой инструмент. Не знаю, получится ли что-нибудь у него, но нефти в Балханах много. Туда тоже есть полный смысл проложить железную дорогу.

На Баба-Ходжа протянута дековильская узкоколейка, которой до последнего времени заведовал Лессар. Но сейчас лошадей нет, и все остановилось. Сам Лессар где-то под Казанджиком занимается сооружением насыпи под дорогу и поиском воды.

На перегоне к следующей строящейся станции, Айдин, подъезжал к берегу Узбоя. Здесь он совершенно сух и частично заметен песком, но русло хорошо просматривается за несколько верст. Во время паводков по нему течет грязная жижа и образуются целые болота. Через Узбой здесь сооружается железнодорожный мост».

«Перевал и Ахча-Куйма — местность совершенно бесплодная. По рассказам туркмен, в огромных барханах время от времени появляются грабители. Ахча-Куйма в переводе на русский — «береги деньги». Разбойников я не встретил, но саксаула в барханах очень много. Отсюда его можно вывозить на опорные пункты: топливо прекрасное. Следует завести дровяной склад».

«Казанджик. На подходе к селению повстречал инженера Лессара. Симпатичный молодой человек. Я принял его за англичанина. Он — в легком костюме из парусины и широкополой

соломенной шляпе. С ним оказались еще трое моих знакомых: мичман, канонир и бахши. Моряк Батраков выписался из госпиталя, женился на сестрице милосердия Трепетовой, и оба остались в Кизыл-Арвате. Теперь он руководит работой по сооружению водонапорных башен и сардоб. Канонир Петин и Кертык-бахши — санитары в госпитале, но охотно помогают мичману, сопровождая его по участку. Бахши ездит с дутаром. Привязанность его к музыке удивительно стойкая. Может обойтись без еды, без воды, но без музыки не может. Мичман Батраков, посмеиваясь, рассказал забавную историю, случившуюся неделю назад с Кертыком. Строил он себе сарай, решил завести корову. Работал с самого утра, устал. Сел, чтобы взбодрить себя музыкой. Взял дутар, заиграл и запел. Не прошло и минуты, как его окружила несметная толпа. Все торгаши с базара сбежались послушать. Кертык натешился, отложил дутар и вновь взялся за кирпичи. Гостям ничего не оставалось, как помочь музыканту. К вечеру сарай был готов. Удивительная солидарность.

У Лессара я спросил: где он теперь возьмет лошадей? Инженер махнул рукой: «Черт с ней, с дековилькой. Лошади подохли — история спишет. В конце концов, вся Россия теперь бунтует. Взрыв опреснителя — один из тысячи таких взрывов!» Я заговорил насчет найма верблюдов. Он с радостью одобрил мою инициативу. «Верблюды — не лошади,— сказал он, смеясь.— Они неделями воды не просят. Если уговорим туркмен, чтобы дали внаем верблюдов, моя дековилька вновь оживет!»

«Отправились к Казанджику, потолковать с хозяевами насчет верблюдов. По пути осмотрел местность. Казанджик расположен у подножия горных цепей Малых Балханов и Кюрен-дага. Местность малярийная. Много случаев смерти от этой страшной болезни. Вода доставляется в аул по кяризу и по арыку из горного источника Иджири. Лессар сказал мне, что в Казанджике много деревьев. Советует открыть здесь больницу. Что ж, посмотрим...»

XXXVI

Утро овевало шелковистым ветерком. В белесом небе, словно бубенчики на ниточках, звенели жаворонки. Захлебываясь от восторга, жаворонки срывались с высоты и падали на землю, почти под ноги лошадям. И вновь они взмывали в высоту, трепеща крылышками и упиваясь пением.

Команда Студитского ехала вдоль Кюрен-дага, пуская коней вскачь и снова переводя на шаг. После полудня достигли Казанджика.

Селение пребывало в знойном покое. Всюду солнцепек, и нигде ни души. Сотни кибиток, разбросанных в предгорье, казались оставленными тысячелетие назад. Ни звука, ни дымка, и собаки даже не лают. Единственное напоминание о жизни — козы и овцы на холмах.

— Ну что, друзья, подождем до вечера,— сказал Студитский, остановив коня у источника Иджири.— Пока не спадет жара, никто из кибиток не выйдет.

Путешественники расседлали коней, спутали им ноги, пустили пастись и сами разделись, чтобы искупаться. Что может быть приятнее, чем в жаркий день окунуться в горном ручье, смыть с себя дорожную пыль, а вместе с нею и усталость.

— Послушайте, Петр Михайлович,— сказал капитан,— а нельзя ли воду из этого ручья отвести к станции?

— Я думаю, было бы преступлением, если б мы похитили эту животворную влагу у дехкан,— очень серьезно отвечал Лессар.— Я уже беседовал об этом ручье со здешним распорядителем воды — мирабом. Он говорит, вся вода до последней капли разбирается аульчанами. Там, возле Казанджика, ручей разветвляется на множество арыков. Я думаю, надо осмотреть кяриз.

— Далеко ли железнодорожная ветка пройдет? — включился в беседу мичман.

— А вон, видите, на равнине горбы? — указал Лессар.— Это начало насыпи.

— А нельзя ли станцию поставить напротив кяриза? — спросил Студитский.

— Все можно, но нужно ли? В том месте как раз овраг, по нему селевые воды сбрасываются в пески.

— По-моему, надо раз и навсегда отказаться от ручья и кяриза,— сказал мичман.— Самое верное — водонапорная башня. А если станет дело за бурами и насосами и невозможно будет добыть их, то разумнее всего обратиться к древней сардобе. Выроем огромную яму, засыплем ее чистым песком, подведем к ней стоки для дождевой воды, и, уверяю вас, за зиму в ней столько будет чистейшей, фильтрованной влаги, что хватит бог знает на сколько!

— Этот вариант, конечно, вполне приемлем,— согласился Лессар,— но не здесь. Сардоба нужна там, где нет вовсе ручьев.

Пока доктор, мичман и инженер решали проблему стока воды к станции, Петин и Кертык кипятили чай. Вскоре вода забулькала в котелке. Сели над ручьем, пообедали, попили чаю и стали собираться. Вроде бы и отдыхали недолго, а солнце уже к Кюрен-дагу склонилось, горные скалы отбросили тень. Оседлали коней — поехали. Петин тотчас взял на себя роль глашатая. Как только запылили между кибитками, канонир во всю мочь закричал по-туркменски:

— Люди славного Казанджика! Почтенные аксакалы, джигиты и все остальные, в ком живет дух Кер-Оглы, выходите на мейдан! К вам приехал знаменитый Кертык-бахши, чтобы усладить вас своей чарующей музыкой и песней!

Вряд ли кто в ту пору знал о Кертыке-бахши. Но призыв глашатая был столь внушительным и многообещающим, что из кибиток, словно муравьи из муравейника, высыпали аульчане.

Дети, джигиты, старцы — все потянулись к месту, где остановились приезжие. Вот уже донеслось отовсюду:

— Русские приехали!

— Люди ак-падишаха у нас!

— Паровоз скоро приедет!

Студитский первым слез с коня и поднялся на тахту, под которой бежала вода источника. За ним последовали остальные.

— Послушайте, люди Казанджика, что скажу! — громко объявил капитан.— Мы приехали к вам самыми добрыми друзьями. Мы хорошо знаем вашего хана Софи и могли бы обратиться к нему, но он — в Петербурге. Поэтому обращаемся к вам! Но прежде необходимо, чтобы все люди Казанджика собрались сюда. Пусть пока поет бахши, а вы послушайте!

Кертык тотчас вышел на середину тахты с дутаром и сел, сложив ноги калачиком. Некоторое время он настраивал дутар, затем ударил по струнам и запел:

Трус именует себя храбрецом.
Честь была раньше, теперь — обман!
Глупый стал умным, а умный — глупцом:
В глазах у меня туман, туман!
Ханы-сердары где теперь?
Где Сулейманы-цари теперь?
Все ушли, не найдешь их теперь!
В глазах у меня туман, туман!

— Ва, алла, молодец парень! — восхищенно проговорил кто-то в толпе, едва Кертык окончил песню.

— Где же он раньше был, почему его не знали!

— Ай, он же совсем молодой еще!

Студитский и Лессар сидели в тесном окружении туркмен. Капитан приглядывался к аульчанам, и ему было приятно, что дутар пришелся им по сердцу. Но капитану не очень-то понравились слова песни, и он сказал Кертыку:

— Нельзя ли что-нибудь повеселее? А то взялся жалеть сердаров да ханов! Чего их жалеть? Они сейчас за одним столом с ак-падишахом сидят!

— Ай, начальник, зачем так говоришь? — воспротивился старик аксакал.— Бахши хорошую песню спел. Когда бахши поет о Кер-Оглы — народу одно утешенье!

— Эй, потише там, не мешайте парню! — донеслось из толпы.

— Дорогой бахши, спой еще!

— Спой про пери Агаюнус!

— Ай, пропади мое богатство! — воскликнул чернобородый здоровяк, пробиваясь к тахте.— Вот, на тебе, бахши, за то, что разбудил сон моего сердца! — Он положил к ногам Кертыка пиалу с серебряными монетами.

— Что вы, люди! — запротестовал Кертык.— Я разве за деньги сел петь?

— Эй, парень, не стыдись! — послышалось вновь из тол-

пы.— Если не ошибаюсь, деньги тебе сейчас в самый раз. На тебе даже халата хорошего нет, а о тельпеке и говорить нечего!

Кертык невольно взялся за тельпек и основательно растрогал аульчан. К ногам бахши посыпались монеты.

— Ну, это уже ни к чему,— проговорил Студитский.— Получается, что мы не в состоянии позаботиться о своем бахши. Это непорядок. Давай-ка, Кертык, заканчивай представление, да поговорим о деле!

— О каком таком деле?! — возмутился аксакал.

— Пусть поет еще!

— Вах, люди, бедный бахши в одежде и пище нуждается: нельзя же ему не помочь!

— Пой, бахши, о пери Агаюнус!

Студитский, видя натиск толпы, засмеялся:

— Ладно, друзья, пусть поет, а мы сходим посмотрим на ваш кяриз.

— Я, пожалуй, останусь с Кертыком,— сказал канонир.

— Ладно, сиди, мы скоро вернемся.

Уходя с площади, Студитский услышал бодрый, шаловливый мотив и не менее шаловливые слова:

Шесть красавиц встретил я в пути.
Ноги встали — не могу идти.
Шесть красавиц путь мне преградили!
Но какая лучше из шести?

— Кертык не пропадет со своими песнями,— сказал Лессар.— Теперь до ночи не отпустят, пока все дастаны не перечислушают.

— Все это, конечно, хорошо,— сказал Студитский.— Но выглядят такие представления слишком жалко. Словно нищему подают, а он ведь — певец, насколько я понимаю!

Лессар, уже изучивший казанджикские места, привел доктора и мичмана к кяризу. Воды из него вытекало достаточно, но грунт тут был каменистый. Если вести воду от кяриза к станции, придется долбить камни. Но много ли сделаешь киркой да лопатой? Опять же взрывчатка нужна!

Начался спор: один — о водонапорной башне, другой — о сардобе. Проговорили до самых сумерек. Когда солнце зашло за горы, Студитский спохватился:

— Друзья, аульчане, наверное, давно разошлись. Поехали поскорее!

Пустив коней вскачь, они быстро приблизились к площади.

— Ну и ну,— сказал Лессар.— Все еще поет. Ай да Кертык!

— Да это не он,— сказал Студитский.— Это уже другой. На Кертыке была черная драная папаха, а этот в белом тельпеке.

— И халат другой,— согласился мичман.

— Да по голосу можно отличить! — сказал Лессар.— У этого хриплый голос, а у Кертыка — звонкий, как флейта.

— Надо отыскать своего бахши,— сказал капитан, слез с

коня и подошел к толпе.— Кто этот певец? — спросил у джигита.

— Как — кто? — удивился джигит.— Ваш это...

— Нет, не наш. Наш в черном тельпеке был. Не скажете, куда ушел?

— Никуда не ушел! — засмеялся удивленно джигит.— На него люди новый тельпек надели и халат — новый.

— Да что ты говоришь?! — засмеялся Студитский.— Вот так представление! Прекрасный у вас народ! Каков дух товарищества! Вы только поглядите на него! Кертык, оказывается, все еще поет!

— Хрипит уже,— пошутил Лессар.

— Да, друзья, пора и нам перейти к делу,— сказал капитан и поднялся на тахту.

Он подождал немного, пока Кертык закончит песню, затем заговорил громко:

— Уважаемые аульчане, у нас на Руси говорят: «Делу — день, потехе — час». Разрешите мне сказать несколькс слов об очень важном деле?!

— Говори, начальник!

— Пусть твои слова будут тоже хорошей песней!

Студитский поднял руку, требуя тишины.

— Беда на железной дороге,— сказал капитан.— Лошади передохли. Рельсы и шпалы возить не на чем. Приехали к вам за помощью. Нужны верблюды! Много надо верблюдов!

Сразу воцарилось молчание. Затем кто-то несмело сказал:

— Скобелев всех верблюдов искалечил. После Геок-Тепе они опомниться не могут.

Толпа разразилась смехом.

— Начальник, поверь! — крикнул какой-то старик.— Инеры перестали смотреть на верблюдиц, а верблюдицы не смотрят на инеров. Верблюжат в этом году совсем нет!

Толпа вновь засмеялась. И как только люди успокоились, вновь донесся голос:

— Люди ак-падишаха пришли свою дорогу делать, но почему же из России мало лошадей привезли?

— Уважаемый,— отозвался Студитский,— я с вами не согласен. Дорога нужна прежде всего туркменам. Вы — хозяева этой земли, вам нужна дорога не меньше, чем русским. Если вы окажете помощь строительству, то будете иметь полное право на эту дорогу. Но я хотел бы сказать и о другом. Как представитель русской миссии обещаю, что генерал Анненков будет платить вам столько же, сколько платит русским рабочим. Вы будете перевозить рельсы и шпалы — и получать за каждого верблюда рубль в день. Мы заинтересованы, чтобы у вас были деньги. Будут у вас деньги — торговля у нас оживится. Вы знаете, сколько разных товаров привезли русские купцы в опорные пункты! Все эти товары продаются только на русские деньги.

Вряд ли требовалось разъяснять аульчанам, что мануфакту-

ра, керосин, железо и все прочее отдается за деньги: это они давно усвоили. Заботило их иное.

— Господин начальник,— спросили из толпы,— почему же генерал Анненков, когда у него лошади были целы, никого из туркмен не брал к себе с верблюдами?

— Это говорит о том,— сердито отозвался Студитский,— что не у каждого генерала на плечах голова, бывает и тыква.

Толпа опять разразилась веселым, безудержным смехом.

— Сколько надо верблюдов и куда их пригнать? — спросил сидевший на тахте аксакал.

— Не меньше трех тысяч! — отозвался Студитский.— Две тысячи в Молла-Кара, к генералу; одну тысячу к Ахча-Куйму на узкоколейную дековильскую дорогу, вот к этому человеку.— Капитан поискал глазами Лессара и крикнул: — Петр Михалыч, покажись народу!

— Здесь я! — отозвался Лессар.

— По всем вопросам,— продолжал Студитский,— обращайтесь ко мне.

Тут же его забросали вопросами. Он стоял и терпеливо отвечал, пока люди не разошлись, чтобы завтра заняться сгоном верблюдов.

XXXVII

В самую жару, когда и в тени дышать тяжело, на огромном открытом пространстве от Молла-Кара до Казанджика сосредоточилось более десяти тысяч строителей и около трех тысяч верблюдов. Укладывали шпалы и рельсы опытные, обученные этому делу солдаты двух железнодорожных батальонов. Доставляли же шпалы, рельсы и костыли к насыпи туркмены на верблюдах. Шпалы и рельсы везли волоком, костыли — в арбах. Туркмены же строили параллельно насыпи почтово-транспортную дорогу: срезали бугры, засыпали землей и щебенкой ухабы, рыли ямы под телеграфные столбы. В аулах были созданы бригады, которые вели проселочные дороги к станции и копали арыки.

Вновь начала действовать дековильская дорога. Вдоль насыпи по ровным такырам, на которых лежала узкоколейка, катились вагончики, запряженные верблюдами, и кучерами в вагонетках сидели туркмены. Лессар теперь находился на своем, дековильском участке.

Студитский с мичманом, канониром и бахши все так же передвигались от селения к селению. Кертык с удовольствием пел аульчанам, Петин ходил с санитарной сумкой, начиненной медикаментами и перевязочным материалом. Иногда доктор заходил в кибитки, лечил больных. Но совершенно был беспомощен перед малярией. «Надо графине написать, пусть вышлет хины»,— думал он. Не забывал он и о молла-каринском озере.

Там уже стояло с десяток кибиток, и туда ездили принимать грязи некоторые офицеры из эшелона, приказчики и маркитанты.

Но, пожалуй, самым бойким местом на трассе Закаспийской военной железной дороги был в это лето Казанджик. Тут, как только подвели колею к поселению, сразу же появились торговцы. Началось строительство складов и военного пакгауза. Здесь начали складывать свои товары купцы, чтобы потом везти их дальше. Вокруг Казанджика появился лагерь железнодорожников и торговцев: кибитки, юламейки, легкие парусиновые палатки жарились на солнцепеке, а люди на насыпи вбивали костыли, стягивали на стыках рельсы, ставили стрелки. В самую жару сотни солдат и дехкан толпились по всему ручью Иджири. А ночью загорались костры, и казалось, дикие полчища остановились здесь на время, чтобы отдохнуть и двинуться дальше. Но нет, это было мирное наступление. Тяжелое, связанное с риском — жить или умереть, но все-таки мирное наступление.

Студитский, приезжая сюда, всякий раз восхищался размахом дел. И в тот день, когда они с мичманом сошли с поезда в Казанджике и зашагали к строящейся водонапорной башне, сказал не без гордости:

— Видал, моряк, какая силища собралась?

— Дармоедов много, капитан,— сказал Батраков.— Что ни купец — то дармоед, что ни приказчик — плут. А таких тут больше половины.

— Ну, мичман,— недовольно отозвался Студитский,— вы сегодня настроены на меланхолический лад.

— Да ведь досада берет, Лев Борисыч. Солдат или дехканин не успеет рубль заработать, а на этот рубль сразу все торгаши кидаются. Сунул бы я каждому по лопате, пусть бы мне котлован копали. А то жрут, да спят, да последнюю шкуру дерут с солдата и дехканина!

— Ладно, Иван Гордеич, не кипятись,— попросил капитан.— Прав ты, конечно, и возражать тебе я не стану. Но, как говорится, всему свое время. Построим дорогу, города, тогда можно будет и купцам всыпать. Вот устроим крестьянские коммуны, образуем земельные запашки, глядишь, и купцы попятятся.

— Да ведь земельные запашки тоже не скатерть-самобранка,— заметил Батраков.— Да и не аршинами измеряется тут богатство, а каплями воды. Но вода-то в руках богачей — баев!

— Ничего, ничего, мичман, дай одно сделать, потом и в другом разберемся.

Над Кюрендагом давно уже темнела туча и слегка погромыхивало в ней: не зря с утра так шпарило солнце. Очередной высверк молнии ярко озарил предгорья, и пахнуло дождевой влагой.

— Дождь будет,— сказал Батраков.— Видите, заряды какие?

— Вижу, конечно. Но сегодня и мы с вами заряжены под стать этой туче,— засмеялся Студитский.— Усталось, вероятно.

— Я бы не сказал,— вновь возразил Батраков.— Просто я, в отличие от вас, не очень-то верю этой разномастной силе. В Европе уже вовсю капитал властвует, а мы тут аграрный мирок затеваем. В Европе грохочут станки и машины. Там множится рабочий люд, там расправляет крылья свобода. Нельзя нам опираться на мусульманский мирок. Его основной движитель — ислам — безнадежно отстал от передовых философских учений!

— Вы сегодня в ударе, мичман! Дождь пойдет непременно. Уже накрапывает.

Снова желтый зигзаг молнии прострелил тучу и загрохотал гром.

— Идемте, иначе не успеем! Вымокнем до нитки,— поторопил капитан.

— Ничего, это полезно.

Оба посмотрели на небо и не спеша пошли к железнодорожному составу, который стоял в версте от станции. Дождь застал их в пути. Бежать не стали — пусть мочит. Дождь в Каракумах редкость: с самого мая не было ни капли дождя. И, уже подходя к поезду, прибавили шаг, а потом побежали, ибо с неба посыпался град, крупный, с голубиное яйцо. У них даже не хватило духу добежать до генеральского вагона — вскочили в первый попавшийся тамбур.

— Ну и ну! — удивился Студитский.— Ничего подобного я тут раньше не видел!

— А какой был невинный денек! — крикнул мичман, в шуме падающего града не слыша собственного голоса.

Суматохи, возникшей в лагере, вообще не было слышно: только метались люди возле юламеек и бежали, прячась в вагонах и под ними. Жиденькие парусиновые палатки, укрепленные на кольях, вовсе не выдержали обрушившейся тяжести — повалились одна за другой. В самом поселении наблюдалась такая же суматоха, но скоро и там все замерло — все живое попряталось. Лишь грозная стихия природы властвовала в этом, казалось, маленьком и слабосильном мирке.

Студитский посмотрел на часы. Прошло почти полчаса, как они стояли в тамбуре, спасаясь от града под крышей, но ледяные струи с неба падали с прежней силой. Вот уже целые потоки воды зашумели под колесами. «Как бы не смыло дорогу,— подумал капитан, но вслух этого не сказал, боясь показаться смешным.— Наверное, дорога рассчитана и не на такие стихии»,— успокоил себя. Мичман тоже выглядел озабоченным. Он даже осунулся от напряжения.

— Надо бы выкатить состав с равнины на высокую насыпь,— сказал он.— Рельсы сплошь залило.

— А если насыпь размоет, тогда и вовсе худо будет! — отозвался Студитский.

Постепенно град сменился дождем, затем перестал и дождь. И на месте черной тучи, лежавшей на горах, разлилось зарево. Это закатившееся солнце посылало последний жар своих могучих лучей. Студитский первым спустился с тамбура и позвал мичмана. Ступая по щиколотку в воде, они добрались до двух передних вагонов. Генерал Анненков, в белом кителе, молча стоял в тамбуре, сложив на груди руки.

— Живы, господин доктор?! — воскликнул он.— Как думаете, не наделал бед этот, прямо скажем, не азиатский град?

— Будем надеяться на лучшее, господин генерал.

— Хорошо, залезайте сюда,— сказал Анненков и приказал помощнику, чтобы велел солдатам поднимать сваленные градом палатки.

Вновь началась суматоха, но уже деловая — с ворчанием и матерщиной. Анненков понаблюдал за работой солдат-железнодорожников и велел машинисту, чтобы разводил пары: пора отправляться в Молла-Кара.

Еще полчаса, и поезд тихонько пошел на запад. Генерал пригласил доктора к себе в купе, на ужин. Батраков прошел в тамбур и, встав у открытой двери, начал смотреть на утопающие в темноте надвигающейся ночи копетдагские горы. В широких трещинах разорвавшихся туч загорелись звезды. Батраков подумал: «Сколько же придется ехать и когда состав приплетется в Молла-Кара, если будет двигаться черепашьим шагом?» И тут услышал со стороны гор необычный, всепоглощающий шум. Сразу же заскрипели тормоза, и поезд остановился.

— Ну что еще опять! — донесся из купе недовольный голос Анненкова. И сам он, в нательной рубахе, вышел в коридор. Студитский последовал за ним.

— Такой грозный шум, словно горы рушатся,— сказал капитан.

И тут, непонятно откуда, прилетело слово «сель». Наверное, его принес машинист. Он ворвался в генеральский вагон и, крестясь, проговорил:

— Беда, ваше превосходительство... Вода с гор идет!

— Анафема! — простонал Анненков.— А зачем же ты остановил поезд? Разве нельзя было проскочить?

— Нельзя, ваше превосходительство. Дальше уклон и низина. Там и прокатится сель, а сюда, бог милует, не достанет водица...— Последние слова машиниста утонули в бешеном реве горного потока.

Вода действительно понеслась низиной, впереди состава. Грозный поток, наткнувшись на железнодорожную насыпь, начал разливаться вдоль дороги. Затем уровень его стремительно поднялся, и вода пошла через рельсы. В темноте никто не мог толком сказать, что творится и что надо делать. Только железнодорожники то и дело бегали от генеральского вагона к паровозу и обратно. Зажженные фонари мелькали в темноте. К полуночи стало ясно: вдоль железнодорожного полотна образова-

лось целое озеро, вода хлещет через рельсы, и вряд ли насыпь выдержит тяжесть скопившейся воды. Ближе к утру вода вдруг начала убывать, и путейцы доложили: насыпь размыло, образовался проран — часть шпал упала в воду, а рельсы провисли. Можно было не дожидаться утра и двигаться назад. Но Анненкову хотелось увидеть, что же произошло, каков убыток и сколько придется затратить времени, чтобы восстановить путь. Едва рассвело, он спустился вниз на насыпь и пошел к паровозу.

— Не ходили бы вы туда, ваше превосходительство,— сказал ему машинист.— Неприятность там... С непривычки стошнить может.

— Что еще такое? — обеспокоился Анненков и прибавил шаг.

Студитский, Батраков и несколько офицеров едва успевали за ним.

Они прошли с четверть версты и остановились, пораженные. Воды почти не было — струился небольшой арычок. Но оба берега были усыпаны человеческими трупами. Скелеты, черепа, полуразложившиеся трупы — сколько их! Сто? Двести? И не сосчитать. Анненков побледнел, зашевелил губами и начал креститься. Один из путейцев пояснил тихонько:

— Ваше превосходительство, сель начисто смыл кладбище. Там, в низинке,— показал он рукой к горам,— еще со времен скобелевского похода хоронили людей. И наших железнодорожников там же погребали... Сами знаете, смертность высокая... Одних цинготных...

— Молчать! — вне себя вскричал генерал.— Немедленно организовать команду и закопать трупы!

Повернувшись, он сплюнул и заспешил к своему вагону. Студитский проводил его взглядом сожаления.

Батраков растерянно смотрел на капитана и никак не мог прийти в себя. Знал и сам не раз слышал, как возили на кладбище умерших и погибших солдат. Знал и о том, что смертность на строительстве военной дороги очень высокая. Но одно дело — знать, другое — видеть...

XXXVIII

Горный сель надолго задержал капитана и мичмана на строительстве. Вернулись они в Кизыл-Арват к концу лета.

Войдя в свою холостяцкую комнатушку, Студитский в кипе газет и журналов нашел письмо графини Милютиной.

Капитан тотчас вскрыл конверт, прочел несколько строк и разочаровался.

«Любезнейший Лев Борисыч,— писала графиня.— Не стану вас томить, сразу же скажу: с вашей запиской о медперсонале и медикаментах я пока никуда не ходила и даже не сказала о ней отцу. В доме у нас не все ладно. Вы, вероятно, знаете: отец ушел в отставку. Семейство мое расстроено. Такое ощущение,

словно кого-то похоронили из близких. Слава богу, до этого не дошло, но уход отца с поста министра ужасно отразился на маме, моих сестрицах и конечно же на мне. Я больна или хандрю и вовсе не могу ничем заняться.

Августейшие особы всегда отличались метаморфозами в своих поступках, но ныне поднявшийся на престол цесаревич, кажется, превзошел во всем своего отца и деда... Но все по порядку... На другой день после моего возвращения из Закаспия входит ко мне в комнату отец и просит, не могла бы я сопровождать его в поездке в Гатчину, к государю? Я, разумеется, не могла отказать ему, тем более он выглядел растерянным и нездоровым. К нам присоединился Серж Шаховской... Словом, мы отправились в Гатчину и были на приеме. Все проходило как обычно, с той лишь разницей, что на отца все смотрели с сочувствием, ибо знали, по какой причине он попросился в отставку. Государь с крайним притворством сожалел, но императрица тут же выдала его. Она сказала отцу: «Граф, вы поступили разумно в вашем положении». В тот день я не поняла, о каком таком положении ведется речь. По возвращении отец рассказал нам, отчего он покидает министерство. Оказывается, ему поставили в вину все его предыдущие реформы, которыми он так укрепил русскую армию. Парадокс, не правда ли? Венцом же обвинения оказался акт возвышения в диктаторы Лорис-Меликова. Бедный Михаил Тариэлович, как он пекся о безопасности ныне покойного государя! Он составил целую программу по его защите, и вот, представьте себе: программа диктатора, с легкого благословения военного министра, якобы оказалась первым шагом к демократической конституции... Что поделаешь: государь убит, и целиком повинно его окружение... Я чувствую, что утомила вас скучными рассуждениями. Но конец моего письма еще тоскливее. Два дня назад наш дом навестил новый военный министр, генерал Ванновский. У отца с ним был долгий деловой разговор, а затем, когда гость удалился, я узнала — все наше семейство навсегда покинет Петербург и поселится в крымском поместье, в Симеизе... Капитан, голубчик, я расстроена ужасно. Но я выполню ваше поручение во что бы то ни стало. Я с превеликой симпатией всегда думаю о Туркмении и о вас тоже.

Желаю вам блестящего будущего и всяческих благ.

Пишите мне...»

Через неделю в кизыл-арватском укреплении появился генерал Анненков. Приехал навести порядок в связи со скорым прибытием начальника вновь образующейся Закаспийской области.

Генерал осмотрел улицы, бараки, новое здание управления железной дороги. Заехал в огромный двор строящихся железнодорожных мастерских: здесь уже поднялись стены цехов и весь двор был заполнен строительным материалом. Отслужил обедню в деревянной церкви, только что доставленной из Астрахани, затем пожелал взглянуть на госпиталь. Обошел госпиталь-

ный барак вокруг, нашел, что внешне все хорошо, чистота образцовая, на окнах марлевые занавески. В коридоре генерала встретила Надя.

— Не угодно ли, ваше превосходительство, осмотреть палаты?

— Отчего же не осмотреть? Ведите, сестрица.

— Халат, пожалуйста, накиньте на плечи. И вы, господа,— обратилась она ко всем.

Студитский тихонько сказал ей:

— Надежда Сергеевна, может быть, покормите генерала и гостей? Время обедать.

— Конечно, Лев Борисыч. У нас сегодня — украинский борщ.

Надя тотчас велела сестрам милосердия, чтобы накрыли столы, сама повела Анненкова, показывая ему палаты, кабинеты, объясняя, где что.

— Господин капитан,— сказал Анненков.— Я слышал, вы собираетесь открыть амбулаторию для туркмен?

— Да, собираюсь, да никак не соберусь, средств пока нет,— отозвался Студитский.

— А когда найдете средства, то где же разместится эта амбулатория? Неужели здесь, в госпитале?

— А вон тот, крайний кабинет и займу,— указал рукой капитан.

— Не советую,— отозвался Анненков.— Если слухи о вашей туземной амбулатории дойдут до великого князя, он не помилует.

— Вы, господин генерал, страшились кочевников, а они вам помогли дорогу вдвое быстрее построить,— заметил Студитский.

Анненков растерянно кашлянул, пригладил усы и ничего не сказал. Обиделся.

— Господин генерал, теперь извольте посетить нашу столовую,— пригласила Надя.

Анненков кивнул и последовал за старшей сестрой милосердия. Войдя в столовую, он посмотрел на стены, затем на потолок и остановил взгляд на кухарке и Джерен, которые стояли у раздаточного окна.

— Доктор, а почему у вас здесь туземка?

— Какая туземка?

— Ну вон же стоит с тарелками!

— Это посудомойка, господин генерал. Я разрешил ей служить в госпитале.

— Что?! — возмутился Анненков.— Вы взяли в военный госпиталь туземку?! Да как вы посмели, капитан! Туркмен вы мне привели на дорогу — это куда ни шло: у меня там пески да такыры. Но здесь-то военный госпиталь!

Джерен, услышав грубый голос генерала, юркнула в боковую дверь и вышла во двор. Надя стыдливо опустила глаза, но сразу же подняла их, полные упрека.

— Господин генерал, вы несправедливы к бедной женщине. И к доктору Студитскому тоже. Что же плохого, что в госпитале у нас работает туркменка?

— Ну, ну, сестрица! Вы, кажется, обещали покормить нас прекрасным обедом?

— Пожалуйста, господин генерал, садитесь, стол накрыт.

Все сели. Сестры милосердия начали обслуживать генерала и его свиту. Принесли украинский борщ. Анненков приступил к трапезе и сразу отметил:

— Не знаю, что сказать о вашем борще, сестрица, но хлеб, прямо скажем,— отменный. Кто у вас печет эти пышки?

— Туземка, которую вы прогнали,— сказал Студитский.

Анненков не ожидал такого ответа, явно растерялся.

Надя поняла его состояние.

— Господин генерал, Джерен — замечательная женщина.

Анненков помолчал, затем с деланным удовольствием вдохнул запах чурека:

— В самом деле, господа, хлеб бесподобно вкусен. Вы, сестрица,— попросил он Надю,— приласкайте туземку. Скажите ей, это я так, по ошибке накричал.

— Спасибо, господин генерал.

XXXIX

В воскресенье кизыларватцы потянулись к железной дороге. Там играл духовой оркестр, а подальше, возле ущелья, артиллеристы возились с пушкой, чтобы отсалютовать, когда поезд с начальником области приблизится к поселению. Казаки на лошадях, пехотинцы в парадной форме, солдаты железнодорожного батальона, рабочие-путейцы из смоленских мест, дехкане, персы и курды из-за гор — все сошлись и съехались на встречу. Солнце уже взошло и стало припекать. Трубачи устали дуть в медные трубы. Медики и повара уже направились к себе в госпиталь. И тут грохнула пушка и полетели ввысь зеленые ракеты.

— Идет! Ур-ра-а! — закричал начальник гарнизона.

— Ура! — закричали стоявшие в шеренгах солдаты.

Вновь загремел оркестр, и вскоре паровоз с вагонами показался вдали. Вот он сбавил скорость, тихонько подошел к станции и зашипел парами, отчего толпы шарахнулись в стороны.

Из первого вагона вышел начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Рерберг. Остановился, оглядывая собравшееся воинство и прочий люд, поднял приветственно руку. Он был в парадном мундире, при всех регалиях. За ним спустился с подножки Анненков. Далее хлынули из тамбура офицеры штаба, инженеры, промышленники.

Анненков подождал, пока утихнет шумная волна приветствий, и представил нового начальника.

Рерберг снял фуражку, обнажив мясистый складчатый затылок, промокнул лоб носовым платком, снова надел головной убор и произнес, приглядываясь к толпе цепкими серыми глазами:

— Весьма рад, господа, весьма рад познакомиться. И с офицерами, и с нижними чинами, а также со статскими лицами. Будем служить вместе, будем жить дружно. Дел много, я бы сказал, дел непочатый край. Одних аулов в области более трехсот.

С многочисленной свитой он проследовал в гарнизон лабинцев. Там осмотрел казармы и конюшни, пообедал, отдохнул и вечером отправился к крепости, чтобы взглянуть на скачки.

Худайберды поджидал его в форме прапорщика. На нем не очень ладно сидел мундир с погонами и фуражка, но что поделаешь? Он вместе с другими именитыми людьми побывал в Петербурге, получил офицерское звание и полмесяца назад вернулся домой. Вернулись и другие. Софи и Оразмамед стали тоже прапорщиками, а Тыкма — майором.

У крепостной стены, протянувшейся чуть не на версту, было многолюдно. Левее ворот стоял огромный дощатый настил, застеленный коврами. Слуги торопливо ставили чайники и пиалы, несли сладости.

— Господин генерал, мой народ очень рад, что вы приехали к нам,— сказал Худайберды и с опаской покосился на многочисленных господ, не зная, как их всех поместить на тахте.

Однако опасения хана были напрасны. Рерберг, как только ушли слуги, попросил подняться с ним на тахту лишь офицеров, вошедших в состав управления областью. В их числе оказался и капитан Студитский. Как исключение со свитой сели железнодорожные инженеры и предприниматели нефтяной компании Нобеля.

Едва уселись, Рерберг принялся рассказывать о том, как был принят князем Михаилом и какие пожелания от него услышал. Речь зашла о налогах с местного населения. Анненков тотчас возразил:

— Ну что вы! Что вам дадут налоги? Только железная дорога может нас спасти!

— Как бы не так,— рассердился Рерберг.— Ваша дорога в этом только году дала около трех тысяч убытку, а пройдет пять — десять лет, так от нее вся матушка-Россия застонет.

— Ну, это вы зря так о дороге,— не согласился Анненков.— Если с умом подойти к этому вопросу, то и выгоды можно получить.

— Дождешься от нее выгод,— вновь отмахнулся Рерберг и приказал: — Худайберды, начинайте скачки, а то солнце сядет.

На старт выехало несколько джигитов. Лабинский офицер выстрелил вверх из ракетницы, и конники поскакали вдоль гор, оставляя за собой облако пыли.

— Не слишком резво начали,— сказал Рерберг.

— Кони, видно, никудышные,— тотчас отозвался Анненков.— Вот у Скобелева был жеребец, это да!

— Скобелев и сам хоть куда,— сказал Рерберг.— Что хватка, что ума — все одинаково. Он один из первых угадал, что не будет никакого прока от вашей железной дороги.

— Да полноте, Петр Федорович,— взмолился Анненков.— Скобелев не желал возиться с дорогой, потому что она ему во взятии текинской крепости не годилась. А мы же на дорогу с иной точки смотрим. Она должна соединить Россию с Мервом и Бухарою. Вот тогда от нее пойдут барыши. Тогда в два года все затраты, угробленные на нее, возместит.

— До Мерва ныне все равно что до луны,— сказал Рерберг.— Вот если б склониться перед государем да упросить его, чтобы еще разок прислал нам сюда Скобелева. Он бы за год с Мервом управился. Тут бы мы и убытки вернули, и доходы бы немалые в казну царскую внесли.

Едва Рерберг заговорил о Скобелеве, к генералам сразу придвинулись инженеры Нобеля. Принялись поддакивать, о доходах повели речь. Студитский тоже вступил в беседу:

— Господа, неужели размах мирной торговли мал? Миссия наша внесла в торговый оборот России огромную лепту. Да и только ли в торговое дело! Мы вовлекли в мирную культурную жизнь сотни тысяч дехкан — это ли не успех?

— Успех, да не для всех,— буркнул Рерберг.— Вы думаете, зря со мной приехали нефтепромышленники? Они ночами не спят — видят свою нефть да керосин на рынках Мерва и Бухары. Рановато Скобелева отозвали, эх, рановато.

— Петр Федорович, а почему бы вам самим не повести отряды на Мерв? — предложил Анненков.

— Поживем — увидим,— отозвался Рерберг.— Обстановку надо изучить.

— Не с того начинаете, господин генерал,— с обидой выговорил Студитский.— Люди тут жизнь готовы отдать во имя мира, а вы...

— Но-но, доктор! — одернул его Рерберг.— Миролюбие ваше ни к чему. Капиталы в оборот можно пустить только при посредстве военных действий. Не советую разглагольствовать о ненужных вещах. Сам великий князь Михаил Николаевич говорит, что Мерв мирным путем не присоединишь, а вы тут против его стремлений идете!

«Опять князь Михаил,— со злостью подумал Студитский.— Скобелева он благословил на Геок-Тепе, а Рерберга науськивает на Мерв! Нет, господа, я не отступлю от своих убеждений!»

XL

«Милостивый государь Николай Николаевич!

Отправляя эту Записку вашему превосходительству, прежде всего я хотел бы искренне поблагодарить вас за все старания

ваши и военно-ученого комитета в развитии мира на далекой Закаспийской окраине.

Более полутора лет минуло с того дня, как я был послан вами с миссией мирного устройства туркменского края. За это время сделано русскими людьми много хорошего, о чем я доносил вам неоднократно в своих рапортах. Думаю, что именно успехи русской миссии привели к мысли об учреждении новой Закаспийской области. Не будь сегодня на обширной территории — от Мангышлака до Атрека и на восток — до Теджена стабильного мира, Государственный комитет не решился бы вести разговоры о новой области.

Мирная ориентация, бескорыстная помощь туркменским племенам и ныне процветает во всем ее многообразии. Казалось бы, сей и пожинай плоды, но вновь объявились горячие головы, которым не по сердцу обширная наша программа. Вновь раздаются жалостливые голоса о несвоевременном уходе скобелевского отряда из Туркмении, о необходимости вновь пригласить его на завоевание Мерва. Причиной же столь радикального настроения стала Закаспийская военная железная дорога. На скорейшем присоединении Мерва к России, в первую очередь, настаивает генерал-лейтенант Анненков, допустивший, как вам известно, огромные растраты на постройке дороги. «Чем мы быстрее проведем колею в Мерв и Бухару, тем быстрее окупятся многотысячные расходы»,— говорит он. Импонируют ему и настраивают нового начальника области, генерал-лейтенанта Рерберга, на еще одну экспедицию, подобно скобелевской, нефтепромышленники Нобеля. Сотнями тысяч пудов добытой на Челекене нефти обещают они удивить население Мерва и Бухары. Я приветствую всевозрастающий размах русской торговли, но лишь в том случае, если он не опирается на штыки...

Словом, ваше превосходительство, снова — спешка. Спешка, которая скомкала ранее разработанный вами и офицерами Главного штаба план постепенного мирного присоединения Ахалтекинского оазиса. Мне до сих пор непонятны скоропалительные действия командования Кавказского военного округа и Скобелева. Взятие текинской крепости ныне именуют блистательной победой «белого генерала». Но ведь итог штурма всего лишь — переход на русскую службу нескольких ханов, которые и без войны, при условии, если им пожалуют офицерские звания, успешно служили бы России. Что касается беднейшей части текинского населения — она никогда ничего не имела против русских: напротив, вела с нами торговлю и добивалась мирного вхождения в состав России. Главный же хан Ахала, служивший англичанам, и все его влиятельное окружение ушли в Мерв и не сдались Скобелеву. Победа больше похожа на праздничный фейерверк, на праздник для Скобелева. Текинцы же, на чьи неповинные головы обрушился карающий меч «белого генерала», долго еще будут клясть русских, хотя русский народ, кроме доб-

ра и сочувствия, ничего другого к туркменским племенам не питает. Вот что такое поспешность...

Ваше превосходительство, простите за длинное предисловие, перехожу к самой сути. Ранее, когда скобелевские войска стояли у стен крепости, я просил его отправить меня парламентером к текинцам. Скобелев отказал мне, и причина была в том, что он не хотел мира. Ему нужна была победа и слава. Ныне, когда вновь созрела и разрастается дикая мысль о походе на Мерв, я вновь обращаюсь с той же просьбой: разрешите мне отправиться к главному хану Мерва в качестве парламентера. Мне не нужно ни отряда, ни охраны. Разрешите взять с собой майора Тыкму-сердара и нескольких джигитов... Действуя от вашего имени, т. е. начальника Главного штаба, генерал-лейтенанта Обручева, я обязуюсь с честью выполнить дело по возвращению Махтумкули в Ахал и мирному присоединению Мерва к России.

Это все, ваше превосходительство. Жду ваших указаний и надеюсь, они будут положительными. Капитан медицинской службы Л. Студитский».

Капитан запечатал конверт и отправился в госпиталь.

Было девять утра. Надя только начала обход больных, когда в коридоре госпиталя появился Студитский.

— Доброе утро, Надежда Сергеевна. Зайдемте к вам в кабинет на минуту,— попросил он.

— Пожалуйста, Лев Борисыч. Я вас слушаю.

— Вам уже известно, что я переезжаю со штабом начальника области в Асхабад?

— Да, доктор, я знаю. Мне вчера сказал мичман.

— Надежда Сергеевна, у меня к вам просьба. Отправьте это письмо в Петербург, генералу Обручеву, но так, чтобы его не тронула цензура.

— Но ведь мичман туда собирается! — сказала Надя.

— Как? Совсем?!

— Ну что вы, нет. Едет в Петербург, хочет привезти сюда мать.

— Великолепно, Надежда Сергеевна, отправьте письмо с ним. Пусть зайдет к дежурному в Главный штаб и передаст.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Полковник Стюарт поил в Мургабе коня и смотрел за реку: там на огромной равнине лежал глинобитный Мерв и высвечивал над ним мавзолей султана Санджара.

Стюарт — в коричневом чекмене и черном косматом тельпеке. Несколько всадников с ним — тоже в туркменской одежде. И лишь один отличался от всех своим черным бурнусом и черной чалмой. Это был английский агент Аббас, переодетый в святого ревнителя веры, Сияхпуша.

Всадники проехали несколько сотен верст, измучились в дороге и заморили коней и вот наконец достигли цели. Мерв лежал у их ног.

— Да поможет нам в деяниях наших всевышний, всемилостивый, да придаст нам сил в святом радении за веру! — запричитал Аббас.— Пусть задохнутся и сгорят в геенне огненной враги наши.

— Неплохо вы усвоили свою роль,— умываясь и полоща рот, усмехнулся Стюарт.— На чернь, безусловно, вы произведете должное действие. Но как быть с Махтумкули? Вы не однажды бывали у него в Геок-Тепе, возили ему мои подарки. Уж не думаете ли вы, что он не узнает вас в этой черной ризе?

Аббас хитро сощурился.

— Господин Стюарт, но почему я должен ехать к Махтумкули в этом черном бурнусе и чалме? Я появлюсь перед ним в той самой одежде, в какой он меня видел раньше. А вот когда придется мне говорить перед базарной толпой, я выйду к ней во всем черном. И представят меня не Аббасом, а Сияхпушем.

Стюарт удивленно посмотрел на своего агента и засмеялся.

— Действительно, как это мне не пришло в голову, видеть вас в двух лицах? Я ведь и сам больше месяца пробыл в Асхабаде в роли конюха.

Рассказывая о том, как он, назвавшись опытным сейисом и конюхом Суреном, осматривал лошадей у русских казаков, Стюарт выехал на дорогу. Аббас и остальные последовали за ним, Мерв был уже близко. Стюарт не стал спешить, пустил коня шагом. Аббас ехал сбоку, посмеивался в угоду своему хозяину и поддакивал ему.

— Господин Стюарт,— сказал он с улыбкой,— я очень рад, что теперь вы сами убедились, насколько безопаснее и практичнее действовать в маске. Я никогда не одобрял открытых дел О'Донована. Я предупреждал его.

— О'Донована подвела пьянка,— сухо отозвался Стюарт.— Из-за нее он попал в долговую яму и потерял ценнейшие бумаги. Теперь придется опорожнить кошелек, чтобы отыскать их.

Оба замолчали и подумали о корреспонденте «Дейли ньюс», так бесславно покинувшем Мерв. Мысленно Стюарт ругал и себя, что не обеспечил своего друга золотом. «Но, черт возьми,— тут же и оправдывал он свою задержку,— для того чтобы съездить мне в Тегеран к посланнику Томсону и запастись монетой, понадобился всего месяц! Кто бы мог подумать, что ненасытный О'Донован за это время пропьет свои наличные да еще и взятые в долг тысячу таньга?» Стюарт с ним встретился, когда О'Донован был позорно изгнан, отсидев в зиндане больше двух недель. Он и теперь бы сидел в яме, но его кто-то выкупил, уплатив долги. Кто этот благодетель, О'Донован не знал, как не знал сейчас и полковник Стюарт. Ясно было лишь одно — «спасителю» О'Донована потребовались его бумаги, и он приобрел их у кредитора. «Спаситель» же потребовал, чтобы англичанина выдворили из Мерва прочь. Стюарт ни на йоту не сомневался, что «выручил» О'Донована русский агент.

— Может быть, поедем через базар? — предложил Аббас.

— Нет, мой друг, явление Сияхпуша народу должно быть обставлено таинствами. Поедем прямо к Каджару,— не согласился англичанин.

Оказавшись на кривых улочках Мерва, Стюарт поразился его убожеству. Город был полуразрушен и глух. Низкие глинобитные кибитки без окон, оплывшие дувалы, кучи мусора, на которых грызлись собаки. В отдалении сиял синим куполом мавзолей. Он один и напоминал, что когда-то здесь процветал богатейший цивилизованный мир.

— Жалкий и ничтожный Мерв, где же твоя былая слава? — усмехнулся Стюарт.— Где твои знаменитые дворцы и базары? Неужто тобой когда-то восторгались Александр Македонский и Султан Санджар?

— Вах-хов,— уныло проговорил и Аббас.— Видно, ангел смерти прошел по этим местам. Эй, чумазые! — крикнул он, увидев ребятишек.— Где живет Каджар?

Подросток вызвался показать, встал впереди лошадей и трусцой побежал по пыльной дороге. Оказавшись у двора с высоким дувалом и резными воротами, он остановился. Стюарт дал ему монету и велел, чтобы позвал хозяина. Вскоре вышел слуга, сказал, что Каджара дома нет, но, поняв, что за люди к нему приехали, услужливо распахнул ворота.

Кавалькада Стюарта въехала во двор, напоминавший небольшую крепость. Не было в ней лишь бойниц и сторожевых

башен. Во дворе вдоль дувала тянулся длинный и низкий, с айваном и деревянными колоннами, жилой дом. Но, несмотря на то что казался низким, он состоял из двух этажей. Нижний этаж выглядел полуподвалом. Стюарт про себя отметил: дом построен на персидский лад. А когда оглядел подсобные помещения, то убедился, что и они не имеют ничего общего с туркменскими агилами. В глубине двора за фруктовыми деревьями виднелся бассейн, а за ним длинный сарай. Судя по внешним приметам, здесь находилась ткацкая мастерская. Сарайчик поменьше походил на сапожную мастерскую, какие Стюарт видел в Астрабаде, Шахруде и других персидских городах. Всадникам англичанин не велел приближаться к тем сараям, чтобы не обидеть невежеством хозяина. Джигиты поставили лошадей в саду и сами расположились тут же, постелив попоны и вытащив из хурджунов снедь.

Еще когда подъезжали к Мерву, Стюарт заметил, как разнятся строения здешних жителей. На подступах к городу и его окраинах всюду виднелись войлочные кибитки, небольшие огороды, кое-где ветряные мельницы. В самом городе лепились тесно друг к дружке глинобитные, персидского стиля, дома.

Слуга провел Стюарта и Аббаса на широкий, с резными колоннами айван, усадил их на ковер и подал чай. Гости с удовольствием припали к горячим дымящимся пиалам. Англичанин, продолжая думать о неоднородности населения оазиса, спросил:

— Послушайте, Аббас, вы хорошо знакомы с Мервом?

— Я бывал здесь только проездом, полковник. Но с историей и всеми событиями хорошо знаком.

— Хотелось бы знать, почему в городе нет текинских кибиток?

— Кибитки свои текинцы в Мерве никогда не ставили,— ответил Аббас.— Сколько существует Мерв, он никогда не принадлежал туркменам. Сначала в нем хозяйничали сасаниды, потом арабы. На смену халифам пришли сельджуки. Это был расцвет Мерва, но налетел Чингисхан и сровнял с землей дворцы, мечети и роскошные дома. Знаете, полковник, мавзолей султана Санджара с той поры стоит в запустении. Говорят, там ночуют совы. Туркмены в Мерве стали селиться сто лет назад, да и то на окраинах.

— Но почему именно на окраинах? — вновь заинтересовался Стюарт.— Похоже, что в этом есть определенный смысл?

— О, конечно, господин полковник! Ведь в городе тысячелетиями складывалась своя, городская, культура. Здесь жили купцы и ремесленники. А текинцы никогда не были ни сапожниками, ни портными. В городе им нечего делать. Они привозят на базар шерсть, пригоняют скот, продают все это и уезжают к себе в аулы. К тому же, находясь за городской чертой, они довольно часто диктуют свои условия горожанам.

— Вот это меня и настораживает,— сказал Стюарт.— Я сразу понял: текинцы держат свои кибитки в отдалении неспроста.

— Вы, наверное, обратили внимание, что среди горожан много каджаров и бухарцев?

— Я не видел ни тех, ни других, но догадался по архитектуре домов,— уточнил Стюарт.

— В Мерве много каджаров, полковник. Они были переселены сюда еще в давние времена Тимуром. Предание гласит: когда Тимур покорил страны Средиземноморья, то построил свои войска и сказал: «Храбрее львов и лучше индийских слонов сражались в моих рядах каджары. За их храбрость дарю я им три самых лучших оазиса. Пусть одни поселятся в цветущей Гяндже, другие — в солнечном Мерве, а третьи — в моей столице Самарканде!» С той поры и живут каджары в этих трех местностях.

— Любопытно,— сказал Стюарт.— Вероятно, и сам Каджар имеет отношение к племени?

— Разумеется, господин полковник. И не только Каджар, но и персидский шах Насретдин. Вы же знаете, что в Персии правит династия каджаров?

— Да, разумеется.

— Если разобраться по существу, господин полковник, шах давно считает Мервский оазис своим. Из-за него он постоянно вступает в распри с текинцами. Ровно двадцать лет назад текинский хан Коушут заявил каджарам, чтобы убирались прочь из Мерва. Тогда шах рассвирепел и послал в Мерв каджарам подкрепление в тридцать тысяч человек и тридцать одну пушку. Было сражение. К сожалению, Коушут разгромил шахские отряды и захватил все пушки. Говорят, текинцы их прячут в каком-то ауле.

Англичанин заволновался:

— Но ведь текинцы в любое время могут точно так же поступить и с Каджаром? Достаточно ли сильна его группировка?

— Весь городской народ на его стороне, господин полковник. О дехканах ничего не скажу. Текинской беднотой в оазисе управляют ханы. Их-то и хотел склонить на свою сторону О'Донован.

Стюарт вынул из полевой сумки несколько номеров газеты «Дейли ньюс» и занялся чтением статей О'Донована о Мерве.

II

Каджар возвратился через сутки. Стюарт поджидал его с нетерпением. Едва хозяин въехал во двор, подозрительно осматривая чужих лошадей и джигитов, англичанин окликнул его с айвана:

— Не беспокойтесь, хан, здесь все свои. Мы давно ждем вас!

Каджар поднялся на айван, растерянно улыбаясь. Он не ждал гостей, хотя и допускал мысль, что англичане могут появиться в Мерве. Их агенты с прошлой весны находились в Хорасане и наблюдали за ходом переговоров между русскими и персами: вырабатывалась конвенция о новой границе.

— Ва саламалейкум,— протянул руки Каджар сначала Стюарту, затем Аббасу. С обоими он не раз встречался в Хорасане, но у себя их видел впервые.— Я ждал гостей спереди, а они появились сзади,— продолжал извиняющимся тоном, поливая себе на руки из богатого китайского кувшина.— Как поживает наш друг О'Донован? Благополучно ли он доехал до Тегерана?

— О'Донован давно в Лондоне и уже выступил с несколькими статьями о Мерве в своей газете,— отвечал Стюарт.— Но меня удивляет ваш издевательски-наивный вопрос. Вы что, не знаете, при каких обстоятельствах покинул Мерв О'Донован? Разве вам неизвестно, что он сидел за неуплату долгов в зиндане, а потом его выкупили?

— Господин Стюарт, о чем вы говорите! — удивленно и вместе с тем испуганно воскликнул Каджар.— Мои люди сообщили мне, что он поехал в Мешхед и оттуда отправится в Тегеран. Я был спокоен за него.

— И вы не знаете, у какого именно бая или хана сидел он в долговой яме?

— Нет, господин Стюарт.

— Что ж, выходит, людская молва на этот раз прикусила язык?

— Нет, не прикусила, господин Стюарт,— подавленно отвечал Каджар.— Эта молва не вылетела из того аула, где надсмеялись над моим другом.

— Надо немедленно найти тот аул, того бая или хана, где сидел О'Донован! — строго сказал Стюарт.

— Господин полковник, но разве он не мог сообщить вам место своего заточения? — удивился Каджар.

Молчавший доселе Аббас наконец не выдержал роли безучастного слушателя, сказал с усмешкой:

— Каджар, вы родились на Востоке, воспитаны по-восточному, но говорите сейчас как наивный европеец. Скажите, когда вы видели, чтобы преступника находили в том месте, где он совершил преступление? О'Донована возили целый день с завязанными глазами, потом бросили в зиндан, отобрали у него все бумаги. Он пробыл в яме две недели, и опять ему завязали глаза и отвезли в Мешхед. Теперь он в Лондоне, кланяется вам и просит, чтобы вы отыскали пропавшие бумаги.

— Нет, Каджар, не вы хозяин этой земли,— мрачно заявил Стюарт.— Вы не имеете никакого влияния на текинских ханов, если до сих пор не знаете, как надсмеялись над вашим английским другом. Вам кланяются городские водоносы да мойщики мертвецов, а настоящие хозяева оазиса — за городом. Надо оты-

скать пропавшие бумаги! Вы не представляете, что они значат для нас!

— Хорошо, господин полковник, я сегодня же разошлю своих людей в текинские аулы.

Аббас, сидя у стены и перебирая четки, попросил:

— Каджар, соберите также всех служителей веры в мечеть возле мавзолея султана Санджара. Надо побеседовать с ними.

— Мне кажется, это не даст никакой пользы,— возразил Стюарт.— Вряд ли в мечеть приедут текинские муллы, если к Каджару не заходят текинские ханы.

— Ханы — одно, муллы — другое,— не согласился Аббас.— Я думаю, служителям веры будет интересно взглянуть на великого хранителя веры и толкователя черной магии Сияхпуша.

— Разве Сияхпуш здесь? — удивился Каджар.

— Да, он приехал с нами,— усмехнулся Аббас.— Он остановился в одном из тайных жилищ Мерва и не хочет показываться на глаза всякой черни.

— Аббас, могли бы пригласить его ко мне, я не «всякая чернь»,— обиделся Каджар.

Аббас, прищурившись, посмотрел на Стюарта. Тот сказал:

— Нельзя, чтобы и Сияхпуш оказался в яме.

— Соберите, Каджар, всех мулл: Сияхпуш хочет видеть их и говорить с ними,— вновь попросил Аббас.

— Хорошо, сейчас я дам распоряжение своим людям.— Каджар спустился во двор.

Как только он удалился, Стюарт произнес с сомнением:

— Боюсь, от Каджара мало будет помощи. Пока не поздно, надо навестить Махтумкули.

III

Зимнее солнце неласково заглядывало в грязные лужи. После дождя улицы Мерва превратились в серое месиво из песка и глины. День был довольно холодный, из Каракумов дул пронизывающий ветер, но на главной площади города толпились тысячи людей. Устрашающе грозно ревели огромные кожаные трубы — карнаи, трещали бубны и пели флейты. Изредка, когда на минуту-другую умолкала музыка, разносился громкий голос глашатая:

— Люди Мерва, да обольются ваши сердца медом радости и амброй удовольствия! Да будет вечно снисходителен к вам всевышний, всемилостивый! Люди Мерва, к вам пожаловал неприкосновенный и несравненный в благодеянии и мудрости Сияхпуш! Устелем путь его розами и коврами!

В центре площади на караковом скакуне восседал Каджар, окруженный конными нукерами. Он в числе первых выехал на площадь, чтобы проводить Сияхпуша в большую мервскую мечеть, куда еще вчера съехались муллы со всего Мургаба. Сияхпуша ждали с нетерпением: святой должен был появиться сре-

ди толпы внезапно, может быть, даже он спустится с неба — это его дело. И в ожидании Сияхпуша толпа звала его музыкой и призывами.

Каджар ждал появления святого со стороны Мекки. И весь народ обращал в ту сторону взоры, но Сияхпуш выехал к площади из того самого переулка, где стоял дом самого Каджара. Ехал он на жеребце, в черном бурнусе и такой же чалме, и все его лицо до самых глаз было закрыто черным лоскутом. При виде Сияхпуша люди мгновенно смолкли, перестали греметь карнаи и оглушающие барабаны. Сначала первые ряды, а потом и все остальные упали на колени и зашептали молитвы. Каджар тоже слез с коня и тоже встал на колени. Но будь предводитель городских толп повнимательнее, он наверняка бы узнал на Сияхпуше сапоги Аббаса. И коня бы угадал, хотя и был он покрыт от гривы до хвоста черной бархатной попоной.

Увидев толпу, Сияхпуш немножко растерялся: он явно не ожидал такой почетной встречи. Остановив коня, «святой» некоторое время смотрел на народ, затем спустился с лошади и забормотал вполголоса заученные суры Корана. Сначала он говорил тихо, но, понимая, что народ Мерва целиком в его чарах и не собирается расставаться с собственной глупостью, проговорил громче:

— Земная твердь, вода в реках и морях загрязнена гяурами! По земле Мерва ходят гяуры — то в образе нищих, то в образе странствующих дервишей. Воздадим же кару им за их нечистоплотность и сатанинские козни!

— Воздадим! — глухо пронеслось по площади.

— Ведите меня, люди, в обитель аллаха и дайте увидеть тех, кто стал забывать об исламе и перестал отличать черное от белого.

Сияхпуш вновь сел на коня, и с десяток услужливых улемов [1], встав впереди, повели его к окраине. Следуя улицей, идущей от площади к мавзолею, Сияхпуш с многотысячной толпой горожан приблизился к главной мечети и, сойдя с коня, ступил на дорожку, устеленную коврами. Яркие текинские ковры лежали на мокрой земле от дороги до самого входа в мечеть. Возле мечети, глинобитного куполообразного строения, к которому примыкало медресе, состоящее из сотни маленьких купольных келий, стояли служители ислама, и среди них главный ишан Сеид-Али. Черная одежда именитого гостя подействовала на них не меньше, чем на простолюдинов. Сияхпуш только начал слезать с коня, а они уже повалились на колени и подняли руки к небу. Ободренный их раболепием, Сияхпуш мягко прошествовал по коврам и сделал жест рукой, чтобы муллы встали. Не дожидаясь, пока его пригласят в мечеть, он вошел в нее первым и сразу поднялся на мамберу [2].

---

[1] Улемы — служители мечети, ученики муллы.
[2] Мамбера — возвышение в виде трибуны.

— Во имя аллаха милостивого, милосердного! Хвала аллаху, господу миров,— запричитал он.— Тебе мы поклоняемся и просим помочь...

Муллы и их ученики, заполнившие всю мечеть от порога до мамберы, вновь запричитали, воздавая хвалу всевышнему. И вновь, как и на площади, Сияхпуш начала выговаривать сбивчиво и торопливо строки из Корана:

— И обрадуй тех, которые уверовали и творили благое... И заставил их сатана споткнуться о него, и вывел их оттуда, где они были... Мы давали Мусе завет сорок ночей, а потом вы после него взяли себе тельца, и вы были нечестивы...— Воодушевляясь все больше и больше, Сияхпуш начал размахивать черными рукавами, и голос его зазвучал громко и властно: — И мы навлекли на вас дождь и ветер пустыни, чтобы смыть и смести нечисть, занесенную на священную землю Мерва. Покайтесь, правоверные, в грехах своих и уразумейте, пока еще не поздно: нет религии выше ислама! Нет большего преступления, чем принимать у себя гяуров. А сегодня они ходят по земле Мерва и собирают плоды и зерна с ваших полей... Да покается тот, кто принимал у себя нечистого европейца, кормил и поил его. Пусть выйдет сюда тот, кто знал английского гостя!

По рядам прокатился глухой говор, и к Сияхпушу на мамберу поднялся седобородый Сеид-Али.

— Покайтесь, правоверные,— сказал он смиренно.— В мечети сейчас нет такого человека, в чьем ауле не побывал бы гость из Англии.

— И воздайте хвалу тому, кто держал много дней и много ночей в зиндане гяура за его распутство и корыстолюбие! — возгласил Сияхпуш.— Пусть выйдет тот человек, и мы посмотрим на него. Воистину он достоин похвалы Аллаха!

В толпе выпрямился и подошел к мамбере чернобородый мулла.

— Святой Сияхпуш,— сказал он стесненно,— я приказал Кuванч-баю бросить бесчестного негодяя в зиндан. Я это сделал по требованию многих почтенных ханов, которых бессовестно обворовал англичанин.

— Да услышит твои слова всевышний! Да вознаградит тебя высшими благостями! Да освятит твое жилище и аул весь, в котором ты молишься. Где твой аул и как он называется? — спросил Сияхпуш.

— Аул наш называется Абдал Топаз,— гордо отозвался чернобородый мулла.

— Ладно, уважаемый мулла, пойди на свое место, а мы продолжим наши проповеди... Мы с вами вспомнили англичанина,— продолжал Сияхпуш.— Но разве может сравниться зло одного англичанина со злом, принесенным русскими? Гяуры подошли к границе священного Мерва и грозят захватить его. Не пора ли вам, уважаемые, подумать, как спасти мусульман-

скую веру от христианской? Не пора ли объединить весь народ Мургаба и поставить над ним хана?! Пора, уважаемые, иначе будет поздно...

IV

Вечером, когда Стюарт и Каджар сидели при зажженной лампе, пришел Аббас.

— Мир вам,— сказал он, проходя и усаживаясь рядом,— не прикажете ли, хан, чтобы принесли мне чаю? Я был в гостях у Сеид-Али и теперь умираю от жажды.

Каджар хлопнул в ладоши. В комнату вбежал слуга и, получив распоряжение, так же быстро удалился.

— Какими хорошими вестями угостил вас этот Сеид-Али? — спросил Стюарт.

— Новость, господин полковник, поразительная. Я видел самого Сияхпуша и слышал его проповеди в большой мечети. А потом Сеид-Али позвал почтенного гостя к себе домой, и мне тоже удалось вместе со святыми побывать под одной крышей. Могу сказать вам, господин полковник, где находится зиндан, в котором так долго томился наш друг.

— С этого и начинайте,— сказал Стюарт.— Остальное меня меньше всего интересует.

— О'Донован томился в ауле Абдал Топаз. Туда день пути, и того меньше. В яму его бросил аульный мулла. Но никаких бумаг он не видел и о пропаже их не знает. Мулла поклялся мне в этом.

— Но были же кроки! — повысил голос Стюарт.

— Думаю, что ими воспользовался Куванч-бай, во дворе которого находится зиндан.

— Надо допросить бая! — сурово выговорил Стюарт.

— Полковник, но не вызовет ли допрос подозрение у текинцев? — предостерег Каджар.— Тем более что сейчас здесь пребывает Сияхпуш?

— Катитесь вы со своим Сияхпушем к дьяволу! — не сдержался Стюарт и только тут подумал, что обидел Аббаса.— Простите, Аббас,— тут же извинился англичанин.

Аббас улыбнулся:

— Каджар прав. Наш приезд к баю и допрос могут вызвать нежелательные последствия. Я думаю, надо заманить Куванч-бая сюда и здесь поговорить с ним.

— Сюда, ко мне? — испуганно спросил Каджар.— Но этот бай потом выдаст нас!

— Ладно, хозяин,— согласился Стюарт.— Мы его привезем тайно. Ночью мы захватим его, и никто не узнает об этом. Завтра утром, Каджар, пошлешь своих людей в аул, пусть привезут бая. Надеюсь, не надо их учить, как это сделать? Впрочем, инструкции никогда не мешали. Пусть твои люди дождутся,

пока бай уснет, потом заберутся к нему в кибитку, всех свяжут, а самого бая положат в мешок и привезут сюда.

— Ох-хов,— вздохнул Каджар.

— Не нравится мне ваше малодушие, хозяин,— предупредил Стюарт.— Вы выглядите усталым, надломленные человеком. Идите спать, и мы тоже отдохнем.

На рассвете джигиты поехали за Куванч-баем. Стюарт после завтрака отправился осмотреть хозяйственные пристройки во дворе, чтобы подыскать подходящее место для допроса. Он заглянул в шелкоткацкую мастерскую, в ней сидели за станками женщины. Услышав тяжкие удары где-то в скрытом помещении, англичанин направился туда и увидел странную картину. Человек восемь рабов, раздетых до пояса, обливаясь пóтом, натягивали веревками деревянные рычаги и поднимали к самой крыше огромный металлический молот. Затем один из рабов подкладывал большие куски какого-то камня, молот падал сверху и дробил их в порошок.

— Чем они занимаются? — спросил Стюарт у Каджара.

— Они делают порох,— отозвался тот.

— Какая варварская техника,— усмехнулся Стюарт.— Если бай не скажет, где кроки, заставим его поработать в твоей пороходельне.

— Скажет,— хмуро пообещал Каджар.— Сейчас я вам покажу местечко, где будем его держать.

С этими словами он повел англичанина в агил, где стояли коровы, и велел слуге убрать лежащее возле жердей сено. Слуга сдвинул копну, обнажив накрытую толстой железной решеткой яму.

— Это мой зиндан,— сказал Каджар.— Посмотрите вниз.

Стюарт нагнулся и увидел глубокую яму с соломой на дне. Там лежали керамическая чашка, деревянная ложка и ползало множество муравьев.

— Прекрасная конура, лучшего не придумаешь,— посмеялся Стюарт.— Видимо, в такой держали и О'Донована?

— Да, господин полковник: зинданы похожи, только один больше, другой меньше.

Куванч-бая привезли ночью в огромном шерстяном чувале из-под селитры. В нем он едва не задохнулся. Когда его сбросили в зиндан, он долго лежал неподвижно и не произносил ни звука. Утром Стюарт и Аббас заглянули в яму и увидели его сидящим на соломе.

— Эй ты, паршивый вор, почему ты залез в чужую яму?! — издевательски спросил Аббас.— Разве у тебя нет места в своем зиндане?

— Ой, люди! Слава аллаху, люди рядом! — возрадовался бай.— Я думал, меня схватили джинны и отвезли в свой колодец.

— Сын паршивой овцы,— прервал его словоизлияние Аббас,— в такой яме ты две недели держал англичанина и отобрал

у него бумаги. Говори, где они, или никогда не вылезешь отсюда!

— Хозяин, пощади! — взмолился Кованч-бай.— Я взял с англичанина только то, что ему раньше дал. А дал я ему сто таньга.

— Врешь, сатана, у англичанина не было ни одного таньга, он не мог тебе вернуть, а ты не мог с него взять!

— Хозяин, выпусти меня отсюда, и я тебе расскажу все!

— Поднимите его,— сказал Стюарт.— Да завяжите глаза, чтобы не приметил, в чьем дворе находится.

Кованч-бая вытянули на веревке, завязали глаза и повели в подвал с зерном. Здесь Аббас усадил его на мешок, сел сам и приказал рассказать все, как было. Стюарт стоял у входа и слушал.

— Хозяин, не совру тебе ни одного слова, только не убивай меня,— взмолился бай.— Было так. Англичанин ездил из аула в аул и призывал всех ханов, чтобы писали прошения о желании вступить в подданство Насретдин-шаха. Одни англичанина гнали, другие слушали. Крупные ханы отказались писать, а мелкие, у кого земли своей нет, написали прошения. Таких собралось двадцать восемь душ, и у всех гость занял по пятьдесят и сто таньга. Когда занимал, говорил, что скоро вернет. Ханы ждали от него долг, а чужеземец пил арак и всем грозил, что отрубит голову. Тогда ханы собрались, связали его и вывернули карманы. Таньга в них не нашли. В сумку полезли — там бумаги. Взяли бумаги, а самого, с благословения нашего муллы, бросили в долговую яму. Бумаги были у меня. Я англичанину сказал: пока не отдашь мои сто таньга, ничего не получишь. Так прошли две пятницы. Потом приходит один из джигитов, говорит: «Кованч-бай, вот тебе твои сто таньга, отдай нам англичанина и все его бумаги». Я повиновался. Тот человек и с ним еще несколько джигитов увезли англичанина в Мешхед. В том городе он обещал со всеми расплатиться. Вот так было, хозяин...

— Так, да не так,— сказал Аббас.— Что-то ты забыл назвать имя того, кто взял у тебя англичанина вместе с бумагами, а взамен дал сто таньга. Кто этот человек?

— Хозяин, я не знаю его. У него были черные усы и маленькая борода.

— А не скажешь, уважаемый, сколько было у того человека во рту зубов? — злобно спросил Стюарт и сунул дуло пистолета в рот Кованч-бая.

Бай свалился с мешка и заплакал:

— О великодушные, пощадите, я больше ничего не знаю, я все сказал.

— Ладно,— сказал полковник.— Посадите его опять в зиндан. Пусть подумает, может, вспомнит имя того, в чьи руки попали наши кроки.

Тут же бая схватили джигиты и бросили в яму.

Там он просидел еще день и всю ночь, беспрестанно плача и призывая на помощь аллаха. Стюарт и Аббас между тем рассуждали: все сказал бай или утаил? Может, действительно не знает похитителя бумаг?

— Сегодня еще раз его испытаем,— сказал Каджар.— Если не назовет имени, значит, не знает.

С этими словами он удалился со двора и вернулся с ужом. Пресмыкающееся, извиваясь на шее хозяина, лезло ему в рукав. Стюарт гадливо отшатнулся, подумав, что это ядовитая змея.

— Не бойтесь, не укусит,— гладя ужа, вежливо проговорил Каджар.— Мой сын не расстается с ним с самого лета. Это безвредное существо. Но Куванч-бай примет его за змею и скажет все, что недосказал. Сейчас вы в этом убедитесь.

— Вам нельзя показываться,— предупредил Стюарт,— иначе вас он узнает. Отдайте эту тварь Аббасу.

Аббас брезгливо взял ужа и зашагал к яме, где сидел бай.

— Сын паршивой овцы,— угрожающе заговорил Аббас,— в последний раз спрашиваю имя того, кто взял у тебя бумаги англичанина! Говори или подохнешь от укуса змеи!

— Пощадите! — взмолился бай.

— Если змея тебя пощадит, значит, ты не виноват! — сказал Аббас и бросил ужа на голову Кувамч-бая.

Бай взревел нечеловеческим голосом и умолк. Напрасно потом пытались привести его в чувство.

V

Вместе со смертью бая пропала и надежда отыскать драгоценные кроки Мургабского оазиса. Чтобы вновь снять эту местность на карту, потребовался бы еще целый год. Стюарт с яростной злостью отбросил мысль о топографических съемках и весь нацелился на Векиль-Базар, где жил со своей мачехой бежавший из Ахала Махтумкули.

Всю дорогу, пока ехали туда, полковник твердил Аббасу о бесплодном пребывании в Мерве О'Донована:

— Кроки, конечно, жалко. Но и в другом О'Донован оказался круглой шляпой. Зачем ему понадобилось собирать прошения с мелкопоместных ханов? Разве они владетели оазиса? Я нахожусь здесь несколько дней, но уже усвоил, что Мургабский оазис делят всего четыре хана. Два — от рода Утамыш, два — от рода Тохтамыш. Махтумкули — наш давний друг, вот и будем опекать его.

Аббас молчал. Знал, что попытки Стюарта вновь склонить текинцев на свою сторону вряд ли принесут успех.

Векиль-Базар, огромный аул, более чем из двухсот кибиток, в центре которого возвышалась глинобитная крепость, встретил чужаков лаем собак. Желтые тупомордые волкодавы лезли под копыта лошадей до тех пор, пока слуги Гюльджемал-ханум — хозяйки крепости, не открыли ворота и не пригласили гостей.

Здесь Стюарт и Аббас увидели все те же айваны с резными деревянными колоннами и множество дверей, ведущих в комнаты ханши, ее пасынка и многочисленных родственников. Когда гости умылись с дороги, Гюльджемал вышла на айван взглянуть на англичанина и его холуя Аббаса. Последнего она не раз видела в Геок-Тепе, но о самом Стюарте только слышала, когда привозили от него подарки. Гюльджемал никогда раньше не вникала в вопросы политики, не женское это дело, но после бегства из Геок-Тепе и она усвоила и повторяла со слов Омара и Махтумкули: «Это англичане предали нас. Это они не помогли нам войсками! Много они обещали, но кроме двух-трех тряпок на халаты мы от них ничего не получили!» Ханша сейчас смотрела на англичанина с превосходством и пренебрежением. Стояла на айване до тех пор, пока гости не поклонились ей. А когда они направились к ней, чтобы поздороваться, она демонстративно ушла с айвана в комнату.

— Однако спесивая бабенка,— заметил тихонько Стюарт.— А где же сам хан и его мудрый учитель ишан?

Как только гости начали озираться, ища кого-нибудь, тотчас к ним вновь подошли ханские слуги и повели в отведенную комнату. Один из слуг сказал:

— Хан на охоте, придется гостям подождать его.

В комнату им принесли чай и конфеты...

Но Махтумкули был дома. Просто он не спешил показаться гостям. Вчера, когда слуги англичанина приехали к нему с просьбой, чтобы он принял полковника, хан вообще хотел отказать в приеме. Только благодаря настоятельной просьбе ишана согласился. И теперь, выказывая пренебрежение, не спешил с приемом.

Махтумкули лежал в своей комнате, подложив под локоть атласную подушку, и перелистывал Коран. Омар стоял у двери и раздраженно спрашивал:

— Зачем же вы вчера дали согласие, если сегодня они вам неугодны? Мир велик, а судьба человеческая коварна. Англичане хоть и не тверды на слово, но и они могут пригодиться в тяжелый час.

— Омар, вы опять меня начинаете пугать,— с обидой отозвался Махтумкули.— Как только я начинаю думать о возвращении в Ахал, вы меня начинаете запугивать расстрелами и казнями.

— Нет тебе возвращения к гяурам, сынок, о чем ты говоришь?! — возмутился еще больше ишан.

— А эти разве не гяуры? Эти самые, О'Донован и Стюарт,— тоже гяуры. Причем самые ничтожные из гяуров. О'Донован обокрал многих наших и прокутил их деньги. Разве можно с ними вести серьезные дела?

— Да, дорогой наш хан,— завздыхал ишан.— Рано вы решили оставить этот мир, рано захотели на русскую веревку!

— Тыкма-сердар тоже боялся русской веревки, а теперь хо-

дит в погонах русского майора. Тыкма убил сотни русских солдат, и ему простил ак-падишах. Я же не убил ни одного!

— Хай, верблюжонок, да вы совсем безвинны. Но скажите, наконец, вы примете гостей?

— Ладно, ишан, пусть приведут их в гостиную. В белой кибитке с ними не сяду, не хочу, чтобы остался от них запах!

— Хорошо, повелитель,— улыбнулся Омар,— накроем дастархан в гостиной.

Через час Махтумкули вместе с ишаном вышли к англичанину и его агенту. Поздоровались за руку с обоими, но особых почестей не оказали.

— Как чувствует себя королева Англии? — спросил Махтумкули, вызвав недоумение и в то же время брезгливую улыбку у Стюарта.

— Спасибо, она в превосходном здравии и шлет вам свой нижайший поклон,— быстро нашелся Стюарт.

— Нет ли каких-нибудь бумаг от вашей королевы? — вновь спросил Махтумкули.

— Будут, господин хан,— пообещал Стюарт,— но для этого надо вам помириться с каджарами Насретдин-шаха. Сэр О'Донован, находясь здесь, имел честь довести до сведения всех ханов, что каджарские власти готовы принять в свое подданство Мерв.

Англичанин сразу же заговорил о самом важном, и в беседу мгновенно включился ишан.

— Господин полковник,— сказал он,— наш друг О'Донован оставил нам бумагу наместника Хорасана, но кое-кому показалось, что наместник — это не сам шах. Наш Махтумкули тоже хотел бы видеть у себя бумагу самого шаха.

— Ишан, мне не нужны никакие шахские бумаги, о чем вы говорите? — вспылил Махтумкули.— Ни шаху, ни хорасанскому наместнику текинцы служить не будут. Горе, которое они принесли туркменскому народу, нельзя забыть. И разве о шахе вели мы разговор, когда жили в Геок-Тепе? Разве не вы, Стюарт, обещали после разгрома Скобелева создать отдельный текинский полк, который будет подчиняться самой королеве Англии? Вы всем обещали офицерские чины и целые чувалы золота. Теперь вы заговорили о подчинении каджарским властям. Текинцы не могут валяться в ногах у шаха, с которым они воюют столько, сколько существует мироздание!

— Милый хан,— вкрадчиво сказал Аббас,— но каджары все-таки мусульмане. Они, как и мы, исповедуют ислам и живут по Корану.

— Давайте будем оценивать добро и зло по содеянному,— сказал Махтумкули.— Каджары беспрерывно нападают, убивают, угоняют в рабство туркмен. Русские беспрерывно просят: покупайте у нас хлеб, гвозди и мануфактуру. Русские не помнят зла. Они даже Тыкму оставили в живых!

— Милый хан, но это же русская хитрость! — усмехнулся

Стюарт.— Мы знаем, что они не тронули Тыкму и дали ему майорские погоны. Мы знаем и о том, что недавно Тыкма побывал здесь и склонял вас вернуться в Ахал. Хан, но вы подумали, почему он так старается? Нет, вы не подумали. И ваш учитель, ишан, не догадался. А я вам сейчас открою секрет. Известно ли вам, уважаемые, что сын Тыкмы находится в Петербурге?

— Да, известно,— ответил ишан, в то время как Махтумкули весь подался вперед, слушая англичанина.

— Он находится у царя заложником,— продолжал Стюарт.— Царь отдаст его сердару лишь тогда, когда Тыкма привезет царю одного знатного человека. Ради того, чтобы спасти сына, Тыкма пообещал привезти в Петербург вас, Махтумкули!

— Да, это похоже на сердара,— согласился ишан, а молодой хан побледнел и заерзал в подушках.

— Советую вам, Махтумкули, подумать о подданстве шаху Насретдину,— сказал Стюарт.

Махтумкули засопел, занервничал, затем вскочил на ноги и убежал из комнаты.

— Все вы одинаковые, проклятые гяуры! — закричал, удаляясь.— И англичане, и русские! Я не хочу никого! Пусть убираются от меня вон!

Тотчас с айвана донесся успокаивающий голос Гюльджемал. И Омар сказал:

— Ничего, с ним это бывает...

VI

В Асхабаде на Горке каждый день гремел пушечный выстрел: столица новой Закаспийской области напоминала окружающему миру о своем существовании.

Пушка подсказывала новым властям о том, что надо строить, и вокруг Горки силами солдатских батальонов и тысяч дехкан, включившихся в деловую жизнь, поднимались дома.

Появилось здание военно-народного управления. Закладывался фундамент госпиталя, городской гимназии, почты, телеграфа, аптеки. Персидские купцы, хлынувшие из-за гор на асхабадский рынок, поставили огромный караван-сарай со двором и обнесли его дувалом. Появились первые улицы: Базарная, Торговая, Офицерская, Топографская...

Из пригорода Кеши вошел в Асхабад первый русский караван московского купца Коншина. Более пятисот верблюдов, нагруженных вьюками, заняли всю Скобелевскую площадь и прилегающие к ней улицы.

Начальник области, генерал Рерберг, только что вселился со штабом в новое здание. Окнами оно выходило на площадь, и теперь генерал, направляясь в штаб, объезжал косяки разгуливающих по Асхабаду верблюдов. «Ну, анафемы, вы у меня попляшете! — грозил неизвестно кому Рерберг.— Безобразие, по-

нимаешь!» Иногда за верблюдов доставалось первому попавшемуся под руку офицеру или чиновнику, но чаще других — капитану Студитскому. «Вот она, ваша антисанитария,— говорил Рерберг.— Как тут не быть заразе?! Одних мух — миллиард целый!»

Но досадовал Рерберг не на беспорядки, а на предписание, полученное от начальника Главного штаба генерал-адъютанта Обручева. В официальном документе указывалось: никаких военных действий в сторону Мерва не предпринимать, а встретить как подобает приказчиков московского купца Коншина с товарами и создать им необходимые условия для следования на рынки Мерва. Старший каравана, приказчик Северьян Косых, надоедал генералу, прося познакомить его с мервцами, чтобы обезопасить себя от нападения в дороге. Рерберг противился, но помогал. Послал Тыкму-сердара в Мерв. Тот привез оттуда хана Бабахана с джигитами. Мервцы подъехали к штабу, склонились перед Рербергом: в геок-тепинских делах, мол, не участвовали, вины на нас нет, а посему просим доверять нам. С Бабаханом и его людьми познакомился приказчик Северьян Косых.

Студитский в эти дни налаживал медицинскую службу в Асхабадском уезде. Почти каждый день выезжал в крупные селения — создавал фельдшерские околотки и аптеки, но еще чаще пребывал на строительстве асхабадского военного госпиталя. С утра он обычно приезжал на службу в свой кабинет, находящийся при штабе начальника.

Однажды его окликнул полковник Аминов:

— Господин капитан, будьте любезны, зайдите ко мне.

Входя к начальнику штаба, Студитский вовсе не думал, что потребовался по сугубо важному делу, связанному с поездкой в Мерв. С того дня как он оставил письмо Надежде Сергеевне, для того чтобы мичман передал его Обручеву, прошло чуть ли не полгода. Капитан за этот срок передумал обо всем, вплоть до того, что письмо, может быть, даже не попало в руки начальника Главного штаба. И вот неожиданность.

— Господин капитан, оказывается, вы возглавляли русскую мирную миссию во время похода Скобелева на Геок-Тепе? А я, признаться, впервые об этом узнал лишь сегодня. Есть распоряжение командировать вас в Мерв. Обручев предлагает выехать с караваном купца Коншина, но действовать будете по своему усмотрению.

— Благодарю, господин полковник,— не скрывая радости, отозвался Студитский.

Полковник посмотрел на него с некоторым подозрением: не укладывалось в сознании, чтобы столь опасная поездка могла радовать.

— Вы, вероятно, лично знакомы с Обручевым? — спросил Аминов, закинув ногу за ногу и положив руки на подлокотники кресла.

— Почему вы так решили?

— Есть какая-то недосказанность в распоряжении начальника Главного штаба. Похоже, только он и вы знаете, чем именно вам предстоит заняться,— высказался Аминов.

— Вероятно, генерал Обручев не счел нужным сообщать о моем конкретном задании. Но в общих чертах я могу сказать. Выезд мой преследует единственную цель: обеспечить добровольное вхождение Мерва в состав России.

— Вы это беретесь сделать один? — удивился Аминов.

— Если разрешите, возьму с собой Тыкму-сердара.

— Ну что ж, охотно пойду вам навстречу. При случае не забудьте упомянуть в рапорте Обручеву и о моем участии,— попросил Аминов.

— Если я вас понял правильно, господин полковник, то о своих действиях в Мерве я должен докладывать непосредственно начальнику Главного штаба?

— Да, капитан, но, разумеется, через меня.

— Хорошо, господин полковник. Разрешите еще один вопрос?

— Пожалуйста, капитан, я слушаю.

— Могу ли я с завтрашнего дня распоряжаться майором Тыкмой-сердаром?

— Разумеется, я скажу ему, чтобы собирался в дорогу с вами.

— Спасибо. Я вполне удовлетворен,— поблагодарил Студитский.

— Вы рискуете жизнью, капитан,— предостерег полковник.— Советую вам не отдаляться от торгового каравана.

VII

Караван выступил из Асхабада в начале февраля. Погода стояла хорошая. Легкий морозец покрыл инеем всю предгорную равнину. Лежа в белесом тумане, согревала под солнцем свою серую шкуру каракумская пустыня.

Караван отправился под конвоем казаков, переодетых в туркменских джигитов. С ними же ехали два прапорщика — Соколов и дагестанец Алиханов.

Сам капитан лишь участвовал в проводах. А через день поднял в дорогу Тыкму с его джигитами.

Студитский не поехал с караваном умышленно. Расчет его был прост. Как только русский караван выйдет из Асхабада, за каждым его шагом будет следить весь Мерв. Ханы, не говоря уж об английских агентах, сразу узнают, кто в караване, кроме приказчиков, и предпримут контрмеры. Гораздо удобнее, решил капитан, сначала ехать следом и наблюдать, что делается вокруг. Тут можно быть совершенно спокойным: все будут заняты караваном и никто не обратит внимания на ничтожный отряд из десяти джигитов. Впоследствии можно обогнать караван на несколько дней и незаметно появиться в Мерве. Избрав такую

тактику, отряд Студитского на третий день догнал торговцев, обошел их стороной и еще через день выехал к Мерву.

Как и предполагал Студитский, здесь уже все знали о скором прибытии русских торговцев. Сведения эти принеслись в Мерв еще три месяца назад, когда приказчики купца Коншина въехали в Асхабад и начали торговлю там. Сначала речи велись о московской мануфактуре, но постепенно противники русских стали искажать доходившие вести. К февралю в аулах и на базарах Мерва шли упорные толки: едет в Мерв вооруженный русский отряд, и если мервцы не окажут сопротивления, то будут застигнуты врасплох и уничтожены.

Тыкма-сердар предложил Студитскому ехать прямо на базар: только там можно правильно оценить обстановку. Одетые по-туркменски, они меньше всего беспокоились, что их узнают. Доктор отрастил на туркменский лад бородку и ничем не отличался от других джигитов. Черный косматый тельпек, густые черные брови, черные глаза, чекмень, за кушаком пистолет и туркменский нож надежно сливали его с окружающей толпой.

Для посещения базара специально был выбран пятничный день, когда тысячи торговцев и покупателей съезжаются на огромную площадь Мерва и образуют длинные ряды, толпятся у каджарских лавок и сидят в чайханах. Отряд Студитского проехал краем базара и остановился у чайханы «Елбарс» — любимого места мервской знати. Оставив джигитов с лошадьми, капитан и майор Тыкма-сердар вошли в дымное помещение и огляделись. Это был огромный сарай с несколькими дверями. Не менее десяти вместительных дощатых настилов стояло на нем, и на всех тесно сидели люди. Тыкма отыскал свободное место на тахте и пригласил Студитского. Старичок чайханщик тотчас подошел к гостям и, удивленно улыбнувшись, сощурил глаза. Тыкма достал золотой туман [1], подал чайханщику и поманил его пальцем, чтобы тот подошел ближе.

— Я узнал тебя, Сары,— сказал сердар.

— Милостью аллаха, и вы мной узнаны,— заулыбался старик.

— Обо мне никому ни слова,— предупредил Тыкма.

— Почтеннейший, о чем вы просите?

— Говорят, скоро русские купцы к вам пожалуют. Готовы ли вы их встретить? — спросил Тыкма.

— По-всякому собираются их встретить,— торопливо отозвался чайханщик.— Одни готовят серебро, другие точат сабли.

— Кто точит сабли?

— У Каджара гость английский живет, настраивает людей против русских. Да и святой Сияхпуш призывает народ на войну с гяурами.

— Ладно, Сары, подай нам чай да что-нибудь закусить.

---

[1] Туман — персидская золотая монета.

Чайханщик отправился к жаровне и жестяному кубу, под которым играло пламя. Вскоре он подал пиалы и чайники. Гости занялись чаепитием и прислушивались к разговорам сидящих. Отовсюду доносилось: «Урус». Одни боялись русских, другие сомневались в их искренности, третьи ждали их и надеялись на перемены в оазисе.

— Знаешь, Тыкма,— сказал капитан,— обстановка эта напомнила мне о том, как русские мужики ждали цыгана с ученым медведем. Взрослые сидели дома и не удосужились выйти и взглянуть на зверя, а ребятишки, в числе которых был и я, запаслись камнями и палками и отправились на площадь. Здесь тоже так. Большие ханы сидят в своих аулах, а базарная мелюзга языки чешет о русский караван. Я думаю, нам здесь нечего делать. Надо ехать в Векиль-Базар к Махтумкули и начинать переговоры.

— Потише, доктор,— тихонько сказал Тыкма.— Посмотрите-ка, вон вошли англичанин Стюарт и его слуга Аббас.

Тыкма повернулся спиной к ним, сунул руку под кушак и взвел курок пистолета. Студитский не успел отвернуться и встретился глазами со Стюартом. Англичанин нахмурился, отвернулся и отошел в угол. Вот он о чем-то шепнул Аббасу, и оба опять посмотрели на Студитского.

— Сердар, будь внимательней, они идут сюда,— предупредил капитан и тоже сунул руку под кушак.

Стюарт и Аббас приблизились и, не церемонясь, сели рядом.

— Здравствуй, Тыкма,— сказал англичанин.— Вот где довелось встретиться. Но где же твои погоны? Говорят, ты стал майором русской милиции? И вас, господин доктор, я узнал. Помните ночь в Кизыл-арватском ущелье?

— Отчего же не помнить,— спокойно отозвался Студитский.— Помню. Вы тогда так и не предъявили мне документа на право посещения Атрекской военной линии. И сейчас, вероятно, прибыли в Мерв без надлежащих бумаг?

— Но разве есть уже Мервская военная линия? — засмеялся Стюарт.

— Есть мирная линия,— уточнил капитан.— Как и в прошлый раз, когда мы с вами встретились, я возглавляю мирную миссию России. Ожидаемый в Мерве русский торговый караван — мое предприятие.

— Капитан, но разве вы согласовали с ханами Мерва свой приезд?

— Так же, как и вы, полковник.

— Я нахожусь по приглашению городского головы Мерва.

— А я приглашен народом, жаждущим мира и торговли с Россией.

— Не думаю, чтобы за вас вступился народ Мерва, если Каджар прикажет задержать вас,— сказал с угрозой Стюарт.

— Если это случится, полковник,— помедлив, четко произнес Студитский,— то за меня вступится Россия. Впрочем, вы не

настолько глупы, чтобы не понять ситуацию. Выпейте чашку чая.

— Спасибо, капитан, не могу больше терять драгоценного времени. Еще встретимся.— Стюарт и Аббас откланялись и удалились.

— Надо ехать к Махтумкули, и как можно скорее,— сказал Студитский, перевертывая пустую пиалу.— Если заручимся его поддержкой, то англичанин будет бессилен испортить нам торговлю.

— Вы немножко торопитесь, господин доктор,— не согласился Тыкма.— Разве не знаете, чьи люди сопровождают караван Северьяна? Там больше ста джигитов Бабахана. Надо ехать к нему. Он поднимет народ и не даст в обиду русских приказчиков.

— Не опоздать бы,— усомнился капитан.— Сейчас Стюарт с помощью Каджара поднимет на ноги весь городской люд.

— Сары! — окликнул чайханщика Тыкма и, когда тот подошел, сунул ему в ладонь еще несколько золотых.— Сары-ага,— торопливо заговорил сердар,— немедленно пошли своего человека в Векиль-Базар к Махтумкули. Пусть скажут ему, что Тыкма завтра приедет в гости.

— Ваша воля, сердар,— благодарно склонился чайханщик.

Тыкма не сказал, что с ним будет русский капитан, и допустил ошибку.

VIII

Джигит, посланный чайханщиком в Векиль-Базар, к вечеру был у Махтумкули. Торопливо и сбивчиво докладывал он о том, что на днях в Мерве появятся русские купцы и что завтра сюда приедет сам Тыкма-сердар. Услышав его имя, Махтумкули побледнел, выгнал гостя и беспомощно посмотрел на мачеху.

— Гюльджемал, что все это значит? Не успел англичанин рассказать о злых умыслах Тыкмы, а он уже и сам едет. Значит, не врал Стюарт?

Гюльджемал чуть двинула бровью и не выказала ни малейшего опасения.

— Тебе-то что? — сказала она.— Пусть едет. Разве ты не можешь спасти себя от Тыкмы в своей собственной крепости?

— Гюльджемал, но разве ты не знаешь этого злодея?! Он способен на все. Он даже может бросить мне в чашку яд, лишь бы отпустили из Петербурга его сына.

— Глупый ты,— сказала мачеха.— Тебе уже двадцать лет, но мужчины еще не видно.

— Зачем ты опять оскорбляешь меня?! — вспылил Махтумкули.— Ты только и способна на то, чтобы унижать!

— Хан, но ты ведешь себя не умнее своего младшего брата. Мой Юсуп-хан и то бы не обратился ко мне за помощью. Если хочешь следовать совету женщины, то скажу тебе так: никогда

и никого не бойся. Кто заигрывает с трусостью, тот заигрывает со смертью.

— Проклятье! — возмутился Махтумкули.— Она еще начинает мне читать нравоучения! Ну-ка, вы! — крикнул он слугам.— Найдите и позовите сюда ишана!

Ишан вскоре пришел. Как всегда, он был спокоен и немножко зол. Глаза его были наполнены дерзостью.

— Махтумкули,— сказал он, входя,— вы хотите спросить меня — принимать или не принимать Тыкму-сердара?

— Да, учитель. Был человек от него, но я прогнал его, не дав ответа.

— Вы правильно поступили, хан. Этот негодяй уже дважды продался русским. Как мы можем верить хотя бы одному его слову?!

— Я не верю ни одному движению этого вероотступника,— согласился Махтумкули.

— Успокойтесь, хан,— попросил ишан.— Все будет так, как угодно аллаху. Каджар встретит русских купцов и разгонит их в разные стороны. Вам не надо ни помогать Каджару, ни защищать русских. Пусть они все пропадут и сгорят в геенне огненной!

Ишан удалился. Махтумкули взял четки и принялся перебирать их, чтобы успокоиться. Он отсчитывал костяшки и видел перед собой суровое лицо Тыкмы. «Вот негодяй,— расстроенно думал Махтумкули.— Разве я советовал ему отдавать в заложники сына, а самому надевать русские погоны? Теперь он хочет откупиться моей кровью!» К вечеру Махтумкули забылся, вышел к ужину, и тут опять появился слуга.

— Хан, Тыкма-сердар у ворот. Просит, чтобы разрешили ему войти в крепость.

— Прочь от меня, ничтожество! — вскричал Махтумкули.— Как вы посмели подпустить его к воротам?!

Тут же появился ишан, сказал спокойно:

— Махтумкули, не надо нервничать. Прикажите джигитам, чтобы взяли ружья и отогнали негодяя. Впрочем, не беспокойте себя, я сам распоряжусь.

Ишан решительно спустился с айвана и направился к воротам, где толпились стражники. Махтумкули с благодарностью посмотрел вслед ишану, затем поднялся по крутой лестнице на стену крепости и посмотрел вниз. У ворот он увидел с десяток джигитов и самого Тыкму. Сердар стучал в ворота рукояткой кнута и требовал, чтобы поскорее открыли. Остальные спокойно сидели на лошадях. Но вот прогремел первый выстрел, за ним второй, третий. Джигиты Тыкмы-сердара, спасаясь от пуль, мешая друг другу, отпрянули от ворот. Трое сразу были ранены. Остальные, видя, что дело принимает серьезный оборот, начали отстреливаться. Стреляя в ворота, они пустили коней вскачь и скрылись в мургабских камышах. Отступил с джигитами и сам Тыкма. Омар, поняв, что отогнал сердара, велел открыть ворота

крепости. Распахнув створки, ишан увидел у стены склонившегося джигита. Одной рукой он тянул за уздечку своего скакуна, другой — держался за плечо. Из-под пальцев у него сочилась кровь.

— Эй ты, поганое отродье, а ну-ка встань! — приказал ишан, потрясая пистолетом.

Джигит поднялся, снял тельпек, обнажив русые волосы, затем сбросил с себя чекмень и предстал в форме русского капитана.

— Я доктор Студитский,—проговорил он, морщась от боли.— Ведите меня в крепость и перевяжите рану.

— Вах-хов, вот, оказывается, это кто?! — удивился ишан. Он не раз слышал это имя и знал, что хан Оразмамед обязан жизнью именно доктору Студитскому. Вспомнил ишан и о том, что доктор уговорил сдаться Тыкму-сердара.

— Ну что же вы стоите? — строго сказал капитан, держась за плечо и направляясь во двор крепости.

Тут только ишан сообразил: раненому надо помочь, и приказал разыскать табиба. Один из слуг сел на лошадь, поскакал к стоявшим вдоль Мургаба кибиткам.

Капитан, окруженный слугами и джигитами, прошел до айвана и сел на каменной ступеньке. У него кружилась голова и подташнивало: надо поскорее остановить кровь. Он обвел тревожным взглядом джигитов и задержал внимание на одном из них, который держал его коня.

— Парень, достань из хурджуна зеленую сумку,— попросил капитан.

Тот посмотрел на хурджун, сунул в него руку и вынул медицинскую сумку. Он передал сумку доктору и стал ждать, что будет дальше. Студитский, зажав ее в коленях, расстегнул и вынул бинт и пузырьки.

— Парень, будь любезен, помоги развернуть бинт.

Помощник был простым слугой, и помощь его вызвала протест Гюльджемал. Стоя в стороне, на женской половине айвана, она внимательно наблюдала за доктором и, когда ей показалось, что ему помогает не тот, кому следует, сказала возмущенно:

— Махтумкули, помоги сам русскому! Или ты ждешь, когда я подойду?

Хан понял, что вмешательство его сейчас в судьбу русского доктора более чем необходимо. Стрельба, в которой не было никакой надобности, ранение русского гостя целиком лежали на совести самого Махтумкули. Гюльджемал смотрела на него полными упрека глазами, и он читал ее взгляд: «Ничтожный мальчишка, ты не смог справиться с собственной трусостью и приказал стрелять в гостей. Так наберись же мужества хотя бы исправить свою ошибку!»

Махтумкули взял бинт и подождал, пока капитан сделает тампон. Но вот Студитский смочил чем-то тампон, приложил к ране и велел хану забинтовать плечо. Махтумкули усердно взял-

ся за дело. Ишан подсказывал ему и виновато поглядывал на доктора.

— Ну вот и все,— удовлетворенно сказал Студитский.— Слава аллаху, что стрелок оказался не очень меткий, а то бы пришлось отправиться на тот свет.

Омар опять виновато взглянул на капитана.

— Доктор, прости нас за оплошность: мы метили в Тыкму-сердара, а попали в тебя. Тыкма — дурной человек, за нашим Махтумкули охотится.— Ишан указал подбородком на Махтумкули, который укладывал в хурджун сумку Студитского.

— Так это и есть Махтумкули?—удивленно спросил Студитский.— А я хотел из этого джигита доктора сделать. Сижу и думаю: как войдет народ Мерва в состав России, так обязательно открою в вашем ауле фельдшерский пункт и этого молодого человека обучу врачебному делу.

Джигиты тихонько засмеялись. Студитский посмотрел на ишана:

— Уважаемый, а о какой охоте вы мне сказали? Вы, вероятно, пошутили?

— Зачем нам шутить? — возразил ишан.— Разве царю не нужна голова Махтумкули? Тыкма мечтает отправить нашего хана в Петербург, чтобы выкупить сына.

Студитский с досадой вздохнул и покачал головой.

— Вы притворяетесь или на самом деле глупы? Кому нужна голова вашего хана?

Ишан терпеливо перенес обиду и, ожесточась, спросил:

— Ну тогда объясните нам, зачем вам нужен хан, если не нужна вам его голова?

— Я все объясню, уважаемые,— пообещал капитан.— Но сначала дайте мне отдохнуть.

Джигиты заговорили между собой, соглашаясь с просьбой русского. Махтумкули повел его в комнату, придерживая под руку. Гюльджемал, ревниво следившая за неловкими движениями пасынка, вновь подсказала:

— Не забудь накормить гостя! Скажи, чтобы принесли шербета!

— Сам знаю, не учи,— буркнул Махтумкули.

IX

Рана не опасна — это капитан понял сразу, как только ему помогли перевязать плечо. Вероятно, пуля сорвала кожу с плеча, и только. Боли почти не чувствовалось. Студитский лег на ковер, под голову ему дали подушку и накрыли шубой. «Однако помощь неотложная у них выполняет службу не очень исправно,— подумал он, вспомнив, что еще час назад ишан послал джигита за лекарем.— Будь ранение посерьезнее — и околеть можно».

Лекарь все же пришел. Низенький седенький старичок при-

открыл дверь в комнату, где лежал капитан, и тихонько сказал:

— Милость аллаха в нашем деле распространяется на всех. Если вы не отвергнете моих рук, я окажу вам помощь.

— Здравствуйте, яшули,— отозвался Студитский.— Проходите, присаживайтесь.

Лекарь протянул руку, чтобы дотронуться до забинтованного плеча, но капитан отвел ее:

— Слава аллаху, молодой хан позаботился обо мне. Передайте ему от меня спасибо и скажите, что я жду его с шербетом и чашкой чая.

— Вий, вислоухий, он все еще не принес гостю обещанного! — возмутилась за дверью Гюльджемал и разразилась долгой бранью на своего пасынка.

Вскоре в комнату вошли Махтумкули, ишан и сама ханша. Любопытство к русскому доктору было столь велико, что она пренебрегла обычаем, не закрыла лицо перед мужчиной. Впрочем, среди своих слуг и многочисленных джигитов она уже давно ходила без яшмака. Платок молчания не давал ей власти повелевать людьми, но она повелевала ими с того дня, как умер ее муж Нурберды. Студитский с интересом посмотрел на нее. В парчовом платье, увешанном серебряными монетами и золотыми подвесками, в сафьяновых туфлях, она заставила капитана вспомнить о Шахерезаде. У нее было монголоидное лицо, глаза казались узкими. Смотрела на него она с некоторой опаской.

— Пейте, доктор,— сказала она, неловко улыбнувшись, и, встретив ответную улыбку, налила чай в пиалы.

— Спасибо, ханум,— сказал он и сам убрал шубу и подушку в угол комнаты.

Все сели на ковер. Мужчины рядом с капитаном, Гюльджемал в некотором отдалении.

— Почему вы не захотели, чтобы лекарь осмотрел вашу рану? — спросил Махтумкули.

— Не имеет смысла,— отозвался капитан.— Через три дня заживет. Пуля была неопасной. Какими, кстати, пулями вы заряжаете ружья?

— Ай, круглыми пулями,— сказал с пренебрежением ишан, словно круглой пулей человека не убьешь и говорить об этом даже стыдно.

— Тыкму зря отпугнули,— сказал Студитский.— Он ехал к вам с самыми добрыми намерениями.

— Доктор! — взволнованно воскликнул ишан, словно задели его самое больное место.— Но ходят дурные слухи, будто Тыкма хочет выкупить своего сына за голову Махтумкули!

— Точно так же боялся за свою голову и Тыкма, когда я уговаривал его принять подданство России. Но, как видите, Тыкма цел и невредим, носит погоны старшего офицера и повелевает людьми своего племени. Согласитесь, уважаемый, у Тыкмы больше было оснований бояться, что с него снесут голову. Он целый

год ездил на коне Скобелева, и все это время ак-паша грозил ему: «Ну, погоди, шайтан. После взятия крепости я повезу тебя в Европу, надену на тебя седло и буду ездить на тебе по улицам Парижа и Петербурга!» А когда Скобелев взял крепость и я уговорил Тыкму сдаться, Скобелев обнял Тыкму при всем народе Ахала.

Гюльджемал откровенно рассмеялась над рассказанным, а Махтумкули и ишан улыбнулись.

— Но зачем же понадобился Махтумкули царю? — не отступал ишан.

— Дорогой ишан, неужели так трудно сообразить? Ведь Махтумкули — это Ахал и Мерв, вместе взятые. Примет он подданство России, значит, примут подданство и его люди. А если хан и его подчиненные станут подданными России, следовательно, и территория Мерва будет принадлежать ей! Разве не эту цель преследует Насретдин-шах, посылая вам письма, чтобы переселились в Хорасан?

— Ай, этот Стюарт специально пугает меня Тыкмой,— оживился Махтумкули.— Он заодно с каджарами.

— Махтумкули, я обещаю вам, что с вашей головы не упадет и волоска, когда вы вновь приедете в Ахал. С моей помощью стали офицерами Оразмамед, Худайберды, Софи, Тыкма... Пожалуют и вам звание. И землю в Ахале вернут.

— Доктор,— сказала Гюльджемал,— это такой глупый и упрямый человек: уговорить его невозможно. Возьмите с собой в Петербург моего другого сына. Он пока дитя, но, когда он вырастет, будет настоящим офицером. Только не надо обращать его в христианскую веру. Этого мы не хотим.

— Но этого в России и не делают,— сказал Студитский.

— А Караш! — сказала Гюльджемал.— Его отправили в Петербург ребенком и там отвели в церковь к попу. Теперь он христианин.

— Ханум, это исключительный случай. Я могу вам показать многих мусульман, которые служат в русской армии и исповедуют ислам.

— Вы, конечно, хороший человек,— сказал ишан.— Но все ли такие, как вы, в России? Нам надо подумать.

— Подумайте. Но помните, какие выгоды сулит вам русское подданство. Как только вы примете наш образ жизни, сразу же придет на вашу землю железная дорога. Построим вместе города и новые аулы, гимназии, больницы... Да что мне уговаривать вас! Разве вы не знаете, что делается в Ахале? Словом, думайте и поступайте, как вам выгоднее. А сейчас у меня к вам лишь одна-единственная просьба, ради которой я и Тыкма ехали сюда.

— Доктор, вы хороший человек. Если ваша просьба выполнима — я сам ее выполню! — пообещал Махтумкули.

— Просьба моя такова. На днях прибывает в Мерв русский купеческий караван. Создайте ему безопасность движения и тор-

говли, возьмите русских купцов под охрану. У меня к вам просьба главного генерала России есть.

Студитский достал из полевой сумки письмо Обручева к ханам Мерва и прочитал его сначала по-русски, а потом перевел на туркменский язык.

— Доктор, мои векили жизнь отдадут за русских! — пообещал Махтумкули, взяв письмо.

— На нас вы можете положиться,— рассудительно пообещал ишан.— В Персию нам дороги нет, а на родину — путь открыт. Напишите своему генералу: Махтумкули и его люди поддержат Россию...

X

Караван купца Коншина приближался к Мерву. Более пятисот верблюдов, растянувшись на целую версту, под охраной переодетых казаков и сотни джигитов Бабахана шествовали по разбитой дороге, минуя предместья. Жители толпами стояли вдоль дороги, с интересом приглядываясь, кто едет и что везут. Наиболее любопытные тут же садились на лошадей и следовали за караваном.

Тысячи горожан и приезжих аульчан толпились у главных ворот и на базарной площади города. Многие лезли на стены и смотрели на приближение русских оттуда. У ворот с преданными слугами разъезжал Каджар. Стюарт, боясь столпотворения, не поехал, остался в его доме. Но Аббас, переодетый в Сияхпуша, был в свите Каджара и первым поднялся на городскую стену. Его появление вновь взбудоражило толпы. Все ринулись к стене, на которой он стоял, воздев руки к небу.

— Мусульмане! — прокричал он громким, душераздирающим голосом.— Разве были в истории славного Мерва времена, когда он открывал свои ворота перед гяурами?! Никогда такого еще не было!

Внизу по толпе прокатился гул одобрения.

— Мусульмане! — вновь прокричал Сияхпуш.— Если вы пустите в город гяуров, то наступит светопреставление! Это я вам говорю: имя мое Сияхпуш!

Вновь по толпе прокатился глухой ропот. Страсти с каждой минутой накалялись.

— Остановите урусов и закройте ворота перед ними! — прокричал Сияхпуш.— Именем аллаха я приказываю вам повиноваться! Эй, стража, закройте ворота перед гяурами!

Несколько нукеров бросились к огромным кованым воротам и затворили их. Караван остановился в ста шагах от них. Не менее сотни городских мальчишек, подкупленных Каджаром, вдруг выскочили из-за глинобитных кибиток и принялись бросать камнями в караван.

— Смерть гяурам! — выкрикивали они.

— Смерть неверным!

Но вот все обратили взгляды на несколько сотен скачущих всадников. Никто не знал, кто они. И сам Каджар не ждал никого в гости. Недоумение тут же сменилось голосами:

— Векили едут! Махтумкули едет!

— Бабахан едет!

— Откройте ворота текинцам! — разнесся чей-то властный голос.— Пусть убираются прочь каджары! Мы пригласим их, когда понадобится обмывать мертвецов!

Те же стражники вновь распахнули городские ворота, и текинцы въехали в город. Вслед за ними потянулся караван. И пока вышагивали верблюды в живом коридоре толпы, со стены безумолчно неслись голоса. Сияхпуша сменил Каджар.

— Люди! — обратился он к безудержному людскому потоку, клокочущему у стен города.— Падают и умирают царства, разваливаются города и крепости — такова воля всемилостивого всевышнего! Волей аллаха начертаны судьбы всех людей! Но против его воли пошли текинские ханы! Они открыто потворствуют гяурам!

Каджара оттеснил поднявшийся на стену с телохранителями Бабахан. Сын прославленного Каушута [1], он не отличался мудростью, но пользовался уважением среди текинцев.

— Люди, зачем накликать беду на свою голову? — спросил он, обращаясь к народу.— Русские пришли к нам торговать от имени ак-падишаха. Если мы их тронем, то ак-падишах пришлет войска и захватит Мерв. Распоясывайте свои кушаки да доставайте серебро: в караване много всякого добра!

— Разве у каджаров мало своего добра?! — вновь заговорил Сияхпуш.— Не о товарах надо говорить, а о душе! Душу продашь — товар не купишь!

Внизу вновь заволновались, но уже не в пользу Сияхпуша. Кто-то выкрикнул:

— Прогоните черного злодея, это он мутит душу народа! Пусть уходит, откуда пришел!

— Эй ты, шайтан, убирайся!

— Идите, сбросьте его со стены,— невозмутимо сказал ишан джигитам и пояснил Махтумкули: — Вы не узнали его? Это же английский холуй Аббас!

Махтумкули удивился, заерзал в седле. Ему захотелось показать свою власть, но у него не хватало ни опыта, ни мужества.

— Ишан, я сам хочу сказать это народу,—сказал он, направляя коня к лестнице, куда устремились векили, чтобы спустить со стены Сияхпуша.

— Благословляю вас,— улыбнулся ишан.— Большие дела начинаются с малого. Идите!

Махтумкули поднялся на стену в тот самый момент, когда его джигиты схватили за рукава Сияхпуша и потянули вниз.

---

[1] Каушут — текинский хан, разгромивший в 1855 году войско Хивы, а в 1861 году — каджаров персидского шаха.

— Люди! — закричал Махтумкули.— Человек в черном бурнусе — это не Сияхпуш! Это английский слуга Аббас! Вот, посмотрите! — С этими словами Махтумкули сорвал с его лица черный платок и бросил со стены.

Толпа пришла в неистовство. Сияхпуша столкнули с лестницы, и он покатился по ступеням. Однако нукеры Каджара, стоявшие внизу, успели оттеснить векилей и спасти английского агента. Они торопливо усадили его на коня и, с трудом пробиваясь сквозь толпу, увезли ко двору Каджара.

Махтумкули, освоившись и обретя дух, продолжал:

— Русские пришли с миром — и с миром их примем, с миром отправим назад в Россию! Отдадим им все подвалы и все лавки для товаров — пусть торгуют!

Караван между тем занял всю базарную площадь. Часть народа давно уже отпрянула от главных ворот, с которых неслись речи. К тому же начинался дождь. И Бабахан мудро решил.

— Люди Мерва,— сказал он,— давайте поможем русским приказчикам разместиться в караван-сарае, а то пошел дождь и как бы не было снега!

Ораторы начали спускаться со стены, и все, кто слушал их, отправились на базарную площадь.

Каджар спускался со стены впереди Махтумкули. Повернувшись к нему, злобно спросил:

— Как же так? Недавно были у вас Стюарт и Аббас в гостях, а сегодня вы сделали их своими врагами?

— Уйди с дороги! — гневно произнес Махтумкули.

XI

Торговля началась на другой день. Русские приказчики заняли все лавки, разложив на них отрезы сукна и драдедама, пестрый халатный бархат, ситцы с узорами в азиатском духе, полосатые нанки, миткали, покрывала и платки. Здесь же фарфор и хрусталь, деревянные чашки и ложки, ножницы, зеркала. В отдельном ряду — сундуки, кованные медью, и шкатулки, покрытые лаком. В продовольственном ряду — мука пшеничная, крупы, сахар. Тут же — котлы с таганами, сковородки, чугуны, кастрюли...

Еще до рассвета заполнилась людьми базарная площадь. Но когда вышли из караван-сарая приказчики, вывозя на арбах товары, началось столпотворение. Люди стремились к лавкам взглянуть на русские товары, которых никогда раньше не видели. Каждому хотелось купить и бархата и ситца. И сразу возникли недовольства: далеко не у всех нашлось, на что покупать. Медные деньги приказчики не брали, а золотые тилля [1] и серебряные таньга были только у богатых...

---

[1] Тилля — золотая монета, имевшая хождение в Мерве.

Прошумели базары живо и празднично день, другой, а на третий поубавилось народу. И ропот пошел: «Дорого берут русские приказчики!» Сначала люди торговались, затем открыто поругивать стали торгашей, и особенно бородатого Северьяна. Объяснял он как мог, что не вправе снижать цену, не он главный. Сам купец Коншин, дескать, в Москве. Но пререкания еще больше возбуждали толпу.

Стража, состоявшая из казаков и джигитов, надежно охраняла торговцев и поддерживала порядок, но число недовольных с каждым днем росло. Пользуясь шатким настроением народа, по-прежнему разжигали в нем ненависть к русским Каджар, Стюарт и его агенты. На седьмой день торговли вновь вспыхнула вражда к русским приказчикам. Теперь они были объявлены разведчиками. Царь-де послал их, чтобы запомнили все в Мерве, а потом придут войска и без труда захватят весь Мургабский оазис.

Студитский в эти дни вместе с Тыкмой, Махтумкули и Бабаханом жил в караван-сарае, направляя торговлю в нужное русло. Глава каравана приказчик Северьян Косых находился тут же, в соседней комнате. Ложился он со страхом и просыпался со страхом. После того как люди Каджара вновь затеяли ссору, он пришел к Студитскому и упал на колени.

— Господин капитан, пора нам, пока не поздно, складывать товары да отправляться домой. Ничего не идет, ничего не покупают. Денег у народа мало, а товары дорогостоящие!

— Что же ты, Северьян, взял с собой дорогие товары? — упрекнул его Студитский.— Вероятно, ты думал, в Туркмении одни ханы да баи живут? Думал, у них мешки с золотом? Нет, брат, тут не лучше, чем в России. Бедняк лаптем шурпу хлебает, а когда чай пьет, на сахар издали поглядывает. Дешевых товаров надо было побольше брать.

— Да ведь если б знать, где соломку подстелить!

— Я-то думал, твой купец Коншин да и ты сам поопытнее меня в торговых вопросах.

— Откуда нам...— скривился Северьян, теребя пышную бороду.— Собрал, значит, купец мой своих товарищей в ресторан вечером. Ну, размахнулись там, как и бывает. А потом он им говорит: «А что, друзья мои, отправим-ка в далекий сказочный Мерв торговый караван? Там золото веником метут, а из райских птиц перины делают и подушки. Повезем самые дорогие товары...» Товарищи-то его как отрезвели, так и сказали — нет, а Коншину отступать некуда: накануне дал свое согласие господину начальнику Главного штаба, генералу Обручеву. Вот так и получилось.

— А ты бы сбавил цены,— предложил Студитский.

— Да ведь Коншин разорится! — испугался приказчик.— О себе уж не говорю: убьет он меня или в Сибирь загонит. Нет, нет, господин капитан, не настаивайте. Лучше сразу мне пулю в лоб, чтобы не мучиться.

— Ладно, Северьян, пожалуй, ты прав, но ведь и обстановка, согласись, не из легких. Надо же выход искать. Если отправишься ты назад, то другого каравана следом не будет. Никто больше не захочет ехать. А противники мирной торговли засвистят во все пальцы: вот, дескать, какая она, мирная миссия! И пошлют еще одного Скобелева на Мерв. Пожалуй, Северьян, я лучше застрелю тебя, чем живым отсюда выпущу. Думай, как торговое дело поправить!

Приказчик со слезами удалился от Студитского. Только он вышел, явился Тыкма, обеспокоенный и разгневанный.

— Доктор, беда так и крутится рядом! Чайханщик сказал мне, будто сегодня ночью люди Каджара готовятся склады и погреба русских купцов ограбить. Охрану хотят перебить.

— Этого только не хватало,— озаботился Студитский.— Давай-ка зови сюда Бабахана и Махтумкули, надо что-то предпринимать.

Студитский подошел к небольшому арочному окну и посмотрел вниз. Перед окном лежал двор караван-сарая, в котором тесно стояли лошади и верблюды, а за каменным забором — базарная площадь. Пока что там было тихо: люди толпились у лавок, стояли в стороне группами. Но как обманчив бывает внешний покой. «Стоит сейчас появиться Сияхпушу,— подумал Студитский,— и вся эта мирная базарная толпа придет в движение и даже может совершить нападение на погреба и склады». Капитан увидел в окно, как вместе с Тыкмой вошли во двор Бабахан, Махтумкули и несколько джигитов. Все были возбуждены и торопились сюда, к Студитскому. Капитан отворил им дверь и сразу спросил:

— Ну, что будем делать? Сможем удвоить или даже утроить охрану?

— Доктор, послушай, что скажу,— отозвался Бабахан.— Если прибавим охрану, Каджар тоже прибавит. Ночью может произойти большая драка. Конечно, текинцы побьют людей Каджара, но русским купцам тоже плохо придется. Да и товары убережешь ли!

— Говори, Бабахан, в чем видишь спасение. Резню, безусловно, надо предотвратить. Всякая драка так или иначе играет на руку нашим врагам. Главное для них — сорвать русскую торговлю. Для нас главное — не дать приказчикам удариться в панику, иначе все пойдет насмарку.

— Доктор,— сказал Бабахан,— я думаю, самое лучшее, если мы все купеческие товары перевезем в мою крепость, Каушут-хан-Кала. Там много сараев и погребов, все товары поместятся. Когда перевезем товары и русские будут в безопасности, дадим по шее Каджару.

— Ко мне тоже можно,— обиделся Махтумкули.— Разве у меня мало места?

— Хай, Махтумкули, разве я говорю, что у тебя мало места? — отозвался Бабахан.— Дело не в этом. Дело в том, что

твой Векиль-Базар очень далеко. Моя крепость рядом. Скажем всем, чтобы ехали на базар в каушутовскую крепость.

— Пожалуй, это самое лучшее, что можно придумать в нынешней обстановке,— согласился капитан.— Давайте, поднимайте джигитов, пусть помогут Северьяну вьючить верблюдов.

Проводив ханов, Студитский стал думать о непоправимой ошибке, допущенной Коншиным. «Действительно, покупная способность в Мерве слаба, а товары дорогие. Но и московский купец прав: не везти же ему самый дешевый товар за тридевять земель! Дорога дороже обойдется, чем выручка от проданного товара. Беден народ Мерва, беден. Четыре хана и сотня баев держат у себя весь капитал оазиса. Все деньги — и мелкие, и крупные — у них. Медные и золотые. Лежат без движения, в оборот не идут. Да и как им быть в обороте, если никаких дел больше нет и некому да и не за что платить деньги. Эх, поскорее бы сюда железную дорогу! Начнем строить, привлечем к труду дехкан, пустим в оборот миллионы рублей — пойдет и торговля! — И опять забеспокоился Студитский: — Но как же быть с товарами Коншина? Ну, перевезем их в крепость, а дальше что? Так и будут лежать отрезы сукна да бархата в погребах? Может, ханы раскошелятся? Опять же рискованно; вынудишь их скупить товары — вовсе обидятся, и знакомство расстроится».

После обеда верблюдов нагрузили вьюками, вывели со двора. Джигиты оцепили караван, и двинулся он к крепости Каушутхан-Кала. И вновь горожане, преданные Каджару, вышли из домов, полезли на стены и подняли крики. Но это были восторженные крики! Каджар праздновал победу. На площади появились музыканты, и заиграли на весь Мерв их огромные кожаные трубы.

Студитский со своими союзниками ехал впереди каравана и не скрывал улыбки. Махтумкули поглядывал на него и никак не мог понять, чему радуется доктор.

— Господин капитан,— спросил он,— Каджар прогнал русских из города, поэтому радуется. А вы чему радуетесь, нам непонятно?

— Я радуюсь тому, что Каджар потерял текинцев,— сказал капитан.— Раньше он опирался на ваших джигитов, на ваш хлеб, на ваш скот. Теперь у него нет этой опоры.

— Доктор, вы ясновидец,— польстил ему Махтумкули.— Оказывается, Каджар празднует поражение, а не победу!

— Надо полагать, что это так,— подтвердил капитан.— Но и мы пока терпим неудачи. Впрочем, выход есть, но необходимо полное согласие.

XII

Огромная текинская крепость, построенная двадцать лет назад Каушутом, была основательно запущена. На огромной ее территории разгуливал ветер, передвигая с места на место ост-

ровки песка. Всюду росла колючка и паслись верблюды. Лишь у главных ворот, под высокой глинобитной стеной, стояли кибитки. Здесь жил сын Каушута, Бабахан, и его многочисленный род.

Погонщики завели караван в крепость и начали развьючивать верблюдов. Бабахан пригласил всех к себе в огромную белую кибитку и приказал слугам, чтобы подали обед.

Как только расстелили дастархан и подали шурпу в двух огромных медных чашах, Студитский спросил:

— Северьян, неужели купец Коншин велел тебе торговать без всяких скидок? Не бывает такого у вас.

— О чем речь? — удивился Северьян.— Уже на третий день торговли я сбавил цены до последнего! По таким низким ценам сукно да бархат даже в Нижнем Новгороде не продавали. Вот он, тариф на товары, полюбуйтесь! Лично пером Коншина подписан.— Северьян торопливо достал из сумки бумагу, но Студитский отвел его руку.

— Но по самым низким ценам все же идет твой товар?

— Идет с горем пополам. Чтобы весь его распродать, надо год, а может, и больше здесь прожить. А ведь торгашей и охрану за деньги кормить приходится. Сожрем всю прибыль, и сказочное наше путешествие на этом закончится...

Среди приказчиков купца постоянно находился Комек-бай. Он ездил в Асхабад с джигитами Бабахана, бывал у Рерберга и в Мерв сопровождал Северьяна, присматриваясь к его товарам. На базаре он не отходил от него и сейчас сидел рядом. Студитский давно приметил его. Когда ехали сюда, в крепость, капитан расспросил, чем торгует Комек и как смотрит на торговлю русских купцов. Комек пояснил: товары русские плохо берут не только потому, что они дорогие, но и брать их боятся из рук гяуров — слишком запуганы люди аллахом. Вот если бы у русских были приказчиками туркмены, тогда бы дело пошло. Студитский сказал баю: а почему бы не взяться ему да и не помочь русским? Тот подумал и ответил: дело долгое, и барыша может и не быть. Сейчас капитан, разговаривая с Северьяном, вспомнил Комека и предложил:

— А если, Северьян, сдашь ты свои товары Комеку? Оставь, а сам поезжай в Москву. Скажешь своему хозяину: отдал, мол, весь товар надежному человеку в Мерве. Он будет торговать, а деньги пересылать Коншину через русский банк в Асхабаде.

— Господи боже мой,— перекрестился Северьян.— Да ведь это все равно что смертный приговор себе подписать. Да вы думаете, оставит в живых меня Коншин за такое самоуправство? Нет, нет, не соглашусь ни за что! Разве могу я довериться чужому человеку? Был бы Мерв нашим — куда ни шло, а то ведь и Мерв нам не принадлежит.

— Да, брат, слабоват ты,— пожалел Студитский.

Северьян заерзал на кошме, жарко стало. Капитан не спускал с него глаз и смотрел с прищуром. Взгляд его был строг и

презрителен. Бабахан, Махтумкули, Тыкма, приказчики и русские прапорщики Соколов и Алиханов с интересом следили за разговором доктора и Северьяна. Комек-бай смотрел в собственные колени, вероятно, испытывал стыд, что Северьян не доверяет ему.

— Мил человек! — плаксиво воскликнул Северьян, глядя на Студитского.— Ну посуди здраво. Ну, скажем, возьму я на себя весь грех, доверю товары Комеку. И он их примет. А тут — война. Объявляет, значит, государь Мерву войну и идет с пушками. Может такое быть? Может. Чего за примером ходить, когда до сих пор в Закаспии Скобелевым пахнет!

— Дурья башка! — пристыдил приказчика Студитский.— Именно это твое доверие и не допустит войны. Трус ты, Северьян. За свою шкуру дрожишь!

— Ох как ловко, ох как! — закачал головой приказчик.— Я дрожу, а вы не дрожите. Встаньте на мое место, а я посмотрю — будете дрожать или нет!

— Ладно, Северьян,— сказал капитан решительно.— Мне-то ты можешь доверить товар Коншина? Я — русский, офицер Закаспийского штаба и посланник Обручева. Доверишь мне?

— Подумать надо,— попятился вновь Северьян.— Время, брат, такое, только думай да оглядывайся. А вдруг и тебя, скажем, достанет пуля. Вон плечо-то и сейчас еще побаливает от пули.

— Убьют меня, останется контракт между нами. Заключим с тобой деловую бумагу. В свидетели призовем твоих же приказчиков, прапорщиков и обоих ханов. Ну, так как, Северьян? Смотри, оскорблюсь, если и мне не доверишь!

— Быть по-вашему, доктор! — махнул рукой Северьян.— Давай начнем писать бумагу. Сдам товары, а сам отправлюсь в Москву. Черта мне, что ли, здесь высиживать?

— Ладно, Северьян, считай, что договорились,— сказал Студитский и посмотрел на бая и ханов.— Ну что ж, уважаемые, теперь все зависит от вас. Комек-бай, возьмешь у меня товар в кредит? Будешь выплачивать деньги по мере продажи. Продашь по высокой цене — десять процентов от выручки твои, по самой низкой — три процента.

В глазах Комека зажглось любопытство. Он посмотрел на Студитского, затем на Северьяна и в знак согласия подал руку.

XIII

Капитан Студитский вернулся в Асхабад на рождество. В столице Закаспия звенели русские гармоники. В только что выстроенной гостинице «Гранд-отель», под Горкой, играл офицерский оркестр и кружились пары. Шумно было в кабаках на Русском базаре. Веселились купцы, приказчики, солдаты и обыватели, которые уже заселили всю западную часть города.

Капитан въехал в город с восточной стороны с большим

туркменским отрядом. В первом ряду, рядом со Студитским, сидели на конях Махтумкули, Бабахан, Омар и другие знатные люди Мерва.

Их ожидали со вчерашнего дня: капитан из Теджена телеграфировал полковнику Аминову о депутации Мерва. Начальник штаба к десяти утра построил на Скобелевской площади войска гарнизона для встречи почетных гостей. Вчера же он сообщил о столь знаменательном событии в Тифлис Рербергу, который, по вызову кавказского командующего, находился там. Ночью был получен ответ: «Мервцев встретить со всеми почестями, дать отдохнуть и везти в Петербург для представления государю».

Мервский отряд проехал мимо асхабадского аула и строящегося городского сада, свернул на Офицерскую улицу и выехал на площадь, к войскам. Заиграл оркестр. Аминов с адъютантом подъехали к депутации. Студитский доложил о приезде гостей. Полковник спрыгнул с седла и бросил поводья адъютанту. Спешились ханы и джигиты.

— Ну, здравствуйте,— сказал Аминов, обнимая Махтумкули и остальных.

Тотчас офицер, командующий парадом, провозгласил:

— Дружественному Мерву ура!

— Ура! Ура! Ура! — троекратно разнеслось по площади.

— Как доехали? Все ли благополучно? — справился Аминов и, видя, как стеснены гости, не стал ждать ответа.— Прошу, господа, на коней. Совершим круг почета и отправимся в гарнизонный городок.

Под звуки оркестра туркменские всадники и кавалерийская сотня совместно совершили круг по площади и отправились на военный двор по Офицерской улице. Джигитам была отдана целая казарма. Ханов поместили в бараке, выделив для каждого отдельную комнату.

— Ну что ж, капитан,— сказал Аминов,— поздравляю с успехом. Вы один сделали то, что не сделала бы целая дивизия. Главное, обошлось без ссор и обид, не говорю уже о кровопролитии.

— Ну что вы, полковник,— устало улыбнулся капитан.— Были и ссоры, и стычки, но небольших масштабов. Не все ханы Мерва пока на нашей стороне. Некоторые занимают нейтральную позицию, а Каджар служит англичанам. Я сообщал вам: полковник Стюарт до сих пор в Мерве и мутит сознание горожан.

— Да, я знаю. Был у нас здесь секретарь тегеранского посольства, но мы быстро его выпроводили. Спрашивал о потерянных кроки. Они у Лессара. Наш мешхедский агент передал их инженеру. Недавно я ознакомился с кроки. Думаю, они могут пригодиться, хотя Лессар уверяет, что корреспондент «Дейли ньюс» весьма неточно произвел съемку местности по Мургабу.

— Лессар здесь? — спросил Студитский.

— Здесь. Велено его и вас снарядить к Обручеву. Повезете ханов и заодно передадите кроки начальнику Главного штаба.

— Полковник, я буду вам от души благодарен, если дадите мне возможность побывать на родине,— легко вздохнул Студитский.— Я так устал на чужбине. Ни писем, ни телеграмм.

— Позвольте, капитан, письма есть...

Студитский, не задерживаясь, заспешил в штаб и там у адъютанта взял письма. Он направился в офицерский дом, где занимал две комнаты, обставленные казенной мебелью. Войдя, обратил внимание на свежесть и запах русского веника: вероятно, перед его приездом солдаты сделали здесь уборку. Капитан снял сюртук, фуражку, расстегнул воротник и сел за стол. Прочитал отцовское письмо. Отец сообщал, что получил его письмо из Мерва, гордится смелостью сына и беспокоится, не случилось бы несчастья. Опять жаловался на ревматизм и строго требовал: «Надо надеяться, дорогой Лева, что это твое последнее путешествие в мусульманские страны? Должен же ты иметь сыновнюю совесть! Мать схоронили без тебя, сестру выдали замуж без твоего участия. Неужто ты не понимаешь, что и я не вечен? Год, два, да и за мной придет костлявая с косой. Умру — и меня не похоронишь...»

Письмо было грустным, но оно не испортило хорошего настроения капитана. Отложив отцовское письмо в сторону, Студитский взялся за другой конверт и с недоумением подумал: «У меня нет знакомых в Оренбурге!» Вскрыв конверт, развернув несколько листков и прочитав первые строки, удивился. Письмо от графини Милютиной.

Как далеко он был мыслями от нее в эту минуту! Из какой глубины поднялись вдруг разбуженные чувства уважения к ней! Сознание еще не могло ни усвоить, ни рассудить, отчего она в Оренбурге, как оказалась там, а чувства уже горячо разлились по сердцу.

«Лев Борисыч, здравствуйте!

Это уже третье мое послание к вам, но от вас — ни слова. В прошлом месяце я получила весточку от Надежды Сергеевны, из Кизыл-Арвата, она сообщила, что вы в Мерве. Я решила, что оттуда переправлять почту нет никакой возможности, и поэтому прощаю вам ваше молчание.

Вы, конечно, удивлены — почему пишу из Оренбурга?

Я приехала в Оренбург, потому что в этом мрачном городе умерла моя сестра Леля. Умерла во время родов. Вчера мы положили ее в цинковый гроб и, наверное, завтра отправимся в Москву, в Новодевичий монастырь, где похоронены моя бабушка и оба брата отца... Тоскливо мне, что и говорить. Хочется жить по-иному, но, увы, не получается. Столько всяких перемен в последнее время, но звезда моего счастья вряд ли уже взойдет

на небосклоне. Я писала вам во втором письме, что вышла замуж за Сергея Владимировича. Разумеется, Серж счастлив, но я, как вы догадываетесь, лишилась всего... Живем с мужем в Чернигове. Глушь неимоверная. Лето провели в Симеизе, в нашем родовом поместье. Море, солнце, горы — на что они мне?! Сначала я думала: ну вот, наконец-то обрела покой. Поехала в Никитский ботанический сад к Базарову, попросила, чтобы выслал вам в Закаспий саженцев. К чести его, он это сделал... С месяц суетилась в Ялте, добивалась учреждения курсов сестер милосердия, но ничего не добилась. Пробовала у себя создать свой домашний театр, но тоже безуспешно. И я поняла, что начинаю тлеть или догорать — как угодно. Теперь уже нет в милютинском доме того, что когда-то привлекало в нем. Я думаю, дело тут не только во мне. Может быть, даже не во мне, а в закатившейся славе отца. Он — из тех, которые с пылким жаром берутся за все, но ничего не доводят до конца.

Я не знаю, знакомы ли вы с нашим домом хорошо? Кажется, я рассказывала об отцовских братьях. Они оба были передовыми людьми своего времени. Один — известный экономист, публицист и даже социалист — дружил с петрашевцами. Другой — либерал и славянофил, служил в комиссии по выработке крестьянской реформы. Оба ратовали за полное раскрепощение крестьян... Но оба они как-то бесследно ушли, не сделав до конца начатое. Кто-то им помешал, кто-то подорвал в них веру и силы. То же самое и с отцом. Автор целого ряда военных реформ, превративших дряхлое воинство России в современную русскую армию! Его усилиями реакционная газетка «Русский инвалид» была превращена в газету политическую, либерального направления! Сколько статей было опубликовано в ней о крестьянах и земельных вопросах! Казалось, незабвенной славой покрыто имя Милютина, но видели бы его вы сегодня! Теперь он воюет с каждой статейкой, которые беспрестанно публикуются во всех московских и петербургских газетах и клеймят его за прошлые либеральные порядки... Простите меня, Лев Борисыч, кажется, я увлеклась политикой. Но что поделаешь! Живя в обстановке, где день и ночь произносятся затасканные фразы о демократии и либерализме, поневоле поддаешься искушению говорить так же звонко и глупо... Пустота, надломленность — эти качества переливаются по нашим сосудам из поколения в поколение. Чего же спрашивать с меня, со слабой женщины с расшалившимися нервами и неимоверной тягой к дворянскому уюту... Простите, но вы во сто крат сильнее всех нас, вместе взятых. Я не провидица и не гадалка, но могу предсказать — будущее за такими, как вы...

P. S.! Забыла сказать о главном, ради чего, собственно, и пишу. Записку вашу о необходимости укомплектования медицинских учреждений Закаспия я давно передала в военно-медицинский отдел министерства. Немедленно напомните о себе.

Пишите, не ленитесь...»

XIV

Вскоре мервцы отправились в Петербург. Сопровождали их Студитский, Лессар и два отделения казаков с хорунжим. На трех арбах, запряженных верблюдами, везли подарки царю: несколько текинских ковров, золотые и серебряные поделки.

Утром выехали, вечером прибыли в Геок-Тепе. С нескрываемым любопытством и жалостью смотрел Махтумкули на заброшенные стены текинской крепости. Ров зарос дикими травами, по стене около того места, где зияла брешь, бегали белые козлята. Картина запустения никак не вязалась с видением прошлого, когда здесь, во дворе крепости, держались до последнего десятки тысяч людей, не желая сдаться царскому генералу. Махтумкули пожелал заглянуть внутрь крепости. Омар угрюмо проговорил:

— Стоит ли любоваться своим поражением? При виде этих развалин у меня сжимается сердце.

— Не было бы поражения, не было бы и нашей победы, которую мы теперь одержали,— отозвался хан.— При виде этих стен я испытываю сожаление, что мы не смогли в ту пору разобраться, кто — друг, кто — враг. Будь мы мудрее и дальновиднее, не дали бы пролиться безвинной крови.

— Рано празднуете победу, хан. Не забудьте, что здесь хозяйничает Тыкма. Вон, посмотрите на всадников. Это, наверное, он выехал встретить нас.

— А вот и Тыкма! — воскликнул Студитский.

— Чтоб он лопнул, проклятый! — проворчал ишан.— Где бы мы ни появились, он всегда у нас стоит на дороге.

— Да, это так,— согласился Махтумкули.— Пуля, которая попала в вас, доктор, предназначалась ему.

— Но-но, друзья, вы слишком жестоки к своему соотечественнику,— пожурил капитан.— Тыкма встречает вас как дорогих гостей.

— Именно как гостей, но не как хозяев,— еще больше разозлился ишан.— А кто ему разрешил занять землю Ахала?

Тыкма, как только отряд Студитского приблизился, слез с лошади, бросил поводья слуге и пошел навстречу. Он обнял всех поочередно; ханы не выказали своего недружелюбия к нему. Принимая поздравления, похохатывали деланно, вымученно улыбались. Тыкма гостеприимно пригласил гостей в свою крепостцу. Во время осады Денгли-Тепе ее называли Ольгинской. Отсюда вели наблюдения за крепостью разведчики и доносили о текинцах Скобелеву. Теперь эта крепостца называлась Тыкма-Кала. В ней он жил, сюда свозил подати от населения. Мешки с зерном и джугарой и сейчас лежали под навесом: недавно Тыкма закончил сбор осенних податей.

О приезде ханов Мерва, направляющихся в Петербург, Тыкме сообщил телеграммой майор Сполатбог. Тыкма хорошо приготовился к встрече. В просторной комнате расстелил дастархан,

велел приготовить кябаб и плов. К приезду все было готово. И едва гости успели помыть руки, как он пригласил их к дастархану.

— Дорогой сердар,— первым заговорил ишан,— справляются твои люди на земле Махтумкули? Земля покойного Нурберды очень обширна!

— Справляемся,— коротко отозвался Тыкма.— Воды хватает, кяриз течет хорошо.

— Сердар, неужели не мучает вас совесть, когда берете воду из моего кяриза? — не сдержался Махтумкули.

— Хан, вы бросили его и сбежали,—строго отозвался Тыкма.

— Мы бросили, а вы воспользовались и подобрали! — начал горячиться Махтумкули.

— Чтобы ваша земля не засохла совсем, Скобелев отдал ее мне,— с достоинством сказал Тыкма.

— Скобелев отправился на тот свет, а вы ходите по этому свету и пользуетесь чужим богатством! — ядовито произнес ишан.

Студитский, следивший за нелицеприятной беседой, одернул текинцев:

— Друзья, вопрос землепользования здесь не решишь. Ясно, что потребуется вмешательство властей. Прошу без дела не гневить друг друга.

Лессар тоже вмешался в разговор:

— Конечно, капитан, вы правы. Без начальника области не обойтись. Но мне хотелось бы услышать, почему Махтумкули так настаивает на покинутых землях? Аминов пообещал ему весь Атек: разве там земля менее плодородна?

— Здесь, вероятно, дело в престиже,— заметил Студитский.— Тыкма хозяин, Махтумкули пока — гость.

— Доктор, вы не знаете, сколько денег мой отец потратил, чтобы очистить кяриз! Тыкма знает. Этот кяриз был завален камнями. Мы его очистили, и теперь он принадлежит нам,— сказал с обидой хан.

— Чистили его батраки и пленные солдаты,— уточнил Тыкма.— Ни твой отец, ни ты не заплатили им ни одного тилля. Зачем говоришь неправду?

— Я говорю истину, доктор, не слушайте его. За всю жизнь он не сказал ни одного слова, которому можно поверить.

— Махтумкули, но если судить здраво, то в Ахале могут уместиться и твои люди, и люди Тыкмы,— сказал Лессар.

— Если Тыкма останется здесь, он мне будет платить за каждую каплю кяризной воды! — строго выговорил Махтумкули.

— Хай, молодец,— сказал ишан.— Будь твердым как кремень. В конце концов, ты имеешь право на Ахал.

— Эта земля принадлежит царю,— спокойно заявил Тыкма.— Царь ее взял, царь руками Скобелева отдал ее мне. Если будете лезть сюда, я напишу самому царю.

— Мы тоже едем к царю и скажем, кто ты такой! — пригрозил Махтумкули.— Ты — простолюдин, ты не хан, не бай, ты подпасок у своего отца — чабана.

— Друзья, ну зачем же так? — одернул их Студитский.— Я вам обещаю, никто не будет обижен! Вы совсем не похожи на взрослых людей!

— Да, конечно,— с иронией сказал Лессар.— Они не будут обижены. Обижен будет народ. Ханы помирятся, а народу платить подати. До крестьянских ли коммун?

— Ладно, Петр Михалыч, вы тоже спешите наперед батьки в пекло. Дайте сначала людям устроиться, потом будем говорить о реформах. Я не меньше вашего заинтересован в земельных вопросах.

Вспыхнувшую ссору кое-как погасили. Текинцы обменялись рукопожатием, однако Махтумкули и ишан не захотели ночевать у Тыкмы. Пришлось отправиться в путь. Тыкма не стал уговаривать их. На прощание сказал:

— Ничего, отдохнете в Петербурге...

XV

Мартовским утром вышли они из вагона. Над Петербургом полз сырой туман, ощупывая крыши домов, стоявших напротив вокзала. Привокзальная площадь сплошь была заставлена каретами. Тарахтели колеса, фыркали лошади, позванивала конка. Туман скрывал все великолепие северной столицы: не видно ни Исаакия, ни Адмиралтейства.

Выходя с перрона на площадь, Студитский подумал: «Теснее стал Петербург и мрачнее». И сразу вспомнил светлый день детства, когда отец привез его из Вышнего Волочка в гимназию. Тогда, подъезжая к городу, маленький Лева, прилипнув к вагонному окну, смотрел на сияющий вдали шпиль Адмиралтейства, и дух у него захватывало от сказочной красоты... Он вспомнил детство, и колесо времени в памяти капитана завертелось вспять... Деревянный дом в Вышнем Волочке, снежная горка, лед на пруду, сени с огромной кадушкой и пряный запах грибов, письменный стол отца и микроскоп. На стене портрет Пирогова. И сипловатый, довольный голос отца: «И повидали же мы страхов с Николай Иванычем! И в Севастополе, и в Болгарии. Столько братьев-славян вырвали из костлявых рук смерти! Но и трупов замерзших распилили черт знает сколько, прежде чем научились лечить, а не отрезать руки да ноги...» Смелые, порой циничные речи отца, сельского фельдшера, пугали Левушку. И все же они, эти страшные рассказы о войне и страданиях людей, да еще микроскоп, в который смотрел Лева часами, пробудили в мальчике любовь к медицине... Сейчас все вдруг вспомнилось. Выйдя на площадь, Студитский остановился, подождал, пока подойдут Лессар и ханы с казаками, сказал с сожалением:

— Тесновато в каменном городе, не правда ли? В Туркмении — пошире. Куда ни посмотри — нет конца и края.

Махтумкули растерянно улыбнулся. Чувствовал он себя подавленно. Давила на него тяжесть каменных громад. Покачав головой, выговорил удрученно:

— Здесь камней больше, чем во всем Копетдаге. Откуда взяли столько? Неужели с гор привезли?

Студитский улыбнулся. Лессар откровенно рассмеялся и озорно взглянул на Бабахана и Омара.

— А как вам, Петербург понравился?

— Холодно, господин инженер. В Туркмении всегда солнце, а здесь только холод,— отозвался ишан.

Студитский оглядел площадь и множество экипажей у обочины, заметил военных.

— Кажется, нас встречают. К нам идут...

— Простите, вы из Закаспия? — спросил, подойдя, майор.

— Да, оттуда,— отвечал Студитский.— С депутацией ханов Мерва.

— Очень приятно! — обрадовался майор.— А то я выхожу к третьему поезду, и все безрезультатно. Прошу, господа.

В сторонке, на обочине площади стояли три крытые кареты военного ведомства.

Казаки, сопровождающие депутацию Студитского, взвалили на плечи тюки с подарками. Солдаты, приехавшие с майором, взяли чемоданы, все разместили в багажники.

— В «Знаменскую»,— сказал кучерам майор.

Гости сели в кареты, и они покатили по мостовой.

В гостинице им были отведены лучшие одиночные номера и приставлены денщики. Весь день приезжие устраивались и отдыхали после длительного пути. Наутро вновь пожаловал тот же майор и пригласил всех в Главный штаб. Снова сели в те же кареты и спустя десять минут вошли в просторный вестибюль, затем в кабинет начальника Главного штаба.

Обручев ожидал их.

— Прошу, господа, заходите смелее,— сказал он, встречая депутацию у двери.

Он был в мундире, при всех регалиях. Руки держал за спиной, казался широким и головастым. В какой уж раз Студитский видел его так близко и всегда думал: «Не голова, а котел, сколько в ней ума!» Капитан много раз задумывался над парадоксальной карьерой Обручева и восхищался ею: «Сначала кадетский корпус и Академия Генштаба, а затем... друг Герцена и Огарева. И вновь — военный штаб. Начальник военно-ученого комитета, теперь начальник Главного штаба». От Обручева веяло спокойствием и уверенностью. «Государь прогнал Милютина, Абазу и Лорис-Меликова, но главный реформатор полон сил и уверенности в себе!» — подумал Студитский, чувствуя крепкое рукопожатие генерала.

— Ваше превосходительство, смею доложить, что задание ваше выполняется успешно! — сказал с волнением капитан.

— Вот именно, выполняется,— согласился Обручев.— Медленно, но уверенно. Я очень рад вам, капитан, и нашим гостям. Прошу садиться.

Обручев поочередно за руку поздоровался со всеми, у каждого спросил, как его имя и кто он. Затем усадил всех в кресла.

— Сколько вам лет, Махтумкули? — спросил по-турецки.

Махтумкули живо сверкнул глазами и улыбнулся:

— Двадцать есть.

— Не много, хан. Вся жизнь у вас впереди. Будете служить России или только поглядеть на нее приехали?

— Буду, господин генерал,— сердечно отозвался Махтумкули.

— А вы, Бабахан? Нравится вам Петербург?

— Да, господин генерал. Мой отец, Каушут, хотел дружить с русскими, но рано умер.

— Сожалею, хан, и надеюсь, что вы продолжите стремления своего отца.

— Да, господин генерал. Мы постараемся, чтобы люди Мерва присягнули на верность России.

— Спасибо, хан. А что скажете вы, Омар? Если не ошибаюсь, на вас более чем на кого-либо жаловался Скобелев. Слишком храбро вы защищали свою крепость.

— Господин генерал, так же храбро и преданно я готов служить России.

— Ну что ж, господа, я вполне удовлетворен вашими ответами,— сказал Обручев и остановил взгляд на Лессаре.— Хотел бы я, господин инженер, ознакомиться с кроки англичанина.

— Пожалуйста, ваше превосходительство,— Лессар достал из полевой сумки карту и подал ее.

— Великолепная работа,— усмехнулся Обручев, разглядывая карту.

— Господин генерал, масса неточностей,— возразил Лессар.— Кроки сделаны с целью постройки железной дороги от Мерва до Герата, но они грешат ученичеством!

— Но ведь кроки делались ради железной дороги? — уточнил Обручев.

— Да, разумеется.

— А что же вас не устраивает? Не собираетесь же вы строить дорогу по этим кроки?

Лессар не понял, почему Обручеву вдруг понравились кроки англичанина, и умолк.

— Господин Студитский, характеризуйте вкратце обстановку в Мерве. Вы давно уехали оттуда?

— В декабре, ваше превосходительство.

— Давненько, однако. Есть сведения из Тегерана, что вновь активизировались английские агенты и оказывают серьезное

влияние на нескольких весьма влиятельных особ в Мерве. Кто такие Каракули, Майлы и Каджар?

— Первые два до сих пор держали нейтралитет. Третий — слуга англичан и Сияхпуша.

— Вы говорите о Сияхпуше, словно это один человек? Но наш тегеранский посланник утверждает, что таких Сияхпушей по меньшей мере десять.

— Мне довелось встречаться лишь с одним, ваше превосходительство.

— Все эти Сияхпуши — английские агенты,— продолжал Обручев.— Они во многом способствовали англичанам, чтобы сорвать торговлю купца Коншина.

— Ваше превосходительство, но я докладывал вам о том, что товары взяты в кредит и безопасность их надежна. Присутствующие здесь Махтумкули и Бабахан взяли на себя охрану. Что касается прибылей, они поступают от торговца из Мерва, который исправно отправляет деньги в казну Коншина.

— Я получил докладную от Коншина. Он не в особом восторге от своих торговых дел. Анархия, которая царит на Мургабе, беспокоит не только Коншина, но и Главный штаб. Пока что ни я, ни вы не знаем, кто управляет Мервом. Махтумкули, Бабахан, что вы можете сказать? Есть ли в Мерве твердая рука?

— Нет,— сказал Махтумкули.— В Мерве каждый сам себе хозяин.

— С тех пор как умер мой отец Каушут, в Мерве не было крепкого правителя,— высказался и Бабахан.

— Господин генерал,— посоветовал ишан,— Мерву необходимо русское правление. Если придет один русский с приказаниями от царя, то весь народ будет его слушать. Сам народ себе никогда не выберет хана. Четыре крупных рода дрались между собой и продолжают драться. Ни один из них не потерпит, чтобы ханом стал его соперник. Приезжайте, соберите всех и поставьте над всеми одного русского управляющего.

— Хорошо, господа, сегодня мы поговорим обо всем.

Обручев встал и попросил, чтобы пригласили офицера из Азиатского департамента. Вошел майор, который второй день опекал депутацию. Обручев спросил его:

— Майор, что у нас сегодня в программе?

— Осмотр достопримечательностей, ваше превосходительство.

— Будьте любезны, приглашайте ханов. Студитский и Лессар пусть останутся.

XVI

К одиннадцати собрались генералы и офицеры Главного штаба, чиновники Министерства иностранных дел и Азиатского департамента. Прежде чем открыть совещание, Обручев сказал:

— Господа, у нас сегодня присутствует генерал Комаров,

новый начальник Закаспийской области. Прошу, Александр Виссарионович, покажитесь.

Генерал-лейтенант Комаров, невысокого роста, плотный, с густой черной бородой и черными сверкающими глазами, поднялся из кресла, поклонился и сел.

— Теперь по обсуждаемому вопросу,— сказал Обручев, взял со стола листки, заглянул в них и начал говорить, не обращаясь к написанному.— Итак, господа, на сегодняшний день четко определились три точки зрения относительно Мерва. Все три высказаны в связи с тем, что существующие беспорядки и многовластие в Мургабском оазисе не дают далее России осуществлять планомерную политику на этом участке Средней Азии... Точка зрения генерал-губернатора Туркестана генерала Черняева сводится к тому, чтобы поручить управление Мервом одному из сановников хивинского хана. Генерал Комаров, в свою очередь, предлагает расположить сильный русский отряд на границах Мерва, а именно на реке Теджен, у плотины Карры-Бенд, и оттуда оказывать влияние на политическую жизнь в Мургабском оазисе. Он предлагает, по мере укрепления мира и дружбы с населением, продвигаться, не причиняя беспокойства жителям, к центру Мерва и, наконец, прочно закрепиться в оазисе... Есть еще одна точка зрения: обеспечить вхождение Мерва в состав России путем наступления крупной торговли и благоустройства оазиса. Эта идея рождена графом Милютиным, поддержана мной и осуществляется довольно успешно русской торговой миссией... Военно-научный комитет рассмотрел все три предложения и нашел, что на сегодняшний день ни одно из них неприемлемо. Посланник Хивы не может управлять Мервом, поскольку не желают этого народ и все четыре предводителя Мерва. План Комарова также негож, ибо понадобится слишком много времени для его осуществления. Самое реальное — наступать базарами и всевозрастающей торговлей. Однако торговля служит лишь укреплению дружбы, но не может водворить стабильный порядок в Мерве... Кавказский наместник предлагает укрепить торговые караваны солдатами и артиллерией, но такой подход к вопросу чреват последствиями. Мы знаем, во что превратилась мирная миссия Ломакина в 1878 году, когда ей были приданы штыки и пушки. Мы, разумеется, не забыли и поход Скобелева, когда русская мирная миссия была подчинена воинскому порядку... Сегодня, господа, у нас присутствует офицер русской миссии капитан Студитский. Благодаря ему и таким, как он, Закаспий ныне вовлечен в широкую культурную жизнь. Всюду идет строительство, всюду налаживается торговля. В Мерв благодаря настоятельным требованиям рынка направлены новые караваны. Теперь мы уже везем туда керосин, причем участвуют сразу два предпринимателя... компания братьев Нобель и отставного пристава Караша. Так, кажется, капитан? — спросил Обручев.

— Так точно, ваше превосходительство.

— Капитан Студитский, инженер Лессар и ханы Мерва, которые сейчас находятся в Петербурге, предлагают совершенно иной подход к вопросу присоединения Мерва к России. Они считают, что легче всего это сделать самим ханам, не прибегая к чьей-либо помощи.

— Господин генерал-адъютант, но вы только что говорили о хаосе и невозможности поставить над Мервом одного хана,— заметил генерал Соболев, служащий Азиатского департамента.

— Хана и не будет,— сказал Обручев.— Нынешние наши влиятельные гости из Мерва — Махтумкули, Бабахан и Мурад-ишан — надеются примирить все враждующие группировки на Мургабе и обратиться с прошением о добровольном вхождении в состав России... Волеизъявление всех четырех ханов Мерва — это то, чего мы с вами добиваемся, господа. Одновременно просятся в наше подданство племена туркмен, живущие в Иолотани и Серахсе,— сарыки и салоры. Надо будет удовлетворить и их просьбу. Прошу подумать... А покуда будете соображать, ознакомлю вас с действиями английской агентуры в Мерве.

Обручев развернул кроки О'Донована, прикрепил их кнопками к доске, стоявшей сбоку стола, и сказал:

— Вот, полюбуйтесь... Россия только говорит о Мерве, а Великобритания и ее агенты уже сняли кроки от Мерва до Герата. Собираются строить железную дорогу.

Присутствующие сразу оживились, заговорили все, подошли к кроки.

— Господин генерал-адъютант, неплохо бы предать гласности непомерные аппетиты англичан! — воскликнул представитель Азиатского департамента.— Представляю, как бы забегал английский посланник, который только и знает, что напоминает мне о неблаговидных действиях русских агентов в Мерве!

— Будет необходимость, сделаем и публикацию,— пообещал Обручев.— Но садитесь, господа, о действиях английских агентов расскажут вам более подробно капитан Студитский и инженер Лессар...

XVII

Вечером, после ужина, когда капитан, возвратившись в свой гостиничный номер, сел за письмо — решил сообщить отцу о своем приезде в Петербург,— в дверь постучали. Студитский открыл и увидел на пороге портье:

— Господин офицер, прошу простить за беспокойство, но к вам пожаловал знатный господин.

— Ну так веди его ко мне.

— Смею доложить, что тот господин не пожелали подняться к вам, а попросили вас к себе. Их превосходительство сидят в вестибюле и ждут-с.

— Хорошо, скажите господину — я сейчас выйду к нему.

Портье удалился, и Студитский, надев мундир, спустился по широкой лестнице в вестибюль.

Ожидавший его сидел в кресле, отпахнув полы мехового сюртука. На нем была черная косматая шапка. Он курил и стряхивал пепел в большую мраморную пепельницу. Студитский не сразу узнал гостя. Бородка, усы... Ба, да это же Шаховской! Бородку и усы отрастил для солидности. В Геок-Тепе он выглядел совсем мальчиком. Но теперь муж, причем шестью годами моложе своей супруги. Тут волей-неволей сделаешься солидным.

— Князь, вы ли это?! — удивился капитан.— Добрый вечер.

— Здравствуйте, Лев Борисыч. Я, как видите...

Они пожали друг другу руки, и Шаховской обнял капитана.

— Каким образом вы в Петербурге, Сергей Владимирович? Княгиня мне писала, что вы — в Чернигове.

— Да, капитан. К сожалению и увы, в Чернигове. Я же поступил на службу в военное ведомство... Впрочем, об этом потом. Я случайно узнал о том, что вы в Петербурге, с туркменскими ханами, и сказал Лизе. Княгиня тотчас послала меня за вами. Не откажите в любезности отужинать с нами.

— Но я уже...

— Капитан, никаких «уже»! Если мне не удастся уговорить вас, то за вами приедет она сама. Не позволите же вы себе тревожить женщину в такой поздний час, да еще в такую мерзкую погоду! — Последние слова он произнес в шутливом тоне, видя по глазам доктора, что он сдался.

— Ладно, князь, уговорили. Только позвольте мне одеться.

Через минуту они сели в карету, которая стояла у подъезда гостиницы, и поехали по вечернему Петербургу. В оконце замелькали желтые уличные фонари.

— Мы с Лизой оказались в Петербурге из-за постигшего нас несчастья и по стечению обстоятельств,— заговорил Шаховской.— Мы уже полтора года живем в Чернигове. Я ведь теперь — градоначальник. Случилось так, что меня вызвали в Главный штаб, а Лизонька была на похоронах сестры, в Москве. После поминовения она со свекровью покойницы, бабушкой Гершельман, приехала сюда, и тут мы увиделись. А о вас, капитан, мне сказали сегодня в Главном штабе.

— Ну что ж, я очень рад встрече,— искренне признался Студитский.— И позвольте, хоть и с опозданием, поздравить вас, князь, с законным браком. Я помню, вы без ума были от графини и, кажется, немножко ревновали.

— Может быть,— засмеявшись, согласился Шаховской...

Спустя полчаса они вышли из кареты, ступили в мрачный подъезд и поднялись на второй этаж. Шаховской потянул за шнурок, остановившись у обитой кожей двери. Внутри зазвенел колокольчик, и вскоре дверь отворилась.

— Я с гостем,— сказал Шаховской и крикнул в глубину коридора: — Елизавета Дмитриевна, у нас доктор Студитский.

— Боже, как это мило с вашей стороны, Лев Борисыч! —

услышал капитан голос княгини и увидел ее в светлом дверном проёме боковой комнаты.

Подойдя, она подала капитану руку для поцелуя и помогла снять сюртук. Он вошел в гостиную комнату — довольно просторную, с двумя окнами, диваном, круглым столом и креслами. Стол был накрыт по-праздничному. Хозяйка дома, бабушка Гершельман, и черноглазая девочка лет восьми-девяти встречали гостей у дивана.

— Лев Борисыч, помните это милое создание? — спросила княгиня.

— Неужели та самая девчушка?! — удивился и обрадовался он.— Таня, кажется?

— Татьяна Текинская,— шутливо сказал Шаховской.

Девочка смущенно подала капитану руку. Он спросил, помнит ли она его. Таня кивнула. Графиня сообщила, что Танечка уже хорошо говорит по-русски и по-французски.

— А по-туркменски? — спросил Студитский.— Ты можешь говорить по-туркменски? Давай поговорим с тобой.

— Я уже забыла,— призналась девочка.

— Жаль, жаль,— сказал капитан.— Туркменский тебе надо знать. Когда-нибудь ты почувствуешь в нем необходимость.

— Не преувеличивайте, капитан,— возразил Шаховской.— Танечка станет высокообразованной дамой. С туркменами ей жить не придется. Она будет учительницей или врачом.

— Жаль, Сергей Владимирович,— повторил капитан и пояснил: — Я помню тот день, когда многие наши офицеры взяли на воспитание туркменских сирот. Я часто думаю, что после того как туркменские ребятишки получат образование, то непременно вновь вернутся в Закаспий и станут первыми просветителями своего народа.

— Боже, Лев Борисыч! — воскликнула княгиня.— Я совершенно с вами согласна. Наверное, так и будет. Сыновей Оразмамеда и Тыкмы-сердара в кадетском корпусе обучают турецкому языку, я это точно знаю. Но, капитан, Танечка же — нежное существо. Неужели ей придется жить в феодальной Туркмении?

Студитский усмехнулся, пожал плечами.

— Но почему же — нет? Мы откроем русско-туркменские школы, и в них потребуется много учителей. В них и сейчас уже есть необходимость. Первое, чем я займусь по возвращении в Закаспий,— образую первую такую школу и приглашу в нее учителями бакинских татар.

— Браво, капитан, но — ближе к столу! — воскликнул Шаховской.— Лиза, Таня, Варвара Николаевна, что же вы все забыли об угощении?

Через минуту все были за столом. Выпили за встречу шампанского, и беседа продолжалась. Заговорили о Скобелеве, о его загадочной смерти. Княгиня, видя, что ее Серж рассказывает об этом в общих чертах, тотчас возразила:

— Серж, но это же светские досужие сплетни! Все — гораз-

до сложнее. Жизнь Скобелева — это пример непомерного честолюбия. Вы думаете, нужна была ему эта крепость, Геок-Тепе? Крепость ему была нужна как очередная ступень к громкой славе и высшей должности. Если бы не смерть государя, он бы с успехом осуществил свои честолюбивые замыслы. Михаил Дмитрич метил в заместители к моему отцу, и он был у цели. Но ушел в отставку военный министр Милютин, и вместе с ним был отдален от дворца Скобелев. Вместо Зимнего — Могилев и какой-то армейский корпус. Представляете, каково было настроение у «белого генерала»! Тут, разумеется, и недовольство вслух, и тайные заговоры — все уместно...

— Но все говорят о каких-то его речах в защиту славян? — сказал Студитский.

— Это прямое следствие его недовольства,— подсказал Шаховской.

— Серж прав,— согласилась княгиня.— Нынешний государь, едва принял престол, сразу полез в объятия к своей немецкой, гессенской родне. Вновь пошли толки о Священном союзе. И это после того, как Россия освободила славян от турецкого ига! Скобелев решил защитить славян от немецкого кайзера. В ресторане Бореля он закатил такую речь, что против него поднялась вся пресса Бисмарка. Разумеется, за немцев заступился наш новый государь. Скобелев едет в Париж, встречается с черногорскими студентами и там у них произносит речь в защиту славян и опять нападает на немцев. В конце концов, государь отозвал его из Парижа. По пути Скобелев остановился в Москве, в гостинице и там скончался во время попойки, в компании развратных женщин.

— Ну, что ты хочешь, Лизонька,— заметил князь.— Скобелев никогда не отличался высокой нравственностью.

— Я думаю, смерть «белого генерала» была все-таки насильственной,— продолжала княгиня.— И замешан тут конечно же сам государь.

— Лиза, не надо так категорично,— попросил Шаховской.— Милютины и без того в немилости, но если дойдет до государя...

— Бедный Серж,— засмеялась княгиня.— Как же ты боишься за меня. Ценю твою любовь, милый... А как у вас дела с вашей запиской? — тотчас спросила она у Студитского.

Капитан усмехнулся, заговорил без особой охоты:

— Знаете, Елизавета Дмитриевна, я оказался таким профаном в организации медицинского дела... Я представлял так. В моем ведении тридцать два населенных пункта. Назначу в каждый аул одного врача или фельдшера, двух-трех сестер милосердия, провизора... Создам таким образом свою медицинскую дружину. Буду время от времени навещать аулы, помогать медикам и их собирать у себя в Асхабаде. Казалось бы, желания мои не столь уж шикарны. И вот вчера, после заседания у Обручева, захожу в военно-медицинский отдел, напоминаю о своей записке...

— Вы у Вильде были? — спросила, перебив его, княгиня.

— Да, конечно. Лысый, в пенсне, полковник.

— Ну и что же, Лев Борисыч? Продолжайте, я слушаю.

— Полковник положил передо мной папку, отыскал штатное расписание управления Закаспийской области и велел ознакомиться. Оказалось, по штату значится лишь заведующий медицинской частью, врач и фельдшер. Захлопнул этот Вильде папку и говорит: «Что же вы, голубчик, уже два года область существует, а таких прописных истин не знаете?» Я ему заявляю: «Но как же, мол, так — в Закаспии более четырехсот тысяч населения, а если присоединится и Мерв, то население удвоится». А он мне: «Да пусть хоть утроится! Для вашего населения существует земская медицина! Пусть аксакалы в селах за свой счет нанимают фельдшеров!» — «Но это пока невозможно,— отвечаю я ему.— В аулах знахари и табибы вполне устраивают баев и ханов. Вы же знаете, говорю, Кораном запрещено, чтобы христианин вмешивался в дела мусульманские». Полковник посоветовал мне заниматься лишь военной медициной: «Пусть, на здоровье, шаманят знахари: это не ваше дело».

— А если вам собрать знахарей и табибов, научить их современной методе оказания помощи? — предложил Шаховской.

— Серж,— недовольно заметила княгиня,— можно подумать, в Закаспии ты не был и не видел, как ревностно относятся эти табибы к своему врачеванию. Иное дело, если нам удастся из таких, как наша Танечка, и других туркменских ребятишек подготовить врачей и фельдшеров. Надо побольше направлять из Туркмении детей в пансионы и кадетские корпуса.

— Скоро сказка сказывается,— заметил князь.

— Да, к сожалению, это так,— согласилась княгиня.— Мы заговорили о будущем. А настоящее, Лев Борисыч, по-моему, в подвижничестве. Почему бы вам не обратиться за помощью в больницы и госпитали? Я думаю, найдутся медики, кому захочется поехать в Туркмению. Если вы создадите им хотя бы мало-мальски сносные условия, успех может быть обеспечен.

— Пожалуй, это самое разумное,— подумав, согласился Студитский.

Заговорили о нуждах туркмен. Вспомнили Оразмамеда и его убогую кибитку... Засиделись допоздна. В полночь Студитский откланялся. Князь усадил его в карету, проводил до гостиницы и, прощаясь, напомнил, чтобы капитан заходил, когда сочтет нужным, и непременно сообщил о дне своего отъезда...

XVIII

Утром Студитский и Лессар сели в возок и отправились в Главный штаб. В пути инженер сообщил, что английский посол узнал о прибытии туркменских ханов в Петербург и уже проявляет нервозность. В Лондон послана секретная депеша, в Тегеран — тоже. Англичане собираются предпринять контрмеры.

Генерал Обручев смотрит на их возню с усмешкой. Вероятнее всего, в штабе соберутся журналисты, и Обручев ознакомит их с английской картой.

— Значит, карта О'Донована бита? — заметил с усмешкой капитан.

— Вчера я еще не предполагал, что эта карта придется к месту,— сознался Лессар.— А сегодня с нее снимают копии. Может быть, даже опубликуют в газетах. Разумеется, с нужными примечаниями.

— Поздравляю вас, Петр Михалыч, с успехом,— пожал руку инженеру Студитский.

У Главного штаба Лессар слез с возка, отправился в канцелярию корпуса топографов. Капитан поехал в Николаевский госпиталь.

Лошадь бежала резво. Кучер, согнувшись на облучке, прикрыв воротником тулупа затылок, помахивал кнутом. Под полозьями скрипел снег. Студитский, закрывшись до подбородка медвежьей полостью, смотрел на утренний Петербург. На улицах было людно, но тихо. Выпавший, вероятно, последний снег скрадывал звуки и голоса. Капитан выехал на набережную и сразу подумал, сколько всякого у него связано с ней! И детство в военной гимназии, и юность — в Медико-хирургической академии. Жаром волнения обдало его, когда возок подкатил к госпиталю. Студитскому показалось, что никуда он и не уезжал из Петербурга. Прошлое настолько приблизилось и вошло в его сознание, что стерся промежуток в три года. Он очень легко представил, будто вчера был в госпитале и разговаривал с профессором Апухтиным по поводу отъезда в Туркмению.

Расплатившись с кучером, капитан вошел в вестибюль и еще раз с усмешкой отметил: «Да, все так, как и было!»

— Доброе утро, Егор,— сказал Студитский швейцару.

— Утро доброе, барин,— меланхолично отозвался тот, принимая шубу и шапку.— Давненько вас не видел. Вроде бы уезжали куда-то?

— Да, уезжал. Вернулся на время. Профессор Апухтин у себя?

— Не приехали еще. Ждем-с.

Капитан медленно пошел по коридору, оглядывая цветочные кадки между окнами и портреты медицинских светил на стене. Все, как прежде. Ничего не изменилось. Вот и портрет Пирогова. Точно такой, как у отца в доме, только в увеличенном размере.

Студитский вошел в приемную главного врача. Там стояли несколько человек в халатах, но никого из них он не знал и подумал: «Вот и перемены, оказывается, есть». И время как-то сразу растянулось: промежуток в три года заполнился бесконечными дорогами Закаспия. Капитан кивнул молодым врачам. Те вежливо ответили, но ни один не спросил — кто он?

Подходя к операционной, Студитский вспомнил февраль

восьмидесятого. Утром он приехал на службу, зашел в кабинет, и ему доложили, что вчера вечером в Зимнем был взрыв: привезли раненых солдат. Он зашел в палату к пострадавшим. Все были забинтованы. Некоторые ранены легко, трое нуждались в операции. Здесь он впервые увидел фрейлину Милютину и познакомился с ней. Нежное существо с невинным взглядом — она, не моргнув глазом, солгала ему: «В Зимнем произошел взрыв газа. Эти солдатики были под подвалом, в караульном помещении, и все пострадали». Графиня добилась, чтобы ей разрешили присутствовать на операции одного из пострадавших. Два томительных часа она наблюдала за руками Студитского, стоя в оцепенении, прислонившись к стене. Капитан извлек из тела раненого несколько чугунных осколков и после операции показал их Милютиной. «Газ, говорите, ваше сиятельство?»

Потом он встречал ее еще несколько раз. Однажды графиня доверительно ему сообщила: «Было покушение на государя, столовая разнесена взрывом бомбы». Знакомство их натолкнуло графиню на мысль рекомендовать капитана медицинской службы Студитского в качестве главы русской миссии в Закаспии.

Вспоминая не столь далекое прошлое, капитан прохаживался по коридору, встречая взглядом всякого проходившего мимо. Некоторых он узнавал и раскланивался. С другими здоровался за руку. Наконец появился главный врач. Грузно опираясь на трость, вошел в приемную. Студитский окликнул его и ступил следом за ним в кабинет. Апухтин услышал голос, но не узнал своего бывшего помощника. И теперь, увидев его в кабинете, растерялся:

— Боже мой, Лев Борисыч! Откуда ты взялся?! Вот не думал увидеть. Садись. Садись. Надолго к нам? Может, совсем вернулся?

— Нет, Григорий Степаныч, на время. С особым поручением закаспийского командования. Ханов Мерва показать государю привез. Но государь не спешит их увидеть, вот и пользуюсь обстановкой. Зашел по делу.

— Говори, а то в одиннадцать у меня лекция.— Профессор вынул из нагрудного кармана часы и положил на стол.

— Хотел бы встретиться с медперсоналом госпиталя, рассказать о жаркой стране Туркмении,— шутливо сказал Студитсикй, зная наперед, что вряд ли профессору понравится его предприимчивость.

— Догадываюсь о цели твоего визита,— потускневшим голосом отозвался главврач.— И сразу предупреждаю: у меня каждый фельдшеришко на особом счету. Не говорю уже о квалифицированных врачах. Помнится, когда ты уехал, я с полгода не мог подобрать себе подходящего помощника!

— Не ожидал от вас столь неласкового обхождения,— тоном ученика продолжал Студитский.— Кто же другой, если не вы, может помочь мне? И потом, Григорий Степаныч, я почти три года читал лекции курситскам Красного Креста...

— Вот курсисток и уговаривай,— подобрел Апухтин.— Курсисток много, да и то поспеши. С прошлого года прием на курсы сестер милосердия прекратился. Слишком вольны сестрицы: только и слышишь о демократии и эмансипации. Между прочим, капитан, ты мог бы занять один лекционный час сегодня же. Прочитаешь лекцию вместо меня: скажешь им, с чем пожаловал.

— Спасибо, Григорий Степаныч. Я готов хоть сейчас.

— Сейчас и пойдем. Давай-ка поначалу по чашке кофейку выпьем. Как раз успеем...

Минут через пятнадцать они вошли в наполовину заполненный конференц-зал. Барышни сидели в основном в задних рядах, подальше от кафедры. Профессор попросил, чтобы сели поближе. Просьба его осталась без внимания. Тогда Апухтин объявил: в гостях у слушательниц капитан медицинской службы, бывший хирург Николаевского госпиталя. Ныне он служит в Туркмении и пожаловал на встречу, чтобы рассказать, что делается за тридевять земель от государства Российского.

По рядам сразу прокатился легкий говорок, и курсистки заняли несколько первых рядов.

— Итак, уважаемые,— обратился профессор,— начнем нашу встречу. Прежде всего я познакомлю вас с нашим гостем, капитаном Студитским... Выпускник Медико-хирургической академии. В прошлом — мой слушатель. Затем мой ближайший помощник в этих благородных стенах, в коих находитесь сейчас вы. Три года назад капитан добровольно покинул их, отправился в далекий Закаспий и вот сегодня, приехав ненадолго в Петербург, вновь посетил нас. Я предоставляю слово нашему гостю, сам откланяюсь и оставлю вас. Прошу-с, господин военврач...

Профессор, припадая набок и опираясь на трость, покинул конференц-зал. Студитский взошел на кафедру, подождал, пока Апухтин выйдет, и сказал:

— Восемь лет назад, когда я учился в академии и слушал лекции доктора Апухтина, он обходился без трости. Он тогда еще не был ранен. Ранение он получил в Болгарии, куда выезжал с Пироговым и другими русскими врачами. Пусть это будет нескромно с моей стороны, но я горжусь, что был ассистентом, когда доктор Пирогов оперировал Апухтина. Григорию Степанычу грозила ампутация ноги, но наш величайший хирург сделал все, чтобы его коллега стоял на ногах. Я лишь присутствовал. Но позвольте мне сегодня заявить, что всякое присутствие на сложной или не столь сложной операции есть обретение опыта. Там, в Туркмении, когда из-под Геок-Тепе везли в Бами раненых солдат и туркмен, я не раз вспоминал жесткие умелые руки Пирогова, его строгий, уверенный взгляд.

Послышались аплодисменты. Студитский сделал паузу и, воодушевившись, принялся рассказывать об участии медиков в экспедиции Скобелева. Эпизоды, случаи, удачные и неудачные операции в госпитале — все неожиданно вспомнилось ему. Он и не хотел об этом говорить. Он хотел лишь сказать, что медицину

сегодня надо рассматривать как науку, направленную на массовое оздоровление; что главная суть ее — уничтожение на огромных географических ареалах заразных, смертоносных болезней. Он назвал Среднюю Азию королевой трахомы и оспы. Сейчас самое главное — преподать урок этой злой королеве. Капитан заговорил о своей деятельности, а затем перевел разговор на нехватку медицинских рук в Закаспии.

— Милые барышни,— обратился он в зал. И, услышав смех и оживление, сам улыбнулся.— Туркмения ждет вас и вряд ли сможет обойтись без вашего участия, без ваших волшебных рук.

— Каковы условия? — послышался голос.

Он подумал и решил: идеализировать обстановку нет смысла. В Туркмении нужны люди самоотверженные, умеющие переносить самые жестокие трудности.

— Условия суровые,— сказал твердо.— Аулы, бараки, поездки в пески и горы...

Курсистки на какое-то время притихли. И вновь — вопрос:

— Господин капитан, но мы читали в какой-то газете, что для выезжающих в Закаспий на постоянное жительство выдается ссуда на постройку дома, разведение сада, огорода и прочее. И еще какие-то есть льготы, касающиеся заработка.

— Разумеется, льготы есть,— с радостью согласился Студитский, понимая, что эти щупленькие, еще не видевшие больших трудностей барышни не боятся расстояний и обстоятельств...

Прощаясь с курсистками, он советовал им подумать, прежде чем принять решение. И если кто-то утвердится в мысли посвятить себя благородному делу служения Родине на далекой российской окраине, то пусть зайдет к нему в «Знаменскую» или в земство, где производится запись переселенцев.

XIX

Время скоротечно. Март пролетел незаметно. Апрельское тепло оживило природу. Прогремел первый весенний гром, прошли дожди. Снег растаял на обочинах дорог и крышах; город потемнел и сделался строже. Потускнело золото Адмиралтейства. Грязным и рыхлым стал лед на Неве, вот-вот начнется ледоход.

Почти целый месяц Студитский провел в разъездах по Петербургу: посетил ряд больниц и госпиталей, где провел такие же беседы, как в Николаевском госпитале. Капитан, вместе с Лессаром, был на приеме у министра просвещения: просил помочь двум асхабадским гимназиям. Навестил земство — справился, хорошо ли идет вербовка переселенцев. Заехал в кадетский корпус, встретился с сыновьями Оразмамеда и Тыкмы-сердара, передал подарки и обоих заставил написать отцам по письмецу. Еще в первые дни после приезда в столицу Студитский и Лессар вместе с ханами побывали в Царском Селе, затем — в

Петергофе. После этих поездок мервцы всецело попали под покровительство офицера Главного штаба: бывали всюду с ним. С доктором и инженером виделись лишь вечерами. Все уже устали от бесчисленных экскурсий и выездов и тяготились мыслью — отчего государь медлит принять их? Наконец царь выбрал время.

Ночью, возвратясь в гостиницу от Шаховских, капитан нашел на столе записку Лессара: «Доктор, вы неуловимы. То я в топографском корпусе, то вы — в земстве или академии. Завтра вам ехать в Гатчину, будете на приеме у государя в качестве переводчика Махтумкули-хана».

Студитский проснулся рано утром, но кареты уже стояли у подъезда гостиницы, а майор из Главного штаба ожидал его и Махтумкули в вестибюле.

Капитан быстро побрился, надел парадный мундир и отправился в соседний номер — поторопить хана. Махтумкули давно уже встал, но в дорогу еще не был готов. Он торопился, но получалось у него все очень медленно. Хан принялся жаловаться: почти всю ночь не спал, все время думал о государе. Капитан пошутил: «Ничего, в старости отоспишься: сейчас отдыхать некогда». Хан не понял шутки и усомнился: «Вах, доктор, доживу ли до старости?» — «Доживешь, если на прием к царю не опоздаешь!» Студитский вышел в коридор и стал ждать его там. Наконец Махтумкули надел парчовый халат, каракулевую папаху и выскочил в коридор.

Майор, поджидавший их, облегченно вздохнул:

— Господа, побыстрее в карету. Обручев с офицерами уже выехал.

Три с лишним часа ехали по мокрой после дождя дороге. Эскорт конных казаков скакал впереди кареты. Студитский сидел с майором напротив Махтумкули и думал: «Почему не поездом? Поездом быстрее. Вероятно, решили показать текинскому хану красоту окрестной природы?» Но Махтумкули вовсе не интересовался лесами и лужайками. Он был стеснен и удручен предстоящей встречей с русским царем, о котором ему постоянно твердили с самого детства. Он допускал мысль, что государь может ему напомнить об убитых солдатах под Геок-Тепе, и, думая об этом, судорожно вздыхал.

Гатчина поразила хана своим великолепием. Студитский тоже был здесь впервые, хотя и прожил много лет почти рядом. Сквозь голые ветви высоких деревьев всюду виднелись дворцы и дворцовые пристройки, парки, пруды. В полынье на оттаявшем царском пруду виднелись черные лебеди. Трехэтажный царский дворец с двумя пятигранными башнями охранялся усиленной стражей. И еще больше стояло жандармов у входа, в вестибюле и внутри дворца.

Прием текинского хана состоялся в пятом часу вечера, когда царствующие особы отдохнули после обеда. Гости, собравшиеся в церемониальном зале, среди которых были Обручев и закас-

ципский начальник генерал Комаров, долго прохаживались по залу, рассматривая картины в тяжелых рамах. Наконец заиграл оркестр, и Александр III, под руку с императрицей, вышел к гостям. Оба сразу обратили внимание на текинца: одежда его резко отличалась от других. Махтумкули, которого вежливо выставил вперед, навстречу царю, Обручев, припал на колено и склонил голову.

— Он так молод... Он совсем еще мальчик,— заметила тихонько императрица, рассматривая его в лорнет сверху.

— Поднимитесь, хан,— сказал царь.— Очень рад встрече.— Он подал руку гостю и прибавил: — Жалую вам майора! Генерал! — позвал тут же Обручева.— Оденьте хана в мундир, попрошу к столу.

Спустя час произносились тосты. Махтумкули, разгоряченный шампанским и ошалевший от блеска и роскоши, вел себя довольно непринужденно. Офицерский мундир с эполетами делал его более мужественным и красивым. Царь время от времени заговаривал с ним и вселял в молодого майора отвагу.

— Чем теперь займется майор Махтумкули? — спросил государь у Обручева.

— Есть виды, ваше величество, подарить ему земли Теджена. Мы собираемся переселить туда из Мерва одно небольшое туркменское племя. Сейчас ведутся работы по возведению плотины на реке. После завершения плотины можно будет оросить до двухсот гектаров залежных земель.

— А как смотрит на такой подарок сам майор Махтумкули? — спросил государь.

Студитский перевел ему смысл беседы и вопрос государя. Махтумкули растерянно посмотрел на царя, затем на императрицу и опять припал на колено.

— Государь! — заговорил он, умоляюще заглядывая ему в глаза.— Верни мне мой Ахал! Там умер мой отец и родственники, там мой кяриз!

Студитский перевел просьбу. Царь пожал плечами и спросил у Обручева:

— А почему, собственно, вы не хотите поселить хана на его родине?

— Ваше величество,— ответил Обручев,— мы готовы, но вы отдали земли Ахала майору Тыкме-сердару. Помните, в мае позапрошлого года вы принимали его здесь же?

— Ах, вот оно что! — ободрился и улыбнулся царь.— Оказывается, все дело во мне. Ну а что, господин генерал, для Тыкмы не нашлось бы другой земли? Может быть, его отправить на Теджен? Или, еще лучше, на старое пепелище? Я помню, он тогда нам говорил о том, что имеет свое родовое поместье.

— Как прикажете, ваше величество.

— Ну так, майор, я разрешаю вам вновь поселиться в Ахале и пользоваться своими угодьями. Но не забывайте о налогах и податях.

Махтумкули припал к царской руке. Государь, выждав несколько мгновений, отстранил хана и попросил сесть. Императрица, следившая за беседой, недоуменно улыбнулась и взглянула на самодовольного супруга:

— Друг мой, но кто же будет править в Мерве, если ты переселишь Махтумкули-хана?

— Комаров, вероятно,— отозвался государь и посмотрел на генерал-майора, начальника Закаспийской области.— Александр Виссарионович, поясните императрице, как будет управляться Мерв.

— Слушаюсь, выше величество,— привстал и энергично кивнул генерал. Улыбнувшись царице, очень вежливо пояснил: — Все неурядицы в Мерве происходят оттого, что им правят четыре хана и каждый до сего времени претендовал занять место главного. Вот мы и решили, ваше величество, поставить над четырьмя ханами одного русского начальника. Ханы его будут слушать и подчиняться только ему. И между собой ссориться перестанут.

Государыня удовлетворенно кивнула. Царь, напротив, ужаснулся:

— Милейший, но ведь нужны и войска?!

— Только небольшой гарнизон в Мерве,— сказал несколько растерянно Комаров и посмотрел на Обручева.

— Позвольте, ваше величество, я скажу несколько слов? — попросил начальник Главного штаба.

— Сделайте милость,— отозвался царь.

— Мервский округ решено образовать по примеру округа Ахалтекинского. Опыт доказывает разумность такой формы правления,— доложил Обручев.— Земли Мерва разделятся на четыре части, в каждой — свой хан. Все ханы будут получать содержание от вашего величества по особой ведомости. Что касается охраны границ округа,— население Мерва будет содержать на свой счет фараджиев, по двадцати пяти человек при начальнике округа от каждого участка. Не более пятидесяти джигитов будет содержать и каждый из четырех ханов.

— Все равно мало, генерал! — возразил государь.— Вы же сами докладывали о реальной угрозе английских агентов со стороны Персии!

— В случае военных действий введем на территорию Мервского округа регулярные войска.

— А кто такие фараджии? — спросила императрица.

— Мусульманские солдаты, ваше величество,— сказал Обручев.

— Хорошо, генерал,— удовлетворился наконец ответами государь и предупредил: — За англичанами следите особо.

— Стараемся, ваше величество.

Государь оглядел сидящих за столом господ, остановил взгляд на Махтумкули-хане и произнес тост во славу дружбы

русского и туркменского народов. Позже, когда было произнесено еще несколько тостов, царь объявил, что скоро коронация, и пригласил всех присутствующих ехать с ним в Москву.

XX

Возвратившись из Гатчины, Студитский дал телеграмму отцу в Вышний Волочек, чтобы не ждал, а вышел к поезду. Отъезд — через три дня. «Но успеет ли старик получить телеграмму? — засомневался тотчас.— Может быть, выехать самому раньше, погостить у отца, а потом, когда будет проезжать поезд, сесть в вагон?» Задумка его тотчас рухнула, едва он сказал о ней майору из Главного штаба. Тот хмыкнул, покачал головой, и Студитскому стало ясно: вольности в Петербурге не поощряются. В любую минуту капитана могут вызвать в штаб, и, если его не окажется, произойдет неприятность.

Шаховские тоже собирались в Москву, и тоже на коронацию. Договорились ехать вместе. Разместились в одном вагоне. Как только поезд покинул петербургские предместья, вышли в коридор, к окну. За окном тянулись хмурые северные леса и овраги, на склонах лежал снег. Виднелись вдалеке серые стога сена и деревенские избы. Но скоро все скрылось в сумерках, и крупные звезды засветились по горизонту.

Княгиня, скрестив руки на груди, смотрела то на мужа, то на Студитского.

— Как переменчива судьба... Разве мое место в этом вагоне? — заговорила печально она.— Сейчас я могла бы быть при государыне, но увы! Теперь те, кто еще недавно заискивал передо мной, прячут или отворачивают от меня глаза.

— Лизонька, ради бога, не принижай себя,— попросил Шаховской.

— Но разве не правду я говорю, Серж? Если б ты знал, как меня пугает неловкая пустота глаз, которые раньше горели подобострастьем. А что, собственно, произошло? Фрейлина покинула царский дворец, а отец ее — министерское кресло. Я лишь с недавних пор поняла, сколько скудоумных людей в нашем обществе. Раньше я никогда об этом не задумывалась.

— Полноте, Лизонька...

— Я решительно не знаю, как мне жить,— продолжала она, не обращая внимания на замечания мужа.— Я не гожусь для провинциальной жизни. Меня совершенно не устраивает полусельский уют Чернигова, в котором я не нахожу себе места. Мне не нравится и Ялта с ее скучными вальсами и светскими сплетнями.

— Ну, останься подольше в Москве,— посоветовал князь.— Я поживу один, без тебя.

— Серж, ты не понимаешь. Просто я не могу жить без дела. Я не хочу бездельничать.

Капитан молча слушал разговор Шаховских и думал об отце: получил ли он телеграмму?

Вышний Волочек встретил Студитского смутными очертаниями множества изб. Поезд остановился, и сразу донеслось многоголосое карканье ворон на колокольне и деревьях. Капитан торопливо спустился с подножки на дощатый перрон и огляделся. Вокзал был освещен тремя фонарями. Едва поезд остановился, из вагонов вышли жандармы, встали у тамбуров.

Капитан не сразу отыскал отца. Пришлось прокричать столпившимся поодаль мужикам:

— Борис Иннокентьич Студитский, отзовись!

— Здесь я, Лева! — послышался взволнованный голос.

— Ну вот и встретились наконец-то! — обнял отца капитан.— Как ты тут? Писем давно от тебя нет: думал, случилось что-нибудь!

— А что тут может случиться, в этой глухомани? — радостно отвечал старик.— Разве что смерть. Помру — сообщат. Но если и сообщат, все равно на похороны не успеешь. Мерв-то твой черт знает где. Его и на карте российской нет. Ты хоть скажи толком, когда вернешься совсем? Не век же тебе бродить по свету! Сверстники твои давно все переженились, семьями обзавелись, а тебя и женщины не прельщают.

— Вернусь, только не совсем,— отвечал Студитский податливо.— Следующим летом обязательно на месячишко приеду. Отдохнем вместе. На охоту сходим, больницу твою посмотрю. Но если говорить начистоту, отец, то у меня к тебе просьба. Оставь к дьяволу свои деревни да приезжай ко мне. Там столько для лекаря дел! Все там у нас начинается заново.

— Ты думаешь, здесь дел меньше? — усмехнулся отец.— В эту зиму опять тифом людей покосило изрядно. Добиваюсь вот, чтобы земство леткую коляску с лошадью выделило. На телеге разве далеко уедешь? В Пскове, говорят, у лекаря казенный экипаж.

— Да неужто все дело в экипаже? — засмеялся Студитский.— Знаешь что, отец. Если так, то вот держи. Тут триста рублей. Я тебе на ремонт дома приготовил, но раз тебя заботит докторская коляска — купи себе.

— Да ты что! — оттолкнул деньги отец.— Да ты в уме? Сам-то с чем останешься? Я ведь тут в своем доме, а ты — на чужбине!

Капитан насильно сунул в сюртук отцу припасенные для него три сотни и застегнул пуговицы.

Сиплый пронзительный гудок заставил обоих замолчать. Капитан, еще раз обняв отца, побежал к вагону.

— Я еду в Москву, а оттуда в Мерв! Я напишу тебе!

— Прощай, Левушка! — услышал он сквозь стук колес.— Бог сбережет тебя! Прощай!..

Вернувшись в вагон, он не нашел у окна Шаховских — ушли в купе. Капитан прижался плечом к окну, прислонил ко лбу ла-

донь и стал всматриваться в ночь. Город медленно уплывал, тусклые огни терялись во мраке. Вот и последний огонек сгинул, и наступила темень.

XXI

Тыкма все лето был занят сбором налогов. Ездил в Арчман и Нохур, привез оттуда на сорока верблюдах ячмень и фрукты. После долгих разъездов отсыпался целые сутки. Отдохнув, собрался было в Асхабад, к начальнику уезда, но он сам пожаловал в Геок-Тепе. Въехал во двор с казаками, по-хозяйски поднялся на айван и позвал:

— Тыкма-ага, ой, Тыкма-ага, где ты?

Сердар, щурясь, вышел из темной комнаты.

— А, начальник... Заходи, заходи... Сам к тебе собирался.

— Долго ты, однако, не показываешься в Асхабаде. Ждал тебя, ждал, да и терпение лопнуло. Много ли зерна привез?

— Сколько мог — все привез,— отвечал Тыкма, усаживая гостя на ковер.— Какие новости, господин майор?

— Махтумкули от царя возвращается, вот и приехал я поторопить тебя малость.

— Зачем меня торопить? — не понял Тыкма.

— Затем, чтоб садился поскорее в седло да отправлялся в Беурму. Разве тебе неизвестно, что царь приказал вернуть Ахал Махтумкули?

— Господин начальник, за что такая немилость? — обиделся Тыкма.— Я верой и правдой царю служу, налоги собираю, хана Махтумкули помог в Петербург отправить! Теперь ты Тыкму гонишь за все хорошие дела.

— Да разве я гоню? — всплеснул руками Сполатбог.— Царь велел, а я только выполняю. Да и что тебе так дался Ахал? Неужто в Беурме хуже? Да и родина там твоя. Сам бог велел каждому на родине помереть, а тебе уже под шестьдесят.

— Значит, Тыкма вам больше не нужен? — засопел сердар и склонил голову.— Эх вы, где совесть у вас?

— Не сердись и не горюй, сердар,— попробовал взбодрить его Сполатбог.— Как получал, так и будешь получать свои триста рублей в год. Джигитов своих поведешь к Анненкову на дорогу, поможешь ему строить почтово-транспортный тракт и насыпь.

Тыкма долго молчал, нервно теребил бороду и снова заговорил:

— Да, начальник, значит, вот как получилось. Не по-людски получилось.

— Но ведь деньги тебе те же будут идти! — возмутился начальник уезда.

— А если я от ваших денег откажусь? — спросил сердар.

— Тогда прогоним тебя на Узбой, а в Беурму другого сердара посадим.

Тыкма опять задумался.

— Ладно, господин начальник. Спасибо за все царю. Тыкма будет служить ему верой и правдой. Давай угостимся немного.

После обеда он велел своим людям снять кибитки, грузить на верблюдов и отправляться в путь. Сам занялся сдачей зерна и кишмиша. Отворил двери сарая, небрежно указал на мешки:

— Вот все тут. С собой Тыкма ничего не возьмет, не беспокойтесь.

— Ты милостивый человек,— усмехнулся Сполатбог.— Мы тебе верим, как самим себе, так что поезжай. Без тебя разберемся, что к чему.

— Ладно, прощайте,— сказал Тыкма.

Войдя еще раз в дом, он взял двуствольное ружье — подарок Рерберга,— закинул его за спину, сел на коня и поскакал из Геок-Тепе прочь. В дороге догнал своих джигитов, послал тысячу проклятий царю, Махтумкули-хану и занял место впереди отряда.

На следующий день, подъехав к беурминской крепости, Тыкма увидел открытые ворота и выругался: «Все пошло по-старому, чтоб ты сдох, проклятый шайтан, за твои козни!»

На подворье, возле двух старых юрт, встретили Тыкму обе жены. По ним он не особенно соскучился. Лишь спросил, все ли хорошо в доме. Слуги бросились к нему, взяли коня, повели в стойло. Седенький старичок сопровождал Тыкму на айван и, усаживаясь рядом с ним на ковер, тараторил:

— Новости есть, сердар. Без новостей жизни нет. Неделю назад купцы с ситцем и шелком заезжали. А сегодня кизыларватский бахши у нас гостит. Приехал на той. Раньше он жил здесь, у тебя батрачил.

— Ты распорядись, чтобы джигитов накормили. А бахши сюда приведи: пусть и нам сыграет,— велел Тыкма.

Вскоре нукеры сердара заполнили подворье, уселись на кошмах. Жены и служанки Тыкмы понесли чашки с шурпой, чайники и пиалы. Только приступили к ужину — явился бахши.

— Я так и подумал, что это ты, Кертык,— скупо улыбнулся Тыкма.— Проходи сюда, ко мне, садись!

Кертык, поддерживая рукой дутар, который висел за спиной на веревочке, поклонился и сел рядом:

— С приездом вас, сердар-ага. Век вам жить и блаженствовать. Давно не виделись.

— Давно,— согласился Тыкма.— Ты-то, говорят, убежал к русским?

Кертык стыдливо пригнулся, однако нашелся что сказать:

— Тыкма-ага, я убежал к русским, а вы к ним с повинной явились. Говорят, вам большие деньги царь платит, а я от них копейки получаю.

Тыкма недовольно покривился, отвернулся от бахши и кашлянул в кулак.

— Мало платят, а живешь у них. Чем же у них лучше?

— Всем лучше. Они мне работу дали и жену в госпиталь устроили.

— Выходит, ты и жену себе нашел? — удивился Тыкма.— Откуда же она?

— Тыкма-ага,— тихонько похвастался Кертык,— помните тетушку Алтын? А у нее невестка была... Джерен... помните? Ну вот... Тетушка погибла в войну, а Джерен я к себе взял. Теперь живем с ней...

Тыкма, слушая своего бывшего батрака, даже выпрямился. Чуть было не подавился от услышанного. С опаской, как на преступника, посмотрел на него, потом перевел взгляд на джигитов.

— Подвинься поближе ко мне, Кертык,— попросил Тыкма.— Еще ближе. Вот так: чтобы никто не слышал, что скажу.

— Говорите, сердар.

— Вот видишь того нукера, который без тельпека, в одной тюбетейке?

— Да, вижу, Тыкма-ага.

— Это — муж Джерен. Он еще год назад вернулся из русского плена.

— Но вы же говорили, он погиб!

— Мало ли что я говорил.

Кертык почувствовал, как все поплыло у него перед глазами, а собственные ноги показались ему тоненькими как спички. Он зашарил в воздухе рукой, словно хотел опереться о воздух, и бессильно опустил руку на гриф дутара.

— Сыграй, сыграй,— насмешливо сказал Тыкма.— Сейчас у тебя такая радость — только петь.

— Тыкма-ага, пощадите меня.

— Играй, говорю!

И нукеры, сидящие поодаль, закричали:

— Сыграй, бахши!

— «Шесть красавиц» сыграй!

— «Кер-оглы» пусть споет!

Кертык с трудом собрал все свои силы, закачал головой и, ударив по струнам, запел:

Шесть красавиц встретил я в пути.
Ноги встали — не могу идти.
Шесть красавиц путь мне преградили!
Но какая лучше из шести?

Он пел и чувствовал, как трудно ему подчиняется собственный язык, как тяжелы его руки и какой болью переполнилось сердце. Он пел, выговаривая слова, а сам думал: «Если сейчас Тыкма скажет о том, что я увел у живого мужа жену,— смерть мне и ей. Эти, сидящие здесь, как псы кинутся в Кизыл-Арват, схватят Джерен и привезут сюда. Эти люди свяжут ее и меня, бросят у дороги и забросают камнями... потом коршуны растерзают нас... О аллах, смилуйся!» Кертык, ударяя по струнам, с

трудом оторвал взгляд от мечущихся по грифу пальцев и посмотрел вниз, туда, где сидели джигиты и тот, который назывался мужем Джерен. На лице того человека была начертана усталая тоска, и по тому, как он был спокоен, Кертык понял — бедняга пока что ничего не подозревает. «Сейчас я спою, и Тыкма сделает то, что и положено в таких случаях всякому порядочному и благочестивому мусульманину».

И Сона смеется надо мной:
Было шесть — не стало ни одной! —

допел Кертык и вновь молящими глазами уставился на Тыкму-сердара.

— Да, это так,— сказал Тыкма.— Теперь не стало ни одной.— И, подумав, пока джигиты обменивались впечатлениями о песне, спросил: — Кертык, кто же теперь твой хозяин?

— Царь — мой хозяин,— пролепетал Кертык.

Тыкма улыбнулся одними губами.

— Ты же сказал, копейки от русских получаешь!

— У меня паспорт русский, сердар-ага.

— Тебе рабочие помогли с паспортом?

— Да, сердар-ага. Ваня помог... моряк питерский...

— Молодец, Кертык, хороших друзей завел. Твои друзья знают о туркменских обычаях?

— Знают, сердар-ага. Они говорят, кое-какие наши обычаи очень жестоки. Мои друзья против калыма и против насилия. Они не платят калым за женщин.

— Значит, ты на них равняешься? Тебе наш обычай не нравится?

— Тыкма-ага, пощадите,— вновь взмолился Кертык и украдкой поглядел на бывшего мужа Джерен.

— Ладно, пой пока.

Кертык опять запел. Запел о пери Агаюнус и Кер-оглы. Пел долго, не прерываясь. Пел, не глядя на сидящих. Пел и смотрел то на пальцы, то на собственные ноги. Он не заметил, как встал Тыкма и отправился в покой младшей жены. Кертык ударил в последний раз по струнам, вывел высокую ноту и сказал усталым голосом:

— Друзья, если позволите, я отдохну?

Джигиты наградили его пение радостными восклицаниями и похвалой, стали расходиться. Кертык кинул за плечо дутар и тихонько затрусил со двора. Выходя, он подумал: «Тыкма ушел к жене. Пройдет час-другой, прежде чем он вспомнит обо мне,— надо бежать!» Кертык, оглядываясь по сторонам, пробрался к воротам, вывел коня в поле, сел в седло и поскакал. Подпрыгивая в седле, думал со страхом: «Только бы не спохватился раньше времени Тыкма! Только бы добраться до Кизыл-Арвата».

XXII

Вернувшись в Кизыл-Арват и увидев свою кибитку, Кертык с горечью подумал: «Стоит у всех на виду. Не спрячешься в ней. Тыкма теперь следом скачет. Не упустит он случая, чтобы не расправиться со своим старым батраком. Мало того, что я ушел от него, но еще и оскорбил сердара! О глупая моя голова!»

Стараясь сохранять самообладание, он остановился возле кибитки, привязал к жерди агила коня, умылся в арыке, снял сапоги у входа и только потом позвал:

— Джерен, ты здесь?

— Вий, люди! — с досадой воскликнула она.— Он еще спрашивает, здесь ли я? Но сам ты где был? Четыре дня тебя ждет Джерен, беспутный ты человек!

— Ладно, Джерен-джан, дай мне пиалку чая.

— Мурад, подай отцу чай,— сказала она сыну.— Да шурпу принеси, я на очаг поставила.

— Есть не буду, сыт,— отказался Кертык и подумал: «Вот и Мурад не знает другого отца, кроме меня, а я не знаю другого сына».

Прежде чем сесть на кошму, Кертык выглянул во двор и прислушался: нет ли подозрительных звуков? Стал пить чай, после каждого глотка настораживался. Джерен наконец обратила внимание на странное поведение мужа, спросила:

— Ты чего все время оглядываешься, Кертык? Как заяц на чужом огороде...

— Так оно и есть, Джерен-джан,— отозвался он и замолчал.

— Кертык, зачем таишь от меня что-то!

— Ничего, Джерен-джан, особенного нет, но надо нам поскорее бежать из этих мест.

— Ой, горе мне... Да чего же такое случилось?

— Случилось то, чего мы больше всего боялись,— сказал Кертык и осторожно посмотрел на Мурада. Потом перевел взгляд на Джерен.— Жив он...

Джерен вскрикнула, побледнела, потянулась рукой к вороту платья. Рука ее затряслась.

— Уедем отсюда, Кертык-джан,— произнесла, цепенея от ужаса.— Уходить надо, если он жив...

— Кого вы так испугались? — спросил Мурад, молчаливо следивший за странным поведением матери и отца.— Почему от меня скрываете? Разве я не должен знать своего врага?

— Сынок, не спрашивай... Зачем тебе знать не детское...

— Мурад-джан,— сказал спокойно Кертык,— ты, конечно, уже не маленький и понимаешь, что речь идет об опасности. Я не могу тебе сказать всего, но знай: твою мать и меня могут убить. В окрестностях появился человек, который может поднять руку на нас.

— Кертык-джан, надо уходить,— взмолилась Джерен.— Не надо ждать утра. Они могут прийти ночью, когда мы будем спать, и тогда сам аллах не спасет нас.

— Мама, давайте пойдем в госпиталь,— предложил Мурад.— И дяде Ивану надо сказать, и Петину, они сильные! Разве они не защитят нас?

Кертык задумался, отставил в сторону пиалу и чайник.

— Джерен-джан, я его видел рядом с собой... Я виноват перед тобой, Джерен... Это я уговорил тебя... Но я не могу жить без тебя... Я думаю так: может, они и не придут сегодня. Но все равно придут — не сегодня, так завтра. Поэтому не будем испытывать судьбу... Бери Мурада, и идите в барак к Петину, а я начну разбирать кибитку.

Когда жена и сын отошли и скрылись за дувалом, где стояли бараки рабочих, Кертык принялся вытаскивать колья, к которым крепилась кибитка. Он знал, что разобрать кибитку одному — занятие очень долгое. Он думал и о том, что увезти кибитку незаметно будет трудно: все равно люди увидят и скажут любопытным, в какую сторону поехал Кертык-бахши. Кертык уже снял с терима войлоки и сложил их, когда пришел Петин.

— Кертык, не горячись,— сказал канонир.— Зачем спешить? Страх — плохой помощник.

— Кертык, да ты что! — принялись его успокаивать и другие, узнав, в чем дело.

— Брось, Кертык, пороть горячку! — повысил голос Петин.

— Ай, отстань... Ты же знаешь наш обычай. Первый муж за Джерен большие деньги заплатил, Джерен — его собственность.

— Если дело в деньгах, то можно собрать их и вернуть первому мужу,— сказал Петин.— Я сам займусь этим.

— А честь? — возразил Кертык.— Разве вернешь ее?

Пришел мичман. Следом за ним Надежда Сергеевна. Узнав о случившемся, оба призадумались. Действительно, Кертык «наломал дров» по простоте душевной. Но надо было помочь другу, и мичман, взвалив чувал с вещами на плечи, отнес его к себе домой. Надя взяла два хурджуна — с лепешками и чашками... Гвалт, возникший вокруг кибитки, привлек внимание горожан. Вскоре собралась целая толпа; люди спрашивали друг у друга, что произошло, почему бахши ломает юрту. Понять, что случилось, никто не мог. И вот уже появился пристав с тремя конными казаками.

— Эй, Кертык-бахши, ты что — с ума сошел?! Зачем тебе понадобилось среди ночи кибитку ломать?

— Провинился среди своих... Бежать хочет,— пояснил кто-то приставу.— Не уйдет — к утру голову снимут.

— Не снимут,— рассудил пристав.— Он пачпортный. А снимут — ответят по всем строгостям закона.

— Когда снимут, тогда и закон нипочем!

Столпившиеся принялись шутить и дерзить. И пристав сказал:

— Ну-ка, казаки, возьмите бахши с собой. В приставстве потолкуем. И свидетелей парочку.

Кертыка взяли под руки. Мичман оттолкнул казаков, сказал приставу:

— Он пока что не провинился. И без помощи может обойтись. А в свидетели возьми меня, господин пристав. И гляди, если что случится с Кертыком и его женой — пеняй на себя!

— Ишь ты, распорядитель,— недовольно пробурчал пристав. Однако, зная, с каким почтением относятся к бывшему мичману кизыларватцы, сказал беззлобно: — Ладно, пойдем, на месте разберемся.

Вскоре все сидели в мрачной каморке, толковали о происшедшем. Пристав составлял протокол и приговаривал сквозь зубы:

— Вот она, туземная служба! Только вчера получил телеграфный рескрипт от Комарова, что Тыкма-сердар переводится в Беурму. А сегодня этот Тыкма уже счеты старые сводит. Придется завтра послать к нему своих казаков. Пусть поговорят как следует.

Кертык молчал и хмурился. «Может быть, Тыкма и не думает о расправе? Может, и не скажет мужу Джерен, где она и с кем? Я сам наделал шуму... Ох, жизнь...»

XXIII

От пристава допрошенные ушли в полночь. Кибитка так и осталась наполовину не разобранной. Ночевал Кертык в бараке у Петина. Встал очень рано, поскольку за ночь не сомкнул глаз, думал, как ему жить дальше. Сидя на крыльце барака, он смотрел на свою кибитку. Чья-то черная собака бегала около нее, обнюхивая кошмы и кундюки. «Сатана проклятая!» — выругался Кертык и решил отогнать ее. Он встал и уже направился к кибитке, но тут увидел несколько всадников-туркмен. Среди них был и Тыкма-сердар. Сердце у Кертыка заледенело, язык сделался чужим. Он опустился на корточки и стал следить, что же будет дальше.

Всадники слезли с коней, окружили кибитку. Несколько человек один за другим кинулись внутрь. И тут из засады выскочили вооруженные казаки с самим приставом.

— Стой, ни с места! — заорал он не своим голосом и три раза подряд выстрелил вверх из пистолета.

Во дворах залаяли собаки, закудахтали куры, из дворов начали выглядывать любопытные. Тыкма, оказавшись в окружении казаков, злобно нахмурился.

— Господин поручик,— сказал он приставу,— хозяин этой кибитки — мой батрак. Я приехал взять его и увезти в Беурму.

— Не дури, Тыкма, не дури! Все знаем! — властно заговорил пристав.— Мстить ты приехал — вот зачем ты приехал. Комаров тебя в Беурму спровадил, а ты в отместку разбоем занялся. Ну-ка, пойдем в приставство — там разберемся.

Джигиты, видя, что их сердара берут под стражу, попытались вырвать его из рук казаков, но только усугубили дело. Казаки подняли стрельбу. А пристав распалился еще пуще. Введя Тыкму-сердара в канцелярию, приказал ему, чтобы написал клятвенное обязательство, что ни сам сердар, ни его люди не тронут Кертыка и Джерен. И когда Тыкма сделал, что от него требовали, пристав пригрозил:

— Ты думаешь, сердар, на тебя управы нет? Если случится злодеяние и с меня потребуют ответ, я тебя в Сибирь загоню! Тебя в сибирские рудники загоню, а сына твоего, который обучается в Петербурге, вовсе со свету сживу!

Тыкма смотрел на пристава и терпеливо ждал, пока он успокоится. Затем сказал:

— Ты не похож на царского слугу... Ты защищаешь оборванцев.

— Глупец ты, Тыкма,— усмехнулся пристав.— Да если я тебе отдам на расправу этих оборванцев, весь Кизыл-Арват на ноги поднимется. Разнесут твою Беурму. Тут таких голодранцев тыщи две, а то и больше. Начнется бунт — тут и тебе и мне несдобровать. Обоим место найдется. Если бедняки не убьют, так царь за неисправную службу разжалует и в тюрьму упечет! Так-то вот, сердар. Ступай и поразмысли как следует... Нам с тобой вместе жить, а потому надо жить с умом и рассудком!..

Тыкма возвращался в Беурму мрачнее тучи. Джигиты встретили его возле гор. Бывший муж Джерен пригрозил в гневе:

— Тыкма-ага, это несправедливо! Я все равно убью их, как велит наш обычай! Убью, как паршивых собак!

Тыкма-сердар молчал. Он думал о холодной Сибири, которую никогда не видел, но представлял по рассказам других. При мысли, что может он оказаться в вечной зиме на рудниках, у него по телу прошел мороз. Затем Тыкма подумал о сыне Оразе, представил огромный дом кадетского корпуса, генералов, офицеров. «Время летит быстро: не успеешь оглянуться, Ораз станет офицером, потом, может быть, и генералом». И, вспоминая угрозы кизыл-арватского пристава, Тыкма мысленно стал оправдывать его: «Действительно, поручик — умный человек. Конечно, он заботился только о своей шкуре, но, оказывается, у нас с ним шкура одинаковая!»

В Беурме, когда джигиты стали разъезжаться по домам, Тыкма сказал мужу Джерен:

— Не спеши, заедем ко мне, угостимся... Подумаем, что надо делать.

Войдя в кибитку, Тыкма усадил гостя, сам сел напротив, спросил, сощурив глаза:

— Значит, хочешь обоих убить?
— Да, сердар-ага! Так велит обычай, начертанный аллахом.
— Ты не станешь убивать их,— спокойно возразил Тыкма.
— Клянусь аллахом, я расправлюсь с ними!
— Ты не подумал, что ожидает меня, если погибнут несчастные!
— Я все равно сделаю свое дело, если даже потом умру!
— Нет, ты должен умереть раньше,— сказал со вздохом Тыкма, вынул из-за кушака пистолет и застрелил джигита.

XIV

Было около девяти вечера. Над Кизыл-Арватом опускались сумерки, укрывая согретые солнцем темно-сиреневые горы. На станции попыхивал паровоз, закатывая во двор железнодорожных мастерских несколько цистерн с нефтью. Оттуда же доносился лязг металла: слесари-паровозники клепали котел.

Надя, поджидая мичмана — он должен был вот-вот вернуться из поездки,— гладила ему рубашки. Стояла на веранде у стола, изредка поглядывая через перила на играющих во дворе соседских детей. Вдруг прибежал Петин:

— Беда, Надежда Сергеевна! Черная оспа! Самарин послал к вам.

— Да ты что, откуда ей взяться? — удивилась, не поверив, Надя.

— Часа два назад люди Софи-хана привезли из ущелья туркмена,— торопливо принялся рассказывать канонир.— Привезли, положили на кушетку... Осмотрел его Самарин и сказал: беда, дескать, пришла, черная оспа налетела. Больной покорчился, посинел, да тут же и умер. Туркмены сломя голову бросились бежать. А Самарин... Он же с больным голыми руками возился.. Ощупывал сначала, осматривал... Вышел и говорит: «Близко ко мне никому не подходить, вероятно, я заражен оспой». Мы испугались, отшатнулись от него. А он распорядился: послал меня в Лабинский полк, чтобы казаки преградили вход в ущелье и никого не выпускали и не впускали. А потом — к вам. Скажи, говорит, чтобы вечером в железнодорожном собрании Надежда Сергеевна беседу провела с жителями: всем прививки будем делать.

— Ох уж этот Самарин, барышня кисейная! — недовольно выговорила Надя.— Он недавно спутал обыкновенный фурункул с проказой. Как бы и на этот раз не поднял зря панику!

Самарин, молодой врач, окончивший медицинскую академию, совсем недавно принял госпиталь. Он сразу не понравился Наде. Низенький, щупленький, белобрысый, с синими глазами. Начал с того, что отыскал «проказу», увидев возле железной дороги, на базарчике, туркмена с фурункулом на лице. Туркмена силой скрутили и, чтобы изолировать, отвезли домой, в аул.

Надя в перчатках и маске, соблюдая все предосторожности, в тот же день явилась к нему и через несколько дней вылечила: «проказа» оказалась самым обыкновенным фурункулом.

Надя не спеша догладила рубашку, залила водой горящие угли в утюге, переоделась и пошла в управление железной дороги, к начальнику участка. Тому уже сообщили об оспе, и его лихорадило от страха.

— Может, вывезем людей к морю, на свежий воздух? — сказал он уныло.

— Да вы что, господин Мгебров? Карантин! Только карантин, и никакой эвакуации! В противном случае болезнь переметнется и на Россию, и на Кавказ. Если действительно оспа, будем делать прививки. Пойдите в собрание, скажите, чтобы прекратили показывать «волшебные картинки». Я поговорю с рабочими.

В кабаке, напротив железнодорожного клуба, играла гармошка. Рабочие — некоторые прямо с работы, другие, уже переодевшись в чистое,— толпились у стойки, над которой возвышалась винная бочка. Большеносый армянин, звякая медяками, наливал в стаканы сухое вино. В клубе аппаратчик показывал «волшебные картинки».

— Ну-ка, приятель, выключи свою ерундовину! — приказал Мгебров и вышел вперед.— Несите-ка стол! — тут же раздался его голос.

Железнодорожники недовольно зашикали на него, засвистели. Мгебров, пока устанавливали стол, сам зажег лампу и пригласил Надю.

— Господа,— сказал он взволнованно,— граждане рабочие. Прошу не ругаться и выслушать внимательно... Оспа у нас в поселении завелась. Вот так. Дело не шуточное. Предоставляю слово старшей сестре милосердия Батраковой... Только потише, граждане, не шумите. Шумом черную оспу не прогонишь... Начинайте, Надежда Сергеевна.

Мгебров так многозначительно посмотрел на Надю, словно отправлял ее в бой. Надя прошла к столу. Сердце ее забилось учащенно, дыхание стало прерывистым. Давно уже так не волновалась. И заговорила не своим голосом:

— Прежде всего... Не пейте сырой воды!

— А мы ее и не пьем! — донеслось со скамьи.— Мы вино пьем. Говорят, кто вино пьет, того никакая зараза не берет.

Сидящие дружно засмеялись. Мгебров начал призывать публику к порядку. Сначала словами, а затем постучал карандашом по графину.

— А в графине-то вода кипяченая? — спросили из первого ряда.

— Отставить разговорчики! — прикрикнул Мгебров.

— Оспа...— вновь обрела голос Надя.— И особенно черная оспа — болезнь очень опасная. Переносится она ветром. С завтрашнего дня начинаем всему населению города прививки... На

железной дороге — тоже. А сейчас, во избежание неприятностей, советую вам расходиться по домам.

Ошарашенный страхом, рабочий люд хлынул к своим баракам.

XXV

На рассвете у входа в ущелье затрещали выстрелы и полетели вверх ракеты: это лабинцы возвращали назад кочевников, перепуганных налетевшей смертью и рвавшихся к городу. В крепости и вокруг нее дехкане зажгли костры, отгоняя черным дымом «ангела смерти». Жители Кизыл-Арвата робко топтались у бараков или совсем не выходили во двор, занавесив окна одеялами. Начальник участка все-таки не устоял перед искушением сбежать подальше от оспы: сел в паровоз и отбыл к Михайловскому заливу. Железнодорожники, работавшие вблизи города, последовали его примеру. Их городок на колесах откатился к морю и затаился у Балханских гор.

Сестры милосердия, повара и вся иная госпитальная прислуга повязали на лицо марлевые салфетки. Петин запряг верблюда в арбу и погрузил на нее бак с карболкой. Были приготовлены в дорогу фургоны. Врач Самарин объявил, чтобы медики были начеку: как только привезут вакцину, медперсонал выедет в ущелье, к месту очага болезни. Сам он, закрывшись в кабинете, никого к себе не подпускал. Сестры милосердия переговаривались: может, уже температура у начальника, помочь бы ему надо, а он заперся на ключ.

Самарин между тем сидел в кабинете за столом. Глаза у него были воспалены. Время от времени он заговаривал сам с собой, наливал в стакан из фляги медицинского спирта и пил, не закусывая. Если б не запах спирта из докторского кабинета, никто бы и не узнал о его состоянии. Первым начал принюхиваться Петин и догадался: «Врач отгоняет опасную заразу». Принялись стучаться к нему в дверь. Сначала он не отвечал, а потом начал просить, чтобы оставили его в покое и дали спокойно умереть.

— Господин Самарин! — окликнула его Надя.— Что за метод лечения вы избрали? Не лучше ли сделать прививку?

— Поздно, Надежда Сергеевна! — громко и возбужденно отвечал он из-за двери.— Если микроб попал в организм, никакая прививка не поможет. Единственное средство — чистейший медицинский спирт, и я его применяю... Идите по дворам, не сидите сложа руки. Население надо готовить к прививкам!

Немного позднее, когда постучались к нему, Самарин не ответил. Заглянули в окно и увидели его спящим: спал он, уронив голову на стол и раскинув по всему столу руки.

Вакцину привезли на другой день. Медички тотчас приступили к делу: пошли по домам. В Лабинском полку прививал оспу полковой фельдшер. Самарина опять потревожили, реши-

ли во что бы то ни стало и ему сделать прививку. Очнувшись от долгого тяжелого сна, он вновь наполнил стакан, выпил, встряхнул головой и подчеркнуто твердой походкой вышел из кабинета.

— Всех на борт! — скомандовал лихо.— Запрягайте коней и садитесь в повозки, пойдем на печенегов! Кто мне никому не подходить, кроме бравого канонира Петина!

Петин вывел лошадей из конюшни, подвел кобылу к начальнику, помог ему сесть в седло и сам вскочил на коня.

— Надежда Сергеевна! Где она? Ах, вы здесь! Очень приятно. Следуйте за мной. Пункт назначения — ущелье, аул Чопаната. Берите всех... Поваров тоже!

— Хорошо, хорошо, господин начальник,— торопливо согласилась Надя и, отойдя к повозкам, в какой уж раз недоуменно пожала плечами: — Боже мой, что с ним творится! Он совершенно пьян.

Три фургона, телеги и арба с карболкой потянулись через железную дорогу к мрачным отрогам гор. Солнце уже село. Темнота наступающей ночи быстро охватила небо над горами и пустыней, и одна за другой появлялись на небе звезды. Ночь повеяла холодом. Казалось, он выползал из каменных скал. В темноте по всему ущелью — и в низине, и высоко в горах — горели костры.

Ночная прохлада отрезвила госпитального начальника. Сначала он куражился, всячески демонстрируя свое пренебрежение к смерти. Выкрикивал лихо и задиристо:

— Все умрем! Всему миру придет смерть. Вся лишь разница — один умрет сегодня, другой — завтра! Так давайте же не будем унывать!

Потом тихонько запел какую-то заунывную песню. И Петин тихонько принялся одергивать его:

— Ваше благородие, неловко петь-то, когда кругом гуляет смерть. Услышит, что над ней издеваются, что не уважают ее, возьмет да и накинется на нас.

— Не накинется... Это только суеверных она страшит, а меня, брат ты мой, так просто не возьмешь!

Но постепенно он замолчал: холод вышиб из него весь хмель. Сидя на лошади, он ежился, сутулился и молчал, думая о своем. Он думал о возможной гибели, которая вот-вот навалится на него и схватит за горло. Он не сомневался, что заразился от больного туркмена. Он только не мог вспомнить, с чего начинается оспа: с озноба и высокой температуры или сначала появляются на теле пузырьки? Мрачные мысли заставили его остановить коня и дождаться, пока подъедут фургоны. Когда повозки поравнялись с ним, он пристроился сбоку.

— Простите, я никого не вижу в темноте,— проговорил он вяло.— Госпожа Батракова здесь или во второй фуре?

— Здесь я,— отозвалась Надя, услышав совершенно трезвый голос Самарина.

— Надежда Сергеевна, вы не помните, в какой последовательности проходит болезнь? Признаться, я забыл.

— Сначала поднимается температура,— словно на студенческих занятиях, начала отвечать Надя.— Температура довольно высокая, до сорока градусов... Это, так сказать, скрытый период болезни. Затем, примерно через трое суток, начинается сыпь в виде водяных пузырьков... Иногда это пузырьки кровавые...

— Ох, боже мой, страхи-то какие,— удрученно проговорил канонир.— Лучше не рассказывайте, и без того страшно.

— У вас далеко градусник? — спросил Самарин.— Если не трудно, измерьте мне температуру, что-то голова побаливает. Только не прикасайтесь ко мне... Ради бога, подальше...

Надя передала ему градусник, он сунул его под мышку и опять уехал вперед.

— Голова у него болит от спирта, хотя и говорят, что от чистого спирта человек бывает как стеклышко. Не похоже, чтобы заболел оспой,— заговорил вслед начальнику Петин.

Самарин вновь подождал их на обочине и вернул градусник. Надя поднесла термометр к фонарю:

— Тридцать шесть и восемь! Совершенно нормальная температура. Зря вы беспокоитесь. Наверное, и пить не следовало.

Он промолчал.

XXVI

Примерно в полночь подъехали к карантинному посту. Офицер, вышедший из темноты навстречу повозкам, сказал:

— Здесь вероятный очаг. Вон, видите, костер у кибиток? Там бог знает сколько трупов. А кто остался жив, все сбежали в горы.

Офицер разрешил поставить повозки во дворе. Вскоре фуры стояли у каменной стены, рядом с которой рос кустарник и распевали на все лады лягушки. Казаки обследовали место и сообщили: возле кустов колодец, вода солоноватая.

— А вы что, уже воду попробовали? — испугалась Надя.

— Ох, мама родна! — еще больше испугался казак, тот, что испил воды из колодца.

Другие казаки зароптали, принялись ругать приятеля за опрометчивость: место заразное, а ему хоть бы что, одна лишь дурь в башке! Казак тихонько заплакал. Надя подала ему флягу со спиртом.

— Выпей глоток и успокойся.

Служивые сразу оживились.

— Сестрица, так я тоже пил из того колодца,— признался один из казаков.

— И я пил,— сказал другой.

— А кто ее знал, что вода в нем чумная или оспяная! — проговорил третий.

Фляга со спиртом пошла по рукам, и вскоре ее вернули Наде опустошенной.

— Дай бог, чтобы и завтра такой же колодец встретился,— сказал облегченно один из казаков.

— А спирту вы много взяли с собой? — спросил другой.

— А то, может, сразу и выдадите его нам, чтобы всякий раз за ним не ходить? — сказал третий.— И вас бы меньше беспокоили, сестрица.

Казаки дружно засмеялись. И Надя поняла, как ловко они провели ее.

— Ну и доки! — смеялась вместе с ними она.— Ну и обманщики!

— Да потише вы! — рассердился Петин.— Послушайте, что там такое?

Смолкли все разом и услышали окрик сторожевого казака. Кинулись туда, к часовому, и вскоре вернулись с молодым чернобородым туркменом. Он был в огромном тельпеке и чекмене. В руках держал палку. Тотчас подошел Самарин.

— Кто такой?

Гость заговорил, и Петин перевел:

— Говорит, что в кибитке у него поселилась оспа. Все у него умерли.

— Черт бы вас побрал! — неожиданно выругался Самарин.— Что же вы посадили с собой незнакомого человека?

Казаки и сестры милосердия, стоявшие за спиной гостя, испуганно отшатнулись.

— Господин начальник, еще не поздно сделать туркмену прививку,— сказала Надя.

Петин передал сказанное Надей туркмену. Гость тотчас вскочил с камня, на котором сидел, и принял оборонительную позу. Зрачки его испуганно засверкали, а руки сжали палку. Он был готов в любое мгновенье вскинуть ее и обрушить на головы медиков.

— Дорогой, зачем ты боишься? — сказал Петин.— Я сам вчера сделал прививку и сегодня чувствую себя на седьмом небе. Это совсем не больно: одна незначительная царапинка.

Туркмен закивал головой. Но как только увидел, что Надя полезла в полевую сумку и достала из нее пузырек, он вскрикнул и кинулся в темноту. Он отбежал шагов на двадцать и скрылся бы совсем, если б не казаки.

— Лови туркменца! — закричал кто-то, и служивые всем скопом бросились за ним.

В темноте лишь было слышно, как перекликались они да ошалело вопил бедняга туркмен. Его опять привели к костру, но уже связанного.

— Вах, братишка! — взмолился он, глядя на Петина.— Лучше возьми ружье и застрели меня, только не коли иголкой!

— Засучите ему рукав,— приказала Надя.

Петин оголил туркмену руку, Надя помазала ее спиртом, от

запаха которого гость захныкал, и маленьким железным перышком несколько раз царапнула намазанное место.

— Ну вот и все,— сказала удовлетворенно.— Развяжите его.

Туркмен облегченно вздохнул...

Успокоившись, казаки и медики расположились на покой в стенах сторожевого поста. Одни легли в телегах, другие — прямо на земле, подстелив шинели. В горах стояла гробовая тишина, словно прокатившаяся по ним черная оспа уничтожила все живое. Красный серп луны, взошедший над хребтом, почти не освещал ущелье. Темнота наводила на казаков ужас, а серп луны казался окровавленным.

— Ой-е-ой-еей! — вдруг разнеслось по ущелью.— О-о-о, бай бо-о!

Казаки вскочили с земли, медики слезли с телег.

— Шакалы, что ли, воют? — проговорил Петин.

— Да нет, это человеческий голос,— сказал казак.

— Человеческий,— подтвердил другой.

И тут снова донеслось сверху, с самой вершины горы:

— Ой-е-ей!

— Там человек,— сказал Петин и подошел к Самарину.— Ваше благородие, вроде бы сумасшедший орет!

Из караулки, небольшой каменной хижины, вышел офицер, сказал:

— Оттуда все и началось. Там и есть очаг оспы. Эй, яшули,— спросил он у туркмена,— кто там может кричать?

— Там живут чабаны,— ответил туркмен и тут же предупредил: — Но это не чабан... Это ангел смерти, Азраил. Он ходит по горам, всех осыпает черной смертью. Возьмите ружья и стреляйте, а то он сюда придет!

Казаки усмехнулись, но явно передрейфили. Наступила тишина. И тут опять донесся громкий душераздирающий вопль. И всем показалось, что он где-то совсем близко: словно сумасшедший или «ангел смерти» спустился до половины горы и подбирается к военному посту. Когда вопль разнесся еще раз, офицер вынул из кобуры пистолет и выстрелил вверх. Эхо выстрела разнеслось по горам, и на время вновь воцарилась тишина.

Вопли до утра повторялись неоднократно и никому не дали уснуть...

Утром несколько казаков, взяв ружья, отправились в гору. Прошли с полверсты, но ничего особенного не приметили. И только когда подошли к утесу, под которым протекал ручей, вновь с высоты послышался вопль и на казаков посыпались камни. Ошарашенные казаки отступили и, полные недоумения и страха, вернулись на пост. Стали совещаться, кто бы это мог быть и что предпринять.

Проговорили до полудня, решили подняться на гору с двух сторон. Если «ангел смерти» будет кидать камни в одних, то другие зайдут к нему со спины. Зарядили винтовки, взяли с собой запасные патроны, набив лядунки.

На этот раз возле утеса их никто не встретил. Когда они поднялись на вершину, то увидели ровное небольшое плато и на нем несколько кибиток. Возле них не было ни души и царила жуткая тишина. Озираясь, подошли ближе.

— Петин, ну-ка загляни,— сказал Самарин.— Может, кто-нибудь есть?

Петин откинул висевший у входа мешок, посмотрел внутрь юрты и с ужасом отшатнулся.

— Там он,— сказал, помертвев.— Много их там...

Канонир вновь отбросил мешок, и тут грянул выстрел. Следом за выстрелом из юрты выскочил бородатый человек с ружьем и крупными скачками побежал прочь. Казаки бросились следом, крича, чтобы он остановился, но бесполезно. Добежав до отвесной скалы, он по-сумасшедшему, дико взревел и бросился в пропасть.

Петин лежал вниз лицом. Ружейный заряд попал ему в грудь. Он был мертв, и под грудью темнела застывшая лужа крови. Самарин с помощью казаков перевернул его на спину, закрыл остекленевшие глаза.

— Как жестоко, как жестоко... Как нелепо,— заговорил потерянно и распорядился: — Ну, что же вы стоите, казаки? Несите убитого вниз.

Четверо казаков подняли Петина и начали спускаться с горы. Остальные пошли, заглядывая в кибитки. В той, где застрелили канонира, казаки увидели на полу мертвую женщину и двух копошащихся детей. Они были в гнойных струпьях. Пренебрегая опасностью, солдаты вынесли их на свет и, завернув в мешковину, понесли в лагерь.

XXVII

Отряд всадников в косматых папахах продвигался по широкому каменистому большаку из Тегерана в Мешхед. Дорога была старой и изношенной: промоины, рытвины, валуны, скатившиеся с гор. Построенная еще шахом Аббасом в конце XVI столетия, она ежегодно пропускала бесконечное множество паломников, направлявшихся в Мешхед к мавзолею святого имама Резы. По ней проходили шахские сарбазы, и долбили ее копытами кони во время частых войн Персии и Афганистана за Герат. В наиболее диких местах, в ущельях и песках, которые пересекала дорога, постоянно водились разбойничьи шайки. Днем грабители служили при постоялых дворах, в кафе-хане [1], а ночью выходили на разбой и со спокойной совестью убивали и грабили паломников.

С начала XIX века тегерано-мешхедский тракт облюбовали английские военные. По нему они выезжали в Хорасан, Герат

[1] Кафе-хана — кофейный дом, кофейня.

и к границам Ахала и Мерва. По нему водили наемных вояк и угрожали России захватом среднеазиатских ханств. В Хорасане, неподалеку от этого большака, в пограничном городе Каф, располагалась резиденция полковника Стюарта. Отсюда он время от времени отправлялся в Тегеран, получал инструкции и возвращался вновь.

Отряд всадников, в папахах и халатах, вел из Тегерана полковник Стюарт. Маскировка, однако, не могла скрыть его серые глаза и рыжую бородку. В каждом придорожном селении, как только слезали с коней всадники и шли в кафе-хану, тотчас разносился слух: «Приехали англичане».

Стюарт не особенно спешил, но и не задерживался долго на ночевках. Из Тегерана он выехал в тот самый день, когда пришла депеша английскому послу Томсону из Петербурга: «Коронация в Москве закончилась. Ханы отправились в Мерв». До этого Стюарт все лето находился при английском посольстве, жил в летней резиденции посла, на окраине Тегерана, близ гор, в местечке Нигаристан. Вел переписку с Ост-Индским командованием в Дели, с лондонскими газетами, подстрекал Томсона, чтобы тот вынудил шаха Насретдина на вторжение персидских войск в Мерв, ибо туркменские ханы на весь мир объявили о скором добровольном вхождении Мерва в состав России. Томсон побывал у шаха, однако Насретдин не дал определенного ответа, а советники русского посла в Тегеране узнали об этой тайной беседе. Тотчас посол Зиновьев встретился с шахом и дал понять ему, что России небезразлично, о чем говорил Насретдин-шах с англичанами. В дальнейшем шах стал избегать встреч с послом Великобритании; и когда тот настоял на официальной аудиенции, шах заявил, что не может поступиться дружбой могучего и доброжелательного соседа, каковым является Россия.

Стюарт возвращался в Хорасан расстроенным и озабоченным. Вместе с Томсоном они состряпали хитроумный план вторжения в Мерв, и теперь Стюарт ехал в Мешхед, чтобы осуществить замысел.

На пятнадцатые сутки пути Стюарт увидел минареты и мечети Мешхеда. Отряд английского разведчика проехал сквозь толпы по хиабанэ-базаре — базарной улице, протянувшейся из конца в конец через весь город, и остановился у цитадели хорасанского наместника. Англичанам открыли ворота. Сам наместник, сепахсалар азам Мушир-од-Доуле, встретил на айване Стюарта. Поклонился, подал обе руки и встревожился, увидев напряженный взгляд полковника. После традиционных приветствий и вопросов о здоровье и благополучии сепахсалар дал возможность гостю смыть дорожную пыль и принял его в своей комнате, украшенной арабесками и глазурованными плитками. В центре комнаты источал прохладу небольшой фонтан. Около него возвышалась тахта, закрытая ширазскими коврами, на которых стояли блюда с угощением. Сепахсалар усадил англичанина,

предложил чашку шербета, спросил, хорош ли напиток, и только потом задал первый вопрос:

— Что угодно моему английскому другу?

— Дорогой сепахсалар, вам известно, что три самых влиятельных человека Мерва всю весну и лето находились в России и теперь возвращаются назад?

— Да, полковник. Я внимателен к тому, что происходит в мире.

— А о том, что все они надели русские погоны и теперь хотят надеть русские шапки на весь народ Мерва, знаете?

— Знаю, господин Стюарт. Вы задаете мне такие вопросы, словно я — не сепахсалар, а уличный водонос.

— Дорогой Мушир-од-Доуле, тогда я перейду от вопросов к предложениям,— сказал Стюарт.— Надеюсь, вы согласны со мной, что надо помешать России? Если мы не сделаем этого вместе с вами, то мне не простит моя королева, а вам...— Стюарт замешкался.

Сепахсалар уныло сказал:

— Шах предупредил, чтобы я не вмешивался ни в какие дела, касающиеся северных границ Персии. Он говорит, это дело англичан.

— Дорогой сепахсалар, но англичане без вашей поддержки бессильны что-либо предпринять! — повысил голос Стюарт.

— Я не верю этому, полковник,— возразил сепахсалар.— Англия диктует условия всему миру. Почему ваш петербургский посол не стукнет кулаком по столу русского государя?

— Это невозможно. Наш российский посланник бессилен остановить русский произвол. Не позволяют обстоятельства. Кроки О'Донована привезены русскими офицерами в Главный штаб России и показаны корреспондентам всех европейских газет. Теперь уже не Россию, а нас обвиняют в стремлении захватить Мерв. К тому же ханы заявили журналистам, что прибыли в Петербург по доброй воле и ожидают от русского государя милости к народу Мерва.

— Да, это очень серьезные дела, полковник,— раздумчиво произнес сепахсалар.— Если Персия поддержит англичан, то из этого ничего хорошего не выйдет. Я понимаю, почему шах не велел мне вмешиваться.

— Но вы не станете вмешиваться силой оружия! — наставительно заговорил Стюарт.— Вы пошлете со мной письмо, от своего имени, ко всем ханам Мерва, чтобы прогнали от себя Махтумкули-хана, Бабахана и других, продавшихся России. Вы напишете в письме, чтобы ханы и весь народ Мерва поскорее подали прошение о подданстве Насретдин-шаху. Если нам удастся склонить на свою сторону хотя бы нескольких влиятельных людей Мерва, то мы введем туда войска по их просьбе и помешаем России! Вы понимаете меня, сепахсалар?

— Это невыполнимо,— подумав, возразил хорасанский на-

местник.— Переступить границу Мерва я могу только по приказу самого Насретдин-шаха.

— Не бойтесь, сепахсалар. Сделайте исключение!

— Нет, полковник, я не сделаю исключения. Мне дорога моя голова и должность наместника Хорасана.

Стюарт задумался, и лицо его исказила злая улыбка.

— Вы уверены, что наместников назначает шах?

— Мне неприятен этот разговор, господин Стюарт. Угощайтесь, пожалуйста,— слезливо заговорил сепахсалар.— Жареный кеклик даже в наших местах — редкость.

— Спасибо, ваше мясо такое жесткое, что застревает у меня в зубах, вероятно, недожарилось.

— Может быть,— согласился наместник.— Мои повара так спешили, увидев гостя, что могли и недожарить.

— Да, сепахсалар,— сказал обреченно, но с некоторой угрозой Стюарт.— Вы в последнее время изменились... Настолько изменились, что вряд ли сумеете защитить свой Хорасан, если нападут на него туркмены.

— Господин полковник, вы говорите со мной невежливо,— напомнил сепахсалар.— Я могу принять ваши слова как оскорбление. Такого еще не было, чтобы хорасанцы не могли защитить себя от туркмен и не наказать их. За себя мы всегда постоять можем, но ваши интересы мы не обязаны поддерживать.

— Прекрасно,— усмехнулся Стюарт.— А то я думал, что и себя вы защитить не сможете...— Он встал с тахты.— Не буду вас более задерживать, дорогой Мушир... Проводите меня...

— Как вы неблагодарны, господин полковник,— растерянно залепетал сепахсалар.— Я делаю все, чтобы моим друзьям-англичанам было хорошо, а вы не хотите понять моего затруднительного положения.

— Я все прекрасно понял, сепахсалар. Желаю вам удачи!

Стюарт вышел на айван, спустился во двор и распорядился, чтобы его люди седлали коней.

XXVIII

Пароход «Персиянин», на котором прибыл генерал Комаров со свитой и ханами, бросил якорь у острова Рау, в семи верстах от Михайловского поста. Каспий в последние три года помелел, пришлось пересаживаться на паровой катер.

Генерал подождал, пока спустятся по трапу все офицеры и штатские, ехавшие с ним из самой Москвы, затем позаботился о ханах и о себе. Им оставили место на скамейке, рядом с мотористом. Сев и положив на колени планшетку, Комаров огладил черную бороду, поправил фуражку.

— Что, морячок, говорят, мелеет море? — спросил у моториста.

— Мелеет, ваше превосходительство,— отозвался тот, глядя на пассажиров: все ли уселись? — Грузы теперь на Михайловский пост в плоскодонной барже переправляем. Но скоро и баржа не поможет. Не пришлось бы станцию и пристань переносить ближе к Уфракским горам.

— Да уж поспешили в свое время с выбором места для станции,— согласился Комаров.— С Красноводска надо было начинать железную дорогу. Ну ладно, разводи пары.

Катер отчалил от парохода и загудел, прыгая па мелких волнах. Комаров пересел к туркменским ханам и заговорил с ними. Комаров понимал: чем ближе ханы приближаются к Мерву, тем больше чувствуют ответственность встречи со своей землей, с народом, которому предстоит вступить в подданство русского государя. Конечно же думали они и о своих противниках. Не меньше их был озабочен и сам начальник области. В Москве, а затем в Саратове, Царицыне, Астрахани он беспрестанно интересовался у встречающих его военных, как ведет себя Англия, что нового в Тегеране. Короткие сводки газет сообщали: английские военные никак не могут смириться со столь «необдуманным» поведением некоторых туркменских предводителей и осторожностью Насретдин-шаха, на глазах у которого творится произвол. Комаров облегченно вздыхал, ибо никаких действий английских агентов и персидских властей в сторону Мерва пока что не наблюдалось.

— Ну что, господа,— сказал как можно спокойнее генерал.— Обстановка в Мерве благоприятная. Вы говорили мне о каком-то Каджар-хане, но о нем даже в сводках не пишут. И Стюарт затаился... Словом, господа, держитесь увереннее.

— Ай, чего нам бояться, господин генерал! — отозвался Омар-ишан, заложив под язык насвай [1].— Скобелева не побоялись, встретили как надо. А Каджара я вот этими руками придушу, если попадется.

— Товары Коншина как бы не захватил,— беспокоился Бабахан.

Возвращались со свитой начальника области Студитский и Лессар. Тоже сидели в катере, разговаривая и глядя на приближающийся берег, где в сизой осенней дымке виднелись здания станции, пакгауз и железнодорожные вагоны. В Михайловском им предстояло расстаться: Лессар отправлялся с начальником области до Кизыл-Арвата. Там он сразу займется проектированием трассы второго участка Закаспийской военной железной дороги, от Кизыл-Арвата до Асхабада. Государь, поняв, что вопрос присоединения Мерва к России решается успешно, разрешил строить дорогу дальше, в глубь Туркмении. Студитский должен был на день-другой задержаться в Михайловском: предстояло принять грузы с парохода и в вагонах доставить в Ки-

---

[1] Насвай — жевательный табак.

зыл-Арват. Там перегрузить в телеги, арбы, на верблюдов и двигаться в Асхабад.

Через час катер подошел к дощатому, с высунувшимися из воды сваями причалу. Пассажиры вышли на берег. Комаров спросил у встречающего офицера, готов ли для него вагон. Тот доложил, что поезд готов к отбытию в любую минуту. Генерал пожал руку Студитскому, велел долго не задерживаться и заспешил к железнодорожному составу. Лессар ушел в свите генерала.

Капитан отправился к начальнику пристани, чтобы узнать, скоро ли начнут разгружать пароход. Служащие ему сказали: разгрузка начнется тотчас, как только проводят генерала. Вскоре поезд развел пары, зашипел, засвистел, дал длинный гудок и отправился на восток. Студитский пообедал в буфете и вновь пошел к пристани. До самого вечера смотрел, как причаливала к «Персиянину» баржа, как шла разгрузка. Наконец, уже понесли грузы, укладывая их на железнодорожные платформы...

В Кизыл-Арват капитан приехал утром. Выйдя на привокзальную площадь, увидел сотни три переселенцев. Русские мужики и бабы, по всему видно — из деревень, армяне, грузины. Приезжие держались небольшими группами. Здесь же, у вокзала, разместился базар. Шла торговля арбузами и дынями. В нескольких шагах от хлебной лавки стояла арба с керосиновой бочкой. Молодой туркмен с засученными рукавами зачерпывал кружкой керосин и выливал в ведра, банки и бидоны покупателей.

Капитан лишь на минуту, из любопытства, задержался возле базара и пошел было дальше, к госпиталю, но тут его окликнули:

— Доктор! Дорогой мой капитан, вы ли это?!

Студитский оглянулся и узнал Караша. Бывший пристав был в сером парусиновом костюме и широкополой соломенной шляпе. Как и прежде, при огромных черных усах, свисающих к подбородку. По ним-то, собственно, и узнал его капитан.

— Здравствуйте, Караш,— подал руку Студитский.— Я слышал, что вы ушли в отставку и занялись керосином. Не ваши ли бочки?

— Мои, доктор! Чьи же еще?! Не дай бог, что творится с этим керосином. Воняет на весь Закаспий, а берут... И не только покупают, но и растерзать, убить, зарезать готовы за него... Вы куда направляетесь, доктор? Может быть, заглянете прямо ко мне? Тут недалеко я снимаю полдома.

— Мне надо зайти в госпиталь, навестить своих коллег. И потом непременно надо заехать к Худайберды-хану, поговорить насчет верблюдов и повозок для переброски груза.

— Тогда я вам попутчик, доктор,— живо сказал Караш и взял капитана под руку.— Пойдемте прямо к Худайберды. Он же теперь заправляет земским отделом. Кабинет его в здании городской управы.

— Но он же писать не умеет! — удивился капитан.

— Пишет у него писарь, а он распоряжается,— пояснил Караш.— Кому, если не ему, управлять землей? Все дехкане ему подчинены. Харадж, и зякет, и прочие налоги ему платят. А он уже отдает все в казну городского головы. Дела у него хорошо идут... Я тоже не жалуюсь... Но поверьте мне, с этим керосином беда, ей-богу!

— Что такое? — наконец заинтересовался Студитский.

— Потеха, ей-богу. Сдал я приставство своему племяннику: он окончил кадетский корпус в Петербурге. Сдал, а сам, как и хотел, занялся перегонкой керосина из нефти. На Челекене у меня несколько своих нефтяных колодцев.

— Да, я помню, вы мне говорили о них,— сказал капитан, сворачивая на центральную улицу.

— У меня колодцы, и у Плашковского колодцы. В общем, конкурент завелся. Теперь он две нефтяные вышки поставил. Нефть в Астрахань возит, в Персию, но все ему мало. Вот этот разбойник Плашковский подговорил людей Кошлу-кази и самого его, чтобы они продырявили мои бочки. Поехал я через Кизыл-арватское ущелье сюда, смотрю — догоняют. «Вернись, говорят, Караш, иначе и тебя убьем, и твой керосин сожжем!» Ну, в общем, произошла перестрелка. Одну бочку, сволочи, прострелили, весь керосин в землю ушел. Приехал сюда, а тут Комаров подъезжает. Я доложил ему о таком беспорядке. Генерал обещал наказать Кошлу-кази. Но знаете, что предложил генерал? Он говорит: хорошо бы, Караш, если б вы поехали торговать керосином в Мерв. Как думаете, доктор, стоящее дело?

— Безусловно. Только берите керосина побольше.

— Я так и думаю, доктор...

Разговаривая, они вошли во двор городской управы. Худайберды на месте не застали, хан был в крепости. Наняли фаэтон и поехали в крепость.

XXIX

Высокие, оплывшие от времени стены кизыл-арватской крепости гордо возвышались между Каракумской пустыней и горами. Коляска пересекла такыр и заковыляла по дороге, ведущей в цитадель.

— Доктор, помните тот день, когда мы с вами гостили у Худайберды? — спросил Караш.

— Помню, конечно,— отозвался капитан.— Это было, кажется, в мае.

— Да, да, в мае,— живо подтвердил Караш.— Я хорошо помню, как подвел меня проклятый Кошлу-кази, испугавшись Тыкму-сердара. Не забыл и он, как я его кнутом порол за его трусость. Пропади он пропадом, осел вонючий!

Выругавшись, Караш удовлетворенно поправил усы и умолк, откинувшись на кожаную спинку фаэтона. Капитан подумал:

«Всего три с половиной года назад мы с Худайберды-ханом выбирали здесь место для поселения, а теперь на выбранном участке целый городок, с железнодорожной станцией и мастерскими». Студитский посмотрел на удаляющийся Кизыл-Арват и увидел водонапорную башню и пять куполов русской церкви. «Как быстро идет время, и как быстро меняются нравы,— вновь подумал он.— Действительно, ведь недавно Тыкма наводил страх на жителей оазиса, а теперь он самый мирный человек».

В крепости Студитского не ждали, но хану сказали, что на дороге появилась повозка армянина Петроса, и Худайберды велел слугам, чтобы встретили фаэтон. Несколько всадников выехали из крепости и зарысили навстречу. Подъехав, узнали доктора, поздоровались, заулыбались и помчались вновь к крепости, чтобы сообщить новость хану.

Худайберды вышел к воротам. Высокий, костистый, но располневший, он выглядел сытым вельможей. Сняла с хана спокойная, размеренная жизнь серую пыль дорог и каракумский загар. Но, как и прежде гостеприимный, он обнял Студитского, затем Караша и повел их к себе на айван, отдавая на ходу распоряжения слугам.

Капитан знал, что непременно увидится с Худайберды, и купил ему карманные часы в Москве. Как только поднялись на айван, вручил подарок.

— Держи, друг. Будешь сверять время не по петухам, а по этой машине.

— Ай, молодец! — воскликнул хан, приложив часы к уху.— Замечательные часы. Теперь точно буду знать, за какое время мой конь один фарсах пройти может.

— Часто скачки устраиваете? — спросил Студитский.

— А как же! — отозвался хан.— Без них туркмену жизни нет. Скоро пятница: опять будут скачки.

— Жаль, что не могу остаться у тебя до пятницы,— пожалел Студитский.— Я к тебе по делу, Худайберды.

— О делах за обедом поговорим. Пойдем, покажу тебе свое хозяйство.

Крепостной двор заметно изменился — это сразу заметил Студитский. Раньше большую часть двора занимала площадь, лишь по бокам стояли кибитки и небольшие глинобитные строения. Теперь площадь была застроена сараями и постройками поменьше, из кирпича, взятого из стен крепости.

— Что же ты стены рушишь? — упрекнул хана капитан.— Такая могучая силища, а ты ее на нет сводишь.

— Зачем теперь нам стены? — сказал Худайберды.— Врагов нет, бояться некого. Раньше то курды, то персы нападали; иногда свои соседи, а теперь тихо вокруг. Стены скоро совсем уберу, еще сарай построю.

— Сараи-то зачем? — полюбопытствовал капитан.

— Много разных дел затеваю,— похвастался Худайберды.— Сполатбог из Асхабада пишет: шерсть давай. Вот сарай по-

строили, шерсть в него складываем. Люди в песках овец стригут, там шерсть в мешки складывают, потом сюда привозят.

— А здесь что такое? — заинтересовался Студитский, услышав звуки, напоминающие топот конских копыт.

— Это другой сарай,— пояснил Худайберды.— Здесь ковры ткем. Женщины ткут.

Студитский приоткрыл дверь. Это была ткацкая мастерская с несколькими окнами. В ней стояло десятка три станков, и у каждого сидела мастерица. Худайберды сказал:

— Раньше они у себя в кибитках ткали. Потом ко мне приехал Сполатбог, сказал: «Ты почему, Худайберды, мешки с шерстью сдаешь, а ковры прячешь?» Я ему говорю: «Не ткем мы ковры». Он говорит: «Давай открывай мастерскую в крепости. От ковров доход большой. Оба обогатимся — и ты, и я». Мудрый человек Сполатбог.

В задней части крепостного двора находились маслобойка и сыроварня. И здесь трудились женщины. Но еще больше у каменных ступ толпилось детей.

— А вот здесь у нас чал,— показал на небольшой сарай Худайберды.— Давайте попьем перед обедом, это очень полезно.

— Худайберды, а ведь ты помещик,— сказал Студитский, морщась от сквашенного верблюжьего молока.— Не претит тебе такая жизнь?

— Ах, что русский начальник приказывает, то и делаю. Надо шерсть — даю, надо ковры — пожалуйста, масло, молоко, сыр — на, возьми. Худайберды все может. Мы — люди пустыни — с самого детства всему научились...

Вернувшись на айван, хозяин и гости сели на ковер. Тотчас слуги подали чай с пиалами, затем принесли жаркое.

— Надо мне с полсотни арб с верблюдами, чтобы доставить ценный груз в Асхабад. Сможешь помочь, Худайберды? — попросил Студитский.

Хан призадумался, пожевал губами, затем наполнил пиалу чаем.

— Доктор, все мои верблюды заняты перевозкой шерсти: недавно началась осенняя стрижка овец, но для тебя найду верблюдов.

— Хан, ты не беспокойся, начальство обещает оплатить тягловую силу. Представишь счет начальнику области.

— С генерала деньги не возьму,— подумав, решил Худайберды.— Дам верблюдов тебе, как своему другу.— Помолчав, добавил: — Ваша сестра из госпиталя, Надя, ко мне приходила, просила деньги на лекарства для туркмен. Дал ей пятьсот.

— Спасибо, Худайберды. Мы ценим твою помощь...

Все это время, пока Студитский вел разговор, Караш смотрел хану в глаза и ждал случая, чтобы вставить слово. Выбрав момент, сказал взволнованно:

— Дорогой хан, ты знаешь, я торгую керосином. Моя торговля тоже, как и у тебя, с каждым днем крепнет и растет. Хочу

повезти керосин в Мерв. Может, дашь мне верблюдов с арбами? Погружу бочек двести на арбы. За верблюдов хорошо уплачу.

— Нет, Караш,— отказался Худайберды.— Мерв слишком далеко, а верблюды мне всегда нужны.

— Хан, а если войдешь ко мне в компаньоны? Будешь получать процентов двадцать пять от проданного!

— Подумай, Худайберды,— посоветовал Студитский.— Керосин — это целая политика. Знаешь же, как твои люди говорят о русском государе: «Русский царь хороший, керосин нам дает!»

Все засмеялись, и хозяин согласился:

— Надо подумать, Караш...

С ханом распрощались к вечеру. В город отправились в личной карете Худайберды. Караш слез у вокзала, Студитский проехал до госпиталя, отпустил кучера и вошел в темный, пропахший медикаментами коридор. По доносившимся голосам отыскал сбоку дверь, попросил разрешения войти и увидел Надежду Сергеевну.

— Ну вот и сам доктор! — воскликнула она.— Здравствуйте, Лев Борисыч. Нам сказали, что вы — в Кизыл-Арвате. Мы пошли в вагон, где ваши вещи, а самого нет. Вы так нужны нам... Дома у меня целая делегация вас поджидает.

— Простите, Надежда Сергеевна, я ничего не пойму,— признался капитан.— Какая делегация, почему меня поджидают? Но прежде скажите: как живете вы? Мне уже рассказали об эпидемии оспы. Отыскали очаг?

— Да, доктор. Оспа была занесена, вероятнее всего, из Персии. Чабаны сообщались по тропе с людьми, живущими в Хорасане. Помните Петина? Погиб совершенно случайно. Не от оспы...

— Да, мне рассказал Худайберды-хан,— потускневшим голосом отозвался Студитский и, помолчав, спросил: — Мичман как себя чувствует?

— Здоров! Водокачки строит. Полдня вас разыскивает. Сейчас отправился в крепость. Говорит, наверное, доктор там.

— Все правильно, я только что оттуда.

— Ну ничего, вернется — найдет. Пойдемте к нам домой, там вас ждут...

Дом Батраковых находился неподалеку от госпиталя. Небольшой особнячок под черепицей, огороженный каменным забором, стоял в квартале напротив железнодорожного клуба. Левее клуба маячили купола церкви. Надежда Сергеевна отворила калитку, пропустив вперед Студитского. По вымощенной камнем дорожке он прошел в виноградную беседку и тут увидел сразу четырех барышень. Они сидели за дощатым столом, пили чай. Он поздоровался, назвав себя, и был приятно удивлен, узнав, что все четверо — выпускницы женских медицинских курсов.

— Я вам, господин капитан, вопрос задавала, когда вы были у нас в Николаевском госпитале. Помните? — сказала одна.

— Ох, как вы все кстати! — воскликнул он, садясь рядом с ними...

XXX

Караван капитана Студитского отправился в путь. До Асхабада двести сорок верст. Впереди такыры и каменистая предгорная равнина.

Верблюды шли ровным, размеренным шагом, покачивая вьюками. Во вьюках — школьные учебники, тетради, карандаши и ручки, наглядные пособия, глобусы, карты, грифели — все, что необходимо для гимназии. В арбах, которые тоже тянули верблюды, предметы более крупные: круглые, на львиных лапах, столы, кресла с гнутыми спинками, шкафы из дорогого дерева, железные и раскладные кровати. На нескольких арбах располагался инвентарь для госпиталя, медикаменты в ящиках и колбах, карболовая кислота...

Впереди в фургоне ехал сам Студитский, во втором — сестры милосердия. Барышни, уже успевшие намаяться в долгом и трудном пути от Петербурга до Кизыл-Арвата, вели себя тихо. Не вызывали у них особого восторга ни горы, опаленные и раскаленные солнцем, ни такыры, потрескавшиеся и кажущиеся огромнейшей сетью, ни барханы, которые то почти подступали к горам, то вновь отодвигались на двадцать верст.

В первый же день похода встретили инженера Лессара с двумя землемерами. Петр Михайлович наносил на карту трассу будущей железнодорожной ветки. Он взял у Студитского, на всякий случай, йода, бинтов и бурдюк воды, поскольку до ближайшего населенного пункта было далеко, а вода у него кончилась. Лессар обещал: если ничего не случится, через месяц будет в Асхабаде. Студитский пожелал ему удачи.

Первый привал сделали на станции Кодж. Погонщики осадили верблюдов, выпрягли из арб. Барышни взялись сварить кашу из концентрата, поставили на таганок котел. Из соседнего аула Зау подъехали направляющиеся в Бами джигиты, человек десять. Стояли рядом, с интересом разглядывали женщин, переговаривались и посмеивались. Затем самый смелый подошел к капитану и спросил: не продаст ли ему офицер хотя бы одну? Студитский рассердился, назвал джигита глупцом. Джигит не понял, за что заслужил оскорбление. Уходя, сказал, что туркмены за всякую женщину платят калым; если офицер не хочет продать, так и сказал бы. На следующий день, когда караван входил в Бами, отовсюду слышалась туркменская речь: «Русский везет свой гарем в Асхабад!» Погонщики посмеивались, барышни допытывались, над чем они смеются, и, узнав, принялись подшучивать над Студитским: «Доктор, вы хотя бы одну из четырех взяли в жены! Вы же холостой!»

— Одну непременно возьму,— пообещал он, и все сразу притихли.

Расположив караван на бывшем плацу, где когда-то строились скобелевские солдаты, Студитский вместе с сестрицами отправился в гости к Оразмамеду. Кибитки его, в которых капитан бывал не раз, стояли на прежнем месте, но их стало гораздо больше. А сам поселок Бами, в котором раньше было так много солдат и мастеровых людей, почти опустел. Под навесами гулял ветер, взвихривая пыль. Склады тоже были пусты, и двери распахнуты настежь. В госпитале размещался фельдшерский пункт. Седой, в белой рубахе с пояском старик поздоровался с капитаном, сказал, что приехал сюда из Астрахани, живет один, никто к нему не заходит, да и медикаментов у него никаких нет. Капитан пообещал все выдать и, посмотрев на сестер милосердия, сказал: одной из них суждено остаться здесь. Барышни насторожились. Капитан не стал выяснять, кому именно придется остаться, пошел к туркменским юртам.

Оразмамед встречал его у широкой белой кибитки. Издали он смотрел на караван, расположившийся на мейдане, но пока не знал, кто и куда направляется. Приход доктора с барышнями был для него полной неожиданностью. Хан даже одеться не успел, как надо: встретил гостей в простом поношенном халате и в чарыках [1] на босу ногу. Обнимая и хлопая по плечам доктора, он чувствовал себя крайне неловко. Пригласив гостей в кибитку и усадив на ковер, он тотчас удалился и вскоре вернулся в военной форме, при погонах прапорщика. Оразмамед, как и кизыл-арватский хан, управлял своим народом — баминцами и отчитывался в своей службе перед майором Сполатбогом. В последний раз доктор виделся с Оразмамедом в феврале, когда ехал в Петербург, пообедал у него, накормил лошадь. Тогда же поздравил хана с новым браком: Оразмамед женился на молодой баминской красавице. Сейчас, заглянув в глаза друга, спросил:

— Сын или дочь?

— Сын,— довольно улыбнулся Оразмамед и велел пригласить жену с младенцем.

В юрту вошла красивая, дородная туркменка в бордовом кетени, прижимая к груди малыша. Оразмамед осторожно взял у нее мальчика и подал Студитскому.

— Доктор, это твой крестник. В честь нашей дружбы я назвал его твоим именем. Его зовут Арслан...

Сестры милосердия тотчас приняли младенца от доктора и забавлялись им, пока он не расплакался. Жена Оразмамеда взяла ребенка и, кивнув гостям, удалилась.

— Ну, а теперь о другом твоем сыне вспомним,— сказал капитан.— Был я у него в кадетском корпусе. Орел растет. На

---

[1] Чарыки — обувь в виде сыромятных лаптей.

трех языках разговаривает. Читать и писать научился... Скучает, конечно, по тебе.

Студитский достал из нагрудного кармана сложенный конверт и подал хану. Оразмамед вынул письмо. На листке красовались четкие русские буквы, написанные черным карандашом: «Здравствуй, дорогой папа. Я живу хорошо. Петербург большой город. Я выучусь и приеду к тебе офицером. Я по тебе скучаю. Пришли мне сушеной дыни».

Оразмамед не мог читать по-русски. Письмо прочитал ему доктор. Хан заметно разволновался и долго расспрашивал о сыне. Капитан охотно отвечал. Затем решил, что пора порадовать Оразмамеда еще одним подарком, сказал тихонько сестрам милосердия, чтобы принесли ящик с надписью: «Хану!» Барышни вышли из кибитки и, минут через пятнадцать вернувшись с картонным ящиком, извлекли из него серебряный сервиз.

— Это тебе, Оразмамед, от графини Милютиной... А это от меня, на мундир.— И он подал ему отрез тонкого английского сукна.

Обед прошел весело. Ели плов, запивали гранатовым соком. После обеда хан вместе с медиками отправился в бывший госпиталь, к фельдшеру. Старик, с подобострастием кланяясь, пригласил к себе в комнатушку — бывшую палату, в которой когда-то лежал мичман Батраков. Стол, железная кровать, покрытая казенным бельем,— все убранство комнаты.

— Ну что, коллега, выбирайте себе помощницу! — лихо предложил Студитский, посмотрев на барышень.

Старик затоптался на месте, оглядывая молодых женщин. Все хороши, как на подбор.

— Да ведь какую оставите, такую и ладно: мне все они по сердцу. Конечно бы, лучше пообщительнее. Ведь придется в кибитки ходить, с женщинами дело иметь.

— Ну, кто смелее всех? — спросил капитан у сестер милосердия и увидел страх и протест в их глазах.— Ну, что же молчите? Не жребий же бросать. Да и должен сказать вам, голубушки, что Бами, пожалуй, лучший аул во всей Туркмении. В других — условия похуже.

— Может быть, я останусь,— наконец произнесла одна не очень уверенно.— Только с подругами расставаться жаль...

— Всем придется в разных селениях жить,— предупредил капитан,— жалеть нечего.

— Ну, в общем, я остаюсь,— тверже сказала сестрица.— Давайте знакомиться, господин фельдшер.

Старик обрадованно вскинул голову, заулыбался:

— Да что знакомиться-то. Николаем Фомичом меня зовут. Так и вы зовите. Нам бы с вами сейчас же медикаментами запастись, пока доктор в путь не отправился.

— Идите берите все необходимое,— сказал капитан и отправился с Оразмамедом осматривать его аул...

XXXI

По подсказке Стюарта персидскую границу, по безвестному горному ущелью, перешел отряд Каджара. Две сотни вооруженных английскими винчестерами джигитов углубились в Хорасан, сгоняя с холмов отары овец. Калтаманы [1] могли беспрепятственно переправить добычу в каракумские просторы, и тогда ищи ветра в поле. Но Стюарт приказал им, чтобы наделали побольше суматохи и не уходили до тех пор, пока сепахсалар Хорасана не бросит в погоню карательный отряд.

Жители пограничных селений видели, как бесчинствуют калтаманы, но закрылись в своих маленьких крепостях и выжидали, пока грабители не отправятся восвояси: никто не отважился преследовать их. Тогда разбойники совершили рейд к самому Мешхеду, подошли к северным воротам хорасанской столицы, грозя разграбить ее и сжечь. Тут только сепахсалар дал им отпор. Несколько конных эскадронов бросились в погоню, чтобы отбить овец и наказать дерзких налетчиков. Преследуя их, персы оказались на территории Мерва. Калтаманы, следуя приказу Стюарта, ловко маневрируя, выгнали отары к владениям векиль-базарской ханши Гюльджемал.

Тучи пыли, поднятой овцами, насторожили жителей Векиль-Базара. Выйдя из крепости, люди ханши смотрели на желтую завесу пыли и терялись в догадках. Сама Гюльджемал стояла на айване и тревожно спрашивала то одного, то другого, что там происходит. Женщина, переполнившись предчувствием недоброго, горестно сложила ладони и держала их у подбородка. Губы ее беспрестанно выговаривали: «Аллах, спаси, помилуй!»

Весь этот год, с того дня как Махтумкули и Омар-ишан отправились в Петербург, она постоянно испытывала тревогу и страх. Три сотни нукеров, охранявших крепость, казались ей силой ничтожной. Крупные силы она видела у Геок-Тепе. Тогда собралось больше двадцати тысяч джигитов, но и те не выстояли. А что могут сделать триста человек, если враг нападает большими силами? Гюльджемал предчувствовала самое худшее, и вот во двор въехал старик, слез с коня и предостерегающе сказал:

— Гюльджемал, я приехал из песков. Там бесчинствуют персы. Они захватили овец Майлы-хана и добрались до ваших отар. Я кое-как унес ноги, чтобы сообщить вам о беде.

Ханша побледнела, поплевала за воротник и приказала слугам, чтобы позвали сотников. Те немедля пришли.

— Якуб, Пихты и ты, Байрам, что же вы топчетесь на месте и не поедете отбить овец? — строго выговорила Гюльджемал.

— Ханум,— ответил за всех Якуб,— если прикажете, мы так и поступим. Но персов, по слухам, больше тысячи. Разве не ви-

[1] Калтаманы — разбойники, грабители.

дите, какая пыль от них? Если мы покинем крепость, а они подойдут сюда, то тогда некому будет защитить вас.

— Да, Якуб, ты прав. Но что же нам делать? Они угонят наши отары.

— Гюльджемал,— посоветовал сотник,— будем надеяться на аллаха: он помилует нас. Персы возьмут овец и, обремененные добычей, не смогут напасть на нашу крепость.

— Но прикажите хотя бы нукерам, пусть залезут на стены и, если сунутся персы, встретят их достойно,— распорядилась Гюльджемал.

Сотники удалились. Ханша взяла за руку своего малолетнего сына Юсупа и закрылась в комнате. Встав на колени, она приказала ему сделать то же и начала просить аллаха, чтобы спас их от бед и несчастий. Свершив молитву, Гюльджемал велела мальчику никуда не выходить из комнаты. Сама то и дело выглядывала за дверь и прислушивалась к голосам слуг и нукеров, стараясь понять, все ли пока благополучно или персы уже у стен.

Во второй половине дня ханше доложили: к крепости приближается небольшой отряд. Судя по одежде — туркмены. Гюльджемал распорядилась — ни в коем случае не стрелять, а спросить, что им надо. Спустя полчаса сотник Якуб доложил:

— Гюльджемал-ханум, приехал английский полковник Стюарт и просит разрешения посетить вас.

— Разрешите ему! — обрадовалась Гюльджемал.— Я думала, это персидские головорезы.

— Эти не лучше головорезов,— сказал Якуб.

— Ай, Якуб, с англичанами можно хоть поговорить. Послушаем, что он хочет.

— Ваша воля, ханум,— неохотно согласился юзбаши и отправился к воротам.

Во двор крепости въехало не более пятидесяти всадников; это окончательно успокоило Гюльджемал. Ханша издали узнала светлобородого, с серыми глазами Стюарта. Он слез с лошади, бросил поводья и поднял в знак приветствия руку. Ханша кивнула ему. Со Стюартом были Каджар и Аббас-хан. Подойдя к Гюльджемал, все трое поклонились и приветствовали ее самыми сладкими словами, какие произносят льстивые гости. Она приказала слугам, чтобы дали им умыться. Пока гости плескались, смывая дорожную пыль, слуги расстелили на тахте ковры, разожгли огонь под котлом, поставили кипятить воду для чая. Гюльджемал напряженно наблюдала за гостями, стараясь понять истинную причину их приезда. И, не дождавшись, пока подадут чайники, сказала:

— Стюарт, вы всегда называли себя другом нашего дома. Почему вы не защитили нас от персов? Они угоняют мои отары.

— Дорогая ханум,— улыбнулся англичанин,— я бывал у вас в гостях год назад, но вы тогда отказались от моей помощи. Вы протянули руки к русским, ищете спасение в России. Я не

могу защищать вас. Персы напали и грабят в первую очередь тех, кто продался русским.

— Стюарт, вы несправедливы,— возразила взволнованно Гюльджемал.— К русским уехали мой пасынок Махтумкули, ишан и Бабахан. Но разве им принадлежат отары? Они принадлежат мне. А теперь их захватили персы.

— Ханум,— вновь усмехнулся Стюарт,— насколько я понял, вы утверждаете, что Гюльджемал — это одно, а Махтумкули и его люди — совсем иное?

— Мы связаны родством, но кошельки у нас разные,— уточнила Гюльджемал.— Все, что пасется вокруг Векиль-Базара, принадлежит мне. Когда мои богатства дают мне деньги, я их кладу в свой кошелек. Когда я теряю богатства, то слезы проливаю одна.

— Да, ханум, сложен этот мир,— проговорил Стюарт, усаживаясь на тахту.

Он отвернулся от ханши и заговорил со своими приспешниками с таким расчетом, чтобы разговор слышала и Гюльджемал:

— Майлы-хана тоже жалко. Только из-за того, что он познался с Махтумкули и иногда заглядывал в эту крепость, персы разорили его.

Гюльджемал вздрогнула: «Значит, не я одна в беде! Майлыхан — тоже! Но это ты, полковник, привел сюда беду!»

Слуги подали чай. Гости приложились к пиалам, начали жевать белые мучные конфеты. Каджар с жалостью посмотрел на хозяйку, сказал:

— Гюльджемал, зачем вы держитесь за своего пасынка, а вместе с ним — за русского государя? Пасынку вашему русский царь майорские погоны дал. Но разве удостоились почестей вы или ваш родной сын, Юсуп?

— Я беззащитная женщина,— смиренно отозвалась Гюльджемал.— Да и сын совсем еще мал.

— Гюльджемал, не притворяйтесь несмышленой хозяйкой,— продолжал Каджар.— Если действительно не знаете, как выйти из беды, то попросите еще раз о помощи Стюарта. Мои отары целы и невредимы только благодаря его помощи. Полковник не дал меня в обиду... Англия никогда не даст в обиду того, кто захочет служить хорасанскому наместнику, а вместе с ним — англичанам.

Стюарт поставил пиалу, внимательно, с некоторым превосходством посмотрел на ханшу.

— Я прикажу, чтобы вернули вам отары, если вы сейчас же сядете и напишете письмо сепахсалару. Напишите ему, что ваш пасынок обманул вас, поступил подло. Поездка его в Россию — предательство. Напишите, что хотите принять подданство его величества шаха Насретдина.

Гюльджемал растерялась. Но тут же гневом заполнились ее глаза.

— Стюарт,— выговорила она,— неужели вы думаете, я спо-

собна отказаться от родственников ради каких-то овец? Ешьте их, приятного вам аппетита.

— Ханум, не надо нервничать,— попросил Каджар.— Полковник делает для вас все, что в его силах, а силы его — безграничны.

— Будьте разумны, ханум! — еще внушительнее заговорил Стюарт.— Я согласен с вами: человеческая совесть не должна оцениваться количеством и стоимостью животных. Вы — гордая и неподкупная женщина. Но разве вы сами не желаете править Мервом? Мы сделаем вашего младшего сына Юсупа главным ханом, а вы станете регентшей. Фактически всеми людьми будете управлять вы!

Гюльджемал смутилась и покраснела. Стюарт и остальные подумали, что нашли слабое место ханши. Все замолчали. Гюльджемал прикусила губу, повернулась спиной к гостям, взошла на айван и скрылась, войдя в темный арочный проем дворца.

— Я думаю, она согласится,— предположил Стюарт, глядя на Каджара и Аббаса.

Оба пожали плечами. Стюарт подождал с полчаса, затем послал одного из слуг за ханшой. Тот отправился и вскоре вернулся.

— Господин полковник,— сказал он,— ханум велела передать, чтобы вы дали ей время подумать.

— Хорошо, через три дня мы вернемся за ответом, скажите ей.

После обеда Стюарт покинул векиль-базарскую крепость.

XXXII

Студитский привел караван в Асхабад, и первое, на что обратил внимание,— вся улица от Текинского до Русского базара была заставлена новыми лавками купцов Мерва. Был конец декабря, погода дрянная — моросил мелкий колючий дождь, но все лавки были открыты, и около них толпились туркмены, русские, переселенцы-обыватели, солдаты асхабадского гарнизона. Увидел Студитский и жилые дома, строящиеся рядом с торговыми лавками. Остановив коня возле толпы, теснящейся вокруг горки зимних ташаузских дынь, капитан окликнул торговца:

— Чей будешь, яшули? Откуда дыни привез?

Туркмен широко заулыбался:

— Я человек Комек-бая. Из Мерва в Хиву ездил, оттуда дыни привез. А ты случаем не тот, который у нас в Мерве был? Откуда наш язык знаешь?

— Тот самый, яшули. Где сам Комек-бай?

— Ай, с караваном Коншина в Мерве. Они хотят в Бухару торговать ехать.

Спустя час Студитский, войдя в штаб, был встречен полковником Аминовым.

— Идет торговля полным ходом,— удовлетворенно заговорил тот, едва Студитский коснулся торговых дел.— Оба базара мервцами заполнены. Везут все что можно. И не только свои товары, но и бухарские, и самаркандские. Фрукты, овощи, рис... В честь мервских купцов и многочисленных караванов, идущих в Асхабад с восточной стороны, мы и улицу главную Мервской назвали[1]. А вообще-то в Мерве сейчас неспокойно. Вечером Комаров с отрядом отправляется в ту сторону. Велено, как только вы появитесь, немедленно направить вас к его превосходительству.

Студитский сдал привезенное имущество майору Сполатбогу. Двух сестер милосердия (третья осталась в Арчмане) он привел в свою казенную квартиру, велел располагаться как дома, а завтра приступить к службе в госпитале. Пообедав вместе с медичками в офицерской столовой, капитан отправился на конюшню, приказал конюхам оседлать коня и в назначенное время был в свите генерала Комарова. Вместе с отрядом отправились Махтумкули, Бабахан и Омар. До последнего дня начальник области намеревался послать их в Мерв с небольшим конвоем джигитов. Но теперь, когда пришли сведения, что сильный отряд из Хорасана находится в Мургабском оазисе, Комаров поднял в седло несколько эскадронов. Действовать решил в соответствии с обстановкой.

После двухдневного перехода отряд Комарова достиг реки Теджен и остановился на плотине Карры-Бенд, где стоял небольшой гарнизон русских казаков. Из доклада хорунжего и рассказов туркмен, работавших на плотине, генерал тотчас составил довольно точную картину происшествия на Мургабе. Студитский и Алиханов, бывавшие раньше в Мерве, находились при генерале в качестве советников. Они же должны были ехать с ханами в Мерв.

— Не опоздать бы, господин генерал,— высказал опасение Студитский.— Я уверен, что за барантой[2] скрывается нечто большее. Не сомневаюсь — в деле замешаны английские офицеры, и прежде всего полковник Стюарт.

Комаров, низенький и плотный, свесив черную курчавую бороду на грудь и заложив руки за спину, энергично ходил у шатра и поносил шаха:

— Вот фарисей! Уму непостижимо. Всего полмесяца назад он обещал нашему посланнику в Тегеране не нарушать границ Мерва.

— Господин генерал, но, может быть, шах и не виноват? Границу перешли персы по наущению англичан. Они с шахом мало считаются, а с хорасанским правителем — тем паче,— предположил Студитский.— Дайте мне небольшой отряд. Я от-

---

[1] Позднее проспект Куропаткина, ныне — проспект Свободы.
[2] Баранта — угон скота.

правлюсь с ханами в Векиль-Базар. Мы переоденемся в туркменских джигитов и без помех пройдем по оазису.

— Хорошо, капитан,— согласился Комаров.— Но давайте условимся так: если вам понадобится моя помощь, любым способом дайте знать.

— Несомненно, господин генерал.

После недолгих сборов отряд отправился в путь. Ехали по пескам, обходя аулы. К Векиль-Базару приблизились с севера, со стороны Каракумов, и у самой крепости появились внезапно. Никто тут не ждал в этот день и час Махтумкули. Нукеры, увидев с крепостной стены конников, открыли по ним стрельбу. Тогда ишан, осмелившись, выехал вперед отряда и замахал руками. Его подпустили к самым воротам, и он с досады, что свои стреляют по своим, разразился отборной бранью.

Отряд въезжал во двор, и по айвану разносились крики слуг:

— Ханум, выйдите поскорей, Махтумкули вернулся!

— Ой, Гюльджемал-ханум, поторопитесь!

Ханша вышла на айван, увидела пасынка и заплакала:

— Вий, пропащий! На кого ты меня тут одну оставил? Весна прошла, лето кончилось, а его все нет. Зима опять началась, наконец-то вернулся! Ограбили твою мачеху! Овец угнали, чуть было и саму в Хорасан не увезли.

— Гюльджемал, прекрати лить слезы,— сдержанно попросил Махтумкули, пожав ей руки.— Зачем плакать? Я вернулся цел и невредим. Ишан тоже жив, Бабахан, слава аллаху, даже поправился,— пошутил он.— Русские — с нами. Вот капитан Студитский, вот Алиханов. Говори, что тут произошло? Все ли живы, здоровы?

— Живы все,— отозвалась она, вытерев слезы и оглядев приезжих: все в чекменях и тельпеках. Спросила с упреком: — Чего же, Махтум, ты добился? Поехал к русскому государю в чекмене и вернулся в нем.

— Не спеши, Гюльджемал, сейчас увидишь,— успокоил ее Махтум и снял чекмень.

Увидев офицерские погоны, ханша заулыбалась и тотчас вновь сникла.

— Пойдем-ка в дом, Махтум, поговорить нам надо...

Введя его в свою комнату, она притворила дверь, усадила на ковер, села сама и начала рассказывать обо всем, что произошло в последние дни. Он слушал ее внимательно. Лицо его то хмурилось, то озарялось снисходительной улыбкой.

— Гюльджемал, теперь послушай, что скажу тебе я,— сказал он, когда она умолкла.— Прежде всего обрадую тебя тем, что государь император возвращает мне Геок-Тепе, кяриз и все земли, принадлежавшие раньше моему отцу в Ахале. По праву супруги моего отца ты могла бы ехать со мной в Ахал и владеть половиной всех наших владений.

Лицо молодой ханши сразу расцвело от столь заманчивых посулов и возможностей. Она приосанилась и заулыбалась.

— Аллах милостив, услышал мои молитвы,— проговорила с благоговением.

— Гюльджемал, но это еще не все,— продолжал Махтумкули.— Мы решили создать в Мерве четыре отделения: два — от рода Утамыш, два других возглавят тохтамышцы. Ханом векилей станет твой сын Юсуп. Но придется управлять людьми тебе, пока Юсуп не вырастет. Тебе нет никакого смысла переселяться со мной в Ахал.

— Мед твоим устам пить,— поблагодарила пасынка Гюльджемал, но тотчас тяжело вздохнула.— Все хорошо, вот только овец жалко. Вчера чабаны сказали мне: в руки персов попала та отара, которая паслась ближе к Мургабу. Голов восемьсот... Ах, Махтум, неужели нельзя возместить потерю? Русский царь очень добрый...

— Гюльджемал, я скажу об этом капитану Студитскому, да и сам поговорю с генералом Комаровым. Но сейчас у нас другие заботы. Надо поскорее собрать ханов и старшин всех четырех отделений сюда, в нашу крепость, и провести маслахат. Утвердим ханов, примем русского начальника.

— Кто будет нашим начальником, Махтум? — спросила ханша.

— Для всех четырех ханов назначается один начальник. Им будет Алиханов. Недавно ему дали погоны штабс-ротмистра. Теперь, ханум, надо идти к гостям, чтобы не обиделись, и сразу пошлем людей за ханами и старшинами.

Махтумкули, выходя на айван, пропустил мачеху вперед. Лицо ее осветилось улыбкой.

— Омар-ишан,— распорядилась она,— посылайте гонцов к соседям. Завтра же проведем маслахат...

Начались приготовления к тою по случаю возвращения ханов из Петербурга и предстоящего маслахата. В глубине двора, где виднелись хозяйственные постройки, столпились слуги, зазвенели огромные чугунные котлы, водоносы понесли в бурдюках воду. Плотники принялись сколачивать еще одну тахту, чтобы разместились на пиршестве все, кто приедет в крепость. Тут же женщины, расстелив белые тряпки, просеивали муку, перебирали рис и мыли посуду. Гости, утомившиеся в дороге, легли отдохнуть. И, когда проснулись, сразу же поехали на Мургаб — взглянуть, спокойно ли вокруг. Персы как внезапно нагрянули, так и покинули Мургабский оазис, угнав с десяток тысяч овец, вместе со своими, отбитыми у Каджара. Осмотрев окрестности и не увидев никакой опасности, Махтумкули все же решил выставить посты на ночь. Студитский согласился с ним:

— Верно, хан. Рисковать сейчас нельзя. Хотим мы этого или нет, но Каджар уже сегодня узнает о нашем приезде. И о маслахате ему скажут.

В полночь, после долгих разговоров о Петербурге, все отправились на покой.

Утром начали съезжаться ханы и старшины всех четырех родов.

XXXIII

Каджара разбудил ночью домашний слуга:

— Хан, проснитесь! Проснитесь, к вам человек с важной вестью. Русские — на Мургабе, гостят у векилей!

Каджар мгновенно встал с тахты, оделся и вышел на айван:

— Где этот человек, зови ко мне!

Пока слуга ходил за лазутчиком, Каджар разбудил полковника Стюарта, Аббаса и сообщил им об услышанном. Вскоре поднялся на айван человек, закутанный до подбородка платком, в длиннополом чекмене.

— Ты, Худояр? — сказал Каджар, узнав своего человека.— Откуда у тебя сведения о русских?

— Хан-ага, весь Мерв знает об этом с самого вечера. Только вам еще неизвестно. Русские привезли ханов из Петербурга, завтра назначили маслахат. Все говорят, Мерв соглашается служить России.

— Замолчи, раб! — вскрикнул Каджар.— Как язык твой поворачивается говорить такое!

Стюарт, нервничая, закурил, вышел на айван, заметался, скрипя половицами. Но вот он успокоился; облокотился на перила и стал смотреть в черное звездное небо зимней ночи. Докурив сигару, погасил ее, вложил в коробку и сунул в карман. В комнату вернулся с твердо принятым решением:

— Выход один, господа... Надо взять всех ханов, которые соберутся в крепости этой лживой бабенки, Гюльджемал, и вывезти их в Хорасан. Там мы их силой заставим написать прошение о подданстве шаху Персии. Каджар, надо немедленно поднимать всех твоих джигитов.

Каджар взглянул на лазутчика.

— Много ли русских казаков приехало с ханами?

— Казаков нет, только векильские джигиты.

— Ну что ж, это мне нравится,— еще больше оживился Стюарт.— Поднимайте, Каджар, всех, кто ходил за овцами в Хорасан: это надежные люди.

— Так я и думаю, господин полковник.

К утру возле двора Каджара собралось до двухсот всадников. Было морозно. Замерзшие лужи хрустели под конскими копытами, кони топтались на месте, требуя скачки. Всадники — разномастный сброд горожан — ругали Каджара за его медлительность.

Каджар, Стюарт и Аббас тем временем решали, как проще, без кровопролития захватить весь маслахат в Векиль-Базаре.

— Господин полковник, вы опытный офицер,— сказал Каджар.— Вы сумеете без труда обезоружить бестолковое сборище.

— Я?! — удивленно отозвался Стюарт.— За кого вы меня принимаете! Неужели мы дожили до того, что полковник британских колониальных войск должен вести в бой горстку головорезов? Хан, вы недооцениваете меня. Вы и в прошлый раз, когда шли на аламан, предлагали мне возглавить разбойников.

— Простите, господин полковник, но с вами надежнее.

— Я останусь здесь, Каджар-хан, и буду ждать вас с четырьмя захваченными ханами и всеми остальными, кого вам удастся связать. Постарайтесь не забыть и эту проклятую Гюльджемал с ее сыном. Хорошо бы взять хоть одного русского офицера. Я бы припомнил ему кроки О'Донована! Ну ладно, отправляйтесь! Аббас-хан, полагаюсь на вас: вы опытный разведчик. В случае неудачи держите язык за зубами.

Стюарт проводил своих агентов до ворот, вернулся на айван, дождался, когда уедут всадники, и приказал слуге подать чай.

Отряд Каджара проскакал по грязным улочкам Мерва, будоража собак, и выехал в степь. Путь каджарских головорезов лежал к самым низовьям Мургаба, где река, отдав всю себя на сады и огороды, терялась ручейками в песках. Ехали вдоль Мургаба, который с каждым новым фарсахом становился у́же, и все больше встречалось камышовых зарослей. Миновав речную излучину, всадники ступили на чабанскую тропу и отсюда увидели векиль-базарскую крепость. По дороге к ней с восточной стороны приближался еще один отряд. Каджар без труда догадался: это джигиты Майлы-хана едут на маслахат.

— Подсчитайте-ка, Аббас, сколько их? — сказал Каджар, одной рукой сжав эфес сабли, а другой расстегивая кобуру.— По-моему, их не более полусотни.

Аббас приложил ладонь к бровям, молча зашевелил губами, подсчитывая чужих всадников, и согласился:

— Да, Каджар, их ровно пятьдесят.

— Я же знал, что это Майлы-хан. Больших сил он при себе не держит. Скупой, как голодная собака. Но эта скупость и подведет его сегодня.

Каджар выехал вперед отряда:

— Надо отрезать путь Майлы-хану к векилям, загнать в пески и уничтожить. Самого Майлы брать только живым!

Отряд сначала зарысил, растянувшись на бездорожье, затем, выскочив на такыр, пустился вскачь. Вот уже засверкали над головами сабли. Но люди Майлы-хана вовремя заметили опасность и, не раздумывая, бросились в бегство, направив скакунов к Векиль-Базару.

— Урр! Бей нечестивцев! — выкрикивали преследователи, распаляя себя.

— Остановись, Майлы, трус поганый! Урр!

Всадники Майлы-хана, вероятно, так и влетели бы в ворота крепости, не сбавляя хода, если б из тех же ворот не выехали

джигиты прибывших на маслахат других ханов и старшин. Объединившись, они рассредоточились и встретили Каджара ружейными залпами. Несколько его вояк сразу же вылетели из седла. Заржали и заметались по пустыне лошади. Основная часть все же врубилась в ряды векилей, завязалась сеча. Крики, брань, стоны, храп и ржанье коней заполнили предместье селения.

Махтумкули и все остальные устроители маслахата, в их числе и Гюльджемал, следили за боем со стены.

— Сукин сын, английский холуй! — гневно выговорил Махтумкули.— Недавно он помог персам захватить наших овец, а теперь решил и нас захватить, как овец! Капитан, я подниму в седло своих джигитов и срублю с Каджара его грязную голову!

— Спокойнее, Махтумкули,— отозвался Студитский.— Пока нет необходимости вам рисковать.

— Капитан, может, бросить отряд казаков в эту свалку? — предложил Алиханов.

— Не глупите, штабс-ротмистр. Вы же не сумеете разобраться, кто свой, кто чужой: все в халатах и тельпеках. И потом... Вам еще рано самому вмешиваться в такие дела. Я думаю, Бабахан, Майлы и другие наши друзья с успехом справятся сами с этим негодяем.

— Что там ни говорите, но мое место на поле боя,— со злостью сказал доселе молчавший ишан.

Не обращая внимания на возражения, он спустился со стены, сел на коня и повел за собой полсотни джигитов. Омар двинулся берегом реки, скрываясь за камышами, вывел своих всадников в тыл Каджару и налетел как смерч.

— Сукин сын Каджар! — взревел ишан, устремившись прямо к нему.— Ты предал нас в Геок-Тепе! Ты оказался гнусным предателем своего народа и здесь! Молись аллаху, нечестивец!

Несколько головорезов бросились на ишана, но он разогнал их, как котят.

— Образумься, Каджар, уступи мне свою голову! — ревел он, хохоча, повергая врагов в смятение.

Вот они начали пятиться к барханам, рассыпались как горох по всему полю боя. Вот и сам Каджар, и Аббас-хан следом за ним, с несколькими всадниками, прижатые к барханам, развернули коней и бросились в бегство.

Все, кто стоял на крепостной стене, пришли в восторг.

— Махтумкули, теперь наступило ваше время,— сказал Студитский.— Каджар не должен уйти. Надо схватить его. С его арестом прекратятся все смуты на Мургабе.

Махтумкули, а за ним штабс-ротмистр Алиханов мгновенно спустились во двор крепости и через несколько минут уже мчались следом за Каджаром и жалкими остатками его двух сотен.

Кони английских слуг, с утра прошедшие немало верст и потрепанные в бою, тяжело скакали по пустыне и скрылись в прибрежных камышах. Вновь они показались на равнине такыра и

снова исчезли в зарослях. Каджар, ловко сбивая с толку преследователей, уходил в сторону Персии. Только там он мог найти себе защиту: в Мерве не было силы, которая бы могла теперь поддержать его.

Студитский некоторое время смотрел вслед всадникам Махтумкули-хана, постепенно настигающим Каджара. Когда они скрылись из виду, а с поля боя возвратились победители — джигиты Бабахана и Майлыхана,— капитан сказал ханше:

— Гюльджемал, я думаю, английским приспешникам не удалось помешать нашему мирному делу.

— Господин капитан,— попросила ханша,— вы говорили о генерале Комарове, который, если потребуется, приедет в Мерв с отрядом. Теперь больше не с кем воевать: Каджар сбежал... Пошлите своего человека к генералу, скажите: Гюльджемал-ханум приглашает его на той.

— Разумно, ханум,— согласился Студитский и, поддерживая ее под руку, спустился во двор крепости.

XXXIV

В синее зимнее небо над Векиль-Базаром потянулся струйками дым от тамдыров и жаровен, запахло печеным чуреком и жареным бараньим мясом. Более пяти тысяч сельчан Мургабского оазиса съехались к векилям. На окраине села стояли караваны верблюдов, в загонах блеяли овцы, глухо рявкали огромные псы-волкодавы на съехавшийся люд. Возле крепости Гюльджемал-ханум и многочисленных войлочных кибиток, окружавших ее, гарцевали на ахалтекинских скакунах всадники. На открытых местах, поодаль от кибиток, дехкане мастерили площадки для игрищ. Там же, скучившись, готовились к состязаниям пальваны-борцы, наездники — участники скачек. Четыре хана и двадцать четыре старшины, собственно, вся знать и власть Мерва, съехались на чрезвычайный совет по случаю добровольного вхождения мервского народа в состав России. И еще не началось заседание, но над тысячными толпами дехкан витало редко произносимое слово — генеш. Да-да, генеш, ибо назревающее событие столь велико по своей значимости, что нельзя его называть привычным словом — маслахат. И первым пришел к такому выводу сам Ходжа-Мир-ишан — почтенный и старейший аксакал в оазисе, которого пригласили на совет. Тяжело опираясь на посох, в сопровождении ханов он прошел между кибиток, принимая от многочисленных дехкан приветствия, и, подойдя к воротам крепости, остановился и подождал, пока подойдет к нему Гюльджемал. Не роняя достоинства в глазах толпы, она, с гордой осанкой, приблизилась и чуть заметно поклонилась старцу, прижав руку к сердцу. Ходжа-Мир-ишан кивнул ей, поздоровался со стоящими рядом Махтумкули-ханом и русскими гостями, вновь повернулся к ханше:

— Дочка, люди говорят, ты на свой счет проводишь генеш?

— Да, яшули, так и есть. Да и разве можно что-то жалеть, когда решается судьба всего мервского народа?

— Молодец, дочка. Аллах зачтет твои благие намерения и помыслы. Все ли ханы приехали?

— Нет пока Каракули-хана, а Каджара совсем не будет. Он попытался расстроить генеш, убил нескольких наших джигитов и ускакал в пески. Вот Махтумкули и господин Алиханов пытались остановить его, да не догнали.

— Ничего, догоним еще,— со злостью пообещал Махтумкули.— Но, я думаю, мы можем провести генеш и без Каджара. И так понятно, что Каджар против того, чтобы мы шли в подданство к русскому царю.

— Я думаю, господа, Каджар не сможет вам помешать в добром деле,— сказал Студитский.— Не ждите также Каракули-хана — он тоже не приедет, но по иной причине. Впрочем, об этом вам скажет господин Алиханов, ему официально поручено вести дела с Мервом.

Алиханов, в черном тельпеке и чекмене, с огромными черными усами, чуть ли не на голову выше других, кивнул Студитскому и перевел взгляд на Гюльджемал:

— Я думаю, самое время начинать совет. Ждать больше некого.

Поговорив еще немного, Гюльджемал и Ходжа-Мир-ишан, за ними все остальные съехавшиеся ханы и старшины медленно направились за аул, к огромной площадке, застланной коврами и паласами. Более трехсот человек расселись огромным кольцом. За ними сплошной стеной теснились тысячи любопытных. Гюльджемал опустилась на колени последней. Тут же Ходжа-Мир-ишан принялся читать молитву, и все поклонились, воздав хвалу всевышнему. Затем он предоставил слово представителю России, штабс-ротмистру Алиханову. Тот, стоя на коленях, разогнулся, окинул взглядом собравшихся, заговорил взволнованно:

— Никогда еще многострадальный Мерв не стоял так близко от великих перемен в нем, ниспосланных небом. Сегодня вы собрались, чтобы решить судьбу всего нашего народа. Подавляющее большинство желает верой и правдой служить России. Не явились на генеш лишь Каджар и Каракули-хан. Первый — верный слуга англичан, второй поддерживает хивинского посланника Бабаджан-бека. Я уже говорил почтенным яшули, кто такой Бабаджан, и повторю еще раз перед лицом всего генеша. В мае прошлого года русский государь согласился, чтобы хивинский хан, зависимый от России, послал в Мерв своего посланника с целью наведения здесь порядка, и этим посланником стал Бабаджан-бек. Но пребывание его на Мургабской земле свелось не столько к наведению порядка, сколько к увеличению налогов и всевозможных поборов. В том ему способствовали Каджар и Каракули-хан. Видя это, русские власти по настоянию самих мервцев, коих представляете вы, прислали к вам меня. Если

договоритесь вы ныне о добровольном вхождении Мерва в состав России, то неугодный вам Бабаджан-бек тотчас покинет Мургаб, и его место займу я...

Присутствующие одобрительно зашептались между собой, и ободренный штабс-ротмистр заговорил еще увереннней и громче:

— Во все дни моего пребывания на благословенной земле Мургаба я постоянно слышал один и тот же вопрос: «Какую веру будут исповедовать мервцы, когда примут подданство России?» Скажу на это так, уважаемые. Одна пятая часть подданных белого царя мусульмане, и они встречают тем больше уважения к себе, чем крепче держатся своей религии. Мой отец служил русским сорок лет, я служу уже двадцать, и мы, слава богу, мусульмане, и таких, как мы, тысячи на службе русской... Русские требуют лишь спокойствия и мира с вашей стороны. До сих пор ваши люди занимаются аламанством, нарушают персидскую границу, угоняют скот и пленников. Государь император не может терпеть в своем соседстве разбойничьего гнезда с такими безобразиями...

Ходжа-Мир-ишан удивленно хмыкнул, другие с досадой начали переговариваться. Студитский понял, что штабс-ротмистр явно переборщил: уж если говорить начистоту, то обстановка на персидской границе во все времена отличалась тем, что персидские власти беспрестанно посылали сюда свои военные экспедиции и Мерв до 1861 года платил дань своим грозным соседям. Лишь двадцать с небольшим лет назад удалось сбросить мервцам иго каджаров. И вот поди ж ты, эти фарисеи уже жалуются на туркмен русским властям. Студитский ожидал, что старый мудрый Ходжа-Мир-ишан сейчас скажет об этом, но старец стойко снес обиду и не дал высказать обиду другим.

— Ладно,— согласился он с Алихановым.— Все, что хочет белый царь, сделаем. Воров и разбойников своих накажем. Но сумеет ли русский государь защитить нас от каджаров?

— В этом можете не сомневаться,— уверенно пообещал Алиханов.— Как только свершится акт добровольного вхождения мервского народа в состав России, то на Мургабе вы не услышите ни одного персидского выстрела.

Ходжа-Мир-ишан удовлетворенно покивал и выразительно посмотрел на Гюльджемал-ханум.

— Доктор и вы, господин штабс-ротмистр,— сказала она с извиняющейся улыбкой,— теперь оставьте нас, мы посоветуемся.

Студитский и Алиханов удалились. Тотчас их окружила целая толпа джигитов.

— Интересно знать, как простой народ относится к тому, что Мерв соединится с Россией? — поинтересовался Студитский.

— Вах, доктор, зачем спрашивать?! Разве сам не видишь, сколько людей в Векиль-Базаре собралось! Каждый, кто сюда приехал, мечтает стать подданным ак-падишаха,— отозвался старик дехканин.

— Но все-таки почему?

— Доктор, я тебе так скажу,— заговорил стоявший рядом бахши.— Маленького и бедного все обижают. Когда же Мерв станет частью большой страны, то ни один негодяй не посмеет поднять на него руку. Дальше так... Купцы в Москву, на Волгу поедут, товары оттуда повезут. Беднякам тоже кое-что перепадет. Но больше всего народ надеется на то, что ак-падишах не будет давить нас налогами...

В беседу один за другим начали вступать джигиты, и Студитский с Алихановым, расспрашивая людей о житье-бытье и сами отвечая на вопросы, не заметили, как пролетело больше двух часов, и вот прибежал вестовой:

— Дохтур, хай! Гюльджемал-ханум зовет, давай, скорей, скорей!

Студитский и Алиханов вернулись на генеш. Здесь царило оживление: люди поздравляли друг друга с принятием исторического в жизни народа Мерва решения. Гюльджемал торжественно вручила Алиханову бумажный свиток.

— Это клятвенное обещание,— сказала, улыбнувшись и смахнув со щеки счастливую слезу.

Алиханов, приняв прошение, повернулся к Студитскому:

— Доктор, буду вам благодарен, если поможете перевести сей документ на русский язык.

Они ушли в крепость и вышли оттуда, когда в Векиль-Базаре уже шумел и гремел праздничный той. Боролись пальваны, затевались скачки, лилась на весь аул звонкая песня бахши.

Гюльджемал с сыном Юсупом стояла у ворот. Увидев русских гостей, поспешила к ним.

— Я решила отправить к Комарову младшего сына, пусть познакомится с ним. Сама останусь здесь. Есть слухи, что Каджар опять затевает недоброе.

— Прочь страхи, ханум! — великодушно успокоил ее Алиханов.— Теперь, когда генеш вынес решение — быть с Россией, никакой враг вам не страшен, ни свой, ни чужой...

XXXV

Торжества, начатые в Векиль-Базаре, перенеслись на все большие и малые селения Мургабского оазиса. Депутация ханов и старшин в караванах наряженных верблюдов, на конях и в повозках продвигалась от аула к аулу, задерживаясь в каждом на сутки и больше. Праздничный той с новой силой зашумел в Закаспийской столице и продолжался почти месяц, пока от государя императора не пришло соизволение о принятии в подданство России всех туркмен утамыш и тохтамыш, живущих в Мерве и на Теджене. Ханы и старшины двинулись в обратный путь. Комаров с небольшим отрядом сопровождал их.

В селении Карыб-Ата, в нескольких верстах от Мерва, посланников народа встречало население Мургаба. Был полдень.

Несколько сотен дехкан и именитых людей окружили прибывших. Генерал в честь встречи распорядился дать обед. Прямо на земле, у палаток, были разостланы ковры и кошмы. Комаров сел на раскладной стул, завязалась беседа. Неожиданно к генералу приблизился человек в халате и тельпеке, обвешанный дорогим оружием. Махтумкули, Студитский, Алиханов бросились к нему, схватили за руки.

— Это тот самый Каджар-хан, о котором вы уже наслышаны,— пояснил доктор.

— Отпустите его,— подумав, спокойно распорядился Комаров.— Пусть садится за трапезу, раз пришел. Я не вижу в его действиях дурных намерений. Каджар-хан, вероятно, пришел с добрым сердцем.

Каджар сел рядом с Комаровым. Вступив в беседу, он строил из себя самого преданного русским человека. В самый разгар обеда прибыл с передового поста офицер:

— Ваше превосходительство, появился большой отряд туземцев в шести верстах от нашего бивуака с намерением атаковать.

— Вот еще нелегкая,— удивился генерал.— Ну-ка, господа ханы, разведайте, что там за полчище появилось.

Махтумкули, Алиханов, Студитский бросились к лошадям, но Каджар-хан опередил их. Торопливо отвязав коня, он прыгнул в седло и ускакал.

Перед заходом солнца в лагерь Комарова явился посланец от Каджара с ультиматумом: если ханы и сам генерал не уберутся из Мургабского оазиса, то он, Каджар-хан, заставит их уйти силой.

В полночь полчище Каджар-хана атаковало комаровский лагерь, открыв огонь из берданок и ружей. Перестрелка продолжалась до утра. На рассвете, сломив дух атакующих, отряд казаков и мервских джигитов перешел в наступление...

Чем ближе приближался отряд к Мургабу, тем больше обрастал толпами жителей, вышедших с хлебом и солью встретить русских. Последний привал Комаров сделал на левом берегу Мургаба. Осматривая излучину и берега, поросшие разнотравьем и камышом, сказал:

— Ну что, господа. Я думаю, вот тут самое подходящее место для нового Мерва. Доктор, пригласите ко мне штабс-ротмистра Алиханова, пусть собирает топографов да приступают к планировке.

— Ваше превосходительство, Алиханов вместе с Махтумкули и сотней джигитов преследуют Каджар-хана. В последнем сражении Каджар потерял сына и двоюродного брата, но самому ему и шпиону Сияхпушу удалось бежать... Не соизволите ли принять еще одну депутацию? Из Иолотани приехал со своими людьми и прошением о подданстве вождь туркмен-сарыков Сары-хан.

— Проси...

Население Мерва, зная, что Комаров остановился на реке, жило ожиданием русских и своих ханов.

Чего только не повидал за несколько тысячелетий своего существования древний Мерв! Были в нем воины Александра Македонского и султана Саджара, Чингисхана и Тимура. Грозными звуками войн и разрушения оглашались дворы и улицы Мерва. Но сейчас над ним гремела веселая, залихватская песня:

Соловей, соловей, пташечка!
Канаречка жалобно поет!

Казаки въехали в полуразрушенные ворота Мерва и остановились на городской площади. Людские толпы со всех сторон окружали их, рассматривая с любопытством. Но вот толпы у ворот разомкнулись, образовав длинный коридор, и на площадь выехали генерал Комаров, Махтумкули, Гюльджемал-ханум, рядом с нею на коне восьмилетний Юсуп. Следом ехали ханы и старшины других родов. В свите генерала были капитан Студитский и штабс-ротмистр Алиханов. Церемония сопровождалась победным ревом карнаев.

Ханы слезли с коней и пригласили русских офицеров подняться на возвышение. Вместе с ханами взошел главный ишан Мерва: ему поручили огласить прошение мервских туркмен к Александру III. Идентичный текст на русском языке держал в руках капитан Студитский.

— «...Мы, жители Теке, сего 14 числа, месяца рабиуль-эвеля, 1301 года хиджры, собрались в отделении Нурберды-хана... Просьбы наши заключаются в следующем [1].

Все улемы, эмиры и бедняки обращаемся в твое подданство и с сего числа отдали себя под твою высокую власть и надеемся: на нас будут распространены твое благоволение и милость. Мы умоляем господа бога в даровании тебе благоденствия, а нам помощи, чтобы мы были бы верными подданными твоими.

Просим о назначении в Мерве начальника с властью наказывать преступников и содействовать добрым людям...

Вручаем настоящее прошение начальнику Закаспийской области генералу Комарову...»

Зачитав прошение, ишан подал его генералу. Комаров достал из полевой сумки ответный рескрипт, попросил Студитского переводить по ходу чтения и начал читать, останавливаясь после каждого параграфа:

— «Великий государь император, снисходя к прошению вашему, поданному четырьмя ханами и 24 избранными народом старшинами, по одному от каждой большой канавы, всемилостивейше соизволил принять в свое подданство всех туркмен утамыш и тохтамыш, живущих в Мерве и на Теджене.

---

[1] Здесь и дальше в кавычках приводятся, в сокращении, подлинные документы.

Вероисповедание ваше остается неприкосновенным...

Для устройства порядка и утверждения управления в Мерв переходит русский отряд войск и располагается на месте, которое будет мною избрано...

Для общего управления народом назначается русский офицер... Ближайшее заведование каждым из 4 племен Мерва остается за настоящими ханами, которые поступают на службу государю императору, за что им назначается приличное жалованье от его величества...»

Зачитав еще несколько пунктов — о судоустройстве и запрещении всякого рода аламанов,— Комаров приступил к возведению ханов в должность и присвоению офицерских званий.

Официальная церемония подходила к концу, предстоял трехдневный той в честь столь знаменательного события. Вновь загремели карнаи и заливисто зазвенели флейты.

— Господин генерал, я не успел доложить вам,— сказал Студитский,— ханом Махтумкули и штабс-ротмистром Алихановым захвачены, после небольшого столкновения, английские агенты — Каджар и Аббас-хан, один из Сияхпушей. Как прикажете поступить с ними?

— Передайте их Алиханову,— подумав, сказал генерал.— Он решит... Давайте-ка, капитан, поедем в гости к нашей уважаемой Гюльджемал: она приглашает к себе...

Вскоре генеральская свита выехала из города и направилась к векиль-базарской крепости. Был зимний погожий день. В синем мургабском небе плыли кучевые облака. Дул ветерок из пустыни. День как день. Необычность его была лишь в том, что он вошел в историю как день добровольного вхождения туркменского народа в состав России.

СОДЕРЖАНИЕ

Валентин Федорович Рыбин

ГОСУДАРИ И КОЧЕВНИКИ

●

ПЕРЕЛОМ

Редактор *О. С. Ляуэр*
Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*
Техн. редактор *З. Б. Хамидулина*
Корректор *Н. А. Кузьмичева*

ИБ № 5861

Сдано в набор 28.01.87. Подписано к печати 21.03.88. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 36,00. Уч.-изд. л. 39,55. Доп. тираж 100 000 экз. Заказ № 2671. Цена 2 р. 90 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28

ВАЛЕНТИН РЫБИН